ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД

ОСКОЛКИ ЧЕСТИ
БАРРАЯР

ОСКОЛКИ ЧЕСТИ
БАРРАЯР

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЛОИС МАКМАСТЕР
БУДЖОЛД

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

LOIS McMASTER

BUJOLD

SHARDS OF HONOR

BARRAYAR

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ОСКОЛКИ ЧЕСТИ

БАРРАЯР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
1999

ББК 84 (7США)
Б90

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского Т.Л. Черезовой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник Анатолий Дубовик

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Буджолд Л.М.

Б90 Осколки чести. Барраяр: Романы / Пер. с англ. Т. Л. Черезовой. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 640 с. – (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-237-02746-6

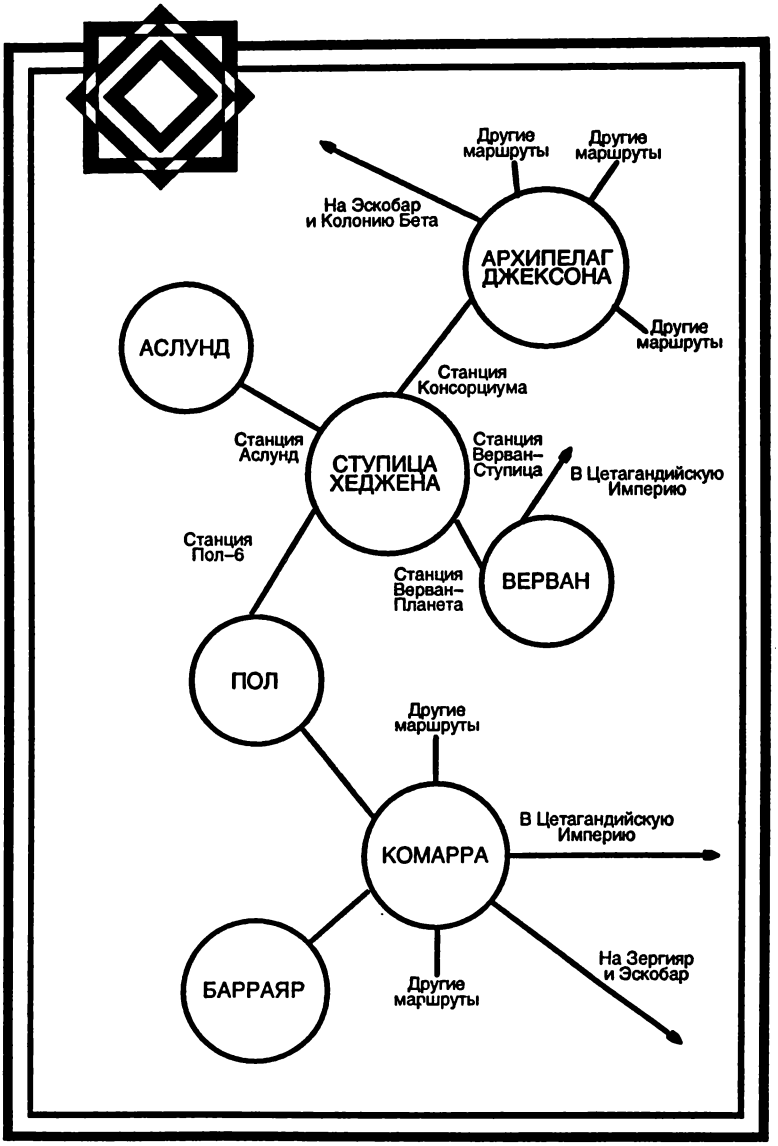
Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн. Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто героя.

Читайте романы «Осколки чести» и «Барраяр», по праву вошедшие в золотую библиотеку мировой фантастики.

© Lois McMaster Bujold, 1986, 1991
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

ОСКОЛКИ ЧЕСТИ

Пэт Рид — гласу вопиющего в пустыне


Другие маршруты
Другие маршруты
На Эскобар и Колонию Бета
АРХИПЕЛАГ ДЖЕКСОНА
Другие маршруты
АСЛУНД
Станция Консорциума
Станция Аслунд
СТУПИЦА ХЕДЖЕНА
Станция Верван–Ступица
В Цетагандийскую Империю
Станция Пол–6
Станция Верван–Планета
ВЕРВАН
ПОЛ
Другие маршруты
В Цетагандийскую Империю
КОМАРРА
На Зергияр и Эскобар
БАРРАЯР
Другие маршруты

ГЛАВА 1

Над темным лесом поднималось море тумана — мягкого, серого, мерцающего. На вершинах скал туман становился ярче: утреннее солнце уже начинало пригревать, но в ущелье царил прохладный, безмолвный сумрак.

Командор Корделия Нейсмит оглянулась на ботаника из своей группы и, поправив ремни снаряжения, снова начала карабкаться вверх, с трудом переводя дыхание. Смахнув с глаз прядь потемневших от влаги медных волос, она нетерпеливо заколола ее на затылке. Да, следующий район исследований надо будет выбрать пониже. Сила тяжести на этой планете чуть меньше, чем на их родной Колонии Бета, но работать в разреженном горном воздухе все равно чертовски трудно. Лес становился гуще. Следуя по сырой тропе, проложенной в ущелье ручьем, они пробирались по живому туннелю, пока, наконец, не вышли на открытую местность.

Утренний ветерок уносил последние волны тумана с золотых лугов, раскинувшихся на горных террасах. Они уступами поднимались к серой громаде центральной вершины, увенчанной сверкающим ледником. Незнакомое солнце сияло в бирюзовом небе, и в его лучах переливались золотистые травы, крошечные цветы и разбросанные повсюду матовые кружева какого-то вьющегося растения. Двое исследователей зачарованно смотрели на объятую тишиной гору.

Ботаник, мичман Дюбауэр, улыбнулся Корделии и опустился на колени рядом с каким-то серебристым кустиком. Она направилась к ближайшему уступу, чтобы получше осмотреть местность. На пологих склонах заросли становились гуще. А пятьюстами метрами ниже тянулись облака, уходя за горизонт. Всюду, куда ни глянь — бесконечная серая пелена, и только далеко к западу меньшая сестра их вершины пробивалась сквозь это застывшее море.

Корделия подумала было о том, как хорошо оказаться внизу, на равнине, чтобы впервые увидеть, как с неба падает дождь, но в этот миг ее отвлекло неожиданное зрелище.

— Интересно, что там мог запалить Роузмонт, чтобы развести такую вонь? — пробормотала она.

Где-то неподалеку от них, клубясь, вырастал маслянисто-черный столб дыма. Потоки воздуха размывали его, но все же было очевидно, что дым поднимается от базового лагеря.

Тишину прервал отдаленный шум, быстро усилившийся до громовых раскатов. Из-за уступа вырвался их планетарный катер и взмыл к небу, оставляя за собой огненный шлейф выхлопной струи.

— Вот это взлет! — воскликнул Дюбауэр, задрав голову и провожая взглядом катер.

Корделия торопливо настроила коммуникатор ближней связи и заговорила:

— Нейсмит вызывает Базу Один. Выходите на связь.

Единственным ответом было потрескивание и шипение пустого эфира. Она дважды повторила вызов, но по-прежнему безрезультатно. Мичман, переминаясь с ноги на ногу, обеспокоенно заглядывал ей через плечо.

— Попробуй-ка свой, — сказала она. Но ему повезло не больше, и Корделия распорядилась: — Пакуй пожитки, мы возвращаемся в лагерь. И живо!

Задыхаясь, они потрусили к нижнему уступу, снова нырнув в заросли леса. На такой высоте здешние деревья — чахлые, но раскидистые — то и дело падали и переплета-

лись. Во время подъема лес выглядел художественно-беспорядочно, но при спуске он превратился в грозную полосу препятствий. Продираясь сквозь путаницу ветвей, Корделия прокручивала в уме сценарии возможных катастроф — но каждый новый вариант казался еще невероятнее предыдущего. «У страха глаза велики», — подумала она, стараясь справиться с паникой.

Но вот пройден последний участок леса, и перед ними открылась большая поляна, выбранная для базового лагеря. Взглянув туда, Корделия беззвучно ахнула: реальность оказалась страшнее любых фантазий.

Дым шел от пяти обуглившихся черных холмиков, полчаса тому назад бывших аккуратным кольцом палаток. Там, где стоял их катер — на другой стороне ущелья, напротив лагеря, — виднелось пятно выжженной земли — след старта. Повсюду валялось разбитое оборудование. Она посмотрела туда, где размещались их бактериологически защищенные санитарные помещения. Увы, даже сортиры были сожжены.

— Боже, — выдохнул Дюбауэр и неверными шагами, как сомнамбула, двинулся вперед. Корделия едва успела схватить мичмана за шиворот.

— Ложись и прикрывай меня, — приказала она и, поминутно оглядываясь, направилась к молчаливым руинам.

Трава вокруг лагеря была смята и обожжена. Потрясенный разум Корделии безуспешно пытался найти какое-нибудь объяснение происшедшему. Не замеченные прежде аборигены? Нет, ткань палаток не расплавить ничем, кроме плазменной струи. Давно ожидаемые, но пока еще никем не встреченные новые цивилизации? Что-то не похоже. Или какая-то внезапная эпидемия, губительный вирус, ускользнувший от внимания автоматических биоанализаторов? Может, сожжение было попыткой дезинфицировать лагерь? Агрессия со стороны правительства какой-нибудь другой планеты? Возможно, хотя вряд ли нападавшие проникли сюда через тот пространственно-временной туннель, который открыли они сами. Но ведь ими обследовано не больше одной десятой простран-

ства в радиусе светового месяца от этой системы... Или все же другая цивилизация?

Корделия почувствовала, что мысль ее мечется по кругу, словно белка в колесе. Она мрачно бродила по пепелищу в поисках какой-нибудь подсказки.

Разгадка нашлась в травяных зарослях на полпути к ущелью. Высокий долговязый человек в светлой форме Астроэкспедиционного корпуса лежал на земле, странно раскинув руки и ноги, словно подстреленный на бегу. Корделия осторожно перевернула его — и вскрикнула от ужаса.

Да, это был добросовестный трудяга, лейтенант Роузмонт. Его остановившийся взор, казалось, все еще хранил озабоченное выражение. Корделия, тяжело вздохнув, закрыла мертвому глаза.

Но в чем причина смерти? Крови нет, ожогов и переломов тоже... Ее пальцы коснулись головы убитого. Ах, вот в чем дело. Кожа под светлыми волосами покрыта волдырями — след действия нейробластера. Стало быть, о других цивилизациях можно забыть. С минуту она держала голову лейтенанта у себя на коленях, беспомощно, как слепая, гладя знакомое лицо, потом медленно опустила его на траву. Сейчас не время оплакивать мертвых.

Она на четвереньках вернулась к обуглившемуся кольцу и начала рыться в останках палаток в поисках коммуникационного оборудования. Искореженные куски пластика и металла свидетельствовали о том, что нападавшие поработали на славу. Похоже, что многое из ценного оборудования вообще исчезло.

Зашуршала трава. Корделия вскинула пистолет-парализатор и застыла. Из путаницы золотистых стеблей вынырнула физиономия Дюбауэра.

— Это я, не стреляйте. — Мичман говорил придушенным голосом, долженствовавшим изобразить шепот.

— Чуть не выстрелила! Почему ты не остался на месте? — прошипела она в ответ. — Ну ладно, помоги искать комм, надо поскорее связаться с кораблем. И не вставай в полный рост — они в любую минуту могут вернуться.

— Кто может вернуться? Кто все это сделал?

— Множество вариантов, выбирай любой: новобразильцы, барраярцы, цетагандийцы — кто-нибудь из этой компании. Рег Роузмонт погиб. Нейробластер.

Корделия переползла к груде, некогда бывшей палаткой с образцами, и внимательно осмотрела ее.

— Подай-ка мне вон тот шест!

Она осторожно разворошила кучу углей. Палатки перестали дымиться, но волны жара все еще жгли лицо, как лучи летнего солнца на родине. Распавшаяся ткань разлеталась, как сгоревшая бумага. Подцепив шестом полурасплавленную тумбочку, Корделия выволокла ее на открытое место. Нижний ящик не расплавился, но сильно покоробился. Она обернула руку краем рубашки и попыталась его открыть, но безуспешно, ящик заклинило.

После нескольких минут поисков им удалось обнаружить некое подобие молотка и стамески — плоский осколок металла и тяжелый слиток, в котором она с грустью узнала некогда высокоточный и очень дорогой метеорологический датчик. С помощью этих примитивных инструментов и определенных физических усилий со стороны Дюбауэра им удалось выдернуть ящик — при этом раздался громкий треск, похожий на выстрел, так что они оба подскочили.

— Повезло! — воскликнул Дюбауэр.

— Давай отнесем его к ущелью и там опробуем, — сказала Корделия. — А то у меня мурашки по спине бегают. Сверху нас тут любой увидит.

Все еще пригибаясь, они быстро пробежали к лесу. Дюбауэр оглянулся на тело Роузмонта и воскликнул:

— Тот, кто это сделал, еще поплатится!

Корделия только покачала головой.

Спрятавшись под защитой каких-то растений, напоминавших папоротник, они опробовали передатчик. Сначала аппарат только потрескивал и печально гудел, потом отключился. Но когда по нему постучали и хорошенько встряхнули, он выдал сигнал готовности. Отыскав нужную частоту, Корделия заговорила:

— Командор Нейсмит вызывает экспедиционный корабль «Рене Магритт». Отвечайте, пожалуйста.

После мучительных секунд ожидания раздался слабый, прерываемый помехами ответ:

— На связи лейтенант Стьюбен. С вами все в порядке, капитан?

Корделия немного воспрянула духом.

— Пока — в порядке. Как вы? Что произошло?

Послышался голос доктора Аллери — старшего после Роузмонта офицера экспедиции:

— Наш лагерь окружил барраярский военный отряд и потребовал, чтобы мы сдались. Они заявили, что эта планета принадлежит им по праву первооткрывателей. Потом какой-то воинственный идиот с их стороны выпалил из плазмотрона — и тут началось. Рег со своим парализатором отвлек их, а остальные бросились к катеру. Здесь, наверху, — барраярский корабль класса «генерал», мы с ним играем в прятки, если вы понимаете, что я хочу сказать...

— Не забывайте, мы говорим открытым текстом, — резко напомнила Корделия.

Доктор Аллери мгновение поколебалась, потом продолжила:

— Ясно. Они все еще требуют, чтобы мы сдались. Вы не знаете — они поймали Рега?

— Со мной Дюбауэр. Местонахождение всех остальных известно?

— Всех, кроме Рега.

— Рег погиб.

Шипение помех наложилось на проклятия Стьюбена.

— Стью, теперь ты командуешь кораблем, — прервала его Корделия. — Слушай внимательно. Этим чертовым милитаристам нельзя — я повторяю: нельзя — доверять. Ни в коем случае не сдавай корабль. Я видела секретные доклады по крейсерам «генерал». Они превосходят вас вооружением, защитой и личным составом — но у вас по меньшей мере двойной выигрыш в скорости. Так что отрывайся и не подпускай их к себе. Отступай хоть до самой

Колонии Бета, если понадобится, но не рискуй моими людьми. Понял?

— Мы не можем вас бросить, капитан!

— Ты не можешь отправить за нами катер, если не скинешь с хвоста этих барраярцев. А если мы попадем в плен, гораздо больше шансов вызволить нас по дипломатическим каналам, чем с помощью какой-нибудь идиотской попытки освобождения. Но для этого вам надо добраться до дома! Ты меня понял? Подтверди! — потребовала она.

— Вас понял, — неохотно ответил Стьюбен. — Но капитан, сколько времени по-вашему, вы, сможете скрываться от этих полоумных недоносков? Они в конце концов вас поймают. Заметят с воздуха.

— Сколько получится. А вы двигайтесь побыстрее! — Корделия иногда представляла, как ее экипаж будет действовать без нее — но никогда без Роузмонта. Сейчас самое главное — удержать Стьюбена от военных игр. Барраярцы не дилетанты. — И помни, — продолжала она, — что от тебя зависят жизни пятидесяти шести человек. Ты ведь считать умеешь? Пятьдесят шесть больше, чем две. Не забывай об этом, ладно? Нейсмит связь закончила.

— Корделия... счастливо. Стьюбен связь закончил.

Выключив коммуникатор, она уселась поудобнее и вздохнула.

— Ну и странные делишки!

— Что-то слабо сказано, — фыркнул Дюбауэр.

— Сказано точно. Не знаю, обратил ли ты...

Тут она заметила какое-то движение и вскочила на ноги, потянувшись к своему парализатору. Но высокий остролицый барраярский солдат в зелено-сером пятнистом камуфляже двигался быстрее. Однако самой молниеносной оказалась реакция Дюбауэра, успевшего метнуться вперед и отпихнуть Корделию. Уже падая в ущелье, она услышала треск нейробластера. Парализатор и коммпередатчик вырвались из рук, а лес, земля и ручей закружились в безудержном танце. Потом ее голова с размаху

ударилась обо что-то, в глазах вспыхнул фейерверк, и все поглотила тьма.

Мягкий ковер мха приятно холодил щеки. Корделия вздохнула глубже, расправляя легкие — и тут гнилостное зловоние заставило ее желудок сжаться. При попытке подняться голова взорвалась вспышкой острой боли.

Темные искристые вихри закружились перед глазами, потом стали исчезать. Она постаралась сфокусировать взгляд на ближайшем предмете, находившемся примерно в полуметре от ее головы.

...Тяжелые черные ботинки залеплены грязью; выше начинаются пятнистые зелено-серые камуфляжные брюки. Ноги расставлены в позе «вольно». Она проглотила измученный стон, потом очень осторожно и медленно повернулась на бок, чтобы лучше видеть барраярского офицера.

Парализатор! Маленький серый раструб дула уставлен прямо на нее. Тут Корделия вспомнила про нейробластер. Пояс барраярца был увешан разными приспособлениями, но кобура нейробластера на правом бедре пустовала — так же, как и кобура плазмотрона на левом.

Он был невысок — примерно с нее ростом, но коренаст и крепок. Черные волосы, тронутые сединой, холодные пристальные серые глаза... По строгим военным меркам Барраяра вид у него был не слишком опрятный — комбинезон измят, непокрытая голова взлохмачена, на правой скуле — свежая ссадина. «Похоже, у него тоже был отвратительный день», — тупо подумала Корделия.

Искристые черные вихри стали расти и снова ее поглотили.

Когда к ней вернулось сознание, вражеских ботинок в поле зрения не было. Где же... Ах, вот он — удобно устроился на поваленном дереве. Она попыталась отвлечься от своего бунтующего желудка, но безуспешно.

Ее начало рвать; барраярец, глянув на это зрелище, пошевелился, но остался сидеть. Когда спазмы утихли,

Корделия доползла до ручейка, журчавшего в нескольких шагах, умылась и прополоскала рот ледяной водой.

Почувствовав некоторое облегчение, она села и хрипло осведомилась:

— Ну, что дальше?

Офицер склонил голову, изобразив вежливое приветствие.

— Я капитан Эйрел Форкосиган, командующий барраярским имперским военным крейсером «Генерал Форкрафт». Назовитесь, пожалуйста.

Приятный низкий голос звучал почти без акцента.

— Командор Корделия Нейсмит. Астроэкспедиция Беты. Мы исследовательская группа, — возмущенно подчеркнула она. — Не армейская часть.

— Я это заметил, — сухо проговорил он. — Что стало с вашей командой?

Корделия сузила глаза.

— Разве вас при этом не было? Я работала выше по склону, ассистировала ботанику. — Голос ее тревожно дрогнул: — Вы не видели мичмана Дюбауэра — моего ботаника? Он толкнул меня в это ущелье, когда на нас напали...

— Темноволосый паренек?

Сердце ее оборвалось в тяжелом предчувствии:

— Да.

— Теперь вы ему уже ничем не поможете.

— Убийцы! У него же не было ничего, кроме парализатора! — Она кинула на барраярца испепеляющий взгляд. — Почему на моих людей напали?

Офицер задумчиво похлопал стволом по ладони.

— Вашу экспедицию, — он тщательно подбирал слова, — следовало интернировать, желательно мирным путем, за нарушение барраярского пространства. Имел место конфликт. Мне в спину ударили лучом парализатора. Когда я пришел в себя, ваш лагерь был в том виде, каким вы его нашли.

— Прекрасно. — К горлу подступила желчь. — Очень рада, что Рег попал в одного из вас, прежде чем вы его убили.

— Если вы говорите про того беднягу, что остался на поляне, то он не сумел бы попасть и в дом. Не знаю, зачем вы, бетанцы, надеваете военную форму. Подготовка у вас — как у детишек на пикнике. Похоже, ваши звания связаны лишь с размером получаемой платы.

— Он был геолог, а не наемный убийца, — отрезала она. — А что до моих «детишек», так ваши солдаты даже не смогли их поймать.

Брови его сдвинулись, и Корделия прикусила язык. «Великолепно, — подумала она. — Он еще не начал выкручивать мне руки, а я уже разоткровенничалась».

— Да что вы говорите? — отозвался капитан Форкосиган. Он указал на лежавший в ручье разбитый комм. — И какой же приказ вы отдали своему кораблю, когда удостоверились, что ему удалось скрыться?

— Я велела им проявить инициативу, — туманно пробормотала она.

— Самый подходящий приказ для бетанцев, — фыркнул он. — По крайней мере, можно не сомневаться, что они ему последуют.

«Лучше не надо. Так, теперь моя очередь».

— Ладно, я-то знаю, почему нахожусь здесь — а вот вас почему оставили? Разве командир корабля, пусть даже у барраярцев, не слишком важная фигура, чтобы его терять? — Она выпрямилась. — И если Рег не мог бы попасть даже в стену дома, то кто попал в вас?

«Вот тебе, довыпендривалась», — подумала она. Парализатор снова нацелился ей в живот. Но барраярец, видимо, не собирался стрелять, а только сказал:

— Это вас не касается. У вас есть еще один комм?

Ого! Не столкнулся ли этот солдафон с чем-то вроде мятежа? Да погибнут все враги!

— Нет. Ваши люди все уничтожили.

— Ничего, — пробормотал Форкосиган. — Я знаю, где взять новый. Вы можете идти?

— Не знаю.

Корделия заставила себя подняться на ноги и прижала руку к раскалывающейся голове.

— Это всего лишь сотрясение мозга, — без тени сочувствия заметил Форкосиган. — Прогулка будет вам на пользу.

— Далеко идти? — охнула она.

— Примерно двести километров.

Корделия снова упала на колени.

— Желаю приятно прогуляться.

— Я прошел бы это расстояние за два дня. Наверное, вам понадобится больше, хотя вы и геолог, или кто там еще...

— Я астрокартограф.

— Встаньте, пожалуйста.

Он снизошел до того, что поддержал ее под локоть, помогая подняться. Казалось, ему почему-то не хочется к ней прикасаться. Она промерзла до костей: тепло его руки ощущалось даже через толстую материю рукава. Форкосиган начал решительно подталкивать Корделию вверх по склону.

— Вы серьезно? — изумилась она. — И что вы собираетесь делать с пленной во время форсированного перехода? А если я размозжу вам камнем голову, пока вы будете спать?

— Я рискну.

Они добрались до края ущелья. Тяжело дыша, Корделия уцепилась за какое-то тоненькое деревцо и с завистью заметила, что Форкосиган даже не запыхался.

— Ну, так. Я никуда не пойду, пока не похороню моих офицеров.

— Пустая трата времени и сил, — раздраженно проговорил он.

— Я не оставлю их на съедение зверям. Понятно? Может, ваши барраярские головорезы лучше умеют убивать, но ни один из них не мог бы умереть более достойно.

Секунду он молча смотрел на нее (лицо его оставалось непроницаемым), потом пожал плечами:

— Хорошо.

Корделия начала пробираться вдоль края ущелья.

— Я думала, это было здесь, — озадаченно сказала она. — Вы его куда-то перетащили?

— Нет. Но в его состоянии нельзя было далеко уползти.

— Но вы же сказали, что он мертв!

— Он почти мертв. Мертв его мозг, хотя тело все еще живо. Видимо, импульс нейробластера не задел мозжечок.

Корделия зашагала по помятой траве, Форкосиган молча следовал за ней.

— Дюбауэр! — Она бросилась к фигуре в бежевом комбинезоне, скорчившейся в папоротниках. Услыхав ее голос, он перевернулся, резко вытянулся, — и вдруг судорога потрясла все его тело; по нему словно пробегали какие-то волны, губы растянулись в странной ухмылке. «Замерз?» — изумленно подумала она, опускаясь на колени, но тут же сообразила, в чем дело. Вытянув из кармана платок, она поспешно сложила его и засунула ему между зубов. Губы мичмана были прокушены во время предыдущих приступов. Примерно через три минуты дрожь прекратилась, он вздохнул и снова обмяк.

Она озабоченно осмотрела его. Дюбауэр открыл глаза и, беспомощно ловя ее руку, издал что-то вроде жалобного поскуливания. Она, успокаивая, погладила его по голове и вытерла с подбородка кровавую пену. Раненый затих.

Корделия повернулась к Форкосигану. Слезы ярости и боли застилали ей глаза.

— Он не мертв! Вы лгали! Он жив, и ему нужна медицинская помощь!

— Не надо закрывать глаза на реальность, командор Нейсмит. Удары нейробластера не излечиваются.

— Вот как? Сейчас еще неизвестно, насколько изувечило его ваше гнусное оружие. Он по-прежнему видит, слышит и чувствует — вы не можете назначить его трупом по своему желанию!

Лицо офицера напоминало бесстрастную маску.

— Если вам угодно, — сдержанно произнес он, — я могу прекратить его мучения. Мой боевой нож заточен, как бритва. Если действовать быстро, им можно практи-

чески безболезненно перерезать горло. Или, если вы сочтете это своим командирским долгом, сделайте это сами.

— Вы так поступили бы с кем-нибудь из своих людей?

— Конечно. И они сделали бы для меня то же. Никто не захотел бы длить подобную жизнь.

Она встала и пристально посмотрела на него.

— В таком случае, быть барраярцем — означает жить среди каннибалов.

Оба надолго замолчали. Наконец тишину нарушил стон Дюбауэра. Форкосиган шевельнулся и сухо спросил:

— Что же вы собираетесь с ним делать?

Корделия устало растирала виски, гадая, какой мольбой смягчить этого безжалостного человека. Ее тошнило, язык стал ватным, ноги дрожали и подгибались от усталости, боли и голода.

— А куда именно вы планируете идти? — с трудом спросила она, не зная, с чего начать.

— Здесь есть наш тайный склад. Дорогу я найду. Там оборудование для связи, оружие, пища... Если я доберусь туда, то смогу... э-э... буду в состоянии справиться со всеми проблемами.

— На складе есть лекарства?

— Да, — неохотно признался он.

— Ладно. — Надежды практически нет, но надо попробовать. — Я буду с вами сотрудничать, дам слово чести быть вашим пленником, всячески помогать вам — конечно, при условии, что это не поставит под угрозу мой корабль, — если вы позволите взять с собой мичмана Дюбауэра.

— Это исключено. Он даже идти не может.

— Думаю, что сможет, если ему помогать.

— А если я не позволю? — В его голосе прозвучало явное раздражение.

— Тогда вам придется либо оставить нас обоих, либо убить.

Стараясь не смотреть на нож, она подняла подбородок и стала ждать.

— Я не убиваю пленных.

Корделия с облегчением услышала, что он употребил множественное число. Значит, барраярец все-таки вернул Дюбауэру человеческое звание. Она снова опустилась на колени, чтобы скорее помочь раненому встать, пока этому Форкосигану не вздумалось закончить спор, парализовав ее и добив беспомощного ботаника.

— Хорошо, — сдался он, бросив на нее странный пристальный взгляд. — Берите его с собой. Но нам надо поторапливаться.

Ей удалось поднять мичмана на ноги. Двигался он с трудом, то и дело обвисая у нее на плечах, но выбирать не приходилось. Похоже, он мог слышать, но не понимал смысла речи.

— Вот видите, — отчаянно оправдывалась Корделия, — он может идти. Ему просто надо немного помогать.

Они добрались до края прогалины. Последние лучи вечернего солнца прочертили ее длинными черными тенями, превратив в подобие огромной тигровой шкуры. Форкосиган остановился.

— Будь я один, — сказал он, — я отправился бы к складу только с тем НЗ, который у меня на поясе. Но раз мы втроем, лучше сначала обыскать лагерь — может, там найдется какая-то пища. Я пойду погляжу, а вы тем временем можете похоронить вашего офицера.

Корделия кивнула.

— Заодно поищите что-нибудь, чем можно копать. Мне надо сперва позаботиться о Дюбауэре.

Он лишь махнул рукой и направился к сожженному кольцу палаток. В обуглившихся кучах ей удалось откопать два полусгоревших спальных мешка — но там не нашлось ни одежды, ни лекарств, ни мыла, ни даже ведра, в котором можно было бы согреть воду. Смирившись с неизбежностью, Корделия подвела мичмана к ручью, раздела его, вымыла, промыла царапины и, как смогла, отстирала его брюки в холодной воде. Потом вытерла спальным мешком, снова надела на него нижнюю ру-

башку и куртку, а вокруг бедер обмотала второй спальный мешок — наподобие саронга. Дюбауэр дрожал и стонал, но не сопротивлялся.

Тем временем Форкосиган отыскал две коробки с питанием: этикетки сгорели, но сама упаковка не пострадала. Корделия вскрыла один пакетик, добавила воды из ручья, попробовала. Оказалось — овсянка на соевом молоке.

— Хорошо, — заметила она, — самая подходящая еда для больного. А что в другой коробке?

Форкосиган уже проводил собственный эксперимент. Он тоже развел водой содержимое своего пакетика, перемешал и понюхал получившееся блюдо.

— Что-то не пойму, — признался он, протягивая Корделии результат своих трудов. — Пахнет довольно странно. Он не мог испортиться?

В пакете оказалась белая паста с резким запахом.

— Все в порядке, — успокоила его она. — Это искусственная салатная заправка на основе сыра-рокфора. — Устроившись поудобнее, Корделия задумалась над меню. — По крайней мере, очень калорийно, а лишние калории нам не помешают. В этом вашем поясе случайно не найдется ложки?

Форкосиган снял с ремня какой-то предмет, оказавшийся складным дорожным набором, и молча вручил Корделии.

— Спасибо. — Корделия почувствовала странную радость, словно он сотворил у нее на глазах какое-то чудо.

Пожав плечами, Форкосиган в сгущающейся темноте снова отправился на поиски, а она начала кормить Дюбауэра. Несмотря на отчаянный голод, бедняга не мог есть самостоятельно.

Форкосиган вернулся к ручью.

— Я нашел вот это. — Он передал ей небольшую геологическую лопатку для сбора образцов почвы. — Для ваших целей не слишком удобный инструмент, но ничего лучшего пока нет.

— Это лопатка Рега, — отозвалась Корделия. — Обойдемся ею.

Она отвела Дюбауэра в сторонку и уложила на землю. Наверное, лесной папоротник можно использовать как подстилку — она решила, что попозже наберет охапку-другую. Разметив могилу неподалеку от того места, где погиб Роузмонт, Корделия принялась снимать дерн. Корни оказались крепкими, упругими и неподатливыми, и она очень быстро выбилась из сил.

Из темноты возник Форкосиган.

— Я нашел несколько люминофоров.

Надломив прозрачную трубку величиной с карандаш, он положил ее на землю рядом с могилой, и все вокруг озарилось неестественным сине-зеленым светом. Стоя рядом, барраярец критически наблюдал за работой Корделии.

Она энергично ковыряла грунт, злясь, что он на нее смотрит. «Уйди, — мысленно просила она, — дай мне мирно похоронить моего друга». Тут ей пришла новая мысль, заставившая забеспокоиться: «Может, он не позволит мне закончить... Я работаю слишком медленно...» Она заспешила.

— С такими темпами мы пробудем здесь неделю.

«А может, треснуть его лопатой? — пронеслось в голове. — Хоть разок...»

— Идите к вашему ботанику.

Он протянул руку, и до нее дошло: ей предлагают помощь!

— Ох!...

Форкосиган вытащил нож, подрезал корни травы там, где она наметила контуры могилы, и начал копать — гораздо успешнее, чем она.

— Вы обнаружили здесь какое-нибудь зверье, которое пожирает мертвечину? — спросил он, откидывая землю. — Глубоко копать?

— Точно не знаю, — ответила она. — Мы работали на планете всего три дня. Но экосистема тут довольно сложная и, похоже, фауна весьма разнообразна.

— Гм...

— Лейтенант Стьюбен, мой главный зоолог, нашел пару убитых травоядных — они были неплохо обглоданы. У одного из трупов он заметил какое-то животное, похожее на пушистого краба.

— И какого они были размера? — заинтересовался Форкосиган.

— Он не сказал. Я видела только изображения земных крабов — они не слишком крупные. Наверное, с вашу ладонь.

— Значит, метра должно хватить.

Лопата мерно поднималась и снова вонзалась в землю. Холодный свет люминофора озарял его лицо, бросая вверх, ко лбу, причудливые тени от тяжелого подбородка, прямого широкого носа, густых бровей. Сейчас барраярец напоминал Корделии сказочного короля гномов, прорубающего таинственный путь где-то в глубине своих подземных владений.

— Около палаток есть шест. Я могла бы закрепить эту свечку повыше, чтобы она освещала яму, — предложила она.

— Это было бы неплохо.

Корделия прошла к обгорелым останкам лагеря и отыскала алюминиевую стойку от палатки, которую бросила здесь утром. Вернувшись к могиле, она привязала люминофор к шесту стеблями каких-то растений и воткнула его в землю. Круг света стал шире. Вспомнив о своем намерении набрать для Дюбауэра папоротника, Корделия сделала несколько шагов к лесу — и остановилась.

— Вы слышали? — спросила она.

— Что?

Могила была уже по колено, и барраярец немного запыхался. Теперь, после ее вопроса, он перестал копать и насторожился.

— Какой-то шорох со стороны леса.

Он с минуту прислушивался, потом покачал головой и продолжил работу.

— Сколько у нас люминофоров?

— Шесть.

Так мало! Значит, придется экономить...

Корделия только собралась спросить, не согласится ли он немного покопать в темноте, когда снова услышала шорох, на этот раз более отчетливый.

— Там и правда кто-то есть.

— Это мы знаем, — буркнул Форкосиган. — Вопрос в том...

В круг света одновременно выбежали три существа. Корделия успела заметить проворные приземистые тела, невероятно большое количество волосатых черных ног, четыре круглых бусинки-глаза и бритвенно-острые желтые клювы, которые щелкали и шипели. Животные были размером с кабана.

Форкосиган отреагировал молниеносно, ударив ближайшего зверя прямо по морде острием лопаты. Второй набросился на тело Роузмонта, вцепился в руку и попытался утащить его в темноту. Корделия схватила свой шест и ткнула ночную тварь между глазами. Клюв со скрежетом перекусил конец алюминиевого шеста, но чудовище, зашипев, отступило.

Тем временем Форкосиган успел достать нож и энергично атаковал третьего зверя, крича и пиная его своими тяжелыми ботинками. Острые роговые челюсти пропахали ему ногу, брызнула кровь — но лезвие вонзилось по рукоятку, и «краб» умчался в лес, вопя и шипя, а за ним — и двое остальных. Воспользовавшись передышкой, Форкосиган вытащил парализатор, застрявший, судя по его приглушенным проклятиям, в слишком глубокой кобуре нейробластера.

— Пушистые крабы, а? — пропела Корделия. — Ох, Стьюбен, шею тебе сверну!

Голос ее предательски задрожал, и она стиснула зубы.

Форкосиган сорвал пучок травы, стер с клинка темную кровь и вернул его в ножны.

— Пожалуй, могилы здесь надо рыть метра в два глубиной, — серьезно проговорил он. — А может, и того больше.

Корделия вздохнула, соглашаясь, и водрузила обратно изрядно укоротившийся шест.

— Как ваша нога?

— Я справлюсь сам. Вы лучше позаботьтесь о вашем мичмане.

Дремавший Дюбауэр проснулся от шума и теперь порывался куда-то ползти. Корделия удержала его, но это вызвало очередной эпилептический припадок. Вскоре он заснул, к ее глубокому облегчению.

Тем временем Форкосиган залепил себе рану пластырем из индивидуальной аптечки и снова принялся копать, но уже чуть медленнее. Когда глубина достигла его плеч, он дал Корделии ящик для сбора образцов растительности и поручил выгребать грунт.

Около полуночи он выкарабкался из ямы.

— Ну вот и все. То же самое можно было бы сделать с помощью плазмотрона за пять секунд, — проговорил он, шумно дыша. На его грязном комбинезоне даже сквозь камуфляж виднелись большие пятна пота.

От ущелья и ручья поднимались скрученные ленты тумана, и ночная прохлада становилась все ощутимей.

Вдвоем они подтащили тело Роузмонта к краю могилы. Форкосиган помедлил.

— Вы не возьмете его одежду для вашего мичмана?

Бесспорно, это было разумное предложение. Корделию оскорбляла мысль похоронить Роузмонта голым, но в то же время она досадовала, что сама не додумалась до этого раньше, чтобы согреть замерзающего Дюбауэра. Со странным ощущением снимала она одежду с окоченевшего трупа — словно раздевала гигантскую куклу.

Тело с глухим стуком упало в могилу.

— Минутку.

Корделия вынула носовой платок Роузмонта, спрыгнула в могилу и закрыла им мертвое лицо. Этот бессильный, нелепый жест почему-то принес ей облегчение.

Форкосиган помог ей вылезти.

Они забросали могилу землей, гораздо быстрее, чем копали, и постарались как можно лучше утрамбовать грунт.

— Вы не желаете исполнить какой-нибудь обряд? — спросил барраярец.

Ей совсем не хотелось декламировать обезличенный текст официальной церемонии. Но она встала на колени рядом с холмиком и, как могла, помолилась за душу погибшего — конечно не вслух, а про себя. Молитва умчалась вверх и растаяла в пустоте, бесшумная, как снежинка.

Форкосиган терпеливо ждал, стоя рядом.

— Сейчас довольно поздно, — проговорил он, — а нам уже были представлены три убедительных доказательства того, что бродить по ночам здесь не стоит. Давайте-ка отдохнем до рассвета. Я буду дежурить первым. Вам по-прежнему хочется размозжить мне голову камнем?

— В данную минуту нет, — честно призналась она.

— Прекрасно. Я разбужу вас попозже.

Форкосиган зашагал вдоль края прогалины, прихватив с собой люминофор. Свет дрожал во мраке, как пленный светлячок. Корделия лежала на спине рядом с Дюбауэром. Сквозь густеющий туман кое-где поблескивали звезды. Может ли одна из них оказаться ее кораблем — или кораблем Форкосигана? Маловероятно — они сейчас должны быть слишком далеко.

Она чувствовала себя опустошенной. Энергия, воля, желания утекали, как сверкающая влага, и впитывались в песок бесконечности. Но, переведя взгляд на лежащего рядом Дюбауэра, Корделия заставила себя вырваться из водоворота отчаяния. «Я по-прежнему командир, — резко напомнила она. — У меня есть подчиненный. Ты по-прежнему нужен мне, мой бедный мичман, хотя теперь не можешь быть полезен даже себе самому...»

Казалось, эта мысль была ключом к какому-то великому озарению, но тут все перемешалось — и Корделия заснула.

ГЛАВА 2

В сером утреннем тумане они разложили свое скудное имущество в самодельные рюкзаки и начали спускаться по склону. Корделия вела Дюбауэра, поддерживая его, когда он спотыкался. Неизвестно было, узнает ли ботаник человеческие лица, однако он явно предпочитал цепляться за нее и сторонился Форкосигана.

Деревья становились выше, а лес — гуще, так что Форкосигану пришлось прорубать дорогу своим ножом. Потом они пошли вдоль ручья. Сквозь кроны деревьев стали проникать солнечные лучи, высвечивая ярко-зеленые подушки мхов, сверкающие водные струи, камни, подобные россыпям медных монет.

У мелких существ, сходных с земными насекомыми, преобладала радиальная симметрия. Какие-то летающие твари, вроде воздушных медуз, целыми стаями плыли над ручьем, переливаясь всеми цветами радуги. Корделия наслаждалась редкостным зрелищем. Похоже было, что эти живые мыльные пузыри заставили смягчиться даже Форкосигана: он объявил привал на удивление быстро.

Они напились из ручья и сидели, наблюдая, как сверкающие шарики мелькают и раздуваются в брызгах водопада. Закрыв глаза, Форкосиган прислонился к стволу дерева. Корделия поняла, что он тоже смертельно устал. Оставаясь незамеченной, она с любопытством разглядывала его. В этом человеке не было ничего загадочного — просто немолодой военный, и держится он, как ему и положено — с резковатым достоинством кадрового офицера. И все же подсознание не давало ей покоя — словно она забыла что-то очень важное. Но вот память выбросила нужное слово — и Корделия, ошеломленная внезапным открытием, не удержала возгласа:

— Я знаю кто вы. Форкосиган, Мясник с Комарры.

Она сейчас же пожалела о сказанном: он открыл глаза и посмотрел на нее. На лице его сменялись какие-то странные выражения.

— Что вам известно о Комарре?

— То же, что и всем. Маленькая скалистая планетка, которую вы захватили из-за удобного расположения пространственно-временных тоннелей. Правящий сенат сдался на ваших условиях — и моментально был уничтожен. Вы возглавляли экспедицию, и... — Тут она вспомнила, что Форкосиган с Комарры вроде бы имел звание адмирала. — Это были вы? А мне послышалось, будто вы сказали, что не убиваете пленных.

— Это был я.

— И за это вас понизили в чине? — изумилась она. Ей всегда казалось, что такого рода поведение для барраярцев в порядке вещей.

— Не за это. За то, что было потом. — Ему явно не хотелось об этом говорить, но, к ее удивлению, он все же продолжил: — Последствия удалось замять, а произошло следующее. Я дал сенаторам слово — слово Форкосигана, — что они останутся живы. А политофицер рассудил иначе, велев перебить их без моего ведома. Я его за это казнил.

— Боже правый.

— Собственными руками свернул ему шею — прямо в капитанской рубке флагмана. Видите ли, это стало личным делом — была затронута моя честь. Я не мог приказать его расстрелять: все боятся Министерства политического воспитания.

Так официально называется барраярская тайная полиция, вспомнила Корделия. Политофицеры — резиденты этого министерства в армии..

— А вы не боитесь?

— Скорее они меня боятся, — усмехнулся он. — Они вроде вчерашних трупоедов — не любят нападать днем. Но спину им подставлять не следует.

— Удивительно, что вас не повесили.

— Поднялся страшный шум, но за закрытыми дверями, — согласился он, поглаживая капитанские нашивки на воротнике. — Форкосиган пока еще не может просто раствориться в ночи. Однако я нажил сильных врагов.

— Не сомневаюсь. — Корделия решила, что этот рассказ вполне может оказаться правдой, хотя у нее не было оснований ему доверять. — А вы, случайно, вчера не... э-э... не подставили спину кому-то из ваших врагов?

— Не исключено, — медленно проговорил он, пристально глядя на нее. — Однако в связи с такой теорией возникают некоторые неувязки.

— Например?

— Я еще жив. Вряд ли они, осмелившись начать, не доведут дело до конца. Несомненно, они предпочли бы обвинить в моей гибели бетанцев.

— Ну и ну! А я-то думала, что у меня трудная задача — командовать дюжиной интеллектуалов, опекать их и понукать, следить, чтобы они работали и не перессорились.

Форкосиган чуть заметно улыбнулся.

— Судя по тому, что я слышал о бетанцах, вам тоже приходится нелегко. Я, наверное, не захотел бы поменяться с вами местами. Я бы не выдержал, если бы каждый мой приказ оспаривался.

— Они оспаривают не каждый приказ. — Корделия даже рассмеялась своим воспоминаниям. — Со временем приучаешься их улещивать.

— Интересно, где-то он сейчас, ваш корабль? — небрежно заметил барраярец.

Услыхав этот вопрос, Корделия разом утратила веселость. Нельзя забывать, что говоришь с врагом.

— Наверное, это зависит от того, где находится ваш.

Форкосиган пожал плечами и встал, поудобнее пристраивая на плечо рюкзак. Лицо его вновь стало непроницаемым.

— Тогда нам не следует терять время.

Весь этот бесконечный день они шли по предгорью, спускаясь к буро-красным равнинам. Оказавшись ближе, они увидели, что вся местность изрезана многочисленными промоинами, в которых после недавних дождей бурно пенилась вода. То тут, то там встречались выходы скальных пород. Видны были и группы пасущихся шестиногов. Травоядные вели себя очень бес-

покойно, и Корделия заключила, что неподалеку должны находиться и хищники.

Форкосиган хотел идти дальше, но у Дюбауэра опять начались судороги. Приступ, мучительный и долгий, сменился вялостью и сонливостью. Корделия решительно потребовала, чтобы они остановились на ночлег. Был разбит лагерь — если так можно выразиться в данном случае: они просто остановились на небольшом холме примерно в трехстах метрах над равнинным участком. Ужин из овсянки и рокфора был съеден в усталом молчании. Когда последние краски заката поблекли, Форкосиган вскрыл новый люминофор и уселся на большой плоский камень. А Корделия, растянувшись на траве, украдкой наблюдала за барраярцем, пока спасительный сон не дал отдых ноющим ногам и голове.

Он разбудил ее после полуночи. Мучительно разминая одеревеневшие мышцы, она неловко поднялась и заняла наблюдательный пост. На этот раз Форкосиган дал ей парализатор.

— Поблизости ничего не видно, — заметил он, — но вдали что-то шумит.

Корделия сочла это достаточным объяснением жеста доверия.

Навестив Дюбауэра, она устроилась на валуне, устремив взгляд на темный склон горы. Где-то там, наверху, в глубокой могиле лежал Роузмонт. Он спрятан от клювов и желудков трупоедов, но все равно обречен на медленное уничтожение... Потом ее мысли обратились к Форкосигану, почти невидимому на границе сине-зеленого света.

Вот уж загадка так загадка. Очевидно, он принадлежит к военной аристократии Барраяра, к феодальной знати, ведущей безуспешную борьбу за власть с нарождающимся чиновничеством. «Ястребы» из обеих партий пока еще сохраняли видимость сотрудничества, совместно вырабатывая государственную политику и управляя вооруженными силами, но это не мешало им быть непримиримыми врагами. Император правил, непрерывно лавируя между

двумя могущественными группировками. Было очевидно, что после смерти этого умного и хитрого старика Барраяр ждет период политической грызни, а то и открытой гражданской войны, если только преемник старого властелина не окажется действительно незаурядной личностью. Корделия пожалела, что так мало знает о традициях кровного родства и системе власти на Барраяре. Она помнила имя нынешнего императора — Форбарра — и то лишь потому, что оно было связано с названием планеты, а об остальном имела весьма смутное представление.

Осторожно касаясь пальцами парализатора, она дразнила себя: кто теперь пленник, а кто — захватчик? Но в одиночку ей не спасти Дюбауэра. Нужны продукты, медикаменты, связь, а Форкосиган не был настолько легкомысленен, чтобы сообщать точное местоположение своего тайника.

Что ж, тогда пускай сам ведет их к складу. Кроме того, она связана обещанием. Показательно, что Форкосиган принял ее слова как достаточную гарантию: видимо, он сам придерживается таких же взглядов.

Небо на востоке начало светлеть: серый цвет сменился нежно-розовым, затем зеленым и наконец золотым — пастельное повторение вчерашнего закатного многоцветья. Форкосиган зашевелился и сел. Встал, размялся, потом помог ей отвести Дюбауэра к ручью умыться. Они снова позавтракали овсянкой и салатной заправкой из рокфора. На этот раз Форкосиган для разнообразия перемешал свою порцию. Корделия, наоборот, пробовала чередовать блюда, надеясь, что это поможет. Оба ничего не сказали по поводу меню.

Форкосиган направился к северо-западу. Как и накануне, путь лежал по песчаной равнине. В сухой сезон она будет похожа на пустыню, а сейчас ее покрывали свежая зеленая и желтая растительность и десятки различных дикорастущих цветов. Корделия с грустью подумала, что Дюбауэр их не замечает.

Через три часа быстрой ходьбы они оказались у первой за этот день преграды: глубокого каменистого ущелья, по дну которого неслась река цвета кофе с молоком. Они пошли вдоль обрывистого берега, высматривая брод. Вдруг Корделия тронула Форкосигана за руку.

— Вон тот валун внизу пошевелился, — сообщила она.

Барраярец достал бинокль и поглядел в указанном направлении.

— Вы правы.

С полдюжины коричневых валунов на песчаной отмели оказались толстоногими приземистыми шестиногами, нежащимися на утреннем солнышке.

— Похоже, какие-то земноводные. Интересно, они плотоядные? — спросил Форкосиган.

— Если бы вы не прервали мою экспедицию, — укоризненно заметила Корделия, — я могла бы ответить на подобные вопросы. А вон опять эти пузыри... Господи, я и не думала, что они могут достигать таких размеров, не теряя способности летать!

Десяток крупных «медуз», прозрачных, как стеклянные колбы сантиметров по тридцать в диаметре, плыли над рекой, напоминая связку улетевших воздушных шариков. Некоторые подлетали к шестиногам и мягко опускались им на спины, распластываясь по холкам наподобие блестящих беретов. Корделия попросила бинокль, чтобы получше рассмотреть происходящее.

— Может, они вроде тех земных птиц, которые очищают шкуру крупных зверей от паразитов? О-ох! Похоже, нет.

Шестиноги поднялись, неловко взбрыкивая неуклюжими телами, и с тревожным шипением скользнули в воду. Пузыри, напоминавшие теперь бокалы с бургундским, снова надулись и взмыли в воздух.

— Воздушные шарики-вампиры? — спросил Форкосиган.

Корделия кивнула.

— Какие мерзкие существа.

Видя его отвращение, она чуть не расхохоталась.

— Вам ли их осуждать — вы ведь тоже плотоядный.

— Ладно, осуждать не буду, но от близкого знакомства постараюсь уклониться.

— Тут я с вами согласна.

Они продолжали идти вверх по течению, мимо мутного пенистого водопада. Километра через полтора оба потока соединились; спотыкаясь, путники пересекли их в самом мелком месте. При переходе через второй ручей Дюбауэр поскользнулся и, вскрикнув, упал в воду.

Корделия инстинктивно вцепилась в рубашку ботаника. Ее охватил ужас: его может унести... эти земноводные шестиноги, острые скалы... водопад! Не обращая внимания на то, что рот наполняется водой, она стиснула его обеими руками. Вот и все... Нет!

Что-то потянуло их назад. Оказывается, Форкосиган успел поймать ее сзади за пояс и быстро выволок обоих на мелководье.

Мокрая, но исполненная благодарности, Корделия поднялась на ноги и вытолкнула на берег кашляющего Дюбауэра.

— Спасибо, — с трудом выговорила она.

— Что, думали, я дам вам потонуть? — поддразнил Форкосиган, выливая воду из башмаков.

Смутившись, Корделия пожала плечами:

— Ну... По крайней мере, без нас вы могли бы идти быстрее.

— Хм-м. — Он откашлялся, но больше ничего не добавил. Неподалеку нашлось каменистое место, где решено было посидеть и обсушиться. Подкрепившись все той же овсянкой с тем же вонючим сыром, они продолжили путь.

Вновь потянулись однообразные километры. Наконец Форкосиган сориентировался по какой-то только ему известной примете и начал забирать западнее. Гора осталась за спиной, солнце теперь било прямо в глаза.

Они пересекли еще один поток. Поднимаясь из лощины, Корделия чуть не споткнулась о красношкурого шестинога, неподвижно лежавшего в углублении, совершенно сливаясь с окружением. Это было изящное создание разме-

ром с небольшую собаку. При виде людей животное вскочило и прыжками понеслось по равнине.

— Это же еда! — внезапно опомнилась Корделия.

— Парализатор, скорее! — воскликнул Форкосиган, и она поспешно вложила оружие ему в руку. Он упал на одно колено, прицелился и с первой попытки уложил шестинога.

— Вот это выстрел! — восторженно крикнула Корделия.

Форкосиган по-мальчишески ухмыльнулся и побежал к добыче.

Корделия даже тихонько ахнула — настолько потрясла ее эта улыбка. На короткое мгновение его лицо словно солнцем осветилось. «Ну, улыбнись еще раз! — мысленно просила она, но тут же себя одернула: — Долг. Не забывай о долге».

Она пошла за ним. Форкосиган уже вытащил нож, но не знал, с чего начать. Перерезать глотку зверю было затруднительно ввиду отсутствия шеи.

— Мозг расположен сразу же за глазами. Может, следует ударить под лопатку? — подсказала Корделия.

— Это достаточно просто, — согласился Форкосиган и нанес быстрый удар. Существо вздрогнуло и испустило дух. — Вообще-то останавливаться на ночлег рановато, но здесь есть вода и плавник из реки в качестве дров. Только завтра придется пройти больше, — предупредил он.

— Ничего. — Корделия смотрела на тушу и думала о жарком.

Взвалив добычу на плечо, Форкосиган встал.

— Где ваш мичман?

Корделия огляделась. Дюбауэра нигде не было видно.

— О, Боже! — вздохнула она и поспешила обратно — туда, где они стояли в момент выстрела. Там Дюбауэра тоже не оказалось. Корделия подошла к берегу.

Он стоял у воды и завороженно смотрел вверх. А к его лицу медленно спускался большой прозрачный шар.

— Дюбауэр, нет! — закричала Корделия, торопливо карабкаясь к нему. Форкосиган обогнал ее, и они бросились к потоку. Шар уже опустился на лицо Дюбауэра и

начал расплющиваться. Несчастный ботаник с воплем вскинул руки.

Первым подоспел Форкосиган. Он не раздумывая схватил обмякшую тварь и одним рывком отодрал ее от человека. В голову бедняги уже впилась дюжина щупальцевидных отростков, растягивавшихся и лопавшихся по мере того, как вампира оттаскивали от жертвы. Швырнув чудовище наземь, Форкосиган раздавил его ногой. А спасенный мичман упал на песок и свернулся калачиком. Корделии стоило немалого труда отвести его руки от лица. Он издавал странные хриплые стоны и весь трясся. Очередной припадок, подумала она, — и тут с ужасом поняла, что парнишка плачет.

Положив голову Дюба к себе на колени, она пыталась утешить несчастного. Места, где щупальца проникли в тело, почернели, кожа вокруг них воспалилась и угрожающе вздулась. Самое неприятное пятно было в уголке глаза. Корделия вытащила застрявшие в коже остатки щупалец и почувствовала, что они обожгли ей пальцы, словно крапива. Видимо, вся тварь покрыта этим ядом: вон и Форкосиган наклонился над водой, окунув в нее руки. Быстро извлекая остатки щупалец, она подозвала к себе барраярца:

— В вашей аптечке нет ничего подходящего?

— Только антибиотик.

Он дал ей тюбик, и она нанесла немного мази на лицо Дюбауэра. Конечно, это не было настоящим противоожоговым средством, но придется обойтись тем, что есть. Форкосиган секунду смотрел на Дюбауэра, потом неохотно достал небольшую белую таблетку.

— Это сильное обезболивающее. У меня их только четыре. На вечер ему должно хватить.

Корделия положила таблетку Дюбауэру на язык. Он попробовал выплюнуть лекарство, но она все же заставила его проглотить таблетку. Всего через несколько минут ей удалось поднять его на ноги и отвести к лагерю у песчаной отмели.

Тем временем Форкосиган набрал внушительную охапку плавника для костра.

— А как вы собираетесь разжечь его? — спросила Корделия.

— В детстве меня учили разводить огонь с помощью трения, — вспомнил Форкосиган. — В летнем лагере военной школы. Это было нелегко, весь день провозился. Если припомнить, то я разжег его, закоротив батарею коммуникатора. — Продолжая говорить, он начал шарить в карманах. — Инструктор был в ярости. Наверное, это был его коммуникатор.

— Разве у вас нет каких-нибудь химических зажигалок? — удивилась Корделия, кивая на его боевой пояс.

— Предполагается, что, если вам нужно тепло, вы просто стреляете из плазмотрона. — Он выразительно щелкнул пальцем по пустой кобуре. — Но у меня есть идея, и сейчас мы ее испробуем. Вам обоим лучше бы сесть. Фокус довольно шумный.

Он достал из упаковки в задней части пояса силовой заряд плазмотрона.

— Э-э... — пробормотала Корделия, отходя подальше. — Не слишком ли это сильная мера? И что вы собираетесь делать с кратером? Его будет видно с воздуха.

— Хотите сидеть и тереть две дощечки? Но о кратере, наверное, следует подумать.

Немного поразмыслив, он направился к краю небольшой долины. Корделия села рядом с Дюбауэром, обхватила его за плечи и пригнулась.

Форкосиган стремительно выскочил из-за обрыва, бросился на землю и откатился в сторону. А через секунду где-то неподалеку взметнулось ослепительное бело-голубое пламя, и громовой удар сотряс землю. В воздух поднялся огромный столб дыма, пыли и пара, о землю градом застучали кусочки камней и оплавленного песка. Форкосиган снова исчез за обрывом и вскоре вернулся с пылающим факелом.

Корделия пошла взглянуть на разрушения. Закороченный заряд был брошен на песчаный пляж немного выше

по течению, у внешнего края излучины, где быстрая речка поворачивала к востоку. После взрыва там остался великолепный остекленевший кратер метров в пятнадцать диаметром и около пяти метров глубиной. Он все еще дымился. На ее глазах поток размыл тонкую перемычку и хлынул внутрь кратера, поднимая клубы пара. Через час здесь будет вполне естественная на вид заводь.

— Недурно, — пробормотала она.

К тому времени, когда огонь догорел, оставив россыпь углей, они приготовили кубики темно-красного мяса, нанизав его на палочки.

— Какое жаркое вы предпочитаете? — осведомился Форкосиган с видом заправского кулинара. — Слабо- или среднепрожаренное?

— Думаю, его надо хорошенько прожарить, — ответила Корделия. — Мы еще не проводили исследований на предмет кишечных паразитов.

Форкосиган опасливо поглядел на шашлык.

— А, вот как. Да, безусловно, — произнес он, уже без всякого энтузиазма.

Но когда мясо прожарилось, они отбросили сомнения и впились в дымящиеся кусочки с жадностью изголодавшихся дикарей... Даже Дюбауэр ухитрился что-то съесть. Жаркое получилось жестковатое, со своеобразным запахом, однако никто не предложил приправить его овсянкой или рокфором.

Голод прошел, и к Корделии вернулась способность наблюдать. Поэтому сейчас она с новым интересом разглядывала своего сотрапезника. Он сидел перед огнем — мокрый, грязный, на комбинезоне пятна крови от разделки туши. Он три дня не брился, лицо его блестело от жира шестинога, от него разило потом. Но, вероятно, и она не более привлекательна — и по виду, и по запаху. Разве что щетины нет... Она словно впервые увидела его тело: мускулистое, компактное, удивительно мужественное. В ней поднялись чувства, которые, как она считала,

ей давно удалось изжить. Нет, лучше подумать о чем-нибудь другом...

— Дистанция от астронавта до пещерного человека — за три дня, — задумчиво проговорила она. — И с чего это мы взяли, будто цивилизация заключается в нас самих, когда на самом деле она — в нашем поведении?

Форкосиган криво улыбнулся и взглянул туда, где сидел ухоженный Дюбауэр.

— Похоже, вам удается сохранять вашу цивилизацию в себе.

Корделия покраснела.

— Делаешь то, что велит долг.

— Некоторые относятся к своему долгу менее щепетильно. Или... вы его любили?

— Дюбауэра? Господи, нет конечно! Он же младенец. Но он был хороший паренек. Я бы хотела вернуть его домой, семье.

— А у вас есть семья?

— Конечно. Мама и брат, в Колонии Бета. Мой отец тоже служил в экспедиционном корпусе.

— Он не вернулся?

— Нет, он погиб при аварии катера. На взлете, всего километрах в десяти от дома. Он был дома в отпуске и как раз отправлялся обратно.

— Приношу мои соболезнования.

— О, это было много лет назад. — «Что-то мы чересчур увлеклись личными проблемами», — подумала Корделия. Но это все же лучше, чем уворачиваться от допроса. Она от всей души надеялась, что ему не придет в голову заговорить о новейших технологиях колонии Бета или о чем-нибудь подобном. — А как вы? У вас есть семья? — Тут она вдруг сообразила, что это вежливый вариант вопроса «Женаты ли вы?»

— Мой отец жив. Он — граф Форкосиган. А мать умерла. Она была наполовину бетанкой, знаете ли, — нерешительно сообщил он.

Корделия решила, что если по-военному немногословный Форкосиган способен нагонять страх, то он же,

пытающийся быть любезным, внушает ужас. Но любопытство победило желание прервать опасный разговор:

— Довольно необычная история. Как это получилось?

— Мой дед с материнской стороны принц Ксав Форбарра — был дипломатом. Он некоторое время служил посланником в Колонии Бета — в молодости, еще до Первой цетагандийской войны. Если не ошибаюсь, моя бабка работала в вашем Министерстве межзвездной торговли.

— Вы ее хорошо знали?

— После того как моя мать... умерла и закончилась гражданская война Ури Форбарры, я иногда проводил школьные каникулы во дворце принца, в столице. Но он не ладил с моим отцом, и до войны, и после; они принадлежали к разным политическим движениям. Дед возглавлял партию либералов, а мой отец, конечно, был — и остается — представителем старой военной аристократии.

— Ваша бабушка была счастлива на Барраяре?

Корделия прикинула, что школьные годы Форкосигана кончились лет тридцать тому назад.

— По-моему, она так до конца и не привыкла к нему. И, конечно, война Ури... — Он замолчал, потом заговорил снова: — Иностранцы — в особенности вы, жители Беты, — представляют Барраяр как некий монолит. Не знаю, право, почему. На самом деле наше общество очень неоднородно. Правительству всегда приходилось бороться с центробежными тенденциями.

Потянувшись вперед, Форкосиган подбросил в огонь сухую ветку. Искры взметнулись вверх, словно поток оранжевых звездочек, плывущих домой, в небо. Корделии вдруг мучительно захотелось улететь вместе с ними.

— А к какой партии принадлежите вы? — спросила она, надеясь перевести разговор в менее личное русло. — Вы поддерживаете отца?

— Пока он жив. Мне всегда хотелось быть просто солдатом, а не примыкать к каким-то партиям. У меня отвращение к политике: она погубила мою семью. Но пора

кому-то заняться этими проклятыми бюрократами и их прихвостнями. Они воображают себя людьми будущего, но на самом деле это просто дерьмо.

— Если вы столь же откровенно выражаетесь у себя дома, то не удивительно, что вам не удается спрятаться от политики, — и она разворошила палкой огонь, отправив в полет новые звездочки.

Благодаря лекарству Дюбауэр быстро заснул, но Корделия долго лежала без сна, вспоминая их беседу. Ну какое ей в сущности дело, если этот барраярец хочет лезть в петлю? Незачем ей в это встревать. Совершенно незачем... Тут и говорить не о чем... пусть даже его крепкие ладони — само воплощение силы...

Костер полыхал ярким пламенем — видимо, Форкосиган нарочно развел огонь посильнее.

Корделия села, моргая и щурясь, и он подошел к ней.

— Хорошо, что вы проснулись. Мне нужна ваша помощь. — Он вложил ей в руку свой боевой нож. — Похоже, эта туша кого-то приманила. Я собираюсь скинуть ее в воду. Подержите факел?

— Конечно.

Она потянулась, встала, нашла подходящую ветку и, протирая глаза, поплелась за ним к воде. Мерцающее оранжевое пламя отбрасывало неспокойные черные тени, и отчего ночь казалась еще темнее. Когда они оказались на берегу, Корделия уловила краем глаза какое-то движение среди камней. Оттуда донеслось царапанье и знакомое шипение.

— М-м... Чуть выше, слева — компания «крабов».

— Ясно.

Форкосиган швырнул остатки ужина на середину реки, где они с бульканьем исчезли. Тут же раздался еще один всплеск — более громкий. Но то, что шлепнулось в воду, на поверхность не вынырнуло, и разбегающиеся круги были подхвачены течением. Послышалось новое шипение и душераздирающий визг — теперь уже ниже по течению. Форкосиган вытащил парализатор.

— Там их целая стая, — испуганно заметила Корделия. Они стояли спина к спине, стараясь проникнуть взглядами сквозь мрак. Форкосиган пристроил парализатор поудобнее, тщательно прицелился и выстрелил. Негромкий звук разряда — и одна из темных теней дернулась и застыла. Ее спутники с любопытством принюхались и подошли поближе.

— Жаль, что ваше оружие работает так тихо.

Снова прицелившись, Форкосиган уложил еще двоих, потом осмотрел парализатор и крякнул:

— Знаете, а ведь заряд почти кончился.

— Не хватит на остальных?

— Боюсь, что нет.

Один из трупоедов, посмелее, бросился вперед. Форкосиган с громким криком сделал ответный выпад, и чудовище ретировалось в темноту. Корделия заметила, что трупоеды равнин крупнее, чем их горные собратья. Кроме того, они, похоже, собирались в большие стаи.

Круг зверей все сжимался, отрезая путь к отступлению.

— А, дьявол, — проговорил Форкосиган. — Пожалуй, это все. — Сверху плавно спускался десяток бесшумных призрачных шаров. — Ну и гадкая же смерть. Что же, постараемся захватить с собой как можно больше этих тварей.

Он взглянул на нее, словно собираясь добавить еще что-то, потом покачал головой и приготовился к броску.

У Корделии сжалось сердце. Она взглянула на спускающиеся шары, и тут ее осенила гениальная догадка.

— Нет-нет, — уверенно заявила она, — это не все. Наоборот, авиация идет к нам на помощь... Ах вы, милашки мои! Летите сюда, летите к мамочке.

— Вы с ума сошли? — спросил Форкосиган.

— Вы хотели шума? Я устрою вам шум. Как по-вашему, что удерживает этих тварей в воздухе?

— Откуда мне знать! Но, конечно, это почти наверняка...

— Водород! Готова спорить на что угодно, что эти славненькие вампирчики — живые электролизеры. Вы заме-

тили, как они все время висят у ручьев и рек? Жаль, что у меня нет перчаток...

Форкосиган весело улыбнулся:

— Разрешите мне.

Он подпрыгнул, поймал кровососа за извивающееся пурпурное щупальце и кинул на землю перед приближающимися трупоедами. Держа факел наподобие рапиры, Корделия сделала быстрый выпад. Посыпались искры. Она ткнула раз, второй, третий...

Шар взорвался снопом ослепительного пламени, опалившего ей брови. Громовой хлопок, и одновременно — волна невообразимой вони. В глазах запрыгали оранжевые и зеленые тени. У одного из трупоедов задымилась шкура, и он возглавил всеобщее бегство, вопя и шипя. Корделия снова ткнула факелом, целясь в повисший в воздухе шар. Он взорвался, осветив всю долину и горбатые спины убегающих чудовищ.

Форкосиган отчаянно хлопал ее по спине. Только почуяв запах, она поняла, что подожгла волосы. Все вампиры поспешно набрали высоту и уплыли прочь — за исключением одного, которого Форкосиган поймал и удержал, наступив ему на щупальца.

— Ага! — Ликующая Корделия исполнила вокруг него военную пляску. Ей хотелось громко расхохотаться. Она поглубже вздохнула, сбрасывая возбуждение. — Как ваша рука?

— Немного обжег, — признался он. Сняв рубашку, Форкосиган завернул в нее шар. Тот отчаянно пульсировал и вонял. — Эта бомбочка может нам пригодиться.

Форкосиган наскоро сполоснул руки в воде, и они вернулись в лагерь. Дюбауэр спал спокойно. Позже какой-то одинокий трупоед возник на краю освещенного круга и стал там бродить, шипя и принюхиваясь. Форкосиган прогнал его без особого труда — факелом, ножом и руганью. Ругался он шепотом, чтобы не разбудить ботаника.

— По-моему, остаток пути нам лучше продержаться на сухом пайке, — сказал он, возвратившись к костру.

Корделия кивнула в знак полного согласия.

* * *

Как только забрезжил серый рассвет, Корделия разбудила мужчин. Теперь ей не меньше, чем Форкосигану, хотелось поскорее добраться до барраярского склада — и очутиться в безопасности.

Пленный шар за ночь умер и сдулся, превратившись в отвратительный студенистый комок, и Форкосиган вынужден был потратить несколько минут на стирку. Несмотря на его усилия, рубашка так провоняла и пошла такими пятнами, что Корделия присудила ему первенство в негласном соревновании «кто грязнее». Быстро перекусив надоевшими, зато безопасными овсянкой с рокфором, они отправились в путь. Их длинные тени тянулись впереди по ржавой, усеянной цветами равнине.

Незадолго до полуденного привала Форкосиган объявил короткую остановку и скрылся за кустом, чтобы справить нужду. Через несколько секунд оттуда донеслись замысловатые ругательства, а вскоре за ними появился и сам Форкосиган. Он прыгал с ноги на ногу и хлопал себя по ногам. Корделия встретила его изумленным взглядом.

— Помните те светло-желтые кучи песка, которые нам тут попадались? — свирепо спросил Форкосиган, расстегивая брюки.

— Да...

— Не становитесь на них, если соберетесь пописать.

Корделия не смогла подавить смех:

— Что вы обнаружили? Или мне следовало спросить, кто обнаружил вас?

Форкосиган стащил брюки, вывернул их и принялся обирать с изнанки крошечные белые круглые существа, сновавшие на опушенных ресничками ножках. Корделия взяла одно и положила на ладонь, чтобы рассмотреть поближе. Это был еще один вид кровососов — какая-то подземная форма.

— Ох! — она поспешно смахнула порозовевший шарик с руки.

— Больно, а? — огрызнулся Форкосиган.

В ней начала подниматься волна неудержимого смеха, но тут она заметила нечто, заставившее ее мгновенно посерьезнеть.

— Эй, эта царапина неважно выглядит, вам не кажется?

Рана от клюва, которую Форкосиган заработал той ночью, когда они хоронили Роузмонта, раздулась и посинела, а от нее до самого колена протянулись красные полосы.

— Ничего страшного, — твердо сказал он, готовясь влезть в брюки.

— Что-то не верится. Дайте я посмотрю.

— Вы все равно здесь ничего не сможете сделать, — запротестовал Форкосиган, но подчинился короткому осмотру. — Довольны? — саркастически осведомился он, заканчивая одевание.

— Жаль, что ваши микробиологи не смогли составить мазь получше. — Корделия пожала плечами. — Но вы правы. Сейчас ничего сделать нельзя.

Они двинулись дальше. Теперь Корделия пристально наблюдала за ним. Временами барраярец начинал прихрамывать, потом замечал ее взгляд, и его шаг опять становился твердым. Но к вечеру он отбросил притворство и уже откровенно хромал. И все же в этот день он заставил их идти до самого заката, пока не начала сгущаться темнота. К концу перехода покрытая кратерами гора, к которой они направлялись, уже высоко поднималась над горизонтом. Наконец, споткнувшись в темноте, Форкосиган сдался и объявил привал. Корделия обрадовалась: Дюбауэр устал, тяжело опирался на нее и все норовил лечь. Они устроились на ночлег там, где остановились, прямо на красной песчаной земле. Форкосиган вскрыл люминофор и, как обычно, начал первое дежурство, а Корделия лежала в грязи и смотрела, как над головой мерцают далекие звезды.

Форкосиган попросил, чтобы она разбудила его до рассвета, но Корделия дала ему выспаться. Ей не нравился его вид: бледность сменялась багровой краснотой, а дыхание стало частым и неровным.

— Вам не пора принять болеутоляющее? — спросила она, когда он поднялся, с трудом ступая на заметно распухшую ногу.

— Пока нет. Надо поберечь таблетки про запас.

Он срезал себе палку, и путешествие возобновилось.

— Сколько еще осталось? — спросила Корделия.

— Думаю, день-полтора, в зависимости от того, как пойдем. — Он поморщился. — Не тревожьтесь. Нести меня не придется. Я считаюсь одним из самых тренированных людей в экипаже, по крайней мере, среди тех, кому за сорок. — И он похромал дальше.

— А много в вашем экипаже сорокалетних?

— Четверо.

Корделия фыркнула.

— И вообще, если потребуется, у меня в аптечке есть стимулятор, который даже труп оживит. Но я его тоже хочу приберечь на момент встречи.

— Каких-то неприятностей ждете?

— Все зависит от того, кто примет мой сигнал. Я знаю, что у Рэднова — это мой политофицер — по крайней мере два агента среди связистов. — Сжав губы, он испытующе поглядел на нее. — Видите ли, я не думаю, что был общий мятеж. Скорее, экспромт. Рэднов и еще несколько человек решили меня прикончить и свалить все на бетанцев. Понадеялись, что смогут спрятать концы. Если я прав, то на корабле все считают меня убитым. Все, кроме одного человека.

— Кого же?

— Хотел бы я знать. Того, кто ударил меня по голове и спрятал в папоротниках, вместо того чтобы перерезать глотку. Похоже, в группе лейтенанта Рэднова есть мой сторонник. И все же — будь этот парень действительно мне верен, ему стоило только слово сказать Готтиану, моему первому помощнику, и меня уже давно подобрали бы верные люди. Так кто же из моих людей настолько запутался, что предает сразу обе стороны? Или я чего-то не понимаю?

— Может, они все еще преследуют мой корабль? — предположила Корделия.

— А где ваш корабль?

Сейчас уже вполне можно быть откровенной, решила Корделия, это не причинит вреда:

— Думаю, на подлете к Колонии Бета.

— Если его не захватили.

— Нет. Они были далеко от вас, когда я с ними разговаривала. Пускай они и не вооружены, но скорость у них намного больше, чем у барраярского крейсера.

— Хм-м... Ну, это возможно.

Похоже, он не слишком удивлен, отметила про себя Корделия. Готова побиться об заклад, что его сведения о наших технологических секретах привели бы в ужас всю бетанскую контрразведку.

— Насколько долго они будут нас преследовать?

— Это решать Готтиану. Если он поймет, что надежды захватить вас нет, то вернется на нашу дежурную станцию. В противном случае он приложит максимум усилий, чтобы захватить ваш корабль.

— Но зачем?

Он искоса посмотрел на нее:

— Этого я обсуждать не могу.

— Не понимаю, почему. Единственное, куда я могу в ближайшее время попасть, — это барраярская тюрьма. Смешно, как меняются взгляды. После такого перехода даже тюрьма покажется роскошной обителью.

— Я постараюсь, чтобы до этого дело не дошло, — улыбнулся он.

Его взгляд и улыбка встревожили ее. На официальный тон она могла ответить напускной беззаботностью, защищая себя, словно фехтовальщик: выпад на выпад. Но фехтовать с его добротой — все равно что сражаться с морем: любые удары смягчаются и теряют силу. Корделия отпрянула, и его улыбка погасла, а лицо снова стало замкнутым и мрачным.

ГЛАВА 3

После завтрака они какое-то время шли молча. Первым заговорил Форкосиган. Казалось, лихорадка разъедает его привычную сдержанность.

— Давайте поговорим. Это отвлечет меня.

— О чем?

— О чем угодно.

Она задумалась.

— Как, по-вашему, командовать военным кораблем сложнее, чем обычным?

— Разница не в корабле, а в людях, — подумав, ответил он. — Быть лидером означает управлять человеческим воображением, своим и чужим. В бою это проявляется ярче всего. В одиночку даже самый храбрый солдат — всего лишь вооруженный безумец. Настоящая сила — это способность заставить других выполнять нужную вам работу. Разве во флотах Колонии Бета дело обстоит не так?

— Наверное, даже в большей степени, — улыбнулась Корделия. — И если в один прекрасный день мне потребуется подкреплять приказы угрозами или силой — это будет полный крах. Я предпочитаю действовать незаметно. Тогда я в выигрышном положении, потому что мне всегда хватает терпения — или чего-то еще — чуть дольше, чем остальным. — Она оглядела весеннюю пустыню. — На мой взгляд, цивилизация была придумана именно для блага женщин — по крайней мере, матерей. Не могу представить себе, как мои пещерные прапрабабушки заботились о своих семьях в примитивных условиях.

— Подозреваю, что они действовали совместно, всем скопом, — заметил Форкосиган. — Готов поспорить, что у вас бы это получилось, родись вы в то время. Вы обладаете теми качествами, которых ждешь от матери воинов.

Корделия решила, что он ее разыгрывает. Похоже, у него есть своеобразное, суховатое чувство юмора.

— Нет уж, увольте! Восемнадцать или двадцать лет вкладывать свою жизнь в сыновей, а потом моих ребят

заберет правительство, чтобы истратить их молодость на ликвидацию очередного политического провала! Нет, спасибо.

— Я никогда об этом не думал, — признался Форкосиган. Какое-то время он молчал, постукивая на ходу своей палкой. — А если они идут добровольно?

— Положение обязывает? — Теперь настала ее очередь замолчать, чуть смутившись. — Наверное, если добровольно, то это меняет дело. Как бы то ни было, детей у меня нет, так что, к счастью, такие решения принимать не придется.

— Вы рады или жалеете?

— Что нет детей? — Она взглянула ему в лицо. Похоже, он не заметил, что попал в самое больное место. — Так уж сложилось.

Беседа прервалась: они начали пробираться по каменистой осыпи, где под ногами то и дело разверзались расщелины. Все внимание Корделии уходило на то, чтобы не дать Дюбауэру сорваться. Пройдя пустошь, они, не сговариваясь, остановились передохнуть под скалой. Форкосиган закатал брючину и расшнуровал ботинок, чтобы осмотреть нагноившуюся рану, грозящую ноге полной неподвижностью.

— Вы кажетесь умелой медсестрой. Как вы считаете, не вскрыть ли нарыв? — спросил он.

— Не знаю. Боюсь, если мы его вскроем, то занесем туда новую грязь.

Она поняла, что рана стала беспокоить его гораздо сильнее, чем прежде. Догадка тут же подтвердилась: он принял половину таблетки болеутоляющего из своего драгоценного запаса.

Они пошли дальше, и Форкосиган снова заговорил. Он описывал разные забавные случаи из своей кадетской юности, своего отца, который в те времена командовал всеми сухопутными войсками Барраяра и был личным другом хитроумного интригана — нынешнего императора. У Корделии возник неясный образ бесстрастного вояки, которому юный сын, как ни старался, никак не мог

угодить. Она рассказала про свою мать, энергичного врача, изо всех сил сопротивляющегося отставке, и про брата, недавно купившего разрешение на второго ребенка.

— А вы хорошо помните вашу мать? — спросила Корделия. — Насколько я поняла, она умерла, когда вы были еще совсем маленьким. Несчастный случай, как у моего отца?

— Никаких несчастных случаев. Политика. — Лицо его стало мрачным, отчужденным. — Разве вы не слышали про бойню Ури Форбарры?

— Я... я мало что знаю о Барраяре.

— А-а... Император Ури в последние дни своего безумного правления стал чрезвычайно опасаться собственной родни. В конце концов он сам накликал на себя беду. Однажды ночью он выслал отряды убийц. Взвод, отправленный за принцем Ксавом, не смог пройти мимо его охраны. И по какой-то непонятной причине он не запланировал гибель моего отца: очевидно, потому, что тот не был потомком императора Дорки Форбарры. Не могу понять, чего хотел добиться Ури, убив мою мать и оставив в живых отца. Ведь после этого отец перешел со своими войсками на сторону Эзара Форбарры в начавшейся гражданской войне.

— Ох!

Солнце пекло вовсю, но Корделии показалось, что воспоминание заставило его похолодеть.

— Я все думал... Вы как-то говорили, какие странные вещи люди делают, когда паникуют, и я вспомнил. Не думал об этом уже много лет. Когда люди Ури разнесли дверь...

— Боже, неужели вы при этом присутствовали!

— О, да. Естественно, я тоже был в том списке. Каждому убийце была определена конкретная жертва. Тот, кому предназначалась моя мать... Я схватил ножик — столовый ножик, он лежал возле моей тарелки, — и ударил его. А ведь рядом на столе был и прекрасный нож для разделки жаркого. Воспользуйся я им... Ну, а так... С тем

же успехом я мог бы ударить его ложкой. Он просто отшвырнул меня в угол...

— Сколько лет вам было?

— Одиннадцать. И роста я был маленького. Я всегда был маленького роста. Он оттеснил мать к дальней стене. И выстрелил из... — Форкосиган со свистом втянул в себя воздух и закусил нижнюю губу. — Странно, когда начинаешь говорить о чем-то, то вдруг возвращаются такие подробности... А я-то думал, что почти ничего уже не помню.

Он заметил, что Корделия побледнела, и неожиданно смутился.

— Я вас расстроил своей болтовней. Извините. Все это было очень давно. Не знаю, почему я столько говорю.

«Зато я знаю», — подумала Корделия. Несмотря на жару он застегнул верхнюю пуговицу рубашки почти бессознательно. Его знобит, поняла она, температура повышается. Насколько? Да еще надо учесть эффект от этих таблеток. Тут есть чего испугаться.

Внезапный порыв заставил ее сказать:

— Но я понимаю, что вы имеете в виду, говоря о том, как все возвращается. Я помню... Сначала катер летел вверх, как всегда, и брат махал рукой... глупо, конечно, ведь отец все равно нас не видел. А потом по небу разлился свет, словно засияло второе солнце, и посыпался огненный дождь. После этого пришла пустота. Даже не тьма, а какое-то серебристо-пурпурное свечение. Я только сейчас вспомнила, что тогда ослепла на несколько дней.

Он изумленно посмотрел на нее.

— И со мной было так же... Он выстрелил в нее акустической гранатой. Я потом очень долго ничего не слышал. Словно все звуки перешли за порог чувствительности. Общий шум, более бессмысленный, чем тишина...

— Да...

— Наверное, с той минуты я и решил стать солдатом. Меня влекла не слава, а сила. Логика действий, искусство наступления, скорость и внезапность... Я хотел стать более подготовленным, более крепким и быстрым, более

подлым негодяем, чем те, что ворвались к нам в дверь. То был мой первый боевой опыт. Не слишком успешный.

Его трясло, и она решила переменить тему разговора.

— Я никогда не была в бою. Как это бывает?

Форкосиган глянул на нее и умолк. Опять словно хочет меня измерить, подумала Корделия. Но он начал потеть — слава Богу, жар отступает.

— На расстоянии, в космосе, возникает иллюзия чистой и славной битвы. Почти абстракция. С тем же успехом это может быть компьютерная модель боя или игра. Реальность не чувствуется — только если в ваш корабль попадут. — Он опустил глаза, словно выбирая, куда ставить ногу, хотя почва здесь была ровная. — Убийство, настоящее убийство — это совсем другое дело. Тогда, на Комарре, когда я убил своего политофицера, я был разъярен даже сильнее, чем... чем в другое время. Когда чувствуешь, как под твоими руками замирает чья-то жизнь, то на лице жертвы читаешь и собственную смерть. А ведь он меня предал, он навсегда запятнал мою честь.

— Боюсь, я это не вполне понимаю.

— Да. Похоже, что в отличие от меня гнев делает вас сильнее. Хотел бы я знать, как вам это удается.

Вот опять этот странный комплимент. Она замолчала, уставясь себе под ноги, потом стала смотреть на гору впереди, на небо — куда угодно, только не в его непроницаемое лицо. В результате она первая заметила наверху сверкающую точку — пламя из дюз ракетного двигателя.

— Эй, смотрите, это не катер?

— Да, действительно. Давайте-ка спрячемся вон в тех кустах, — распорядился Форкосиган.

— А вы не хотите привлечь их внимание?

— Нет. — Характерным жестом он повернул руку ладонью вверх. — Мои друзья и враги носят одну и ту же форму. Я предпочел бы сообщить о моем присутствии по возможности не всем сразу.

Теперь до них уже доносился рев двигателей. Сделав крутой вираж, катер уходил за серо-зеленую лесистую гору на западе.

— Похоже, они направляются к складу, — заметил Форкосиган. — Это осложняет ситуацию. — Он сжал губы. — Интересно, зачем они сюда вернулись? Может, Готтиан нашел секретный пакет?

— Разве ему не должны были достаться все ваши бумаги?

— Не все. Часть документов спрятана, поскольку они не предназначены для глаз Совета Министров. Сомневаюсь, чтобы Корабик Готтиан мог отыскать то, что ускользнуло от Рэднова. Рэднов — умный шпион.

— Рэднов — высокий, широкоплечий, с острым профилем?

— Нет, это похоже на сержанта Ботари. Где вы его видели?

— В лесу около ущелья. Это он стрелял в Дюбауэра.

— А, вот как? — Глаза Форкосигана вспыхнули, и он хищно улыбнулся. — Многое проясняется.

— Только не для меня.

— Сержант Ботари — странный человек. Месяц назад мне пришлось его сурово наказать.

— Настолько сурово, что он мог стать участником заговора?

— Готов поспорить, что Рэднов так и подумал. Да, так вот — не знаю, смогу ли объяснить вам насчет Ботари. Его вообще мало кто понимает. Он — великолепный солдат, а меня на дух не переносит, как выразились бы вы, бетанцы. Ему нравится меня ненавидеть. Это стало для него потребностью.

— И он выстрелил бы вам в спину?

— Никогда. Ударить в лицо — другое дело. По правде говоря, именно за это он и был наказан в прошлый раз. — Форкосиган задумчиво потер скулу. — Но оставить его у себя за спиной в бою можно не колеблясь.

— Судя по вашим словам, он настоящий псих.

— Да, многие так говорят. А мне он нравится.

— И вы еще уверяете, будто это мы, бетанцы, любим устраивать из жизни цирк!

Форкосиган со смехом пожал плечами:

— Ну, всегда полезно потренироваться с человеком, который не боится сделать тебе больно. Схватки с Ботари позволяют мне сохранять прекрасную форму. Однако я предпочитаю, чтобы наши спарринги ограничивались спортзалом... Нетрудно понять, почему Рэднов решил привлечь к заговору Ботари — он кажется озлобленным типом, которому можно поручить грязное дело. Пари держу, именно так все и было... Молодчина Ботари!

Корделия взглянула на Дюбауэра, бессмысленно топтавшегося рядом с ней.

— Боюсь, что не могу разделить ваш энтузиазм. Он чуть не убил меня.

— Я не утверждаю, будто он — человек громадного ума или высокой морали. Но в жизни ему пришлось нелегко, а выражать свои чувства он не мастер. И все-таки у него есть представление о долге и чести.

Они уже приблизились к основанию горы, и дорога стала круче. Пустыня сменилась редколесьем. Меж стволов с журчанием бежали ручьи.

Волоча на себе спотыкающегося Дюбауэра, Корделия мысленно проклинала нейробластеры и тех извергов, которые их придумали. А когда мичман упал, рассадив себе лоб, она не выдержала и накинулась на Форкосигана:

— Хотелось бы знать, какого дьявола вы не желаете пользоваться цивилизованным оружием? Я бы охотнее доверила нейробластер шимпанзе, чем барраярцу. Вам бы только палить!

Оглушенный Дюбауэр сел. Она промокнула ему кровь своим грязным носовым платком и тоже села.

Форкосиган неловко опустился на землю рядом с ними, вытянув перед собой больную ногу. Он взглянул в ее напряженное, несчастное лицо и серьезно ответил:

— Парализатор — не оружие. Это игрушка, дающая иллюзию защиты. Любой, не задумываясь, бросается под его выстрел, так что если противников много, вас в конце концов сомнут. Я видел, как парализатор стал причиной смерти его владельца. Но он бы спасся, будь у него другое оружие. Нейробластер легко убеждает.

— Зато можно не колебаться, применяя парализатор, — возразила Корделия. — И ошибка не так опасна.

— Что, вы колебались бы, применять ли бластер?

— Да. Для меня это вообще неприемлемо, — ответила она и чуть погодя спросила: — А тот человек, о котором вы говорили... Он что, погиб от луча парализатора?

— Не от луча. Его обезоружили и забили ногами до смерти.

— Ох! — Корделию затошнило. — Надеюсь... что он не был вашим другом.

— Был. И притом разделял ваше отношение к оружию. Мягкотелость. — Он хмуро посмотрел вдаль.

С трудом поднявшись, они снова поплелись через лес. Барраярец попытался помочь ей вести Дюбауэра, но тот в страхе отшатнулся. Впрочем, и больная нога не допускала лишней нагрузки.

Теперь Форкосиган замкнулся и перестал разговаривать. Казалось, все его силы уходят на то, чтобы заставить себя сделать очередной шаг вперед. Вскоре он начал что-то бормотать себе под нос — тревожный симптом. Корделия боялась, что он окончательно свалится и потеряет сознание. Как быть тогда? Вряд ли ей самой удастся отыскать верного члена его экипажа и договориться с ним. Первая же ошибка могла стать роковой. И даже допуская, что не каждый барраярец отъявленный негодяй, она невольно вспомнила старую поговорку «все критяне лжецы».

Уже перед самым закатом, пробравшись через участок густого леса, они вышли на чудесную поляну. Пенный водопад скатывался по черным скалам, блестевшим подобно обсидиану, закатное солнце золотило траву на берегах ручья. Высокие, темно-зеленые тенистые деревья манили к отдыху.

Оперевшись на палку, Форкосиган молча разглядывал поляну. «Никогда не видела более усталого человека», — подумала Корделия и усмехнулась: ведь у нее не было зеркала.

— Осталось пройти еще километров пятнадцать, — сказал он. — Я не хочу приближаться к складу в темноте. Мы остановимся здесь, переночуем и придем туда утром.

Они плюхнулись на траву и долго смотрели на роскошный закат. Наконец, меркнущий свет напомнил о необходимости действовать. Они умылись в ручье, и Форкосиган выложил на камень последнюю еду — барраярский неприкосновенный запас. Даже после четырех дней овсянки и рокфора ужин показался ей удивительно неаппетитным.

— Вы уверены, что это не быстрорастворимые ботинки? — печально спросила Корделия: по цвету, вкусу и запаху угощение напоминало галеты из тонко размолотой обувной кожи.

Форкосиган хмыкнул:

— Они органического происхождения, питательны и могут храниться годами. Полагаю, что и хранились.

Корделия улыбнулась, с трудом пережевывая сухой и жесткий кусок. Дюбауэра пришлось кормить насильно: он все время пытался выплюнуть еду. Потом ботаника умыли и уложили спать. В течение дня у него не было припадков, и Корделия сочла это обнадеживающим признаком.

После дневной жары земля еще дышала приятным теплом, рядом тихонько журчал ручей. Ей хотелось заснуть на сто лет, как принцессе из сказки. Но она заставила себя подняться и вызвалась дежурить первой.

— По-моему, вам сегодня следует поспать подольше, — сказала она Форкосигану. — Я две ночи из трех несла короткую вахту. Теперь ваша очередь.

— Совсем необязательно... — начал было он.

— Если вы свалитесь, то и я не дойду, — напрямик заявила она. — И он тоже, — она ткнула пальцем в затихшего Дюбауэра. — Я намерена позаботиться, чтобы завтра вы довели нас до цели.

Форкосиган не стал спорить — он принял вторую половинку болеутоляющего и снова лег. Но спать ему, видимо, не хотелось — он беспокойно шевелился и в сумраке

наблюдал за нею. Казалось, глаза его лихорадочно блестят. Наконец, он приподнялся и оперся на локоть. Тогда она села рядом с ним, предварительно обойдя дозором поляну.

— Я... — начал он и снова замолчал. — Вы совсем не такая, какой я представлял женщину-офицера.

— М-м? Ну, вы тоже не такой, каким я представляла себе барраярского капитана, так что, надо полагать, мы квиты. — Она с любопытством спросила: — А что вы ожидали увидеть...

— Я... сам не знаю. Вы — такой же профессионал, как любой офицер из тех, с кем я служил. Но вы не пытаетесь изображать мужчину. Это поразительно.

— Я такая же, как все, — возразила она.

— Значит, Колония Бета — необычайное место.

— Планета как планета. Ничего особенного. Отвратительный климат.

— Да, мне говорили. — Он поднял прутик и пару минут ковырял им землю, пока не сломал. — Скажите, в Колонии Бета не бывает браков по сговору, да?

Она изумилась.

— Конечно, нет! Что за странная идея. Это похоже на прямое нарушение гражданских прав. Господи... Уж не хотите ли вы сказать, что на Барраяре это принято?

— В нашей касте — почти повсеместно.

— И никто не возражает?

— Их не заставляют, но договариваются обычно родители. Кажется... это работает нормально. Для многих.

— Ну, стало быть, и такое возможно.

— А как... э-э... как это устраиваете вы? Без посредников иногда бывает неловко.... Я имею в виду — отказывать кому-то прямо в лицо.

— У нас все решают сами любовники, когда они уже достаточно знают друг друга и хотят завести ребенка. А прибегать к дипломатии, вроде той, которую вы описали, — все равно что выходить замуж за незнакомого человека. Вот это, по-моему, действительно неловко.

— Хм-м. — Он отыскал еще один прутик. — В период Изоляции на Барраяре, если мужчина брал в любовницы женщину из касты воинов, то это рассматривалось как похищение ее чести, и он должен был умереть за это смертью вора. Обычай, чаще нарушавшийся, чем исполнявшийся, хоть он и стал излюбленным сюжетом драматических произведений. А сейчас у нас время перемен. Старые порядки умерли, и мы все примеряем новые, как плохо пошитое платье. Теперь уже никто не понимает, что правильно, а что — нет. — Помолчав секунду, он спросил: — А чего ожидали вы?

— От барраярца? Не знаю. Что-нибудь этакое преступное, наверное. Я была не в восторге, очутившись в плену.

Он отвел взгляд.

— Я... знаком с теми вещами, которые вы сейчас подразумеваете. Не стану отрицать — такое бывает. Это — как болезнь воображения, и она передается от человека к человеку. Хуже всего, когда зараза распространяется сверху. Падает дисциплина, слабеет боевой дух... Труднее всего молодым офицерам, особенно когда они видят порок в людях, которые должны служить им образцом. Как судить, не имея опыта, как бороться с заразой в собственной голове? И они развращаются, даже не успев понять, что с ними случилось.

В темноте голос его звучал с необычной страстностью.

— Лично я думала об этом с точки зрения пленной, — шутливо вставила Корделия. — Насколько я понимаю, с пленом мне повезло.

— Те, о ком я говорю, — отбросы армии. И они в меньшинстве. Хотя было бы неправильно делать вид, будто таких людей у нас нет вовсе... Но меня вам бояться не следует. Даю вам слово.

— Я... я это уже поняла.

Некоторое время оба молчали. Корделия решила, что Форкосиган заснул, но тут он пошевелился и снова заговорил. Она почти не видела его лица — только отблески от глаз и белых зубов.

— Ваши обычаи кажутся мне такими свободными, такими мирными. Невинными, как солнечный свет. Ни горя, ни боли, ни непоправимых ошибок. И страх не превращает мальчишек в преступников. И нет глупой ревности. И честь не теряется.

— Тут вы ошибаетесь. Честь можно потерять и у нас. Только это не происходит за одну ночь. Как правило, нужны годы — она исчезает по крупицам, по капелькам. — Корделия помолчала. — Я знала одну женщину... Это была моя очень близкая подруга, тоже в экспедиционном корпусе. Ей... немного не везло в личных отношениях. Все вокруг нее находили себе спутников жизни, и чем старше она становилась, тем сильнее боялась остаться в стороне. Короче, ударилась в панику.

В конце концов она сошлась с человеком, обладавшим совершенно поразительным талантом обращать золото в свинец. В его присутствии нельзя было произнести слова «любовь», «доверие» или «честь», чтобы не услышать умной насмешки. Цинизм дозволялся, поэзия — никогда.

Так уж случилось, что, когда освободилось место командира корабля, они были в одном звании. Она давно мечтала о повышении и работала, как проклятая. Должность командира — редкий шанс, каждый рвется его получить. Но возлюбленный убедил ее — пустив в ход аргументы, которые потом оказались лживыми (он пообещал детей), — отказаться от командования в его пользу... Прекрасный тактик. Вскоре между ними все кончилось.

После этого у нее не хватало духа начать новый роман. Так что ваши прежние законодатели придумали не так уж глупо. Людям... нужны правила, для их же собственной пользы.

В тишине шептал водопад.

— Я... когда-то был знаком с одним человеком, — донесся из темноты его голос. — В двадцать лет его женили на девушке прекрасного происхождения. Брак по родительскому сговору, но он был им доволен.

Он почти все время проводил на службе. Она оказалась свободна, богата, ничем не связана в столице среди людей... не то что бы порочных, но намного старше ее. Богатые бездельники и их прихлебатели. За ней ухаживали, и она потеряла голову. Но, по-моему, не сердце. Она заводила любовников, как делали все вокруг. Глядя в прошлое, я вижу, что у той женщины не было иных чувств, кроме тщеславия и радости победы, но в то время... Мой друг поклонялся вымышленному образу, и когда оказалось, что его кумир вдруг разлетелся вдребезги... У этого парня был ужасный характер, и он решил драться с ее любовниками на дуэли.

Их было двое. Его не волновало, кто останется жив, он не боялся, что его арестуют. Видите ли, он вообразил, что сражается за свою честь. Он назначил им обоим встречу в уединенном месте с интервалом примерно в полчаса.

Какое-то время Форкосиган молчал. Корделия ждала не дыша, не зная, следует ли помочь ему продолжать рассказ. В конце концов он опять заговорил, но голос его потускнел и зачастил.

— Первый был таким же упрямым юным аристократом, как и он сам, и играл по правилам. Он владел двумя мечами, бился со вкусом и чуть не убил м... моего друга. Его последние слова были о том, что он всегда мечтал умереть от руки ревнивого мужа, — только лет в восемьдесят.

Чуть заметная оговорка уже не удивила Корделию. Она только подумала, не был ли ее собственный рассказ столь же очевидным. Похоже, что так.

— Второй был высшим правительственным чиновником, человеком гораздо старше него. Он не желал драться. Мой знакомый несколько раз сбивал его с ног и снова поднимал. После... после того, первого, который умер с шуткой на губах, это было почти невыносимо. Наконец, несмотря на мольбы о пощаде, мой друг заколол беднягу-министра.

Потом заехал к жене, чтобы рассказать ей, что сделал, и вернулся на корабль ждать ареста. Все это про-

изошло за один короткий день. Она была в ярости, она сама была готова биться с ним на дуэли, будь такое возможно. Она чувствовала себя оскорбленной — и предпочла умереть. Выстрелила себе в голову из его служебного плазмотрона. Никогда бы не подумал, что женщина может избрать такой способ. Другое дело — яд или разрезанные вены... Но она была истинной форессой. Лицо ее совершенно сгорело. А у нее было прекраснейшее лицо...

Дело обернулось чрезвычайно странно. Все решили, что двое ее любовников убили друг друга. Клянусь, он этого не планировал! А она якобы покончила самоубийством от отчаяния. Никто его даже не расспрашивал.

Теперь Форкосиган говорил очень медленно.

— Весь тот день он действовал как лунатик или актер. Подавал нужные реплики, совершал необходимые поступки, и в результате ему нисколько не стало лучше. Ничего он не добился, ничего не доказал. Все было таким же поддельным, как ее любовные связи, если не считать смертей. Они были настоящими. — Он помолчал. — Так что, видите, у бетанцев есть хотя бы одно преимущество. Вы позволяете друг другу учиться на ошибках.

— Мне... больно за вашего друга. Это произошло давно?

— Больше двадцати лет назад. Говорят, старики помнят события юности более ясно, чем то, что было на прошлой неделе. Может, он уже постарел.

— Понятно.

Этот рассказ был как странный колючий дар, слишком хрупкий, чтобы его бросить, и слишком ранящий, чтобы держать. Он лег и снова замолчал, а она обошла поляну, прислушиваясь к тишине леса. Когда она закончила обход, Форкосиган спал, дрожа и мечась в лихорадке. Корделия стащила с Дюбауэра один из обгоревших спальных мешков и укрыла его.

ГЛАВА 4

Часа за три до рассвета Форкосиган проснулся и заставил Корделию поспать пару часов. В серый предрассветный час он снова разбудил ее. Он умылся в ручье и избавился от четырехдневной щетины, воспользовавшись одноразовой упаковкой депиллятора. Тоже приберег на последний день, поняла Корделия.

— Мне нужна ваша помощь. Я хочу вскрыть нарыв, выпустить гной и снова все перевязать. До конца дня хватит, а потом это уже не будет иметь значения.

— Хорошо.

Он разулся, и Корделия заставила его подержать ногу под быстрой струей водопада. Потом сполоснула его боевой нож и быстрым глубоким надрезом вскрыла страшно вздувшуюся опухоль. У Форкосигана побелели губы, но он смолчал. Зато Корделия с трудом удержала вскрик. Из разреза хлынули кровь и гной, вынося странные свернувшиеся куски, которые смывала вода. Корделия постаралась не думать о том, сколько новых микробов они вносят в рану.

Она смазала ему ногу остатками явно неэффективной мази и забинтовала последним пластиковым бинтом.

— Стало полегче. — Но он споткнулся и чуть не упал, едва попробовал идти: — Ясно, — пробормотал он. — Пора.

Форкосиган торжественно извлек последнюю таблетку болеутоляющего и еще какую-то маленькую голубую пилюлю, проглотил их и выбросил пустую аптечку. Корделия рассеянно подняла ее и повертела в руках.

— Эти штуки действуют великолепно, — сказал он, — но только пока эффект не кончится — а тогда ты падаешь, словно марионетка, у которой обрезали веревочки. Теперь у меня есть часов шестнадцать.

Действительно, к тому моменту, как они доели завтрак и приготовили Дюбауэра к дневному переходу, барраярец не только выглядел нормально, но и казался

свежим, отдохнувшим и полным энергии. Оба не упоминали о ночном разговоре.

Они сделали большой круг, чтобы зайти с запада, и к полудню подошли к склону горы. Дальше путь лежал через лес, к отрогу напротив гигантской впадины. Здесь Форкосиган объявил, что пора произвести рекогносцировку. Измученный Дюбауэр свернулся калачиком и заснул. Корделия посидела рядом с ним, пока его дыхание не стало медленным и ровным, потом подползла к Форкосигану. Барраярский капитан обводил биноклем туманный зеленый амфитеатр.

— Вон катер. Они поставили его возле пещер. Видите темную щель рядом с водопадом? Это — вход.

Он передал ей бинокль, чтобы она смогла рассмотреть все получше.

— О, вон кто-то выходит. При сильном увеличении видны лица.

— Куделка. — Бинокль снова оказался в руках Форкосигана. — Он — в порядке. Но худой человек рядом с ним — это Дэробей, один из шпионов Рэднова в группе связи. Запомните его лицо: надо знать, когда нельзя высовываться.

Корделия гадала: удовлетворенный вид Форкосигана — это результат действия стимулятора или свирепая радость в предвкушении конфликта? Он наблюдал, считал и прикидывал, и глаза его блестели.

Барраярец присвистнул сквозь зубы, сразу напомнив ей хищного шестинога:

— Господи, а вон и сам Рэднов! Хотел бы я до него добраться! Но на этот раз можно и подождать, чтобы людьми министерства занялся суд. Пусть только попробуют спасти своих любимчиков от обвинения в бунте! На этот раз высшее командование и Совет графов будут на моей стороне. Нет, Рэднов, ты останешься в живых — и пожалеешь об этом.

Вдруг он замер и ухмыльнулся:

— Ну вот, наконец и мне повезло. Вон Готтиан, он вооружен — значит, он командует. Мы почти у цели. Начинаем действовать.

Они отползли обратно, под прикрытие деревьев. Дюбауэра на месте не было.

— О, Боже! — выдохнула Корделия, вглядываясь в заросли. — Куда он делся?

— Далеко он уйти не мог, — успокоил ее Форкосиган, хотя и он выглядел сейчас озабоченным.

Они сделали круг по лесу, пройдя метров по сто. «Идиотка! — яростно ругала себя Корделия, чувствуя, как ее охватывает паника. — И куда тебя понесло...» Никаких следов мичмана обнаружить не удалось.

— Послушайте, сейчас у нас нет времени его искать, — сказал Форкосиган. — Как только я снова стану командующим, я пошлю патруль на его розыски. С мониторами они найдут его быстрее, чем мы.

Корделия подумала о хищниках, обрывах, глубоких затонах, барраярских патрулях, скорых на расправу.

— Мы столько прошли... — начала она.

— Если я не верну себе командование, вы оба не выживете.

С трудом подчинившись доводам рассудка, Корделия позволила Форкосигану взять себя за руку, и они двинулись через лес. Когда барраярский лагерь был уже близко, он приложил палец к губам.

— Идите как можно тише. Я проделал такой путь не для того, чтобы меня подстрелили собственные часовые. А! Здесь надо лечь.

Он устроил за поваленными стволами, в высокой траве неподалеку от тропы.

— А вы не хотите просто постучать в дверь?

— Нет.

— Почему, если ваш Готтиан надежен?

— Что-то здесь не так. Не пойму, зачем они вообще сюда вернулись. — Минуту поразмыслив, он передал ей парализатор. — Если придется воспользоваться оружием, то пускай у вас будет такое, которое вы можете применить. В нем еще остался небольшой заряд — на один-два выстрела. Это тропинка между двумя постами, и рано или

поздно по ней кто-нибудь пройдет. Не поднимайте головы, пока я не дам команду.

Он расстегнул ножны и затаился по другую сторону тропы. Они прождали полчаса, потом еще столько же. Весь лес словно дремал, нежась в мягком, теплом тумане.

Но вот на тропе послышались звуки шагов: кто-то прошелестел опавшими листьями. Корделия застыла в полной неподвижности, стараясь всмотреться в идущего и не поднять при этом головы. Показалась высокая фигура в ладно пригнанном барраярском камуфляже. Спокойное лицо, седые волосы. Когда офицер уже почти прошел мимо, Форкосиган поднялся из своего убежища.

— Корабик, — проговорил он негромко, но по-настоящему дружелюбно. Он стоял и ждал, скрестив руки и улыбаясь.

Готтиан стремительно обернулся, одновременно выхватывая из кобуры нейробластер. Через секунду на лице его отразилось изумление.

— Эйрел! Разведгруппа доложила, что тебя убили бетанцы. — И он шагнул, но не вперед, как ожидала Корделия по интонации Форкосигана, а назад. Нейробластер по-прежнему оставался у него в руке, словно он забыл его убрать, но пальцы крепко сжимали рукоятку. У Корделии оборвалось сердце.

У Форкосигана был чуть удивленный вид, словно такая сдержанная встреча его озадачила.

— Рад видеть, что ты не суеверен, — пошутил он.

— Мне следовало бы знать, что тебя нельзя считать мертвым... до тех пор, пока лично не увижу тебя в могиле с осиновым колом в сердце, — с печальной иронией произнес Готтиан.

— В чем дело, Корабик? — спокойно спросил Форкосиган. — Ты же никогда не был лизоблюдом министерства.

При этих словах Готтиан, уже не таясь, направил на своего капитана нейробластер. Форкосиган стоял, не двигаясь, и смотрел на него.

— Нет, не был, — откровенно ответил Готтиан. — Я понял, что история насчет тебя и бетанцев, которую

рассказал мне Рэднов, не похожа на правду, и я намерен был позаботиться о том, чтобы она прошла через совет по расследованию, когда мы вернемся домой. — Он помолчал. — Но тогда я уже был бы командующим. Замещая капитана шесть месяцев, я наверняка получил бы этот пост. Как по-твоему, какие у меня шансы получить командование — в моем-то возрасте? Пять процентов? Два? Ноль?

— Не такие плохие, как ты думаешь, — по-прежнему спокойно ответил Форкосиган. — Планируется кое-что, о чем пока никто не знает. Новые корабли, новые возможности.

— Обычные слухи, — отмахнулся Готтиан.

— Значит, ты не поверил в мою смерть? — продолжал расспрашивать Форкосиган.

— Я был уверен, что ты погиб. И взял на себя командование... Кстати, куда ты дел секретный пакет? Мы всю твою каюту перевернули, но так и не нашли.

Форкосиган сухо улыбнулся и покачал головой.

— Не хочу вводить тебя в соблазн.

— Неважно. — Нейробластер Готтиана не дрожал. — И тут позавчера ко мне явился этот полоумный, Ботари. Он рассказал, что на самом деле произошло возле лагеря бетанцев. Дьявольски меня удивил — я-то думал, он был бы счастлив перерезать тебе глотку. Поэтому мы вернулись сюда — якобы провести планетные маневры. Я не сомневался, что рано или поздно ты объявишься, но ожидал тебя раньше.

— Я задержался. — Форкосиган чуть сдвинулся, уходя с линии огня парализатора Корделии. — Где сейчас Ботари?

— В одиночке.

— Ему это очень вредно, — поморщился Форкосиган. — Насколько я понял, ты не стал оповещать всех о том, что мне удалось спастись?

— Даже Рэднов не знает. Он по-прежнему считает, что Ботари тебя прикончил.

— Доволен, а?

— Как кот на солнышке. Я бы с наслаждением ткнул его мордой в грязь перед комиссией по расследованию, если бы ты оказался столь любезен, чтобы погибнуть во время перехода.

Форкосиган сделал печальную гримасу.

— Похоже, ты так и не решил, чего бы тебе больше всего хотелось. Могу ли я намекнуть, что даже сейчас еще не поздно передумать?

— Ты никогда мне этого не забудешь, — неуверенно возразил Готтиан.

— Будь я помоложе и поглупее — не забыл бы. Но, сказать по правде, мне уже слегка надоело убивать — это никого ничему не учит. — Форкосиган поднял голову и посмотрел прямо в глаза Готтиану. — Если хочешь, я дам тебе слово. Ты знаешь, чего оно стоит.

Нейробластер задрожал — Готтиан явно колебался, не зная, какое решение принять. И тут Корделия заметила, что по его щекам текут слезы. «О живых не плачут, — подумала она, — только о мертвых». Значит, в следующую секунду Готтиан выстрелит.

Она подняла парализатор, тщательно прицелилась и нажала на спусковой крючок. Оружие издало только слабое жужжание, но заряда все-таки хватило на то, чтобы обернувшийся на неожиданный звук Готтиан упал на колени. Форкосиган вырвал у него из руки нейробластер, потом сорвал с пояса кобуру с плазмотроном и резким ударом свалил бывшего друга на землю.

— Будь ты проклят, — прохрипел полупарализованный Готтиан, — неужели тебя так никогда и не перехитрить?

— Будь иначе, меня бы здесь не было, — пожал плечами Форкосиган. Он быстро обыскал Готтиана, конфисковав у него нож и и еще кое-какое оружие. — Кто сейчас на постах?

— Сенс — на севере, Куделка — на юге.

Форкосиган снял с Готтиана пояс и связал ему руки за спиной.

— Тебе и правда трудно было принять решение, а? — Он повернулся к Корделии: — Сенс — один из людей Рэднова, Куделка — мой.

— Но ведь это тоже ваш человек, — заметила Корделия, кивнув на связанного. — Похоже, единственное различие между вашими друзьями и врагами — в том, сколько времени они тратят на разговоры, прежде чем выстрелить в вас.

— Да, — согласился Форкосиган, — с этой армией я завоевал бы весь мир, если бы мне хоть раз удалось заставить всех стрелять в одну сторону. Могу ли я одолжить у вас ремень, командор Нейсмит?

Он связал Готтиану ноги, вставил в рот кляп и выпрямился, осматриваясь.

— Все критяне — лжецы, — пробормотала Корделия, подходя поближе, а потом громко спросила: — На север или на юг?

— Интересный вопрос. Как бы вы на него ответили?

— Когда-то у меня был учитель, который вот так же отводил мои вопросы. Я считала, что это сократический метод, и страшно им восхищалась. А потом поняла, что он прибегал к нему всякий раз, когда не знал, что ответить.

Корделия вглядывалась в лежащего Готтиана, пытаясь угадать, чем был продиктован его ответ: раскаянием или надеждой завершить неудавшееся покушение. Барраярец глянул на нее с недоумением и враждебностью.

— На север, — неохотно заключила Корделия.

Они с Форкосиганом обменялись понимающими взглядами, и он коротко кивнул:

— Что же, идемте.

Они тихо пошли вверх по тропинке, к перевалу, потом по впадине, заросшей густым серо-зеленым кустарником.

— Вы давно знаете Готтиана?

— Мы служим вместе уже четыре года, со времени моего разжалования. Я считал, что он хороший кадровый офицер. Но совершенно аполитичный. У него семья.

— Как вы думаете, вы могли бы... потом взять его об ратно?

— Все простить и все забыть? Я дал ему такую возмож ность. Он отрекся от меня. Дважды, если вы правильно ис толковали его слова. — Они снова поднимались вверх п склону. — Пост находится наверху. Кто бы там ни был, он через секунду нас заметит. Задержитесь здесь и прикройт меня. Если услышите выстрелы... — он помолчал, — дей ствуйте по своему усмотрению.

Корделия подавила нервный смешок. А Форкосиган рас стегнул кобуру нейробластера и открыто пошел по тро пе, стараясь производить побольше шума.

— Часовой, докладывайте, — услышала она его гром кий приказ.

— Ничего нового с... О, Господи, да это же капитан!

И до Корделии донесся такой радостный хохот, како го она не слышала, кажется, уже целый век. Она прислонилась к дереву, внезапно ослабев. «И когда же, — спросила она себя, — ты перестала бояться его? Когда ты начала бояться за него? И почему новый страх настолько мучительнее прежнего? Похоже, ты от этой перемены ничего не выиграла, а?»

— Вы можете показаться, командор Нейсмит, — гром ко проговорил Форкосиган. Она обогнула последнюю груп пу кустов и взобралась на травянистый пригорок. На нем расположились двое подтянутых молодых людей в пятни стом камуфляже. Одного из них, на голову выше Форко сигана, с мальчишеским лицом, не соответствующим могучему телу, она уже видела в бинокль — это был Ку делка. Он с неуемным восторгом жал руку своему капи тану, словно никак не мог окончательно убедиться, что перед ним не призрак. Но когда второй часовой разгля дел ее форму, его рука дернулась к кобуре.

— Нам сказали, что вас убили бетанцы, сэр...

— Да, этот преувеличенный слух мне было нелегко опровергнуть, — отозвался Форкосиган. — Как видите, это не так.

— Похороны получились великолепные, — сообщил Куделка. — Жаль, что вас там не было.

— Может, в другой раз, — ухмыльнулся Форкосиган.

— Ох, простите, сэр. Ну, вы же знаете, что я не это имел в виду. А лучшую речь произнес лейтенант Рэднов.

— Не сомневаюсь. Он над ней, наверное, корпел уже несколько месяцев.

Куделка, более сообразительный, чем его спутник, громко ахнул. Второй барраярец посмотрел на него с удивлением.

— Теперь позвольте представить вам командора Корделию Нейсмит из Бетанской астроэкспедиции. Она... — Форкосиган замолчал. Корделия с интересом ждала, какой именно статус она получит. — Она... Э-э...

— Итак, она... — услужливо пробормотала Корделия.

Форкосиган плотно сжал губы.

— Моя пленная, — наконец выбрал он. — С правом свободного передвижения, за исключением секретных районов. Обращаться с ней следует со всяческим уважением.

Видно было, что оба парня буквально умирают от любопытства.

— Она вооружена, — напомнил спутник Куделки.

— Да, к счастью. — Форкосиган воздержался от объяснений, а перешел к более важным вопросам. — Кто прилетел на катере?

Куделка начал перечислять имена, его спутник изредка подсказывал.

— Ладно. — Форкосиган вздохнул. — Необходимо быстро и без шума разоружить Рэднова, Дэробея, Сенса и Тейфаса и посадить под арест по обвинению в мятеже. Позже к ним присоединятся и другие. Пока они не будут арестованы, никакой связи с «Генералом Форкрафтом». Где лейтенант Буффа?

— В пещерах. Сэр! — У Куделки теперь был довольно несчастный вид: он начал понимать, что произошло.

— Да?

— Вы уверены насчет Тейфаса?

— Почти. — Голос Форкосигана смягчился. — Их будут судить. Суд для того и существует, чтобы отделить виновных от невинных.

— Да, сэр.

Куделка принял эту слабую гарантию относительно будущего человека, который, как догадалась Корделия, был ему другом.

— Теперь ты понимаешь, почему я говорил, что статистика гражданской войны не отражает реального положения вещей? — спросил Форкосиган.

— Да, сэр. — Куделка прямо встретил его взгляд, и Форкосиган кивнул.

— Хорошо. Идите со мной.

Они снова двинулись в путь. Форкосиган взял ее под руку и почти не хромал, ловко скрыв, насколько тяжело он на нее опирается. Они шли по новой тропе через лес, то вверх, то вниз, и, наконец, оказались у замаскированных дверей, закрывавших вход в пещеры.

Струившийся рядом водопад заканчивался небольшим бассейном, из которого выбегал живописный ручей. Около него собралась странная группа. Сначала Корделия не могла разобрать, что там происходит. Двое барраярцев стояли, наблюдая за двумя другими, опустившимися на колени у воды. При их приближении те, кто стоял на коленях, выпрямились и подняли на ноги мокрую фигуру со связанными руками. Человек задыхался и кашлял, шумно глотая воздух.

— Это Дюбауэр! — воскликнула Корделия. — Что они с ним делают?

В отличие от нее, Форкосиган моментально понял смысл всей картины. Он лишь чертыхнулся и, прихрамывая, побежал вниз.

— Это мой пленник! — крикнул он, подбегая к водоему. — Руки прочь от него!

Вся четверка дернулась, как от удара током, и выпустила свою жертву. Дюбауэр упал на землю. Волосы, лицо, реденькая бородка и воротник мичмана были совершен-

но мокрыми, и он продолжал кашлять и чихать. Ужаснувшись, Корделия, наконец, поняла, что барраярцы пытали его, окуная в воду.

— Лейтенант Буффа, что здесь происходит? — рявкнул Форкосиган, пронзая негодующим взглядом одного из четверых.

— Я думал, вас убили бетанцы, сэр! — невпопад проговорил растерявшийся Буффа.

— Не убили, — отрывисто ответил Форкосиган. — Так что вы делали с этим парнем?

— Тейфас поймал его в лесу, сэр. Мы решили его допросить: хотели узнать, есть ли тут поблизости еще бетанцы... — он бросил взгляд на Корделию. — Только вот он отказывается говорить. А я-то всегда считал их слабаками.

Форкосиган провел рукой по лицу, словно моля небо дать ему силы.

— Буффа, — терпеливо проговорил он. — Этот человек пять дней назад попал под нейробластер. Он не может говорить, а если бы и мог, то все равно ничего бы не знал.

— Изверги! — крикнула Корделия, опускаясь на колени. Дюбауэр узнал ее, и отчаянно в нее вцепился. — Вы, барраярцы, просто дикари, мерзкие убийцы!

— И еще придурки. Не забудьте про придурков, — напомнил Форкосиган, испепеляя взглядом своих подчиненных. У пары человек хватило совести выглядеть не только испуганными, но и пристыженными. Форкосиган тяжело вздохнул. — Он в порядке?

— Как будто в порядке, — сухо отозвалась Корделия. — Только очень расстроен, знаете ли...

Ее трясло от негодования.

— Командор Нейсмит, я приношу вам извинения за действия моих подчиненных, — официальным тоном заявил Форкосиган, повысив голос и явно давая понять всем присутствующим, в какое неловкое положение они поставили своего капитана.

— Нечего тут щелкать каблуками, — яростно прошипела Корделия. Но при виде его погрустневшего лица она смягчилась и добавила чуть громче: — Имело место неправильное истолкование событий. — Она перевела взгляд на рослого лейтенанта Буффу, который старался незаметно стушеваться. — А когда человек слеп, он может и обознаться. Так что... О, черт, — она прервала речь, поскольку испуг и смятение вызвали у Дюбауэра новый припадок. Большинство барраярцев смущенно отвели глаза. Форкосиган, уже наученный опытом, опустился на колени, чтобы помочь ей. Когда судороги затихли, он снова встал.

— Тейфас, сдай оружие Куделке. — Тейфас помедлил, затравленно озираясь, потом медленно повиновался.

— Я не хотел участвовать в этом, сэр, — с отчаянием проговорил он, — но лейтенант Рэднов сказал мне, что уже поздно.

— У тебя еще будет возможность оправдаться, — устало отозвался Форкосиган.

— Что происходит, сэр? — спросил озадаченный Буффа. — Вы видели командора Готтиана?

— Я дал командору Готтиану... отдельное поручение. Буффа, ты примешь командование над группой.

Форкосиган повторил свой приказ относительно ареста и отрядил нескольких человек для его выполнения.

— Мичман Куделка, отведи моих пленников в пещеру. Позаботься, чтобы их как следует накормили и предоставили все, что потребует командор Нейсмит. Потом подготовь катер к взлету. Мы вернемся на корабль, как только другие... арестованные будут в сборе.

Он избегал слова «мятежники», по-видимому, считая его слишком сильным выражением.

— Что вы собираетесь... — начала Корделия.

— Собираюсь поговорить с командором Готтианом. Наедине.

— Хм-м. Ну, не заставьте меня пожалеть о моем совете.

Это означало: «Будьте осторожны!»

Махнув рукой в знак того, что понял, Форкосиган побрел обратно к лесу. Его хромота стала заметнее.

Корделия помогла ботанику подняться на ноги, и Куделка повел их к входу в пещеру. Этот парень настолько походил на Дюбауэра, что ей трудно было сохранять враждебность.

— Что у старика с ногой? — спросил Куделка, оглядываясь через плечо.

— У него воспалилась царапина, — Корделия не стала вдаваться в подробности, поскольку уже поняла, что Форкосиган прав, скрывая любую слабость от своих ненадежных подчиненных. — Эта рана потребует внимания хорошего медика, если только вам удастся заставить его заняться собой.

— Это для старика типично. Никогда не видел столько энергии у человека его возраста.

Корделия саркастически подняла бровь:

— Какого возраста?

— Ну, конечно, вам он не кажется старым, — уступил Куделка, удивившись ее смешку. — То есть энергия вообще-то не совсем верное слово...

— Как насчет силы? — предложила она, втайне страшно довольная тем, что у Форкосигана есть хотя бы один почитатель. — Энергия, приложенная к работе.

— Вот-вот, самое то, — одобрил он.

Корделия решила не упоминать о голубой таблетке.

— Он показался мне интересным человеком, — сказала она, надеясь услышать еще что-нибудь об Форкосигане. — Как он попал в такую историю?

— Вы имеете в виду Рэднова?

Она кивнула.

— Ну, я не хочу критиковать старика, но... — Тут Куделка даже понизил голос. — Кто, кроме него, сказал бы политофицеру, едва тот пришел на корабль, чтобы он не совался ему на глаза, если хочет дожить до конца полета?

Они уже дважды повернули внутри пещеры. Корделия настороженно осматривалась. «В высшей степени стран-

но, — решила она. — Форкосиган ввел меня в заблуждение». Лабиринт отчасти имел естественное происхождение, но в основном его вырубили плазменной дугой. Тут было холодно, влажно и сумрачно. Огромные пространства были загромождены разнообразными припасами. Это не тайник, а настоящий военный склад. Она беззвучно присвистнула, озираясь по сторонам и прозревая в будущем множество самых неприятных вариантов развития событий.

В одном из закоулков находилось обычное барраярское полевое укрытие: ребристая полусфера, обтянутая такой же тканью, что и бетанские палатки. Здесь расположилась полевая кухня и примитивная столовая, где хозяйничал одинокий старшина, наводя порядок после обеда.

— Только что объявился старик — живехонек! — приветствовал его Куделка.

— Ого! А я думал, бетанцы перерезали ему глотку, — удивленно отозвался старшина. — А мы-то устроили такие шикарные поминки.

— Вот эти двое — личные пленники старика, — продолжал Куделка, обращаясь к повару, который, как заподозрила Корделия, был скорее боевым солдатом, чем опытным кулинаром. — А его отношение к пленным тебе известно. У этого парня — повреждения после нейробластера. Бетанцев велено как следует накормить, так что не трави их своими обычными помоями.

— Критику наводить все горазды, — пробормотал старшина-повар, когда Куделка исчез, чтобы заняться другими делами. — Что будете есть?

— Что угодно. Что угодно, лишь бы не овсянку и заправку с рокфором, — поспешно поправилась Корделия.

Барраярец исчез в заднем помещении и через несколько минут появился с дымящимися мисками какого-то рагу и — о чудо! — настоящим хлебом с настоящим маргарином. Корделия жадно набросилась на еду.

— Ну как? — бесцветно осведомился старшина.

— Чудесно, — пробормотала она с набитым ртом. — Просто объедение.

— Правда? — Он расправил плечи. — Вам правда нравится?

— Правда. — Она перестала есть, чтобы всунуть несколько ложек рагу обалдевшему Дюбауэру. Вкус теплой пищи разогнал вызванную припадком дремоту, и он начал жевать почти так же энергично, как и она.

— Э, можно мне помочь его накормить? — предложил повар.

Корделия улыбнулась.

— Конечно, можно.

Очень скоро она узнала, что старшину зовут Нилеза, выслушала историю его жизни, отведала весь — хоть и очень небогатый — запас деликатесов, которые могла предложить барраярская походная кухня. Видимо, старшина так же истосковался по похвалам, как его товарищи — по домашней кухне, потому что ходил за ней по пятам, ломая голову, чем бы еще ей услужить.

Форкосиган пришел без сопровождающих и устало сел рядом с Корделией.

— Добро пожаловать, сэр, — приветствовал его Нилеза. — Мы думали, бетанцы вас убили.

— Да, знаю. — Форкосиган жестом отмел это уже успевшее надоесть приветствие. — Как насчет еды?

— Что прикажете, сэр?

— Все равно, лишь бы не овсянку.

Ему тоже дали хлеба и рагу. Съел он немного — было очевидно, что жар в сочетании со стимулятором не способствует аппетиту.

— Что с командором Готтианом? — тихо спросила Корделия.

— Он снова в строю.

— Как вы этого добились?

— Развязал его и дал ему мой плазмотрон. Сказал, что не могу работать с человеком, в котором не уверен, и что это — его последний шанс на повышение по службе. Потом сел к нему спиной. Просидел так минут десять. Мы не сказали ни слова. Потом он вернул мне оружие, и мы пошли обратно в лагерь.

— Я тоже думала, что какая-то шутка в этом роде сработает. Хотя сомневаюсь, что смогла бы так поступить на вашем месте.

— Я бы, наверное, тоже не смог, если бы не чертовская усталость. Так хотелось дать отдых ногам. — Он заговорил немного оживленнее: — Как только будет восстановлен порядок, мы полетим к «Генералу». Это чудесный корабль. Я отведу вам каюту инспекторов — ее называют адмиральской, хотя она ничем не отличается от остальных. — Он положил ложку. — Как вам наша еда?

— Чудесная.

— Большинство отзывается иначе.

— Старшина Нилеза был очень добр и внимателен.

— Мы говорим об одном и том же человеке? — удивился Форкосиган.

— По-моему, ему просто надо, чтобы его работу ценили. Попробуйте как-нибудь.

Форкосиган поставил локти на стол, уперся подбородком в ладони и улыбнулся:

— Что ж, попытаюсь последовать вашему совету.

Оба замолчали, чувствуя, как усталость берет свое. Форкосиган откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Корделия опустила голову на руки и задремала. Примерно через полчаса вошел Куделка.

— Мы взяли Сенса, сэр, — доложил он. — Но у нас были... остались трудности с Рэдновым и Дэробеем. Они что-то пронюхали и скрылись в лесу. Я выслал за ними отряд.

Казалось, Форкосиган готов разразиться проклятиями.

— Надо было пойти самому, — пробормотал он. — У них есть оружие?

— У обоих остались нейробластеры. Плазмотроны мы успели забрать.

— Хорошо. Я больше не хочу тратить время на поиски. Отзовите людей и блокируйте все входы в укрытие. Интересно, как им понравится ночевать в лесу? — Глаза его весело сверкнули. — Мы прихватим их позже. Деться им некуда.

* * *

Корделия помогла Дюбауэру забраться в катер — пустой и довольно потрепанный — и устроиться на свободном месте. С прибытием последнего отряда катер наполнился солдатами, включая трех понурых арестантов. Все барраярцы оказались рослыми и мускулистыми молодыми людьми. Пока Форкосиган был самым невысоким из всех, кого она видела.

Они с любопытством разглядывали личных пленных Форкосигана, и до нее донеслись обрывки фраз на двух или трех языках. Догадаться о предмете разговора было нетрудно. Корделия невесело усмехнулась. Юнцы были полны иллюзий относительно того, сколько желания и сил для занятий любовью может остаться у мужчины и женщины после сорокакилометровых ежедневных переходов, сотрясения мозга и удара парализатора; у людей больных и голодных, попеременно присматривающих за раненым и пытающихся не попасть на ужин окрестным хищникам... К тому же совсем немолодых: тридцати трех и сорока с лишним лет. Она закрыла глаза, чтобы не видеть их любопытных физиономий.

Форкосиган вернулся из кабины пилотов и сел рядом с ней.

— Как вы?

Корделия кивнула.

— В порядке. Немного ошарашена этими толпами мальчишек. Кажется, вы, барраярцы, — единственные, у кого нет смешанных экипажей. Интересно, почему?

— Отчасти — по традиции, отчасти, — чтобы поддержать боевой дух. Они вам не досаждали?

— Нет, только позабавили. Скажите, а они догадываются, как ими манипулируют?

— Ничуть. Они считают себя властителями вселенной.

— Бедные ягнятки.

— Я бы не стал их так характеризовать.

— Я имела в виду жертвенных животных.

— А-а. Это уже ближе.

Двигатели завыли, и катер поднялся в воздух. Он облетел вокруг усеянной кратерами возвышенности, а потом взял курс на восток, набирая высоту. Корделия видела в иллюминатор, как под крылом за считанные минуты пронеслась вся местность, по которой они с такими мучениями шли несколько дней. Корабль взмыл над огромной горой — где-то там, на склоне, спит вечным сном лейтенант Роузмонт... Внизу промелькнули снега и ледники, озаренные заходящим солнцем. Они летели на восток — через сумерки, через ночь, потом горизонт ушел вниз, и они вырвались в вечный мрак космического пространства.

Когда они приблизились к планетной орбите «Генерала Форкрафта», Форкосиган снова ушел к пилотам, чтобы проследить за сближением. Казалось, его все больше поглощает привычный круг обязанностей и общество сослуживцев, из которого он был вырван. Хотя, конечно, у них еще будет возможность видеть друг друга — и даже не один месяц, судя по тому, что говорил Готтиан. «Ты антрополог, — внушала себе Корделия, — и изучаешь племя диких барраярцев. Рассматривай это как отдых, все равно ты хотела после этой экспедиции уйти в длительный отпуск. Ну, вот он и наступил». Но пальцы нервно теребили обивку обшарпанного сиденья. Нахмурившись, она заставила их успокоиться.

Стыковка прошла гладко, и через несколько минут толпа рослых солдат, собрав снаряжение и, шумно топая, потянулась к шлюзу. У локтя Корделии возник Куделка, сообщивший, что назначен ее проводником. Скорее, охранником, — мелькнуло у нее в голове — а может, нянькой: в эту минуту она не чувствовала себя особо опасной. Подхватив Дюбауэра, она прошла на корабль Форкосигана.

Тут все было иначе, чем на «Рене Магритте»: холодно, масса некрашенного металла, экономия на удобствах и обстановке — в общем, та же разница, что между жилой комнатой и гаражом. Прежде всего они отправились в лазарет. Это был длинный ряд аккуратных по-

мещений, гораздо более обширных, чем на ее экспедиционном корабле, даже в относительных измерениях. Сейчас в лазарете почти никого не было: только главный хирург и несколько рядовых, занятых инвентаризацией, да еще один скучающий солдат со сломанной рукой. Дюбауэра осмотрел врач, и Корделия скоро поняла, что в последствиях, вызванных действием нейробластера, он разбирается даже лучше, чем доктор их корабля. Затем он передал больного санитарам, чтобы те его вымыли и уложили.

— Скоро у вас будет еще один пациент, — сообщила Корделия хирургу. — У вашего капитана на щиколотке отвратительная инфицированная рана. Началось общее заражение. И еще... Не знаю, что за голубые таблетки у вас в аптечках, но, судя по его словам, та, которую он принял сегодня утром, вот-вот перестанет действовать.

— Чертова отрава, — проворчал хирург. — Не спорю, она работает, но могли бы придумать что-нибудь менее истощающее организм.

Доктор принялся готовить к работе синтезатор антибиотиков, а Корделия наблюдала, как укладывают в постель бесчувственного Дюбауэра. Она поняла, что для него начинается бесконечная вереница больничных дней, однообразных и пустых, — и так до конца жизни. Не оказала ли она ему дурную услугу? Может, барраярец был прав? Она немного помедлила в лазарете, надеясь дождаться своего второго спутника.

Наконец, появился Форкосиган. Он пришел в сопровождении — а вернее, с помощью — двух офицеров, которых Корделия до этого еще не видела. Ясно было, что он не рассчитал время, потому что смотреть на него было просто страшно. Смертельно бледный, он ругался, отдавая распоряжения, и дрожал с головы до ног. Корделия подумала, что уже сейчас заметно, где у него на лице лягут морщины, когда ему будет семьдесят.

— О вас еще не позаботились? — спросил он, увидев ее. — Где Куделка? Я же сказал ему... А, вот ты где. По-

мести ее в адмиральскую каюту. Я уже говорил? И зайди на склад, найди ей какую-нибудь одежду. И ужин. И зарядди ей парализатор.

— Я в порядке. Не лучше ли вам лечь? — обеспокоенно спросила Корделия.

Но Форкосиган продолжал кружить по комнате, как заводная игрушка со сломанным колесом.

— Надо выпустить Ботари, — пробормотал он, — а то у него, наверное, уже начались галлюцинации.

— Вы это только что сделали, сэр, — напомнил один из офицеров. Хирург перехватил его взгляд и многозначительно кивнул головой в сторону операционного стола. Лейтенанты взяли своего командира под руки, почти силой отвели к столу и заставили улечься.

— Все эти чертовы пилюли, — объяснил Корделии хирург, видимо, сжалившись над нею. — Он уже утром будет в порядке, если не считать сонливости и страшной головной боли.

И доктор склонился над своим пациентом. Он ловко разрезал натянутую распухшей ногой брючину и тут же разразился проклятиями при виде того, что оказалось под ней. Куделка заглянул ему через плечо и обернулся к Корделии с неестественной улыбкой на позеленевшем лице.

Корделия кивнула ему и неохотно удалилась, оставив Форкосигана на попечении специалистов. Куделка, которому понравилась новая роль — сопровождающего (несмотря на то, что из-за нее он пропустил эффектную сцену возвращения капитана на борт корабля), отвел ее на склад за одеждой, потом исчез с парализатором и вернулся, зарядив его, как и было приказано. Казалось, это далось ему нелегко.

— Я все равно не стану бунтовать, — заверила Корделия, уловив борьбу чувств, отразившуюся на бесхитростной физиономии прапорщика.

— Нет-нет, старик распорядился, чтобы он у вас был. Я не собираюсь спорить с ним относительно пленных, для него это больной вопрос.

— Я так и поняла. Кстати, должна напомнить вам, что наши правительства, насколько мне известно, не находятся в состоянии войны. Следовательно, мое задержание незаконно.

Куделка поразмыслил над этим заявлением, но привычный образ мыслей, по-видимому, возобладал. Прихватив вещи, он провел Корделию в ее каюту.

ГЛАВА 5

На следующее утро, открыв дверь, Корделия обнаружила часового. Ее макушка еле доставала ему до плеча, а лицо стража напомнило ей морду борзой собаки: узкое, длинноносое, со слишком близко посаженными глазами. Она сразу же поняла, где видела его: возле ущелья, в пестрой тени деревьев — и в ней зашевелился прежний страх.

— Сержант Ботари?

Он отдал ей честь — первый барраярец, сделавший это.

— Сударыня, — отозвался он низким монотонным басом и замолчал.

— Я хочу пройти в лазарет, — неуверенно проговорила она.

— Да, сударыня.

Четко повернувшись, он зашагал по коридору. Корделия уже догадалась, что Ботари сменил Куделку в качестве ее охранника и гида, и последовала за ним. Она не задавала по пути никаких вопросов, да и внешность сержанта не располагала к светской беседе. Наблюдая за ним, она вдруг подумала, что охрана могла быть поставлена не только для того, чтобы не выпускать ее, сколько затем, чтобы не впускать к ней других. Парализатор на поясе неожиданно сделался удивительно тяжелым.

В лазарете сидел чистенький Дюбауэр, одетый в черную форму без знаков различия — такую же выдали и ей.

Ему остригли волосы и побрили. Она попыталась говорить с ним, пока собственный голос не показался ей бессмысленным шумом. Дюбауэр смотрел на нее и молчал.

Форкосиган помещался в отдельной палате, дверь которой выходила в общую. Он сделал ей знак войти. Сидя на кровати в зеленой пижаме стандартного образца, капитан тыкал световым карандашом в экран компьютера, подвешенный над постелью. Она заметила, что даже пижама не делает его штатским — в любой одежде Форкосиган оставался командиром своего корабля. Казалось, он может работать хоть голым — и тогда все окружающие ощутят себя нелепо расфранченными. Только и всего. Чуть улыбнувшись своим мыслям, Корделия приветствовала его небрежным взмахом руки. Около постели стоял один из двух офицеров, которые накануне привели его в лазарет.

— Командор Нейсмит, это — командор-лейтенант Форкаллонер, мой второй заместитель. Подождите минутку, пожалуйста: капитаны приходят и уходят, но отчетность вечна.

— Аминь.

Лощеный Форкаллонер мог послужить идеальной моделью для армейской рекламы. Но за внешней бесстрастностью скрывался юмор, и Корделия подумала, что таким лет через десять-двенадцать станет мичман Куделка.

— Капитан Форкосиган очень высоко о вас отзывается, — проговорил лейтенант, начиная светский разговор. — И я полагаю, что раз уж нам удалось захватить только одного пленного, то вы — бесспорно лучший вариант.

Форкосиган поморщился. Корделия чуть качнула головой, призывая его не обращать внимания на лейтенантскую болтовню. Он пожал плечами, и его пальцы быстро забегали по клавиатуре.

— Поскольку все мои люди благополучно летят домой, я тоже могу считать это удачным обменом. По крайней мере, почти все, — ответила она, но тут же вспомнила

мертвого Роузмонта, и молодой барраярец показался ей уже совсем не таким забавным.

— И вообще, почему вам так хотелось нас изловить?

— Ну, так было приказано, — просто ответил Форкаллонер, как древний фанатик, готовый на все вопросы отвечать: «Потому что так угодно Богу». Впрочем, на какой-то миг на его лице отразилась легкая неуверенность. — А я уж было решил, что нас послали сюда на дежурство в качестве наказания, — пошутил он.

Эти слова развеселили Форкосигана.

— За твои грехи? Ты мыслишь чересчур эгоцентрично, Аристид. — Предоставив Форкаллонеру разбираться в смысле сказанного, он обратился к Корделии: — Ваше задержание должно было пройти бескровно. Так оно и было бы, не начнись у нас мятеж... В определенных случаях извинения бесполезны (Корделия поняла, что и ему вспомнились ночные похороны Роузмонта). — Ответственность за происшедшее лежит на мне, и меня за этот инцидент еще приласкают в генеральном штабе, как только прочтут мое донесение.

Он вымученно улыбнулся и снова забарабанил по клавишам.

— Ну, я тоже не стану извиняться за то, что подпортила планы вторжения, — отважно выпалила Корделия и замолчала, ожидая их реакции.

— Какого вторжения? — вскинулся Форкаллонер.

— Этого я и опасался. Так и думал, что вы сообразите, увидев пещеры со складами, — досадливо заметил Форкосиган. — Он помолчал. — Дело только обсуждалось, когда мы вылетали, и наши «ястребы» размахивали идей внезапности — для них это дубинка, которой можно побить партию мира. Говоря как частное лицо... впрочем, я не имею такого права, пока на мне военная форма. Оставим это.

— Какое вторжение, сэр? — В эту минуту обнадеженный Форкаллонер напоминал ребенка, услышавшего о новой игрушке.

— Если повезет — никакое, — отрезал Форкосиган. — Мне и одного до конца жизни хватит.

Казалось, он ушел в какие-то личные, неприятные воспоминания.

Форкаллонер явно не одобрял такую сдержанность со стороны героя Комарры.

— Это же была великолепная победа, сэр. С очень небольшими потерями.

— Да. С нашей стороны.

Форкосиган допечатал свой доклад, подписал его и ввел требование о новом бланке.

— Но ведь так и планировалось, разве нет? — допытывался лейтенант.

— После Комарры осталось грязное политическое наследство. Я не хотел бы передать такое следующему поколению. Давайте прекратим этот разговор.

Он кончил заполнять последний бланк.

— Куда вы собираетесь вторгнуться? — настаивала Корделия.

— Почему я ничего об этом не слышал? — вторил Форкаллонер.

— Отвечаю по порядку: это секретная информация, на уровне главного командования, центрального комитета Двух советов и императора. Это значит, что данный разговор не должен выйти за стены этой комнаты, Аристид.

Форкаллонер выразительно взглянул на Корделию:

— Она-то ведь не в главном командовании. И если уж на то пошло...

— И я тоже уже в него не вхожу, — признал Форкосиган. — Но я не сказал ничего, о чем бы она сама не могла догадаться, будучи нашей гостьей. Что же касается причин моей осведомленности, то мое мнение спрашивали... по нескольким вопросам. А когда я изложил его начальству, оно не понравилось.

И он довольно неприятно улыбнулся.

— Вас поэтому и выслали с планеты? — спросила Корделия, чувствуя, что начинает понимать, как делаются

дела на Барраяре. — Похоже, командор-лейтенант Форкаллонер все-таки прав относительно этого патрулирования. А ваше мнение запросил... э-э... некий старый друг вашего отца?

— Да уж конечно не Совет министров, — ответил Форкосиган и решительно переменил тему разговора. — Мои люди обращались с вами как подобает?

— Да, очень хорошо.

— Хирург клянется, что отпустит меня сегодня днем, если я все утро буду себя хорошо вести. Могу я попозже зайти к вам в каюту для небольшого разговора? Мне надо кое-что выяснить.

— Конечно, — откликнулась она, решив про себя, что его просьба звучит довольно тревожно.

Вошел недовольный врач.

— Вы должны отдыхать, сэр. — И он выразительно покосился на Корделию и Форкаллонера.

— А, ладно. Отошли это со следующим курьером, Аристид, — Форкосиган указал на экран, — вместе с речевыми записями и обвинительным заключением.

Доктор выпроводил их из палаты, а Форкосиган снова принялся печатать.

Остаток утра Корделия бродила по кораблю, исследуя его в границах дозволенного. «Генерал Форкрафт» оказался лабиринтом коридоров, отсеков, переходов и узких дверей. В конце концов до нее дошло, что все это рассчитано на оборону от ворвавшегося вражеского десанта. Сержант Ботари неспешно шагал следом, молча нависая над ее плечом, словно тень смерти. Когда же она поворачивала в какую-нибудь запретную дверь или коридор, он резко останавливался и произносил: «Нет, сударыня». Кроме того, оказалось, что ей запрещено дотрагиваться до чего бы то ни было — она выяснила это, когда небрежно провела рукой по пульту управления, заработав очередное «нет, сударыня» от Ботари. Корделия почувствовала себя двухлетним малышом, которого выпустили погулять по комнате.

Она все же сделала слабую попытку его разговорить:
— Вы давно служите у капитана Форкосигана?
— Да, сударыня.
Молчание.
— Он вам нравится?
— Нет, сударыня.
Молчание.
— Почему?
Уж на этот вопрос он не сможет ответить так односложно. Какое-то время ей казалось, что сержант не ответит вовсе, но после долгой паузы прозвучало:
— Он фор.
— Классовый конфликт? — предположила она.
— Я не люблю форов.
— Я не фор, — подсказала Корделия.
Он мрачно посмотрел сквозь нее.
— Вы — как фор, сударыня.
Беседа закончилась.

После полудня она удобно устроилась на койке и принялась изучать каталог компьютерной библиотеки. Выбрав видеоролик под названием «Города и население Барраяра», Корделия набрала его код.

Текст, как и следовало ожидать, оказался банальным, но зрелища, с бетанской точки зрения, были просто волшебными. Перед ней открывался дивный, зеленый, залитый солнцем мир. Люди ходили по улицам без носовых фильтров, без регенераторов воздуха и даже без летней тепловой защиты. Климат и ландшафт планеты были удивительно разнообразны. Континенты омывались океанами — настоящими океанами, со штормами и приливами. Разве это сравнимо с плоскими солеными лужами, которые у нее дома принято называть озерами...

В дверь постучали.

— Войдите, — пригласила она. Появился Форкосиган; он приветствовал ее коротким кивком. «Странное время суток для парадной формы, — подумала Корделия, — но, видит Бог, выглядит он превосходно. Славно, очень

славно». Сопровождавший капитана сержант Ботари остался снаружи, а Форкосиган обошел комнату, словно что-то искал. Наконец, он снял посуду с подноса, на котором ей принесли ленч, и прислонил его к двери, чтобы удержать ее в приоткрытом положении. Корделия удивленно подняла брови.

— В этом действительно есть необходимость?

— Я так считаю. Если слухи будут распространяться с прежней быстротой, я наверняка очень скоро услышу какую-нибудь шуточку о привилегиях моего звания. Боюсь, что тогда мне придется осадить несчастного... э-э... шутника. И вообще у меня неприязнь к закрытым дверям. Никогда не знаешь, что происходит по другую сторону.

Корделия расхохоталась.

— Это напоминает старый анекдот о девушке, которая говорит: «Давай не будем, а всем скажем, что было».

Форкосиган поморщился, нехотя соглашаясь, и уселся на вращающееся кресло у встроенного в стену металлического секретера. Он откинулся на спинку, вытянув перед собой ноги, и лицо его стало серьезным. Корделия с полуулыбкой наблюдала за ним, склонив голову набок.

— Что вы смотрели?

— Барраярскую географию. Какая прекрасная планета! Вы когда-нибудь бывали у океанов?

— Когда я был маленьким, мать каждое лето возила меня в Бонсанклар. Это было нечто вроде аристократического курорта на побережье. Мой отец, как правило, отсутствовал: был в столице или в войсках. Праздник Середины лета совпадал с днем рождения старого императора, и это отмечалось совершенно фантастическими фейерверками над океаном — по крайней мере, тогда они казались мне фантастическими. Весь город выходил на набережные, и никто не был вооружен. В день рождения императора дуэли запрещены, и мне разрешали бродить где угодно. — Он уставился в пол. — Я не был там уже много лет. Мне хотелось бы когда-нибудь свозить вас туда на праздник Середины лета — если представится такая возможность.

— С удовольствием. А когда вы собираетесь возвращаться на Барраяр?

— Боюсь, нескоро. Вам предстоит долгий плен. Но ведь вашему кораблю удалось скрыться, и когда мы вернемся, не будет смысла продолжать ваше интернирование. Вас отпустят, вы сможете явиться в Бетанское посольство и улететь домой. Если пожелаете.

— Если пожелаю? — Корделия неуверенно рассмеялась и поудобнее устроилась на жесткой подушке. — А разве я могу не пожелать? — Он пристально всматривался в ее лицо. Вся его поза должна была свидетельствовать о полной непринужденности, но один из каблуков выстукивал по полу предательскую дробь.

— Я подумал... может быть, когда мы окажемся на Барраяре и вы будете свободны, вы захотите остаться.

— Чтобы съездить — куда вы сказали, в Бонсаклар и тому подобное? Не знаю, дадут ли мне отпуск, но... конечно, я люблю новые места. И мне хотелось бы посмотреть вашу планету.

— Не ради поездки. Навсегда. В качестве... в качестве леди Форкосиган. — Лицо его осветила грустная улыбка. — Я совсем запутался. Но могу поклясться, что больше никогда не буду считать бетанцев трусами. Право же, ваши обычаи требуют большей храбрости, чем самые самоубийственные соревнования наших юношей.

Она медленно выдохнула.

— Вы... не разыгрываете меня?

Интересно, откуда взялась фраза о сердце, которое от радости бывает готово выскочить из груди. Корделия вдруг остро ощутила свое тело — его тело она неотступно видела и раньше.

Он покачал головой:

— Я не хочу никакой игры — ни для вас, ни с вами. Вы заслуживаете лучшего. Конечно, я не блестящий вариант, вы это уже знаете. Но... по крайней мере, я желал бы отдать вам все, что у меня есть. Дорогая командор Нейсмит, скажите — может быть, по бетанским поняти-

ям, я заговорил слишком рано? Я много дней ждал подходящего случая, но он все не представлялся.

— Много дней! И сколько же вы думали об этом?

— Мне это впервые пришло в голову, когда я увидел вас в ущелье.

— Что? Когда я блевала там, в грязи?

Тут он ухмыльнулся:

— С удивительным самообладанием. К тому моменту, когда мы похоронили вашего офицера, я уже был уверен в своем выборе.

Она в замешательстве потерла подбородок:

— Вам кто-нибудь говорил, что вы ненормальный?

— Не в такой ситуации.

— Я... вы меня смутили.

— Но не оскорбил?

— Нет, конечно, нет.

Он чуть расслабился.

— Конечно, вам не нужно сразу же давать мне ответ. Мы окажемся дома только через много месяцев. Но я... Вы находитесь в плену, и это осложняет ситуацию. Я не хотел, чтобы вы хоть на миг почувствовали себя оскорбленной.

— Ничуть, — слабым голосом возразила Корделия.

— Я должен сказать вам еще кое-что, — продолжал он, не отрывая глаз от своих парадных сапог. — Это будет нелегкая жизнь. С тех пор, как я вас узнал, я все думаю, что карьера, основанная на подчистке политических промахов, как вы это сформулировали, возможно, и не является такой уж высокой честью. Может, было бы разумнее самому предотвращать неудачи в зародыше. Это опаснее, чем профессия военного: предательство, ложные обвинения, покушения, может быть — изгнание, нищета, смерть. Компромиссы с негодяями ради минутного выигрыша, да и тот, как правило, не очень надежен. Не слишком веселая жизнь, но если думать о детях, то лучше это делать мне, а не им.

— Да уж, вы знаете, чем соблазнить... — беспомощно проговорила она, растирая подбородок и улыбаясь.

Форкосиган поднял глаза — в них появилась робкая надежда.

— А как вообще на Барраяре начинают политическую карьеру? — спросила Корделия, пытаясь разобраться. — Я полагаю, вы думаете последовать по стопам вашего деда с материнской стороны, принца Ксава — не имея его преимуществ: я говорю об императорском родстве. Как в этом случае можно получить должность?

— Есть три пути: назначение императора, наследственный пост или восхождение по служебной лестнице. Например, Совет министров получает самых толковых людей именно этим, последним способом. В этом их сила, но такой путь для меня закрыт. В Совет графов входят по наследству. Это мое право, но только после смерти отца. И ждать можно до бесконечности. Да и вообще Совет графов потерял былое значение — просто клуб консервативных, наполовину выживших из ума стариков, озабоченных лишь сохранением собственных привилегий. Я очень сомневаюсь, что через Совет графов можно сделать что-либо значительное. Возможно, надо просто позволить ему доковылять до самораспада. Но только не передавайте никому мои слова, — добавил он, словно опомнившись.

— Довольно странная организация у вашего правительства.

— Оно не организовывалось. Просто возникло.

— По-моему, вам нужно конституционное правление.

— Слова истинной бетанки. Ну, может, и нужно, но в наших условиях это звучит как объявление гражданской войны. Итак, остается только назначение императора. Тут все происходит быстро, но мое падение может оказаться столь же стремительным, как взлет, если я навлеку гнев императора или он умрет. — Глаза Форкосигана вспыхнули: он строил планы. — Мое единственное преимущество в том, что он ценит, когда ему говорят правду. Не знаю, откуда у него любовь к честности — он ее редко видит.

— Знаете, мне кажется, вам понравится заниматься политикой — по крайней мере, на Барраяре, — заметила

Корделия. — Она у вас чертовски похожа на то, что в других местах называют войной.

— Однако существуют проблемы в отношении вашего корабля и некоторых других вещей... — он помолчал, сникнув. — Может быть, они кажутся неразрешимыми. Наверно, преждевременно говорить о женитьбе, пока я не знаю, как все обернется. Но я не мог допустить, чтобы вы продолжали думать... хотя, впрочем, что именно вы думали?

Корделия покачала головой.

— Наверное, сейчас об этом не стоит говорить. Когда-нибудь расскажу. По-моему, вы ничего против этого иметь не будете.

Форкосиган обнадеженно кивнул и продолжил:

— Ваш корабль...

Она нахмурилась:

— Вас ожидают неприятности из-за того, что мой корабль улизнул?

— Именно это мы и должны были предотвратить. Конечно, я в тот момент был без сознания, и это сыграет смягчающую роль. Но против меня — те взгляды, которые я высказал на императорском совете. Обязательно возникнут подозрения, что я специально позволил вам уйти, чтобы сорвать мероприятие, которое сильно не одобряю.

— Еще одно разжалование?

Форкосиган рассмеялся.

— Я был самым молодым адмиралом за всю историю нашего флота — может быть, кончится тем, что я окажусь и самым старым мичманом. Да нет, — он мгновенно посерьезнел, — почти наверняка военная партия кабинета предъявит мне обвинение в предательстве. Пока это так или иначе не закончится, — он посмотрел ей в глаза, — решать какие-либо личные дела будет трудно.

— Предательство на Барраяре карается смертной казнью?

— О, да. Публичное осуждение, а потом голодная смерть. — При виде изумления Корделии он усмехнулся. — Если это вас утешит, предателям-аристократам всегда тайно передают орудие для самоубийства. Это помогает избе-

жать общественного сочувствия. Но думаю, что я не доставил бы им такого удовольствия. Пусть все будет публично, противно, затянуто и чертовски стыдно.

— А вы бы сорвали вторжение, если бы могли?

Он с отчужденным видом покачал головой.

— Нет. Я человек военный, я подчиняюсь приказам. Именно это и означает первый слог моего имени. Пока вопрос обсуждается, я буду отстаивать свою точку зрения. Но когда император поставит свою подпись под директивой, я стану выполнять ее не колеблясь. Иначе наступит полное безвластие и хаос, а этого у нас было достаточно.

— А чем это вторжение отличается от комаррского? Вы, видимо, одобряли ту акцию, коль скоро вам поручили ею руководить.

— Комарра была уникальным случаем, прямо-таки учебной задачей. Разрабатывая план ее захвата, я максимально использовал все стратегические преимущества. — Он начал перечислять, загибая сильные пальцы. — Небольшое население, целиком сосредоточенное в городах с управляемым климатом. Партизанам некуда отступить для перегруппировки. Отсутствие союзников: мы были не единственными, чью торговлю душили их безжалостные тарифы. Мне достаточно было намекнуть, что мы снизим их двадцатипятипроцентный налог на все, что проводилось через их нуль-точки, до пятнадцати процентов, и соседи, которые могли оказать им поддержку, оказались на нашей стороне. Отсутствие тяжелой промышленности. Они разжирели и обленились на незаработанных деньгах: они даже не хотели сами за себя воевать, пока их жалкие наемники не разбежались, обнаружив, с кем имеют дело... Будь у меня свобода действий и чуть больше времени, я, наверное, смог бы выиграть кампанию без единого выстрела. Это была бы идеальная война, но Совет министров не пожелал ждать. — Он нахмурился, вспоминая прошлое. — А этот, новый план... Ну, я думаю, вы все поймете, если я скажу, что речь идет об Эскобаре.

Корделия резко выпрямилась:

— Вы готовите вторжение на Эскобар? — Это признание повергло ее в ужас. Теперь не приходится удивляться, что барраярцы не объявили об открытии новой системы! Сколько вариантов она ни перебирала, но до такого не додумалась. Эскобар был одним из крупнейших планетных центров в сети пространственно-временных туннелей, связывавших воедино рассеявшееся в космосе человечество. Большой, богатый, умеренный в своей политике, процветающий мир... — Да они с ума сошли, эти ваши правители!

— Представьте, и я сказал почти то же самое. Но тут поднял крик министр запада, а граф Фортела пригрозил... впрочем, неважно. Фортела обладает уникальной способностью издеваться над оппонентом, не прибегая к ругани, — я такой больше ни у кого не встречал.

— Колония Бета обязательно вмешается. Да ведь половина нашей межзвездной торговли идет через Эскобар и Тау Кита V. И Архипелаг Джексона.

— По меньшей мере, по моим оценкам, — согласился Форкосиган. — Идея в том, чтобы провести мгновенную операцию и поставить союзников перед свершившимся фактом. Но я-то помню, что случилось с моим «идеальным» планом по Комарре, и сказал им, что это авантюра или что-то в том же духе. — Он покачал головой. — Жаль, что я тогда плохо владел собой. Сидел бы сейчас в Совете и продолжал спор. А так — кто знает, может, они уже готовят флот. А чем дальше зайдет подготовка, тем труднее ее остановить.

Он вздохнул.

— Война, — стала размышлять вслух глубоко обеспокоенная Корделия. — Вы понимаете: если ваш флот... если Барраяр вступает в войну с Эскобаром... дома понадобятся навигаторы. Даже если Колония Бета не примет непосредственного участия в военных действиях, мы наверняка будем продавать им оружие. Оказывать техническую помощь, посылать припасы...

Форкосиган хотел что-то сказать, но оборвал себя.

— Уж это как пить дать будете, — мрачно отозвался он. — А мы попытаемся вас блокировать.

В наступившей тишине она слышала, как стучит в висках кровь. Через стены по-прежнему доносились шумы корабля. В коридоре переступал с ноги на ногу Ботари, кто-то прошел мимо ее каюты...

Она покачала головой.

— Мне надо подумать. Все не так просто, как казалось вначале.

— Да, непросто. — Он повернул руку ладонью вверх в знак окончания разговора, и неловко поднялся: видно было, что рана все еще беспокоит его. — Это все, что я хотел сообщить. Вам ничего говорить не надо.

Корделия кивнула, испытывая благодарность за то, что он ее оставляет, и он ушел, уведя Ботари и плотно прикрыв за собой дверь. Она вздохнула, расстроенная и растерянная, и лежала, глядя в потолок, пока старшина Нилеза не принес обед.

ГЛАВА 6

На следующее утро она сидела взаперти и читала. Ей требовалось какое-то время не встречаться с Форкосиганом, чтобы переварить вчерашний разговор. Она чувствовала себя сбитой с толку. Как сейчас нужна была хоть какая-то уверенность! Но, увы, происходящее казалось, непостижимым.

Библиотека корабля предлагала широкий выбор материалов по Барраяру. Некто Авелль создал пухлую общую историю, переполненную именами, датами и подробными описаниями забытых баталий, все участники которых давным-давно обратились в прах. Другой ученый муж, по фамилии Ащиц, уделил особенное внимание биографии

императора Дорки Форбарры Справедливого (по расчетам Корделии — прадеда Форкосигана), чье правление пришлось на окончание Периода изоляции. Погрузившись в запутанную мозаику персонажей и интриг, она даже не подняла головы, когда к ней постучали, и лишь буркнула: «Войдите».

Пара солдат в зелено-сером планетном камуфляже ввалилась в комнату, поспешно закрыв за собой дверь. «Что за несуразная парочка», — рассеянно подумала Корделия, отметив, что ростом эти парни уступают даже Форкосигану.

Но в следующую секунду она узнала обоих; возможно, этому способствовал вой сирены, внезапно разлившийся по всему кораблю.

«Похоже, что авторов на букву «Б» я уже не прочитаю...»

— Капитан! — воскликнул лейтенант Стьюбен. — Вы в порядке?

Он пожертвовал своими роскошными кудрями ради имитации барраярского военного ежика, и теперь его прическа напоминала плохо выстриженный газон. Его спутник, лейтенант Лэй, худой, узкоплечий и сутулый, имел еще более карикатурный вид. Военная форма, рассчитанная на рослых барраярцев, была ему безнадежно велика, и он вышел из положения, подвернув рукава и брюки. Но одна брючина успела развернуться, и Лэй то и дело наступал на нее.

Корделия открыла рот, пытаясь что-то сказать, но слова застревали в горле.

— Почему вы здесь, а не на пути домой? Я дала вам приказ, лейтенант! — Ей все же удалось обрести командирский тон.

Стьюбен, ожидавший более теплой встречи, на мгновение опешил.

— Мы устроили голосование, — просто сказал он, словно этим все объяснялось.

Корделия безнадежно покачала головой.

— На вас похоже. Голосование. Так. — Она закрыла лицо руками, не в силах подавить истерический смешок. — А по какому случаю?

— Мы опознали барраярский корабль, нашли его в справочниках и установили, кто им командует. Мы просто не могли оставить вас в руках Мясника Комарры. Решение было единогласным.

Она на мгновение отвлеклась:

— Интересно, как это, черт подери, вам удалось добиться единогласного решения... Ладно, не будем. — Она осеклась, заметив, что Стьюбен горделиво приосанился, готовясь дать обстоятельный ответ. «Просто хоть головой о стену бейся... Нет. Мне нужна информация. И ему тоже».

— А вам известно, — вкрадчиво проговорила она, — что барраярцы планируют провести через эту систему свой флот, чтобы неожиданно напасть на Эскобар? Если бы вы добрались до дома и сообщили об открытии новой планеты, их блицкриг стал бы невозможен. Теперь из-за вас все пошло кувырком. Где сейчас находится «Рене Магритт» и каким образом вы сюда проникли?

— Как вам удалось все это узнать? — поразился Стьюбен.

— Время, время, — напомнил лейтенант Лэй, постукивая пальцем по хронометру.

Стьюбен продолжил:

— Позвольте я вам отвечу по дороге к катеру. Только скажите, где Дюбауэр?

— Он... К какому катеру? Нет, так не пойдет, давайте с начала. Я должна сориентироваться, прежде чем сделаю хоть шаг в коридор. Насколько я понимаю, барраярцы знают, что вы на борту?

За дверью все еще выл сигнал тревоги, и она сжалась, ожидая появления охраны.

— Нет, не знают. В этом вся прелесть, — гордо ответил Стьюбен. — Нам колоссально повезло. Когда мы удирали, они преследовали нас два дня. Я не включал полную скорость — только такую, чтобы удержать дистанцию, и вел их за собой. Думал: может, нам удастся повернуть и как-нибудь подобрать вас. Но они почему-то передумали и легли на обратный курс. Мы дали им отойти, а потом и сами повернули. Надеялись, что вы все еще прячетесь в лесах.

— Нет, меня поймали в первый же вечер. Продолжай.

— Мы набрали максимальное ускорение, потом отключили все, что могло дать электромагнитный шум. Кстати, проектор прекрасно действует в качестве глушителя, как в опытах Росса в прошлом месяце. Мы прошли мимо них, а они даже не моргнули...

— Ради Бога, Стью, к делу, — пробормотал Лэй. — У нас мало времени.

— Если этот проектор попадет в руки барраярцев... — Начала Корделия, повышая голос.

— Не попадет, уверяю вас. И вообще, «Рене Магритт» сейчас летит по параболе к здешнему солнцу. Замаскируется радиоизлучением звезды, наберет разгон и промчится мимо, чтобы подобрать нас. У нас примерно два часа, если бы отсчет начался... ну, допустим, десять минут тому назад.

— Слишком рискованно, — безапеляционно заявила Корделия: перед ее мысленным взором уже проходили возможные неудачи подобного сценария.

— Все получилось, — оправдывался Стьюбен. — По крайней мере, должно получиться. Да, так вот, нам отчаянно повезло. Когда мы искали вас с Дюбауэром, то обнаружили в лесу этих двух барраярцев...

Корделию затошнило.

— Случайно не Рэднова и Дэробея?

Стьюбен изумленно воззрился на нее.

— Как вы догадались?

— Продолжай, продолжай.

— Они стояли во главе заговора против этого маньяка-убийцы Форкосигана. Форкосиган должен был их схватить, и поэтому они были только рады встрече с бетанцами...

— Еще бы. Просто как манне небесной.

— За ними на катере спустился барраярский отряд. Мы устроили засаду — всех их парализовали, кроме одного, которого Рэднов пристрелил нейробластером. Эти парни шутить не любят.

— Ты не знаешь, кого именно?.. Впрочем, неважно. Продолжай.

У нее внутри все переворачивалось.

— Мы надели их форму, взяли катер и аккуратненько пристыковались к «Генералу». Рэднов с Дэробеем знали все позывные. Потом добрались до карцера с арестованными: мы думали, вы с Дюбауэром будете там. Рэднов и Дэробей выпустили своих приятелей и пошли захватывать технический отсек. Оттуда можно вырубить любую систему корабля: локаторы, жизнеобеспечение, что угодно. Они обещали отключить вооружение, когда мы будем уходить на катере.

— Я бы на это не очень рассчитывала, — заметила Корделия.

— Неважно, — жизнерадостно отозвался Стьюбен. — Барраярцы будут так заняты выяснением отношений, что мы можем не беспокоиться. Ну не забавно ли! Чтобы Мясника Комарры пристрелили его же люди! Теперь я понимаю, в чем идея дзюдо.

— Великолепно! — мрачно откликнулась она. Это его головой она будет стучать об стенку, его, а не своей. — Сколько нас на борту?

— Шестеро. Двое в катере, двое ищут Дюбауэра, а мы пришли за вами.

— На планете никого не осталось?

— Нет.

— Хорошо. — Она растирала лицо, ища озарения, которое не желало приходить. — Ну и кашу вы заварили. Между прочим, Дюбауэр в лазарете. Работа нейробластера.

Она не стала пояснять, что именно с ним случилось.

— Грязные убийцы! — проворчал Лэй. — Хоть бы они все передушили друг друга.

Корделия повернулась к библиотечному экрану и вызвала план «Генерала Форкрафта» — конечно, общий, без технических данных, для которых требовался специальный допуск.

— Изучите его и прикиньте кратчайшую дорогу к лазарету и к шлюзу. Я иду кое-что выяснить. Оставайтесь здесь и не открывайте дверь. Кто еще разгуливает по кораблю?

— Макинтайр и Большой Пит.

— Ну, по крайней мере у них есть шанс сойти за барраярцев — издали. В отличие от вас двоих.

— Капитан, куда вы? Почему мы не можем просто удрать?

— Объясню, когда у меня будет свободная неделя-другая. А сейчас сидите здесь. На этот раз извольте выполнять приказ!

Корделия проскользнула в дверь и направилась к капитанской рубке. Очень хотелось побежать, но это привлекло бы внимание. Мимо торопливо прошла группа солдат — они едва на нее взглянули. Никогда еще Корделия не была так рада остаться незамеченной.

Зайдя в рубку, она обнаружила там Форкосигана в окружении его офицеров, столпившихся вокруг интеркомма. Высокая фигура сержанта Ботари мрачной тенью маячила за спиной капитана.

— Кто на связи? — шепотом спросила она у Форкаллонера. — Рэднов?

— Да. Ш-ш!

Человек на экране продолжал:

— Форкосиган, Готтиан и Форкаллонер, один за другим, с интервалом в две минуты. Без оружия, иначе по всему кораблю будут отключены системы жизнеобеспечения. У вас пятнадцать минут, а потом мы впустим вакуум. Ах, вы выключились? Прекрасно. Желательно не терять времени, «капитан».

Оскорбительность интонации не вызывала сомнений.

Изображение погасло, но голос остался. Теперь он шел из динамиков внутреннего оповещения:

— Солдаты Барраяра, ваш капитан предал императора и Совет министров. Не позволяйте ему предать и вас. Сдайте его законной инстанции — вашему политофицеру, или нам придется убить не только виновных, но и невинных. Через пятнадцать минут мы отключим систему жизнеобеспечения...

— Отключите его, — раздраженно сказал Форкосиган.

— Не могу, сэр, — отозвался техник. Тогда Ботари, привыкший действовать решительно, расстегнул кобуру плазмотрона и небрежно выстрелил с бедра. Стенной громкоговоритель разлетелся вдребезги, и нескольким из присутствующих пришлось увертываться от раскаленных осколков.

— Эй, полегче, он и нам мог понадобиться, — возмутился Форкаллонер.

— Не стоит, — Форкосиган жестом велел ему замолчать. — Спасибо, сержант.

Отдаленное эхо с других громкоговорителей продолжало долетать до мостика.

— Боюсь, для чего-либо более сложного нет времени, — подытожил Форкосиган: видимо, совещание подходило к концу. — Лейтенант Сен-Симон, осуществляйте вашу техническую идею. Если вы успеете завершить ее вовремя — наше счастье.

Лейтенант кивнул и поспешно вышел.

— Если же эта уловка не сработает, надо атаковать, — продолжил Форкосиган. — Они вполне способны убить всех, кто находится на корабле, и перезаписать бортовой журнал, чтобы доказать любую выдумку. Итак, требуются добровольцы в штурмовой отряд. Конечно, мы с Ботари.

Все вызвались в один голос.

— Готтиан и Форкаллонер исключаются. Мне нужно, чтобы кто-то потом смог объяснить, что случилось. Теперь порядок боя. Сначала я, потом Ботари, затем группы Сигеля и Куша. Применять только парализаторы — я не хочу, чтобы от пальбы страдало оборудование.

Несколько человек оглянулись на дыру в стене, где прежде был громкоговоритель.

— Сэр, — отчаянно заговорил Форкаллонер, — я не согласен с порядком боя. Они наверняка применят нейробластеры. У первого, кто войдет, нет никаких шансов.

Форкосиган на несколько секунд задержал взгляд на подчиненном. Наконец тот опустил глаза и расстроенно пробормотал:

— Слушаюсь, сэр.

Но тут неожиданно раздался низкий голос:

— Командор-лейтенант Форкаллонер прав, сэр.

Вздрогнув, Корделия поняла, что это сказал Ботари.

— Первое место по праву принадлежит мне. Я его заслужил. — Он повернулся к капитану и повторил: — Первое место принадлежит мне.

Они обменялись долгим взглядом.

— Хорошо, сержант, — сдался Форкосиган. — Вы первый, потом я, остальные в прежнем порядке. Пошли.

Когда все вышли, Форкосиган задержался перед ней.

— Боюсь, я все же не смогу совершить ту прогулку по набережной.

Корделия нетерпеливо покачала головой. Ее уже захватила одна мысль — смелая до дерзости и требующая быстрых действий.

— Я... я сейчас вынуждена взять назад свое обещание оставаться пленной.

Форкосиган взглянул на нее с легким недоумением, но, видимо, пропустил мимо ушей непонятную фразу, торопясь высказать главное.

— Если вдруг я окажусь в положении вашего мичмана Дюбауэра, то, надеюсь, вы не забудете мой выбор. Если сможете себя заставить... Я бы предпочел, чтобы это сделали вы. Я предупрежу Форкаллонера. Вы даете мне слово?

— Да.

— Вам лучше оставаться в каюте, пока все не закончится.

Он протянул руку к ее плечу, прикоснулся к бронзовому завитку на шее и отошел в сторону. А Корделия помчалась по коридору. В голове начал созревать план. Рассудок твердил: ты ничего не должна этим барраярцам, ты принадлежишь Колонии Бета, Стьюбену, «Рене Магритту»; твой долг — убежать и предупредить... А, Бог с ним, с рассудком...

Она вбежала в каюту. Чудо из чудес — Стьюбен и Лэй по-прежнему были там. Они подняли головы, встревоженные ее видом.

— Теперь ступайте в лазарет. Возьмите Дюбауэра и отведите к катеру. Когда туда должны подойти Пит и Мак, если его не найдут?

— Через... — Лэй взглянул на часы, — десять минут.

— Слава Богу. Когда придете в лазарет, скажите хирургу, что капитан Форкосиган приказал вам привести Дюбауэра ко мне. Лэй, ты туда не заходи, побудь в коридоре. Ты хирурга не проведешь. Дюбауэр говорить не может. Не удивляйтесь его состоянию. Когда придете к катеру, ждите... покажи-ка часы, Лэй... до 6.20 по нашему корабельному времени, потом улетайте. Если до того времени не приду, значит, я остаюсь. Включайте полную тягу и не оглядывайтесь. Сколько людей у Рэднова и Дэробея?

— Десять или одиннадцать, наверное, — ответил Стьюбен.

— Ладно. Дай мне твой парализатор. Идите. Идите. Идите.

— Капитан, мы прилетели сюда за вами! — воскликнул недоумевающий Стьюбен.

Корделия не находила слов. Молча положив ему на плечо руку, она только сказала:

— Знаю. Спасибо.

И побежала.

Приближаясь к двигательному отсеку по верхней палубе, она оказалась у пересечения двух коридоров. В большем из них группа захвата уже готовила и проверяла оружие. В меньшем пара часовых охраняла входной люк нижней палубы — это была граница, за которой начиналась территория, простреливаемая Рэдновым. Одним из двоих оказался сержант Нилеза. Она кинулась к нему.

— Меня прислал капитан Форкосиган, — вдохновенно соврала Корделия. — Он хочет, чтобы я, как лицо нейтральное, сделала последнюю попытку вступить в переговоры.

— Это потеря времени, — заметил Нилеза.

— На это вся надежда, — отчеканила Корделия. — Я займу их разговором, пока готовится. Вы можете провести меня туда, не переполошив остальных?

— Наверное, можно попробовать. — Нилеза пошел вперед и отпер круглый люк в полу в самом конце коридора.

— Сколько часовых у этого входа? — шепотом спросила она.

— Кажется, двое или трое.

Люк откинулся, открывая отверстие, с одной стороны которого была лестница, а посередине — шест.

— Эй, Вентц! — крикнул Нилеза.

— Кто это? — донесся ответ снизу.

— Я, Нилеза. Капитан Форкосиган хочет послать вниз эту бетанскую шлюшку потолковать с Рэдновым.

— Для чего?

— Почем мне знать? Это вы держите следящие коммы у каждой кровати. Может, она не такая уж хорошая подстилка.

Нилеза поднял глаза и красноречиво пожал плечами, извиняясь перед Корделией. Та кивнула.

Внизу шепотом заспорили.

— Она вооружена?

Проверявшая свои парализаторы Корделия отрицательно покачала головой.

— А ты дал бы бетанке оружие? — риторически вопросил Нилеза, озадаченно наблюдая за ее приготовлениями.

— Хорошо. Впусти ее, закрой люк, и пусть прыгает. Если не задраишь люк до того, как она прыгнет, мы ее пристрелим. Понял?

— Ага.

— Что я увижу, когда приземлюсь? — спросила она у Нилезы.

— Местечко не ахти. Вы окажетесь в тамбуре при главном пульте управления. Через него может пройти только один человек, и вы будете торчать там, как мишень, а с трех сторон гладкие стены. Тамбур специально так спланирован.

— Так что отсюда на них не нападешь?

— Ни малейшей надежды.

— Хорошо. Спасибо.

Корделия спустилась в люк, и Нилеза закрыл его за ней с таким стуком, словно это крышка гроба.

— Ладно, — донесся голос снизу. — Прыгай.

— Тут очень высоко, — отозвалась она, без труда изобразив дрожащий голос. — Я боюсь.

— Давай вниз. Я тебя поймаю.

— Ладно. — Она обхватила шест обеими ногами и одной рукой. Когда она запихивала второй парализатор в кобуру, рука ее дрожала. Корделия сглотнула, сделала глубокий вдох, запасаясь воздухом, взяла парализатор наизготовку и скользнула вниз.

Она приземлилась лицом к стоявшему внизу человеку; ствол его нейробластера находился на уровне ее талии. При виде парализатора он широко раскрыл глаза. Ее спас барраярский обычай включать в экипаж только мужчин: противник какую-то долю секунды не решался выстрелить в женщину. Корделия нажала на спуск, и он обмяк, уткнувшись головой ей в плечо. Опираясь о стену, она удержала его перед собой вместо щита.

Вторым выстрелом она уложила следующего часового, уже вскинувшего нейробластер. Третьему удалось сделать выстрел. Заряд угодил в спину обездвиженного мятежника, но край луча все же задел ногу. Боль огнем разбежалась по телу, но Корделия сжала зубы и не проронила ни звука. С инстинктивной меткостью камикадзе она уложила и этого, потом тревожно осмотрелась в поисках укрытия.

Над головой тянулось несколько труб. Войдя в помещение, люди обычно смотрят вниз и по сторонам и только потом догадываются поднять глаза. Засунув парализатор за пояс, Корделия сделала прыжок, который при обычных обстоятельствах никогда бы не повторила, подтянулась между двумя трубами и устроилась под бронированным потолком. Бесшумно дыша открытым ртом, она снова вытащила парализатор и затаилась, держа на мушке овальную дверь, ведущую в главный технический отсек.

— Что за шум? Что тут происходит?

— Кинь туда гранату и запечатай дверь.

— Нельзя, там наши люди.

— Вентц, докладывай.

Молчание.

— Ты заходишь первым, Тейфас.

— Почему я?

— Потому что я тебе приказываю.

Тейфас осторожно протиснулся в тамбур — и замер от изумления, увидев три неподвижных тела. Опасаясь, что дверь запрут и запечатают, если она сделает еще выстрел, Корделия дождалась, пока он, наконец, не поднял глаза вверх.

Очаровательно улыбнувшись, она чуть помахала рукой и прошептала:

— Закрой дверь!

Лицо его отражало целую гамму чувств: непонимание, надежду, гнев. Раструб нейробластера смотрел точно на ее голову, огромный, как прожектор. Оба держали пальцы на спусковых крючках — в некотором роде равновесие. «Форкосиган прав, — подумала Корделия. — Нейробластер действительно убедительнее...»

— Кажется, тут какая-то утечка газа. Закройте-ка на секунду дверь, я проверю, — громко проговорил Тейфас.

Корделия, прищурившись, улыбнулась ему из-под потолка:

— Привет. Хочешь выбраться из этой дыры?

— Что вы тут делаете — вы, бетанка?

Очень разумный вопрос, с горечью подумала она.

— Пытаюсь спасти несколько жизней. Не беспокойтесь — ваши друзья всего лишь парализованы (незачем упоминать о том, кого пристрелили свои — видимо, он погиб, дав ей нужное мгновение, чтобы выжить). — Переходи на нашу сторону, — стала уговаривать она, словно оба они были соперниками в какой-то детской игре. — Капитан Форкосиган тебя простит — не упомянет в докладе. Даст тебе медаль...

— Какую медаль? — пробормотал ошарашенный Тейфас.

— Почем мне знать? Какую захочешь. Тебе даже не придется никого убивать. У меня с собой еще один парализатор.

— А какая у меня гарантия?

Отчаяние придало ей отваги.

— Слово Форкосигана. Скажешь ему, что я его дала.

— А кто вы такая, чтобы обещать за него?

— Если мы оба останемся живы, то я — леди Форкосиган.

(Интересно, лжет она сейчас или говорит правду?)

Тейфас даже присвистнул. Но лицо его смягчилось.

— Тебе и правда хочется дать пятидесяти приятелям вдохнуть вакуума, лишь бы спасти карьеру министерского шпиона? — Никогда еще ее шепот не звучал так убедительно.

— Нет, — твердо сказал Тейфас. — Давайте парализатор.

Вот он, момент истины... Корделия бросила ему оружие.

— Трое здесь, осталось семеро. Как лучше действовать?

— Я могу заманить сюда еще двоих. Другие у главного входа. Если повезет, мы сможем захватить их врасплох.

— Начинай.

Тейфас приоткрыл дверь.

— Это действительно утечка газа, — он для убедительности покашлял. — Помогите мне вытащить оттуда этих парней, и мы запечатаем дверь.

— Я готов поклясться, что слышал выстрел парализатора, — проворчал его спутник, входя в тамбур.

— Наверное, они пытались привлечь наше внимание.

По лицу мятежника скользнуло подозрение — до него дошла нелепица этих слов.

— У них же не было парализаторов, — начал он, но тут, к счастью вошел второй. Корделия и Тейфас выстрелили одновременно.

— Пять есть, пять осталось, — подытожила Корделия, спрыгивая вниз. Теперь она прихрамывала — после ожога из нейробластера плохо слушалась левая нога. — Наши шансы растут.

— Чтобы получилось, надо действовать быстро, — предостерег ее Тейфас.

— Идет.

Они проскользнули в дверь и побежали через технический отсек. Автоматы исправно продолжали работу, равнодушные к тому, кто управляет ими. В стороне было небрежно свалено несколько тел в черных комбинезонах. Подбежав к повороту, Тейфас предупреждающе поднял руку. Корделия кивнула. Он спокойно зашел за угол, а Корделия прижалась к самому краю стены, выжидая. Затем Тейфас поднял парализатор, а она прокралась за поворот, выискивая мишень. Помещение заканчивалось выходом на верхнюю палубу. Пять человек стояли, прислушиваясь к стукам и шипению, глухо доносившимся сквозь люк, к которому вело несколько металлических ступеней.

— Готовятся к штурму, — проговорил один из них. — Пора выпускать им воздух.

«Последние слова», — подумала Корделия и дважды выстрелила. Тейфас, стоя рядом, дал длинную очередь. Все кончилось. «И я больше никогда, — молча дала она клятву, — не буду называть выходки Стьюбена сумасшедшими». Ей хотелось отшвырнуть парализатор, зареветь и забиться в угол, но ее роль еще не сыграна.

— Тейфас, — окликнула она. — У меня есть еще одно дело.

Он подошел к ней — похоже было, что его и самого трясет.

— Я вытащила тебя из мятежа, и мне нужна твоя помощь. Как вывести из строя плазменное оружие дальнего радиуса так, чтобы оно не действовало ближайшие два часа?

— А зачем вам это? Это капитан приказал?

— Нет, — честно ответила Корделия. — Капитан этого не приказывал, но он будет рад это увидеть.

Сбитый с толку Тейфас не возражал.

— Ну, если закоротить вон тот пульт, — сказал он, — это сильно замедлит дело.

— Дай мне плазмотрон.

«Нужно ли это? — спросила она себя, глядя на секцию управления, и сама ответила: — Да. Иначе Форкосиган выстрелит по нашим людям. Это так же верно, как и то, что я убегу. Доверие к пленным и измена присяге — разные вещи. Незачем подвергать его совесть слишком серьезному испытанию».

Если только Тейфас не надул, указав на управление туалетами или еще что-нибудь в том же духе... Корделия выстрелила по пульту и полюбовалась, как он разлетается фонтаном искр.

— А теперь, — объявила она, возвращая плазмотрон, — мне нужна фора в пару минут. Потом можешь открывать дверь и становиться героем. Только сперва окликни их, а то там впереди сержант Ботари.

— Ясно. Спасибо.

Она посмотрела на люк главного входа. Он сейчас всего в трех метрах — непреодолимое расстояние. Так всегда бывает в физике, но в физике сердца: расстояние относительно, абсолютным является только время. Секунды мурашками бежали по позвоночнику.

Она кусала губы, испытующе поглядывая на Тейфаса. Последняя возможность что-нибудь сообщить Форкосигану... Нет. Абсурдная идея передать слова «Я тебя люблю» просто смехотворна. Передать поклон — слишком надменно, привет — слишком холодно. Что же до простого «да»...

Кивнув на прощание озадаченному солдату, она бросилась обратно к тамбуру и вскарабкалась по лестнице. Отстучала ритмичный сигнал по крышке люка. Через секунду люк распахнулся, и Корделия оказалась нос к носу с плазмотроном старшины Нилезы.

— У меня новые условия для капитана, — с ходу соврала она. — Немного сумасбродные, но, наверное, ему понравятся.

Изумленный старшина помог ей выбраться и снова закрыл люк. Она пошла прочь, заглянув в главный кори-

дор. Техническая команда сняла со стен половину панелей, от какого-то инструмента разлетались искры. На другой стороне толпы маячила голова Ботари. Она знала — сержант стоит рядом с Форкосиганом. Добравшись до лестницы в конце коридора, Корделия поднялась по ней и побежала, петляя в лабиринте переходов и палуб.

Смеясь, плача и задыхаясь, она, наконец, добралась до шлюзового отсека. Макинтайр нес вахту, стараясь выглядеть по-барраярски сурово.

— Все здесь?

Он кивнул, с восторгом глядя на нее.

— Забирайся в катер, поехали.

Они загерметизировали за собой дверь и заняли места. Донесся приглушенный лязг расстыковки, и тело налилось давящей тяжестью — катер набрал максимальное ускорение. Пит Лайтнер вел его вручную: бетанский нейроимплантат пилотирования не стыковался без переходника с барраярской системой управления. Корделия приготовилась к сумасшедшему полету.

Она откинулась на спинку кресла, все еще задыхаясь. Легкие разрывались после отчаянного бега. Негодующий Стьюбен сидел рядом, озабоченно глядя, как ее бьет неудержимая дрожь.

— Это же преступление — что они сделали с Дюбауэром, — произнес он сквозь зубы. — Жаль, что нельзя взорвать их чертов корабль. Вы не знаете, Рэднов нас еще прикрывает?

— У них некоторое время не будет работать оружие дальнего боя, — сообщила Корделия, не вдаваясь в подробности. — Да... Я собиралась спросить: кого из барраярцев подстрелили нейробластером там, на планете?

— Не знаю. Его форма — на докторе Макинтайре. Эй, Мак, — что за имя у тебя на кармане?

— М-м... посмотрим, разберу ли я их алфавит... — Он безмолвно пошевелил губами. — Ку... Куделка.

Корделия понурила голову.

— Его убили?

— Когда мы улетали, он был жив, но уж точно не казался особо здоровым.

— А что за диверсию вы сейчас сотворили на «Генерале»? — спросил Стьюбен.

— Заплатила долг, — коротко ответила Корделия.

— Пожалуйста, можете не говорить. Узнаю потом. — Он помолчал, потом добавил: — Надеюсь, этому подонку, кто бы он ни был, досталось как следует.

— Послушай, Стью... Я ценю все, что ты сделал. Но мне действительно надо несколько минут побыть одной.

— Конечно, капитан. — Он сочувственно посмотрел на нее и отвернулся, бормоча про себя: — Чертовы животные.

Корделия прислонилась лбом к холодному стеклу иллюминатора и тихо заплакала о своих врагах.

ГЛАВА 7

Капитан Экспедиционного корпуса Беты Корделия Нейсмит ввела в компьютер последние навигационные данные. Рядом с ней старший пилот Парнелл проверил провода и антенны своего шлема и поудобнее устроился в мягком кресле, готовый к нейроуправлению в ходе предстоящего прыжка в пространственно-временном туннеле.

Ее новым кораблем стал неповоротливый, массивный транспорт — без вооружения, просто надежная рабочая лошадка торговой линии Эскобар — Колония Бета. Но с Эскобаром уже шестьдесят дней не было связи — с того момента, как военный флот Барраяра заткнул эскобарскую сторону туннеля, как пробка горлышко бутылки. Судя по последним сообщениям, флотилии Эскобара и Барраяра все еще маневрировали в неспешном смертоносном танце, пытаясь обрести тактическое преимущество. Воен-

ных действий пока практически не было. Барраярский десант на планету ожидался лишь после того, как захватчики получат контроль над пространством вокруг Эскобара.

Корделия связалась с техническим отсеком:

— Говорит Нейсмит. Вы готовы?

На экране появилось лицо старшего инженера, с которым она познакомилась всего два дня тому назад. Он был очень молод и, подобно ей, снят с научных экспедиций. Нет смысла тратить на эту экскурсию опытных и знающих военных. Как и на Корделии, на нем была обычная астроэкспедиционная форма. Ходили слухи, что мундиры нового экспедиционного корпуса уже созданы, но пока их никто не видел.

— Все готово, капитан.

В его голосе не чувствовалось страха. «Ну что же, — подумала она, — наверное, парень еще слишком молод и не успел по-настоящему поверить в смерть после жизни». Она в последний раз осмотрелась, устроилась поудобнее и глубоко вздохнула.

— Пилот, управление переходит к вам.

— Управление принято, капитан, — официально отозвался он.

Прошло несколько секунд. Она ощутила волну тошноты и смутный страх, какой бывает после ночного кошмара, который не удается вспомнить. Прыжок закончился.

— Управление переходит к вам, капитан, — устало вымолвил пилот. Ее несколько секунд для него равнялись нескольким часам.

— Управление принято.

Проговорив это, Корделия запросила компьютер о тактической обстановке в зоне их нахождения. Через этот проход никто не пытался пробиться уже месяц, и она горячо надеялась, что барраярские экипажи расслабились и отреагируют не сразу.

А вот и они. Шесть кораблей; два из них уже начали маневрировать. Вот тебе и замедленная реакция.

— Прямо в середину, — пробормотала она, вводя данные в компьютер. — Хорошо бы их всех увести с позиций.

Два первых корабля уже приблизились и с ленивой точностью открыли огонь. Они явно не спешили. «Просто подвижная мишень на полигоне, вот что такое мы для них, — подумала она. — Ладно, сейчас я вам покажу учения». Корделия выключила все навигационные системы, кроме экранирующих контуров. Казалось, корабль стонет, окруженный слепящим пламенем. Но цель достигнута — они вырвались из зоны обстрела.

Она вызвала технический отдел:

— Проектор?

— В полной готовности.

— Давайте.

В двенадцати тысячах километров позади них, словно только что вынырнув из пространственно-временного туннеля, возник бетанский дредноут. Он развил ускорение, неслыханное для такого крупного корабля (на самом деле его скорость соответствовала их собственной). Гигант мчался за ними, подобно стреле.

— Ага! — Корделия в восторге захлопала в ладоши и крикнула в интерком: — Они клюнули! Меняют курс!

Преследователи резко сбавили скорость, готовясь повернуть и атаковать новую, гораздо более важную цель. Четыре корабля, которые прежде оставались на посту, тоже начали разворот. Теперь все их внимание было сосредоточено на огромном военном корабле. Несомненно, барраярские командующие считали, что заняли превосходную тактическую позицию, выстроившись в линию для сокрушительного залпа. Маленький корабль, который появился первым, мимо них к Эскобару не проберется, деваться ему некуда. Они его подберут потом.

Ее собственные локаторы были отключены, скорость уменьшалась: чудовищная утечка энергии из-за проекторов давала себя знать. Но шли драгоценные минуты — и барраярские корабли, блокировавшие пространственно-временной туннель, уходили все дальше и дальше со своих позиций.

— У нас хватит энергии примерно еще на десять минут, — объявил старший инженер.

— Хорошо. Оставьте резерв для разрушения аппаратуры в случае вынужденной эвакуации. Командование хочет, чтобы, в случае захвата, от проектора не уцелело ни единой молекулы. Пускай барраярцы поломают головы.

— Форменное преступление. Это такой прекрасный аппарат! Я сам умираю от желания заглянуть в него.

«Может, и придется умереть, если нас захватят», — подумала Корделия. Потом она направила перископы корабля назад — туда, откуда они прилетели. Далеко-далеко, у самого устья туннеля, возник настоящий бетанский корабль — только не военный, а грузовой — и без помех начал разгон в направлении Эскобара. Это был один из новейших торговых лайнеров, с которого содрали вооружение и экраны; теперь он был рассчитан на две вещи: нести тяжелую полезную нагрузку и лететь сломя голову. Потом возник второй, за ним — третий. Ну вот, дело сделано. Они набрали скорость — с такой форой барраярцам их не догнать.

Призрачный дредноут взорвался, рассыпавшись грандиозным фейерверком. К сожалению, изобразить осколки оказалось невозможным. Интересно, сколько времени понадобится противникам, чтобы сообразить, как их провели? Оставалось надеяться на барраярское чувство юмора...

Теперь корабль, растративший почти всю энергию, медленно дрейфовал в космосе. Голова казалась удивительно легкой, и Корделия не сразу поняла, что это не кажущийся эффект — отказывают аппараты искусственной гравитации.

С инженером и двумя его помощниками Корделия встретилась уже возле шлюза, к которому они все подбегали длинными прыжками, переходящими в плавный полет: искусственная гравитация испустила дух. Катер, которому предстояло стать их спасательной шлюпкой, был упрощенной моделью, тесной и неудобной. Они вплыли в кабину и загерметизировали люк. Пилот скользнул в

кресло управления, надел шлем, и катер отпрыгнул от умирающего корабля.

Инженер подплыл к ней и вручил маленькую черную коробочку.

— Окажите честь, капитан.

— Ха! Держу пари, вы еще не уничтожили и собственный обед, — отозвалась она, стараясь подбодрить остальных. Они прослужили на своем корабле всего-навсего часов пять, но все равно это больно. — Мы уже достаточно отошли, Парнелл?

— Да, капитан.

— Джентльмены! — Она сделала паузу, обведя взглядом свою команду. — Я благодарю всех вас за образцовую службу. Пожалуйста, отвернитесь от левого иллюминатора.

Корделия повернула рычажок на коробочке. Снаружи бесшумно полыхнул яркий голубой свет, а потом все кинулись к крохотному иллюминатору, чтобы увидеть последние красные отблески, в которых оплавлялся их корабль, унося в орбитальную могилу военные тайны Колонии Бета.

Они молча пожали друг другу руки — кто-то при этом стоял, кто-то висел головой вниз, кто-то плавал в наклонном положении, — потом снова устроились в креслах. Корделия села за навигационный пульт рядом с Парнеллом, застегнула ремни безопасности и быстро проверила все системы.

— Теперь начинается самое сложное, — пробормотал Парнелл. — Я бы все-таки предпочел максимальное ускорение — вдруг нам удастся их перегнать.

— Может быть, мы и ушли бы от этих неповоротливых крейсеров, — согласилась Корделия, — но их перехватчики нас бы с потрохами сожрали. А так мы, по крайней мере, похожи на астероид, — прибавила она, вспомнив про специальное маскировочное покрытие катера.

Наступило молчание. Корделия вглядывалась в экран пассивного наблюдения.

— Хорошо, — проговорила она наконец, — давайте выползать отсюда. Скоро здесь станет слишком тесно.

Она не боролась с ускорением, разрешив ему вжать ее в кресло. Устала. Она не думала, что усталость может оказаться сильнее страха. Эта идиотская война расширяет ее психологический кругозор. Похоже, хронометр сломался. Наверняка прошел уже год, а не час...

На пульте замигал индикатор узконаправленного излучения. Страх волной унес из ее тела усталость.

— Отключите все, — велела Корделия. Она сама взялась за управление и мгновенно погрузилась в темную невесомость. — Парнелл, обеспечьте нерегулярное вращение, как у естественных объектов.

Подступившая к горлу тошнота показала ей, что ее приказ выполнен.

Теперь чувство времени отказало окончательно. Кругом царили мрак и тишина, только изредка доносился шорох ткани, когда кто-то шевелился в своем кресле. Воображение рисовало, как импульсы барраярских локаторов прикасаются к ее кораблю, прикасаются к ней самой, проводя ледяными пальцами по позвоночнику. «Я — скала. Я — пустота. Я — тишина...» Сзади кого-то вырвало, кто-то приглушенно чертыхнулся. Проклятое вращение. Надеюсь, он успел взять пакетик...

Они ощутили рывок и ускорение под странным углом. Парнелл издал ругательство, похожее на рыдание.

— Нас зацепили буксирным лучом! Все.

Корделия облегченно вздохнула и потянулась к приборам.

— Ну что же, поглядим, кто нас поймал.

Ее руки взлетели над пультом. Поспешно взглянув на экран наружных мониторов, она нажала кнопку, включившую компьютерную память спасательной шлюпки и коды опознавания.

— Ну как? — обеспокоенно спросил инженер, подошедший к ней сзади.

— Два крейсера и перехватчик, — сообщила Корделия. — Похоже, нас немного поменьше.

Он расстроенно фыркнул.

По комму рявкнул слишком громкий голос, без изображения.

Она поспешно уменьшила громкость.

— ...не объявите о сдаче, мы вас уничтожим.

— Это спасательный катер А5А, — откликнулась Корделия, следя, чтобы голос ее звучал ровно. — Командует капитан Корделия Нейсмит, Экспедиционный корпус Беты. Мы — невооруженная спасательная шлюпка.

Из комма донесся удивленный возглас, затем короткое резюме:

— Еще одна чертова баба! Никак вас не научат.

Послышалось какое-то бормотание, и он опять заговорил официальным тоном:

— Вас возьмут на буксир. При первом же признаке сопротивления вы будете уничтожены. Вы меня поняли?

— Сообщение принято, — отозвалась Корделия. — Мы сдаемся.

Парнелл гневно покачал головой. Она отключила комм и вопросительно на него взглянула.

— По-моему, нам следовало попытаться вырваться, — сказал он.

— Нет. Эти типы — стопроцентные психи. Самый нормальный, которого я встречала, не выносил закрытых дверей — дескать, никогда не знаешь, что за ними. Если они говорят, что будут стрелять, лучше им верить.

Инженер и Парнелл обменялись взглядами.

— Давай, Нелл, — подбодрил его инженер, — излагай, не бойся.

Парнелл откашлялся и облизал пересохшие губы.

— Мы хотели сказать вам, капитан, что если, по-вашему, э-э... лучше было бы взорвать шлюпку, мы не возражаем. Никто из нас не питает особого желания попасть в плен.

Такое заявление застало Корделию врасплох.

— Это... очень отважно с вашей стороны, старший пилот, но совершенно необязательно. Не льстите себе. Нас

отобрали именно потому, что мы мало знаем. Все вы лишь смутно догадываетесь, какой груз везут наши корабли, и даже мне не известны технические детали. Если мы разыграем покорность, то, по крайней мере, у нас есть надежда выйти из этого живыми.

— Мы... не о секретной информации думали. Мы имели в виду обычаи барраярцев.

Наступила неприятная тишина. Корделия вздохнула, уйдя в водоворот печальных сомнений.

— Ничего, — наконец, проговорила она. — Их дурная репутация сильно преувеличена. Некоторые из них — вполне приличные люди.

Особенно один, насмешливо подсказала ей память. И если даже предположить, что он еще жив, неужели ты действительно надеешься найти его во всей этой каше? И, найдя, спасти его от дьявольского сюрприза, доставку которого так ловко обеспечила несколько минут назад? А как насчет долга? Или это просто способ одновременного самоубийства? Не надо себя обманывать, дорогая...

Наблюдавший за ней Парнелл мрачно покачал головой.

— Вы уверены?

— Я в жизни никого не убивала. И не собираюсь начинать со своих друзей. Оставьте это, ради Бога!

Парнелл признал ее право на окончательное решение насмешливым пожатием плеч, не сумев скрыть вздоха облегчения.

— И вообще, — добавила Корделия, — у меня есть причины цепляться за жизнь. Эта война не может длиться вечно.

— Кто-то ждет дома? — спросил он, и, заметив, как она повернулась к пульту, уточнил: — Или где-то здесь?

— А... Да. Где-то здесь.

Парпелл сочувственно кивнул.

— Это тяжело. — Всмотревшись в ее застывший профиль, он попробовал ее ободрить: — Но вы правы. Наши ребята рано или поздно выбьют отсюда этих недоносков.

Она механически кивнула и начала массировать лицо кончиками пальцев, пытаясь снять напряжение. Ее внезапно посетило видение: огромный военный корабль раскалывается на части, и из него, как из чудовищного стручка, вылетают живые двуногие горошины. Замерзшие, безжизненные семена, уносимые солнечным ветром, раздувшиеся от декомпрессии, вечно вращающиеся... Можно ли после этого узнать лицо? Она отвернулась от Парнелла, давая понять, что разговор окончен.

Не прошло и часа, как их взял на буксир барраярский перехватчик.

Сначала в ноздри ударил знакомый запах: нагретый металл, машинное масло, озон... Запах барраярского военного корабля. Два высоких солдата, крепко держа Корделию за локти, провели ее через последнюю овальную дверь туда, где, как она догадалась, находился тюремный отсек флагмана. Ее и четверых бетанцев ее экипажа безжалостно раздели, тщательно обыскали, подвергли медицинскому осмотру, голографии, потом сняли отпечатки сетчатки, установили личность и выдали бесформенные оранжевые пижамы. Ее людей куда-то увели. Вопреки собственным недавним уверениям, Кроделию мучила тошнотворная мысль, что с их сознания вот-вот начнут снимать слой за слоем, добираясь до информации, которой у них нет.

Успокойся, говорил разум, наверняка барраярцы сохранят вас для обмена пленными.

Внезапно охранники вытянулись по стойке «смирно». Повернувшись, она увидела, что в комнату обработки входит высокопоставленный офицер. Ярко-желтые нашивки на воротнике темно-зеленого парадного мундира свидетельствовали о чине, которого она пока еще не встречала. Поразившись, Корделия вспомнила, что это — цвет вице-адмирала. Определив чин, она тотчас же поняла, кто это такой, и устремила на вошедшего пристальный взгляд.

Форратьер — вот его имя. Командует барраярской армадой совместно с кронпринцем Зергом Форбаррой. На-

верное, именно он выполняет основную работу: она слышала, что ему прочат должность военного министра. Так вот как выглядит эта восходящая звезда.

Он мало походил на Форкосигана: заметно выше, хотя, наверно, весит примерно столько же, но не за счет костей и мышц, а за счет жира. Темные вьющиеся волосы почти без седины. И совершенно необычные глаза — темно-карие, бархатные, опушенные длинными ресницами. Таких выразительных глаз у мужчин она еще не видела. Где-то в подсознании рождался отчаянный вопль: ты думала, что сегодня уже познала глубины страха, но ты ошиблась! Вот он, настоящий ужас, окончательный, уже без надежды. Странно — казалось бы, такие красивые глаза должны быть привлекательными. Корделия отвела взгляд, решительно сказав себе, что неловкость и моментальная неприязнь — это просто нервы, и стала ждать.

— Назовите свое имя, бетанка. — Тон, которым это было сказано, не предвещал ничего хорошего.

Стараясь владеть собой, она четко отсалютовала и произнесла:

— Капитан Корделия Нейсмит, Экспедиционный корпус Беты. Мы — военная команда. Боевая часть.

Шутка не произвела на него никакого впечатления.

— Так, так. Разденьте ее и поверните.

Он отступил назад, для лучшего обзора. Двое солдат с ухмылками повиновались.

«Не нравится мне такое начало...»

Корделия заставила мускулы лица расслабиться, призвав на помощь все свои запасы хладнокровия. Спокойно. Спокойно. Он хочет тебя запугать. Это видно по глазам, по его голодным глазам. Спокойно.

— Немного старовата, но сойдет. Я пришлю за ней позже.

Охранник сунул ей пижаму. Она одевалась медленно, теперь уже желая разозлить их — как бы прокручивала стриптиз в обратном порядке. Движения ее были размеренными, словно на японской чайной церемонии. Один солдат что-то проворчал, другой грубо отпихнул ее на-

зад, к камере. Она кисло улыбнулась, думая, что по крайней мере хоть в этом еще управляет своей судьбой. Следует ли присудить себе лишние очки?

Ее впихнули в голую металлическую комнату и оставили там. Она продолжила игру: грациозно опустилась на пол и застыла в церемониальной позе — левый носок, как и положено, лег на правый, руки аккуратно сложены на коленях. Прикосновение напомнило ей об омертвевшем участке на левой ноге — результат недавнего столкновения с армией Барраяра. Она полузакрыла глаза и постаралась отключить мозг, надеясь, что у ее тюремщиков создастся впечатление глубокой — и, возможно, опасной — сосредоточенности. Мнимая агрессивность лучше, чем ничего.

После примерно часовой неподвижности, когда непривычные мышцы уже болезненно протестовали против коленопреклоненной позы, охрана вернулась.

— Адмирал вас требует, — лаконично сказал один. — Пошли.

Ее опять повели через весь корабль. Один конвоир плотоядно ухмылялся, другой поглядывал на нее с жалостью, что было гораздо неприятнее. Она начала осознавать, что время, проведенное с Форкосиганом, заставило ее забыть об опасностях плена. Они дошли до жилой палубы и остановились перед одной из овальных металлических дверей. Ухмыляющийся охранник постучал и открыл ее.

Адмиральская каюта разительно отличалась от всего виденного Корделией раньше, на борту «Генерала Форкрафта». В первую очередь своей величиной — эти апартаменты превосходили обычную каюту как минимум втрое. При ее появлении адмирал Форратьер встал с бархатного сиденья, но она не сделала ошибки и не приняла это за жест вежливости.

Он с хитрым видом обошел вокруг Корделии, наблюдая, как ее взгляд обследует комнату.

— Ну как, здесь получше, чем в тюремной камере, а? — В его голосе звучало неприкрытое самодовольство.

Вспомнив о присутствии солдат, она ответила:

— Похоже на будуар шлюхи.

Ухмыляющийся охранник подавился, а второй откровенно рассмеялся, но сразу же замолчал под гневным взглядом Форратьера. «Неужели это настолько смешно?» — подумала она. Тут до нее дошло назначение некоторых деталей убранства, и она поняла, что, сама того не ведая, попала в точку. Вот, например, в углу, что за странная статуэтка? Хотя, надо признать, она не лишена художественных достоинств.

— И притом обслуживающей довольно своеобразных клиентов, — Корделия решила, что ей нечего терять.

— Пристегните ее, — распорядился Форратьер, — и возвращайтесь на пост. Я позову вас, когда закончу.

Ее уложили на широкую неармейскую кровать. Руки и ноги притянули к углам и надели на них мягкие браслеты с короткими цепями, прикрепленными к остову кровати. Старая, надежная схема.

Охранник, жалевший Корделию, чуть слышно шепнул, пристегивая ей руку:

— Простите.

— Ничего, — выдохнула она в ответ. Они обменялись взглядами, не замеченными наблюдавшим за всей процедурой Форратьером.

— Ха. Это вы сейчас так думаете, — пробормотал другой солдат, закрепляя второй браслет.

— Заткнись, — первый кинул на него яростный взгляд. Комнату наполнила напряженная тишина. Охранники ушли.

— Похоже на постоянное устройство, — заметила Корделия. Казалось, ожил какой-то гадкий анекдот. — А что вы делаете, когда не удается поймать бетанок? Вызываете добровольцев?

Форратьер сначала мимолетно нахмурился, потом лоб его снова разгладился.

— Продолжайте, — подбодрил он ее. — Меня это забавляет. Тем пикантнее будет развязка.

Он расстегнул воротник, налил себе вина из походного бара в углу и уселся рядом с ней с непринужденным

видом человека, зашедшего проведать больного приятеля. Глаза адмирала тщательно ощупали ее — прекрасные карие глаза, влажные от предвкушения.

Она попыталась себя утешить: может, он всего лишь насильник. С простым насильником справиться нетрудно. Такие простые, детские души, почти даже не противные. Даже у извращений есть относительная шкала...

— Я не знаю никаких военных тайн, — произнесла она, решив нащупать почву. — Вам, право, не стоит тратить время.

— Я и не думал, что знаете, — спокойно ответил он. — Хотя не сомневаюсь, что в ближайшие несколько недель страстно захотите поведать мне все, что знаете. Ужасно надоедает. Будь мне нужна ваша информация, наши медики за один миг ее бы из вас вынули. — Он не спеша отхлебнул вина. — Хотя интересно, как бы это вам понравилось — возможно, чуть позже я отправлю вас в лазарет.

У нее сжалось сердце. «Идиотка, — мысленно заорала она на себя, — ты что, сама набиваешься на допрос? Но нет, наверняка это входит в стандартную процедуру. Он просто обрабатывает тебя. Тонко. Спокойно...»

Он снова отхлебнул вина.

— Знаете, наверное, я, как это ни парадоксально, получу удовольствие от зрелой женщины. Молоденькие приятно выглядят, но они слишком простые. Не увлекают. А с вами будет интересно, я уже вижу... Для впечатляющего падения нужно подняться на большую высоту, правда?

Она вздохнула, перевела взгляд на потолок.

— Ну, я не сомневаюсь, что это будет очень познавательно.

Она попыталась вспомнить, о чем думала во время секса со своим прежним любовником, пока они не расстались. Может, сейчас получится не страшнее...

Улыбаясь, Форатьер поставил рюмку на тумбочку, выдвинул ящик и и достал оттуда небольшой нож — острый, как старинный скальпель, с ручкой, усеянной драго-

ценными камнями. Довольно лениво, без всякого азарта он принялся вспарывать оранжевую пижаму. На какой-то миг Корделия показалась себе картофелиной, с которой снимают кожуру.

— Разве это не казенное имущество? — осведомилась она, но тут же пожалела о том, что заговорила: голос сорвался на слове «имущество». А страх жертвы только раззадорит его. Это все равно что бросить подачку голодному псу — он будет прыгать еще выше.

Довольный Форратьер хохотнул. И — словно ненароком — позволил ножу соскользнуть. Лезвие на сантиметр вонзилось ей в бедро. Он жадно наблюдал за ее реакцией. Нож попал в участок, лишенный чувствительности, — Корделия не ощутила даже горячей струйки крови, побежавшей по ноге. Он разочарованно сощурился. А она не стала смотреть на рану. Жаль, что она никогда не интересовалась состоянием транса.

— Сегодня я вас не изнасилую, — будничным тоном сообщил он. — Вы ведь ждете изнасилования?

— Мне это приходило в голову. Сама не знаю, что заставило меня предположить такое.

— Почти нет времени, — объяснил он. — Сегодня, так сказать, только закуска в начале банкета. Легкий диетический бульон. Все сложные вещи оставим на десерт, через несколько недель.

— Я никогда не ем десерта. Боюсь располнеть, знаете ли.

Форратьер снова хохотнул.

— Вы просто прелесть. — Положив нож, он сделал еще глоток вина. — Знаете, офицеры всегда поручают работу другим. Ну, а я к тому же поклонник земных традиций. Мое любимое столетие — восемнадцатое.

— А я бы решила — четырнадцатое. Или двенадцатое.

— Через пару дней я приучу вас меня не перебивать. О чем это я? А, да. Ну, за чтением я набрел на дивную сценку, когда некую высокопоставленную даму, — он поднял рюмку, приветствуя ее, — насилует больной слуга по приказу своего господина. Очень пикантно. Увы, ве-

нерические заболевания отошли в прошлое. Но я могу отдать приказ больному слуге, хотя заболевание у него не физическое, а душевное. Настоящий, неподдельный шизофреник.

— Весь в господина, — кивнула Корделия.

«Долго я не выдержу. У меня скоро остановится сердце...»

Адмирал таинственно улыбнулся.

— Видите ли, мой слуга слышит голоса, как Жанна Д'Арк, с той разницей, что, по его словам, это демоны, а не святые. Иногда у него бывают и зрительные галлюцинации. И он — мужчина весьма крупный. Я его и прежде использовал, много раз. Он не из тех, кто легко... э-э... привлекает женщин.

Кто-то очень вовремя постучал, и Форратьер пошел открыть дверь.

— А, входи, сержант. Я как раз говорил о тебе.

— Ботари! — выдохнула Корделия.

Пригнув голову, в дверной проем протиснулась высокая фигура со знакомым лицом борзой.

Как этому подонку в адмиральской форме удалось угадать ее тайный кошмар? В памяти пронесся калейдоскоп образов: просвечиваемый солнцем лес, треск нейробластера, лица мертвеца и полумертвеца, тень, надвигающаяся подобно смертной тьме...

Она заставила себя сосредоточиться на настоящем. Узнает или нет? Но его глаза даже не прикоснулись к ней — они не отрывались от Форратьера. Слишком близко они посажены, эти глаза, и один чуть ниже другого. Такая необычная асимметрия еще усиливала уродство лица.

Кипящее воображение Корделии рванулось к его телу. Это тело — оно тоже какое-то неправильное, скорченное. Разве это тот самый подобранный, прямо стоящий человек, что потребовал от Форкосигана права быть первым. Нет-нет, что-то здесь не так, ужасно не так. Сержант на голову выше Форратьера, а двигается так, будто подползает к нему на коленях. Его позвоночник свернулся от напряжения, и он пожирает взглядом своего... господина? Мучителя? Что мог сделать этот изверг с таким

неподатливым материалом, как Ботари? Господи, Форратьер, неужели ты в своем дешевом тщеславии веришь, будто управляешь этим опасным, свирепым существом? И ты осмеливаешься играть с мрачным безумием, затаившимся у него в глазах? Ее мысли бились в такт с бешеной скачкой пульса. В этой комнате две жертвы. Здесь две жертвы. Две...

— Ну, давай, сержант, — Форратьер ткнул через плечо большим пальцем, указывая на распростертую на кровати Корделию. — Трахни-ка мне эту бабенку. — Он подвинул кресло поближе и приготовился смотреть, внимательно и радостно. — Действуй, действуй.

Ботари все с тем же непроницаемым лицом расстегнул брюки и подошел к кровати. Тут он впервые на нее посмотрел.

— Какие-нибудь последние слова, «капитан» Нейсмит? — саркастически осведомился Форратьер. — Или вам больше нечего сказать?

А она смотрела на Ботари, охваченная острой жалостью, почти на грани любви. Казалось, он в трансе, словно его ведет некий долг — похоть без удовольствия, предвкушение без надежды. «Бедняга, — подумала Корделия, — во что они тебя превратили». Больше не думая ни о поединке, ни о моральной победе, она искала в своем сердце слова не для Форратьера, а для Ботари. Какие-нибудь целительные слова, чтобы не прибавить новый груз к его безумию... Казалось, в комнате воцарился влажный холод, и она дрожала, испытывая безграничную усталость, беспомощность и печаль. Он склонился над ней, тяжелый и тусклый, как свинец, и кровать под ним заскрипела.

— Кажется, — выговорила она, наконец, — мученики близки к Богу. Мне очень жаль, сержант.

Он смотрел на нее, приблизив лицо, смотрел так долго, что она усомнилась, услышаны ли им эти слова. Дыхание Ботари было зловонным, но она заставила себя не отворачиваться. Потом, к полному изумлению Корделии, он встал и застегнул брюки.

— Нет, сэр, — проговорил он своим низким монотонным голосом.

— Что? — изумленно выпрямился Форратьер. — Почему?

Ответ прозвучал медленно, с долгой паузой:

— Она — пленница коммодора Форкосигана, сэр.

Форратьер уставился на нее, сначала в полном недоумении, потом до него дошло.

— Так это вы — бетанка Форкосигана!

Все его хладнокровное веселье разом испарилось, зашипев, как вода на раскаленной сковороде.

Бетанка Форкосигана? На миг ее охватила надежда, что имя Форкосигана проложит путь к спасению, но эта надежда тут же умерла. Шансы на установление человеческих отношений были теперь даже не нулевыми, а отрицательными. Взор барраярского адмирала затуманился, словно Корделия стала окном, через которое открылась какая-то захватывающая перспектива. Бетанка Форкосигана?

— Выходит, теперь я держу этого высоконравственного сукина сына прямо за яйца, — яростно выдохнул он. — Это будет даже лучше, чем тот день, когда я сообщил ему про жену...

С его лицом происходила удивительная метаморфоза: казалось, маска любезности начала оплавляться и стекать, словно пленка шлака над кипящей лавой. Но он быстро опомнился и поспешно вернул себе прежнее выражение.

— Должен признаться, вы меня совершенно потрясли. Какие возможности открываются! Ради такой идеальной мести не жаль прождать восемнадцать лет. Женщина-солдат! Ха! Видимо, он решил, что вы — наилучший выход из нашего общего... гх, затруднения. Мой безупречный воин, мой дорогой лицемер, Эйрел. Могу поспорить, вам о нем многое неизвестно. И знаете, почему-то я совершенно уверен, что он не упоминал обо мне, говоря с вами.

— По имени — нет, — согласилась Корделия, — но категорию вашу упоминал.

— И что же это была за категория?

— Кажется, он использовал выражение «отбросы армии».

Он снова заулыбался.

— Женщине в вашем положении я не рекомендовал бы использовать подобные выражения.

— А, так, значит, я не ошиблась?

Она произнесла требуемую реплику, но сердце ее сжалось так сильно, что, казалось, в груди должна возникнуть гулкая пустота. Каким образом Форкосиган стал причиной безумия этого человека?

Улыбка адмирала сделалась жестче.

— Какой только чепухи не сыщешь в прошлом, особенно в моем. И немалое место там принадлежало вашему любовнику-пуританину. Пусть ваше воображение остановится на этом, милочка, душечка, рыбонька моя. Как поглядишь на него сейчас — не верится, но он был таким веселым вдовцом, пока не ударился в эту ханжескую добродетель, которая меня так раздражает.

Он расхохотался.

— У тебя такая белая кожа. Он тебя трогал — вот так? — Форратьер провел ногтем по внутренней стороне ее руки, и она содрогнулась. — И твои волосы... Я уверен, что он ими совершенно очарован. Такие шелковистые, и такой необычный цвет. — Он закрутил прядь между пальцами. — Надо подумать, что сделать с этими волосами. Конечно, можно целиком снять скальп, но, наверное, лучше изобрести что-то более творческое. Может, я возьму с собой один лишь локон и небрежно так начну им играть на заседании штаба. Буду задумчиво пропускать его между пальцами — и посмотрю, насколько быстро это привлечет его внимание. Потом подкормлю его подозрения и страх парой небрежных фраз. Интересно, скоро ли он начнет заикаться и путаться в своих дьявольски безупречных докладах... Ха! А потом отправить его на недельку в патрулирование, все еще сомневающегося, все еще не уверенного...

Он взял усеянный драгоценностями нож и отрезал густую прядь, аккуратно свернул ее и спрятал в нагруд-

ный карман. И все это время не переставал любезно улыбаться.

— Конечно, надо будет соблюдать осторожность, не доводить его до взрыва... Эйрел бывает иногда таким гадко неуправляемым... — И он провел пальцем по левой стороне своего подбородка точно в том месте, где у Форкосигана был шрам. — Начать гораздо легче, чем остановиться. Хотя в последнее время он стал удивительно смирным. Твое влияние, рыбонька? Или мой друг просто стареет?

Он небрежно швырнул нож на столик, потер руки, громко расхохотался и улегся рядом с Корделией, нежно прошептав ей на ухо:

— А после Эскобара, когда уже не надо будет считаться со сторожевым псом императора, мои возможности станут безграничными. Столько вариантов...

И он принялся фантазировать, смакуя каждую подробность, как будет через нее мучить Форкосигана. Эти видения полностью захватили его, холеное лицо побледнело и покрылось потом.

Теперь уже по щекам Корделии текли слезы нескрываемого ужаса, но его это больше не интересовало.

— Не может быть, чтобы такое сошло вам с рук, — чуть слышно проговорила она.

От этих слов к Форратьеру вернулось самообладание. Он встал и обошел кровать.

— Так. Как ново. Знаешь, я совсем взбодрился. Наверное, я все же сделаю это сам. Ты должна радоваться. Я выгляжу гораздо привлекательнее, чем Ботари.

— Не для меня.

Он скинул брюки и приготовился забраться на нее.

— Меня ты тоже прощаешь, прелесть моя?

Она чувствовала себя усохшей, исчезающе маленькой.

— Боюсь, что мне придется предоставить это Бесконечно Милосердному. Вы мне не по силам.

— Сейчас будут сущие пустяки. Главное потом, — пообещал он, принимая ее отчаяние за вызов и еще больше распаляясь.

Все это время сержант Ботари слонялся по комнате, мотая головой и двигая узкими челюстями: Корделия уже однажды видела у него эти признаки волнения. А поглощенный ею Форратьер не обращал внимания на движение позади себя. Вот почему он даже не успел удивиться, когда сержант схватил его за волосы, задрал ему голову и одним умелым движением перерезал горло от уха до уха. В Корделию фонтаном ударила ужасающе горячая кровь.

Адмирал конвульсивно дернулся и обмяк — приток крови к мозгу прекратился. Ботари выпустил его волосы, и Форратьер соскользнул на пол.

Сержант неловко стоял у изножия кровати, свесив руки и тяжело дыша. Корделия не могла вспомнить, закричала она или нет. Но это неважно: скорее всего никто не обращает особого внимания на вопли, доносящиеся из этой комнаты. Сердце ее отчаянно колотилось.

Она откашлялась.

— Спасибо вам, сержант Ботари. Это был... э-э... рыцарский поступок. Как вам кажется, вы не могли бы еще и отстегнуть мне руки?

Проклятый голос срывался чуть ли не на каждом слове.

Она наблюдала за Ботари, ужасаясь, но не смея отвести взгляд. Невозможно было угадать, что он предпримет в следующую минуту. Тихонько бормоча, с совершенно невменяемым видом, он с трудом расстегнул пряжку на ее левом запястье. Корделия тут же перекатилась на бок и освободила правую руку, потом села и отстегнула пряжки на щиколотках. Некоторое время она сидела на постели, скрестив ноги, обнаженная и залитая кровью, растирая онемевшие конечности и пытаясь собраться с ускользающими от нее мыслями.

— Одежда. Одежда, — пробормотала она вполголоса.

Она бросила взгляд на покойного адмирала Форратьера — он лежал на ковре, со спущенными штанами и изумленным выражением лица. Его красивые темные глаза уже потеряли влажный блеск и начали стекленеть.

Она спрыгнула с кровати, перебралась на другую сторону комнаты, подальше от Ботари, и начала лихорадочно шарить по шкафам и комодам, стоявшим вдоль стен. В паре ящиков оказалась коллекция эротических «игрушек», и она поспешно их захлопнула, испытав приступ дурноты: ей стало ясно, что означали последние слова Форратьера. Развращенность этого человека поистине не имела границ. Она вытащила несколько мундиров — все со слишком большим количеством желтых нашивок. Наконец, нашлась и черная полевая форма. Стерев с тела кровь адмиральским халатом, она поспешно оделась.

Тем временем сержант Ботари уселся на пол, положил голову на колени, продолжая что-то бормотать. Корделия похолодела. Неужели у него начались галлюцинации? Ей надо заставить его подняться и куда-то увести. Здесь их обнаружат очень скоро. Но куда бежать, где спрятаться? Или это не разум, а страх убеждает ее искать спасения в бегстве? Может, существует более удачный вариант?

Пока она раздумывала, дверь неожиданно с треском распахнулась. Впервые она вскрикнула. Но человек на пороге со вскинутым плазмотроном в руке оказался Форкосиганом. Он был очень бледен.

ГЛАВА 8

Увидев его, Корделия судорожно вздохнула.

— Боже, у меня чуть сердце не разорвалось, — проговорила она тихим, напряженным голосом. — Войдите и закройте дверь.

Губы Форкосигана беззвучно задвигались, произнося ее имя, и он шагнул в каюту. Выражение ужаса на его лице почти сравнялось с ее собственным. И тут Корделия увидела, что он не один — за ним вошел еще один офицер, молодой, флегматичного вида светловолосый лей-

тенант. Поэтому она не бросилась к нему и не зарыдала у него на плече, как ей страстно хотелось, а лишь осторожно произнесла:

— Здесь произошел несчастный случай.

— Закройте дверь, Иллиан, — резко бросил Форкосиган. — И осмотрите тут все до последней мелочи. Вы — свидетель.

Сжав побелевшие губы, Форкосиган медленно обошел комнату. На некоторые детали он безмолвно указывал своему спутнику. При первом жесте, сделанном стволом плазмотрона, лейтенант что-то невнятно промычал. А Форкосиган остановился перед телом, взглянул на зажатое в своей руке оружие, словно впервые его заметил, и убрал в кобуру.

— Опять читал маркиза де Сада? — со вздохом обратился он к трупу и перевернул его носком ботинка. Из раны на шее вытекло еще немного крови. — Быть недоучкой опасно. — Он поднял взгляд на Корделию. — Кого из вас следует поздравить?

Она чуть помедлила.

— Я не знаю точно. Инцидент грозит осложнениями?

Лейтенант заглядывал теперь в шкафы Форратьера, предусмотрительно обернув руку носовым платком. Судя по всему, его образование оказалось не настолько полным, как он думал. Он довольно долго рассматривал содержимое ящика, который Корделия так поспешно захлопнула.

— Император будет в восторге, — ответил Форкосиган, — но исключительно в душе.

— По правде говоря, в тот момент я была привязана. Сержант Ботари... э-э... взял основную роль на себя.

Форкосиган взглянул на Ботари, все еще сидевшего на полу.

— Чем-то это похоже на ту сцену, которую мы застали, ворвавшись в технический отсек. Тут чувствуется ваш личный почерк. У моей бабушки была очень подходящая поговорка: что-то насчет того, что поздно, и еще там упоминался доллар...

— Опоздал на день, и доллара не хватило? — вспомнила Корделия.

— Да, вот именно. — Его губы тронула ироническая улыбка. — Очень по-бетански сказано, и я начинаю понимать, что это значит. — Он сохранял внешнюю бесстрастность, но глаза впились в нее с болью. — Я... не опоздал?

— Ничуть, — успокоила она. — Вы появились очень... э-э... вовремя. Я была в панике, не зная, что теперь предпринять.

Форкосиган стоял, отвернувшись от лейтенанта, и поэтому позволил себе на миг весело прищуриться.

— Значит, я спасаю от тебя свой флот, — пробормотал он сквозь зубы. — Это не совсем то, ради чего я спешил сюда, но приятно спасти хоть что-то. — Он повысил голос. — Когда закончите, Иллиан, я предлагаю пройти ко мне в каюту для обсуждения дальнейших действий.

Форкосиган опустился на колени рядом с Ботари, внимательно в него всматриваясь.

— Этот чертов подонок загубил его, — процедил он. — А ведь у нас на корабле бедняга был почти в порядке. Сержант Ботари, вы не могли бы пройти со мной?

Ботари скулил что-то нечленораздельное себе в колени.

— Иди сюда, Корделия, — сказал Форкосиган. Она впервые услышала, как он произносит ее имя. — Не сможешь ли ты уговорить его подняться? Думаю, мне сейчас лучше его не трогать.

Она шагнула вперед, чтобы несчастный безумец мог ее видеть.

— Ботари, Ботари, посмотрите на меня. Вам надо встать и идти. — Взяв окровавленную руку сержанта, она пыталась сообразить, какой логический — или, скорее, алогический — довод мог бы сейчас на него подействовать. Попробовала улыбнуться. — Смотрите. Видите? Вы умыты кровью. Кровь смывает грех, правильно? Теперь все будет в порядке. Э-э... Злого человека больше нет, и злых голосов вскоре тоже не будет. Так что идите со мной, и я отведу вас туда, где вы сможете отдохнуть.

Во время этой речи он постепенно фокусировал взгляд на Корделии, а под конец кивнул и встал. Все еще держа его за руку, она пошла за Форкосиганом. Иллиан замыкал шествие.

Корделия чрезвычайно изумилась, обнаружив, что каюта Форкосигана находится всего через одну дверь напротив.

— Ты — капитан этого корабля? — спросила она. Нашивки на воротнике свидетельствовали, что теперь он коммодор. — Ты был здесь все это время?

— Нет, я в составе штаба. Мой перехватчик вернулся с линии фронта несколько часов назад. Все это время я совещался с адмиралом Форхаласом и принцем. Совещание только что закончилось. Я пришел сразу же, как только охранник доложил мне о новой пленной Форратьера. Ты... даже в самом отвратительном кошмаре мне не снилось, что это можешь быть ты.

После адмиральского лупанария каюта Форкосигана казалась мирной, как монашеская келья. Все в соответствии с правилами, обычное жилье военного. Форкосиган запер дверь. Потерев лоб, он вздохнул и спросил, не сводя с нее глаз:

— Ты точно в порядке?

— Только ошарашена. Я знала, что рискую, но не ожидала ничего похожего на этого человека. Клинический случай. Не понимаю, как ты мог служить ему.

Его лицо опять стало непроницаемым.

— Я служу императору.

Она заметила Иллиана, по-прежнему безмолвного и внимательного. Что отвечать, если Форкосиган спросит про караван? Его вопрос для нее опаснее пытки. В последние месяцы она начала надеяться, что разлука постепенно излечит боль сердца, но, увидев его воочию, живого и сильного, она почувствовала, как безмерно истосковалась. Однако невозможно определить, что у него на уме. Сейчас он выглядит усталым, неуверенным и встревоженным. Не так, все не так...

— Да, кстати, позволь представить тебе лейтенанта Саймона Иллиана, члена личной императорской службы безопасности. Ему поручена роль шпиона. Лейтенант Иллиан — командор Нейсмит.

— Теперь я капитан Нейсмит, — машинально поправила она. Лейтенант пожал ей руку так чопорно, словно их только что познакомили на посольском приеме. От ее прикосновения у него на руке остались следы крови.

— За кем же вы шпионите?

— Я предпочитаю термин «наблюдение», — спокойно заметил молодой человек.

— Бюрократическое словоблудие, — вмешался Форкосиган и тут же объяснил: — Лейтенант шпионит за мной. Он олицетворяет собой компромисс между императором, Министерством политического воспитания и мною.

— Сам император, — невозмутимо вставил Иллиан, — использовал термин «перемирие».

— Да, верно. Кроме того, в мозг лейтенанта Иллиана вживлен блок эйдетической памяти. Можете рассматривать его как ходячее записывающее устройство — нечто вроде дискеты, которую император прослушивает, когда пожелает.

Корделия искоса посмотрела на человека-робота.

— Очень жаль, что нам не удалось встретиться при более благоприятных обстоятельствах, — осторожно сказала она Форкосигану.

— Здесь не существует благоприятных обстоятельств, — отрезал Форкосиган.

Лейтенант кашлянул и указал взглядом на Ботари, который уставился в стену, заплетая и расплетая пальцы.

— Что теперь, сэр?

— Хм-м. В той комнате слишком много улик, не говоря уже о том, что люди знают, кто и когда туда входил, стало быть, сочинить легенду нельзя. Лично я предпочел бы, чтобы Ботари там вообще не было. То, что парень явно невменяем, вряд ли смягчит принца, когда он обо всем узнает. — Форкосиган подумал. — Вам просто придется исчезнуть раньше, чем мы с Иллианом появимся

на сцене. Я не знаю, сколько нам удастся прятать здесь Ботари... Может, я смогу достать транквилизаторы. — Форкосиган взглянул на Иллиана. — Как насчет императорского агента в госпитале?

Иллиан и бровью не повел:

— Попробую что-нибудь устроить.

— Молодец. — Он повернулся к Корделии. — Вам придется побыть здесь. Постарайтесь удержать Ботари в спокойном состоянии. Мы с Иллианом должны поторапливаться, или пройдет слишком много времени между тем моментом, как мы расстались с Форхаласом, и тем, когда подняли тревогу. А такое несоответствие пришлось бы объяснять. Служба безопасности принца проследит каждый наш шаг.

— Форратьер и принц принадлежат к одной партии? — спросила она, надеясь нащупать какую-то почву в трясине барраярской политики.

Форкосиган горько усмехнулся.

— Они просто были хорошими друзьями.

И он ушел, оставив ее наедине с Ботари в полном смятении.

Корделия усадила сержанта в кресло, а сама уселась по-турецки на постели, пытаясь распространять вокруг себя атмосферу спокойного самоконтроля и жизнерадостности. А это было весьма нелегко: ее переполняла паника, ищущая выхода.

Ботари встал и принялся бродить по комнате, что-то бормоча. Нервный, тихий поток слов был совершенно бессвязным. Медленно текло время, ставшее вязким от страха.

Когда щелкнул замок, они оба вздрогнули — но это оказался Иллиан. Ботари пригнулся и замер, сжав рукоять несуществующего ножа.

— Слуги зверя — это руки зверя. — Голос убийцы был ровным и невыразительным. — Он кормит их кровью женщины. Плохие слуги.

Иллиан с опаской посмотрел на него и протянул Корделии несколько ампул-инжекторов.

— Вот. Сделайте ему укол. Одного достаточно, чтобы завалить атакующего слона. Извините. Не могу задерживаться.

И лейтенант-компьютер поспешно выскользнул за дверь.

— Трус, — пробормотала она ему вслед, но тут же поняла, что он прав. Наверное, у нее действительно больше шансов выполнить эту деликатную миссию — и уцелеть. Волнение Ботари уже приблизилось к критическому уровню.

Корделия отложила все ампулы, кроме одной, и направилась к больному, сияя радостной улыбкой. Однако общую картину сильно портили ее глаза, расширившиеся от страха.

— Коммодор Форкосиган хочет, чтобы вы отдохнули. Он прислал лекарство, чтобы вам помочь.

Ботари недоверчиво попятился, и она остановилась, боясь загнать его в угол.

— Это просто успокаивающее, видите?

— Снадобья зверя опьяняют демонов. Они поют и кричат. Плохое лекарство.

— Нет-нет. Это хорошее лекарство. Оно заставит демонов заснуть, — пообещала она.

Говорить с ним — все равно что идти по канату в темноте. Корделия решила испробовать другой подход.

— Смирно, солдат, — рявкнула она.

Это было ошибкой. Ботари чуть не вышиб у нее ампулу, когда она попыталась приложить ее к его руке, и железные пальцы сомкнулись у нее на запястье. Корделия зашипела от боли, но все же сумела извернуться и прижать распыляющий конец ампулы к его кисти. В следующий миг он отшвырнул ее в другой конец комнаты.

Корделия упала на спину, проехалась по шероховатому полу (как ей показалось, со страшным грохотом) и со всего размаху врезалась в дверь. Ботари кинулся за ней. «Успеет он меня убить, прежде чем лекарство подействует?» — отчаянно подумала она, заставляя себя обмякнуть, словно в обмороке. Ведь находящиеся без сознания не представляют угрозы.

Видимо, Ботари так не считал: руки его сжались вокруг ее шеи. Твердокаменное колено уперлось в грудь, и она почувствовала сильную боль. Но тут у него начали стекленеть глаза, руки ослабли, потом разжались. Он встал на четвереньки, ошарашенно помотал головой, повалился навзничь и захрапел.

Выждав минуту, Корделия села и прислонилась к стене.

— Хочу домой, — заявила она. — В мои служебные обязанности такое не входит.

Но шутка не помогла: в горле комком поднимался истерический смех, поэтому она прибегла к более надежному способу, произнося вслух кое-какие древние слова. Вскоре к ней вернулось самообладание.

Уложить Ботари на койку было свыше ее сил. Приподняв тяжелую голову сержанта, она подсунула ему подушку и расположила поудобнее руки и ноги спящего. Когда вернется Форкосиган со своей тенью, пусть попробуют сами.

Едва успев зайти, они поспешно захлопнули дверь.

— Ну? — спросила Корделия. — Как все прошло?

— Как по маслу — словно прыжок в пекло через п-втуннель, — бодро сообщил Форкосиган. Он знакомым жестом повернул руку ладонью вверх, и у нее сразу защемило сердце.

— Вы такой же непредсказуемый, как Ботари. Как они приняли известие об убийстве?

— Все устроилось просто великолепно. Я под арестом и должен находиться в своей каюте — меня подозревают в заговоре. Принц считает, что это я надоумил Ботари, — пояснил он. — Хотя одному Богу известно, как это мне удалось.

— Э-э... конечно, я переутомилась и не слишком хорошо соображаю. Но вы, кажется, сказали — все «просто великолепно»?

— Коммодор Форкосиган, сэр, — прервал их Иллиан. — Не забывайте, что я должен буду сообщить об этом разговоре.

— О каком разговоре? — удивился Форкосиган. — Мы с вами здесь одни. От вас же не требуется наблюдать за

мной, когда я один — это все знают. Они скоро начнут удивляться, почему вы здесь задержались.

Такая софистика заставила Иллиана нахмуриться:

— Воля императора...

— Ну-ка, ну-ка! Расскажите мне о намерениях императора! — Голос Форкосигана звенел от ярости, но лейтенант упрямо продолжал:

— Воля императора, сообщенная им мне, заключалась в том, чтобы помешать вам себя скомпрометировать. А содержание моих докладов от меня не зависит, вы это знаете.

— Вы использовали этот аргумент четыре недели тому назад. Результат вам известен.

Иллиан смутился.

Форкосиган проговорил негромко и властно:

— Все, чего желает от меня император, будет исполнено. Он — великий хореограф, и он получит свой «танец мечтателей» с точностью до единого шага. — Он сжал кулак, потом снова раздвинул пальцы. — Я отдал службе все, что имею, не оставив себе ничего — ни личной жизни, ни даже собственной чести. Оставьте мне это. — Он указал на Корделию. — Тогда вы дали мне слово. Вы намерены взять его обратно?

— Может, кто-нибудь будет настолько любезен и растолкует мне, о чем речь? — взмолилась Корделия.

— У лейтенанта Иллиана вступили в противоречие чувство долга и совесть, — ответил Форкосиган. Скрестив руки на груди, он словно обращался к невидимой аудитории. — Этот конфликт неразрешим, пока не пересмотришь своего понимания либо того, либо другого. Сейчас ему приходится выбирать, что именно должно измениться.

— Видите ли, тут был еще один случай. — Иллиан ткнул пальцем по направлению к каюте Форратьера. — Тоже с пленной... несколько недель тому назад. Командор Форкосиган тогда хотел ... э-э... что-нибудь предпринять. Я его отговорил. Ну... потом я понял, что был не прав, и обе-

щал ему не препятствовать, если подобная ситуация повторится.

— Форратьер ее убил? — с нездоровым любопытством спросила Корделия.

— Нет, — ответил человек-компьютер, мрачно уставившись на носки своих ботинок.

— Ну же, Иллиан, — устало проговорил Форкосиган, — если виновных не найдут, вы сможете предоставить императору свое правдивое сообщение, и пусть он сам решает, как его отредактировать. Если же их обнаружат — то, поверьте, достоверность ваших докладов перестанет вас особенно волновать.

— Дьявольщина! Капитан Негри был прав, — с досадой проговорил Иллиан.

— Он редко ошибается. А что он сказал на этот раз?

— Он сказал, что позволить личным взглядам хоть немного повлиять на мои обязанности — это все равно что слегка забеременеть: очень скоро ситуация выйдет из-под контроля.

Форкосиган рассмеялся:

— Капитан Негри — человек очень опытный. Но скажу вам по секрету, что иной раз даже он выносит личные суждения.

— Но служба безопасности перевернет вверх дном весь корабль. Просто путем исключения они рано или поздно выйдут на верный след. А стоит кому-нибудь усомниться в моей благонадежности — и все будет кончено.

— Да, рано или поздно это произойдет, — согласился Форкосиган. — Как по-вашему, сколько у нас времени?

— Они закончат обыск уже через несколько часов.

— Тогда просто необходимо дать их усилиям новое направление. Расширьте сферу поиска: разве от флагмана не отлетали корабли в промежуток между смертью Форратьера и установлением кордона службы безопасности?

— Даже два. Но...

— Прекрасно. Воспользуйтесь вашим имперским влиянием. Предложите любую помощь, которую вы, как до-

веренное лицо капитана Негри, в силах им оказать. Почаще упоминайте имя Негри. Подсказывайте. Рекомендуйте. Сомневайтесь. Лучше не пытайтесь подкупать и угрожать, это слишком подозрительно, но, может, в конце концов придется прибегнуть и к этому. Раскритикуйте их методы, сделайте так, чтобы исчезли записи, — замутите воду. Дайте мне двое суток, Иллиан. О большем я не прошу.

— О большем? — возмутился Иллиан.

— Ага. Еще желательно, чтобы именно вы приносили мне еду и тому подобное. И не забудьте прихватить несколько лишних порций.

Когда Иллиан ушел, Форкосиган заметно расслабился. Он повернулся к Корделии с печально-неловкой улыбкой:

— Рад вас видеть, леди.

Она тоже улыбнулась, шутливо отдав ему честь.

— Надеюсь, я не слишком испортила ваши дела. То есть с личной точки зрения.

— Никоим образом. По правде говоря, вы их значительно упростили.

— Восток — это запад, верх — это низ, а арест по подозрению в том, что вы перерезали глотку своему командующему, упрощает дело. Похоже, я на Барраяре. Вы не хотите объяснить, что здесь происходит?

— Нет. Но я, наконец, понял, почему в истории Барраяра было столько сумасшедших. Они не причина, они — следствие. — Он вздохнул и проговорил еле слышно, почти шепотом: — Ох, Корделия. Ты не представляешь, как мне нужно было иметь рядом одного нормального, чистого человека. Ты — как вода в пустыне.

Она немного растерялась:

— Ты похож на... э-э... А ты похудел...

— Ах да. — Он провел рукой по лицу. — Я невнимателен. Ты, наверное, падаешь с ног от усталости. Хочешь заснуть или еще чего-нибудь?

— Я не уверена, что смогу сейчас заснуть. Но мне хотелось бы вымыться. Не стала включать душ, пока тебя тут не было, на случай, если работает слежение.

— Очень разумно. Пожалуйста, мойся.

Она потерла рукой онемевшее бедро: черная ткань была липкой от крови.

— У тебя не найдется какой-нибудь одежды? Этот комбинезон весь перепачкался. И вообще, он от Форратьера. От него просто несет безумием.

— Сейчас посмотрю... — Вдруг лицо Форкосигана потемнело. — Это твоя кровь?

— Да, Форратьер играл в хирурга. Мне не больно. У меня там нет нервов.

— Гм-м. — Форкосиган провел пальцами по шраму и чуть улыбнулся. — Да, кажется, у меня есть как раз то, что надо.

Набрав восьмизначный код, он отпер один из ящиков, покопался там и, к изумлению Корделии, достал бетанскую астроэкспедиционную форму — ту самую, которую она оставила на «Генерале Форкрафте»: теперь форма была выстирана, аккуратно заштопана и выглажена.

— У меня нет с собой ботинок, и нашивки устарели, но, кажется, это будет впору, — церемонно произнес Форкосиган, вручая ей одежду.

— Ты... сохранил мои вещи?

— Как видишь.

— Боже правый! Но... почему?

Он виновато потупился:

— Ну... ты больше ничего не оставила. Не считая катера, который твои люди бросили на планете, — но он был бы несколько неудобным сувениром.

В свою очередь смутившись, Корделия машинально провела рукой по бежевой ткани. Но уже стоя в дверях ванной, с одеждой в одной руке и аптечкой первой помощи — в другой, она отрывисто сказала:

— У меня дома хранится барраярская форма. Завернута в бумагу, в ящике.

Его глаза вспыхнули.

Когда она вышла из ванной, в каюте было полутемно и по-ночному тихо. Свет горел только у терминала, где

Форкосиган изучал содержание какой-то дискеты. Она вспрыгнула на его кровать и снова уселась по-турецки, шевеля пальцами ног.

— Что это?

— Домашняя работа. Это моя официальная должность в штабе Фор... покойного адмирала Форратьера. — Его губы тронула улыбка, и он стал похож на довольного тигра из детского стишка, возвращающегося домой с тремя девицами в желудке. — Мне поручено составление оперативной документации для сценария вынужденного отступления нашего флота. Как выразился на заседании Совета сам император, раз уж я так убежден, что произойдет катастрофа, я обязан, дьявол меня раздери, разработать все планы на этот случай. А здесь меня считают чем-то вроде пятого колеса.

— Пока что вам сопутствует успех? — удрученно спросила Корделия.

— Мы превосходно распылили силы. Некоторые рассматривают это как успех.

Он ввел какие-то новые данные, потом отключил компьютер.

Корделия решила, что им лучше побеседовать на менее опасную тему.

— Насколько я поняла, тебя все-таки не обвинили в предательстве? — спросила она, вспоминая их последний разговор, состоявшийся так давно и так далеко — над другой планетой.

— А, там получилась ничья. После того как ты убежала, меня отозвали обратно на Барраяр. Гришнов — это министр политического воспитания, третье лицо после императора и капитана Негри — прямо слюнки пускал, так был уверен, что наконец-то меня заполучил. Но мое обвинение против Рэднова оказалось несокрушимым. В общем, не успели мы пустить друг другу кровь, как вмешался император и навязал нам компромисс — или, вернее, прекращение военных действий. Но формально меня не оправдали: обвинение застряло в каком-то юридическом чистилище.

— Как он это сумел?

— Ловкость рук. Он предоставил Гришнову и генеральской клике то, чего они давно добивались, — эту эскобарскую авантюру. Более того — он отдал им принца. И всю славу. Гришнов и принц уверены, что после покорения Эскобара станут истинными правителями Барраяра. Он даже заставил Форратьера смириться с моим повышением. Напомнил, что я буду подчинен непосредственно ему. Форратьер мгновенно согласился.

При этих словах какое-то жгучее воспоминание заставило Форкосигана стиснуть зубы. Рука его бессознательно дернулась и сжалась в кулак.

— Ты с ним давно знаком? — осторожно спросила Корделия, вспомнив маниакальную ненависть садиста-адмирала к Форкосигану.

Он отвел глаза.

— Мы вместе учились и вместе служили лейтенантами. В то время он всего лишь увлекался подглядыванием... Насколько я понимаю, в последние годы он стал гораздо хуже — с тех пор, как сошелся с принцем Зергом и вообразил, что ему все позволено. И, да простит его Господь, он почти не ошибался. Ботари оказал людям огромную услугу.

«Ты знал его куда ближе, чем говоришь, сердце мое», — подумала Корделия. Значит, это Форратьер был заразой воображения, с которой так трудно бороться? Похоже, Ботари оказал огромную услугу и некоторым конкретным личностям...

— Кстати о Ботари — в следующий раз будь любезен, лечи его сам. Когда я подошла к нему с ампулой, он совсем взбесился.

— Ах, вон что. Догадываюсь, почему. Об этом упоминалось в одном из отчетов капитана Негри. Форратьер имел привычку потчевать своих... э-э... актеров различными снадобьями, когда хотел добиться лучшего спектакля. Я почти уверен, что Ботари был одной из его жертв.

— Какая гадость. — Ее даже затошнило, и мышцы свело как раз там, где болели ребра. — А кто такой капитан Негри, о котором ты все время говоришь?

— Негри? Он держится в тени, но его могущество ни для кого не секрет. Он шеф личной службы безопасности императора. Главный начальник Иллиана. Его называют приятелем Эзара Форбарры. Если считать Министерство политического воспитания правой рукой императора, тогда Негри — его левая, та самая, о делах которой правой не дозволено знать. Он ведает внутренней безопасностью на самом высоком уровне: главы министерств, графы, семья императора... принц... — Форкосиган задумчиво нахмурился. — Я довольно близко узнал его за время подготовки к нынешнему предприятию. Это незаурядная личность. Он мог бы иметь любой чин, по своему выбору. Но ему безразлично все внешнее. Его интересует только суть.

— Он хороший человек или плохой?

— Что за абсурдный вопрос!

— Я просто подумала, что он может оказаться властью за троном.

— О нет. Если бы Эзар Форбарра сказал ему: «Ты лягушка», — он бы начал прыгать и квакать. Нет. На Барраяре только один император, и он никому не позволяет встать над собой. Он еще не забыл, как ему досталась власть.

Корделия потянулась, морщась от боли в боку.

— Что-то не так? — моментально встревожился Форкосиган.

— Да просто Ботари наступил на меня коленом во время этой катавасии с успокоительным. Я была уверена, что нас услышат. Перепугалась до смерти.

— Можно мне посмотреть?

Сильные пальцы нежно скользнули вдоль тела Корделии. В ее воображении они оставляли за собой радужный след.

— Ох!

— Да. У тебя два ребра треснуло.

— Я так и думала. Хорошо, что не шея. — Она легла, и Форкосиган перетянул ей ребра бинтом, потом уселся рядом с ней на кровати.

— Ты никогда не мечтал забросить все это и перебраться куда-нибудь в глухомань, подальше от политики? — спросила Корделия. — Например, на Землю.

Он улыбнулся:

— Не раз. Однажды была даже такая фантазия, что я эмигрирую в Колонию Бета и появляюсь у тебя на пороге. У тебя есть порог?

— В точном смысле слова — нет, но это неважно, продолжай.

— Не могу себе представить, чем бы я там зарабатывал на жизнь. Я умею только планировать войну... и воевать. У меня нет профессии техника, навигатора или пилота, так что путь в ваш торговый флот для меня закрыт. Вряд ли меня взяли бы в военный флот, и сомневаюсь, чтобы меня выбрали на какую-нибудь административную должность.

Корделия фыркнула:

— Вот Зануда Фредди удивился бы!

— Это так ты зовешь своего президента?

— Я за него не голосовала.

— Единственное занятие, которое мне остается, — это преподавание разных спортивных единоборств. Ты бы вышла замуж за инструктора дзюдо, милый капитан? Но нет, — вздохнул Форкосиган. — Барраяр у меня в крови. Я не могу стряхнуть его с себя, куда бы я ни отправился. Господь свидетель, это бесславная война. Но уйти в изгнание только ради покоя... Поступить так — значит перечеркнуть все свои надежды. Окончательное поражение, без зерна победы.

Она вспомнила о смертоносном грузе, который конвоировала, о грузе, уже доставленном на Эскобар. По сравнению с тем, что он принесет людям, ее с Форкосиганом жизни не весили ровно ничего. А он истолковал отразившееся на ее лице горе как страх.

— Видеть тебя — еще не значит очнуться от кошмара. — Он нежно прикоснулся ладонью к ее щеке. — Это больше похоже на то, как будто, не просыпаясь, я знаю, что за пределами сна есть мир бодрствования. И я намерен когда-

нибудь присоединиться к тебе в этом мире. Вот увидишь. Увидишь.

Он сжал ей руку и улыбнулся.

На полу зашевелился и застонал Ботари.

— Я о нем позабочусь, — сказал Форкосиган. — Поспи, пока можно.

ГЛАВА 9

Ее разбудили голоса. Иллиан, напряженный, как струна, стоял перед Форкосиганом, повторяя:

— Форхалас и принц! Здесь! Сейчас!

— Сукин... — Форкосиган крутанулся на каблуках, быстро оглядывая комнату. — В ванную. Запихнем его под душ.

Он быстро взял Ботари за плечи, Иллиан — за ноги. Задев телом за дверь, они кое-как поместили его в кабинку для душа.

— Сделать еще одну инъекцию? — спросил Иллиан.

— Наверное, следует. Корделия, заряди его новой порцией. Сейчас немного рановато, но если он издаст хоть звук, вы оба погибли. — Он завел ее в ванную, сунул ей в руку ампулу и выключил свет. — Ни звука и ни шороха.

— Закрыть дверь? — спросил Иллиан.

— Прикрыть. Прислонитесь к косяку, держитесь спокойно и не позволяйте охраннику принца войти в ваше психологическое пространство.

Двигаясь ощупью, Корделия опустилась на колени и ввела сержанту еще одну дозу успокоительного. Потом уселась на единственное приспособленное для этого место и обнаружила, что в зеркало можно видеть кусочек каюты. Она услышала, как дверь каюты открылась и раздались новые голоса.

— ...если вы не собираетесь отстранить его и от исполнения обязанностей, я буду по-прежнему следовать заве-

денному порядку. Я видел то помещение. Ваши подозрения беспочвенны.

— Посмотрим, — прозвучал напряженный и гневный ответ.

— Привет, Эйрел. — Первый голос принадлежал немолодому офицеру в зеленом парадном мундире. Он пожал руку Форкосигану и передал ему пачку дискет. — Мы через час отправляемся к Эскобару. А это только что доставил курьерский корабль — последние, уточненные сведения. Я приказал, чтобы тебя держали в курсе событий. Эски отступают по всему пространству. Они даже не приняли боя у туннеля к Тау Кита. Они бегут.

Владелец второго голоса тоже был в зеленом мундире, расшитом золотом более плотно, чем все, которые она видела до сих пор. Усыпанные драгоценностями ордена на его груди мерцали в свете настольной лампы. Ему можно было дать лет тридцать: темноволосый, квадратное лицо, щелки глаз под набрякшими веками, тонкие губы раздраженно поджаты.

— Но вы ведь не полетите туда, правда? — Форкосиган обращался к молодому вельможе. — Старшему по чину положено оставаться на флагмане. Поскольку Форратьер погиб, его обязанности переходят к принцу. Как-никак, ему отводилась определенная роль в вашем балагане.

Принц Зерг негодующе выпрямился.

— Нет, я сам поведу армию на Эскобар! Пусть тогда мой отец и его приятели посмеют говорить, что я не солдат!

— Ты, — устало проговорил Форкосиган, — будешь сидеть в своем укрепленном дворце, который строила половина инженеров войска, и пировать. А твои люди будут умирать за тебя, пока не отвоюют достаточной территории, завалив ее своими трупами. Именно такой тактике научил тебя твой наставник. А потом пошлешь домой реляции о своей великой победе. Может, тебе удастся добиться, чтобы список погибших засекретили.

— Эйрел, осторожнее, — предостерег шокированный Форхалас.

— Ты слишком много себе позволяешь, — прорычал принц. — Особенно для человека, который не подойдет к боевым действиям ближе, чем на полмиллиона миль. Если уж говорить о... чьей-либо тактике. — Его тон явно давал понять, что за этим эвфемизмом скрываются гораздо более сильные выражения.

— Довольно странно — в одно и то же время приказывать мне не выходить из каюты и обвинять в трусости из-за того, что я не на фронте, сэр. Даже пропаганда министра Гришнова лучше имитирует логику.

— Я знаю, чего ты хочешь, Форкосиган, — процедил принц. — Удержать меня здесь и присвоить себе всю славу — себе и этому морщинистому шуту Фортеле с его поддельными либералами. Через мой труп! Ты будешь сидеть в каюте, пока не обрастешь плесенью!

Легкая усмешка мелькнула на мрачном лице Форкосигана — и пропала, словно ее и не было.

— Я заявляю официальный протест. Высаживаясь с войсками на Эскобаре, вы покидаете пост, где обязаны находиться.

— Протестуй на здоровье. — Принц подошел к нему вплотную и понизил голос: — Но даже мой отец не вечен. И когда наступит этот день, твой папаша больше не сможет тебя защитить. Ты, и Фортела, и все его дружки первыми встанете к стенке, это я тебе обещаю. — Он осекся и поднял глаза, видимо вспомнив, о молчаливом Иллиане. — Или, может быть, ты снова окажешься в Колонии прокаженных с пятилетним патрулированием.

Тут Ботари повернулся в своей тесной кабинке и, к ужасу Корделии, захрапел.

На лейтенанта Иллиана мгновенно напал приступ кашля.

— Извините, — с трудом проговорил он и отступил в ванную, решительно захлопнув за собой дверь.

Он включил свет и обменялся с Корделией полным отчаяния взглядом. Однако совместными усилиями им удалось повернуть Ботари на бок, и дыхание сержанта вновь стало ровным. Корделия одобрительно подняла кверху

большой палец, и лейтенант, кивнув, снова проскользнул в дверь.

Принц уже ушел. Адмирал Форхалас ненадолго задержался, чтобы обменяться со своим подчиненным последними соображениями.

— ...записать это. Я перед отъездом подпишу, — донесся его голос.

— По крайней мере, не летите с ним на одном корабле, — серьезно попросил Форкосиган.

Форхалас вздохнул:

— Поверь, я ценю твои попытки снять его с моей шеи. Но кто-то должен вычистить для императора этот обезьянник — теперь, когда, слава Богу, Форратьер умер. Твоя кандидатура отпадает, так что, похоже, избран я. Кстати, неужели ты не можешь приберечь свои амбиции для подчиненных, как делают все нормальные люди? Разве обязательно хамить начальству? Я считал, что ты от этого вылечился, когда увидел, что ты позволяешь Форратьеру.

— С этим теперь покончено.

— Дай Бог. — Форхалас привычно сплюнул через плечо.

— Между прочим, что это за «Колония прокаженных»? — полюбопытствовал Форкосиган.

— Ты ни разу не слышал? Ну... да, понятно, что нет. А тебя никогда не удивляло, почему в твоем экипаже оказывается столь высокий процент всяких недоумков, неисправимых и непригодных к службе?

— Я и не ожидал получить сливки.

— В главном штабе это называли «Колонией прокаженных Форкосигана».

— А я был главным прокаженным? — Казалось, новость скорее позабавила, чем оскорбила его. — Ну, если это худшее, что могла принести мне служба, то, может, все получится не так уж плохо. Береги себя. Не хотел бы я стать его заместителем.

Форхалас хохотнул, и они обменялись рукопожатиями. Адмирал двинулся к двери, но на полдороге остановился.

— Как ты думаешь, они будут контратаковать?

— О, Господи! Разумеется, будут. Это же не какая-нибудь торговая фактория. Эти люди сражаются за свои дома.

— Когда?

Форкосиган помялся.

— После того, как вы начнете десантироваться, но задолго до окончания высадки. А ты бы поступил иначе? Это самый подходящий момент. Пилоты катеров в растерянности, они не знают, взлетать им или садиться, корабли-матки разбросаны черт-те где или попали под огонь, боеприпасы еще не доставлены, связь нарушена, и в придачу ко всему главнокомандующий — полный профан...

— У меня просто мурашки по коже.

— Да уж... Постарайся оттягивать начало как можно дольше. И убедись, что твои командиры отчетливо понимают планы чрезвычайной ситуации.

— Принц видит это совсем по-другому.

— Да, ему не терпится возглавить парад.

— Что ты посоветуешь?

— На этот раз твой командующий — не я, Рульф.

— Не моя вина. Я рекомендовал императору тебя.

— Знаю. Я не согласился. Я рекомендовал тебя.

— И мы получили этого сукина сына, этого педераста Форратьера. — Форхалас мрачно покачал головой. — Что-то тут не так...

Форкосиган мягко взял его под руку и проводил до двери. Вернувшись, он глубоко вздохнул и задумался, словно подавленный видениями будущего. Потом, подняв глаза, коммодор с горькой иронией посмотрел на Корделию:

— Когда древние римляне устраивали свои триумфальные шествия, кажется, рядом с триумфатором ехал такой тип, который должен был все время шептать ему на ухо, что он простой человек, что его тоже ждет смерть. Триумфаторы, наверное, не очень-то радовались его присутствию.

Она промолчала.

Форкосиган с Иллианом отправились в ванную за Ботари.

— Кажется, он перестал дышать, — чертыхнулся Форкосиган.

Иллиан охнул. Они уложили сержанта на пол, Форкосиган припал ухом к его груди и пощупал пульс на шее.

— Сукин сын. — Соединив обе руки, он резко ударил сержанта по грудине, потом снова прислушался. — Ничего.

Перекатившись на пятки, он яростно уставился на лейтенанта.

— Иллиан! Где бы вы ни взяли эту змеиную мочу, идите туда и найдите противоядие. Живей. И без шума.

— Как вы... а что если... не следует ли... стоит ли... — залепетал Иллиан. Потом устало воздел руки и умчался на поиски.

Форкосиган взглянул на Корделию:

— Делаем массаж сердца и искусственную вентиляцию легких? Что выбираешь?

— Наверное, массаж.

Она опустилась на колени рядом с Ботари, а Форкосиган передвинулся к голове, набрал побольше воздуха и сделал ему первый вдох. Корделия прижала основания ладоней к грудной клетке и надавила со всей силой, стараясь установить ритм. Толчок, вдох, толчок, вдох, снова и снова, не останавливаться. Вскоре руки ее начали дрожать от напряжения, на лбу выступил пот. Ребра отзывались режущей болью.

— Придется поменяться.

— Хорошо.

Теперь Форкосиган начал вести массаж сердца, а Корделия зажала Ботари нос и прижалась губами к его губам. Рот его был влажен от слюны Форкосигана. Эта пародия на поцелуй была отвратительна, но выбора не оставалось.

Наконец, вернулся запыхавшийся Иллиан. Встав на колени, он прижал к сонной артерии на жилистой шее Ботари новую ампулу. Ничего не произошло. Форкосиган возобновил массаж.

Внезапно Ботари вздрогнул, потом напрягся, как в столбняке, выгнувшись дугой. Он сделал долгий рыдающий вдох и опять затих.

— Ну же, — полушепотом ободрила его Корделия.

С резким спазматическим всхлипом сержант задышал — неровно, но постоянно. Корделия села рядом и всмотрелась в него с безрадостным торжеством:

— Несчастный ублюдок.

— Я-то думал, ты видишь смысл во всем сущем, — откликнулся Форкосиган.

— В абстракции. А на деле просто ковыляешь во тьме с остальным тварным миром, натыкаясь на что-то и удивляясь, почему это так больно.

Форкосиган тоже смотрел на Ботари, не отирая струек пота с лица. Потом он вскочил и бросился к терминалу.

— Чуть не забыл — мой протест. Надо составить и зарегистрировать, пока не улетел Форхалас, иначе не будет смысла.

Он уселся в кресло и начал поспешно настраивать компьютер.

— А почему это так важно? — спросила Корделия.

— Ш-ш... Потом.

Он торопливо печатал минут десять, потом отправил электронное послание командующему.

Тем временем Ботари продолжал дышать, хотя с лица его не сходила смертельная зеленоватая бледность.

— Что будем делать? — спросила Корделия.

— Ждать. И молиться, чтобы доза оказалась верной, — тут Форкосиган раздраженно посмотрел на Иллиана, — и чтобы он не впал в маниакальное состояние.

— Разве нам не пора подумать о том, как их отсюда вывести? — запротестовал лейтенант.

— Думайте на здоровье. — Форкосиган заложил в компьютер новые дискеты и начал просматривать тактические выкладки. — Но как тайник это место обладает двумя преимуществами, которых лишены все остальные. Если вы не проболтались, то за нами сейчас не следят ни главный политофицер, ни люди принца...

— Я совершенно уверен, что выявил все датчики. Могу ручаться чем угодно.

— Сейчас на карту поставлена ваша жизнь, так что лучше бы вам не ошибиться. Во-вторых, в коридоре два вооруженных охранника, которые никого сюда не пропустят. Большего и не нужно. Конечно, приходится признать, что тут немного тесно.

Иллиан досадливо закатил глаза.

— Я запутал службу безопасности, насколько смог. Большего сделать нельзя, не рискуя вызвать подозрения, чего мы как раз и хотим избежать.

— Сутки у нас есть?

— Возможно. — Иллиан хмуро посмотрел на своего подопечного, недоумевая и тревожась. — Вы что-то задумали, сэр, не так ли.

Эти слова не были вопросом.

— Я? — Пальцы коммодора летали по клавиатуре, и разноцветные блики с экрана падали на непроницаемое лицо. — Я просто выжидаю, не представится ли какая-нибудь подходящая возможность. Когда принц улетит на Эскобар, большая часть сотрудников службы безопасности последует за ним. Терпение, Иллиан.

Он подключился к общекорабельной сети.

— Форкосиган вызывает штабной отдел.

— Командор Венн слушает, сэр.

— А, это вы, Венн. Отлично. С момента отлета принца и адмирала Форхаласа передавайте мне оперативные сводки за каждый час. И независимо от времени сразу же сообщите мне, если начнет твориться что-нибудь необычное, не соответствующее диспозициям.

— Да, сэр. Принц и адмирал Форхалас уже перешли в шлюзовой отсек, сэр.

— Очень хорошо. Работайте. Форкосиган сообщение закончил.

Он отодвинулся от стола и забарабанил пальцами.

— Теперь будем ждать. Примерно через двенадцать часов принц достигнет орбиты Эскобара. Вскоре после это-

го они начнут высадку. Примерно час уходит на то, чтобы до нас дошли сигналы от Эскобара, и столько же для обратного сигнала. Интервал, конечно, великоват. За два часа битва может закончиться. Мы могли бы сократить разрыв на три четверти, если бы принц разрешил поменять исходные рубежи.

Небрежный тон не скрывал его напряжения. Казалось, он забыл о комнате, в которой находится. Мысли Форкосигана двигались вместе с армадой, которая сверкающим созвездием стягивалась к Эскобару: стремительные перехватчики, мрачные крейсера, тихоходные транспорты с трюмами, полными солдат. Взгляд его был прикован к экрану, а пальцы машинально крутили забытый световой карандаш.

— Не перекусить ли вам, сэр? — предложил Иллиан.

— Что? А, да, наверное. И ты, Корделия, — ты, должно быть, проголодалась. Давайте, Иллиан.

Иллиан ушел за едой. Форкосиган работал еще несколько минут, потом со вздохом отключил компьютер.

— Наверное, мне следует подумать и о сне. Последний раз я спал на борту «Генерала Форкрафта» на подлете к Эскобару — кажется, дня полтора тому назад. Примерно в тот момент, когда тебя брали в плен.

— Нас захватили чуть раньше. Мы почти день провели на буксире.

— Кстати, прими мои поздравления с великолепно проведенным маневром. Насколько я понимаю, это был фальшивый крейсер?

— Право, не могу сказать.

— У нас тут кое-кто хвастался удачным выстрелом.

Корделия спрятала улыбку.

— Я не против.

Она приготовилась к дальнейшим расспросам, но, как ни странно, он перевел разговор на другое.

— Бедняга Ботари. Хорошо бы император дал ему медаль. Но, боюсь, самое большее, что я смогу для него сделать, — это добиться настоящего лечения.

— Если император не жаловал Форратьера, то почему он поручил ему командование флотом?

— Потому что Форратьер был человеком Гришнова, и все об этом знали. К тому же — фаворит принца. Император, так сказать, сложил все тухлые яйца в одну корзинку.

Форкосиган прервал себя, привычно сжав кулак.

— У меня было такое чувство, словно я встретила высшее зло. Думаю, после него меня уже ничто по-настоящему не испугает, — задумчиво сказала Корделия.

— Джес Форратьер? Просто мелкий пакостник... Старомодный опереточный злодей-самоучка. Настоящее зло делается совсем иначе — его творят спокойные люди, которые собираются в светлых комнатах, обитых зеленым шелком. Они раздают смерть оптом, целыми кораблями, без страсти, без гнева, вообще без всяких эмоций. Единственное чувство, которое ими движет, — это страх перед будущим. Но преступления, которые они надеются предотвратить в этом будущем, — воображаемые. А те, что они совершают в настоящем, — реальны.

По мере того, как Форкосиган говорил, голос его звучал все тише, так что под конец он почти шептал.

— Коммодор... Эйрел... что тебя мучает? Ты так встревожен, словно за тобой гонятся фурии.

Он попытался засмеяться.

— Да, именно так я себя и чувствую. Наверно, из-за ожидания. Я не умею ждать. Для солдата это недостаток. Очень завидую твоей способности терпеливо ждать. Ты кажешься спокойной, как лунный свет на поверхности озера.

— Это красиво?

— Очень.

— Звучит приятно. У нас дома нет ни того, ни другого.

Комплимент доставил Корделии непривычную радость.

Иллиан вернулся с подносом, и разговор прервался. Они поели, затем Форкосиган позволил себе немного поспать — или, по крайней мере, полежать с закрытыми глазами. Но каждый час он вставал, чтобы просмотреть очередные сводки.

Иллиан заглядывал ему через плечо, и Форкосиган пояснял лейтенанту ключевые моменты происходящего.

— На мой взгляд, все выглядит довольно неплохо, — один раз заметил Иллиан. — Не понимаю, почему вы так тревожитесь. Мы и вправду можем победить, хотя у эсков есть немалые резервы. Но они им не помогут, если все закончится быстро.

Чтобы не загонять Ботари в глубокую кому, ему дали прийти в полубессознательное состояние. Он сидел в углу, жалко скорчившись, и то проваливался в дремоту, то просыпался. И во сне, и наяву его преследовали какие-то видения.

В конце концов Иллиан отправился в свою каюту, и Корделия тоже вздремнула. Оказалось, что она проспала долго, и проснулась только тогда, когда Иллиан принес завтрак. Запертая в тесной комнате, она совершенно потеряла ощущение времени. Однако Форкосиган сейчас уже считал каждую минуту. Покончив с едой, он исчез в ванной, принял душ, побрился и надел свежую парадную форму, словно собираясь на прием к императору.

Теперь он сидел совершенно неподвижно, с каменным лицом, уже второй раз проглядывая последнюю оперативную сводку.

— Высадка войск еще не началась? — спросила Корделия.

Он сверился с хронометром.

— Почти час назад. Первые сообщения будут с минуты на минуту.

Появилась сводка текущего часа. Форкосиган начал ее просматривать. Но не успел прочесть и половины, как на экране возникло лицо командора Венна.

— Коммодор Форкосиган? У нас идет какая-то странная информация. Если желаете, я буду передавать вам прямо необработанный материал.

— Да, пожалуйста. Немедленно!

Форкосиган быстро отфильтровал болтовню экипажей и усилил голос капитана одного из кораблей, смуглого

коренастого человека, диктовавшего на пленку свой бортовой журнал.

— ...противник контратакует! (Ну вот, начинается, мысленно простонала Корделия.) Отвечают выстрелом на выстрел. Наши плазменные экраны работают на максимальной мощности, но тем самым затрудняют нам стрельбу. Мы должны или убрать экраны, чтобы создать необходимую плотность огня, или прекратить атаку... — Передачу прервала помеха. — ...Не знаю, как им это удается. Невозможно установить на эти катера такое количество генераторов, чтобы...

Опять помехи. Передача резко оборвалась.

Форкосиган отыскал новый доклад. Иллиан тревожно смотрел на экран. Корделия молча сидела на кровати, опустив голову, и слушала... Чаша победы оказалась нестерпимо горькой.

— ...флагман попал под сильный огонь, — докладывал командующий. Корделия узнала этот голос и вытянула шею, чтобы увидеть лицо говорящего. Готтиан! Значит, он получил долгожданное повышение. — Я собираюсь отключить экраны и произвести залп из главного калибра.

— Не делай этого, Корабик! — безнадежно воскликнул Форкосиган. Каково бы ни было решение, оно принято час назад и его последствия уже стали свершившимся фактом.

Готтиан повернул голову.

— Командор Форкаллонер, вы готовы? Мы начинаем... — тут послышался треск помех, и затем наступило молчание.

Форкосиган грохнул кулаком по пульту.

— Дьявол! Когда же они наконец сообразят...

Он уставился в мелькание помех, затем еще раз прокрутил сообщение Готтиана. Потом он выбрал новую полосу трансляции: теперь на экране компьютера отразилось пространство вокруг Эскобара, в котором метались и мигали цветные огоньки, изображающие корабли. Это

походило на какую-то детскую игру. Форкосиган помотал головой, словно отгоняя страшное наваждение.

На экране опять появилось лицо Венна. Он был бледен, в углах рта пролегли глубокие морщины.

— Сэр, по-моему, вам следует прийти в штабной отсек.

— Я не имею права, Венн, я под арестом. Где коммодор Хелски или коммодор Куэр?

— Хелски вылетел с принцем. Коммодор Куэр сейчас здесь.

— Принц совершенно недвусмысленно запретил мне покидать каюту.

— Принц... Похоже, что он погиб, сэр.

Форкосиган прикрыл глаза и безрадостно вздохнул. Потом снова открыл их и подался вперед:

— Этому есть подтверждения? Вы получили какие-нибудь новые приказы от адмирала Форхаласа?

— Адмирал Форхалас находился с принцем, сэр. В их корабль попали. — Венн на миг отвернулся, глядя на что-то у себя за спиной. — Это... — ему пришлось прокашляться, — это достоверно. Флагманский корабль принца... уничтожен. От него остался лишь пепел. Теперь командуете вы, сэр.

Лицо Форкосигана было угрюмым и несчастным.

— Тогда сию же минуту передавайте «синий пароль». Всем кораблям немедленно прекратить огонь. Всю резервную энергию — только на усиление защитных экранов. Двигайтесь к Эскобару с максимальным ускорением. Нам необходимо сократить отставание в связи.

— «Синий пароль», сэр? Но это же общее отступление!

— Знаю, командор. Я сам составлял эту диспозицию.

— Но как же...

— Командор Венн, Эскобар располагает новой системой вооружения. Она называется плазменное зеркало. Это — секретная технология Беты. Комбинация силовых полей возвращает заряд в точку выстрела. Наши корабли ведут огонь на самопоражение.

— Бог мой! Что мы можем сделать?

— Абсолютно ничего, если только вы не собираетесь брать на абордаж их корабли и вручную душить этих тварей. Заманчиво, но непрактично. Передавайте приказ! Вызовите в штабной отсек главного инженера и штурмана. И распорядитесь, чтобы начальник охраны убрал отсюда своих людей. Не хочу, чтобы меня парализовали, едва я выйду из каюты.

— Слушаю, сэр! — Венн отключился.

— Прежде всего надо остановить транспортные корабли, — пробормотал Форкосиган, поднимаясь с рабочего кресла. Повернувшись, он увидел, что и Корделия, и Иллиан смотрят на него, открыв рты.

— Как вы узнали... — начал Иллиан.

— ...о плазменных зеркалах? — договорила Корделия.

На лице Форкосигана не дрогнул ни один мускул.

— Ты сама мне рассказала, Корделия. Во сне, пока Иллиан отсутствовал, под действием одного из хирургических снадобий. Побочных эффектов оно не имеет.

Ужаснувшись, она встала.

— Ах ты, жалкий... Пытка — и то честнее!

— О, хитро, сэр! — поздравил Иллиан. — Я знал, что вы — в порядке!

Форкосиган кинул на него неприязненный взгляд.

— Это не имеет значения. Информация подтвердилась слишком поздно, чтобы быть для нас полезной.

В дверь постучали.

— Пойдемте, Иллиан. Пора уводить наш флот домой.

ГЛАВА 10

Не прошло и часа, как Иллиан пришел за Ботари. После этого Корделия почти двенадцать часов провела одна. Сперва она подумывала бежать из каюты и устроить маленькую диверсию, — но если Форкосиган действительно командует полным отступлением, то вмешательство может оказаться некстати.

Она лежала на постели в глубоком отчаянии. Обманщик, предатель, он не лучше всех остальных. «Мой безупречный воин, мой дорогой лицемер...» Похоже, Форратьер знал его все-таки лучше, чем она. Нет. Это несправедливо. Выуживая из нее информацию, Форкосиган исполнял свой долг — она поступила так же, храня секрет, пока было возможно. И нельзя не согласиться с Иллианом — это было хитро. Она, как ни старалась, не замечала в себе никаких последствий тайного вторжения в ее мозг.

Что бы он ни использовал... А, кстати, что он мог использовать? Где он припрятал свою «сыворотку правды» и когда? Иллиан ему это средство не приносил, это точно. Когда Форкосиган сообщил о зеркалах, Иллиан изумился не меньше ее. Надо проверить, действительно ли у него в каюте припрятано допросное снадобье, или...

— Боже мой! — прошептала она. — Неужели это правда?

Вскочив, она забегала по каюте, и все мельчайшие фрагменты неудержимо становились на свои места.

Никаких сомнений! Форкосиган никогда не допрашивал ее — он заранее знал о плазменных зеркалах.

Более того, похоже, что он — единственный человек в барраярском командовании, который об этом знал. Форхалас не знал. Принц совершенно определенно не знал. И Иллиан тоже.

— Сложить все тухлые яйца в одну корзину, — пробормотала Корделия. — И... уронить корзину? О, это не мог быть его собственный план! Конечно же, нет...

Она внезапно охватила мысленным взором всю мозаику событий. Да, сомнений больше не было: прямо у нее на глазах было совершено самое массовое политическое убийство во всей истории Барраяра. Но мало того — оно еще и самое тонкое: трупы спрятаны в горе других трупов, навеки с ними перемешавшись.

Когда же он получил эту информацию? Видимо, в промежутке между тем моментом, когда она оставила его, не имеющего других забот, кроме захваченного мятежниками технического отсека, и нынешним, когда он пытается спасти остатки своей обезоруженной армады. Где-

то в тихой, обитой зеленым шелком комнате, там, где великий хореограф ставил танец смерти, честь полководца была сломана на дыбе его долга.

Форратьер с его больным честолюбием вдруг усох, превратившись в мышку, в блоху, в булавочный укол по сравнению с этим чудовищным видением.

«Господи, а я-то удивлялась, что Эйрел так напряжен. Да он, наверное, едва не спятил. А император?.. Ведь принц его сын! Может ли такое быть реальностью? Или я сбрендила, как Ботари?»

Корделия заставила себя сесть, потом улечься, но заговоры и контрзаговоры не давали ей покоя. Мозг отказывался вместить вереницу предательств, так ловко собранных в одной точке пространства и времени ради достижения ужасной цели.

«Может, это неправда, — наконец утешила она себя. — Я спрошу его, и он повторит то, что уже сказал. Он просто допросил меня, пока я спала. Мы их опередили, и я — героиня, спасшая Эскобар. А он — офицер, честно исполнявший свой долг. — Она повернулась набок и уставилась в сумрак каюты. — А у свинок есть крылья, и на одной из них я полечу к себе домой».

Мысли Корделии прервал Иллиан, объявивший, что ему приказано проводить ее в тюремную камеру.

Она сразу заметила, что обстановка в тюремном отсеке переменилась. Охранники уже не раздевали ее глазами — больше того, они старались вообще на нее не смотреть. Режим по-прежнему оставался суровым, а замки надежными, но дух глумления и садизма исчез. Она узнала охранника, который отводил ее в каюту Форратьера и, казалось, жалел. Теперь он был здесь главным: его воротник украсили поспешно и криво пришитые лейтенантские нашивки. Уходя из каюты, Корделия опять надела комбинезон Форратьера. На этот раз ей было позволено переодеться в оранжевую пижаму без присмотра. Затем ее отвели вниз.

В камере уже была одна пленная — эскобарская девушка потрясающей красоты. Она лежала на койке, уставясь в стену. Красавица не обернулась, когда вошла Корделия, и не откликнулась на приветствие. Спустя какое-то время пришла барраярская медицинская группа и увела ее с собой. Она пошла безмолвно, но у двери начала сопротивляться. По знаку врача санитар усыпил девушку с помощью уже знакомой Корделии ампулы, и через секунду ее вынесли в бессознательном состоянии.

Доктор, судя по возрасту и чину, главный хирург, ненадолго задержался, чтобы перебинтовать ей ребра. После этого она осталась одна, и течение времени отмечалось только появлением пищи да изредка менявшимися шумами и вибрациями, по которым Корделия пыталась угадать, что происходит снаружи.

Спустя восемь или девять трапез она лежала на койке, скучающая и подавленная. Внезапно свет в камере померк. Немного погодя светильники зажглись, но почти сразу же погасли снова.

— Уф! — охнула она: желудок куда-то провалился и она начала всплывать вверх. Корделия поспешно ухватилась за свою койку. Ее предусмотрительность была вознаграждена мгновение спустя, когда она плюхнулась обратно с ускорением примерно в 3g. Светильники вспыхнули и погасли, потом снова наступила невесомость.

— Плазменная атака, — сказала она себе. — Видимо, экраны перегружены.

Корабль сотряс чудовищный удар. Ее отбросило с койки к противоположной стене; тьма, невесомость, тишина. Прямое попадание! Она отлетела от дальней стены, отчаянно пытаясь за что-нибудь ухватиться, больно стукнулась локтем... обо что? стену? пол? потолок? Вращаясь в воздухе, Корделия невольно вскрикнула. «Наши стреляют, — чуть ли не в истерике подумала она. — Я погибну от огня своих. Идеальный конец военной карьеры...» Стиснув зубы, она напряженно прислушивалась.

Слишком тихо. Не потеряна ли герметичность? Ей представилась жуткая перспектива: в живых осталась она одна,

запертая в эту черную коробку и обреченная плавать в ней, как рыба в аквариуме, до неизбежной гибели от удушья или от холода. Камера станет ее гробом, который спустя много месяцев распечатает какая-нибудь команда уборки.

И ужасная мысль: цела ли ходовая рубка? Центр управления кораблем, где находился Форкосиган и куда наверняка метили эскобарцы... Может, он сейчас изранен осколками, замерз в вакууме, сгорел в плазменном огне, раздавлен рухнувшими переборками?

Но вот пальцы наконец нашли какую-то поверхность: правда, ухватиться тут не за что... Угол? Прекрасно. Она свернулась калачиком и замерла.

Неизвестно сколько времени пробыла она в этом стигийском мраке. Руки и ноги дрожали от непрерывных усилий, требовавшихся, чтобы удержаться на месте. Потом корабль застонал и зажегся свет.

«О, дьявольщина, это же потолок!»

Вернувшаяся сила тяжести швырнула ее на пол. По левой руке разлилась резкая боль, потом наступило онемение. Она поспешно забралась обратно на койку, вцепившись в нее правой рукой с такой силой, что костяшки побелели, постаралась упереться ногой в раму, снова напряглась...

Ничего не происходило. Тут Корделия почувствовала, что ее одежда намокла. Опустив глаза, она увидела кровь. Ах, вот в чем дело — оказывается, у нее открытый перелом... С трудом стащив куртку она обмотала ее вокруг руки, наподобие жгута. От давления проснулась боль. Она несколько неуверенно попробовала позвать на помощь. Может, за камерой наблюдают.

Никто не пришел. Следующие три часа Корделия пробовала кричать, убеждать, колотила в дверь и стены здоровой рукой, просто сидела на койке, рыдая от боли. Сила тяжести и свет отключались еще несколько раз. Но вот нахлынула особенная, знакомая каждому астронавту тошнота, словно тебя выворачивает наизнанку в банке с кле-

ем, — признак прыжка через пространственно-временной туннель. Затем все стабилизировалось.

Когда дверь ее камеры открылась, она была так удивлена, что даже отпрянула к стене, сильно стукнувшись головой. Но это оказался лейтенант службы охраны, а с ним — кто-то из врачей. У лейтенанта на лбу багровела шишка размером с куриное яйцо, медик был невредим, но выглядел вконец задерганным.

— Вот второй по тяжести случай, — сказал лейтенант. — После этого можете просто обойти камеры по порядку.

Побледневшая от боли и усталости, Корделия размотала свою руку. Врачу, при всем его профессионализме, явно не хватало сноровки главного хирурга. Она чуть не потеряла сознание от боли, прежде чем ей наложили пластик.

Новых признаков атаки не было. Ей выдали свежую тюремную пижаму, а через два приема пищи она ощутила очередной прыжок через туннель. Мысль ее непрерывно металась по беличьему колесу страхов. Засыпая, Корделия всегда видела сны, и все они были кошмарными.

Наконец пришел лейтенант Иллиан — правда, не один, а с охранником. Корделия так обрадовалась, увидев знакомое лицо, что готова была его расцеловать. Вместо этого она смущенно откашлялась и спросила (как она надеялась, достаточно небрежно):

— С коммодором Форкосиганом ничего не случилось во время атаки?

Удивленно подняв брови, он внимательно всмотрелся в нее:

— Конечно.

Конечно. Конечно. Это «конечно» подразумевает, что он даже не ранен. На глаза навернулись слезы облегчения, которые, к счастью, удалось скрыть.

— Куда вы меня ведете? — поинтересовалась она, когда они вышли из тюремного отсека и пошли по коридору.

— На катер. Отправитесь в лагерь военнопленных на планете, поживете там, пока не будут согласованы процедуры обмена. Потом вас всех начнут отправлять домой.

— Домой? А как же война?

— Закончилась.

— Закончилась! — Корделия пыталась это осознать. — Закончилась. Вот это темпы! А почему эскобарцы не развивают свой успех?

— Не могут. Мы запечатали выход из пространственно-временного туннеля.

— Запечатали? Не блокировали?

Он кивнул.

— Как это, черт подери, можно запечатать п-в-туннель?

— В некотором смысле очень старая идея. Брандеры.

— А?

— Пошлите в туннель корабль и аннигилируйте его в средней точке между выходами. Возникнет резонанс — многие недели там и атом не пролетит.

Корделия присвистнула.

— Умно. Жаль, что мы до этого не додумались. А как вы спасаете пилота?

— Может, именно поэтому вы и не додумались. Мы его не спасаем.

— Боже... Вот это смерть.

Перед ней моментально предстала очень наглядная картина.

— Это были добровольцы.

Она ошеломленно покачала головой.

— Только барраярцы... — Она поискала какую-нибудь менее ужасную тему для разговора. — У вас много пленных?

— Не очень. Может, круглым счетом около тысячи. А мы оставили на Эскобаре свыше одиннадцати тысяч десантников. Так что вы представляете немалую ценность — нам ведь придется обменивать вас в соотношении больше, чем десять к одному.

В катере для пленных не полагалось иллюминаторов. Кроме нее, здесь было еще двое пассажиров: один из ее помощников инженера и та темноволосая эскобарская девушка. Техник радостно бросился к Корделии, спеша поделиться впечатлениями. У него самого их оказалось

немного: все это время он был заперт в камере вместе с тремя остальными членами их экипажа, которых увезли на планету накануне.

Прекрасная эскобарка, захваченная больше двух месяцев тому назад, когда их корабль потерял управление в бою за пространственно-временной туннель на Колонию Бета, могла рассказать еще меньше.

— Я, наверное, как-то потеряла счет времени, — беспокойно сказала она. — Это нетрудно, когда сидишь в камере и никого не видишь. Я вчера очнулась в лазарете и не могла вспомнить, как туда попала.

«И если этот хирург настолько хорош, как мне показалось, то никогда и не вспомнишь», — подумала Корделия.

— Вы помните адмирала Форратьера?

— Кого?

— Простите, я оговорилась. Не обращайте внимания...

Катер приземлился. Через открытый люк ворвались лучи солнца и дуновение ветерка, напоенного ароматами лета. Разве сравнишь его с затхлым, спертым воздухом, которым они дышали уже много дней!

— Ого, где это мы? — проговорил техник, выбираясь из люка. — Что за красота!

Корделия вышла следом за ним и невесело засмеялась, сразу же узнав планету.

Лагерь военнопленных оказался тройным рядом барраярских полевых укрытий — серых приземистых цилиндров, окруженных силовым полем и установленных на дне обширной впадины. Стоял жаркий, тихий полдень, заставивший Корделию почувствовать себя так, словно она никогда отсюда и не улетала.

Вон там вход в подземные склады, теперь уже не замаскированный, а расширенный. Перед ним устроена широкая посадочная полоса, на ней стоит несколько катеров и кипит деятельность. На ходу она огляделась, любуясь своей планетой. Да, если подумать, ей тут самое место. Все вполне логично... Она беспомощно встряхнула головой.

Корделия и ее юная спутница-эскобарка были направлены в укрытие посередине ряда. Их провел туда подтянутый, сдержанный и немногословный охранник. Внутри, в помещении, рассчитанном на пятьдесят человек, находилось одиннадцать женщин. Койки можно было выбрать.

На них набросились старожилы, жаждущие новостей. Полная женщина лет сорока призвала всех к спокойствию и представилась.

— Я лейтенант Марша Альфреди. В этом укрытии я старшая по чину. Слежу за порядком — если считать, что в этом нужнике вообще есть порядок.

— Я капитан Корделия Нейсмит, Астроэкспедиционный корпус Беты.

— Слава Богу. Я могу скинуть все на вас. Вы не знаете, что тут происходит?

— О, Господи. — Корделия постаралась выпрямиться. — Нет, не знаю. Введите меня в курс.

— Здесь был сущий ад. Охранники — свиньи. Потом вдруг ни с того ни с сего вчера ввалилась компания высших барраярских чинов. Сначала мы решили, что они ищут, кого бы изнасиловать, как и предыдущая шайка. Но сегодня утром исчезла примерно половина охранников — самые отпетые. Их заменила команда, которая держится, как на параде. А барраярский начальник лагеря — никогда бы не поверила! — они вывели его сегодня утром на площадку для катеров и расстреляли! На виду у всех!

— Понятно, — довольно невыразительно отозвалась Корделия. Она откашлялась. — Вы еще не слышали? Барраярцы полностью изгнаны из пространства Эскобара. Они, наверное, уже отправили своих представителей для заключения мира и окончательных переговоров.

Наступила ошеломленная тишина, через минуту взорвавшаяся ликованием: люди смеялись, обнимали друг друга, кто-то побежал сообщить новость соседним убежищам, а оттуда она разлетелась по всему лагерю. Корделию осаждали просьбами сообщить подробности. Она коротко пересказала, как шла битва, обойдя молчанием собственные

похождения и источник, откуда черпала информацию. Их радость заставила ее — впервые за последние несколько дней — почувствовать и себя немного счастливее.

— Ну, теперь понятно, почему эти бандиты вдруг стали такими паиньками, — сказала лейтенант Альфреди. — Наверное, раньше они и мысли не допускали, что им придется перед кем-то отчитываться.

— У них новый командующий, — объяснила Корделия. — А у него пунктик насчет пленных. Победа или поражение, все равно под его началом наступили бы перемены.

— В самом деле? И кто же этот джентльмен? — скептически осведомилась Альфреди.

— Некий коммодор Форкосиган, — сдержанно ответила Корделия. Ее собеседница ахнула.

— Форкосиган, Мясник Комарры? О Господи! Ну, теперь мы пропали.

Видно было, что она всерьез напугана.

— Мне кажется, сегодня утром вы получили убедительное свидетельство его добрых намерений, — удивилась Корделия.

— А по-моему, это доказывает только то, что он псих, — непреклонно заявила лейтенант Альфреди. — Начальник лагеря не принимал участия в этих безобразиях. Он был далеко не худшим из барраярцев.

— Он был командиром. Если он знал о них, то обязан был их прекратить. Если не знал — значит, не соответствует должности. В любом случае он в ответе за подчиненных. — Тут она сообразила, что сейчас не время оправдывать Форкосигана, и закруглилась: — В конце концов, барраярцам видней, за что ставить друг друга к стенке.

Снаружи донесся многоголосый шум, и в их палатку ввалилась депутация пленных, которым хотелось самим услышать сенсационную новость. Охранники отошли к ограждению и не мешали событиям развиваться своим чередом. Корделии пришлось еще дважды повторить краткое

изложение последних событий. Со стороны мужских палаток явились члены ее экипажа во главе с Парнеллом.

Парнелл вспрыгнул на койку и, перекрикивая шум, обратился к толпе:

— Эта леди о многом умалчивает. Я-то знаю, как было дело, мне все рассказал один из охранников. После того, как нас взяли на борт флагмана, она улизнула и лично убила барраярского главнокомандующего, адмирала Форратьера. Вот почему их наступление захлебнулось. Да здравствует капитан Нейсмит!

— Ничего подобного, все было не так! — протестовала Корделия, но ее заглушили восторженные крики. — Я не убивала Форратьера. Эй! Отпустите, поставьте меня! — Ее экипаж, подначиваемый Парнеллом, подхватил Корделию на руки и понес по всему лагерю. — Это неправда! Прекратите это! Как вам не стыдно!

Но с таким же успехом можно было вычерпать море с помощью чайной чашки. Романтическая история пролилась на души измученных пленных целительным бальзамом, и они превратили ее в собственную месть — пусть совершенную чужими руками. Повесть о похождениях капитана Нейсмит передавали из уст в уста, приукрашивали, снабжали подробностями, так что не прошло и суток, как она стала чем-то вроде священного эпоса. Через несколько дней Корделия прекратила попытки опровергнуть легенду.

Правда была слишком двусмысленна, чтобы встретить сочувствие. Да и как расскажешь, если надо скрывать все, что имеет отношение к Форкосигану. Ей страстно хотелось попасть домой, побыть со своими рассудительными матерью и братом, и чтобы в голове появилась хоть одна мысль, которая перетекла бы в другую, не потянув за собой целой цепи тайных ужасов.

ГЛАВА 11

Вскоре лагерь снова вернулся к обычной жизни — или к тому, что заменяло здесь обычную жизнь. Шли недели томительного ожидания; каждый строил и оттачивал планы возвращения домой. Постепенно у Корделии установились почти нормальные отношения с соседками по убежищу, хотя они все еще порывались навязать ей особые привилегии. От Форкосигана не было никаких известий.

Однажды днем она лежала на койке, притворяясь спящей, когда ее разбудила лейтенант Альфреди.

— Здесь барраярский офицер — якобы хочет с вами поговорить. — Альфреди семенила за ней к выходу, на лице ее читались подозрительность и враждебность. — По-моему, вам нельзя идти одной. На вас у них точно есть зуб.

— Все в порядке, Марша.

У входа стоял Форкосиган в зеленой форме генерального штаба. Как всегда, его сопровождал Иллиан. Форкосиган казался напряженным, почтительным, усталым и замкнутым.

— Капитан Нейсмит, — официально обратился он к ней, — могу я с вами поговорить?

— Да... но не здесь. — Корделия слишком остро ощущала на себе взгляды остальных пленных. — Можем мы пойти погулять или что-то в этом духе?

Он кивнул, и они двинулись вперед в дружеском молчании. Он заложил руки за спину. Она засунула свои в карманы оранжевой куртки. Иллиан тащился сзади, как преданный пес. Они вышли за ограду и направились к лесу.

— Я рада, что вы пришли, — сказала Корделия. — Я собираюсь кое о чем вас спросить.

— Да. Мне хотелось увидеться с вами раньше, но было много работы.

Она кивком указала на его желтые нашивки:

— Поздравляю с повышением.

— А-а, это. — Он небрежно прикоснулся к одной из них. — Ерунда. Простая формальность, чтобы легче было заниматься моим теперешним делом.

— Которое заключается?..

— В расформировании эскадры, в охране пространства вокруг этой планеты, в улаживании политических разногласий между Барраяром и Эскобаром. Генеральная уборка после окончания бала. Ну, и надзор за обменом военнопленных.

Они шли по лесной тропе, бежавшей через лес вверх по склону кратера.

— Я хотел извиниться за то, что допросил вас под действием медикаментов. Мною двигала необходимость.

— Вам не за что извиняться. — Она обернулась на Иллиана. «Я должна узнать...» — Абсолютно не за что. Со временем я это поняла.

Он молчал.

— Ясно, — наконец отозвался он. — Вы очень проницательны.

— Наоборот. Я вконец запуталась.

Он повернулся к Иллиану.

— Лейтенант, у меня к вам просьба. Мне надо провести несколько минут наедине с этой леди, чтобы обсудить один очень личный вопрос.

— Я не имею права, сэр. Вы же знаете.

— Когда-то я просил ее стать моей женой. Она так и не ответила мне. Если я дам вам слово, что мы не будем обсуждать ничего, кроме этого, можем мы провести наедине несколько минут?

— О-о... — Иллиан нахмурился. — Ваше слово, сэр?

— Да. Слово Форкосигана.

— Ну... наверное...

Иллиан с мрачным видом уселся ждать на поваленном дереве, а они пошли по тропе дальше.

Они нашли знакомый выступ на краю кратера — то самое место, где Форкосиган планировал, как захватить свой корабль. Сев на землю, они с минуту наблюдали за беззвучной — из-за отдаленности — жизнью лагеря.

— Раньше вы бы этого не сделали, — заметила Корделия. — Не нарушили бы данного слова.

— Времена изменились.

— И не стали бы меня обманывать.

— Это так.

— И не расстреляли бы человека без суда — за преступления, в которых он не участвовал.

— Не без суда. Приговор был вынесен военным трибуналом. И благодаря этому здесь все быстро наладилось. Кроме того, его казнь удовлетворит межправительственную комиссию. С завтрашнего утра еще и она на мне повиснет: расследование дурного обращения с пленными.

— Мне кажется, жизни отдельных людей начинают терять для вас значение.

— Да. Их было так много. Наверное, настало время уходить.

И лицо его, и слова были совершенно невыразительными.

— Как императору удалось склонить вас на это... на такое невероятное убийство? Вас! Это была ваша идея? Или его?

Он не стал ни уклоняться, ни отрицать.

— Его и Негри. Я всего лишь исполнитель.

Его пальцы мягко выдергивали травинки одну за одной.

— Он не сразу раскрыл свой план. Сперва он поручил мне возглавить вторжение на Эскобар. Начал с пряника: предложил стать вице-королем этой планеты, когда она будет колонизирована. Я отказался. Тогда он попробовал кнут: посулил, что отдаст меня Гришнову, пусть меня осудят за предательство империи, и чтобы я не рассчитывал на помилование. Я послал его к черту — конечно, в вежливой форме. Это был неприятный момент. Потом он извинился. Назвал меня «лорд Форкосиган». Когда он желал меня обидеть, то именовал просто капитаном. А потом вызвал Негри с секретным досье, у которого даже названия нет, и игры закончились.

Доводы. Логика. Аргументы. Свидетельства. Неделю напролет мы сидели в комнате, обтянутой зеленым шел-

ком, в резиденции императора в Форбарр-Султане, а Иллиан скучал внизу, в картинной галерее. Между прочим, вы не ошиблись — парень и не подозревает об истинной цели этого вторжения.

Вы мельком видели принца. Могу добавить, что вы видели его в хорошую минуту. Может быть, когда-то Форратьер и был его учителем, но принц уже давно его превзошел. Но, по-моему, император простил бы ему любые грехи, будь у него при этом хоть малейшее понятие о долге правителя.

Он был неуравновешен и окружил себя людьми, в чьих интересах было сделать его еще более неуравновешенным. Достойный племянник своего дядюшки Ури. Гришнов намеревался править через него, когда он сядет на трон. Сам-то Гришнов, наверное, согласился бы ждать — но принц... Принц за последние полтора года дважды пытался устранить своего отца.

Корделия беззвучно свистнула.

— Кажется, начинаю понимать. Но почему нельзя было устранить его втихую? Надо полагать, император и этот ваш капитан Негри вдвоем могли бы это устроить.

— Такой вариант обсуждался. Каюсь, я даже предложил взять ликвидацию на себя — в качестве альтернативы этой... бойне.

Он помолчал.

— Император стар, он умирает. У него нет времени ждать, пока вопрос разрешится сам собой. Он хочет оставить дела в порядке. Проблема — в сыне принца. Ему всего четыре года. Шестнадцать лет регентства — это слишком долгий срок. Если принц умрет, то Гришнов и вся министерская партия заполнят вакуум власти — конечно, если останутся в живых.

Убить принца было недостаточно. Император видел, что необходимо разгромить всю военную партию, да так, чтобы она целое поколение не могла собраться с силами. И вот сначала я развожу шум из-за стратегических проблем, связанных с Эскобаром. Потом по каналам Негри

приходит сообщение о плазменных зеркалах. У военной разведки этих данных не было. Тут снова я — с известием, что эффект внезапности потерян. Знаете, он ведь и часть моего доклада тоже скрыл. А Гришнов, военная партия и принц требовали славы. Императору надо было только отступить в сторону и позволить им идти навстречу року.

Теперь он уже вырывал целые клочья травы.

— Все так сходилось — прямо как по волшебству. Но риск был. Существовала возможность, что если дела будут пущены на самотек, то погибнут все, кроме принца. Мне было поручено контролировать точное исполнение сценария. Дразнить принца, чтобы он в нужное время оказался на передовой. Отсюда та сценка, которую вы наблюдали у меня в каюте. Я вовсе не выходил из себя. Я просто забивал последний гвоздь в его гроб.

— Наверное, вторым агентом был... главный хирург?

— Совершенно верно.

— Дивно.

— Не правда ли? — Форкосиган лег на траву, глядя в бирюзовое небо. — Я даже не сумел быть честным убийцей. Помните, я говорил, что хотел бы заняться политикой? Наверное, от этих иллюзий я излечился.

— А как насчет Форратьера? Вы должны были сделать так, чтобы он тоже погиб?

— Нет. В первоначальном сценарии ему отводилась роль козла отпущения. После катастрофы он должен был принести императору извинения в провале — знаете, по обычаям древних японцев. Это стало бы частью общего развала военной партии. И хотя именно он был советчиком принца, я не завидовал тому, что его ждет. Он помыкал мной, но я видел, как под ним проваливается земля. А он удивлялся моей покорности. Прежде ему всегда удавалось заставить меня утратить самообладание. Когда мы были моложе, он очень любил этим развлекаться. Он никак не мог понять, с чего это я так присмирел.

Взгляд Форкосигана был по-прежнему устремлен куда-то в голубую пустоту неба.

— Если вас это хоть немного утешит, скажу, что преждевременная смерть Форратьера спасла множество жизней. Он бы пытался вести бой гораздо дольше, спасая свою карьеру. Поэтому я и решился его убить — понимая, что сам смогу провести отступление лучше, чем любой другой офицер генерального штаба. Ботари чуть-чуть опередил меня.

— Значит, все мы были марионетками Эзара Форбарры, — проговорила Корделия. Ее мутило. — Я с моим конвоем, вы, эскобарцы, даже старина Форратьер. Вот вам и патриотические крики и праведный гнев. Просто спектакль.

— Да.

— Мне холодно. Неужели принц был настолько плох?

— Вне всякого сомнения. Я не стану расстраивать вас подробностями из отчетов Негри... Но император сказал: если это не произойдет сейчас, то мы сами будем пытаться убрать его через пять или десять лет и, скорее всего, провалим дело, а все наши друзья погибнут в гражданской войне, которая охватит всю планету. Он за свою жизнь видел две такие войны. Этот кошмар преследовал его. Калигула или Ури Форбарра могут удерживать власть очень долго. Лучшие люди никак не решаются сделать необходимое, а худшие этим пользуются.

Император себя не жалеет. Он перечитывал досье не раз и не два — он выучил его чуть ли не наизусть. Тут не было ни спешки, ни необдуманности. И свое решение он принял отнюдь не с легким сердцем. Видишь ли, ему не хотелось, чтобы его сын покрыл себя позором. Почетная смерть — последний подарок, сделанный им принцу.

Корделия молчала, охватив руками колени, и старалась запечатлеть в памяти его профиль. Мягкий полуденный ветерок шелестел листвой.

Форкосиган повернулся к ней лицом.

— Корделия, мне не следовало этим заниматься? Откажись я — он просто выбрал бы кого-то еще. Я всегда старался идти дорогой чести. Но что делать, когда можно

выбирать только из нескольких зол? Позорное действие или позорное бездействие — и все кончается гибелью.

— Ты просишь, чтобы я тебя судила?

— Кто-то должен это сделать.

— Извини. Я могу тебя любить. Я могу горевать о тебе или вместе с тобой. Я могу разделить твою боль. Но судить тебя я не могу.

— Эх! — Он перевернулся на живот и стал смотреть в лагерь. — Находясь с тобой, я слишком много говорю. Если мой мозг когда-нибудь позволит мне забыть о реальности, я, наверное, стану очень болтливым сумасшедшим.

— Ты так больше ни с кем не разговариваешь, правда? — встревожилась она.

— Господи, конечно нет. А ты... ты... я даже не знаю, что ты такое. Но мне это нужно. Ты выйдешь за меня замуж?

Корделия вздохнула, спрятала голову себе в колени, закручивая в пальцах стебелек травы.

— Я люблю тебя. Ты это знаешь, надеюсь. Но Барраяр я принять не могу. Барраяр пожирает своих детей.

— Но Барраяр — это не только политика. Многие всю жизнь ее вообще не замечают.

— Да, но ты не из таких людей.

Он сел.

— Не знаю, смогу ли я получить визу в Колонию Бета.

— В этом году, наверное, нет. И в следующем тоже. Там сейчас всех барраярцев считают военными преступниками. У нас уже много лет не было такого оживления. Сейчас победа всем ударила в голову. И потом, еще остается Комарра.

— Ясно. Значит, мне не дадут работу в качестве тренера дзюдо. И вряд ли позволят писать мемуары.

— Сейчас тебе было бы трудно избежать расправы разъяренной толпы. — Она взглянула в его мрачное лицо. — Мне... мне все равно на некоторое время надо вернуться домой. Повидаться с родными, обо всем тихо и спокойно подумать. Может, отыщется какое-нибудь решение. И будем писать друг другу.

— Да, наверное.

Форкосиган встал и помог ей подняться на ноги.

— Где ты будешь после этого? — спросила Корделия. — Тебе вернули адмиральское звание.

— Ну, я закончу всю эту грязную работу, — широким взмахом руки Форкосиган как бы охватил и лагерь военнопленных, и все эскобарское мероприятие, — а потом, наверное, тоже вернусь домой. И напьюсь. Я больше не смогу ему служить. Здесь он меня потерял. Между нами навсегда останется смерть его сына и пяти тысяч человек, сопровождавших принца в ад. Форхалас, Готтиан...

— Не забудь эскобарцев. И еще нескольких бетанцев.

— Не забуду. — Он пошел рядом с нею по тропе. — Тебе в лагере ничего не нужно? Я старался наладить снабжение, насколько позволяют наши запасы, но мог о чем-то забыть.

— Сейчас тут все в порядке. Мне ничего особенно не нужно. Единственное, что нам всем необходимо, — это вернуться домой. Хотя... Если честно, то у меня есть одна просьба...

— Только скажи.

— Могила лейтенанта Роузмонта. Она так и не отмечена. Может, я сюда уже больше никогда не вернусь. Пока еще остались следы нашего лагеря, ты не мог бы приказать, чтобы твои люди установили там какой-нибудь знак? Дату и место рождения я помню. Я ведь читала его личное дело, а память у меня хорошая.

— Я лично об этом позабочусь.

— Подожди!

Он остановился, и Корделия протянула ему руку: сильные короткие пальцы обхватили ее узкую кисть. Кожа у него была теплая и сухая. Это прикосновение ее обожгло.

— Прежде чем мы снова встретим твоего бедного Иллиана...

Он обнял ее, и они впервые поцеловались. Потом еще и еще.

— Ох, — пробормотала она. — Наверное, это ошибка. Так больно, когда ты останавливаешься.

— Ну, так разреши... — Рука его нежно погладила ее волосы — потом отчаянно зарылась в сверкающие пряди, и они вновь приникли друг к другу.

— Кхм... сэр? — появившийся на тропе Иллиан громко откашлялся. — Вы не забыли о совещании в штабе?

Форкосиган со вздохом отпустил Корделию.

— Нет, лейтенант. Я не забыл.

— Можно вас поздравить, сэр? — улыбнулся человек-компьютер.

— Нет, лейтенант.

Иллиан мгновенно посерьезнел.

— Я... я не понимаю, сэр.

— Ничего, лейтенант.

И они пошли дальше: Корделия сунула руки в карманы, Форкосиган сцепил их за спиной.

На закате следующего дня, когда большая часть эскобарских женщин уже улетела на катере к кораблю, который прибыл, чтобы везти их домой, подтянутый барраярский охранник возник у входа в их убежище и позвал капитана Нейсмит.

— Адмирал шлет вам свои приветствия, мадам, и хочет узнать, не пожелаете ли вы проверить данные на надгробии, приготовленном для вашего офицера. Оно в его кабинете.

— Да, конечно.

— Корделия, Бога ради, — прошипела лейтенант Альфреди, — не ходите туда одна!

— Это не страшно, — огрызнулась Корделия. — Форкосиган меня не съест.

— О? Так что ему надо было вчера?

— Я же объяснила вам — поговорить о надгробии.

— На это не требуется целых два часа. Вы знаете, сколько вы отсутствовали? Я видела, как он на вас смотрит. А вы... да на вас лица не было, когда вы вернулись.

Корделия раздраженно отмахнулась от ее стенаний и пошла за сверхвежливым охранником к складу. В одной

из боковых комнат расположилась барраярская планетная администрация, и там царила оживленно-сосредоточенная атмосфера, свидетельствующая о близости начальства. На двери кабинета были написаны имя и звание Форкосигана. Он был у себя.

Здесь же находился верный Иллиан, а также какие-то незнакомые капитан и коммодор, которые, видимо, как раз получали инструкции. Форкосиган приветствовал ее осторожным кивком, на который она ответила столь же сдержанно. Интересно, у меня такой же голодный взгляд, как у Эйрела? Правила этикета, за которыми мы прячемся от толпы, совершенно бессмысленны, если мы не научимся скрывать наши взгляды.

— Оно на столе секретаря, Кор... капитан Нейсмит. Идите посмотрите.

И адмирал снова повернулся к ожидающим его офицерам.

Это была простоя табличка, обычное надгробие барраярского военного. Правописание, цифры и даты в полном порядке, все как надо. Форкосиган закончил свой разговор и подошел к ней.

— Все как следует?

— О да. — Корделия улыбнулась ему. — Вы смогли найти могилу?

— Да, ваш лагерь пока виден с воздуха, хотя еще один дождливый сезон — и он исчезнет.

За дверью послышался какой-то шум, который перекрыл голос охранника:

— Это вы так говорите. Почем я знаю, может, это бомбы. Нельзя, нельзя.

Другой голос отозвался:

— Он должен расписаться в получении. У меня такой приказ. И нечего выпендриваться, будто это вы нас победили.

Второй из говоривших, техник-лаборант в темно-красной форме медицинской службы Эскобара, уже входил в кабинет — входил задом, ведя за собой на тонком кабеле

антигравитационную подвесную платформу, похожую на причудливый воздушный шар. На ней рядком стояли большие закрытые емкости, примерно в полметра вышиной, снабженные пультами управления и отводными трубками. Корделия сразу же поняла, в чем дело, и теперь старалась побороть тошноту. Форкосиган недоумевающе смотрел на странное явление.

Техник повернулся.

— У меня накладная, на которой должна стоять личная подпись адмирала Форкосигана. Он здесь?

Форкосиган шагнул вперед.

— Форкосиган — это я. Что это такое... э-э...

— Лаборант, — шепотом подсказала Корделия.

— Лаборант... — машинально закончил Форкосиган, хотя его досадливый взгляд говорил, что ему нужна была вовсе не такая подсказка.

Визитер кисло улыбнулся.

— Мы возвращаем их адресатам.

Форкосиган обошел платформу.

— Да, но что это?

— Все ваши ублюдки, — отчеканил эскобарец.

Видя растущее недоумение Форкосигана, Корделия объяснила:

— Это маточные репликаторы, э-э... адмирал. Они функционируют самостоятельно, имеют собственный источник энергии... Но их надо обслуживать...

— Каждую неделю, — злорадно подтвердил техник. Он протянул пачку дискет. — А вот инструкции к ним.

Лицо Форкосигана выражало неподдельный ужас.

— И что, черт побери, мне с ними делать?

— Думали, что на этот вопрос должны будут отвечать наши женщины, да? — саркастически отозвался медик. — Лично я предлагаю повесить их на шею папочкам. На каждом указан отцовский генетический код, так что нетрудно будет определить, чьи они. Распишитесь вот здесь.

Форкосиган взял бланк получателя и дважды прочитал его. Потом снова обошел вокруг платформы, пересчитывая

репликаторы. Вид у него был растерянный. Наконец он остановился рядом с Корделией и пробормотал:

— Я не подозревал, что такое возможно.

— У нас ими часто пользуются по медицинским показаниям.

— Они, наверное, чудовищно сложные.

— И к тому же дорогие. Вообще, я удивлена... Наверное, эскобарцы убоялись юридических сложностей — вправе ли они забирать детей вместе с матерями. А так ответственность ложится на тебя.

Эти слова вонзились в него, как пули.

— Они там все живы?

— Конечно. Видишь эти зеленые огоньки? Значит, все идет как положено. Они плавают в своей амниотической жидкости, совсем как дома.

— Двигаются?

— Наверное.

Он потер щеку, не в силах оторвать взгляда от репликаторов.

— Семнадцать. О Господи, Корделия, что мне с ними делать? Конечно, врачи... — Он повернулся к своему секретарю. — Быстро вызвать сюда главного хирурга. — Потом чуть слышно спросил Корделию: — Сколько времени эти штуки работают?

— Если нужно — все девять месяцев.

— Могу я получить расписку, адмирал? — громко спросил техник. — Меня ждут другие обязанности. — Он с любопытством посмотрел на Корделию в ее оранжевой пижаме пленной.

Форкосиган рассеянно нацарапал свое имя на пластинке бланка, оттиснул рядом большой палец и вручил накладную обратно. Взгляд его все время возвращался к емкостям. Поддавшись любопытству, Корделия тоже обошла вокруг, читая показания датчиков.

— Младшему, похоже, около семи недель. Старшему больше четырех месяцев. То есть он зачат в первые дни войны.

— Но мне-то что с ними делать? — тоскливо повторил Форкосиган. Корделия еще никогда не видела его таким растерянным.

— Что вы обычно делаете с солдатскими детьми? Наверняка подобная ситуация уже бывала — может, в меньшем масштабе.

— Обычное решение проблемы — аборт. Но в данном случае это, пожалуй, уже сделано. Столько хлопот... Они что, ожидают, что мы будем поддерживать их жизнь? Плавающие эмбриончики — дети в баночках...

— Не знаю, — вздохнула Корделия. — Бедные, всеми отверженные детеныши! А ведь — не вмешайся провидение и сержант Ботари — один из этих консервированных ребят мог бы быть моим и Форратьера. Или, если уж на то пошло, моим и Ботари.

Услышав это, Форкосиган совсем позеленел. Понизив голос почти до шепота, он отчаянно воззвал:

— Но что я... что бы ты хотела, чтобы я с ними сделал?

— Ты просишь, чтобы я отдала приказ?

— Я никогда... Корделия, ну, пожалуйста...

Да, наверное, это настоящее потрясение: вдруг обнаружить, что ты забеременел, к тому же семнадцать раз — и в его-то возрасте... Она постаралась подавить улыбку — ведь он явно страдал — и сжалилась над его смятением.

— Безусловно, о них надо позаботиться. Я, право, не знаю, какова юридическая сторона дела, но... ты ведь за них расписался.

Адмирал вздохнул:

— Совершенно верно. В некотором смысле — дал свое слово. — Почувствовав себя в привычной колее, он быстро успокоился и обрел душевное равновесие. — Фактически дал слово Форкосигана. Правильно. Хорошо. Задача сформулирована, план намечен — стало быть, действуем.

Вошел хирург, изумившийся при виде платформы.

— Какого дьявола... А, знаю, знаю. Слыхал. Но никогда не думал, что увижу такую штуку... — Он провел пальца-

ми по одной из емкостей, испытывая к ней чисто техническое любопытство. — Это наши?

— Похоже, все наши, — ответил Форкосиган. — Присланы эскобарцами.

Хирург хохотнул.

— Ну не подлость ли! Хотя эскобарцев тоже можно понять. Но почему было их просто не выкинуть?

— Из-за нелепого мнения о ценности человеческой жизни, — возмущенно сказала Корделия. — В некоторых цивилизациях такое бывает.

Хирург приподнял бровь, но не решился осадить ее, а лишь взглянул на Форкосигана. Лицо командующего оставалось абсолютно серьезным.

— Вот инструкции. — Форкосиган вручил ему дискеты.

— О, прекрасно. Можно мне освободить одну и разобрать на части?

— Нет, нельзя, — отрезал Форкосиган. — Я дал слово — слово Форкосигана, что о них позаботятся. Обо всех.

— Как этим свиньям удалось вас так подставить? А, ладно, получу попозже, наверное...

Он снова вперился в сверкающие устройства.

— У вас здесь есть оборудование, чтобы справиться с проблемами, которые могут возникнуть? — спросил Форкосиган.

— Господи, конечно нет. Такое есть только в госпитале. Правда, там нет женского отделения. Но готов поспорить, что лаборатория будет счастлива получить этих малюток...

Ошеломленная Корделия не сразу сообразила, что он имеет в виду маточные репликаторы, а не их содержимое.

— Через неделю их надо заправить. Вы это сможете здесь сделать?

— Не думаю... — Хирург вставил дискету в компьютер на столе секретаря и начал просматривать данные. — Здесь не меньше десяти километров инструкций... А-а. Нет. У нас нет... Нет. Очень жаль, адмирал. Боюсь, на этот раз вам придется отказаться от вашего слова.

Форкосиган усмехнулся — хищно и невесело.

— Вы помните, что случилось с последним человеком, который заставил меня нарушить слово?

Улыбка хирурга робко погасла.

— Выслушайте приказ, — отрывисто проговорил Форкосиган. — Через тридцать минут вы лично отправляетесь с этими штуками на курьерский корабль. Он прибудет в Форбарр-Султан не позже, чем через неделю. Вы поедете в императорский госпиталь и получите любыми необходимыми способами людей и оборудование, необходимые для... завершения проекта. Если понадобится, добивайтесь аудиенции у императора. Напрямую, не через обычные инстанции. Я уверен, что наш общий друг Негри все устроит. Проследите, чтобы их установили, обслужили, и доложите мне.

— Невозможно долететь туда меньше, чем за неделю! Даже на курьерском корабле!

— С ускорением на шестьдесят процентов выше максимально допустимого вы долетите за пять дней. Если инженеры работали как положено, то двигатель не взорвется до восьмидесятипроцентной перегрузки. Так что это вполне безопасно. — Он обернулся: — Куэр, соберите экипаж курьерского корабля. И соедините меня с их капитаном, я хочу лично его проинструктировать.

Хирург понизил голос, бросив взгляд на Корделию:

— Заговорила бетанская сентиментальность, не так ли, адмирал? Вам не кажется, что это немного странно для имперской службы?

Форкосиган прищурился:

— Бетанское неповиновение, доктор? Будьте любезны направить вашу энергию на выполнение приказа, а не на обсуждение причин, по которым он был отдан.

— Гораздо легче просто выдернуть пробки, — упорствовал хирург. — А что будет потом, когда они... завершатся, родятся, как это там называется? Кому тогда отвечать за них? Я могу понять ваше желание произвести хорошее впечатление на подружку, но подумайте о будущем!

Глаза Форкосигана сузились, а из горла раздалось что-то вроде сдавленного рычания. Врач отпрянул. Форкосиган замаскировал рычание кашлем и сделал глубокий вдох.

— Это — мои проблемы. Мое слово. Ваша ответственность на этом закончится. Двадцать пять минут на сборы, доктор. Если не опоздаете, я разрешу вам лететь внутри катера. — Он оскалил белые зубы, изобразив улыбку. — Когда установите репликаторы в госпитале, можете взять увольнение на три дня, если захотите.

Хирург, сдаваясь, пожал плечами и пошел укладываться.

Корделия тревожно посмотрела ему вслед:

— Все будет нормально?

— О, да — ему просто нужно время, чтобы усвоить новые правила игры. К моменту прибытия в Форбарр-Султан он уже будет вести себя так, будто весь проект — его собственная идея, включая и... э-э... маточные репликаторы. — Взгляд Форкосигана снова обратился к плавающей платформе. — Ну не дьявольщина ли...

Вошел охранник:

— Извините, сэр, но эскобарский пилот спрашивает капитана Нейсмит. Они готовы к отлету.

И тут же на экране коммуникатора появилось лицо Куэра:

— Сэр, капитан курьерского корабля на связи.

Их прощание ограничилось коротким кивком, а затем каждый без слов пошел исполнять свой долг. Она никак не могла забыть последний выпад врача. А мы-то считали, что так осторожны!.. Нам надо как-то научиться управлять выражением своих глаз.

ГЛАВА 12

Корделия летела домой с двумястами других пленных, большинство из которых были с Эскобара. Их разместили на пассажирском лайнере с Тау Кита — большом корабле, наскоро приспособленном для нужд эвакуации. Время проходило за рассказами и воспоминаниями, которыми, как она вскоре заметила, ненавязчиво руководили многочисленные психоофицеры, присланные эскобарцами вместе с кораблем. Вскоре окружающие стали замечать, что она ничего не говорит о пережитом, а Корделия научилась распознавать во вроде бы случайных разговорах приемы групповой терапии. И уходить от них.

Но это не помогло. Она заметила, что ее тихо, но неуклонно преследует яснолицая молодая женщина по имени Айрин, которой, как решила Корделия, поручили заняться ею. Она возникала рядом за едой, в коридорах, гостиных — и всегда с новым предлогом для беседы. Корделия избегала ее, как только могла, — иногда ловко, иногда открыто.

Еще через неделю девушка снова растворилась в толпе. Корделия вздохнула с облегчением, но, вернувшись в каюту, обнаружила там новую соседку: спокойную немолодую женщину с твердым взглядом в гражданском платье. Она не была бывшей пленной. Лежа на постели, Корделия мрачно наблюдала, как та распаковывает вещи.

— Привет, я — Джоан Спрейг, — жизнерадостно представилась женщина.

Настало время говорить прямо.

— Добрый день, доктор Спрейг. Думаю, я не ошибусь, предположив, что вы начальник Айрин.

Спрейг помолчала.

— Вы совершенно правы. Но я предпочитаю, чтобы общение было непринужденным.

— Нет, это не так. Вы предпочитаете, чтобы оно выглядело непринужденным. Но быть и казаться — разные вещи.

— Вы — очень незаурядная личность, капитан Нейсмит.

— Ну... это больше относится к вам, чем ко мне. Что будет, если я соглашусь побеседовать с вами? Вы отзовете остальных ищеек?

— Я здесь для того, чтобы слушать вас, — но только тогда, когда вы будете к этому готовы.

— Ну, тогда спрашивайте, о чем хотите знать. Покончим с этим, чтобы нам обеим можно было успокоиться.

«Мне и вправду бы не помешала какая-нибудь терапия, — печально думала Корделия. — Так погано себя чувствую...»

Спрейг уселась на ее постель: на губах — мягкая улыбка, в глазах — пристальное внимание.

— Я хочу помочь вам вспомнить, что происходило, пока вы были в плену на барраярском флагмане. Каким бы ужасным ни было подавленное воспоминание, но осознать его — значит сделать первый шаг к самоконтролю.

— Хм-м... Кажется, у нас противоположные цели. Я с необычайной ясностью помню все, что со мной произошло в то время. И мне нисколько не трудно осознавать все это. Чего бы мне хотелось, так это все забыть, хотя бы ненадолго. Тогда я могла бы спокойно спать по ночам.

— Понимаю. Продолжайте. Почему бы вам не рассказать обо всем, что случилось?

Корделия перечислила события, начиная со старта с Колонии Бета и кончая убийством Форратьера. Она оборвала рассказ перед появлением Форкосигана, неопределенно проговорив:

— Я пару дней скрывалась по разным закоулкам, но в конце концов они меня поймали и посадили обратно в камеру.

— Так. Вы не помните, как вас мучил и насиловал адмирал Форратьер, и не помните, как убили его.

— Меня не мучили и не насиловали. И я его не убивала. Кажется, я только что сообщила вам об этом.

Врач печально покачала головой.

— Нам доложили, что барраярцы дважды забирали вас из лагеря. Вы помните, что происходило при этом?

— Да, конечно.

— Вы можете это описать?

Корделия закусила губу.

— Нет.

Тайна убийства принца ничего не значит для эскобарцев: невозможно ненавидеть Эзара Форбарру сильнее, чем они его ненавидят. Но даже намек на правду, попав в прессу, будет иметь катастрофические последствия для гражданского мира на Барраяре. Мятежи, военный переворот, свержение императора — все пойдет своим чередом. А если на Барраяре начнется гражданская война, разве Форкосиган не может в ней погибнуть? «Господи, ну пожалуйста, — устало подумала Корделия, — не надо больше смертей».

А эта проклятая врачиха сразу насторожилась... Видя себя в ловушке, Корделия решила отступить, хотя и понимала, что момент упущен.

— Во время бетанской астроэкспедиции на эту планету, как вы, наверное, знаете, погиб один из наших офицеров. По моей просьбе было изготовлено надгробие для его могилы. Вот и все.

— Понимаю, — вздохнула Спрейг. Она даже не скрывала, что считает ее слова отговоркой. — У нас есть еще один подобный случай. Девушку изнасиловал Форратьер или кто-то из его людей, а потом барраярские медики подчистили ей память. Наверное, надеялись спасти репутацию этого негодяя.

— Ах да, помню, я встречала ее на флагмане. Она была и в моей палатке, верно?

Доктор Спрейг поспешно махнула рукой — в знак того, что это профессиональная тайна.

— Насчет той девушки вы правы, и я рада, что она получает необходимую помощь. Но со мной вы ошибаетесь. И относительно репутации Форратьера — тоже. Единственная причина, по которой разошлась эта небылица насчет меня, кроется в том, что в глазах толпы быть убитым слабой женщиной еще позорней, чем собственным солдатом.

— Одних только данных о вашем физическом состоянии достаточно, чтобы я этому не поверила, — сухо заметила Спрейг.

— Каких еще данных? — на мгновение опешили Корделия.

— Данных, свидетельствующих о том, что вы подвергались пыткам, — отчеканила ее собеседница с мрачным, даже несколько сердитым видом. Но Корделия поняла, что гнев направлен не на нее.

— Что за чушь! Меня не пытали!

— Пытали. И заставили вас забыть об этом. Но скрыть физические следы они не могли. Вы знаете, что у вас была сломана рука и два ребра? На шее многочисленные синяки, сильные ушибы на голове, на голове, на руках и ногах — вообще на всем теле. А биохимический анализ крови свидетельствует о крайнем стрессе, сенсорном голодании, значительной потере веса, нарушениях сна, избытке адреналина. Мне продолжать?..

— Ах это... — сказала Корделия. — Это...

— «Ах, это?» — повторила врач, приподнимая бровь.

— Это я могу объяснить, — подтвердила Корделия, сдерживая смех. — В некотором смысле вина за мои грехи лежит на вас, на эскобарцах. Во время отступления я находилась в тюремной камере на борту флагманского корабля. Вы в него попали — и встряхнули всех, как камешки в банке, включая и меня. Вот откуда переломы и все такое прочее.

Врач сделала пометку в своем блокноте.

— Хорошо. Тонкая работа. Но небезупречная. У вас переломы были в разное время.

— Э-э, — начала Корделия.

Как можно объяснить про Ботари, не упоминая о каюте Форкосигана? «Меня пытался придушить один друг...»

— Я бы очень хотела, чтобы вы подумали о возможности медикаментозного лечения, — осторожно проговорила доктор Спрейг. — Барраярцы провели с вами огромную работу по сокрытию, даже более основательную, чем с той девушкой, а для нее понадобилась очень

и очень глубокая терапия. По-моему, в вашем случае это еще нужнее. Но нам нужно ваше добровольное содействие.

— Слава Богу.

Корделия снова легла на кровать и закрыла лицо подушкой, раздумывая над медикаментозным лечением. От подобных мыслей у нее леденела кровь. Интересно, сколько времени можно выдержать поиск отсутствующих воспоминаний, прежде чем начнешь их выдумывать в соответствии с требованиями? Но хуже всего то, что ей действительно есть что прятать... Она вздохнула, сняла с лица подушку, прижала ее к груди и открыла глаза. Над ней с озабоченным видом стояла Джоан.

— Вы еще здесь?

— Я все время буду здесь, Корделия.

— Этого... я и боялась.

Все дальнейшие усилия доктора Спрейг пропали даром — пациентка наотрез отказалась участвовать в своем спасении. Но теперь она не давала себе заснуть, опасаясь, что заговорит во сне — и будет допрошена. Она только чуть подремывала и, вздрагивая, просыпалась от малейшего шума. Корделия не испытывала восхищения по поводу тайных целей Эзара Форбарры, — но они, по крайней мере, были уже достигнуты. Ее преследовал страх, что она может сделать напрасными тысячи смертей. В итоге Корделия приняла твердое решение не допустить, чтобы из-за нее стала бессмысленной гибель всех солдат Форкосигана — и даже Форратьера и коменданта лагеря.

В конце полета она уже балансировала на грани нервного срыва. Ее мучили стойкие мигрени, бессонница, непонятное дрожание левой руки и легкое заикание.

Перелет от Эскобара к Колонии Бета прошел гораздо легче. Он длился всего четыре дня: к ее величайшему удивлению, специально за ней пришел бетанский курьерский корабль. По голографическому видео в своей каюте она просматривала новости. Корделия смертельно устала от войны, но, случайно наткнувшись на упоминание об

Форкосигане, не устояла и решила узнать, каково общественное мнение на сей счет.

К своему ужасу она скоро убедилась, что и бетанская, и эскобарская пресса в один голос обвиняет Форкосигана в плохом обращении с пленными, словно он отвечал за это с самого начала. Заодно припомнили и старую ложь о Комарре. Она негодовала, возмущалась и в конце концов совсем перестала смотреть новости.

Едва они вышли на орбиту Колонии Бета, как и Корделия принялась осаждать навигаторов просьбами показать ей дом.

— Ну, вот и наша пыльная старушка, — жизнерадостно проговорил капитан, включая для нее обзор. — За вами придет катер, но над столицей буря, так что он немного задерживается. Придется подождать, пока в порту выключат силовые экраны.

— Я пока не стану звонить маме, — отозвалась счастливая Корделия. — Она, наверное, сейчас на работе. Нет смысла ее отрывать. Больница недалеко от аэропорта. Я там спокойно посижу и чего-нибудь выпью, пока у нее не кончится смена — тогда она за мной заедет.

Капитан как-то странно на нее посмотрел.

— Да-да... конечно.

Но вот и долгожданная стыковка. Корделия пожала всем руки, поблагодарила экипаж и перешла на катер. Стюардесса встретила ее со стопкой новой одежды.

— Что это такое? Боже мой, неужели новая форма экспедиционного корпуса! Ну, что ж, наверное, лучше поздно, чем никогда.

— Почему бы вам ее не надеть? — с улыбкой предложила ей стюардесса.

— Действительно, почему бы и нет. — Последнее время ей приходилось щеголять в эскобарской одежде, которая успела порядком надоесть. Она развернула небесно-голубую ткань, увидела сияющие черные ковбойские сапожки и рассмеялась. — Бога ради, зачем сапоги? На Колонии Бета лошадей встретишь только в зоопарке.

Узнав, что других пассажиров нет, Корделия переоделась прямо в салоне. Стюардессе пришлось помочь ей натянуть сапожки.

— Тому, кто их придумал, надо бы попробовать лечь в них спать, — проворчала Корделия. — А впрочем, может, он так и делает.

Катер начал снижаться, и она поспешила к иллюминатору, мечтая поскорее увидеть свой родной город. Наконец рыжеватая дымка рассеялась, они аккуратно зашли на посадку и подрулили к посадочному узлу.

— Похоже, сегодня здесь немало народа.

— Да, президент собирается произнести речь, — сказала стюардесса. — Это так интересно. Хоть я за него и не голосовала.

— Зануда Фредди сумел собрать столько слушателей на какую-то свою речь? Ну, это даже к лучшему. Я смогу смешаться с толпой. Эта форма ужасно яркая, а сегодня мне хотелось бы стать невидимой.

Двигатели последний раз взвыли и замолкли. Корделия встала и неловко попрощалась со стюардессой.

— Я надеюсь, меня там никто не встречает? Сегодня я этого не вынесу.

— Вам будут помогать, — заверила девушка. — Вот он идет.

В катер, сияя улыбкой, вошел мужчина в гражданском саронге.

— Как поживаете, капитан Нейсмит? Я — Филип Гоулд, пресс-секретарь президента, — представился он. Корделия насторожилась: пресс-секретарь — должность на уровне кабинета министров. — Для меня большая честь познакомиться с вами.

В эту минуту она явственно ощутила, как под ней разверзается пропасть.

— Вы часом не запланировали тут какой-нибудь цирк? Я хочу просто уехать домой.

— Ну, президент желает произнести небольшую речь. И для вас у него есть один пустячок, — небрежно проро-

нил чиновник. — По правде говоря, он надеется на несколько совместных выступлений, но это мы сможем обсудить позже. Конечно, мы не думаем, что героиня Эскобара может оробеть, но на всякий случай приготовили для вас несколько фраз. Я все время буду рядом и помогу вам разобраться и ответить на вопросы прессы. — Он передал ей портативный экран. — Постарайтесь казаться удивленной, когда выйдете из катера.

— Я и правда удивлена. — Она быстро просмотрела текст речи. — Эт-то п-просто ложь!

Лицо секретаря приняло озабоченное выражение.

— У вас всегда был этот небольшой дефект речи? — осторожно спросил он.

— Н-нет, это п-подарок психослужбы эскобарцев и п-прошлой войны. От-ткуда у вас эта ч-чушь? — Строчка, на которой остановился ее взгляд, гласила: «трусливый адмирал Форкосиган и его свора разбойников». — Форкосиган — храбрейший человек.

Гоулд крепко взял ее за руку повыше локтя и вывел из катера.

— Нам пора идти, чтобы попасть в программу новостей. Попробуйте просто выкинуть то место, ладно? А теперь улыбнитесь.

— Я хочу видеть маму.

— Она с президентом. Ну, пора.

Трап вывел их прямо к возбужденной толпе, и собравшиеся принялись выкрикивать вопросы. Корделию затрясло: казалось, толчки возникают где-то внизу живота и распространяются по всему телу.

— Я не знаю никого из этих людей, — отчаянно зашептала она Гоулду.

— Не останавливайтесь, — прошипел он в ответ сквозь улыбку. Они поднялись на трибуну, установленную на балконе, выходившем в главный вестибюль космопорта. Громадный зал был набит ярко одетыми и празднично настроенными людьми. Все расплывалось у Корделии в глазах, но вдруг она увидела знакомое лицо: мать. Та

улыбалась и плакала. Корделия бросилась к ней в объятия, к восторгу прессы, поспешившей запечатлеть эту трогательную сцену.

— Поскорее выручай меня отсюда, — яростно прошептала она на ухо матери. — Меня сейчас вывернет.

Мать чуть отстранилась, не понимая, продолжая улыбаться. Ее сменил брат Корделии. За ним неуверенно и гордо теснилась его семья, не сводя восторженных глаз с героини в блестящих сапожках.

Корделия увидела членов своего экипажа, тоже одетых в новую форму, — они стояли с какими-то правительственными шишками. Парнелл торжествующе ухмылялся. Подталкиваемая Гоулдом, она приблизилась к президентской трибуне.

Зануда Фредди показался ошеломленной Корделии настоящим великаном. Огромный и громогласный... Может, именно поэтому он так хорошо смотрится на экранах. Он схватил ее руку и поднял кверху под приветственные крики толпы.

Президент великолепно произнес свою речь, ни разу не заглянув в подсказчик. Эта речь была полна все тех же патриотических заклинаний, которые опьяняли людей перед ее отлетом, и едва ли одно слово из десяти было правдой — даже с бетанской точки зрения. Не спеша и драматично президент вел дело к награде. Когда до Корделии дошло, куда он клонит, у нее неровно забилось сердце. Она повернулась к пресс-секретарю.

— Это — д-для моего экипажа, за плазменные зеркала? — Жалкая попытка спрятаться от неумолимой истины.

— Они свои уже получили. — Он когда-нибудь перестанет улыбаться? — Эта — только вам.

— П-понятно.

Оказалось, что медаль будет ей вручена за собственноручно исполненную казнь вражеского адмирала. Зануда Фредди избегал слова «убийство», предпочитая художественные метафоры, вроде «освобождения Вселенной от чудовища порока».

Речь, наконец, благополучно завершилась, и сверкающая медаль на многоцветной ленте, высшая награда Колонии Бета, была торжественно надета президентом на шею героини. Гоулд выволок ее на трибуну и указал на зеленые строки суфлирующего экрана.

— Начинайте читать, — прошептал он.

— Моя очередь? О... Народ Колонии Бета, моей возлюбленной родины... — пока все терпимо... — когда я простилась с вами, чтобы б-бороться с угрозой барраярской тирании, идя на п-помощь нащему другу и союзнику Эскобару, я не п-подозревала, что мне выпадет куда б-более б-благородная миссия.

Тут она перестала следовать тексту и лишь беспомощно наблюдала за собой, словно за обреченной шхуной, погружающейся в морскую пучину.

— Н-не вижу ничего б-благородного в т-том, чтобы з-зарезать этого глупого с-садиста, Форратьера. И я не приняла бы м-медаль за убийство б-безоружного, д-даже если бы и сделала это.

Она стянула медаль через голову. Лента запуталась в волосах и больно дернула. Корделию захлестнула волна мгновенной ярости.

— В последний раз говорю. Не убивала я Форратьера. Форратьера убил один из его собственных солдат. Он схватил его сзади и п-перерезал ему горло. Да, я была там, черт побери. Он меня всю кровью залил. П-пресса обеих сторон кормит вас л-ложью об этой паршивой войне. Д-дураки! А Форкосиган не отвечал за военнопленных, когда в лагере творились безобразия. К-как только он получил командование, он их прекратил. П-п-пристрелил одного из своих офицеров, только для того, чтобы удовлетворить вашу ж-жажду м-мести...

Трансляцию с трибуны прервали. Корделия повернулась к Зануде Фредди, с трудом различая сквозь слезы его изумленное лицо, и со всей силы швырнула в него медалью. Сверкающий кружок пролетел в дюйме от президентского уха и канул в толпу.

Кто-то сзади схватил ее за руки. Это включило оборонительные рефлексы, и она начала лягаться.

Не попытайся Фредди увернуться, с ним ничего бы не случилось. А так носок ее сапога с неожиданной точностью угодил ему в пах. Беззвучно открыв рот, президент согнулся пополам и рухнул с трибуны.

Не в силах справиться с собой, Корделия громко всхлипывала, а десятки рук крепко держали ее за локти, за ноги, за талию.

— П-пожалуйста, не надо меня снова запирать! Я этого не выдержу! Я просто хотела домой! Уберите эту чертову ампулу! Нет! нет! Пожалуйста, пожалуйста, не надо никаких лекарств! Простите меня, простите!

Ее поспешно увели прочь. Самое крупное общественное мероприятие года рухнуло подобно Зануде Фредди.

Корделию сразу же упрятали в какую-то тихую комнату, одно из административных помещений космопорта. Вскоре появился личный врач президента и начал действовать, попросив выйти всех, кроме ее матери. Корделия получила передышку, но понадобился почти час, чтобы справиться со слезами. Наконец, чувство неловкости и возмущение улеглось, и она смогла сесть и разговаривать так, словно у нее всего лишь сильный насморк.

— Пожалуйста, извинитесь за меня перед президентом. Если бы кто-нибудь меня предупредил или спросил, готова ли я к такой встрече! Я... я сейчас н-не в лучшей форме.

— Нам самим следовало об этом догадаться, — печально сказал врач. — Ведь, в конце концов, то, что вы пережили, выходит за рамки обычного военного опыта. Это мы должны извиняться за то, что вызвали у вас лишний стресс.

— Мы думали, это будет приятным сюрпризом, — добавила мать.

— Да уж, это было сюрпризом. Я только надеюсь, что меня не засадят в психушку. Мне сейчас как-то не хотелось бы где-нибудь сидеть.

От одного предположения, что ее снова запрут, перехватывало горло.

Интересно, где сейчас Форкосиган, что он делает? Мысль о спиртном привлекала ее все сильнее — хорошо бы сейчас оказаться с ним и напиться до бесчувствия. Она сжала пальцами переносицу, стараясь снять напряжение.

— Мне дозволено ехать домой?

— Толпа еще не разошлась? — озабоченно спросила мать.

— Боюсь, что нет, — ответил доктор. — Мы постараемся их сдержать.

Он шагал по одну ее сторону, мать — по другую. Чтобы опять не расплакаться, Корделия вспоминала поцелуй Форкосигана на протяжении всего пути к машине. Толпа еще напирала, но как-то притихла, и лица у сограждан были даже слегка испуганные — первоначальный радостный настрой исчез. Ей было стыдно, что она отняла у них праздник.

У жилой шахты, где была квартира ее матери, тоже ждала толпа. Люди стояли в холле перед лифтами и даже на лестничной площадке. Корделия чуть улыбалась и осторожно помахивала рукой, но в ответ на вопросы только качала головой: она была не уверена, что сможет внятно говорить. Наконец они закрыли за собой дверь.

— Уф! Они, наверное, с самыми лучшими намерениями, но... Господи! Мне казалось, им хочется проглотить меня живьем!

— Из-за войны было столько волнений. Все, на ком сейчас голубая форма экспедиционного корпуса, просто герои. А когда стали возвращаться пленные и рассказали о тебе... Я рада, что к тому времени уже знала, что ты здорова. Бедняжечка моя!

Корделия была несказанно рада снова очутиться в материнских объятиях.

— Ну, тогда понятно, откуда они взяли эту чушь. Совершенно немыслимая сплетня. Ее распустили эскобарцы, и все подхватили. Я ничего не могла поделать.

— Что они с тобой сделали?

— Они не отставали от меня, надоедали своими предложениями полечиться: решили, что враги подменили мне память... А, поняла. Ты хотела спросить, что со мной сделали барраярцы. Ничего особенного. Форратьер, может, и собирался, но не успел приняться за дело, как его прикончили. — Она решила не расстраивать мать подробностями. — Но нечто важное все-таки произошло. — Она помялась. — Я снова встретилась с Эйрелом Форкосиганом.

— С этим ужасным человеком? Когда я услышала о нем в новостях, я подумала, не тот ли он самый, кто в прошлом году убил твоего лейтенанта Роузмонта.

— Да. То есть нет. Он не убивал Роузмонта, это сделал один из его солдат. Но я говорила именно о нем.

— Я не понимаю, почему он тебе так нравится.

— Уж теперь ты должна бы его оценить. Он спас мне жизнь. Прятал меня в своей каюте те два дня после убийства Форратьера. Меня бы казнили, если бы поймали до смены командования.

Но мать казалась скорее встревоженной, чем благодарной.

— Он... он что-нибудь с тобой сделал?

Корделия вздохнула: она не может быть до конца откровенной с матерью, даже ей нельзя рассказать о невыносимом грузе правды, который он на нее взвалил. А мать по-своему истолковала пробежавшую по ее лицу тень.

— О, Боже! Какой ужас!

— Да нет же, черт подери. Форкосиган — не насильник. У него пунктик насчет пленных. И пальцем ни к кому не притронется. Он просил меня... — Корделия замолчала, глядя на добрую, встревоженную, любящую стену, в которую вдруг превратилось лицо матери. — Мы много разговаривали. Он нормальный человек.

— У него не слишком хорошая репутация.

— Да, знаю, но я и сама кое-что видела. Это все ложь.

— Он... значит, он не преступник? Не убийца?

— Ну... — Корделия замялась. — Наверное, он убил н-немало народа. Он ведь солдат, понимаешь? Это — его

работа. Он не виноват, если иногда хватает через край. Но мне известны только три человека, которых он убил не по долгу службы.

— Только три? — чуть слышно повторила ее мать. Наступило молчание. — Так, значит, он не... не извращенец?

— Конечно, нет! Насколько я поняла, у него был немного странный период — после того, как его жена покончила с собой... Вряд ли он догадывается, как много мне известно, даже если не слишком верить этому маньяку Форратьеру. Подозреваю, что отчасти это все же правда, по крайней мере насчет их отношений. Форратьер явно был когда-то в него влюблен. А Эйрел отвечал ужасно туманно, когда я его об этом спросила.

Глядя в потрясенное лицо матери, Корделия порадовалась, что никогда не хотела стать адвокатом. Все мои подзащитные навечно остались бы на принудительном лечении.

— Ты бы лучше поняла, если бы с ним встретилась, — с надеждой проговорила она.

Мать неуверенно засмеялась.

— Да уж, он тебя просто околдовал. Так что же в нем есть? Интересно говорит? Хорош собой?

— Не знаю. Разговаривает он в основном о барраярской политике. Уверяет, что испытывает к ней отвращение — но, по-моему, это скорее одержимость. Он и на пять минут не может о ней забыть. Она стала частью его души.

— Это... интересно?

— Это ужасно, — честно призналась Корделия. — От его историй неделю не заснешь.

— И дело не в его внешности, — со вздохом констатировала мать. — Я видела его в новостях.

— Ой, ты их не записала? — спросила Корделия, сразу оживляясь. — Где я смогу их найти?

— Наверное, где-то в файлах видео, — отозвалась та, изумленно глядя на дочь. — Но, право же, Корделия, твой Рег Роузмонт был в десять раз привлекательнее.

— Наверное, — согласилась Корделия, — если смотреть объективно.

— Так что же в нем все-таки есть?

— Не знаю. Скорее всего, его недостатки — это часть его достоинств. Мужество. Сила. Энергия. Он мне может дать десять очков вперед — всегда. У него есть власть над людьми. Он не просто лидер, хотя это в нем тоже есть. К нему нельзя относиться равнодушно. Самый странный тип, с которым я когда-либо встречалась, некий Ботари, и боготворит и ненавидит его одновременно. Но рядом с ним никто не скучает.

— А к какой категории относишься ты, Корделия?

— Конечно, я его не ненавижу. Но и не могу сказать, что без ума от него. — Она долго молчала, потом посмотрела прямо в глаза матери. — Но если он порежется, у меня течет кровь.

Мать побледнела. Губы ее улыбались, но взгляд погас, и она с излишним усердием принялась раскладывать немногочисленные вещи Корделии.

На четвертый день отпуска начальник Корделии, коммодор Тейлор, привел неприятного посетителя.

— Капитан Нейсмит, это доктор Мехта из медицинской службы экспедиционного корпуса.

Доктор Мехта оказалась стройной загорелой женщиной одних лет с Корделией. Темные волосы ее были гладко зачесаны назад, и вся она в своей голубой форме казалась холодно-стерильной.

— Опять психиатр, — вздохнула Корделия. Мышцы у основания ее шеи свело судорогой. Новые допросы — новые увертки, все более ненадежная паутина лжи для прикрытия прорех в ее истории. А за недомолвками прячется горькая правда Форкосигана...

— В ваше личное дело, наконец, попали доклады коммодора Спрейг. Увы, с большим опозданием. — Губы Тейлора сочувственно сжались. — Ужасно. Я очень сожалею. Если бы мы получили их раньше, вам не пришлось бы пройти через то, что случилось на прошлой неделе. И другим тоже.

Корделия покраснела.

— Я не хотела его лягнуть. Он просто на меня наткнулся. Такое больше не повторится.

Тейлор спрятал улыбку.

— Ну, я за него не голосовал. Зануда Фредди меня не заботит. Хотя, — тут коммодор откашлялся, — он-то как раз очень интересуется вами. Вы теперь знаменитость, нравится вам это или нет.

— А, чепуха.

— Это не чепуха. У вас есть обязательства.

«Чьи слова повторяешь, Билл? — подумала Корделия. — Это не твой голос».

Она помассировала шею.

— Я считаю, что выполнила все свои обязательства. Чего им еще от меня нужно?

Тейлор пожал плечами:

— Считается... Мне дали понять... В общем, вас ждет место в аппарате президента. В связи с вашим военным опытом. Когда вы поправитесь.

Корделия фыркнула.

— У них какие-то странные понятия относительно моей военной карьеры. Послушайте... Зануда Фредди пусть хоть накладной бюст надевает, чтобы охмурять избирателей-гермафродитов с Кварца. Но я не собираюсь играть роль п-пропагандистской коровы, которую будут доить какие-то партии. Выражаясь словами одного друга, у меня отвращение к политике.

— Ну... — Он пожал плечами, словно выполнил некий долг, и продолжил уже более твердо. — Как бы то ни было, в мои обязанности входит проследить за тем, чтобы вы были действительно готовы к службе.

— Я... я буду в порядке после м-месячного отпуска. Мне просто надо отдохнуть. Я хочу вернуться в астроэкспедицию.

— И вернетесь. Как только врачи признают вас годной.

— О! — Понадобилась почти минута, чтобы до нее дошел смысл сказанного. — Так. Погодите-ка. У меня было

н-небольшое недоразумение с доктором Спрейг. Очень милая дама и рассуждает логически, но исходные посылки были неверны.

Коммодор Тейлор грустно посмотрел на нее.

— Кажется, сейчас мне лучше передать вас доктору Мехте. Она все четко объяснит. Вы будете с ней сотрудничать, правда, Корделия?

Корделия похолодела.

— Давайте внесем ясность. Вы хотите сказать, что если ваш специалист не будет мной доволен, я уже никогда не ступлю на корабль экспедиции? Никакого к-командования — и вообще никакой работы, так?

— Это... слишком жесткая формулировка. Но вы же сами знаете, что для астроэкспедиций, в которых небольшие группы людей надолго оказываются в изоляции, психопрофили имеют огромное значение.

— Да, я знаю. — Корделия изобразила улыбку. — Я б-буду сотрудничать. К-конечно.

ГЛАВА 13

— Ну вот, — жизнерадостно объявила доктор Мехта на следующий день, устанавливая свой ящичек на столе в квартире Нейсмитов, — это совершенно безвредный метод мониторинга. Вы ничего не почувствуете, вам он ничуть не повредит, а мне покажет, какие темы важны для вашего подсознания. — Она проглотила какую-то таблетку, объяснив: — Аллергия. Прошу меня извинить. Итак, рассматривайте наш сеанс как эмоциональную геологоразведку: она выявит, где прячется источник переживаний.

— И скажет вам, где бурить скважину, да?

— Вот именно. Вы разрешите мне закурить?

— Пожалуйста.

Мехта зажгла ароматную сигарету и тут же небрежно положила ее на край пепельницы, которую принесла с собой. Едкий дым заставил Корделию поморщиться. Странный порок для врача... Что же, у каждого свои слабости. Она взглянула на прибор, стараясь подавить раздражение.

— Ну, в качестве точки отсчета, — сказала Мехта, — июль.

— Я должна ответить «август» или еще что-то?

— Нет, это тест на свободные ассоциации — аппарат все сделает сам. Но если хотите, можете говорить.

— Ладно.

— Двенадцать.

«Апостолов, — подумала Корделия. — Дней рождественских каникул. Дюжина яиц».

— Смерть.

«Рождение, — подумала Корделия. — Эти барраярские аристократы все возлагают на детей. Имя, имущество, культуру, даже управление страной. Огромный груз — неудивительно, что под его тяжестью дети гнутся и ломаются».

— Рождение.

«Смерть, — подумала Корделия. — Человек без сына там просто ходячий призрак, не имеющий будущего. А когда их правительство терпит поражение, она платят жизнями своих детей. Пятью тысячами».

Мехта передвинула пепельницу влево. Так не стало лучше — наоборот.

— Секс.

«Вряд ли: я здесь, а он там...»

— Семнадцать.

«Емкостей, — подумала Корделия. — Интересно, как там эти несчастные зародыши?»

Доктор Мехта озадаченно уставилась на показания своего устройства.

— Семнадцать, — повторила она.

«Восемнадцать», — твердо подумала Корделия. Доктор Мехта сделала какую-то пометку.

— Адмирал Форратьер.

«Бедная зарезанная жаба. Наверное, ты говорил правду: ты должен был когда-то любить Эйрела, чтобы так его возненавидеть. Что он тебе мог сделать? Скорей всего, отверг твою любовь. Такую боль я могу понять. Возможно, у нас с тобой все же есть точка соприкосновения...»

Мехта подкрутила что-то, снова нахмурилась, повернула обратно.

— Адмирал Форкосиган.

«Ах, любимый, будем верны друг другу...» Корделия попыталась сосредоточиться на голубом кителе доктора Мехты. Да, сейчас у нее забьют фонтаны, если она начнет здесь копать свой колодец.

Мехта взглянула на часы и подалась вперед, став еще внимательнее:

— Давайте поговорим об адмирале Форкосигане.

«Давайте не будем», — подумала Корделия.

— Что вас интересует?

— Вы не знаете, он много работает с разведкой?

— Не думаю. Кажется, его главная специальность — оперативное планирование, стратегия, когда... когда он не занимается патрулированием.

— Мясник Комарры.

— Это бессовестная ложь, — непроизвольно вырвалось у Корделии.

— Кто вам это сказал? — спросила Мехта.

— Он.

— Он. Ага, так...

«Я тебе еще припомню это «ага»... Нет. Сотрудничество. Спокойствие. Я действительно спокойна. Скорее бы эта дама докурила свою сигарету. Глаза щиплет».

— Какие доказательства он вам представил?

Корделия поняла, что доказательств не было.

— Наверное, свое слово. Слово чести.

— Довольно эфемерное подтверждение. — Она сделала еще одну пометку. — И вы ему поверили?

— Да.

— Почему?

— Это... согласовывалось с моими впечатлениями.

— Вы, кажется, были его пленницей в течение шести дней во время этой астроэкспедиции?

— Да.

Доктор Мехта постучала световым карандашом и насмешливо хмыкнула, глядя сквозь Корделию.

— Кажется, вы убеждены в правдивости Форкосигана. Вы не допускаете мысли, что он когда-либо вам лгал?

— Ну... лгал, конечно, ведь я — вражеский офицер.

— И, однако, вы безоговорочно поверили его утверждениям.

Корделия попыталась объяснить:

— Для барраярца слово — это нечто большее, чем просто туманное обещание, по крайней мере для людей старого типа. Господи, да у них ведь даже правление на нем основано: все эти клятвы верности и тому подобное...

Мехта беззвучно присвистнула:

— Так вы теперь одобряете их форму правления?

Корделия беспокойно дернулась.

— Не совсем. Я просто начинаю ее немного понимать, только и всего. Наверное, она тоже может работать.

— Так это слово чести — по-вашему, он его никогда не нарушает?

— Ну...

— Значит, нарушает.

— Да, я была свидетельницей. Но это ему обошлось очень дорого.

— То есть обман был хорошо оплачен.

— Я говорю не о цене сделки. Он ничего не выигрывал — только терял. Он потерял многое... на Эскобаре...

Разговор явно заходил за опасную грань. «Мне необходимо переменить тему, — сонно подумала Корделия. — Или подремать». Мехта снова взглянула на хронометр и пристально посмотрела на Корделию.

— Эскобар.

— Знаете, Эйрел после Эскобара чувствует себя опозоренным. Он сказал, что вернется домой и напьется. По-моему, Эскобар разбил ему сердце.

— Эйрел... Вы зовете его по имени?

— А он называет меня «милый капитан». Я всегда думала, что это смешно. Но в чем-то очень показательно. Он действительно считает меня женщиной-солдатом. Форратьер опять был прав: кажется, для него я — выход из затруднительного положения...

В комнате становилось жарко. Корделия зевнула. Дымок извивался вокруг нее, как щупальца.

— Солдат.

— Знаете, он любит своих солдат. Действительно любит. Он полон этого странного барраярского патриотизма. Вся честь — в службе императору. По-моему, император этого совсем недостоин...

— Император.

— Бедняга. Мучится не меньше Ботари. Может, такой же ненормальный.

— Ботари. Кто такой Ботари?

— Он разговаривает с демонами. А демоны ему отвечают. Вам бы понравился Ботари. Эйрелу нравится. Подходящий спутник для вашей следующей прогулки в ад. Владеет тамошним языком.

Мехта нахмурилась, снова начала крутить какие-то рукоятки, постучала по экрану длинным ногтем. Вернулась обратно.

— Император.

У Корделии неудержимо слипались глаза. Мехта закурила новую сигарету и положила ее рядом с окурком первой.

— Принц, — сказала Корделия. «Нельзя говорить о принце»...

— Принц, — повторила Мехта.

— Нельзя говорить о принце. Это гора трупов...

Корделия, сощурившись, вглядывалась в дым. Дым... странный, едкий дым от сигарет... Их зажигают и больше не подносят ко рту...

— Вы... одурманиваете... меня... — Ее голос перешел в придушенный вопль, и она поднялась, шатаясь. Воздух казался липким и вязким, как клей. Мехта сидела, подав-

шись вперед, с головой уйдя в расшифровку показаний прибора. Когда Корделия метнулась к ней, она вскочила в непритворном испуге.

Корделия смахнула со стола записывающее устройство.

— Не говорить! Больше не надо смертей! Вы меня не заставите! Все пропало... У вас это не пройдет, извините, сторожевой пес, пожалуйста, поговорите со мной, выпустите меня, пожалуйста, выпустите меня, пожалуйста, выпустите меня... — Ноги внезапно стали ватными.

Мехта пыталась поднять ее с пола, что-то приговаривая, успокаивая. До Корделии долетали обрывки слов, пробивающиеся сквозь ее собственный бред:

— ...не должна была так подействовать... индивидуальная реакция... очень необычно. Пожалуйста, капитан Нейсмит, прилягте...

Что-то блеснуло. Ампула.

— Нет! — взвизгнула Корделия, перекатываясь на спину и отчаянно отбрыкиваясь. Она попала по руке своей мучительницы, и ампула отлетела под стол. — Никаких лекарств, никаких лекарств, нет-нет-нет...

Мехта стала зеленовато-желтой.

— Хорошо! Хорошо! Но только прилягте... Вот так, вот так...

Она поспешно отскочила, включила на полную мощность кондиционер, затушила сигарету. Воздух быстро очистился.

Корделия лежала на диване, стараясь отдышаться, вся дрожа. Так близка... она была так близка к тому, чтобы предать его, — а ведь это только первый сеанс! Постепенно она успокаивалась и начинала соображать.

— Это была грязная уловка, — монотонно проговорила она, закрыв лицо ладонями.

Мехта улыбнулась — неубедительная, искусственная улыбка, а под ней — возбуждение.

— Отчасти вы правы. Но это был необыкновенно продуктивный сеанс. Гораздо более продуктивный, чем я ожидала.

«Еще бы, — подумала Корделия. — Ты просто в восторге от моего спектакля, верно?» Опустившись на колени, Мехта собирала обломки своего записывающего устройства.

— Извините за аппарат. Не могу понять, что это на меня нашло. Я... уничтожила ваши результаты?

— Видите ли, вам полагалось просто заснуть, — озабоченно бормотала Мехта. — И... о нет, все в порядке, — она с торжеством извлекла из обломков неповрежденную кассету и осторожно положила ее на стол. — Вам не придется снова это переживать. Все осталось здесь. Очень хорошо.

— Могу ли я узнать о ваших предварительных выводах? — сухо спросила Корделия, не отнимая рук от лица.

Мехта рассматривала ее с профессиональным интересом.

— Вы — самый сложный случай из всех, что мне встречались. Но у вас должны исчезнуть последние сомнения в том, что барраярцы... э-э... насильственно перестроили ваше мышление. Прибор буквально зашкаливало.

Она решительно сжала губы.

— Знаете, — сказала Корделия, — мне не слишком нравятся ваши методы. У меня... особое предубеждение к использованию лекарств без моего согласия. Я считаю, что это противозаконно.

— Но иногда необходимо. Данные оказываются гораздо чище, если испытуемый не знает о наблюдении. Это вполне этично, если впоследствии согласие получено.

— Согласие задним числом, вот как? — промурлыкала Корделия. Страх и ярость внутри нее закручивались в тугую пружину. Она с трудом удерживала на лице улыбку, не позволяя ей перейти в оскал. — Никогда не думала о таком юридическом варианте. Звучит... почти по-барраярски. Я не желаю, чтобы вы мною занимались, — резко добавила она.

Мехта сделала еще пометку и с улыбкой подняла голову.

— Это не выражение чувств, — подчеркнула Корделия. — Это официальное требование. Я отказываюсь принимать от вас дальнейшее лечение.

Собеседница понимающе кивнула. Что она, глухая?

— Потрясающий успех, — радостно констатировала Мехта. — Я не надеялась на этой неделе обнаружить реакцию отторжения.

— Что?

— Вы же не думаете, что, вложив в вас столько усилий, барраярцы не попытаются их защитить? Конечно, вы испытываете враждебность. Только не забывайте: это не ваши чувства. Завтра мы ими займемся.

— Нет, не займемся! — злость и отчаяние стянули голову железным обручем. — Вы уволены!

— Превосходно! — обрадовалась Мехта.

— Вы меня слышали? — вопросила Корделия. Черт, откуда эти визгливые нотки в голосе? Спокойнее, спокойнее...

— Капитан Нейсмит, напоминаю вам, что мы — люди военные. Я не состою с вами в обычных юридических отношениях врач-пациент. Мы оба действуем в соответствии с приказом, преследуя, как я имею основания полагать, воен... Ладно, не стоит. Достаточно будет сказать, что вы меня не нанимали и не можете уволить. Итак, до завтра.

Оставшись в одиночестве, Корделия просидела еще несколько часов, уставясь в стену и бездумно постукивая пяткой по дивану, пока мать не вернулась домой ужинать. На следующее утро она спозаранку ушла из дома и бродила по городу весь день до позднего вечера.

В тот же вечер, чувствуя себя безмерно усталой и одинокой, Корделия села писать свое первое письмо Форкосигану. Первый вариант она выбросила, не дойдя и до половины, сообразив, что ее письма наверняка будут читать посторонние, возможно — Иллиан. Второй вариант был более нейтральным. Она написала его от руки, на бумаге, и, поскольку вокруг никого не было, поцеловала перед тем, как запечатать в конверт. Отправка бумажной корреспонденции стоила очень дорого, но зато теперь они смогут прикоснуться к одному и тому же листку. Большего им пока не дано.

На следующее утро Мехта связалась с нею по видеокомму. Она сообщила Корделии, что та может успокоиться: возникли новые обстоятельства, и сегодняшний сеанс отменяется. О вчерашнем отсутствии своей строптивой пациентки она даже не упомянула.

Корделия испытывала немалое облегчение, но потом забеспокоилась. На всякий случай она опять ушла из дома. День можно было бы назвать приятным — если не считать стычки с журналистами, дежурившими в их квартирной шахте, и обнаружения слежки — ее неотступно сопровождали двое мужчин в очень неприметных гражданских саронгах. Саронги были популярны в прошлом году, а теперь в моду вошла экзотическая раскраска по голому телу — по крайней мере, для самых отважных. Корделия сумела освободиться от агентов, протащив их по порнографическому шоу «Посмотри и потрогай». Но в конце дня, когда она бродила по зоопарку Силика, они снова объявились.

На следующий день, точно в назначенное время, раздался звонок, и Корделия неохотно отправилась открывать. «Выдержу ли на этот раз? Мне начинает изменять воображение. Я так устала»...

У нее оборвалось сердце. В дверях стояли Мехта, коммодор Тейлор и здоровенный санитар. Вот этот, решила Корделия, справился бы даже с Ботари. Попятившись, она пригласила визитеров в гостиную. Мать сбежала на кухню якобы сварить кофе.

Коммодор Тейлор уселся и нервно откашлялся.

— Корделия, боюсь, что должен сказать нечто неприятное.

Корделия устроилась на подлокотнике кресла, приоткрыв зубы, как она надеялась, в хладнокровной улыбке.

— С-свалили на вас г-грязную работу? Одна из радостей командования. Валяйте.

— Мы должны попросить вас согласиться на госпитализацию для дальнейшего лечения.

Господи, ну вот. У нее начали подергиваться мышцы живота. Хорошо, что рубашка широкая — может, не заметят.

— Да? Почему? — осведомилась она небрежно.

— Мы опасаемся... мы очень сильно опасаемся, что барраярское программирование мышления, которому вы подверглись, оказалось гораздо более обширным, чем можно было предположить. По правде говоря, мы считаем... — Он сделал паузу и глубоко вздохнул, — что они пытались сделать вас своим агентом.

Кто это мы, Билл?

— Пытались — или сумели?

Тейлор отвел взгляд. Мехта холодно на него посмотрела.

— В этом наши мнения разделились...

Заметьте, господа, как тщательно он избегает местоимения «я», избегает личной ответственности...Что они задумали?

— ...но то письмо, которое вы позавчера отправили барраярскому адмиралу, Форкосигану... Мы решили сначала предоставить вам возможность объяснений.

— П-понятно. — «Как вы смели!» — Думаю, вам известно, что Форкосиган сейчас вышел в отставку. Но, возможно, — она пригвоздила Тейлора взглядом, — вы сочтете нужным объяснить, по какому праву вы перехватываете и читаете мою личную переписку?

— Крайние меры безопасности. В связи с войной.

— Война закончилась.

Тут он смутился.

— Но шпионаж продолжается.

Скорее всего, так оно и есть. Корделия и сама не раз думала о том, откуда Эзар Форбарра узнал о плазменных зеркалах, которые до войны были наиболее засекреченным оружием в арсенале Беты. Она нервно покачивала ногой.

— Мое письмо. — Мое письмо на бумаге... бумага заворачивает камень... — Она старалась говорить спокойно. — И что же вы узнали из моего письма, Билл?

— Ну, в том-то и дело. Над ним два дня работали наши лучшие шифровальщики, а также самые современные

криптоаналитические программы. Проанализировали все, вплоть до молекулярного состава бумаги. Откровенно говоря, — он не без раздражения взглянул на Мехту, — я не убежден, что они что-то обнаружили.

«Да, — подумала Корделия, — вам этого не обнаружить. Тайна заключалась в поцелуе. А он не поддается никакому анализу».

Она мрачно вздохнула:

— Вы его отправили, когда изучили?

— Ну... Боюсь, что к тому времени от него немного осталось.

«Ножницы режут бумагу...»

— Я не агент. Д-даю вам слово.

Мехта подняла внимательные глаза.

— Я сам в это плохо верю, — сказал Тейлор.

Корделия попыталась удержать его взгляд, но он потупился.

«Ты и правда мне веришь».

— Что будет, если я откажусь от лечения?

— Тогда я, как ваш командир, должен вам приказать.

«А я пошлю тебя к черту... Нет. Спокойствие. Надо сохранять спокойствие, пусть они говорят. Может, я все-таки сумею от них отбрехаться».

— Даже если это противоречит вашему личному мнению?

— Это — серьезный вопрос безопасности государства. Боюсь, что личные мнения здесь недопустимы.

— А, бросьте. Даже капитан Негри, и тот иногда позволяет себе иметь личное мнение, как я слышала.

Она сказала что-то не то. Атмосфера в комнате стала гораздо прохладнее.

— Откуда вам известно о капитане Негри? — напряженно спросил Тейлор.

— Все знают о Негри. — Три пары глаз изумленно смотрели на нее. — А, б-бросьте! Будь я агентом Негри, вы бы об этом никогда не узнали. Он не дилетант!

— Напротив, — отрывисто проговорила Мехта, — мы считаем, что он действует настолько умело, что это вы никогда бы об этом не узнали.

— Чушь! — с отвращением отозвалась Корделия. — Откуда вы это взяли?

Мехта поняла ее вопрос буквально.

— Я предполагаю, что вас контролирует — возможно, неосознанно — этот довольно зловещий и загадочный адмирал Форкосиган. Вас начали обрабатывать во время вашего первого плена и, видимо, закончили во время последней войны. Вам предназначалась роль главного агента барраярской разведывательной сети, взамен того, который только что был обезврежен. Возможно, вы просто сидели бы на месте и бездействовали много лет, пока не наступит критический момент...

— Зловещий? — прервала ее Корделия. — Загадочный? Эйрел-то! Просто смешно!

«Просто плакать хочется».

— Совершенно очевидно, что он вас контролирует, — удовлетворенно заключила Мехта. — Вы явно стремитесь безоговорочно ему повиноваться.

— Я не компьютер. — Она продолжала нервно постукивать ногой. — А Эйрел — единственный человек, который никогда не принуждал меня ни к чему. Полагаю, этого требует честь.

— Видите? — обратилась Мехта к Тейлору. На Корделию она даже не взглянула. — Все сходится.

— Только если вы стоите на голове! — не выдержала Корделия. Она гневно посмотрела на командора. — Я не обязана выполнять этот приказ. Я могу подать в отставку.

— Нам не нужно ваше согласие, — спокойно сказала Мехта, — даже как гражданского лица. Достаточно разрешения ближайшего родственника.

— Моя мать никогда так со мной не поступит!

— Мы уже подробно поговорили с ней обо всем. Она очень тревожится за вас.

— П-понятно. — Корделия замолчала, бросив взгляд в сторону кухни. — А я-то удивлялась, почему так долго нет кофе. Угрызения совести, а? — Она вполголоса запела, потом смолкла. — Ну что же, вы прекрасно подготовили операцию. Перекрыли мне все выходы.

Тейлор изобразил улыбку, пытаясь ее успокоить.

— Вам нечего бояться, Корделия. Самые лучшие специалисты будут вас... консульти... лечить...

«Обрабатывать», — подумала Корделия.

— А когда все придет в норму, вы сможете вернуться к прежней жизни.

«Хотите стереть меня? И его стереть... Проанализировать до полного уничтожения, как мое несчастное любовное послание».

Она грустно улыбнулась ему в ответ.

— Извините, Билл. У меня такое чувство, что с меня начнут сдирать слой за слоем, как с луковицы в поисках семян.

Тейлор ухмыльнулся:

— У луковиц нет семян, Корделия.

— Виновата, ошиблась, — сухо ответила она.

— И, честно говоря, — договорил он, — если вы правы, а... э-э... мы ошибаемся, то быстрее всего вы это докажете, сотрудничая с нами, — его улыбка была обезоруживающей.

— Да, конечно...

«Если не думать о таком пустяке, как гражданская война на Барраяре... об этом камне преткновения... маленьком таком камешке... Бумага оборачивается вокруг камня».

— Мне очень жаль, Корделия. — Ему и правда было жаль.

— Ничего.

— Это очень ловкий прием, — задумчиво рассуждала Мехта, — спрятать агентурную сеть под любовную историю. Можно было бы поверить, будь герои немного правдоподобнее.

— Что правда, то правда, — согласилась Корделия, сдерживая дрожь в голосе. — Не часто бывает, чтобы тридцатичетырехлетняя женщина влюбилась, как девчонка. Совершенно неожиданный... дар в моем возрасте. И еще более неожиданный в сорок четыре, насколько я понимаю.

— Вот именно, — подтвердила Мехта, довольная ее сообразительностью. — Кадровый офицер средних лет — не слишком романтическая фигура.

Тейлор открыл было рот, словно желая что-то сказать, но потом передумал и углубился в изучение своих ногтей.

— Думаете, вы меня от этого излечите? — спросила Корделия.

— О, да.

— А-а... — Сержант Ботари, где ты? Слишком поздно. — Вы не оставляете мне выбора. — «Тяни, — шептал внутренний голос. — Жди удобного момента. Притворись, что ты на Барраяре, где все возможно». — Мне м-можно принять душ... переодеться, собрать вещи? Насколько я понимаю, это будет долгая история.

— Конечно.

Тейлор и Мехта обменялись взглядами облегчения. Корделия дружелюбно улыбнулась.

Доктор Мехта прошла за ней в спальню без санитара. Кажется, момент наступил... У Корделии даже голова закружилась.

— Вот и отлично, — сказала она, закрывая дверь. — Можно будет поболтать, пока я собираюсь.

«Сержант Ботари, ты был немногословен, но ты действовал. Есть время для слов, и время, когда даже лучшие слова бессильны. Жаль, что я так плохо тебя понимала. Слишком поздно...»

Мехта уселась на кровать: верная своему долгу, она и сейчас продолжала наблюдение за подопытным кроликом, дергающимся в клетке. «Собираешься писать обо мне научную статью, Мехта? — сердито подумала Корделия. — Бумага оборачивается вокруг камня!..»

Она бродила по комнате, открывая ящики, хлопая дверцами. Нашелся ремень — даже два — и цепочка для пояса. Вот ее документы, кредитные карточки. Так, делаем вид, будто их не замечаем. На ходу она что-то говорила. Ум лихорадочно работал: «Камень ломает ножницы...»

— Знаете, вы немного напоминаете мне покойного адмирала Форратьера. Вам обоим желательно разобрать меня на части и посмотреть, что находится внутри. Но Форратьер больше походил на ребенка. Не собирался по-

том за собой убирать. В отличие от него вы искренне намерены, разобрав, сложить меня снова, но, с моей точки зрения, разница не столь уж велика. Эйрел был прав насчет людей в комнатах, затянутых зеленым шелком...

У Мехты был озадаченный вид.

— Вы перестали заикаться, — удивилась она.

— Да... — Корделия остановилась перед аквариумом, с любопытством его рассматривая, — действительно перестала. Как странно...

«Камень ломает ножницы»...

Она сняла крышку с аквариума. В горле встал знакомый комок — смесь страха и предчувствия. Затем, словно невзначай, зашла Мехте за спину, держа в руках цепочку и рубашку.

«Пора сделать выбор. Пора сделать выбор. Я сделала выбор!»

Она кинулась вперед, обернула цепочку вокруг шеи врача, рывком заломила ей руки назад и крепко обмотала запястья другим концом цепочки. Мехта придушенно пискнула.

Держа ее сзади, Корделия прошептала ей на ухо:

— Через секунду я дам вам воздух. На какой срок — зависит от вас. Вам предстоит попробовать настоящий барраярский метод допроса. Он мне никогда не нравился, но теперь я вижу, что иной раз без него не обойтись — например, когда вам страшно некогда... — Она не должна догадаться, что я блефую. Не должна. — Сколько у Тейлора людей вокруг здания и где именно они расставлены?

Корделия чуть ослабила цепочку. С остановившимся от страха взглядом Мехта выдавила:

— Нисколько!

— Все критяне — лжецы, — пробормотала Корделия. — А Билл — не дурак. — Подтащив врача к аквариуму, она сунула ее лицо в воду. Та отчаянно вырывалась, но Корделия была выше, сильнее, и гораздо лучше тренирована.

Мехта начала терять сознание. Корделия вытащила ее и позволила пару раз вдохнуть.

— Не хотите пересмотреть свою оценку? — «Господи, а что если это не подействует? Теперь они уже никогда не поверят, что я не агент».

— Ох, не надо, — еле выговорила Мехта.

— Ладно, лезьте обратно. — Корделия снова ее окунула.

Вода качалась и выплескивалась из аквариума. Корделия видела сквозь стекло лицо Мехты: странно увеличенное, болезненно-желтое, с причудливыми бликами от камушков на дне. Изо рта у нее вырывались серебряные пузырьки и всплывали вокруг лица. Вынимаем...

— Так. Сколько? Где?

— Правда, нет!

— Попейте еще.

— Вы не станете меня убивать!

— Ставьте диагноз, доктор, — прошипела Корделия. — Я нормальная женщина и притворяюсь сумасшедшей или сумасшедшая и притворяюсь нормальной? Растите жабры!

У нее сорвался голос. Она снова погрузила лицо своей жертвы в воду, заметив, что тоже затаивает дыхание. «А вдруг она права, а я ошибаюсь? Что если я агент, но не подозреваю об этом? Как отличить подделку от оригинала? Камень ломает ножницы...»

Дрожа всем телом, она представила себе, как держит и держит голову этой женщины под водой, пока та не перестает сопротивляться, пока не потеряет сознание, и потом еще — пока не наступит гибель мозга. Сила, возможность, желание — у нее есть все. «Так вот что чувствовал Эйрел на Комарре, — подумала она. — Теперь я понимаю. Нет. Теперь я знаю».

— Сколько? Где?

— Четверо, — прохрипела Мехта. Корделия обмякла от облегчения. — Двое в вестибюле. Двое в гараже.

— Спасибо, — механически поблагодарила Корделия. — А теперь отдохните...

Связав беспомощной женщине ноги, она сунула ей в рот кляп и уложила на полу, между стеной и кроватью. Быстро рассовала по карманам документы, кредитные

карточки, деньги. Потом включила душ и на цыпочках подошла к двери. Ох, как нужна сейчас минута, всего одна минута, чтобы овладеть собой...

Тейлор и санитар куда-то вышли — наверное, на кухню выпить кофе. Корделия сделала шаг в гостиную и осторожно осмотрелась.

О, Боже! Тейлор стоял в дверях кухни, поднося чашку к губам. Они замерли, глядя друг на друга.

Корделия подумала, что зрачки у нее, наверное, огромные, как у какого-нибудь ночного зверька. У наблюдавшего за ней командора странно искривились губы. Потом он медленно поднял левую руку, отдавая ей честь. Рука была не та, но в другой он держал чашку кофе. Он отпил глоток, не сводя с нее глаз.

Корделия вытянулась по стойке «смирно», отсалютовала и тихо выскользнула из квартиры.

На секунду ее охватил ужас: у входа оказался журналист со своим оператором, один из самых назойливых, тот самый, которого она вчера выгнала из здания. Пьянея от волнения, она улыбнулась ему, чувствуя себя парашютистом в затяжном прыжке.

— Не раздумали брать интервью?

Он мгновенно схватил наживку и защелкал кнопками радиоаппаратуры.

— Помедленнее, помедленнее. Не здесь. За мной следят, знаете ли. — Она заговорщически понизила голос. — Правительство заметает следы. То, что мне известно, может взорвать всю администрацию. Это касается судьбы пленных. Вы могли бы... сделать себе имя.

— Тогда где же? — Он буквально лез из кожи.

— Как насчет космопорта? Там в баре тихо. Я закажу вам рюмку чего-нибудь, и мы сможем спокойно... посидеть и спланировать кампанию. — У нее в голове шел отсчет времени. Вот-вот дверь их квартиры распахнется. — Но предупреждаю вас, дело трудное. В вестибюле — два правительственных агента, и в гараже тоже. Мне надо

пройти мимо них незамеченной. Если станет известно, что я с вами разговаривала, другого шанса вам уже не дадут. Никакого насилия, просто ночью вы тихо исчезаете, и разносится слух, что вас «положили на обследование». Понимаете, что я хочу сказать?

Журналист явно ничего не понял — его передача специализировалась преимущественно на «клубничке» — и, сгорая от нетерпения, повернулся к оператору:

— Джон, быстро давай сюда свой пиджак, шляпу и голокамеру.

Лучшей маскировки нельзя было и желать. Преображенная Корделия шагнула в лифт и вместе с телевизионщиками поднялась в гараж. У выхода дежурили двое в голубой форме. Она небрежно вскинула камеру на плечо, заслоняя голову, и прошла мимо них к машине журналиста.

В баре космопорта Корделия заказала напитки, сделала большой глоток, пообещала, что сию минуту вернется, — и улизнула, оставив репортера перед неоплаченными бокалами.

Следующую остановку она сделала у билетного компьютера, нажав кнопку вызова расписания. В ближайшие шесть часов ни один пассажирский корабль на Эскобар не летит. Слишком долго ждать. Они наверняка прежде всего обыщут космопорт. Мимо прошла женщина в форме работника порта. Корделия ее остановила.

— Извините, вы не поможете мне кое-что узнать о расписании частных транспортов или других частных кораблей?

Женщина нахмурилась, но в следующую секунду улыбнулась, узнавая:

— Вы — капитан Нейсмит!

Сердце на секунду замерло, потом отчаянно заколотилось. «Нет... Спокойнее...»

— Да. Э-э... Понимаете, журналисты меня совсем одолели. Вы небось знаете, что это за братия. — Корделия одарила девушку взглядом, признающим в ней родствен-

ную душу. — Как бы мне от них отделаться? Может, мы могли бы пройти в какой-нибудь кабинет? Мне кажется, что если кто-нибудь здесь и уважает человеческое достоинство, так это вы. Просто вижу это по вашему лицу.

— Правда? — Польщенная и взволнованная служащая уже увлекала ее за собой. Очутившись в кабинете, она вызвала расписание всех полетов, и Корделия быстро их просмотрела.

— Хм-м... Вот это, кажется, подходит. Вылет на Эскобар меньше чем через час. Вы не знаете, пилот еще не на борту?

— Этот корабль не берет пассажиров.

— Ничего. Я просто хочу переговорить с пилотом. В частном порядке. И наедине. Вы мне его не поймаете?

— Попробую. — Ей это удалось. — Он встретится с вами у посадочного узла 27. Но вам надо торопиться.

— Спасибо. Э-э... Знаете, журналисты меня совсем доконали. Ни перед чем не останавливаются. А двое самых настырных даже переоделись в форму экспедиционного корпуса, чтобы ко мне пробиться. Представляются капитаном Мехтой и коммодором Тейлором. Настоящее бедствие. Если они начнут здесь разнюхивать, вы не могли бы вроде как забыть, что меня видели?

— Ну конечно, капитан Нейсмит.

— Зовите меня Корделия. Вы просто молодец! Спасибо вам!

Пилот оказался совсем молодым: набирался опыта на грузовиках, прежде чем получить более ответственные пассажирские корабли. Он тоже узнал ее и сразу же попросил автограф.

— Вы, наверное, удивляетесь, почему выбрали именно вас, — начала Корделия, дописывая автограф.

— Меня, сударыня?

— Сотрудники службы безопасности проверили всю вашу жизнь. Вы надежны. Это определенно. По-настоящему надежны.

— Ох! Неужели они узнали про кордолит?

Тревога боролась в нем с гордостью.

— И к тому же находчивы, — импровизировала Корделия, гадая про себя, что такое кордолит. — Как раз то, что нам нужно.

— Для чего нужно?

— Ш-ш, не так громко. У меня секретное поручение президента. Оно настолько ответственное, что о нем не знает даже военное министерство. Если это когда-нибудь выплывет, то последствия могут быть просто ужасными. Дело в следующем: мне надо передать тайный ультиматум императору Барраяра. Но никто не должен знать, что я улетела с Колонии Бета.

— А я должен вас туда доставить? — изумленно спросил он. — Мой маршрут...

«Наверное, я могла бы уговорить парнишку довезти меня на хозяйском топливе до самого Барраяра, — подумала она. — Но это испортило бы ему карьеру».

— Нет-нет. Ваш маршрут ничем не будет отличаться от обычного. Мне предстоит встреча с секретным связным на Эскобаре. Вы просто повезете один груз, который отсутствует в таможенной декларации. Меня.

— Мне не разрешено возить пассажиров, мадам.

— Вы думаете, мы этого не знаем? Как по-вашему, почему президент лично выбрал именно вас среди множества других кандидатов?

— Ух ты! А я даже за него не голосовал!

Он провел Корделию на катер и устроил ей местечко в грузовом отсеке.

— Вы знаете всех больших шишек экспедиции, верно, капитан? Лайтнера, Парнелла... Вы не могли бы когда-нибудь меня с ними познакомить?

— Не знаю. Но... когда вы вернетесь с Эскобара, то встретитесь со множеством шишек из экспедиционного корпуса и службы безопасности. Это я могу обещать.

Да уж, что правда, то правда.

— А можно мне задать вам личный вопрос, мадам?

— Почему бы и нет? Все это делают.

— Почему на вас тапочки?

Корделия уставилась на свои ноги, потом поглядела парню в глаза.

— Извините, пилот Мэйхью. Это — секретные сведения.

— О!

Пристыженный пилот скрылся в кабине.

Оставшись одна, Корделия прижалась лбом к прохладному гладкому боку какого-то контейнера и беззвучно заплакала.

ГЛАВА 14

Было около полудня по местному времени, когда легкий флайер, взятый напрокат в Форбарр-Султане, перенес ее через озеро. Берега заросли лозняком, а сразу за ними вздымались крутые холмы. Жителей здесь было немного, и только у воды раскинулась небольшая деревушка. Скалистый мыс венчали развалины старинной крепости. Корделия облетела вокруг него, сверяясь с картой, и отсчитала три крупных поместья к северу от крепости. Оказавшись над четвертым, она спикировала вниз и посадила флайер на дорожку, вьющуюся по склону холма.

Просторное старинное здание, построенное из местного камня, почти сливалось с растительностью. Она втянула крылья, выключила двигатель и осталась сидеть, неуверенно глядя на согретый солнцем фасад.

Из-за угла неспешно вышел высокий человек в странной, коричневой с серебром, форме. Рука его привычно покоилась на кобуре. Она поняла, что Форкосиган где-то неподалеку, потому что это был сержант Ботари. Он казался совершенно здоровым, по крайней мере физически.

Она выскочила из флайера.

— Э-э... добрый день, сержант. Адмирал Форкосиган дома?

Ботари, щурясь от солнца, вгляделся в гостью, потом лицо его разгладилось, и он отдал ей честь.

— Капитан Нейсмит? Да, сударыня.

— Вы выглядите гораздо лучше, чем во время нашей последней встречи.

— Последней встречи?

— На флагманском корабле. У Эскобара.

Вид у него был неспокойный.

— Я... не помню Эскобар. Адмирал Форкосиган говорит, что я там был.

— Понятно. — «Забрали у тебя память, да? Или ты сам это сделал? Теперь не узнаешь». — Мне жаль это слышать. Вы храбро служили.

— Правда? Меня комиссовали, потом.

— А что на вас за форма?

— Родовые цвета графа Форкосигана, сударыня. Он зачислил меня в личную охрану.

— Я... уверена, что вы будете хорошо ему служить. Можно мне видеть адмирала?

— Он за домом, сударыня.

И Ботари побрел дальше, очевидно, совершая обход парка.

Корделия двинулась вокруг дома. Солнце пригревало ей спину, непривычная юбка взлетала над коленями. Она купила это платье вчера в Форбарр-Султане — отчасти ради удовольствия, отчасти потому, что ее бетанская форма со споротыми нашивками привлекала всеобщее внимание. Распустив волосы, Корделия расчесала их на пробор и закрепила двумя эмалевыми гребнями, тоже купленными накануне.

За домом начинался сад, окруженный низкой стеной из серого камня. Нет, не сад, поняла она, подойдя ближе, а кладбище. Там трудился старик в потрепанном комбинезоне, высаживая с лотка рассаду. Когда Корделия прошла в узкую калитку, старик поднял голову, и она безошибочно узнала его. Граф оказался немного выше сына, мышцы его от возраста истончились и вытянулись, но черты лица были те же.

— Генерал граф Форкосиган? — Она привычно козырнула, только потом поняв, как странно это должно выгля-

деть в ее наряде. — Я кап... я Корделия Нейсмит. Друг Эйрела. Я... не знаю, говорил ли он вам обо мне. Он здесь?

— Очень приятно, сударыня. — Старый граф встал почти по стойке «смирно» и приветствовал ее до боли знакомым коротким кивком. — Сын мне мало что сказал, и я никак не думал, что буду иметь честь встретиться с вами. — Он с трудом улыбнулся, словно отвечавшие за это движение мускулы заржавели от долгой неподвижности. — Вы даже не представляете, как я рад, что ошибся. — Он махнул через плечо, в сторону холма. — Там, на вершине, небольшая беседка с видом на озеро. Он... э-э... большую часть времени проводит там.

— Понятно. — Она увидела тропинку, вьющуюся за кладбищем. — Гм-м... Я не знаю, как лучше выразиться... Он трезв?

Граф Форкосиган взглянул на солнце и сжал морщинистые губы.

— Вероятно, в этот час — уже нет. Первое время, вернувшись домой, он пил только после обеда, но постепенно стал начинать все раньше. Очень тревожно, но я ничего не могу с этим поделать. Конечно, если у него опять начнется кишечное кровотечение... — Старик запнулся и неуверенно всмотрелся в нее. — Эйрел принял свой эскобарский провал слишком близко к сердцу... Его отставка была совершенно необязательной.

Граф явно не был посвящен в секреты императора. «Это не провал убил в нем дух, сэр, а успех», — мысленно проговорила Корделия. Вслух же она сказала:

— Я знаю, что преданность императору всегда была для него делом чести.

«Последним бастионом этой самой чести, а ваш император сравнял его с землей ради своей прихоти».

— Почему бы вам не подняться наверх, — предложил старик. — Хотя я вынужден предупредить вас: сегодня у него не очень хороший день.

— Спасибо. Я понимаю.

Корделия пошла вверх по извилистой тропе, затененной деревьями, в основном привезенными с Земли, и

какой-то незнакомой растительностью, очевидно, местной. Особенно привлекательно выглядела живая изгородь из чего-то вроде цветущих метелок (по крайней мере, она решила, что это цветы, Дюбауэр знал бы точно), похожих на розовые страусовые перья.

Беседка оказалась строением из потемневшего от непогоды дерева в неопределенно-восточном стиле. Отсюда открывался прекрасный вид на сверкающее озеро. По ажурным стенкам вились лозы — они словно прикрепляли ее к каменистой почве. Беседка была открыта со всех четырех сторон. Вся обстановка состояла из пары потрепанных шезлонгов, большого выцветшего кресла, скамеечки для ног и маленького столика. На нем стояли два графина, несколько рюмок и бутылка с каким-то молочно-белым ликером.

Форкосиган сидел, откинувшись в кресле: глаза закрыты, босые ноги на скамье, сандалии небрежно брошены сбоку. Корделия остановилась у беседки, разглядывая его с тайным удовольствием. На нем были старые форменные брюки и очень гражданская рубашка с неожиданным кричащим цветочным узором. Она разглядела, что на пальцах ног у него растут небольшие жесткие черные волоски, и решила, что его ноги ей определенно нравятся. Но в целом его вид не радовал — усталый и даже более чем усталый. Больной.

Чуть приоткрыв глаза, Форкосиган потянулся было за хрустальной рюмкой, наполненной янтарной жидкостью, но передумал и взял вместо нее белую бутылку. Рядом с ней стояла небольшая мерная стопка, но он пренебрег ею и сделал глоток белой жидкости прямо из горлышка. Издевательски ухмыльнувшись бутылке, он сменил ее на хрустальную стопку. Отхлебнул, подержал напиток во рту, наконец проглотил и еще глубже погрузился в кресло.

— Жидкий завтрак? — осведомилась Корделия. — Так же вкусно, как овсянка с заправкой из рокфора?

Глаза его широко распахнулись.

— Ты... — хрипло сказал он через секунду. — Не видение.

Он начал вставать, потом передумал и снова упал в кресло, весь одервенев от смущения.

— Я не хотел, чтобы ты увидела...

Корделия поднялась по ступеням, придвинула поближе шезлонг и уселась. «Дьявольщина, я сразу поставила беднягу в неловкое положение, застигнув в этаком виде. Как же мне его успокоить? Мне так хочется, чтобы он был спокоен — всегда...»

— Я вчера прилетела и пыталась позвонить, но никак не могла тебя застать. Раз ты ждешь видений, то, видно, питье это необыкновенное. Налей и мне тоже.

— По-моему, тебе больше понравится другое. — Форкосиган налил ей из второго графина. Вид у него был по-прежнему потрясенный. Любопытствуя, она пригубила его рюмку.

— Фу! Это не вино.

— Бренди.

— Так рано?

— Если я начинаю сразу после завтрака, — объяснил он, — то как правило к полудню уже теряю сознание.

А полдень уже близко, поняла она. Сначала его речь ввела ее в заблуждение: адмирал говорил так же внятно, как всегда, только чуть медленнее и нерешительнее обычного.

— Наверное, существует и менее ядовитая анестезия. — Золотистое вино оказалось превосходным, хотя и слишком сухим на ее вкус. — И так каждый день?

— Господи, нет! — содрогнулся он. — Самое большее — два-три раза в неделю. Один день пью, другой — болею: похмелье отвлекает не хуже выпивки. А еще выполняю разные поручения отца. В последние несколько лет он довольно заметно сдал.

Постепенно он приходил в себя, первоначальный страх показаться ей отвратительным начал отступать. Форкосиган сел, знакомым жестом потер лицо, надеясь протрезветь, и попытался завести непринужденный разговор:

— Славное платье. Гораздо лучше, чем та оранжевая штука.

— Спасибо, — она охотно ухватилась за предложенную тему. — К сожалению, не могу сказать того же про твою рубашку: это, часом, не образчик твоего вкуса?

— Нет, это подарок.

— Ах, вот как. Ты меня успокоил.

— Нечто вроде шутки. Несколько моих офицеров скинулись и купили ее мне, когда меня в первый раз произвели в адмиралы, перед Комаррой. Когда я ее надеваю, я всегда их вспоминаю.

— Очень мило. В таком случае я, наверное, смогу к ней привыкнуть.

— Трое из четырех уже погибли. Двое — на Эскобаре.

— Ясно. — Вот вам и непринужденный разговор. Она поболтала вино, оставшееся на дне рюмки. — Ты выглядишь отвратительно. Весь опухший...

— Да, я перестал тренироваться. Ботари совсем разобижен.

— Я рада, что у Ботари не было слишком больших неприятностей из-за Форратьера.

— Все висело на волоске, но мне удалось его оправдать. Помогли показания Иллиана.

— И все же его уволили.

— Почетная отставка. По медицинским показаниям.

— Это ты присоветовал отцу его нанять?

— Да. По-моему, самый разумный выход. Он никогда не будет нормальным в нашем понимании этого слова, но так, по крайней мере, у него остались форма, оружие и какие-то правила, которые надо выполнять. Это помогает ему найти равновесие. — Он медленно провел пальцем по краю стопки с бренди. — Видишь ли, он четыре года был ординарцем Форратьера. Когда его в первый раз перевели на «Генерал Форкрафт», он уже был не вполне здоров. На грани шизофрении: раздвоение памяти, голоса и все такое прочее. Довольно жутко. Похоже, единственная роль, которую он может играть в человеческом обществе, — роль солдата. Так у него есть некое самоуважение. — Он улыбнулся ей. — А ты, наоборот, выглядишь просто чудесно. Ты сможешь... э-э... погостить подольше?

На его лице читалось неуверенное желание, безмолвная страсть, спрятанная за смущением. «Мы так долго колебались, — подумала она, — что это стало привычкой». Потом до нее дошло: он боится, что она всего лишь приехала в гости. Чертовски долгий путь, чтобы просто поболтать. Ты-таки пьян, мой друг.

— Сколько захочешь. Когда я вернулась домой, то увидела, что... дом изменился. Или я изменилась. Все разладилось. Я поссорилась практически со всеми и улетела, еле опередив... э-э... немалые неприятности. Я не могу вернуться. Я подала в отставку — отправила письмо с Эскобара, и все мое имущество находится на заднем сидении флайера там, внизу.

Какое наслаждение — видеть этот восторг, вспыхнувший в его глазах! Ну, значит, все в порядке.

— Я бы встал, — проговорил он, потеснившись в кресле, — но почему-то сначала у меня отказывают ноги, а уж потом — язык. Я бы предпочел упасть к твоим ногам несколько более достойно. Я скоро приду в себя. А пока, может, ты переберешься ко мне?

— С радостью. — Она пересела. — А я тебя не раздавлю? Я все-таки не статуэтка.

— Ничуть. Ненавижу крошечных женщин. Ага, вот так лучше.

— Да. — Корделия пристроилась рядом, положив голову ему на плечо, и обвила его руками. Взятый ею в плен, Форкосиган издал какой-то непонятный звук — то ли вздох, то ли смех. А ей хотелось бы сидеть так вечно.

— Тебе придется отказаться от идеи алкогольного самоубийства.

Он наклонил голову набок.

— А я-то думал, что действую достаточно тонко.

— Не слишком.

— Ну что же, не возражаю. Это чертовски неудобный способ.

— Да, и ты напугал отца. Он так странно на меня посмотрел!

— Надеюсь, не гневно. У него есть совершенно особый, испепеляющий взгляд. Отработан за долгую жизнь.

— Ничуть. Даже наоборот. — Корделия рассмеялась и повернула голову, чтобы получше рассмотреть его лицо. Да, так-то лучше...

— Я и побреюсь, — пообещал он в порыве энтузиазма.

— Не надо так стараться из-за меня. Я ведь тоже вышла в отставку. Как говорят, сепаратный мир.

— Действительно, мир. — Он уткнулся ей в волосы, вдыхая их аромат.

Через несколько недель после свадьбы они впервые совершили совместную поездку: Корделия сопровождала Форкосигана в императорский госпиталь в Форбарр-Султане. Они ехали в лимузине старого графа. Ботари сидел за рулем, совмещая обязанности шофера и телохранителя. Корделии, которая только недавно научилась разбираться во всех оттенках его молчания, показалось, что сержант напряжен. Он неуверенно взглянул поверх ее головы, когда она уселась рядом с Форкосиганом.

— Вы сказали ей, сэр?

— Да, сказал. Все в порядке, Ботари.

Корделия ободряюще добавила:

— Я считаю, что вы поступаете правильно, сержант. Я... э-э... очень рада.

Он как будто успокоился и теперь казался почти довольным:

— Спасибо, миледи.

Она исподтишка рассматривала острый профиль Ботари и думала о тех проблемах, которые он скоро привезет к нанятой им деревенской женщине в Форкосиган-Сюрло. Найдет ли он силы с ними справиться? Она рискнула задать вопрос.

— Вы подумали, что... скажете девочке о ее матери, когда она подрастет? Она ведь наверняка захочет о ней узнать.

Сержант молча кивнул, потом ответил:

— Скажу, что она умерла. Скажу, что мы были женаты. Здесь незаконнорожденным плохо живется. — Его пальцы сжались на руле. — И она ею не будет. Никто не будет ее так называть.

— Понятно. — «Желаю удачи», — подумала она. Потом задала более легкий вопрос: — А вы уже знаете, как ее назовете?

— Элен.

— Красиво. Элен Ботари.

— Так звали ее мать.

Корделия так изумилась, что неосторожно воскликнула:

— Я думала, вы не помните Эскобар!

Спустя некоторое время он объяснил:

— Можно немного обмануть лекарства, если знать, как.

Форкосиган приподнял брови. Видно было, что он тоже удивлен.

— И как это делается, сержант? — адмирал тщательно сохранял нейтральный тон.

— Меня когда-то давно научил один знакомый... Записывайте то, что хотите помнить, и думайте об этом. Потом прячьте записку — так же, как вы, сэр, бывало прятали ваши секретные папки от Рэднова. Потом, как только возвращаетесь к себе, когда еще не перестало тошнить, достаньте и смотрите. Если сможете вспомнить хоть что-то, сможете припомнить и остальное, пока за вами снова не пришли. Потом делайте то же самое. И опять. Помогает, если у вас еще есть предмет. Вещь для памяти.

— А у вас есть... э-э... предмет? — спросил Форкосиган, явно завороженный неожиданным откровением.

— Прядь волос. — Он опять надолго замолчал, потом добавил: — У нее были длинные черные волосы. Они хорошо пахли.

Испытующе посмотрев на Ботари, адмирал отвернулся. Сейчас у него был вид человека, нашедшего ключ к трудной головоломке. Корделия тоже поспешила углубиться в созерцание мелькающих за окном пейзажей. Но она и вправду наслаждалась ясным солнечным светом, свежим воздухом, от которого не надо прятаться, зрелищем

холмов и озер. Впрочем, она увидела и кое-что еще. Форкосиган проследил за направлением ее взгляда.

— А, так ты их заметила?

— Флайер, который нас не обгоняет? — сказала Корделия. — Ты знаешь, кто это?

— Имперская служба безопасности.

— Они всегда сопровождают тебя в столицу?

— Они всегда сопровождают меня повсюду. Видно, не могут поверить, что моя отставка — это всерьез. До твоего приезда я частенько развлекался тем, что дразнил их. Выбирал лунную ночь, напивался и летел к тем каньонам на юге. Флайер у меня новый, очень скоростной. Они просто бесились, стараясь не потерять меня.

— Господи, да это же верное самоубийство. Ты правда так делал?

Он казался чуть пристыженным.

— Боюсь, что да. Я ведь не думал, что ты приедешь. Это щекотало нервы. Я так не рисковал с подросткового возраста. Хватало риска на службе.

— Удивляюсь, как ты не разбился.

— Один раз было, — признался он. — Небольшая авария. Кстати, надо узнать, как идет ремонт. Он что-то затянулся. Наверное, Бог и вправду бережет пьяниц; но, впрочем, я никогда не решался летать без ремней безопасности. Никаких дурных последствий, если не считать флайера и нервов агента Негри.

— Два раза, — неожиданно произнес Ботари. Видя их недоумение, он пояснил:

— Вы бились два раза сэр. Второго вы не запомнили. Ваш отец сказал, что это его не удивляет. Мы помогли... э-э... выпилить вас из каркаса безопасности. Вы целый день были без сознания. — Он чуть улыбнулся.

— Вы меня разыгрываете, сержант? — недоверчиво спросил Форкосиган.

— Нет, сэр. Можете съездить посмотреть на обломки флайера. Разбросало на полтора километра по ущелью Дендари.

Форкосиган откашлялся и съежился на сиденье.

— Понятно. — Помолчав, он добавил: — Как... неприятно иметь такой провал в памяти.

— Да, сэр, — невозмутимо согласился Ботари.

Корделия опять взглянула вверх, на парящий среди холмов флайер.

— Они наблюдали за нами все это время? И за мной тоже?

Форкосиган улыбнулся выражению ее лица.

— Надо полагать, с того момента, как ты вошла в зал космопорта Форбарр-Султана. После Эскобара я — политическая фигура. Пресса, которая здесь является третьей рукой Эзара Форбарры, представила меня эдаким отшельником-героем, вырвавшим победу из пасти поражения и тому подобное. В общем, невообразимая чушь. У меня от нее желудок болит даже без бренди. Зная то, что я знал, можно было действовать успешнее. А я пожертвовал слишком большим количеством крейсеров, прикрывая корабли десанта: конечно, такой ход был вынужденным, его диктовала чистая арифметика, но...

Она уже поняла, что мысли его пошли по привычному лабиринту неосуществленных возможностей. Будь проклят Эскобар, будь проклят твой император, Зерг Форбарра и Джес Форратьер, будь прокляты все обстоятельства времени и места, из-за которых мальчишеская мечта о героизме превратилась в круговорот убийств, преступлений и обмана. Ее присутствие явилось неплохим лекарством, но этого было недостаточно: в нем все еще оставалось что-то неладное, незалеченное.

По мере приближения с юга к Форбарр-Султану холмы разгладились и перешли в плодородную равнину, гораздо более населенную. Город стоял на широкой серебряной реке, и самые старинные правительственные здания, в большинстве своем — перестроенные древние крепости, гнездились на высоких уступах и командных высотах на берегу. Новые районы тянулись к северу и югу.

Между историческим центром и жилыми массивами располагался пояс правительственных учреждений. Проезжая

через него, они миновали целый квартал выгоревших зданий, вздымавших к небу свои почерневшие каркасы.

— Боже, что здесь случилось? — спросила Корделия.

Форкосиган невесело усмехнулся:

— Это было Министерством политического воспитания — до мятежей, происшедших два месяца назад.

— Я слышала об этом на Эскобаре, когда летела сюда. Но не подозревала, что они были такими бурными.

— Они были не бурными, а тщательно спланированными. Лично я считаю, что это была чертовски рискованная затея. Хотя, конечно, несомненный шаг вперед после «Вырубки Малого Совета», которую устроил Ури Форбарра. Прогресс методов налицо... Я не думал, что Эзар Форбарра сможет загнать джинна обратно в бутылку, но, похоже, у него это получилось. Как только был убит Гришнов, все вызванные им войска, которые вначале почему-то предпочли защищать резиденцию императора, — тут он хмыкнул, — перестроились в колонны и очистили улицы. Мятеж просто растаял, если не считать горстки фанатиков, потерявших близких на Эскобаре. Их мигом прихлопнули, но в новостях об этом не сообщалось.

Они переехали через реку и оказались у знаменитого госпиталя — огромного, словно город, раскинувшийся среди обнесенного стеной парка.

Мичман Куделка, облаченный в больничную пижаму, лежал на кровати и мерно помахивал рукой. Сначала Корделия приняла это за приветствие, но потом увидела, что рука движется механически и непрерывно, как маятник. Лицо молодого атлета утратило прежнее детское выражение; он казался повзрослевшим и даже постаревшим.

Все же он сел, улыбнулся своему прежнему командиру и обменялся кивками с Ботари. Когда он заметил за спиной Форкосигана Корделию, то улыбка его расплылась еще шире.

— Капитан Нейсмит, мадам! То есть я хотел сказать — леди Форкосиган! Я никак не ожидал снова вас увидеть.

— И я тоже. Рада, что ошиблась, — искренне проговорила она.

Куделка перевел взгляд на адмирала:

— Приношу вам мои поздравления, сэр. Спасибо за записку. Я немного скучал без вас последние недели, но... вижу, что у вас были более важные дела.

Благодаря улыбке его слова не казались насмешливыми.

— Спасибо, прапорщик. Э-э... что у вас с рукой?

Куделка поморщился.

— Я сегодня упал. Что-то закоротило. Через несколько минут придет доктор и все наладит. Я легко отделался.

Тут Корделия заметила, что кожа на его руках покрыта сетью тонких красных шрамов — следы имплантации искусственных нервов.

— Значит, ты ходишь. Это приятно слышать, — удовлетворенно заметил Форкосиган.

— Да, вроде как хожу. — Он повеселел. — К тому же им удалось наладить управление моим кишечником. По крайней мере, я избавился от этого чертового пакета с дерьмом!

— Вам очень больно? — робко спросила Корделия.

— Не слишком, — беззаботно ответил прапорщик, и она поняла, что это неправда. — Самое неприятное, если не считать неуклюжести и потери равновесия, — это путаница в чувствах. Ложные сигналы мозга. Когда, например, различаешь цвета левой пяткой, или ощущаешь то, чего нет, — например, будто по всему телу кто-то ползает, или не ощущаешь того, что есть на самом деле, например горячего...

Он посмотрел на забинтованную левую лодыжку.

Вошел врач, и разговор прервался. Куделка снял рубашку, доктор закрепил у него на плече индикатор импульсов и начал отлавливать замыкание, передвигая по коже специальный зонд. Куделка побледнел и уставился на свои колени. Наконец, левая рука перестала раскачиваться и безвольно упала.

— Боюсь, придется отключить ее до конца дня, — извинился врач. — Но ничего, наладим завтра, когда займемся двигательной группой правой ноги. — Собрав инструменты, он вышел из палаты.

— Я знаю, тебе кажется, что это тянется уже целую вечность, — сказал Форкосиган, глядя в усталое лицо Куделки. — Но каждый раз, как я сюда прихожу, я вижу прогресс. Ты выйдешь на собственных ногах, — уверенно заключил он.

— Да, хирург говорит, что выпихнет меня отсюда месяца через два. — Он улыбнулся. — Но врачи считают, что я больше не годен для действительной. — Улыбка погасла, и лицо его сморщилось. — Ох, сэр, они собираются меня уволить! Все это бесконечное кромсание — и впустую! — Стиснув зубы, мичман умолк.

Форкосиган тоже отвел взгляд, не навязывая ему своего сочувствия, пока Куделка снова не повернулся к ним с тщательно надетой улыбкой.

— Хотя их можно понять, — бодро заявил он, обращаясь на этот раз к молчаливому Ботари. Тот стоял у двери, не выказывая никакого желания принять участие в разговоре. — Пара хороших ударов по корпусу, вроде тех, что ты залепил мне на тренировке, и я начну биться, как рыба на крючке. Не слишком хороший пример для подчиненных. Наверное, надо будет найти... какую-нибудь административную работу. — Он посмотрел на Корделию. — А что с тем вашим мичманом, которому попали в голову?

— Последний раз я его видела после Эскобара: кажется, за два дня до отлета. У него все по-прежнему. Из больницы его выписали, мать ушла с работы и сидит дома, ухаживает за ним.

Пристыженный Куделка опустил глаза.

— А я тут ною из-за каких-то подергиваний. Извините.

У нее защемило сердце, и она покачала головой, не решаясь заговорить.

Позже, оставшись наедине с Форкосиганом, Корделия уткнулась ему в плечо. Он крепко обнял ее.

— Теперь понимаю, почему ты начал пить. Я бы и сама не отказалась сейчас от рюмки чего-нибудь крепкого.

— На следующей остановке мы поедим и выпьем по одной, — пообещал он.

* * *

Теперь они направлялись в лабораторное крыло. Дежурный военврач сердечно поздоровался с Форкосиганом и только чуть опешил, когда тот без всяких предисловий представил свою спутницу как леди Форкосиган.

— Я и не знал, что вы женаты, сэр.

— Недавно.

— Поздравляю. Я рад, что вы зашли посмотреть, пока они еще не все поспели. Это, по правде говоря, самое интересное. Не подождет ли миледи здесь, пока мы займемся нашими делами?

— Леди Форкосиган полностью в курсе.

— И кроме того, — весело добавила Корделия, — у меня к этому личный интерес.

Удивленный врач провел их в комнату мониторинга. Здесь осталось только шесть резервуаров. Дежурный техник как раз подвозил на каталке приспособления, видимо, одолженные в каком-то родильном доме.

— Доброе утро, сэр, — жизнерадостно поздоровался он. — Решили взглянуть, как будет вылупляться наш цыпленок?

— Надо бы тебе найти для этого какое-нибудь другое слово, — сказал врач.

— Да, но ведь родами это не назовешь, — резонно возразил техник. — Формально они все уже родились. Или уж потрудитесь придумать более точный термин.

— У нас это называют «откупорить бутылку», — подсказала Корделия, с интересом наблюдая за приготовлениями.

Раскладывающий измерительные устройства техник пододвинул под обогревающую лампу колыбельку и с любопытством посмотрел на Корделию.

— Вы — бетанка, да, миледи? Моя жена видела сообщение о браке адмирала в новостях, где-то среди объявлений. Я сам никогда не читаю этот раздел — очень там мелкий шрифт.

Доктор глянул на него с легким неудовольствием, потом снова углубился в свои инструкции.

Ботари лениво прислонился к стене и полузакрыл глаза, чтобы не выдать волнение.

— Раствор готов, сэр? — негромко спросил техник.

— Вот он. Введите в питающую трубку...

Смесь гормонов начала поступать в аппарат. Доктор наблюдал за показаниями датчиков на своем мониторе.

— Пятиминутная готовность! — Он повернулся к Форкосигану. — Фантастическая штуковина, сэр. Вы ничего не слышали относительно выделения средств и персонала для создания таких установок?

— Нет, — ответил Форкосиган. — Я официально выхожу из этого проекта, как только последний живой ребенок будет... выпущен, закончен, как вы там это называете. Вам придется обращаться к своему прямому начальству. Вероятно, потребуется найти этому какое-нибудь военное применение, чтобы оправдать финансирование, — или, по крайней мере, придумать что-нибудь достаточно правдоподобное.

Врач задумчиво улыбнулся.

— По-моему, это стоящее занятие. Может оказаться приятным разнообразием после разработки новых способов человекоубийства.

— Время, сэр, — сказал техник, и врач вернулся к настоящему.

— Плацента отделяется хорошо — сжимается, как положено. Знаете, чем больше я этим занимаюсь, тем сильнее восхищаюсь хирургами, которые произвели операцию над матерями. Нам надо посылать побольше студентов-медиков на другие планеты. Не повредить плаценту — это самая... Так. Вскрываем. — Он откинул герметичную крышку резервуара. — Разрезаем мембрану — и вот она. Отсос, быстро.

Корделия заметила, что Ботари затаил дыхание.

Мокрое, барахтающееся дитя сделало вдох и закашлялось от холодного воздуха. Малышка показалась Корделии довольно славной: не вымазанная кровью и совсем

не такая красная и помятая, как обычные новорожденные. Младенец заплакал — неожиданно громко. Форкосиган вздрогнул, а Корделия открыто засмеялась.

— Ах, она просто прелесть!

Корделия не отходила от двух медиков, которые делали какие-то измерения и брали анализы у крошечного, изумленного, ошарашенного и моргающего существа.

— Почему она так громко плачет? — тревожно спросил Форкосиган, который, как и Ботари, прирос к месту, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

«Знает, что родилась на Барраяре», — хотелось ответить Корделии. Вместо этого она сказала:

— Да ты бы тоже заплакал, если бы пара великанов вдруг выдернула тебя из сладкой, уютной дремоты и начала швырять, словно кулек с песком.

Техник бросил на нее обиженный взгляд, потом рассмеялся.

— Ну, ладно, миледи, — и он передал ей младенца. Врач снова хлопотал вокруг своей драгоценной машины.

— Моя золовка говорит, что их надо прижимать к себе, вот так. Не таскать на вытянутых руках. Я бы тоже орала, если бы думала, что меня держат над пропастью и вот-вот уронят. Ну вот, дитятко. Улыбнись-ка тете Корделии. Вот так, хорошо и спокойно. Интересно, ты успела запомнить сердцебиение своей мамочки? — Она стала напевать младенцу, и поплотнее завернула его в одеяльце. — Какое у тебя длинное и странное путешествие.

— Не желаете ли ознакомиться с устройством аппарата, сэр? — предложил врач. — И вы тоже, сержант? В прошлый раз вы задавали столько вопросов...

Ботари помотал головой, но Форкосиган подошел поближе выслушать технические объяснения, которые врачу явно не терпелось дать. Корделия поднесла ребенка сержанту.

— Хотите подержать?

— А можно, миледи?

— Господи, не вам просить у меня разрешения. Скорее уж наоборот.

Ботари осторожно взял девочку, и она потонула в его огромных руках.

— Вы уверены, что это моя? — с тревогой спросил он, вглядываясь в крохотное личико. — Я думал, нос у нее будет больше.

— Их проверили и перепроверили, — успокоила его Корделия. — У всех малюток маленькие носики. До восемнадцати лет вообще нельзя узнать, как будет выглядеть взрослый. Все дети, вырастая, сильно меняются.

— Может, она будет похожа на мать, — с надеждой промолвил он. Корделия энергично закивала.

Врач закончил показывать Форкосигану начинку аппарата.

— Хочешь тоже ее подержать, Эйрел? — предложила Корделия.

— Ну зачем же, — поспешно отказался он.

— Потренируйся. Может, в один прекрасный день тебе это пригодится.

— Хм-м. Мне доводилось держать красоток поувесистее.

Адмирал с явным облегчением передал малышку медикам.

— Так, посмотрим, — сказал врач, открывая журнал. — Это та, которую мы не отправляем в императорский детский дом, да? А куда нам ее отвезти после окончания контрольного периода?

— Меня попросили заняться этим лично, — без запинки ответил Форкосиган. — Чтобы не нарушить анонимности родителей. Я... Мы с леди Форкосиган отвезем ребенка ее законному опекуну.

Физиономия доктора приняла необычайно глубокомысленный вид.

— А-а. Понимаю, сэр. — Он не смотрел на Корделию. — Вы, как руководитель проекта, вправе поступать с ними по своему усмотрению. Никто не будет задавать вопросов, я... я могу вас заверить, сэр, — горячо проговорил он.

— Прекрасно, прекрасно. Сколько длится контрольный период?

— Четыре часа, сэр.

— Хорошо, мы можем пойти поесть. Корделия, сержант?

— Э-э... можно мне побыть здесь, сэр? Я не голоден.

Форкосиган улыбнулся.

— Конечно, сержант. Людям капитана Негри полезно размяться.

По пути к машине Форкосиган спросил у Корделии:

— Чему ты смеешься?

— Я не смеюсь.

— У тебя глаза смеются. Так и искрятся.

— Это из-за врача. Боюсь, мы невольно его обманули. Ты разве не уловил?

— Как видишь, нет.

— Он решил, что ребенок, которого мы сегодня распечатали, мой. Или, может, твой. Или даже наш общий. Я прямо видела, как у него в голове завертелись колесики. Он считает, что, наконец, понял, почему мы тогда не открыли все пробки.

— Боже правый!

Форкосиган остановился, собираясь идти обратно.

— Нет-нет, не вздумай, — сказала Корделия. — Если начнешь отрицать, будет только хуже. Я знаю. Меня уже и раньше обвиняли в грехах Ботари. Пускай фантазирует на просторе.

Она замолчала.

— А о чем ты теперь думаешь? Глаза у тебя потухли.

— О ее матери. Я уверена, что видела эту женщину на борту флагмана. Длинные черные волосы, зовут Элена — другой быть не могло. Поразительно хороша собой. Я понимаю, чем она привлекла Форратьера. Но слишком молода для таких ужасов...

— Женщин не следует допускать к боевым действиям, — заметил Форкосиган помрачнев.

— На мой взгляд, мужчин тоже. Почему ваши люди стерли ее воспоминания? Это ты приказал?

— Нет, это идея хирурга. Ему стало ее жаль.

Лицо адмирала напряглось, а в голосе слышалась боль.

— Это было ужасно. Я тогда этого не понимал. Сейчас, наверное, понимаю. Когда Форратьер натешился досыта — а он с ней сам себя превзошел, даже по его меркам, — она была в полной прострации. Помочь ей было уже нельзя, но именно тогда я решил его убить, если это повторится, и к черту императорский сценарий. Сначала Форратьера, потом принца, потом себя. Так Форхалас остался бы вне подозрений...

Ну вот... Ботари... выпросил у него, так сказать, ее тело. Забрал к себе в каюту. Форратьер решил, что это для того, чтобы продолжить истязания девчонки, видимо, в подражание ему. Он был польщен и не вмешивался. Ботари удалось как-то отключить следящие мониторы. Никто понятия не имел, чем он там занимается все свое свободное время. Но он пришел ко мне со списком лекарств, которые просил тайно ему достать. Обезболивающие мази, кое-какие противошоковые средства — очень продуманный список. Он умел оказывать первую помощь — результат боевого опыта. Тогда я догадался, что он ее не мучает, а просто втирает очки своему патрону. Наш Ботари безумец, а не садист и не дурак. Он как-то странно любил ее, и ему хватило смекалки скрыть это от Форратьера.

— В подобных обстоятельствах это не кажется таким уж безумным, — заметила она, вспомнив, что Форратьер планировал для Форкосигана.

— Нет, но то, как он это делал... Я пару раз кое-что видел. — Форкосиган шумно выдохнул. — Он ухаживал за ней у себя в каюте: кормил, одевал, мыл — и все время вел шепотом диалог сам с собой. Говорил за обоих. Это была призрачная реальность, в которой она полюбила его, вышла за него замуж... Нормальная жизнь счастливой семьи. Почему бы безумцу не мечтать о том, что он — в здравом уме? Наверное, она страшно пугалась, когда приходила в себя.

— Господи. Мне жаль его почти так же, как ее.

— Ну, не идеализируй. Он ведь еще и спал с ней, этот односторонний брак не ограничивался только словами. Но

мне трудно осуждать Ботари. Мог ли он при нормальных обстоятельствах хотя бы приблизиться к такой девушке?

— Мм... Вряд ли.

— Вот о чем он решил не забывать после Эскобара. На это нужна была невообразимая сила воли. Его лечили несколько месяцев.

Корделия только присвистнула, представив вереницу соответствующих картин. Она была рада, что у нее есть время, чтобы успокоиться, прежде чем снова видеть Ботари.

— Пойдем теперь и выпьем, как хотели, ладно?

ГЛАВА 15

В конце лета Форкосиган предложил поездку в Бонсанклар. В назначенное для отъезда утро они укладывали вещи, однако это радостное занятие было прервано самым неожиданным образом.

— Эйрел! — сдавленным голосом сказала Корделия, выглянув из окна их спальни. — На газоне только что приземлился флайер, и из него вышли шесть вооруженных человек. Они рассыпались по всему участку.

Моментально насторожившись, Форкосиган подошел к ней.

— Все в порядке, — облегченно вздохнул он. — Это охрана графа Фортелы. Он, наверное, приехал навестить отца. Удивляюсь, как это он сумел вырваться из столицы. Я слышал, император ему покоя не дает.

Через несколько минут приземлился второй флайер, и Корделия впервые увидела нового премьер-министра Барраяра. Принц Зерг, назвавший его «морщинистым шутом», не слишком преувеличивал: это был маленький старичок, лысый, сморщенный, но отнюдь не потерявший живости. Он держал в руке трость, которой так размахивал, что Корделия сочла ее скорее причудой, чем

необходимостью. Сопровождаемый парой адъютантов — или охранников — он прошел к парадной двери.

Когда Корделия с Форкосиганом спустились вниз, оба графа стояли в холле и разговаривали.

— А, вот и молодожены, — произнес генерал, завидя сына и невестку.

Фортела осмотрел их искрящимися проницательными глазами.

— Эйрел, мальчик мой. Рад видеть тебя в такой прекрасной форме. А это твоя бетанская принцесса амазонок? Поздравляю с великолепным призом. Миледи.

Он со старомодной галантностью склонился к ее руке.

Корделия изумленно моргнула, но все же сумела выдавить:

— Мне очень приятно, сэр.

Фортела оценивающе посмотрел ей в глаза.

— Очень рад, что вы застали нас дома, сэр, — сказал Форкосиган. — Мы с женой, — он заметно просмаковал эти слова, как глоток вина с великолепным букетом, — чуть было с вами не разминулись. Я обещал сегодня показать ей океан.

— Отличная мысль, Эйрел! Но мне придется разочаровать тебя — это не визит вежливости. Я просто посланец своего господина. И у меня, к сожалению, мало времени.

Форкосиган кивнул:

— Тогда не буду вам мешать.

— Ха. Не пытайся улизнуть, мой мальчик. Я послан к тебе.

Форкосиган посмотрел на него с подозрением.

— Нам с императором больше не о чем говорить. Мне казалось, что я это сказал ему со всей определенностью, когда подавал в отставку.

— Да, он был вполне согласен держать тебя подальше от столицы, пока шла грязная работа с Министерством политического воспитания. Но мне поручено передать тебе, — тут он чуть поклонился, — настоятельную просьбу посетить его величество. Сегодня днем. И твоей жене тоже, — добавил он, словно только что вспомнил об этом.

— А зачем? — осведомился Форкосиган. — Откровенно говоря, Эзар Форбарра не входит в мои планы — ни сегодня, ни когда-либо еще.

Премьер-министр посерьезнел:

— У него больше нет времени дожидаться, пока ты соскучишься без дела. Он умирает, Эйрел.

— Он умирает уже чуть ли не год, — грубо произнес Форкосиган. — Не может он поумирать подольше?

Фортела хохотнул.

— Пять месяцев, — рассеянно поправил он, потом оценивающе прищурился на адмирала. — Хмм... Ну, это пришлось очень кстати. За последние пять месяцев он избавился от стольких крыс, сколько не прихлопнул за все предыдущие двадцать лет. Можно проследить перетряску министерств по бюллетеням о его состоянии. Первая неделя: состояние очень тяжелое. Следующая неделя: очередной министр обвиняется в растратах или чем-нибудь еще. — Он снова посерьезнел. — Но теперь нам уже не до шуток. Ты должен быть у него сегодня. Завтра может быть поздновато. А через две недели уже точно будет слишком поздно.

Губы Форкосигана сжались.

— Зачем я ему понадобился? Он не говорил?

— Ну... Полагаю, у него для тебя есть должность в правительстве, формирующемся на период регентства. То, о чем ты не хотел слышать в прошлый раз.

Форкосиган покачал головой.

— Нет такой должности, ради которой я согласился бы снова вернуться на эту арену. Разве только... Нет. Даже не военное министерство. Это слишком опасно. У меня здесь чудесная спокойная жизнь. — Он обнял Корделию, словно защищая. — Мы собираемся обзавестись детьми. Я не хочу рисковать ими ради этой гладиаторской политики.

— Да, я так и вижу, как ты мирно доживаешь отпущенные тебе годы — это в сорок-то четыре! Ха! Собираешь виноград, плаваешь на яхте... Твой отец рассказал мне о твоей яхте. Кстати, я слышал, что деревню Форко-

сиган-Сюрло собираются переименовать... в Форкосиган-Сусло!

Форкосиган фыркнул, и они обменялись иронически-ми поклонами.

— Как бы то ни было, лучше скажи ему все сам, — заключил первый министр.

— Мне хотелось бы увидеть этого человека, — негромко произнесла Корделия. — Если это действительно последняя возможность.

Граф Фортела победно улыбнулся, поняв, что сопротивление сломлено.

Они вернулись в спальню переодеться: Корделия выбрала свое самое нарядное платье, а Форкосиган облачился в парадный зеленый мундир, который не надевал со дня их свадьбы.

— Почему ты так тревожишься? — спросила Корделия. — Может, он просто желает попрощаться с тобой.

— Не забывай: речь идет о человеке, который даже собственную смерть заставил служить целям своей политики. И если существует какой-нибудь способ управлять Барраяром с того света, то не сомневайся — императору он известен. Мне еще ни разу не удалось его переиграть.

С этим загадочным признанием он подал ей руку, и они сошли вниз, чтобы лететь в Форбарр-Султан.

Императорский дворец выглядел очень старым. «Почти музей», — подумала Корделия, взбираясь по потертым гранитным ступеням. Длинный фасад украшало множество каменных барельефов, каждый из которых был подлинным произведением искусства. Весь облик дворца являл собой полную противоположность безликим зданиям министерств, поднимавшимся километра на два восточнее.

Их провели в один из покоев, напоминающий не то больничную палату, не то витрину антикварного магазина. Высокие окна выходили в парк, раскинувшийся к северу от резиденции. Главный обитатель комнаты лежал на огромной резной кровати, унаследованной от какого-

то любившего великолепие предка. Тело его было утыкано прозрачными трубками, благодаря которым он еще существовал.

Никогда еще Корделия не видела такой мертвенной белизны. Эзар Форбарра был бледен, как простыни, бел, как его седина. Кожа ввалившихся щек была белой и морщинистой. Белые тяжелые веки прикрывали серо-зеленые глаза. Похожие глаза Корделия видела только однажды, издали, отраженные в зеркале.

Фортела и Форкосиган — и, после небольшой заминки, Корделия — опустились на одно колено у кровати. Император шевельнул пальцем, подавая знак дежурному врачу выйти. Тот поклонился и исчез. Они встали, причем Фортела — с явным трудом.

— Ну, Эйрел, — сказал император, — говори мне, как я выгляжу.

— Очень больным, государь.

Император рассмеялся и тут же закашлялся.

— Ты всегда меня развлекаешь. Первый честный отзыв за много недель. Даже Фортела не решается говорить прямо. — Голос его сорвался, и он прочистил горло. — Еще на прошлой неделе растерял последние остатки пигментов. Вышли вместе с мочой. А этот чертов врач больше не выпускает меня в сад, погреться на солнышке. — Он фыркнул, то ли выражая недовольство, то ли чтобы легче дышалось. — Так это твоя бетанка, а? Подите-ка сюда, девочка.

Корделия подошла к постели, и белый старик пристально всмотрелся в нее своими серо-зелеными глазами.

— Мне рассказывал о вас командор Иллиан. И капитан Негри тоже. Я смотрел документы астроэкспедиции. И этот удивительный полет фантазии вашего психиатра. Негри хотел даже нанять эту дамочку, только для того, чтобы она подбрасывала идеи его людям. Ну, а Форкосиган есть Форкосиган, он говорил мне гораздо меньше. — Император замолчал, словно переводя дыхание. — Скажите-ка мне правду: что вы в нем нашли — в перегоревшем... как это называется... наемном убийце?

— Похоже, Эйрел все же кое-что вам сказал, — отозвалась Корделия, с удивлением услышав из уст Эзара Форбарры собственные слова. Но вопрос требовал честного ответа, и она постаралась его дать.

— Наверное... я нашла в нем себя. Или кого-то, очень на меня похожего. Мы оба ищем одно и то же. Кажется, он называет это честью. А я скорее назвала бы это благословением Божьим. Мы оба зашли в тупик.

— Ах, да. Я вспоминаю из вашего дела, что вы верите в Бога, — сказал император. — Я-то сам — атеист. Моя религия незамысловата, но очень утешает меня в эти последние дни.

— Да, я и сама нередко чувствовала ее притягательность.

— Хмм. — Он улыбнулся. — Очень интересный ответ в свете того, что говорил о вас Форкосиган.

— А что же именно он говорил, государь? — спросила Корделия, сгорая от любопытства.

— Попросите, чтобы он вам сам сказал. Это было по секрету. И очень поэтично. Я удивился.

Он сделал ей знак отойти, словно выяснил все, что хотел, и подозвал Форкосигана. Тот стоял в довольно агрессивном варианте позы «вольно». Губы его искривила саркастическая улыбка, но по глазам Корделия поняла, что он тронут.

— Сколько лет ты служил мне, Эйрел? — спросил император.

— С момента производства — двадцать шесть. Или вы имели в виду — телом и кровью?

— Телом и кровью. Я всегда вел отсчет с того дня, как убийцы Ури Форбарры прикончили твою мать и дядю. В ту ночь твой отец и принц Ксав пришли ко мне в штаб-квартиру Зеленой армии со своим странным предложением. Первый день гражданской войны Ури Форбарры. Интересно, почему ее не назвали гражданской войной Петера Форкосигана? А, ладно. Сколько тебе было лет?

— Одиннадцать, государь.

— Одиннадцать. А мне было столько, сколько тебе сейчас. Странно. Так что телом и кровью ты служишь мне... Черт, у меня уже затронут мозг... итак...

— Тридцать три года, сэр.

— Боже! Спасибо. Осталось мало времени.

По скептическому выражению лица Форкосигана Корделия поняла, что его нисколько не убедили признания императора в старческом маразме.

Старик снова прочистил горло.

— Я всегда хотел спросить тебя, что вы со стариной Ури сказали друг другу два года спустя, в тот день, когда мы наконец зарезали его в старом замке. Меня теперь все больше занимают последние слова императоров. Граф Форхалас думал, что ты с ним играешь.

Форкосиган на секунду прикрыл глаза: то ли от боли, то ли припоминая.

— Нисколько. Мне не терпелось нанести первый удар — до тех пор, пока его не раздели и не поставили передо мной. Тогда... у меня появилось желание ударить ему в горло и покончить со всем чисто.

— То-то было бы шуму! — мечтательно заметил старик.

— Да уж. По моему лицу он понял, что я дал слабину. И издевательски ухмыльнулся. «Бей, мальчуган. Если осмелишься, пока на тебе мой мундир. Мой мундир на ребенке!» Вот и все, что он сказал. А я ответил: «Вы убили всех детей в этой комнате», — что было напыщенно, но ничего лучшего я в тот момент не мог придумать, а потом ударил его в живот. Я часто жалел, что не сказал... не сказал что-нибудь другое. Но больше всего я жалел, что у меня не хватило духу последовать моему первому побуждению.

— Тогда, на галерее, под дождем, ты был совершенно зеленый.

— Он начал кричать. И я проклинал ту минуту, когда ко мне вернулся слух.

Император вздохнул.

— Да, я помню.

— Вы все это срежиссировали.

— Кто-то должен был это сделать. — Он помолчал, отдыхая, потом добавил: — Ну, я вызвал тебя не затем,

чтобы поболтать о прошлом. Мой премьер-министр сказал тебе, чего я хочу?

— Что-то насчет должности. Я ответил, что меня это не интересует, но он отказался передавать мои слова.

Форбарра устало закрыл глаза и проговорил, обращаясь к потолку:

— Скажи мне... лорд Форкосиган... кто должен стать регентом Барраяра?

У Форкосигана был такой вид, словно он откусил что-то горькое, но вежливость не позволяет ему плюнуть.

— Фортела.

— Слишком стар. Он шестнадцать лет не протянет.

— Значит, принцесса.

— Главный штаб съест ее живьем.

— Фордариан?

Император неожиданно открыл глаза:

— Ах, Бога ради! Прочисти мозги, парень!

— У него все же есть какая-то военная подготовка.

— Мы можем подробно обсудить его качества — если врачи подарят мне еще неделю жизни. У тебя найдутся другие шуточки или можно приступить к делу?

— Квинтиллиан из Министерства внутренних дел. И это не шутка.

Император обнажил в улыбке желтые зубы.

— Значит, у тебя все же нашлось доброе слово для моих министров. Ну, тогда я могу спокойно умереть. Ничего нового мне уже не услышать.

— Графы никогда не проголосуют за того, чье имя не начинается с «Фор», — сказал Фортела. — Пусть он даже ходит по воде, аки по суху.

— Ну так сделайте его фором. Дайте ему звание, соответствующее его должности.

— Эйрел! — ужаснулся Фортела. — Он же не из воинской касты!

— И многие из наших лучших солдат — тоже. Мы форы только потому, что какой-то давно умерший император дал титул кому-то из наших предков. Почему бы снова не

возродить этот обычай и не сделать титул наградой за заслуги? Или еще лучше — объявите всех форами, и навсегда покончим с этой чепухой.

Император расхохотался, подавился и закашлялся.

— Ну, разве это не лучший способ выбить почву из-под ног нашей Лиги защиты простолюдинов! Вот достойный ответ на призывы уничтожить аристократию! По-моему, даже самый отчаянный из них не мог бы придумать ничего более радикального. Ты опасный человек, Форкосиган.

— Вы хотели узнать мое мнение.

— Да, конечно. И ты всегда его мне высказывал. Странно. — Император вздохнул. — Перестань юлить, Эйрел. От этого тебе все равно не отвертеться. Позволь мне высказать все кратко. Для регентства требуется человек безукоризненного происхождения, не старый, с хорошим военным послужным списком. Он должен пользоваться симпатией подчиненных ему офицеров и рядовых, быть хорошо известным народу, и, в довершение всего, Генеральный штаб должен его уважать. Он должен быть достаточно жестким, чтобы шестнадцать лет удерживать власть в этом сумасшедшем доме, и достаточно честным, чтобы передать ее по истечении этих шестнадцати лет мальчишке, который наверняка будет идиотом — я в его возрасте был, и, помнится, ты тоже. И еще одно условие: он должен быть счастлив в браке. Тем самым снимается соблазн стать постельным императором через принцессу. Короче, это должен быть ты.

Фортела ухмыльнулся. Форкосиган нахмурился. У Корделии оборвалось сердце.

— Нет, государь, — напряженно проговорил Форкосиган, — этого вам на меня не взвалить. Это же просто дико. Чтобы именно я заменил мальчику отца, говорил с ним по-отцовски, стал советником его матери... Это более чем дико. Это непристойно. Нет.

Фортела явно удивился его горячности.

— Некоторая скромность ради приличия — это правильно, Эйрел, но не надо перебарщивать. А если тебя

тревожит голосование, то оно уже обеспечено. Все видят, что ты — выдающаяся личность.

— Все совершенно определенно этого не видят. Фордариан мгновенно станет моим врагом, и министр Запада — тоже. А что до абсолютной власти, то вы, государь, знаете, насколько это относительное понятие. Иллюзия, основанная... одному только Богу известно, на чем именно. На магии. На ловкости рук. На вере в собственную пропаганду.

Император осторожно пожал плечами, стараясь не сбить опутывающие его трубки.

— Ну, это будет уже не моя забота. Пусть об этом думает принц Грегор и его мать. И... тот человек, которого удастся уговорить помочь им в их трудный час. Как потвоему, сколько они продержатся без помощи? Год? Два?

— Полгода, — пробормотал Фортела.

Форкосиган покачал головой.

— Перед Эскобаром вы уже пользовались этим аргументом — «если». Он и тогда был ложным, хотя я не сразу это понял. То же самое и сейчас.

— Он не был ложным, — возразил император. — Ни тогда, ни сейчас. Я обязан так думать.

Казалось, адмирал немного смягчился.

— Да, я понимаю, что обязаны. — Он всмотрелся в человека, лежащего на роскошной постели. — Почему это должен быть я? У Фортелы больший политический вес. У принцессы — больше прав. Квинтиллиан лучше знает внутренние проблемы. У вас есть и гораздо более одаренные стратеги. Форлакиан. Или Канзиан.

— Но третьего имени ты уже не назовешь, — пробормотал император.

— Ну... может, и нет. Но вы должны понять меня. Я не незаменим, хоть вы почему-то и пожелали так считать.

— Напротив. С моей точки зрения, у тебя есть два уникальных преимущества. Я помнил о них с того дня, как мы убили старого Ури. Я всегда знал, что не вечен: слишком много яду в моих хромосомах. Он скапливался во мне, пока я воевал с цетагандийцами под командованием тво-

его отца и не думал о методах очищения, поскольку не ожидал, что мне дадут состариться. — Император снова улыбнулся и перевел взгляд на Корделию. — Среди пяти человек, имеющих по крови и закону больше прав на барраярскую империю, чем я, твое имя стоит на первом месте. Ха! — добавил он. — Я был прав. Так и думал, что ты ей не говорил. Опасно, Эйрел.

Обомлевшая Корделия утратила дар речи, но адмирал лишь раздраженно покачал головой.

— Неверно. Происхождение по материнской линии.

— Этот спор мы здесь вести не будем. Как бы то ни было, любой, кто захочет свергнуть принца Грегора с помощью довода о наследственном праве, должен будет сначала или избавиться от тебя, или предложить тебе империю. Мы все знаем, как тебя трудно убить. И ты тот человек — единственный в этом списке, — о котором я точно знаю, что он не рвется к трону. Свидетельство тому — развеянный по ветру прах Ури Форбарры. Другие могут думать, что ты просто кокетничаешь. Но я знаю.

— Спасибо вам за это, государь. — Форкосиган выглядел мрачно.

— В качестве довода я могу тебе напомнить, что как регент ты лучше всего сможешь предотвратить такой поворот событий. Грегор — твой спасательный круг, мой мальчик. Грегор — это единственное, что стоит между тобой и властью. Твоя надежда на спасение.

Граф Фортела повернулся к Корделии:

— Леди Форкосиган, не присоедините ли вы к нам свой голос? Кажется, вы очень хорошо знаете Эйрела. Скажите ему, что это именно его дело.

— Когда мы направлялись сюда, — медленно начала Корделия, — с этим туманным обещанием должности, я предполагала, что мне надо будет уговаривать его согласиться. Ему необходима большая работа. Он для нее создан. Хотя, конечно, я не ожидала такого предложения. — Она уставилась на вышитое покрывало, загипнотизированная сложным узором и редкостным сочетанием красок. — Но я всегда считала, что испытания — это дар свыше. А трудные

испытания — великий дар. Не выдержать испытания — это неудача. Но отказаться от него — значит отказаться от дара. Это непоправимо, это хуже, чем несчастье. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Нет, — сказал Фортела.

— Да, — сказал Форкосиган.

— Я всегда думал, что верующие гораздо упорнее атеистов, — заметил Эзар Форбарра.

Корделия посмотрела на мужа:

— Если ты считаешь, что прав — это одно. Может, именно в этом — твое испытание. Но если дело только в страхе поражения... Из-за него ты не должен отказываться от дара.

— Это непосильный груз.

— Так иногда бывает.

Он тихо отвел ее в сторону, к высоким окнам.

— Корделия... Ты совершенно не представляешь себе, что это будет за жизнь. Ты думаешь, наши политики окружают себя охраной ради престижа? Если они имеют хоть минуту покоя, то она покупается ценой бдительности двадцати человек. Три поколения императоров пытались развязать узел насилия в нашей жизни, и этому по-прежнему не видно конца. Я не настолько самоуверен, чтобы надеяться победить там, где даже он потерпел неудачу.

Корделия покачала головой.

— Неудача не пугает меня так, как раньше. Но я напомню тебе одну цитату: «Уход, не имеющий других мотивов, кроме собственного покоя, — это окончательное поражение. В нем нет даже зерна будущей победы». По-моему, тот, кто это сказал, знал, о чем говорит.

Форкосиган перевел взгляд куда-то вдаль.

— Я думаю сейчас не о спокойной жизни. А о страхе. О самом настоящем, некрасивом ужасе. — Он горько улыбнулся. — Знаешь, когда-то я считал себя храбрецом. Потом встретил тебя и вновь открыл для себя страх. Я забыл, каково это — надеяться на будущее.

— Да, я тоже.

— Я не обязан соглашаться. Я могу отказаться.

— Ты уверен? — Их взгляды встретились.

— Такую ли жизнь ты ждала, когда покидала Колонию Бета?

— Я ехала не за какой-то жизнью. Я ехала к тебе. Ты сам этого хочешь?

Он неуверенно засмеялся.

— Боже, что за вопрос! Это же единственный в жизни шанс. Да. Я этого хочу. Но это яд, Корделия. Власть — страшный наркотик. Посмотри, что она сделала с ним. Он когда-то тоже был нормальным и счастливым человеком.

Фортела демонстративно оперся на свою палку и громко сказал:

— Решай, Эйрел. У меня уже ноги заболели. Что за неуместная щепетильность! Да за такую должность любой пойдет даже на преступление. А тебе ее предлагают без всяких оговорок.

Только Корделия и император знали, почему Форкосиган коротко засмеялся. Потом он вздохнул, посмотрел на своего господина и кивнул.

— Ну что же, старик. Я так и думал, что ты найдешь способ править из могилы.

— Да, я собираюсь постоянно тебе являться. — Наступила недолгая тишина: император привыкал к своей победе. — Ты должен немедленно начинать подбор верных людей. Капитана Негри я завещаю моему внуку и принцессе, для их службы безопасности. Но я подумал, что ты, может быть, захочешь взять себе командора Иллиана.

— Да. Полагаю, мы с ним сработаемся. — Мрачное лицо Форкосигана осветила какая-то приятная мысль. — И я знаю, кто будет моим личным секретарем. Только его надо для этого повысить — дать лейтенанта.

— Фортела все оформит. — Император устало откинулся на подушки и снова закашлялся. Губы его посерели. — Займитесь делом. Наверное, вам лучше позвать врача.

Слабым взмахом руки он отпустил их из комнаты.

Выйдя из дворца, Форкосиган с Корделией окунулись в теплый воздух летнего вечера. От реки поднимался туман.

Только что закончилось длительное совещание с Фортелой, Негри и Иллианом. У Корделии голова пошла кругом от множества подробностей, проблем и вопросов. Она с завистью заметила, что Форкосиган справляется с ними без всякого труда — более того, именно он задавал темп разговора. Его лицо как-то определилось, стало живее, — таким она его еще не видела после своего приезда на Барраяр. Он был полон энергии. «Снова ожил, — поняла она. — Эйрел смотрит на мир, а не внутрь себя, в будущее, а не в прошлое. Как при нашей первой встрече. Я рада. Это стоит любого риска».

Внезапно Форкосиган прищелкнул пальцами и произнес:

— Нашивки. Первая остановка — резиденция Форкосиганов.

Они однажды уже проезжали мимо городского дома графа, но внутри Корделия еще не бывала. Адмирал стремительно взбежал по широкой лестнице, спеша попасть к себе в комнату.

Это было обширное помещение с простой обстановкой, с окнами, выходящими в сад позади дома. В нем ощущалась та же атмосфера долгих и частых отлучек хозяина, что и в комнате Корделии в доме ее матери. Множество ящиков и шкафов являли взору археологические наслоения прошлых увлечений.

Естественно, здесь были свидетельства интереса к разным воинственным играм, а также к гражданской и военной истории. Сильнее удивила ее папка с перьевыми и карандашными рисунками, которую он вытащил, роясь в ящике, полном медалей, сувениров и всякого безымянного хлама.

— Это ты рисовал? — с любопытством спросила Корделия. — Очень неплохо.

— Увлекался, когда был подростком, — объяснил он, не переставая что-то искать. — Да и потом тоже. Бросил, когда мне было за двадцать. Не хватало времени.

Коллекция медалей и боевых нашивок тоже говорила о многом. Первые, попроще, были аккуратно разложены

и приколоты к бархатным подушечкам с соответствующими записями. Позднейшие, гораздо более почетные награды, были небрежно свалены в банку. А одна, в которой Корделия признала высшую барраярскую награду за храбрость, была заброшена в дальний угол ящика, и лента ее смялась и запуталась.

Она уселась на кровати и стала рассматривать рисунки. В основном это были архитектурные наброски, но там нашлось и несколько фигур и портретов, выполненных чуть менее уверенно. На некоторых была изображена красивая молодая женщина с короткими темными кудрями — иногда одетая, иногда обнаженная. Разобрав подписи, пораженная Корделия поняла, что это портрет первой жены Форкосигана. Было еще три наброска смеющегося молодого человека с подписью «Джес». Лицо показалось ей щемяще знакомым. Она мысленно прибавила лишние двадцать пять килограммов и двадцать лет — и голова у нее закружилась: она узнала адмирала Форратьера и тихо закрыла папку.

Наконец, Форкосиган нашел то, что искал: пару старых лейтенантских нашивок.

— Отлично. Так быстрее, чем заезжать в штаб-квартиру.

В императорском госпитале их остановил дежурный.

— Время посещений закончилось, сэр.

— Из штаб-квартиры никто не звонил? Где этот врач?

Спустя какое-то время отыскался врач Куделки, тот самый, что работал над его рукой во время первого визита Корделии.

— Адмирал Форкосиган? Ну, конечно, время посещений к нему не относится. Спасибо, сержант, вы свободны.

— На этот раз я не просто посетитель, доктор. Мой визит вполне официален. Я намерен сегодня же избавить вас от вашего пациента, если это допустимо по состоянию его здоровья. Куделка получил новое назначение.

— Новое назначение? Да он через неделю должен быть комиссован! Какое может быть назначение? Что, никто не читал моих докладов? Он же еле ходит.

— Это не так существенно. Его новая должность — административная. Надеюсь, руки вы ему наладили?

— Довольно неплохо.

— Какие-нибудь еще медицинские процедуры остались?

— Ничего важного. Несколько последних анализов. Я просто держал его до конца месяца, чтобы у него закончился четвертый год службы. Все-таки прибавка к пенсии.

Форкосиган разобрал свои бумаги и дискеты и передал нужные врачу.

— Держите. Запихните в свой компьютер и выпишите его. Пошли, Корделия, устроим ему сюрприз.

Он казался счастливее, чем в течение всего этого дня.

Куделку они застали одетым по-дневному в черную полевую форму. Он мучил свою руку упражнением на координацию и вполголоса чертыхался.

— Привет, сэр, — рассеянно поздоровался он с Форкосиганом. — Вся беда этой чертовой жестяной нервной системы в том, что ее ничему не выучишь. Тренировка помогает только живому. Право, хоть головой о стенку бейся.

Он прекратил упражнение и вздохнул.

— Не советую. Голова тебе скоро понадобится.

— Наверное. Но она никогда не была моей сильной частью. — Куделка задумчиво и расстроенно уставился в стол, потом вспомнил, что перед командиром надо держаться жизнерадостно. Поднимая глаза, он случайно взглянул на часы. — А почему вы здесь так поздно, сэр?

— По делу. Что вы запланировали на ближайшие несколько недель, мичман?

— Ну, ведь на следующей неделе меня выписывают. Я ненадолго съезжу домой. Потом, наверное, начну искать работу. Не знаю, какую именно.

— Очень жаль, — с невозмутимым видом проговорил Форкосиган. — Мне неприятно нарушать ваши планы, лейтенант Куделка, но... — И адмирал выложил на стол — по очереди, как прекрасную комбинацию в покере, — новое назначение Куделки, приказ о производстве и пару красных нашивок на воротник.

Корделия еще никогда с таким удовольствием не смотрела на выразительное лицо Куделки. На нем боролись недоумение и просыпающаяся надежда. Он осторожно взял назначение и прочитал его.

— О, сэр! Я знаю, вы не шутите, но здесь, должно быть, какая-то ошибка! Личный секретарь императорского регента... Мне ничего не известно о такой работе. Я с ней не справлюсь.

— Знаете, то же самое сказал о своей должности императорский регент, когда ему ее только предложили, — сказала Корделия. — Наверное, вам обоим придется учиться.

— А как вышло, что он выбрал меня? Это ваша рекомендация, сэр? Но если подумать... — Он снова взялся за назначение и перечитал его. — А кто вообще будет регентом? — Куделка поднял глаза на Форкосигана и наконец понял. — Бог мой, — прошептал он. Вопреки ожиданиям Корделии он не расплылся в поздравительной улыбке, а лишь посерьезнел. — Это... дьявольская работа, сэр. Но, по-моему, правительство наконец-то сделало правильный шаг. Я буду горд снова служить вам. Спасибо.

Но взяв приказ о производстве, Куделка все-таки ухмыльнулся.

— И за это тоже спасибо, сэр.

— Не спеши с благодарностями. Я из тебя за них кровавый пот выжму.

Улыбка Куделки стала еще шире.

— Дело привычное.

Он неловко возился с нашивками.

— Позвольте мне, лейтенант? — спросила Корделия. Он настороженно поднял глаза. — Мне будет приятно, — добавила она.

— Для меня это большая честь, миледи.

Корделия аккуратно закрепила нашивки у него на воротнике и отступила, чтобы полюбоваться своей работой.

— Поздравляю, лейтенант.

— Можешь завтра купить новые и блестящие, — сказал Форкосиган. — Но я решил, что на сегодня эти сгодятся. Я тебя отсюда забираю. Отныне будешь жить в

резиденции графа, моего отца, и учти, что работа начнется завтра на рассвете.

Куделка прикоснулся к красным прямоугольникам.

— Это были ваши, сэр?

— Когда-то. Надеюсь, с ними к тебе не прилипнет мое всегдашнее невезение. Носи на здоровье.

Оба они прекрасно понимали друг друга и без слов.

— Кажется, я не стану покупать новые, сэр. А то люди подумают, что я еще вчера был мичманом.

Гораздо позже, лежа в уютной темноте, в городском доме графа, Корделия вспомнила нечто, вызвавшее ее любопытство.

— А что ты говорил обо мне императору?

Форкосиган шевельнулся.

— Хм-м? А, это... — Он помедлил. — Когда мы спорили об Эскобаре, Эзар расспрашивал меня о тебе. Подразумевал, что ты поколебала мое мужество. Я тогда не знал, увижу ли тебя еще когда-нибудь. Ему хотелось понять, что я в тебе нашел. Ну вот, я сказал ему... — Он опять помолчал, потом договорил почти смущенно, — что ты одариваешь честью, как источник водой, всех, кто к тебе приближается.

— Как странно. Я совсем не чувствую себя полной чести — или чего-либо еще, не считая смятения.

— Естественно. Источник ничего не хранит в себе, — и он осторожно укрыл ее простыней.

Интерлюдия

РЕЗУЛЬТАТЫ

Расколотый корабль висел в пространстве — черная масса во тьме. Он все еще вращался — медленно, еле заметно, со скоростью часовой стрелки. Вот его край затмил и проглотил яркую точку звезды. Прожекторы команды уборки дугами высвечивали останки каркаса.

«Муравьи, растаскивающие мертвую бабочку, — подумал Феррел. — Падальщики...»

Он вздохнул и представил себе этот корабль таким, каким он был всего несколько недель тому назад. Быстрый, сверкающий, послушный человеческой воле... Его больше нет. Феррел взглянул направо и смущенно кашлянул.

— Вы готовы, техник? — спросил он у стоявшей рядом с его креслом женщины, так же безмолвно смотревшей на экран. — Вот отсюда и начнем. Наверное, можно задействовать режим поиска.

— Да, пожалуйста, офицер, — отозвалась она. Ее хрипловатый, глубокий голос соответствовал ее возрасту — по оценке Феррела, около сорока пяти. Темные, пронизанные сединой волосы были коротко подстрижены — ради удобства, а не для красоты, черты лица огрубели, а бедра раздались. На ее рукаве поблескивал ряд узких серебристых шевронов, каждый — за пять лет службы. А у Феррела не имелось ни одного, а его тело было еще мальчишески тощим.

Но она — всего-навсего техник военно-медицинской службы Эскобара. Даже не врач. А он — дипломированный пилот, и к тому же офицер. Его нейронные имплантаты и системы обратной связи полностью завершены. Как жаль, что их выпуск состоялся уже после завершения того, что сейчас называют 120-дневной войной. Хотя на самом деле она длилась всего сто восемнадцать дней, считая с того момента, как барраярская армада вторглась в пространство Эскобара, и заканчивая секундой, когда последний корабль ушел от контратаки, нырнув в ведущий к дому п-в-туннель.

— Ну что, заступите на дежурство?

Она покачала головой.

— Пока нет. Этот район за последние три недели уже неплохо почистили. Вряд ли мы найдем что-нибудь на первых четырех витках, хотя надо работать качественно. Я кое-что подготовлю на моем рабочем месте, а потом, наверное, вздремну. У нас в последние месяцы было очень много работы, — добавила она извиняющимся тоном. — Народа не хватало. Но, пожалуйста, позовите меня, если все же что-то увидите. Когда есть возможность, я предпочитаю сама работать захватом.

— Прекрасно. — Он развернул свое кресло к пульту. — На какую минимальную массу вы хотите настроиться? Скажем, примерно сорок килограммов?

Женщина покачала головой:

— Лучше один. Я предпочитаю задать одно кило.

— Один? — Он изумленно воззрился на нее. — Вы шутите?

— Шучу? — Она с недоумением посмотрела на него, потом поняла. — А-а-а... Вы думаете о целом теле... Я могу провести идентификацию по совсем небольшому кусочку. Пригодны и более мелкие частицы, но если слишком понизить порог чувствительности, то много времени тратится на ложную тревогу — микрометеоры и прочий хлам.

Феррел поморщился, представив будущий улов, но поспешно настроил детекторы на массу в один килограмм и ввел в компьютер программу поиска.

Она коротко кивнула и вышла из тесного помещения. Их устаревший курьерский корабль вытащили с орбитальной свалки и наспех отремонтировали, чтобы превратить в транспорт для средних чинов — но, как и сам Феррел, он немного опоздал с выпуском и не успел принять участия в войне. Поэтому их обоих направили на уборку — скучные обязанности, которые, в его представлении, были ничем не лучше работы сантехника.

Он последний раз взглянул в сторону корабельных останков на экране переднего обзора: несущий каркас, выпирающий подобно костям из распадающейся шкуры, — и покачал головой, жалея о такой бессмысленной гибели. Потом с тихим вздохом удовольствия навинтил шлем — так, чтобы его край соприкасался с серебристыми круж-

ками на висках и посередине лба. Теперь он может управлять своим кораблем.

Ему казалось, что со всех сторон его окружает космос, упругий, как морская вода. Он был кораблем, он был рыбой, он был человеком-амфибией: не дышащим, свободным, лишенным боли. Он включил двигатели — пламя словно исторглось из кончиков его пальцев — и начал раскручивать медленную спираль поиска.

— Техник Бони? Кажется, у меня для вас кое-что есть.

В рамке экрана было видно, как она протирает глаза.

— Уже? Сколько?.. О! Наверное, я все же больше устала, чем думала. Сейчас приду, офицер-пилот.

Феррел потянулся и, не вылезая из кресла, проделал несколько изометрических упражнений. Вахта была долгой и неинтересной. Он должен был бы проголодаться, но то, что он видел, отбило ему аппетит.

Через минуту пришла Бони и уселась рядом с ним.

— О, совершенно верно, офицер-пилот.

Она включила управление наружными силовыми полями и размяла пальцы, прежде чем прикоснуться к пульту.

— Да, тут уж не ошибешься, — заметил Феррел, откидываясь на спинку кресла и наблюдая за ее действиями. — Почему вы так осторожничаете? — с любопытством спросил он, заметив, какую малую мощность она включила.

— Ну, они ведь проморожены насквозь, знаете ли, — ответила она, не отрывая взгляда от индикаторов. — Хрупкие. Если стукнешь — разлетятся вдребезги. Сначала остановим это гадкое суетливое вращение, — сказала она почти про себя. — Когда медленно, это еще ничего. Выглядит солидно. Но бывает иногда такое непристойно-торопливое вращение — наверное, им от него очень неловко, как вам кажется?

Оторвавшись от зрелища на экране, он уставился на нее.

— Они же мертвые!

Она медленно улыбнулась. Труп, раздувшийся от декомпрессии, со скрюченными руками и ногами, тихо подплывал к грузовому отсеку.

— Ну, они ведь в этом не виноваты, правда?.. Один из наших — видите форму?

Феррела передернуло, но он попытался насмешливо улыбнуться:

— Можно подумать, что вам все это нравится.

— Нравится? Нет... Но я уже девять лет проработала в отделе поиска и опознания. Я не переживаю. И, конечно, работать в вакууме всегда приятнее, чем на планете.

— Приятнее? С этой безбожной декомпрессией?

— Да, но зато низкая температура. Никакого разложения.

Он медленно и глубоко вдохнул.

— Понятно. Наверное... через какое-то время немного... черствеешь. А правда, что вы зовете их трупледышки?

— Некоторые зовут, — призналась женщина. — Я — нет.

Она осторожно провела изуродованное тело через шлюз грузового отсека и закрыла люк.

— Теперь включаем термостат на медленное оттаивание, и через несколько часов с ним можно будет работать, — пробормотала она.

— А вы их как называете? — спросил он, когда она встала.

— Люди.

Вознаградив его недоумение легкой улыбкой, техник Бони повернулась и ушла в помещение временного морга, оборудованное рядом с грузовым отсеком.

Когда наступил перерыв, Феррел не выдержал. Влекомый любопытством, он спустился вниз и украдкой заглянул в дверь морга. Бони сидела за своим письменным столом; стол в центре комнаты еще пустовал.

— Э-э... привет.

Она подняла голову.

— Привет, офицер-пилот. Входите.

— Э-э... спасибо. Знаете, совсем необязательно держаться так официально. Зовите меня Фалько, если хотите, — сказал он, входя.

— Конечно. Меня зовут Терса.

— Правда? У меня двоюродную сестру зовут Терса.

— Это частое имя. Когда я училась в школе, в классе было всегда не меньше трех Терс. — Она встала и проверила показания индикатора у двери грузового отсека. — Он, кажется, почти готов, чтобы о нем позаботились. Так сказать, вытянули на берег.

Феррел хмыкнул и откашлялся, не зная, остаться или, извинившись, уйти.

— Довольно странная рыбалка.

«Наверное, уйду».

Она взялась за управление подвесной платформой и провела ее за собой в грузовой отсек. Раздалось какое-то громыхание — и вот платформа выплыла обратно, неся свой страшный груз. На трупе был темно-синий мундир офицера, покрытый толстым слоем изморози. Вода капала на пол, пока Терса перекладывала труп на стол. Феррел содрогнулся от отвращения.

«Лучше уйти». Но он медлил, оставаясь на безопасном расстоянии.

Женщина взяла какое-то устройство с переполненной полки над столом и подсоединила его провод к компьютеру. Датчик размером с карандаш, направленный на глаза трупа, засиял голубым светом.

— Идентификация по сетчатке, — объяснила Терса. Она вооружилась прямоугольной пластиной, подключенной таким же способом, и по очереди прижала ее к мертвым рукам. — И отпечатки пальцев. Я всегда делаю и то, и другое, чтобы не было ошибки. Ложная идентификация — мучение для родных. Хм-м. — Она глянула на экран. — Лейтенант Марко Делео. Двадцать девять лет. Ну, лейтенант, — проговорила она, — посмотрим, чем мы можем вам помочь.

Она приложила специальный разрядник к суставам, восстанавливая их подвижность, и начала раздевать труп.

— Вы часто говорите с... ними? — спросил оробевший Феррел.

— Всегда. Вежливость, знаете ли. Кое-что из того, что я с ними делаю, ужасно неуважительно, но все же можно сохранять вежливость.

Феррел помотал головой.

— А мне кажется, это непристойно.

— Непристойно?

— Вся эта возня с телами. Столько трудностей и затрат, чтобы их собрать. Зачем такая канитель? Лучше было бы оставить их в космосе.

Терса пожала плечами, не прекращая своей работы. Аккуратно сложила одежду и просмотрела содержимое карманов.

— Мне нравится осматривать карманы, — заметила она. — Вспоминаю то время, когда я была маленькой и гостила в чужих домах. Меня всегда тянуло заглянуть в другие комнаты и посмотреть, какие у них вещи, как они их содержат. Если все было прибрано и разложено по местам, я почтительно восхищалась: мне никогда не удавалось быть аккуратной. Если же там был беспорядок, то я знала, что нашла родственную душу. Вещи человека — это нечто вроде внешней оболочки его разума, как раковина улитки. Мне нравится по их карманам придумывать, что они были за люди. — Аккуратные или неряхи, очень правильные или совсем бесшабашные... Вот возьмем, например, этого лейтенанта Делео. Он наверняка был очень сознательный молодой человек. Лишь то, что предусмотрено уставом, — и только вот этот маленький видеодиск из дома. Наверное, от жены. По-моему, с ним было очень приятно иметь дело.

Она аккуратно уложила коллекцию вещей в мешочек с соответствующей биркой.

— Вы не собираетесь его просмотреть? — спросил Феррел.

— Нет, что вы! Это значило бы любопытничать.

Пилот усмехнулся.

— Я как-то не вижу особой разницы.

Терса закончила медицинский осмотр, приготовила пластиковый мешок для трупа и начала обмывание. Когда она дошла до аккуратной подчистки в области гениталий, необходимой из-за расслабления сфинктера, Феррел наконец сбежал.

Она просто чокнутая, решил он. Интересно, это причина, по которой она выбрала такую работу, или следствие сделанного выбора?

* * *

Феррелу приснилось, будто он плывет на яхте по океану и вытаскивает полные сети трупов. Потом он вываливает свой улов в трюм, и они лежат там, мокрые и переливающиеся, словно покрытые радужной чешуей. Он проснулся, обливаясь холодным потом. Было огромным облегчением вернуться в кабину пилота, вновь слиться с электронным сердцем своего корабля. Корабль — чистый, механический, бессмертный, как бог: управляя им, можно забыть, что у тебя есть сфинктер. Но прошли еще сутки, прежде чем детекторы дали новый сигнал.

— Странная траектория, — пробормотал он, когда Бони снова заняла свое место за пультом силовых полей.

— Да... А, понятно. Это барраярец. Далеко его занесло.

— Выбрасывайте этого сукиного сына обратно.

— О, нет. У нас есть идентификационные данные на всех погибших. Часть мирного договора, как и обмен пленными.

— Если вспомнить, что они сделали с нашими пленными, то, по-моему, мы им ничего не должны.

Она пожала плечами.

Барраярский офицер оказался высоким широкоплечим мужчиной, судя по нашивкам на его воротнике — командором. Терса Бони была к нему так же внимательна, как и к лейтенанту Делео: она потратила немало усилий, чтобы выпрямить тело, и долго разглаживала мертвое лицо кончиками пальцев, стараясь вернуть ему человеческое выражение.

— Жаль, что так сильно раздвинулись губы, — проговорила она. — Из-за этого у него нехарактерно раздраженный вид. По-моему, он был довольно недурен собой.

В одном из карманов обнаружился небольшой медальон, а в нем — крошечный стеклянный шарик, наполненный прозрачной жидкостью. Обратная сторона медальона была вся исчерчена причудливыми завитками барраярского алфавита.

— Что это? — с любопытством спросил Феррел.

Она вздохнула.

— Нечто вроде талисмана. Я за последние три месяца немало узнала о барраярцах. Выверните десять карманов — и в девяти из них найдете какой-нибудь амулет, талисман, медальон или еще что-нибудь. И высокие чины увлекаются этим ничуть не меньше рядовых.

— Глупое суеверие.

— Не знаю, суеверие это или традиция. Мы однажды лечили раненого пленного — он утверждал, что это просто обычай. Амулеты дарят солдатам, но на самом деле никто в них не верит. И все же он начал буйствовать, когда перед операцией его раздели и забрали среди прочего талисман. Пока не дали наркоз, его с трудом удерживали три санитара. Не совсем обычное поведение для человека, у которого оторвало ноги. Он плакал... Но, конечно, он был в шоке.

Феррел разглядывал медальон на коротенькой цепочке. Рядом с шариком был подвешен еще и локон волос в прозрачной пластмассе.

— Что-то вроде святой воды? — спросил он.

— Почти. Это называется «материнские слезы». Посмотрим, смогу ли я прочесть... Судя по надписи, он у него уже давно. Кажется, тут сказано «мичман», и дата... Видимо, он был ему подарен в день рождения.

— Но это же не слезы его матери?

— Слезы. Именно поэтому и считается, что такой талисман защищает своего владельца.

— Похоже, защита не слишком надежная.

— Да, пожалуй.

Феррел иронически хмыкнул.

— Ненавижу этих парней — но, по правде говоря, мне как-то жаль его мать.

Бони забрала у него цепочку с подвесками, поднесла локон в пластмассе к свету и прочла надпись.

— Не надо ее жалеть. Она счастливая женщина.

— Почему?

— Это ее посмертный локон. Она умерла три года назад.

— И эта штука тоже должна приносить удачу?

— Нет, необязательно. Насколько я знаю, это просто память. Очень милый обычай. А самый отвратительный талисман из всех, что я видела, представлял собой маленький кожаный мешочек. Он был полон земли и листьев, и... сначала я решила, что там скелет какого-то существа вроде лягушонка, примерно сантиметров десять длиной. Но потом присмотрелась получше и поняла, что это скелет человеческого эмбриона. Наверное, какая-то черная магия. Довольно неожиданно — обнаружить такое на офицере инженерной службы.

— Похоже, никому из них они не помогают.

Она невесело улыбнулась.

— Ну, если и есть такие, которые помогают, то я их не увижу, правда?

Терса перешла к следующему этапу обработки: вычистила обмундирование, осторожно одела труп, а потом упаковала его в мешок и вернула в холодильник.

— Барраярцы так любят все военное, — объяснила она. — Я всегда стараюсь сохранить их форму. Она столько для них значит — я уверена, что им в ней уютнее.

Феррел нахмурился.

— Я все равно считаю, что его надо было выбросить.

— О нет, — отозвалась Бони. — Подумайте, какая работа в него вложена. Девять месяцев беременности, роды, больше года пеленок — и это только начало. Десятки тысяч обедов, тысячи сказок на ночь, годы учебы в школе. Десятки учителей. А потом еще военная подготовка. Масса людей вложила в него свои труды.

Она пригладила прядку непослушных волос на голове трупа.

— Когда-то в этой голове была вселенная. Для его возраста у него большой чин, — добавила она, проверив данные компьютера. — Тридцать два. Командор Аристид Форкаллонер. Звучит приятно, самобытно. Очень барраярское имя. К тому же фор, из военной касты.

— Каста убийц-безумцев, — механически отозвался Феррел. Но его возмущение было уже не столь искренним.

Бони пожала плечами.

— Ну, теперь он вернулся в лоно Великой демократии. А карманы у него были славные.

Прошло трое суток без единой тревоги — только редкие механические осколки. Феррел уже начал надеяться, что барраярец был их последней находкой. Они приближались к концу поискового маршрута, когда Терса Бони обратилась к нему с просьбой.

— Может быть, сделаем еще несколько витков, Фалько? Конечно, если вы не против. Вы же знаете, поисковый район задается исходя из средних значений рассеивания. Кто-то мог улететь и гораздо дальше.

Феррел не испытывал особого энтузиазма, но перспектива еще одного дня пилотирования была не лишена привлекательности, и он согласился. Ее довод оказался верным: уже через несколько часов детекторы выдали сигналы.

Когда они разглядели останки, Феррел тихо ахнул. Это была женщина. Бони втянула ее в корабль с удивительной нежностью. На этот раз Феррел решил уклониться от роли зрителя.

— Я... я не хочу смотреть на изуродованную женщину, — твердо заявил он.

— М-м, — отозвалась Терса, — а разве это справедливо — отвергнуть человека только из-за того, что он мертв? Вы ничего бы не имели против ее тела, будь она жива.

— Равные права для мертвых? — съязвил пилот.

Улыбка у нее вышла кривая.

— А почему бы и нет? Некоторые из моих лучших друзей — трупы.

Он хмыкнул.

Она стала серьезнее.

— Мне... как-то не хотелось бы на этот раз быть одной.

И Феррел занял свое привычное место у двери.

Терса уложила на стол то, что когда-то было женщиной, раздела, обмыла и распрямила. Закончив, она поцеловала мертвые губы.

— О, Боже! — Его чуть не вырвало. — Вы действительно сумасшедшая! Просто... просто чертова некрофилка! И к тому же некрофилка-лесбиянка!

Он повернулся, чтобы уйти.

— Вот что вы подумали, да? — Она говорила спокойно и без обиды. Это его остановило, и он оглянулся через плечо. Бони смотрела на него так же мягко, как на свои любимые трупы. — В каком же странном мире вы живете.

Она открыла чемоданчик и достала белое платье, тонкое белье и пару белых вышитых туфелек. Свадебное платье — понял Феррел. Эта тетка — настоящая психопатка...

Терса одела труп, тщательно уложила мягкие темные волосы, потом запаковала в мешок.

— Наверное, я положу ее рядом с тем высоким барраярцем, — сказала она. — По-моему, они очень понравились бы друг другу, если бы могли встретиться в другом месте и в другое время. И потом, ведь лейтенант Делео женат.

Она закончила заполнять бирку. Потрясенный разум Феррела отметил какую-то дополнительную странность, но прошло не меньше минуты, прежде чем он осознал, в чем дело.

Она не стала проводить идентификацию!

Он сказал себе, что должен немедленно выйти за дверь. Здесь все ясно, никаких сомнений. Но вместо этого с ужасом подошел к трупу и прочитал бирку.

«Мичман Силва Бони. Двадцать лет».

Его ровесница...

Феррел задрожал. В этой комнате действительно было холодно. Терса Бони закрыла чемоданчик и повернулась к подвесной платформе.

— Дочь? — спросил он. Других слов не было.

Она кивнула.

— Какое... странное совпадение.

— Никакого совпадения. Я попросилась на этот сектор.

— А-а. — Он сглотнул, отвернулся, снова повернулся к ней, густо покраснев. — Извините, что я...

Она улыбнулась своей медленной печальной улыбкой.

— Ничего.

* * *

Они нашли еще один механический обломок и поэтому решили сделать последний виток поисковой спирали, чтобы удостовериться, что все возможные траектории остались позади. И вскоре нашли еще одного мертвеца — в кошмарном состоянии, яростно вращающегося, с вывалившимися от какого-то чудовищного удара обледенелыми внутренностями.

Служительница смерти выполнила свою грязную работу, ни разу не поморщившись. Когда дело дошло до обмывания, Феррел вдруг сказал:

— Можно, я вам помогу?

— Конечно. — И Терса немного подвинулась, освобождая ему место. — Честь не уменьшится, если ее разделить.

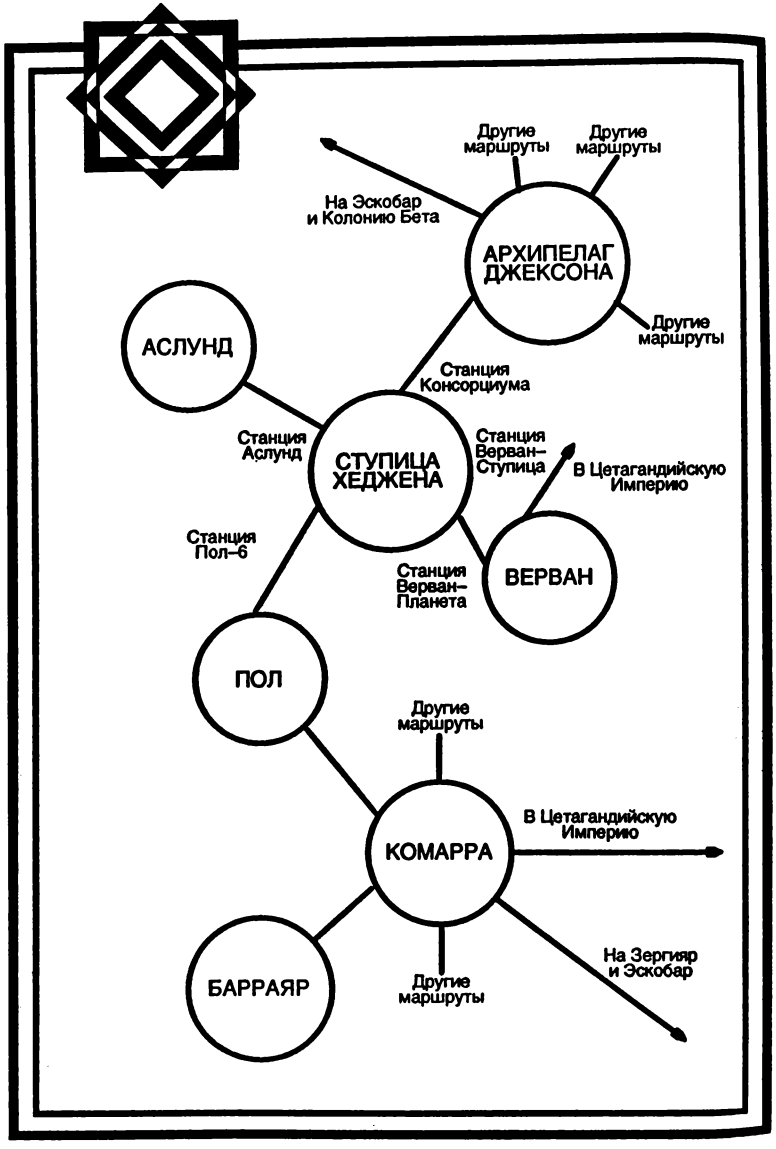
И он его вымыл, робко, как начинающий святой, омывающий своего первого прокаженного.

— Не бойтесь, — сказала она. — Мертвые не могут вас обидеть. Они не причиняют боли — если не считать того, что на их лицах вы видите собственную смерть. А с этим можно справиться.

«Да, — подумал он, — хорошие люди не отворачиваются от боли. Но великие — идут ей навстречу».

БАРРАЯР

Энн и Полу


Другие маршруты
Другие маршруты
На Эскобар и Колонию Бета
АРХИПЕЛАГ ДЖЕКСОНА
Другие маршруты
АСЛУНД
Станция Консорциума
Станция Аслунд
СТУПИЦА ХЕДЖЕНА
Станция Верван–Ступица
В Цетагандийскую Империю
Станция Пол–6
Станция Верван–Планета
ВЕРВАН
ПОЛ
Другие маршруты
В Цетагандийскую Империю
КОМАРРА
На Зергияр и Эскобар
БАРРАЯР
Другие маршруты

ГЛАВА 1

«Мне страшно». Корделия отодвинула штору и посмотрела вниз, на залитый солнцем двор городской резиденции Форкосиганов и подъездную аллею. Длинная серебристая машина промчалась под полукруглой аркой и затормозила возле чугунной ограды, обсаженной густым кустарником с Земли. Правительственная машина. Открылась задняя дверца, и из машины вышел человек в зеленом мундире. Третий этаж искажал перспективу, однако Корделия сразу узнала командора Иллиана — только он не признавал никаких головных уборов. Командора скрыл портик. «Беспокоиться стоит, когда Имперская служба безопасности пожалует к тебе среди ночи». Но где-то глубоко под сердцем затаился страх: «Зачем я прилетела сюда, на Барраяр? Что я сделала с собой, со своей жизнью?»

В коридоре послышались тяжелые шаги, и дверь гостиной отворилась. Появился сержант Ботари.

— Миледи, пора ехать.

— Спасибо, сержант.

Она опустила занавеску и осмотрела себя в зеркале над старинным камином (трудно поверить, но люди здесь до сих пор сжигают растительное сырье просто для обогрева жилищ).

Она вскинула голову над жестким кружевным воротником, одернула рукава жакета и легким движением колен слегка расправила длинную пышную юбку — такие

носят жены здешних форов. Юбка и жакет были бежевые. Этот цвет — цвет полевой формы Бетанского астроэкспедиционного корпуса — немного успокоил Корделию. Она пригладила темно-рыжие волосы, расчесанные на прямой пробор, и сколола их над висками двумя эмалевыми гребнями. Из зеркала на нее внимательно смотрела сероглазая женщина. Нос, конечно, мог быть и поменьше, подбородок тяжеловат, но в целом — смотрится неплохо. Вполне приемлемо для ее роли.

Хорошо. Если она захочет выглядеть изящной, ей достаточно встать рядом с сержантом Ботари. Корделия считала себя высокой, но едва доставала сержанту до плеча. Лицо Ботари походило на лицо химеры — плоское, уродливое, настороженное, с крючковатым носом. Короткая военная стрижка лишь подчеркивала все неровности его черепа. Даже элегантная темно-коричневая ливрея, расшитая серебряными гербами Форкосиганов, не прибавляла ему привлекательности. «Но для его роли — вполне приемлимо».

Ливрейный слуга. Вот так понятие! Чему он служит?

«Жизни, изобилию, священной чести и начинаниям нашим». Она приветливо кивнула отражению сержанта, повернулась и пошла за ним по лестницам и переходам резиденции Форкосиганов.

Надо как можно скорее научиться ориентироваться в этом лабиринте. Неловко было бы заблудиться в собственном доме и спрашивать дорогу у кого-нибудь из охранников — особенно ночью, завернувшись в полотенце после душа. «Я ведь когда-то была командиром нуль-звездолета. Правда». Уж если ей удавалось разбираться в пятимерной навигации, то с какими-то тремя измерениями просто грех не справиться.

Они вышли на площадку широкой винтовой лестницы, грациозно сбегавшей вниз, к черно-белому вестибюлю. Разлетающаяся юбка создавала ощущение полета.

У последней ступени их поджидал высокий молодой человек, опиравшийся на трость. Заслышав их шаги, он поднял голову и улыбнулся Корделии. Лицо лейте-

нанта Куделки было столь же приятным, сколь лицо Ботари — отталкивающим, и даже горькие морщинки в уголках глаз и губ не портили его. Корделия знала, что длинные рукава и воротник-стойка скрывают паутину тонких красных шрамов, покрывающих бóльшую половину его тела. Обнаженный Куделка мог бы служить наглядным пособием на лекции по изучению нервной системы: каждый шрам соответствовал погибшему нервному волокну, извлеченному и замененному искусственным — тончайшей серебряной нитью. Лейтенант Куделка еще не совсем привык к своей новой нервной системе, да и работа хирургов была явно ниже бетанских стандартов. «Скажем прямо: здешние хирурги — неуклюжие и невежественные мясники».

Корделия постаралась скрыть свои мысли.

Куделка неловко повернулся и кивнул Ботари:

— Привет, сержант. Здравствуйте, леди Форкосиган.

Это новое имя все еще звучало для нее непривычно, неестественно. Она улыбнулась в ответ:

— Доброе утро, Ку. Где Эйрел?

— В библиотеке с командором Иллианом — выбирают место для монтажа шифровального комм-пульта. Они сейчас придут. Да вот и они.

Корделия проследила за его взглядом. Под аркой появился Иллиан — худой, невзрачный и вежливый, а рядом с ним — плотный, крепко сбитый мужчина лет сорока с небольшим, выглядевший в парадном имперском мундире очень и очень величественно: лорд Эйрел Форкосиган, адмирал в отставке, ради которого она прилетела на Барраяр.

— Приветствую вас, миледи, — негромко произнес он, протягивая руку. Тон был сдержанным, но в ясных глазах Эйрела Форкосигана светилась искренняя любовь. «Похоже, в этих двух зеркалах я выгляжу невиданной красавицей — в отличие от того, что минуту назад видела наверху. Отныне я буду смотреться только в них — в глаза моего мужа».

Слова «мой муж» укоренились в сознании так же быстро, решительно и крепко, как ее рука легла в его руку. А вот новое имя — «леди Форкосиган» — по-прежнему словно отскакивало от Корделии.

Она посмотрела на Ботари, Куделку и Форкосигана, оказавшихся на какой-то момент рядом. «Трое ходячих инвалидов. И я — женщина из вспомогательных войск. У Ку изувечено тело, у Ботари — разум, у Эйрела — дух. Все они получили почти смертельные ранения на прошлой, эскобарской, войне, но жизнь все же продолжается. Шагай вперед вместе с ней или умирай. Неужели мы все наконец начинаем выздоравливать? Хотелось бы в это верить».

— Ты готова, мой дорогой капитан? — спросил Форкосиган.

— Настолько, насколько это возможно.

Командор и лейтенант направились к машине. Рядом с быстро шагавшим Иллианом нетвердая походка Куделки была особенно заметна, и Корделия сочувственно посмотрела ему вслед. Она взяла мужа под руку, и они пошли следом за ними, оставив резиденцию на попечение Ботари.

— Что намечено на ближайшие дни? — спросила Корделия.

— Ну, сначала, конечно, эта аудиенция, — ответил Форкосиган. — Потом я встречаюсь с членами совета графов. Всеми приготовлениями займется граф Фортела. Через несколько дней будет получено одобрение Объединенного совета, и затем меня приведут к присяге. У нас не было регентов уже сто двадцать лет — одному Богу известно, что за ритуал они раскопают в своих архивах.

Куделка уселся рядом с водителем, а командор Иллиан расположился в салоне напротив Корделии и Форкосигана. Увидев, какой толщины стекло разделяет кабину водителя и пассажирский салон, Корделия поняла, что машина бронирована. Иллиан дал знак шоферу, и автомобиль плавно выехал на улицу. Внутрь не проникало практически ни звука.

— Супруга лорда-регента. — Корделия попробовала эти слова на вкус. — Теперь это мой официальный титул?

— Да, миледи, — ответил Иллиан.

— С ним связаны какие-нибудь служебные или общественные обязанности?

Иллиан взглянул на Форкосигана. Тот ответил:

— Гм... И да, и нет. Тебе придется посещать всевозможные церемонии, начиная с похорон императора. Это мероприятие станет чертовски утомительным для всех — за исключением, кажется, самого Эзара, который вот-вот испустит дух. Не знаю, назначил ли он определенный день собственных похорон, но не удивлюсь, если это так. А общественные дела... ну, их будет столько, сколько ты пожелаешь. Благотворительность, важные бракосочетания, крестины и похороны, встречи депутаций из провинций — короче, связь с общественностью. То, что с таким блеском получается у вдовствующей принцессы Карин. — Заметив ужас в глазах жены, Форкосиган поспешно добавил: — Но, если захочешь, можешь вести сугубо частную жизнь. Сейчас у тебя для этого есть прекрасный предлог. — Он обнял жену и незаметно погладил ее пока еще плоский живот. — По правде говоря, я бы предпочел, чтобы ты себя не слишком утруждала. Ну а с политической точки зрения... Мне бы очень хотелось, чтобы ты стала связующим звеном между мной и вдовствующей принцессой и принцем. Подружись с ней, если сможешь, — она очень замкнутая женщина. А воспитание маленького императора — жизненно важное дело. Мы не имеем права повторить ошибку Эзара Форбарры.

— Могу попробовать, — вздохнула она. — Нелегкая эта роль — быть барраярским фором.

— Только не принуждай себя. Я совсем не хочу, чтобы ты чувствовала себя связанной. Кроме того, есть еще одно соображение.

— И почему это меня не удивляет? Но продолжай.

Он помолчал, тщательно подбирая слова.

— Когда покойный принц Зерг обозвал графа Фортелу фальшивым прогрессистом, он не так уж и оши-

бался. Сильнее всего задевают те насмешки, в которых есть доля правды. Граф пытался создать свою партию прогресса из аристократов — из тех, кто уже имеет реальную власть, как сказал бы он сам. Ты видишь изъян в его рассуждениях?

— Изъян величиною примерно с каньон Хогарта на моей родной планете? Да, вижу.

— Ты — бетанка, и к тому же знаменита на всю Галактику.

— Ну, полно.

— У нас тебя считают героиней. По-моему, ты это не совсем осознаешь. Кстати, мне это очень лестно.

— Я надеялась, что ничем не выделяюсь. Да и с чего мне быть популярной — после того, что мы сделали с вами на Эскобаре?

— Это — особенность национальной психологии. Превыше всего барраярцы ценят воинскую доблесть. А ты как бы объединяешь два враждующих лагеря: военную аристократию и прогалактический плебс. С твоей помощью я мог бы перетянуть на сторону императора весь центр Лиги защиты народа. Если, конечно, ты согласишься разыграть мои карты.

— Боже правый! И давно ты это обдумываешь?

— Саму проблему — давно. Твою роль — только с сегодняшнего дня.

— И ты видишь меня в качестве номинального вождя какой-то партии?

— Нет-нет. Мне же предстоит присягнуть, что я не допущу именно этого. Передать принцу Грегору императорский титул без реальной власти значило бы нарушить дух моей клятвы. Но я хотел бы... Я хотел бы найти способ привлечь на государственную службу лучших представителей всех классов, племен и партий. Форы — слишком малая группа, чтобы можно было черпать таланты только оттуда. Правительство должно стать похожим на армию — точнее говоря, на армию в идеале, когда способные продвигаются по службе вне зависимости от их происхождения. Император Эзар пытался сделать что-то подобное,

укрепляя министерства за счет графов, однако его затея провалилась — графы бестолковы, а чиновники продажны. Но существует же какой-то способ найти равновесие!

Корделия вздохнула:

— Полагаю, нам придется сойтись на том, что полного согласия мы не достигли. И предупреждаю — буду стараться тебя переубедить.

Иллиан поднял бровь. Корделия откинулась на спинку сиденья, с грустью наблюдая за пролетавшей мимо окна столицей Барраяра — Форбарр-Султаном. Четыре месяца назад она выходила замуж не за регента, а всего лишь за отставного офицера барраярского генштаба. Конечно, мужчины после свадьбы обычно меняются, и чаще всего к худшему — но чтобы настолько?.. И так быстро? «Я под этим не подписывалась, сэр».

— Вчера император Эзар выказал тебе необычайное доверие, назначив регентом. Не думаю, чтобы он был таким безжалостным прагматиком, каким ты его изображаешь, — заметила она.

— Да, это демонстрация доверия, но она вызвана необходимостью. Значит, ты не обратила внимания на то, что капитан Негри приписан ко двору принцессы?

— Нет. В этом есть какой-то скрытый смысл?

— О да, и вполне очевидный. Негри остается в своей прежней должности шефа Имперской службы безопасности. Конечно, с докладами он будет приходить не к четырехлетнему мальчику, а ко мне. Командор Иллиан на самом деле будет только его помощником. — Тут Форкосиган с Иллианом обменялись ироническими взглядами. — Но можешь не сомневаться, на чьей стороне окажется Негри, если я... э-э... забудусь и начну примерять императорскую корону. Он наверняка имеет тайный приказ устранить меня при первых же признаках узурпаторских намерений.

— О! Уверяю тебя, что не имею никакого желания сделаться императрицей Барраяра, — на тот случай, если ты сомневался.

— Я так и думал.

Машина затормозила перед воротами в каменной стене. Четверо охранников тщательно осмотрели прибывших, проверили пропуск Иллиана и дали разрешение ехать. Все эти охранники — и здесь, и в доме Форкосиганов — от кого они охраняют лорда-регента? Надо полагать, от каких-то людей этого странного мира, раздираемого междоусобной враждой. Корделии все время вспоминалась одна фраза старого графа, очень ее насмешившая: «Если кругом столько навоза, значит, где-то поблизости пони». Очень барраярская фраза. На Колонии Бета лошадь встретишь разве что в зоопарке. «Если кругом столько охранников... Но ведь я никому не желаю зла, откуда же у меня могут взяться враги?»

Иллиан уже несколько минут ерзал на своем месте.

— Я прошу вас, сэр, — наконец обратился он к Форкосигану, — даже умоляю: пересмотрите ваше решение и переезжайте жить сюда, во дворец. Обеспечение безопасности... все мои проблемы, — он чуть улыбнулся, и его курносая физиономия стала до неприличия мальчишеской, — решались бы гораздо легче.

— И какие помещения вы бы мне предложили? — спросил Форкосиган.

— Ну... После коронации Грегор с матерью перейдут в императорские покои. Тогда комнаты принцессы Карин освободятся.

— Вы хотите сказать, комнаты кронпринца Зерга? — Адмирал помрачнел. — Я бы предпочел, чтобы официальной резиденцией регента был дом Форкосиганов. Мой отец теперь все больше времени проводит в поместье, в Форкосиган-Сюрло. Думаю, он не будет возражать, если мы его потесним.

— Право же, сэр, я не могу одобрить эту идею. Исключительно с точки зрения безопасности. Резиденция Форкосиганов расположена в старой части города. Планировка улиц там — хуже некуда. Под этим районом проходит по крайней мере три системы канализационных туннелей, а рядом — новые кварталы с высотными зданиями, откуда ваш дом легко... э-э... просматривается. Понадобится по

крайней мере шесть постоянных постов, чтобы обеспечить самую элементарную защиту.

— У вас достаточно людей?

— Так точно.

— Значит, резиденция Форкосиганов. — Заметив огорчение Иллиана, адмирал утешил его: — Возможно, это плохо с точки зрения безопасности, зато хорошо с точки зрения пропаганды, отличное свидетельство... хм... солдатской скромности нового регента. Притом и опасений насчет дворцового переворота поубавится.

Они подъехали ко дворцу, по сравнению с которым даже трехэтажный особняк Форкосиганов казался миниатюрным. В этом колоссальном сооружении смешались стили самых разных эпох: порталы, башни, пристройки теснили друг друга, образуя то единые архитектурные ансамбли, то уютные дворики, подчас весьма гармоничные, подчас — довольно беспорядочные. Восточный фасад блистал великолепием каменной резьбы. Самым древним было западное крыло.

Машина остановилась перед парадным входом на южной — современной — стороне дворца, и Иллиан провел чету Форкосиганов мимо еще одной группы охранников наверх по широкой каменной лестнице. Они поднимались медленно, подлаживаясь под неуверенные шаги лейтенанта Куделки. «Неужели здесь нет даже лифта? — раздраженно подумала Корделия. — А в противоположном крыле этого каменного лабиринта, в комнате с окнами на северный парк, на гигантской старинной кровати ждет своего смертного часа измученный болезнью седой как лунь старик...»

Они вошли в просторный зал второго этажа, весь застеленный коврами и увешанный картинами. Повсюду виднелись столики, заставленные какими-то изящными безделушками. Корделия предположила, что все это — тоже произведения искусства: она еще не разобралась, что на этой планете искусство, а что — промышленное производство. Здесь их ждал невысокий пожилой офицер с непроницаемым лицом — капитан Негри. Он тихо бесе-

довал о чем-то со светловолосой скромно одетой девушкой. С легендарным шефом Барраярской службы безопасности Корделия познакомилась накануне — после того, как в северном крыле дворца состоялись исторические переговоры Форкосигана с императором Эзаром Форбаррой, готовящимся оставить этот мир. Сейчас великий контрразведчик, сорок лет верой и правдой служивший своему господину, почтительно склонился к руке Корделии, и его «миледи» прозвучало без всякого сарказма, обычно так свойственного ему. А его молодая спутница выдержала взгляд Корделии, ответив еще более любопытным взглядом.

Форкосиган и Негри обменялись краткими приветствиями, как люди, знающие друг друга уже столько лет, что все вежливые фразы давно спрессовались в некий символический возглас.

— Это — мисс Друшикко. — Негри не столько представил, сколько обозначил незнакомку, небрежно махнув рукой в ее сторону.

— И кто такая мисс Друшикко? — с веселым отчаянием спросила Корделия. Похоже, что здесь все, кроме нее, знают все заранее.

— Я — служащая внутренних покоев, миледи, — отозвалась девушка, сделав нечто вроде реверанса.

— А кому вы служите? Не считая покоев.

— Принцессе Карин, миледи. Это — моя официальная должность. В списках капитана Негри я числюсь телохранителем первого класса.

Трудно было сказать, какое из двух званий вызывало у нее большую гордость, но Корделии показалось, что скорее второе.

— Я уверена, капитан не ошибся в оценке вашей квалификации.

Это вызвало улыбку.

— Спасибо, миледи. Я стараюсь.

Повинуясь приглашающему жесту капитана Негри, все проследовали за ним в длинную залитую солнцем комнату, многочисленные окна которой выходили на юг. Глядя

на разностильную мебель, Корделия гадала, что это — бесценный антиквариат или потрепанное старье. На затянутом желтым шелком диванчике в дальнем конце комнаты сидела та, чью безопасность охраняла мускулистая мисс Друшикко.

Вдовствующая принцесса Карин оказалась худой женщиной с задумчивым сосредоточенным взглядом. На вид ей можно было дать лет тридцать. Скромное серое платье, никаких украшений — единственной данью моде была высокая замысловатая прическа. Темноволосый мальчик лет четырех, будущий император Барраяра, с серьезным видом втолковывал что-то игрушечному стегозавру размером с кошку, а тот отвечал ему забавной скороговоркой. Принцесса велела сыну встать, выключить игрушку и сесть рядом. Малыш беспрекословно взобрался на диван и замер, продолжая крепко сжимать усаженного на колени кибернетического зверя. Корделия с удовольствием отметила, что маленький принц одет разумно, по возрасту: в удобный комбинезончик.

Негри официально представил Корделию августейшим особам. Корделия не знала, следует ли ей поклониться, сделать реверанс или отдать честь — и в конце концов просто слегка наклонила голову. Внук Эзара Форбарры уставился на нее пугливо и настороженно, и Корделия улыбнулась, надеясь, что улыбка получится дружелюбно успокаивающей.

Форкосиган опустился на колено (только Корделии было видно, как он сглотнул) и спросил:

— Вы знаете, кто я, принц Грегор?

Мальчик немного отпрянул, прижался к матери и вопросительно посмотрел на нее. Та ободряюще кивнула. Лишь после этого прозвучал тонкий детский голосок:

— Вы — лорд Эйрел Форкосиган.

Форкосиган старался говорить как можно мягче, изо всех сил сдерживая свою бьющую через край энергию.

— Ваш дедушка попросил меня быть при вас регентом. Кто-нибудь объяснил вам, что это значит?

Грегор молча покачал головой. Приподняв бровь, Форкосиган бросил на Негри взгляд, в котором читался легкий упрек. Но на лице капитана не дрогнул ни один мускул.

— Это значит, что я буду исполнять обязанности вашего дедушки, пока вы не достигнете совершеннолетия — двадцати лет. Вместо вашего дедушки я буду заботиться о вас и вашей маме, прослежу, чтобы вы получили достойное образование и воспитание, которое даст вам возможность исполнить возложенную на вас миссию не хуже, чем это делал ваш дедушка. Чтобы вы стали хорошим правителем.

Знает ли этот мальчуган, что такое правитель? Форкосиган избегал говорить «вместо вашего отца» — он старался вообще не упоминать о кронпринце Зерге, поняла Корделия. Зерг того и гляди вообще исчезнет из истории Барраяра — исчезнет так же бесследно, как он распылился во время космического боя.

— Ну а пока, — продолжал Форкосиган, — ваша работа — хорошо учиться и слушаться вашу маму. Вы справитесь с этим, не правда ли?

Грегор заморгал.

— Я думаю, у вас прекрасно получится. — Тут Форкосиган решительно кивнул мальчику — точно так же, как он кивал своим подчиненным-офицерам, и встал.

«У тебя тоже все прекрасно получится, Эйрел», — подумала Корделия.

— Раз уж вы здесь, сэр, — заговорил Негри, выдержав паузу на случай, если регент захочет сказать что-нибудь еще, — хорошо бы вам зайти в штаб. Мне хотелось бы показать вам два-три доклада. Последнее сообщение из Даркоя свидетельствует о том, что граф Форлакайл был уже мертв, когда резиденция загорелась, а это бросает новый свет — или тень — на данное дело. И еще надо решить вопрос о реорганизации Министерства политвоспитания...

— Да нет, о его расформировании, — буркнул Форкосиган.

— Возможно. И, как всегда, саботаж на Комарре...

— Понял. Пошли. Корделия... э-э...

— Может быть, леди Форкосиган хочет задержаться и немного поговорить? — вежливо спросила принцесса Карин.

Форкосиган благодарно посмотрел на нее:

— Благодарю вас, ваше высочество.

Проводив взглядом удалившихся офицеров, Карин чуть-чуть расслабилась.

— Вот и хорошо. Мне хотелось побыть с вами вдвоем.

Грегор соскользнул с дивана и вернулся к своей игре. А мисс Друшикко пристально посмотрела на закрывшуюся за мужчинами дверь.

— Что с этим лейтенантом? — Ее голос прозвучал неожиданно резко.

— Лейтенант Куделка попал под луч нейробластера, — сдержанно ответила Корделия, предполагая, что за странным тоном девушки скрывается неодобрение. — Это произошло год назад, когда он служил с Эйрелом на «Генерале Форкрафте». Потом его лечили, но, боюсь, операция выполнена ниже уровня галактических стандартов.

Она прикусила язык — ее слова могут быть восприняты как критика в адрес хозяйки дома. Хотя, конечно, принцесса Карин не может отвечать за сомнительное качество барраярской медицины.

— Его ранили во время эскобарской кампании? — заинтересовалась Друшикко.

— В некотором роде это можно считать первым выстрелом эскобарской войны. Хотя стоит признать — стреляли в него свои.

— Леди Форкосиган... или правильнее будет сказать — «капитан Нейсмит»... присутствовала при этом, — заметила принцесса Карин. — Так что она-то знает.

Корделия не могла понять выражения ее лица. Однако теперь уже не приходилось сомневаться, что некоторые из знаменитых докладов Негри попадались на глаза ее высочеству.

— Ужасно перенести такое! А прежде он, по-видимому, был очень спортивным, — сказала девушка.

— Да. — Обрадовавшись, что ей не понадобится защищать Куделку, Корделия улыбнулась. — Я считаю, что нейробластер — мерзкое оружие.

— Садитесь, леди Форкосиган. — Принцесса Карин похлопала по диванчику рядом с собой. — Дру, вы не отведете принца Грегора на полдник?

Друшикко понимающе кивнула, словно в этой простой просьбе заключался какой-то особый тайный смысл, взяла мальчика за руку и вышла. Из-за закрывшейся двери донесся детский голосок:

— Друши, а можно мне пирожное с кремом? И еще одно — для Стегги?

Корделия почтительно села рядом с принцессой, размышляя о докладах Негри и о том, как представляли себе на Барраяре недавнюю неудачную кампанию по захвату Эскобара. Эскобар, добрый сосед и союзник Колонии Бета... Оружие, уничтожившее наследного принца Зерга и его корабль в пространстве у Эскобара, было доставлено через заслон барраярского флота неким капитаном Корделией Нейсмит из Бетанского астроэкспедиционного корпуса. Эта часть правды известна всем, и извиняться за нее не приходится. А вот закулисные события, происходившие в высшем командовании Барраяра, — вот они... чреваты. Да, это самое подходящее слово — чреваты бедой, как неумело хранимые ядовитые отходы. Но додумать эту мысль до конца Корделия не успела — к ее ужасу, принцесса стремительно подалась вперед, порывисто схватила ее правую руку, поднесла к губам и поцеловала.

— Я поклялась, — хрипло проговорила Карин, — что поцелую руку, убившую Джеса Форратьера. Спасибо вам. Спасибо. — Голос ее прерывался, лицо исказилось. Через несколько секунд она выпрямилась, снова овладев собой, и кивнула. — Спасибо. Господь да благословит вас.

— О-о!.. — Изумленная Корделия потерла место, куда пришелся поцелуй. — Э-э... Я... Эта честь принадлежит дру-

гому, миледи. Я присутствовала при том, как адмиралу Форратьеру перерезали горло, но сделала это не я.

Карин сжала руками колени, глаза ее засияли.

— Значит, все-таки лорд Форкосиган!

— Нет! — Корделия досадливо поморщилась. — Капитану Негри следовало бы показать вам правдивый доклад. Это сержант Ботари. Тогда он спас мне жизнь.

— Ботари?! — ахнула принцесса. — Чудовище Ботари? Ботари, сумасшедший ординарец Форратьера?

— Я согласилась, чтобы меня обвинили вместо него, — пояснила Корделия, — потому что в противном случае сержанта пришлось бы казнить за убийство и мятеж, а так он остался цел. Но я... но мне не следует присваивать заслуженные им похвалы. Я передам ему вашу благодарность, если желаете, но не уверена, что он помнит о происшедшем. После войны, еще до увольнения, его подвергли чудовищной психотерапии. Тому, что вы, барраярцы, называете терапией... — Корделия подозревала, что методы здешней «психотерапии» соответствуют бетанской нейрохирургии. — К тому же, насколько я понимаю, он и прежде был... э-э... не вполне нормален.

— Да, — подтвердила Карин. — Я считала, что он — раб Форратьера.

— Он смог... смог переступить через рабство. Более героического поступка я никогда не видела. — Помолчав, Корделия спросила: — Вы вините адмирала Форратьера в... э-э... совращении принца Зерга?

(Раз уж они говорят откровенно...)

— Джес Форратьер... — Карин судорожно сжала руки. — ...нашел в Зерге единомышленника. Изобретательного компаньона своих мерзких забав. Может быть, не вся вина лежит на Форратьере. Не знаю. — Помолчав, она добавила: — Эзар защищал меня от Зерга, когда я забеременела. Я не видела мужа больше года, а потом он погиб...

— Эзар был прекрасным защитником. Надеюсь, Эйрел окажется не хуже, — осмелилась сказать Корделия.

(Можно ли говорить об императоре Эзаре в прошедшем времени? Похоже, все остальные находят это вполне естественным.)

Усилием воли Карин вернулась к реальности.

— Чаю, леди Форкосиган? — улыбнулась она, возвращаясь к светскому тону. Прикоснувшись к комм-устройству, спрятанному в драгоценной броши на плече, принцесса отдала соответствующие распоряжения. Личная беседа была закончена, и теперь капитану Нейсмит требовалось быстро сообразить, как должна держаться леди Форкосиган на чаепитии у принцессы.

Грегор и телохранительница появились почти одновременно с кремовыми пирожными. Покорив пылкими просьбами сердца дам, будущий император ухитрился получить вторую порцию, но третью Карин решительно запретила. Сын принца Зерга казался самым обычным мальчиком. Корделия наблюдала за ним и Карин с глубоким интересом. Материнство. Все с этим справляются. Насколько же тяжела эта ноша?

— Как вам понравился ваш новый дом, леди Форкосиган? — любезно осведомилась принцесса. Именно таким, по барраярской традиции, должен быть разговор за чайным столом: никаких откровений. Не при детях.

Корделия задумалась над вопросом.

— Усадьба в Форкосиган-Сюрло просто великолепна. Это чудесное озеро... Оно больше любой водной поверхности на всей Колонии Бета, а Эйрел воспринимает его как нечто само собой разумеющееся.

Лишь в эту минуту Корделия осознала, что слово «дом» по-прежнему означает для нее «Колония Бета». Ну и пусть — все равно она согласна провести оставшуюся жизнь в старом замке на берегу озера, в объятиях своего любимого мужа.

— А столица... Ну, она, безусловно, занятнее всего, что есть у нас... на Колонии Бета. Хотя, — смущенно рассмеялась она, — здесь, по-моему, чересчур много солдат. В последний раз в окружении такого количества зеленых мундиров я была в лагере военнопленных.

— Мы все еще кажемся вам врагами? — с любопытством спросила принцесса.

— О... Вы перестали казаться мне врагами задолго до окончания войны. Просто жертвы, жертвы собственной слепоты.

— У вас зоркие глаза, леди Форкосиган. — Принцесса сделала небольшой глоток, улыбаясь в чашку.

Корделия изумленно моргнула.

— Резиденция Форкосиганов действительно становится похожа на казармы, когда туда приезжает граф Петер, — заметила Корделия. — Все эти ливрейные слуги... горничные сразу прячутся по углам. Кажется, издали я видела двоих, но пока ни одной не поймала. Конечно, я имею в виду барраярские казармы. Наша бетанская армия совсем другая.

— У вас там могут служить все — и мужчины, и женщины? — спросила Друшикко. Уж не зависть ли горит в ее взгляде?

— Конечно, все обязанности в нашей армии распределяются с учетом способностей и возможностей каждого, — пояснила Корделия, — и работа, требующая физической силы, достается мужчинам. Но это никак не связано со служебной иерархией.

— Представляю, как уважают таких женщин, — вздохнула Друшикко.

— Ну, если люди рискуют своей жизнью ради общества, то вполне естественно, что они пользуются уважением, — спокойно отозвалась Корделия. — Честно говоря, мне здорово не хватает моих подруг-офицеров. Умных женщин, техников, с какими я дружила дома. — Вот оно опять, это двусмысленное слово «дом». — Здесь ведь тоже должны быть умные женщины, раз так много умных мужчин. Интересно, где же они прячутся?

Тут Корделия прикусила язык, она вдруг подумала, что Карин может истолковать эту фразу как оскорбительный выпад. Добавлять «не считая присутствующих» значило бы только усугубить неловкость.

Впрочем, если принцесса и отметила бестактность последнего замечания своей гостьи, то не подала вида, а от

дальнейших промахов Корделию спасло возвращение мужа. Почтительно распрощавшись и поблагодарив за прием, супруги покинули дворец.

В тот же вечер командор Иллиан опять приехал в резиденцию Форкосиганов — на этот раз в сопровождении Друшикко, которая несла в руке большой чемодан и с любопытством осматривалась по сторонам.

— Капитан Негри откомандировал мисс Друшикко для личной охраны супруги регента, — коротко объявил Иллиан.

Эйрел одобрительно кивнул.

Оставшись наедине с Корделией, Друшикко вручила ей большой запечатанный конверт без адреса. Корделия удивленно вскинула брови. Внутри оказался лист плотной бумаги кремового цвета, а на нем — всего две строки. Почерк был мелкий и аккуратный, подпись — четкая, без завитушек. «С наилучшими пожеланиями, — гласило письмо. — Она вам подойдет. Карин».

ГЛАВА 2

Проснувшись на следующее утро, Корделия обнаружила, что Форкосиган уже ушел. Она решила посвятить день покупке, которую задумала накануне, глядя, как Куделка с трудом взбирается по лестнице. А Друшикко исполнит роль проводника в задуманной экспедиции.

Корделия оделась и отправилась разыскивать свою телохранительницу. Найти ее оказалось нетрудно: она сидела в коридоре у самой двери спальни, а при появлении Корделии встала по стойке «смирно». Право же, этой девушке просто необходима военная форма, решила Корделия, платье делает ее высокую мускулистую фигуру слишком массивной. Корделия не знала, может ли она в

качестве супруги регента учредить собственную ливрею, и в течение всего завтрака развлекалась тем, что пыталась придумать такое одеяние, которое подошло бы этой красотке с внешностью валькирии.

— А знаете, ведь вы — первая женщина-охранник, которую я встретила на Барраяре, — сказала Корделия, расправляясь с кашей, яичницей и кофе, которые, видимо, представляли собой традиционный барраярский завтрак. — Почему вы выбрали эту работу?

— Ну, я же не настоящий охранник, как ливрейные слуги... — «Ага, опять магия мундира». — ...но мой отец и трое братьев состоят на имперской службе. А охрана — самое близкое к тому, чтобы стать военной вроде вас, миледи. — «Помешана на армии, как и все барраярцы».

— Да?

— В юности я занималась спортивным дзюдо. Но я слишком крупная, чтобы спарринговать с другими девушками. Никто не мог работать со мной в паре, а без конца отрабатывать прием без партнера — очень уж скучно! Но братья, бывало, тайком брали меня на свои тренировки, и вот там все получалось прекрасно. Еще в школе я стала чемпионкой Барраяра среди женщин. А потом, три года назад, к моему отцу пришел человек капитана Негри и предложил для меня работу. Тогда-то меня обучили обращению с оружием. Оказалось, принцесса Карин уже много лет просила подобрать ей телохранительницу, но найти подходящую, такую, чтобы выдержала все испытания, никак не удавалось. Хотя, — добавила она с деланной улыбкой, — женщине, которая в одиночку справилась с адмиралом Форратьером, вряд ли потребуются мои услуги.

Корделия поперхнулась.

— О! Мне просто повезло. Кроме того, сейчас я предпочла бы не вступать в рукопашный бой. Я ведь, знаете ли, беременна.

— Да, миледи. Это было в одном из...

— ...докладов капитана Негри, — договорила Корделия. — Не сомневаюсь. Он наверняка узнал об этом раньше, чем я.

— Да, миледи.

— Когда вы были ребенком, ваши склонности поощряли?

— Нет... нисколько. Меня считали странной.

Друшикко нахмурилась, и Корделия поняла, что вызвала неприятные воспоминания. Она внимательно посмотрела на девушку:

— Старшие братья?

Голубые глаза изумленно распахнулись.

— Да.

— Ну конечно. — «А я-то боялась Барраяра из-за того, что он делает со своими сыновьями. Немудрено, что им было трудно найти женщину, которая прошла бы все испытания». — Итак, вы обучены обращению с оружием. Превосходно. Вы можете сегодня повести меня за покупками?

Телохранительница потупилась.

— Да, миледи. Какие именно наряды вам угодно посмотреть? — вежливо спросила она, с трудом скрывая, насколько разочарована тряпичными интересами своей «настоящей военной» патронессы.

— Где в городе можно приобрести действительно хорошую трость-шпагу?

Глаза девушки снова вспыхнули.

— О, я знаю такое место! Там покупают оружие все лорды и графы — и для себя, и для своих слуг. То есть... внутрь я, конечно, никогда не заходила. Моя семья — не форы, нам не разрешается иметь личное оружие. Только служебное. Но этот магазин считается лучшим.

За руль сел один из ливрейных охранников старого графа Форкосигана. Корделия откинулась на спинку сиденья, наслаждаясь видами города. Друшикко весьма ревностно относилась к своим служебным обязанностям; она не переставала настороженно вглядываться в людские толпы, окружавшие машину. Время от времени ее рука тянулась проверить парализатор, спрятанный под вышитым болеро.

Они свернули в чистую узкую улочку. С обеих сторон возвышались фасады домов, построенных из тесаного камня. На вывеске оружейного магазина была указана лишь фамилия владельца «Синглинг» — небольшие золотые буквы. Очевидно, предполагалось, что если вы не знаете, куда попали, то и делать вам тут нечего. Охранник остался ждать на улице, а Корделия с Друшикко вошли в помещение, устланное коврами и отделанное полированным деревом. В воздухе витал едва различимый запах стали и ружейного масла, и Корделии вдруг вспомнился ее корабль. Ароматы дома в чужом краю! Разглядывая краем глаза деревянные панели, она мысленно прикинула их стоимость в бетанских долларах. Получилось нечто невообразимое. Но здесь, на Барраяре, дерево почти так же распространено, как пластик — и почти так же мало ценится. Вдоль стен тянулись искусно оформленные витрины со всевозможными типами и моделями личного оружия, разрешенного для ношения аристократам. Кроме парализаторов и охотничьих ружей, здесь имелась внушительная коллекция шпаг и кинжалов: видимо, суровые эдикты императора, запрещавшие дуэли, касались лишь их использования.

Узколицый пожилой приказчик приблизился к посетительницам неслышными шагами.

— Чем могу служить вам, леди?

Он был любезен и предупредителен, и Корделия решила, что сюда, наверное, нередко захаживают барраярские аристократки, желающие купить подарки своим родственникам-мужчинам. Но за любезным тоном чувствовалось презрительное высокомерие знатока перед профанами. Ну что ж, пусть поважничает...

— Мне нужна шпага-трость для мужчины выше среднего роста. Она должна быть... да, примерно вот такая. — Корделия, прикинув рост Куделки, поставила ладонь на уровень своего бедра. — Ножны лучше бы пружинные.

— Да, мадам.

Приказчик исчез и вскоре вернулся с деревянной тростью, покрытой причудливой резьбой.

— Пожалуй, слегка вычурная, — заметила Корделия. — Как она работает?

Раздался щелчок, и деревянные ножны соскочили, обнажив длинный тонкий клинок. Корделия протянула руку, и приказчик неохотно вручил ей шпагу для осмотра. Повертев ее так и эдак, Корделия передала опасную игрушку своей телохранительнице.

— Что скажете?

Друшикко было улыбнулась, потом с сомнением нахмурилась.

— Не очень хорошо сбалансирована. — Она неуверенно взглянула на приказчика.

— Не забывайте — вы служите мне, а не ему, — сказала Корделия, поняв, что причина колебаний — классовая солидарность девушки с простолюдином-продавцом.

— По-моему, это не лучший клинок.

— Это прекрасная даркойская работа, сударыня, — холодно возразил приказчик.

Корделия с улыбкой взяла шпагу.

— Проверим ваше утверждение.

Она вскинула шпагу вверх в традиционном приветствии и резким выпадом вонзила ее в стену, а затем налегла на эфес. Клинок сломался. Она невозмутимо вернула обломки приказчику.

— Не боитесь разориться, если клиент будет убит, так и не успев сделать новую покупку? Надо полагать, «Синглинг» приобрел свою репутацию не продажей таких вот подделок. Принесите мне оружие для воина, а не сутенерское украшение.

— Сударыня, — чопорно произнес приказчик, — я вынужден настаивать, чтобы вы заплатили за испорченный товар.

Придя в крайнее раздражение, Корделия ответила:

— Прекрасно. Пришлите счет моему мужу — адмиралу Эйрелу Форкосигану, в резиденцию Форкосиганов. И не забудьте приложить объяснение, почему вы пытались сплавить эту пакость его жене.

Приказчик согнулся в поклоне.

— Примите мои глубочайшие извинения, миледи. Кажется, у меня есть нечто более подходящее — если сударыни согласятся немного подождать.

Он снова исчез. Корделия вздохнула.

— Насколько проще покупать у автоматов! Но по крайней мере ссылка на высокое родство здесь работает не хуже, чем на моей родине.

Следующий образец выглядел гораздо скромнее — никакой резьбы, лишь гладкое темное, тщательно отполированное дерево. С легким поклоном приказчик подал трость, не открывая.

— Нажмите ручку вот здесь, миледи.

Трость оказалась намного тяжелее предыдущей. Ножны отскочили стремительно, ударившись с грохотом о дальнюю стенку, — сами по себе почти оружие. Корделия снова посмотрела вдоль лезвия и залюбовалась переливами на солнце чуть заметного волнистого узора на стальной поверхности. Она поймала взгляд приказчика.

— С вас вычитают их стоимость?

— Действуйте, миледи! — В его глазах блеснул огонек. — Этот вам не сломать.

Корделия проверила этот клинок так же, как и предыдущий. Острие вошло в древесину гораздо глубже, но даже налегая на шпагу изо всей силы, она почти не согнула ее. У клинка явно оставался еще значительный запас прочности: чувствовалось, до предела еще очень далеко. Она передала оружие Друшикко, и та любовно его осмотрела.

— Вот этот прекрасный, миледи. Этот — достойный.

— Я уверена, что использовать его будут в основном как трость, а не как шпагу. Тем не менее... он действительно должен быть достойным. Мы его возьмем.

Пока приказчик заворачивал покупку, Корделия задержалась у витрины с украшенными эмалью парализаторами.

— Думаете купить себе такой, миледи? — спросила Друшикко.

— Да нет, вряд ли. На Барраяре достаточно своих солдат, чтобы импортировать их с Колонии Бета. Зачем бы я

сюда ни приехала, одно уж точно — не воевать. А вы себе тут что-нибудь присмотрели?

Друшикко покачала головой, и рука ее коснулась скрытой под плащом кобуры.

— Оружие из арсеналов капитана Негри — самое лучшее. Даже у «Синглинга» не найти более качественного — разве что отделка у него понаряднее.

За стол сели уже поздно вечером. Обедали втроем — Форкосиган, Корделия и лейтенант Куделка. Новый личный секретарь лорда-регента выглядел усталым.

— Чем вы занимались весь день? — спросила Корделия.

— Изображал овчарку и сгонял людей в стадо, — ответил Форкосиган. — Некоторые члены Совета еще не совсем определились, и мы с премьер-министром Фортелой уламывали их в индивидуальном порядке. То, что ты увидишь завтра в зале заседаний, — это не барраярская политика, а ее результаты. А как прошел день у тебя?

— Отлично. Ездила за покупками. Вот посмотри. — Она вытащила трость-шпагу и содрала с нее обертку. — Чтобы ты не загнал вконец бедного Ку.

Лейтенант принял подарок со всеми подобающими изъявлениями благодарности, за которыми, однако, угадывалась затаенная обида. Но выражение его лица мгновенно изменилось, когда он ощутил тяжесть трости, чуть не выронив ее из рук.

— Да это же...

— Надо нажать вот здесь. Не направляйте ее... О-о... — Бах! — ...на окно.

Ножны ударились в переплет, срикошетили и со стуком упали на пол. Оба офицера подскочили от неожиданности.

При виде клинка глаза лейтенанта восторженно вспыхнули. Выскользнув из-за стола, Корделия подобрала деревянный футляр.

— Ох, миледи! — начал Куделка, но уже в следующую секунду его радость погасла. Он осторожно вложил клинок в ножны и печально вернул ей трость. — Наверняка вы не знали. Я не фор. У меня нет права на личную шпагу.

— О-о! — расстроилась Корделия.

Форкосиган поднял бровь.

— Можно мне посмотреть? — Он взял трость-шпагу и снова освободил клинок — но более осторожно. — Гм. Я правильно понял: за нее заплатила ты?

— Ну, наверное, заплатишь ты, когда придет счет. И еще одну я сломала, но думаю, что за нее мы платить не обязаны. А эту в крайнем случае можно вернуть обратно в магазин.

— Ясно. — Адмирал чуть заметно улыбнулся. — Лейтенант Куделка, как ваш командир и вассал императора Эзара Форбарры, я официально вручаю вам это мое оружие, чтобы вы носили его на службе императору, да правит он во веки веков.

Он с досадой поджал губы, осознав, что сейчас традиционная формула звучит как злая насмешка над умирающим, но тут же стряхнул с себя мрачное настроение и вручил трость Куделке, который снова расцвел.

— Спасибо вам, сэр!

Корделия только покачала головой.

— Наверное, я никогда не пойму эту планету.

— Пускай Ку подберет для тебя несколько официальных хроник. Но только не сегодня — у нас едва хватит времени, чтобы привести в порядок сегодняшние записи до того, как сюда явится Фортела с парой заблудших душ. Ты можешь устроиться в библиотеке, Ку. Мы встретимся там.

Обед закончился. Куделка ушел работать, а Форкосиган и Корделия отправилась в расположенную рядом с библиотекой гостиную. Адмирал захватил дискеты с докладами и теперь быстро просматривал их на портативном считывателе. Корделия с помощью барраярско-бетанского разговорника занялась увесистым руководством по уходу за новорожденными. Тишину нарушало лишь бормотание Форкосигана:

— Ага! Так вот что он планировал на самом деле, ублюдок. — Или: — Черт, цифры какие-то странные. Надо проверить...

Иногда говорила Корделия:

— О Боже, неужели такое вытворяют все младенцы?

А из библиотеки то и дело доносился громкий стук, заставлявший супругов обмениваться улыбками.

— Надеюсь, — сказала Корделия после третьего или четвертого раза, — что я не слишком отвлекла Куделку от его обязанностей.

— Он справится, когда немного попривыкнет. Над ним взял шефство личный секретарь его величества — обучает, как организовать работу, и тому подобное. После того как Ку пройдет с ним церемонию похорон, он будет способен на что угодно. Между прочим, эта трость — просто гениальная идея. Спасибо тебе.

— Да, я заметила, что он угнетен своим увечьем. И решила, что это его немного успокоит.

— Дело в наших обычаях. Они... очень суровы к тому, кто не может шагать в ногу со всеми.

— Странно... Кстати, я только сейчас сообразила, что не помню, чтобы мне попадались на улицах люди с какими-нибудь дефектами. Ни инвалидных колясок, ни недоразвитых детей.

— Такого у нас не увидишь, — угрюмо пояснил Форкосиган. — Все отклонения, которые можно обнаружить, устраняются еще до рождения.

— Ну, мы это тоже делаем. Хотя чаще до зачатия.

— А также во время рождения. А в захолустье — после.

— О!

— А что до искалеченных взрослых...

— Боже правый, уж не практикуете ли вы тут эвтаназию?

— Твой прапорщик Дюбауэр не остался бы здесь в живых.

(Дюбауэр получил разряд нейробластера в голову и остался жив — если можно назвать жизнью растительное существование.)

— А что до калек вроде Куделки... Неприязнь к этим несчастным очень заметна. Понаблюдай за ним как-ни-

будь в большой группе людей, а не только среди друзей. Не случайно на Барраяре так высок уровень самоубийств среди комиссованных солдат.

— Какой кошмар!

— Когда-то я принимал это как должное. Сейчас... уже нет. Но многие по-прежнему относятся к этому именно так.

— А что бывает с такими, как Ботари?

— По-разному. Его-то можно отнести к тем, чье безумие полезно. А для бесполезных...

Он замолчал, уставившись в пол.

Корделия похолодела.

— Только мне начинает казаться, что я привыкаю к этой планете, как заворачиваю за угол и натыкаюсь на очередной кошмар.

— Прошло всего восемьдесят лет с тех пор, как Барраяр снова наладил контакт с галактической цивилизацией. В Период Изоляции мы потеряли не только технологию. Ее-то мы быстро наверстали, натянули, как чужое пальто. Но под ним мы еще местами чертовски голые. Прожив на свете сорок четыре года, я лишь теперь начинаю понимать, насколько голые.

Вскоре приехал граф Фортела со своими «заблудшими душами», и Форкосиган скрылся в библиотеке. А уже ближе к ночи прибыл из своего поместья старый граф Петер Форкосиган, чтобы присутствовать на завтрашнем заседании Совета.

— Ну, теперь Эйрелу обеспечен по крайней мере один голос, — пошутила Корделия, помогая свекру снять куртку.

— Ха! Пусть радуется, что я за него голосую. За последние несколько лет он нахватался каких-то странных радикальных взглядов. Не будь Эйрел моим сыном, черта с два я бы его поддержал, — проворчал граф, но его изборожденное морщинами лицо сияло гордостью.

Корделия изумленно моргнула, услыхав такую характеристику политических взглядов Эйрела Форкосигана.

— Должна признаться, что мне он никогда не казался революционером.

— О, да он и сам этого не видит. Надеется, что всегда сумеет вовремя остановиться. А пройдет несколько лет, и он обнаружит, что оседлал тигра. — Граф мрачно покачал головой. — Ну ладно, девочка моя, сядем. И расскажи мне, как ты себя чувствуешь. Выглядишь ты хорошо. У тебя все в порядке?

Старый граф страстно интересовался развитием своего будущего внука, и Корделия чувствовала, что беременность повысила ее статус от терпимой причуды Эйрела до средоточия всех надежд и мечтаний старика. Устоять перед этим простодушным преклонением было невозможно. Она никогда не смеялась над свекром, но никаких иллюзий не питала.

В том, что Эйрел способен совершенно точно предсказать отцовскую реакцию, Корделия убедилась в первый же месяц их брака. В тот летний день она нашла мужа у лодочного причала, где он возился с яхтой. Разложив паруса, чтобы просушить их на солнце, адмирал хлюпал вокруг них мокрыми ботинками.

Он шагнул ей навстречу, не в силах скрыть волнения.

— Ну?

— Ну-у. — Она попыталась напустить на себя печальный и разочарованный вид, чтобы подразнить его, но невольно расплылась в улыбке. — Твой доктор сказал, что это мальчик.

— О-о... — У него вырвался долгий красноречивый вздох. Он подхватил ее на руки и закружил.

— Эйрел! Сумасшедший! Не урони меня!

— Никогда.

Он позволил ей соскользнуть на землю, и они поцеловались, а потом расхохотались.

— Мой отец будет в восторге.

— Похоже, ты и сам не очень-то огорчен.

— Да, но ты еще не видела, в какой экстаз впадает типичный барраярский отец семейства при известии о новой веточке его родословного древа. Отец, бедняга, уже столько лет страдал в убеждении, что наш род закончится на мне.

— И он простит мне то, что я инопланетная простолюдинка?

— Не хочу тебя обидеть, но думаю, что его совсем не интересовало, какую жену я приволоку домой, — лишь бы она могла родить. Думаешь, я преувеличиваю? — добавил он в ответ на ее смех. — Подожди, сама увидишь.

— Сейчас не слишком рано думать об имени? — с надеждой спросила Корделия.

— Тут и думать нечего. Первородный сын — на этот счет обычай строг. Его называют в честь обоих дедов. Первое имя — по отцовской линии, второе — по материнской.

— Так вот почему в вашей истории так трудно разбираться. Мне все время приходится ставить даты у этих повторяющихся имен, чтобы хоть как-то за ними уследить. Петер Майлз. Гм. Ну, наверное, я смогу к этому привыкнуть. Я думала... о другом.

— Может, в следующий раз?

— О! Какие планы!

Схватка продолжалась недолго. Корделия уже выяснила, что в определенном настроении муж боится щекотки сильнее, чем она. Она хорошенько ему отомстила, и бой кончился смехом — оба лежали на траве.

— Это чертовски несолидно, — пожаловался адмирал, когда она позволила ему встать.

— Боишься шокировать соглядатаев капитана Негри?

— Их не шокируешь.

Корделия помахала рукой далекой лодке, но сидевший там человек упорно игнорировал ее жест. (Поначалу она страшно возмущалась, узнав, что Эйрел находится под постоянным надзором службы безопасности, но потом привыкла, сочтя, что это естественная плата за его участие в тайной и смертоносной политической игре, прикрытием для которой стала вся эскобарская война.)

— Может, нам пригласить его на ленч? У меня такое чувство, словно мы с ним старые знакомые — ведь они столько знают про нас с тобой...

Интересно, мелькнуло у нее в голове, записал ли человек Негри разговор, который они сейчас вели? Установлены ли прослушивающие устройства в их спальне?

— Он не сможет воспользоваться твоей любезностью, — усмехнулся адмирал. — Они не едят и не пьют ничего, кроме своего пайка.

— Господи, что за бред! Неужели это действительно необходимо?

— Иногда. У них опасная профессия. Я им не завидую.

— На мой взгляд, сидеть тут и наблюдать за тобой — недурной отпуск. Он, наверное, прекрасно загорел.

— Нет, ждать — это самое трудное. Он может просидеть так целый год, а потом вдруг от него потребуется пять минут активнейших действий, от которых зависят жизнь и смерть. И весь год им надо быть в постоянной готовности к этим пяти минутам. Ужасное напряжение. Поэтому сам я всегда предпочитаю атаку обороне.

— И все-таки я не понимаю, зачем кому-то может понадобиться тебя тревожить. Я хочу сказать — ты ведь всего-навсего отставной офицер, живешь в глуши. Таких опальных аристократов, как ты, должны быть сотни...

Форкосиган, не ответив, посмотрел в сторону далекой лодки, потом вдруг вскочил.

— Пошли. Сообщим радостную весть отцу.

Да, теперь Корделия все это понимала. Граф Петер подхватил ее под руку и увел в столовую, где принялся за еду, одновременно требуя от невестки подробного отчета о самочувствии и потчуя ее свежайшими деликатесами, привезенными из поместья. Она послушно ела виноград.

Граф поужинал, и они под руку направились в холл. Проходя мимо закрытых дверей библиотеки, Корделия услышала громкие голоса. Слова разобрать ей не удалось, но тон был повышенный, и она остановилась, ощутив внезапный укол тревоги.

Спор в библиотеке оборвался, как будто собеседники разом исчерпали все свои аргументы. Тяжелая дверь рас-

пахнулась, и оттуда гордо вышел богато одетый мужчина. Через открытую дверь Корделия увидела мужа и графа Фортелу. Адмирал был мрачнее тучи, а Фортела, высохший морщинистый человечек с покрытой пигментными пятнами лысиной, окруженной венчиком седых волос, кирпично покраснел от шеи до самой макушки.

Незнакомец решительным жестом подозвал ожидавших его ливрейных слуг, которые выстроились позади него с невозмутимыми лицами. На вид ему можно было дать лет сорок. Выпуклый лоб, упрямый подбородок, небольшие, аккуратно подстриженные усы — лицо энергичное, но вполне заурядное, не привлекающее внимания ни красотой, ни уродством. Однако сейчас все его черты были искажены гневом. Увидев в холле графа Петера, человек замедлил шаги и с явной неохотой вежливо кивнул в знак приветствия.

— Форкосиган, — хрипло произнес он.

Старик в ответ чуть склонил голову набок, подняв брови.

— Фордариан.

В его тоне слышался вопрос.

Кулаки Фордариана бессознательно сжимались и разжимались в такт ходившим по скулам желвакам.

— Попомните мои слова, — отчеканил он, — вы, я и все достойные люди Барраяра еще пожалеют о том, что произойдет завтра.

Граф нахмурился, но в его глазах мелькнуло беспокойство.

— Мой сын никогда не предаст дворянство, Фордариан.

— Вы себя обманываете.

Его взгляд задержался на Корделии, хотя и не настолько, чтобы это можно было счесть оскорбительным. С видимым усилием принудив себя к прощальному поклону, Фордариан стремительно удалился вместе со своей свитой.

Премьер-министр с регентом вышли из библиотеки. Форкосиган-младший прошел в холл и мрачно уставился в темноту за узорчатыми окнами. Фортела успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Пусть уходит, — произнес он. — Обойдемся без его голоса.

— Я и не собирался бежать за ним, — огрызнулся адмирал. — Тем не менее... В следующий раз поберегите свое остроумие для тех, у кого хватает ума по достоинству оценить его, ладно?

— Что это за тип? — небрежно спросила Корделия, стараясь рассеять тягостное впечатление.

— Граф Вейдл Фордариан, — с вынужденной усмешкой отозвался адмирал. — Коммодор граф Фордариан. Я иногда сталкивался с ним по службе, еще в штабе. Сейчас он возглавляет вторую по консервативности партию Барраяра. Не тех полоумных ретроградов, которые пытаются повернуть историю вспять, а вполне нормальных людей, просто полагающих, что Барраяр — не место для социальных экспериментов.

Он украдкой взглянул на отца.

— Имя Фордариана упоминалось при обсуждении кандидатур в регенты, — заметил Фортела. — Боюсь, он и сам метил на этот пост. Очень старался наладить отношения с Карин.

— Ему следовало бы налаживать отношения с Эзаром, — сухо сказал Эйрел. — Надеюсь, за ночь он придет в себя. Попробуйте снова поговорить с ним утром — и на этот раз помягче, ладно?

— Беречь самолюбие Фордариана — чертовски изнурительное занятие, — проворчал Фортела. — Он проводит слишком много времени за созерцанием своей родословной.

Адмирал поморщился, соглашаясь.

— Он не исключение.

— А послушать его — так не скажешь, — заключил премьер-министр.

ГЛАВА 3

На заседании Объединенного совета у Корделии был официальный сопровождающий — капитан лорд Падма Ксав Форпатрил, не только подчиненный, но и двоюродный брат ее мужа, сын давно умершей младшей сестры матери Эйрела. Лорд Форпатрил стал первым — после свекра — близким родственником Эйрела, с которым познакомилась Корделия. Причиной тому было вовсе не аристократическое чванство новой родни, чего вполне можно было ожидать, а гражданские войны. Эйрел с Ксавом были единственными уцелевшими детьми предыдущего поколения своих семей, поколения, представленного теперь одним только графом Петером. Форпатрил, рослый, атлетически сложенный мужчина лет тридцати пяти, выглядел очень представительно в своем парадном зеленом мундире. Нрава он был веселого и общительного, и Корделия сразу прониклась к нему симпатией, особенно когда узнала, что он служил младшим офицером на корабле Форкосигана — еще до высадки на Комарре и ее трагических последствий.

Корделия расположилась на затейливо украшенной галерее, откуда хорошо просматривался весь зал Совета. Слева от нее уселся Форпатрил, справа — Друшико. Убранство зала было на удивление строгим, если не считать деревянной обшивки стен, что бетанка Корделия по-прежнему воспринимала как сказочную роскошь. Вдоль стен стояли деревянные столы со скамьями. Сквозь витражные окна под самым потолком лились лучи утреннего солнца. Внизу неспешно разворачивалось удивительное по красоте и слаженности действо, будто сцена из исторического фильма.

Пурпурно-черные мантии императорских министров на фоне позолоченных кресел поражали воображение своей эффектностью. На дубовых скамьях, все в алых камзолах с серебряным шитьем, разместились шесть-

десят графов-землевладельцев, по одному от каждой провинции. Кое-где среди них виднелись одетые в красные с синим парадные мундиры более молодые аристократы, состоящие на действительной службе. Форкосиган находил эту форму излишне пестрой, но сейчас, под сводами старинного зала, пронизанного разноцветными лучами солнца, яркие краски казались вполне уместными. «Эйрелу так идет дворцовый мундир», — подумала Корделия.

Грегор и его мать восседали на троне, поставленном на возвышении у дальней стены. На принцессе было закрытое черное, расшитое серебром платье с длинным рукавом. Маленький принц походил на темноволосого эльфа в красно-синем мундирчике. Корделия отметила, что для своего возраста ребенок ведет себя поразительно спокойно.

Здесь присутствовал и старый император — на экране головидео. Для этого случая Эзар надел парадный мундир, и Корделия содрогнулась, представив, скольких страданий ему это стоило. Трубки и провода, опутывавшие тело императора, были скрыты. Лицо Эзара Форбарры было мертвенно-бледным, кожа казалась почти прозрачной, он словно на самом деле медленно уходил из жизни — прямо на глазах у всех тех, кем так долго повелевал.

Галерея была забита женами графов, их слугами и охранниками. Женщины сияли элегантными нарядами и драгоценностями. С интересом их рассмотрев, Корделия засыпала капитана Форпатрила вопросами.

— Вас не удивило, что Эйрела назначили регентом? — спросила она.

— Не слишком. Может, кто-то и принял всерьез его отставку после Эскобара — но только не я.

— А я думала, что он и в самом деле решил уйти на покой.

— О, нисколько не сомневаюсь. Первый, кого Эйрел вводит в заблуждение своими попытками удержаться в образе простого солдафона, — это он сам. Наверное, ему всегда хотелось быть именно таким. Похожим на отца.

— Гм. Да, я тоже заметила, что в разговоре он то и дело сбивается на политику. И непременно в самый неподходящий момент. Например, когда делал мне предложение.

Форпатрил рассмеялся.

— Могу себе представить! В молодости он был консервативен — ярый поклонник традиций: если требовалось узнать мнение Эйрела по любому вопросу, достаточно было спросить графа Петера, а затем усилить. Но ко времени нашей совместной службы он уже начал... э-э... менять свои взгляды. Если нам удавалось его завести...

Глаза Форпатрила заискрились от какого-то озорного воспоминания, и Корделия поспешила его раззадорить.

— А как вам это удавалось? Его завести? Я считала, что офицерам запрещено рассуждать о политике.

Капитан фыркнул.

— С тем же успехом можно запретить дышать. Скажем так: правило существует, но оно проводится в жизнь время от времени. Однако Эйрел всегда свято его придерживался — до тех пор, пока мы с Ралфом Форхаласом не вытаскивали его куда-нибудь, где он мог хорошенько расслабиться.

— Эйрел? Расслабиться?

— О да. Его попойки вошли в пословицу...

— А мне казалось, что пить он не умеет. Слабая голова.

— Именно этим он и славился. Он ведь редко пил. Хотя в его жизни был тяжкий период после смерти его первой жены. Он тогда якшался с Джесом Форратьером... хм, хм... — Форпатрил искоса посмотрел на Корделию и решил уйти от опасной темы: — В общем, стоило ему чересчур набраться, как он становился мрачным и глубокомысленным и начинал резать правдуматку по поводу несправедливости или идиотизма властей. Господи, ну и говорил же он! Как раз перед пятой рюмкой, перед тем как свалиться под стол, он, бывало, пятистопным ямбом провозглашал неизбежность революции. Я уже тогда был уверен, что рано или поздно он займется политикой.

И капитан рассмеялся, с любовью глядя на коренастую фигуру в красно-синем мундире, сидевшую с графами у дальней стены зала.

Результаты голосования очень удивили Корделию — она никак не ожидала, что семьдесят пять барраярцев смогут договориться о чем-либо — даже относительно того, откуда по утрам встает их солнце. Тем не менее голоса почти единодушно были отданы избраннику императора Эзара. Исключение составили пятеро упрямцев, которые предпочли воздержаться: четверо громко, один — так тихо, что лорд-спикер был вынужден просить его повторить свой ответ. Даже граф Фордариан проголосовал «за» по-видимому, Фортеле все-таки удалось загладить вчерашний разрыв. Столь удачный дебют показался Корделии несомненным признаком того, что и в будущем все сложится благополучно, и она поспешила поделиться своими впечатлениями с лордом Форпатрилом.

— Э-э... Да, миледи, — отозвался тот, как-то двусмысленно улыбаясь. — Император Эзар дал понять всем присутствующим, что требует решения, принятого абсолютным большинством голосов.

К своей досаде, Корделия убедилась, что опять прозевала нечто важное.

— Вы хотите сказать, что кто-то из этих людей предпочел бы проголосовать против?

— В данный момент это было бы с их стороны весьма опрометчивым поступком.

— Тогда те, кто воздержался... должны обладать немалым мужеством. — Она с удвоенным интересом вгляделась в кучку высокородных диссидентов.

— Ну, их-то бояться нечего, — сказал Форпатрил.

— И все-таки это оппозиция...

— Да, но оппозиция открытая. Тот, кто готовит предательство, не станет так явно себя обнаруживать. Удара в спину Эйрелу надо опасаться от других — от кого-то из тех, кто сказал «да».

— От кого же? — с тревогой нахмурилась Корделия.

— Кто может знать? — пожал плечами лорд Форпатрил и тут же ответил на собственный вопрос: — Разве что Негри.

Места вокруг них пустовали, и Корделия уже заподозрила, что это — одно из проявлений неусыпных забот службы безопасности. Но, видимо, дело объяснялось обычной вежливостью: двое опоздавших — мужчина с нашивками капитана третьего ранга и второй, помоложе, в роскошном гражданском наряде, — извинившись, уселись перед ними. Корделия подумала, что они похожи на братьев, и догадка ее вскоре подтвердилась. Тот, что помоложе, сказал:

— Смотри, вон отец, через два ряда от старого Фортелы. А который — новый регент?

— Вон тот кривоногий тип в красно-синем, который сейчас садится справа от Фортелы.

Корделия и Форпатрил обменялись взглядами. Она быстро прижала палец к губам; Форпатрил с ухмылкой пожал плечами.

— А что говорят о нем военные? — продолжал молодой.

— Смотря кого спросишь, — ответил коммандер. — Сарди считает его гениальным стратегом и взахлеб пересказывает всем его биографию. Действительно впечатляет — где он только не побывал! За последние двадцать пять лет без Форкосигана не обходилась ни одна заварушка. Дядя Ралф его очень ценил. С другой стороны, Нильс, воевавший у Эскобара, говорит, что ему не доводилось видеть более хладнокровного подонка.

— Я слышал, будто у него репутация тайного прогрессиста.

— Никакой тайны в этом нет. Иные генералы из форов боятся его как огня. Он пытался перетянуть на свою сторону отца, чтобы с помощью его и Фортелы провести новый закон о налогообложении.

— Ха! Однако по нему это не ударит, верно? Форкосиганы дьявольски бедны. Пусть Комарра платит. Мы ведь для этого ее завоевали, разве не так?

— Не совсем так, мой дорогой невежда-братец. Да, кстати — никто из твоих друзей-лоботрясов еще не встречал его бетанскую бабу?

— Ты хочешь сказать — никто из светских людей, — поправил его брат. — Не путай с вами, армейскими муравьями.

— О, нас перепутать невозможно. Так не встречали? О ней, Форкосигане и Форратьере ходят всякие невероятные слухи — по большей части самые противоречивые. Я думал — может, мать что-нибудь про нее знает.

— Говорят, она держится в тени, насколько это возможно при ее известности. Ее почти никто не видел. Может, она уродина.

— В таком случае они составят неплохую пару — Форкосиган тоже не красавец.

Корделия от души развлекалась, пока капитан не сказал:

— Интересно, кто этот трехногий паралитик, которого он повсюду таскает за собой. Наверное, один из его штабных лизоблюдов.

— Ты про мутанта с палкой? Ну и образина! Став регентом, Форкосиган мог бы выбрать себе и кого-нибудь получше.

Корделию словно током ударило — такую боль причинили ей эти небрежно брошенные слова. Капитан Форпатрил не обратил на них внимания — он был всецело поглощен тем, что происходило внизу, в зале. А вот Друшикко, к удивлению Корделии, покраснела и отвернулась.

Корделия подалась вперед и отчеканила самым холодным и язвительным тоном, на какой была способна:

— Капитан! И вы, как вас там? — Братья обернулись, удивленные внезапным вторжением в их беседу. — К вашему сведению: джентльмен, о котором вы позволили себе так неучтиво говорить, — это лейтенант Куделка. И лучших офицеров не существует. Ни в какой армии.

Они уставились на нее, раздраженные и недоумевающие.

— Мне кажется, это был частный разговор, сударыня, — чопорно проговорил капитан.

— Да, конечно, — отрезала она, все еще кипя возмущением. — И я приношу извинения за то, что вас подслушала, хотя это и получилось совершенно случайно. Но за постыдные слова относительно секретаря адмирала Форкосигана извиниться должны вы. Они порочат мундир, который носите вы оба, и императорскую службу, на которой вы состоите.

Она говорила негромко, почти шепотом. Ее била дрожь. «Многовато для меня Барраяра. Надо взять себя в руки».

Их перепалка наконец привлекла внимание изумленного Форпатрила.

— Ну-ну, миледи, — запротестовал он. — Успокойтесь, прошу вас... К чему это...

Капитан третьего ранга повернулся к нему.

— О, капитан Форпатрил, сэр! Я не сразу вас узнал. Э-э... — Он повел рукой в сторону своей рыжеволосой противницы, словно спрашивая: «Эта женщина с вами? А если да, то почему вы не держите ее в узде?» И холодно прибавил: — Мы незнакомы, сударыня.

— Да, потому что у меня нет привычки заглядывать в каждую нору и любопытствовать, какая нечисть там прячется, — выпалила Корделия и тут же поняла, что зашла слишком далеко. Эйрелу сейчас не хватает только новых врагов...

— Капитан, вы не знаете, с кем... — начал Форпатрил, вспомнив о своих обязанностях сопровождающего.

— Не надо нас знакомить, лорд Форпатрил, — оборвала его Корделия. — Мы только поставим друг друга в еще более неловкое положение.

Сжав пальцами переносицу, она закрыла глаза и постаралась найти подходящие фразы. «А я-то гордилась, что умею держать себя в руках».

— Капитан, милорд. — Она определила титул второго молодого человека, основываясь на его упоминании об отце, сидящем среди графов. — Мои слова были необду-

манными и невежливыми, и я беру их обратно. Я не имела права комментировать частный разговор. Приношу извинения. Самые искренние.

— Так-то лучше, — процедил молодой лорд.

Его брат, лучше владевший собой, ответил:

— Я принимаю ваши извинения, сударыня. Полагаю, этот лейтенант — ваш родственник. И прошу простить за оскорбление, которое вы усмотрели в наших словах.

— Я тоже принимаю ваше извинение, капитан. Хотя лейтенант Куделка мне не родня, а всего лишь второй любимый... враг. — Она замолчала, и их глаза встретились; в ее взгляде сквозила ирония, в его — недоумение. — И я хочу попросить вас об одолжении. Умоляю вас, сэр, воздержитесь в будущем от подобных замечаний в присутствии адмирала Форкосигана. Куделка был одним из его офицеров на борту «Генерала Форкрафта». Он получил ранение, защищая своего командира во время прошлогоднего мятежа. Лорд-регент любит его, как сына.

Капитан третьего ранга чуть улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что меня пошлют охранять остров Кайрил?

«Что еще за остров Кайрил? Судя по всему, местечко не из приятных...»

— Не думаю... Лорд-регент не станет пользоваться своей властью, чтобы отомстить за личную обиду. Но это причинило бы ему ненужную боль.

— Сударыня... — Теперь он был окончательно сбит с толку.

Кто она такая — эта скромная женщина, так неуместно выглядящая среди разряженной публики на галерее? Братья снова повернулись, чтобы наблюдать за церемонией внизу. Минут на двадцать воцарилось напряженное молчание, затем лорд-спикер объявил перерыв.

Когда Корделия отыскала Форкосигана, тот беседовал о чем-то с графом Петером и еще одним стариком в серебряно-алой мантии. Лорд Форпатрил, доставив свою подопечную, мгновенно испарился, а муж встретил ее усталой улыбкой.

— Милый капитан, ты держишься? Я хочу познакомить тебя с графом Форхаласом. Адмирал Ралф Форхалас был его младшим братом. Нам скоро надо будет уйти — мы приглашены на обед принцессой Карин и принцем Грегором.

Граф Форхалас склонился к ее руке.

— Миледи, это большая честь для меня.

— Граф. Я... видела вашего брата всего несколько секунд. Но адмирал Форхалас произвел на меня впечатление достойнейшего человека. — «Но моя страна все равно разнесла его в пыль».

— Благодарю вас, миледи. Так считали все, кто его знал... А, вот и мои мальчики. Я обещал, что познакомлю их с вами. Ивон мечтает получить место в штабе, но я сказал ему — пусть не надеется на протекцию. Хотел бы я, чтобы Карл так же интересовался службой. О! Моя дочь с ума сойдет от зависти, когда услышит, что ее братья представлены супруге регента. Знаете, миледи, вы переполошили всех наших девушек.

Граф отошел, чтобы подозвать сыновей. «О Боже! — подумала Корделия. — И надо же, чтобы это оказались именно они!»

Те самые двое молодых людей, которые только что сидели перед ней на галерее... Оба побледнели и поспешно склонились к ее руке.

— Но ведь вы уже познакомились, — сказал Форкосиган. — Я видел, как вы разговаривали там, наверху. Что вы так горячо обсуждали, а, Корделия?

— О... Геологию. Зоологию. Воспитание. Мы много говорили о воспитании. У нас получился очень любопытный разговор. И, по-моему, мы все друг друга кое-чему научили.

Она безмятежно улыбнулась.

Капитан третьего ранга Ивон Форхалас, чья бледность приобрела легкий зеленоватый оттенок, проговорил:

— Да. Я... получил урок, который никогда не забуду, миледи.

Форкосиган продолжил церемонию знакомства:

— Капитан Форхалас, лорд Карл — лейтенант Куделка.

Куделка, нагруженный пластиковыми копиями документов, дискетами, жезлом главнокомандующего (сию регалию Форкосиган только что получил в качестве избранного регента) и своей тростью, никак не мог решить, что ему делать: подавать руку или отдавать честь. От растерянности он выронил свою ношу, и все поспешно бросились поднимать рассыпавшиеся предметы. Куделка покраснел, неловко нагибаясь. Они с Друшикко одновременно протянули руки к трости.

— Мне не требуется ваша помощь, мисс, — прошипел Куделка, и девушка, отпрянув от неожиданности, заняла свое место около Корделии.

Капитан Форхалас вручил ему несколько дискет.

— Извините, сэр, — сказал Куделка. — Спасибо.

— Не стоит, лейтенант. Один раз я сам чуть не попал под нейробластер. Перепугался до чертиков. Вы — пример для всех нас.

— Это... было не больно, сэр.

Корделия, по личному опыту знавшая, что это — очень даже больно, промолчала. Но когда все начали расходиться по своим делам, она задержалась перед Ивоном Форхаласом.

— Приятно было познакомиться с вами, капитан. По-моему, вы далеко пойдете — и не в направлении острова Кайрил.

Молодой барраярец напряженно улыбнулся.

— Мне кажется, вы тоже далеко пойдете, миледи.

Они обменялись уважительными кивками. Затем Корделия взяла под руку мужа, и они зашагали навстречу новой жизни и новым обязанностям. Следом за ними двинулись Куделка и Друшикко.

Несколько дней спустя император Барраяра впал в кому. А еще через неделю, ночью, дворцовый курьер разбудил регента давно ожидаемой вестью:

— Сэр, доктору кажется, что срок настал.

Корделия и Форкосиган, поспешно одевшись, вместе с курьером прибыли во дворец, в прекрасные покои, которые Эзар избрал для последних месяцев своей жизни. Музейная роскошь обстановки являла разительный контраст с нагромождением инопланетной медицинской аппаратуры.

Здесь уже собралось много народу: личные врачи императора, премьер-министр Фортела, граф Петер Форкосиган, принцесса с наследником, несколько министров, кое-кто из главного штаба... Все в глубоком молчании несли последнюю вахту, пока наконец остатки жизни не покинули иссохшее старческое тело, неподвижно лежавшее на огромной кровати. Что за чудовищная идея, подумала Корделия, — делать ребенка свидетелем подобной сцены... Впрочем, она тут же сообразила, что дело здесь не в чьей-либо прихоти, а в требованиях дворцового этикета. Поочередно, начиная с Форкосигана, все присутствующие подходили к Грегору и на коленях произносили текст вассальной присяги, вкладывая руки в ладошки нового повелителя.

Форкосиган подвел к нему и Корделию. У принца — теперь уже императора — были волосы матери, но глаза серо-зеленые, как у Эзара и Зерга, и Корделия невольно задалась вопросом — в какой пропорции перемешаны в нем душевные качества отца и деда? «Сидит ли в твоих генах родовое проклятие, малыш?» — мысленно спрашивала она, вкладывая свои пальцы в его ладони. Впрочем, благословен он или проклят, все равно она даст ему эту клятву. Слова присяги, казалось, разрывают последнюю нить, связывавшую ее с Колонией Бета. Эта нить лопнула с легким звоном, слышным только ей самой. «Теперь я принадлежу Барраяру».

То было долгое и странное путешествие, начавшееся на чужой планете в тот миг, когда капитан Корделия Нейсмит, придя в сознание на берегу ручья, увидела перед

своим лицом заляпанные грязью высокие шнурованные ботинки — и закончившееся в этих чистых детских ручонках. «Знаешь ли ты, малыш, что я помогла убить твоего отца? Скажут ли тебе об этом когда-нибудь? Надеюсь, что нет». Она гадала, почему ее в свое время не заставили принести присягу императору Эзару — по недосмотру или из деликатности?

Из всех присутствовавших плакал только капитан Негри. Корделия стояла рядом с ним, в самом темном углу, и видела, как шеф барраярской разведки пару раз вытер щеку тыльной стороной ладони. На какое-то мгновение лицо его покраснело и сморщилось, но когда Негри шагнул вперед для присяги, к нему уже вернулась обычная ледяная выдержка.

Следующие пять дней, занятые погребальными церемониями, совершенно вымотали Корделию. Однако ей дали понять, что этому трауру далеко до того, который последовал за гибелью кронпринца Зерга: тот продолжался две недели, несмотря на отсутствие тела. Официальная версия гласила, что принц пал геройской смертью на поле битвы. По подсчетам Корделии, только пять человек знали правду. Нет, четыре — ведь Эзара не стало. Наверное, могила — самое надежное хранилище для тайн покойного императора. Ну что ж, теперь мучения старика закончились, и его эпоха может отойти в прошлое вместе с ним.

Коронацию мальчика-императора решили пока не проводить: вместо этого ему в течение нескольких дней присягали министры, графы, лорды и все те бесчисленные сановники, которым не выпала честь присутствовать при последних минутах Эзара. Четырехлетний малыш стойко выдерживал утомительные церемонии. Карин следила за тем, чтобы государственные мужи, спешившие исполнить свой долг, ежечасно давали Грегору передышку. Корделию же несказанно удивляла странная система правления

Барраяра, основанная не на конституции, а на личной преданности и традициях. Но самое поразительное — система работала. Вернее — ее заставляли работать. Королей играет свита. Да и любое другое правительство — это по сути своей такое вот совместное лицедейство.

Церемонии отшумели, и Корделия начала налаживать семейный быт в своем новом доме. Дел у нее было не слишком много. Как правило, Форкосиган в сопровождении Куделки уезжал еще на рассвете и возвращался с темнотой, чтобы наскоро перекусить и засесть в библиотеке, где он принимал посетителей или работал до самого отхода ко сну. Корделия убеждала себя, что поначалу такая загруженность неизбежна. Постепенно Эйрел привыкнет, научится управлять, и его рабочий день нормализуется. Она вспомнила, как впервые приняла командование кораблем в Бетанской астроэкспедиции и несколько месяцев подряд изнывала от страха, боясь допустить какую-нибудь гибельную промашку. А потом необходимые действия стали автоматическими, еще позже — почти бессознательными, и у нее снова появилась личная жизнь. У Эйрела тоже так будет. Она терпеливо ждала, а когда ей удавалось увидеть мужа — улыбалась.

У нее тоже было свое дело. И делу этому придавалось огромное значение, судя по тому, как ее баловали все окружающие, начиная с графа Петера и кончая поварихой, таскавшей ей всевозможные лакомства в любое время дня и ночи. Так с ней не носились даже на родине, когда она вернулась из годичной исследовательской экспедиции, прошедшей без сучка, без задоринки. Приходилось признать, что к воспроизводству населения на Барраяре относятся с гораздо большим энтузиазмом, чем в Колонии Бета.

Однажды днем, после ленча, она лежала на кушетке, вынесенной на тенистую веранду за домом, и размышля-

ла о несходстве детородных обычаев на Барраяре и в Колонии Бета. Здесь был до сих пор неизвестен способ выращивания плода в маточном репликаторе — искусственном чреве. А в Колонии Бета репликаторы предпочитали три четверти всех семей; лишь незначительное меньшинство придерживалось старомодного естественного способа, убежденное в его психосоциальных преимуществах. Впрочем, Корделия никогда не замечала никакой разницы между младенцами из пробирки и из материнской утробы — и уж наверняка любые различия исчезали к двадцати двум годам — бетанскому совершеннолетию. Ее брата вынашивала мать, но сама она росла в репликаторе. А вот семейная партнерша ее брата оба раза сочла нужным сама выносить ребенка и немало этим похвалялась.

Корделия всегда думала, что, когда настанет ее черед, она воспользуется услугами репликаторного банка, а сама улетит в очередную экспедицию — чтобы, вернувшись, взять на руки своего уже вполне сформировавшегося ребенка. Если, конечно, она вернется: ведь при исследовании неведомых планет всегда есть шанс войти в списки пропавших без вести. Но прежде всего, конечно, требовалось залучить подходящего партнера, готового подвергнуться нудной процедуре проверок физического и психологического здоровья (а также финансовой самостоятельности) и сдать экзамены на получение родительской лицензии.

Корделия была уверена, что Эйрел окажется великолепным семейным партнером, если только сможет одолеть поток свалившихся на него дел. Главное — чтобы он выдержал первый, самый трудный период, не сорвался и не сломался. Падение с такой высоты всегда смертельно опасно, и если Эйрел упадет... Она решительно приказала себе оставить мрачные мысли.

Уж лучше думать о радостях семейной жизни — ведь Барраяр в этом отношении просто сказочная страна. Здесь не существует государственного контроля за рождаемо-

стью, не требуется зарабатывать никаких сертификатов, не надо ограничиваться тремя чадами... Вообще никаких правил. Она видела на улице женщину даже не с тремя, а с четырьмя детьми, и это никого не удивляло — на нее никто не оборачивался. После этого Корделия увеличила свое воображаемое потомство с двоих детей до трех — и несколько дней чувствовала себя достигшей вершины блаженства, пока ей не повстречалась женщина с десятью малышами. Не завести ли им четверых? Форкосиган может себе это позволить... Она поджала под себя ноги и поуютнее зарылась в подушки, отдавшись приступу восхитительной, звериной тяги к воспроизведению себя и Эйрела в детях.

Муж заверил ее, что экономика Барраяра таит массу неиспользованных возможностей, несмотря на ущерб, нанесенный последней войной. Терраформирование второго континента с каждым днем открывает все новые горизонты, а уж когда начнется колонизация новой планеты, Зергияра!.. Рабочих рук везде не хватает, заработная плата растет. Барраяр считает себя недонаселенным. Форкосиган говорил, что для политика такая экономическая ситуация — просто дар Божий, и Корделия с ним соглашалась, но по сугубо личным, тайным соображениям: будет чем заняться ораве маленьких форкосиганчиков...

Она может родить дочь. И даже не одну, а двух — двух сестер! У Корделии никогда не было сестры. А вот у жены капитана Форпатрила есть, она сама сказала...

Корделия познакомилась с леди Форпатрил на одном из редких полуофициальных приемов в резиденции Форкосиганов. Все подготовила прислуга, и единственное, что требовалось от Корделии, — это выйти к гостям в соответствующем наряде (его все-таки пришлось купить), побольше улыбаться и не открывать рта. Она покорилась, понимая, что надо скорее осваивать хитрую науку Как-Здесь-Принято-Себя-Вести.

Элис Форпатрил тоже была в интересном положении. Лорд Форпатрил представил дам друг другу и моментально ретировался. Впрочем, двум будущим матерям не пришлось искать тему для беседы. Леди Форпатрил жаловалась на постоянное недомогание, и Корделия пришла к выводу, что ей крупно повезло: бетанское средство против тошноты действовало прекрасно, и она могла посетовать лишь на быструю утомляемость — не из-за веса пока еще крошечного ребенка, а от возросшей нагрузки на метаболизм.

Она решила, что не стоит заранее переживать из-за возможных трудностей, о которых ей драматическим шепотом поведала леди Элис, — из-за всех этих спазм, травм, кровотечений и прочих напастей, подстерегающих молодую мать. Осложнения могут стать опасными, только если в момент родов окажешься одна — а такое маловероятно, когда тебя днем и ночью окружают целые толпы охранников. Ну а уж в самом крайнем случае придется препоручить обязанности повитухи сержанту Ботари. Тут Корделия почувствовала, что фантазия заводит ее слишком далеко, и беспокойно завороча лась на кушетке. Ох уж эта барраярская медицина! Конечно, женщины рожают уже сотни тысяч лет, и делали это даже до эпохи космических перелетов, причем порой и в куда худших условиях. «Может, для родов мне следовало бы вернуться домой?»

Нет. Теперь она принадлежит Барраяру, она дала клятву, как и все здешние безумцы. Путь домой долог — и к тому же, насколько ей известно, там все еще не отменен ордер на ее арест: она обвиняется в дезертирстве, шпионаже, мошенничестве, асоциальном насилии... Да, не следовало ей макать головой в аквариум ту идиотку-врачиху из психиатрической службы. Корделия мысленно вздохнула, припомнив лихорадочную спешку своего отлета на Барраяр. Интересно, реабилитируют ли ее когда-нибудь на Колонии Бета? Наверняка нет, во всяком случае, до тех пор, пока тайны Эзара прячутся только в четырех черепных коробках.

Ничего не поделаешь — Колония Бета для нее закрыта, родина изгнала ее. Как видно, политический идиотизм — не монополия Барраяра. «Но все-таки мы справимся с Барраяром. Эйрел и я — мы сумеем его изменить».

Пора идти в дом. От солнца у нее немного разболелась голова.

ГЛАВА 4

Против собственных ожиданий, Корделия без особого труда свыклась с обилием охраны в резиденции лорда-регента. Ее опыт работы в Бетанской астроэкспедиции, как и военный опыт Форкосигана, приучили их к жизни в тесном контакте со множеством людей. Охранники в большинстве своем были жизнерадостными молодыми парнями, специально отобранными для этой работы, чем они весьма гордились. Но вот когда в городскую резиденцию наезжал граф Петер со своей ливрейной свитой, ощущение казармы становилось почти невыносимым.

Именно граф предложил проводить неформальные состязания по рукопашному бою между людьми командора Иллиана и своими собственными. Несмотря на возражения начальника охраны, в саду за домом соорудили помост, и состязания стали еженедельными. К участию в них привлекли даже Куделку — в качестве рефери, а граф Петер и Корделия быстро сделались завзятыми болельщиками. Форкосиган, когда ему позволяло время, тоже приходил посмотреть, и Корделия была этим очень довольна: она полагала, что мужу просто необходим отдых от выматывающей рутины государственной службы.

Как-то солнечным осенним утром она устроилась на мягком диванчике вблизи «ринга» и приготовилась на-

блюдать за очередными выступлениями. Телохранительница, как всегда, встала у нее за спиной.

— А ты почему не участвуешь, Дру? — спросила Корделия. — Тебе ведь тоже требуется практика, и не меньше, чем им. Да и затевалось все это именно под предлогом поддержания хорошей спортивной формы — конечно, если предположить, что барраярцам нужен какой-то предлог для драки.

— Меня не пригласили, сударыня, — ответила Друшикко, с тоской посмотрев на помост.

— Это чей-то возмутительный недосмотр. Гм. Вот что: ступай-ка переоденься. Ты станешь моей командой. Эйрел сегодня пусть сам болеет за своих. И вообще я уже заметила, что для истинно барраярского поединка требуется по крайней мере трое участников — такая тут традиция.

— Вы думаете, стоит это сделать? — засомневалась девушка. — Остальным это может не понравиться. — Корделия поняла, что под «остальными» подразумеваются все представители сильной половины человечества.

— Эйрел возражать не будет. А если кто-то сочтет себя обиженным, пусть спорит с ним. Если посмеет, конечно.

Друшикко радостно улыбнулась и убежала переодеваться.

Вскоре пришел адмирал. Когда он расположился рядом, Корделия сообщила ему о своей идее. Форкосиган скептически приподнял бровь.

— Бетанские нововведения? Хотя — почему бы и нет? Но приготовься к тому, что над тобой станут подшучивать.

— Я готова. Однако им будет не до смеха, если она размажет кого-нибудь по помосту. По-моему, ей такое вполне под силу: родись эта девушка на Колонии Бета, она уже была бы офицером спецназа. А если она не справится... Ну, тогда ей нечего делать в моей охране, не правда ли?

— Ясно... Я скажу, чтобы Куделка в первой схватке выставил против нее кого-нибудь помельче. По сравнению с мужчинами она кажется довольно хрупкой.

— Она больше тебя, — ввернула Корделия.

— Ростом. Думаю, я немного потяжелее. Ну что же, твое желание для меня закон. — Он поднялся и зашагал к Куделке, чтобы тот внес Друшикко в список участников. Расслышать их разговор Корделия не могла, но постаралась воссоздать его по мимике и жестам. Это было так увлекательно, что она принялась бормотать вслух:

— Эйрел: «Корделия хочет, чтобы Дру участвовала в спаррингах». Ку: «Это не по правилам». Эйрел: «Ничего, проглотят». Ку: «Рукопашный бой — не женское дело, сэр. Чего доброго, она еще расплачется, когда сержант Ботари ее расплющит». Гм, хотела бы я надеяться, что ты именно это имел в виду, Ку, в противном случае разговор перешел на непристойности... Форкосиган, брось ухмыляться. Так, вот он опять заговорил: «Женушка настаивает. Ты же знаешь, какой я подкаблучник». Ку: «Ну ладно». Ух. Переговоры закончены, и дальнейшее зависит только от Дру.

Форкосиган подошел к жене.

— Все в порядке. Для начала она выступит против одного из отцовских охранников.

Вернулась Друшикко, сменившая платье на свободные брюки и трикотажную рубашку. В это время из дома вышел граф Петер; он перекинулся несколькими словами с сержантом Ботари, капитаном своей команды, и занял место на солнышке, неподалеку от сына с невесткой.

— А это еще что? — возмутился он, когда для второй схватки Куделка вызвал Друшикко. — Вводим бетанские обычаи?

— У этой девушки отличные природные данные, — объяснил Форкосиган. — И тренировки ей нужны не меньше, чем всем прочим, даже больше — ведь ее задача гораздо важнее.

— А потом ты захочешь допустить женщин в армию, — жалобно проговорил граф Петер. — И к чему это нас приведет, скажи на милость?

— А почему женщин нельзя допускать в армию? — наивно осведомилась Корделия, решив немного поддразнить генерала.

— Это не по-военному, — отрезал старик.

— Я всегда думала, что «по-военному» действуют те, кто выигрывает сражения, — невинно заметила Корделия, но тут муж легонько ущипнул ее, и она замолчала.

Охранник графа Петера явно недооценил свою противницу. Стремительный бросок — и он оказался на лопатках. Это заставило его собраться. Зрители разразились насмешливыми криками. В следующем раунде он уложил Дру.

— Куделка считал слишком быстро, правда? — спросила Корделия, когда противник отпустил Друшикко и позволил ей встать.

— М-м... Возможно, — отозвался Форкосиган, старавшийся блюсти нейтралитет. — А она слишком осторожничает. Если она и дальше будет щадить соперников, то не попадет даже в полуфинал.

В третьем — решающем — раунде Друшикко успешно провела болевой прием на руку, но позволила противнику высвободиться — правда, при этом он упал.

— Жаль, жаль. Не повезло девчонке, — с лицемерным сочувствием пробормотал граф Петер.

— Считай, Ку! — крикнула Корделия.

Но лейтенант, упрямо опершись на свою трость, не стал засчитывать падения. Друшикко тем временем заметила новую возможность для атаки и, проведя бросок, зажала шею противника.

— Почему он не сдается? — спросила Корделия.

— Предпочитает потерять сознание, — ответил адмирал. — Так он не услышит града насмешек своих приятелей.

Друшикко явно растерялась: лицо противника побагровело. Корделия заметила, что она уже готова ослабить хватку, и завопила:

— Держись, Дру! Не давай себя провести!

Телохранительница послушно усилила нажим, и противник обмяк.

— Прерывай схватку, Куделка, — огорченно распорядился граф Петер. — Ему сегодня заступать на дежурство.

— Молодец, Дру! — похвалила Корделия, когда Друшикко вернулась к ним. — Но ты должна действовать агрессивнее. Не сдерживай инстинкты убийцы.

— Это верно, — неожиданно сказал Форкосиган. — Секундная неуверенность, а она вам пока что свойственна, может привести к смертельному исходу — и не только вашему. — Он посмотрел девушке прямо в глаза. — Здесь вы готовитесь к настоящим боям, хотя мы все и хотели бы надеяться, что их больше не будет. А для победы в бою нужна автоматическая реакция и полная самоотдача.

— Да, сэр. Я постараюсь, сэр.

В следующей схватке сержант Ботари два раза подряд стремительно уложил своего противника. Побежденный уполз с помоста. Прошло еще несколько схваток, и снова наступила очередь Друшикко, на этот раз — против одного из людей Иллиана.

Едва они сошлись, как охранник наградил девушку весьма недвусмысленным звонким шлепком. Зрители приветствовали такое начало дружным свистом, а Друшикко на миг оторопела от ярости. Этого было достаточно — в следующую секунду она лежала на лопатках.

— Ты это видел?! — возмущенно воскликнула Корделия. — Какая низкая уловка!

— Угу. Но она не входит в число восьми запрещенных приемов. Дисквалифицировать за это нельзя. Тем не менее...

Адмирал знаком попросил у Куделки тайм-аут и подозвал к себе Друшикко.

— Мы внимательно следим за схваткой, — негромко сказал он. — Поскольку вы представляете миледи, то оскорбление, нанесенное вам, в некоторой степени задевает и ее. К тому же это нежелательный прецедент. Я хотел

бы, чтобы ваш противник не сумел уйти с помоста на своих ногах. Как — это ваше дело. Если хотите, считайте мои слова приказом. И не беспокойтесь, если поломаете ему что-нибудь, — невозмутимо добавил он.

Друшикко вернулась на помост с легкой улыбкой; ее прищуренные глаза горели. Она сделала ложный выпад, за которым последовала молниеносная серия ударов — в скулу, под дых и одновременно в колено, так что несчастный парень с тяжелым стуком рухнул на ковер. Встать он даже не пытался.

— Ты была права, — заметил Форкосиган. — Эта девчонка действительно способна на многое.

Следующая схватка для Друшикко стала полуфинальной, и судьба свела ее с сержантом Ботари.

— Это не опасно? — чуть слышно спросила Корделия. — Я имею в виду обоих, а не только ее. И не синяки и переломы, а совсем другое.

— Думаю, опасности нет, — так же тихо ответил адмирал. — Ты же знаешь, служба у моего отца была для Ботари вроде санаторного лечения. Он принимал лекарства и сейчас выглядит лучше, чем когда-либо прежде. Да и атмосфера тренировочного боя для него привычна; в конце концов, Дру для него не противник, так что нет особенных причин для его волнений.

Успокоенная Корделия кивнула и сосредоточила внимание на ринге.

Бой начался медленно: Друшикко явно робела и старалась сохранить дистанцию, избегая захвата. Вдруг лейтенант Куделка нажал на кнопку своей трости, и ножны отлетели в кусты. Резкий звук на мгновение отвлек Ботари, и его противница успела провести прием. Сержант грохнулся на помост, но тут же перекатился и вскочил на ноги.

— Вот это бросок! — восторженно воскликнула Корделия. Дру, казалось, была изумлена не меньше, чем все остальные. — Она выиграла этот раунд, Ку!

Лейтенант Куделка нахмурился.

— Такая победа не засчитывается, миледи. — Кто-то из охранников графа принес ножны, и Куделка снова спрятал клинок. — Внимание одного из бойцов было отвлечено по моей вине.

— Но совсем недавно, и при точно таком же броске, ты не возражал!

— Не надо, Корделия, — тихо попросил Форкосиган. — Не спорь.

— Но он отнимает у нее победу! — возмущенно прошептала Корделия. — И какую победу! До сих пор Ботари не проиграл ни одной схватки.

— Да. На «Генерале Форкрафте» Куделке пришлось тренироваться полгода, прежде чем он смог бросить Ботари.

— О! Гм. — Это сообщение заставило ее задуматься. — Зависть?

— Разве ты не заметила? У нее есть то, чего он лишился — сила и здоровье.

— Я заметила, что он бывает с ней чудовищно груб, — не унималась Корделия. — Просто стыд и срам! Ей, видимо...

Форкосиган предупреждающе поднял палец:

— Поговорим об этом позже. Не здесь.

Она согласно кивнула:

— Хорошо.

Во втором раунде сержант два раза подряд буквально впечатал Друшикко в помост, а потом с такой же легкостью расправился со своим последним противником.

На сегодня соревнования были закончены, но участники не спешили расходиться — они сбились вокруг Куделки и после недолгого совещания отправили его парламентером к лорду-регенту.

— Сэр, мы подумали — не проведете ли вы показательный бой? С сержантом Ботари?

— Я не в форме, лейтенант, — запротестовал Форкосиган. — И вообще, как они об этом прослышали? Твоя работа?

Куделка ухмыльнулся.

— Немного. Думаю, это пошло бы им на пользу. Пример настоящей борьбы — такой, какой они еще не видели.

— Боюсь, плохой пример.

— И я тоже никогда не видела, — заинтересованно сказала Корделия. — Это что, действительно такое необыкновенное зрелище?

— Не знаю. Я-то чем тебя обидел? Хочешь полюбоваться, как Ботари сделает из меня котлету?

— По-моему, ты и сам не прочь подраться, — оправдывалась Корделия, поняв, что муж ждет уговоров. — Мне кажется, ты соскучился по хорошей драке.

— Да, пожалуй... — задумчиво отозвался адмирал.

Он встал под аплодисменты собравшихся, снял китель, ботинки, стянул с пальцев перстни, вытряхнул все из карманов брюк и шагнул на помост.

— Будешь судить, Ку, — окликнул он своего секретаря. — Чтобы никто понапрасну не беспокоился.

— Да, сэр. — Прежде чем заковылять на судейское место, лейтенант обратился к Корделии: — Гм... Миледи, помните одно: за четыре года подобных схваток они друг друга еще не убили.

— Почему-то это меня скорее пугает, чем успокаивает. Ведь Ботари сегодня провел уже шесть поединков. Не устал ли он?

Бойцы встали друг против друга и обменялись церемониальными поклонами. Куделка поспешно ретировался. Веселый шум среди зрителей смолк; воцарилась напряженная тишина. Адмирал и сержант начали медленно кружить по помосту — и вдруг стремительно бросились друг к другу. Корделия толком не разглядела, что же произошло, но они уже разошлись — Форкосиган сплевывал кровь из рассеченной губы, а сложившийся пополам Ботари с видимым усилием восстанавливал дыхание.

И снова началось выжидательное кружение. Сделав почти незаметный финт, Ботари провел сокрушительный удар ногой, и Форкосиган вылетел с помоста. Он упал, перекатился, мгновенно вскочил и снова ринулся в бой.

Люди, под чьей защитой должна была находиться жизнь регента, обеспокоенно переглянулись. В следующий миг Форкосиган был со всего маху брошен на помост, а Ботари навалился на него, захватив горло. Корделия словно сама почувствовала, как ребра Эйрела прогнулись под коленями сержанта. Пара охранников подалась было вперед, но Куделка взмахом руки заставил их остановиться. Побагровевший адмирал постучал по ковру, показывая, что сдается.

— Первый раунд выиграл сержант Ботари, — объявил Куделка. — Два из трех, сэр?

Сержант Ботари ждал, чуть улыбаясь, а Форкосиган сидел и жадно глотал воздух, стараясь отдышаться.

— Ну, по крайней мере еще один. Мне нужен реванш. Я не в форме.

— Я вас предупреждал, сэр, — пробормотал Ботари.

Они снова начали кружить по помосту. Сблизились, разошлись, снова сошлись — и вдруг Ботари совершил потрясающее сальто-мортале. Форкосиган подкатился под него и, захватив его руку, чуть не вывихнул себе плечо в невероятном падении. Ботари дернулся, пытаясь разорвать захват, но не смог и вынужден был сдаться. На этот раз уже он с минуту сидел на ковре, прежде чем подняться на ноги.

— Потрясающе! — выдохнула Друшикко; глаза ее горели. — Особенно если учесть, что милорд настолько меньше ростом.

— Мал да удал, — подтвердила завороженная Корделия.

Третий раунд оказался коротким. Неразбериха ложных выпадов и ударов — и совместное падение, в результате которого вдруг обнаружился захват руки, проведенный сержантом. Тут Форкосиган допустил ошибку, попытавшись освободиться, и совершенно невозмутимый Ботари с громким щелчком вывихнул ему руку. Форкосиган заорал и сделал знак, что сдается. Куделке снова пришлось останавливать незваных помощников.

— Вправь мне руку, сержант, — простонал Форкосиган, сидя на помосте. Ботари уперся ногой в грудь своему бывшему командиру и одним коротким рывком поставил руку на место.

— По крайней мере в этот раз он вам ее не сломал, — ободрил его Куделка, вместе с Ботари помогая регенту встать. Форкосиган побрел обратно к диванчику и очень осторожно уселся в ногах у Корделии. Ботари тоже двигался медленнее и осторожнее, чем обычно.

— Вот так, — проговорил Форкосиган, все еще не отдышавшись, — мы развлекались на борту старого доброго «Генерала Форкрафта».

— Неплохо, — заметила Корделия. — И часто вам приходилось использовать эти навыки в реальном бою?

— Редко, очень редко. Но когда приходилось, мы всегда побеждали.

Зрители разошлись, негромко обсуждая состязание. Корделия пошла с Форкосиганом, чтобы заняться травмами, приготовить горячую ванну и сделать массаж.

Разминая мужу занемевшие мышцы, она снова возобновила разговор о том, что все сильнее занимало ее.

— Как ты думаешь, не пора ли тебе потолковать с Куделкой относительно его поведения с Дру? Она буквально из кожи лезет, чтобы наладить с ним отношения. А он не снисходит даже до элементарной вежливости. Если я не ошибаюсь, бедная девочка влюбилась в него по уши, хотя он и не желает этого замечать.

— А почему ты решила, что он ничего не замечает? — медленно спросил адмирал.

— По тому, как он держится. И это тем более обидно, что они были бы прекрасной парой. Разве ты не считаешь ее привлекательной?

— По-моему, Дру — высший класс. Но я, как известно, вообще неравнодушен к рослым амазонкам. — Он хмыкнул. — Однако если у тебя глаза разгорелись в предвкушении роли свахи... Кстати, как ты думаешь, не связано ли это с материнскими гормонами?

— Мне вывихнуть тебе вторую руку?

— Ох! Нет, спасибо. Довольно с меня и Ботари. Я уже успел забыть, что такое спарринг с нашим сержантом. Помассируй-ка еще немного. Чуть ниже, пожалуйста...

— У тебя здесь завтра будут жуткие синяки.

— Мне ли не знать. Так вот, прежде чем ты займешься личной жизнью Дру... Ты не забыла об инвалидности Куделки?

— О! — поразилась Корделия. — Я думала, что... его половые функции восстановлены не хуже, чем все остальное.

— Или не лучше. Это очень сложная операция.

Корделия нахмурилась:

— Ты точно знаешь?

— Нет, не знаю. Такого разговора между нами не было. Никогда.

— Гм. Как же быть? А может, ты у него спросишь?

— О Господи, Корделия! Да разве можно задавать такие вопросы! А вдруг ему придется ответить отрицательно? Мне ведь с ним работать, не забывай об этом.

— Ну, а мне работать с Дру. Какой мне от нее прок, если она начнет чахнуть и умрет от разбитого сердца? Он уже не раз доводил ее до слез. Она забивается в какой-нибудь угол и плачет.

— Правда? Такое трудно себе представить.

— Не уверять же мне девочку, что Куделка ее недостоин... Как ты думаешь, она действительно ему неприятна? Или это только самозащита?

— Разумный вопрос.... Могу сказать только одно: на днях мой водитель отпустил какое-то вольное замечание в ее адрес, и Ку после этого говорил с ним достаточно холодно. Не думаю, чтобы она была ему неприятна; скорее, он просто ей завидует.

Корделии пришлось удовлетвориться этим. Ей страстно хотелось как-нибудь помочь юной парочке, но на ум не приходило ничего, кроме обилия советов, касающихся преодоления сугубо интимных трудностей, которые могут

возникнуть из-за инвалидности лейтенанта. Но высказывать их вслух — значило бы непростительно оскорбить и шокировать застенчивых влюбленных. О секс-терапии никто из барраярцев и слыхом не слыхивал.

Как истинная бетанка, Корделия была убеждена, что двойной стандарт в сексуальном поведении нелеп, да и вообще невозможен. Но постепенно, исследуя дебри высшего общества Барраяра, она начала понимать, как им удается совмещать несовместимое. Все сводилось к тому, что определенным лицам запрещался доступ к определенной информации, причем эти лица отбирались по каким-то неписаным правилам, известным всем, кроме нее. Нельзя, например, говорить о сексе в присутствии незамужних женщин и детей. Молодые барраярцы, кажется, не связаны никакими ограничениями в разговоре друг с другом, но только не при женщинах — любого возраста и положения. В придачу эти правила варьировались в зависимости от социального статуса. И замужние женщины в своем кругу, когда их не могут подслушать мужчины, тоже иногда вдруг кардинально меняли свои понятия о том, какие темы считаются приличными. По поводу некоторых вопросов можно пошутить — однако обсуждать их нельзя. А о некоторых особенностях даже упоминать запрещено. Она уже не раз шокировала собеседников каким-нибудь, как ей казалось, совершенно естественным и пустяковым замечанием — и Эйрел тут же отводил ее в сторону, чтобы объяснить ошибку.

Корделия попыталась систематизировать все эти неписаные правила, но нашла их настолько запутанными и противоречивыми — особенно в том, когда и кому в каких областях полагается напускать на себя неведение, — что вскоре бросила это занятие. Впрочем, она все же показала мужу свой конспект. Тот прочел его как-то вечером, уже лежа в постели, — и чуть не умер со смеху.

— Неужели мы действительно выглядим такими идиотами? Мне особенно нравится твое Седьмое правило. Надо его запомнить... Жаль, что я не знал о нем в юно-

сти. Можно было бы обойтись без этих ужасных армейских учебных видео.

— Если будешь так ржать, у тебя кровь пойдет носом, — съязвила она. — Это ваши правила, а не мои. Вы их соблюдаете. Я всего лишь пытаюсь их понять.

— Моя милая исследовательница. Гм... Да уж, ты не боишься называть вещи своими именами. Мы никогда не пробовали... Ты не хотела бы нарушить со мной Одиннадцатое правило, милый капитан?

— Посмотрим-ка, которое это... О да, конечно! Сейчас? И уж если на то пошло, давай отбросим и Тринадцатое. У меня гормоны разыгрались.

— Тринадцатое? Вот уж не думал...

— Это потому что ты как барраярец слишком часто следуешь Второму правилу.

Этические изыскания на время были забыты. Но впоследствии Корделия обнаружила, что всегда может заставить мужа расхохотаться, пробормотав: «Девятое правило, сэр».

Осень уходила. Уже чувствовалось приближение холодов; ночными заморозками побило растения в саду графа Петера. Корделия с великим нетерпением ожидала прихода своей первой зимы. Форкосиган обещал ей снег, настоящую замерзшую воду. Такое она видела только в двух астроэкспедициях. «К весне я рожу сына. Ха».

День выдался погожий, даже жаркий. От нагревшейся плоской крыши, где стояла Корделия, исходило приятное тепло, хотя щеки стал пощипывать легкий морозец, как только солнце опустилось за линию городских домов.

— Добрый вечер, мальчики, — кивнула она двум охранникам, дежурившим на крыше.

Те заулыбались, а старший по званию неуверенно козырнул:

— Миледи!

У Корделии уже вошло в привычку каждый вечер подниматься сюда и смотреть на закат. С высоты четырех эта-

жей открывался прекрасный вид на город. За деревьями и зданиями можно было разглядеть реку. Над крутым берегом вздымались башни замка Форхартунг, в стенах которого проходило столь памятное для Корделии заседание совета графов. Правда, огромный котлован в нескольких кварталах от резиденции Форкосиганов предвещал новостройку, которая вскоре положит конец наслаждению от любования окрестными пейзажами.

За замком раскинулся старый город. Корделия там еще не бывала — в его извилистых улочках, где не разминуться даже двум всадникам, машине не проехать. Но с флайера, пролетая над столицей, она не раз с интересом рассматривала странные темные пятна в сердце города. Новые кварталы, сверкавшие на горизонте, по планировке приближались к галактическим стандартам.

Ничто не напоминало тут Колонию Бета. Форбарр-Султан целиком лежал на поверхности планеты — странно двумерный и открытый всем стихиям. Города же Колонии Бета зарывались вглубь, в шахты и туннели, многослойные, уютные и надежные. Собственно говоря, на Бете вообще не имели понятия об архитектуре как о виде искусства — украшение жилищ там сводилось к отделке внутренних помещений. Просто удивительно, насколько разнообразными могут быть фасады зданий.

Охранники переминались с ноги на ногу и вздыхали, ожидая, когда ей надоест стоять, облокотившись на парапет. Им очень не нравилось, когда она приближалась к краю ближе, чем на три метра, хотя вся крыша была всего в шесть метров шириной.

Она вдохнула аромат полей, к которому примешивались запахи фабричного дыма и автомобильных выхлопов. На Барраяре допускалось совершенно бесконтрольное загрязнение воздуха, словно... Хотя он здесь и впрямь бесплатный. Никто его не распределяет, нет платы за обработку и очистку... Понимают ли эти люди, насколько они богаты? Они могут дышать этим воздухом, просто выходя из дома, принимая этот дар так же спокойно, как и

замерзшую воду, падающую с неба. Она сделала лишний вдох, словно хотела, как скряга, скопить на потом, и улыбнулась... Скоро появится машина Форкосигана, въезжающая во двор...

Далекий резкий звук взрыва прервал плавное течение ее мыслей; у нее защемило сердце и перехватило дыхание. Оба охранника дернулись. «Ну, услышала взрыв, — мысленно пролепетала Корделия. — Совсем необязательно он имеет отношение к Эйрелу. — Но голос разума холодно уточнил: — Похоже на акустическую гранату. И не маленькую».

Из ущелья улицы в нескольких кварталах от резиденции поднимался столб дыма и пыли. Она наклонилась вперед...

— Миледи, — охранник взял ее за плечо. — Пожалуйста, вернитесь в дом.

Его напарник прижал к уху запястье с комм-браслетом, напряженно впитывая информацию. А у нее такого браслета сейчас не было.

— Что происходит? — спросила Корделия.

— Миледи, пожалуйста, спускайтесь! — Он подвел ее к люку чердака. — Я уверен, что все в порядке.

— Это была акустическая граната четвертого класса, выпущенная, по-видимому, из пневматического гранатомета, — сообщила она этому невежде. — Если только метавший — не камикадзе. Вы что, никогда не слышали, как они взрываются?

Из люка выскочила Друшикко, сжимавшая в руке намазанный маслом рогалик. В другой она держала парализатор.

— Миледи?

Охранник с облегчением подтолкнул Корделию к ней и вернулся к своему старшему. Душа Корделии стонала, но она стиснула зубы и позволила телохранительнице увлечь себя на чердак.

— Что случилось?

— Пока не знаю. В подвальной столовой зажегся красный сигнал тревоги, и все бросились на свои посты, —

ответила запыхавшаяся Дру. Похоже, она чуть ли не взлетела по шести лестничным пролетам.

С возгласом отчаяния Корделия помчалась вниз, особенно остро ощутив отсутствие лифта. Наверняка кто-нибудь дежурит у главного пульта в библиотеке — должно же хоть у кого-нибудь найтись комм-устройство... Она промчалась по винтовой лестнице, по белым с черным плитам холла.

Начальник охраны был там — он отдавал приказы. Дворецкий графа Петера дрожал от страха у него за спиной.

— Они едут прямо сюда, — бросил через плечо начальник охраны. — Срочно доставьте врача.

Дворецкий помчался исполнять приказ.

— Что случилось? — выпалила Корделия. Сердце у нее отчаянно колотилось — и не только от стремительного бега.

Он начал было говорить что-то успокаивающее и бессмысленное, но прервал себя на полуслове:

— Кто-то пальнул по машине регента. Промахнулся. Они едут сюда.

— Насколько промахнулся?

— Не знаю, миледи.

Наверное, и вправду не знает. Но раз машина осталась на ходу... Она беспомощным жестом разрешила ему продолжить свою работу и резко повернулась, чтобы выйти обратно в холл, однако наткнулась на двоих людей графа Петера, преградивших ей путь к двери. Она замерла на третьей ступеньке, кусая губы.

— Как вы думаете, лейтенант Куделка с ним? — чуть слышно спросила Друшикко.

— Вероятно. Обычно они вместе, — рассеянно ответила Корделия, не отрывая взгляда от двери. И ждала, ждала...

Она услышала, как подъехала машина. Один из слуг отворил наружную дверь. Охранники (и откуда их столько взялось?) обступили автомобиль сплошной стеной. Корделия успела заметить, что машина сильно поцарапана и покрыта копотью, но глубоких вмятин на ней видно не было. Заднее стекло уцелело, хотя на переднем был след от удара. Распахнулись дверцы, и Корделия вытянула шею,

пытаясь разглядеть мужа, скрытого зелеными спинами охранников. Тут они расступились, и в проеме показался лейтенант Куделка. Он растерянно моргал, из носа у него текла кровь. Капрал службы безопасности поддерживал его под руку. Наконец появился Форкосиган — он шел не спеша, отмахиваясь от предлагаемой со всех сторон помощи. Даже в такую минуту никто не посмел дотронуться до него без разрешения. Все вошли в дом, и дворецкий захлопнул входную дверь.

Адмирал поймал поверх многочисленных голов взгляд жены, и его мрачное лицо чуть просветлело. Он еле заметно кивнул: «У меня все в порядке».

Ее губы ответно дрогнули: «Смотри у меня».

Куделка возбужденно говорил:

— ...дьявольски большая дыра в асфальте! В нее бы целый грузовой катер влез. У водителя потрясающая реакция... Что? — Он покачал головой в ответ на какой-то вопрос. — Извините, у меня в ушах звенит. Повторите, пожалуйста.

Он замер с открытым ртом, прикоснулся к уху и изумленно уставился на окрасившуюся алой кровью руку.

— Ты временно потерял слух, Ку, — сказал Форкосиган. Голос его был спокойным, но чересчур громким. — К завтрашнему утру он восстановится.

Только Корделия догадалась, что говорит он так громко не ради Куделки: Форкосиган тоже ничего не слышал. Он слишком быстро двигал зрачками — и это было единственным признаком того, что ему приходится читать по губам.

Саймон Иллиан и врач появились почти одновременно. Обоих пострадавших увели в тихую гостиную в задней части дома; Корделия и Друшикко пошли следом. По требованию Форкосигана врач начал осмотр с Куделки.

— Один выстрел? — спросил Иллиан.

— Только один, — подтвердил Форкосиган, наблюдая за его губами. — Если бы он задержался, чтобы сделать второй, то мог бы прищучить меня.

— Если бы он задержался, мы сами смогли бы его прищучить. Следственная группа уже там. Стрелявший, естественно, давно скрылся. Ничего не скажешь, место он выбрал разумно — десятки путей к отступлению.

— Мы каждый день меняем маршрут, — проговорил Куделка; он с трудом следил за разговором, прижимая к лицу носовой платок. — Откуда он узнал, где устроить засаду?

— Видимо, утечка информации, — процедил капитан Иллиан.

— Не обязательно, — возразил Форкосиган. — Ближе к дому маршрутов не так уж много. Он мог ждать там несколько дней.

— Прямо у границы охраняемого района? — заметил Иллиан. — Не нравится мне это.

— Меня больше тревожит то, что он промахнулся, — ответил Форкосиган. — Почему? Может, это нечто вроде предупреждения?

— Это было старое оружие, — возразил Иллиан. — Система наведения могла отказать — никто из очевидцев не заметил «зайчика» от лазера. — Он умолк, заметив, как побледнела Корделия. — Миледи, я уверен, что стрелял какой-то сумасшедший. По крайней мере совершенно точно известно, что он был один.

— И откуда же у маньяка армейский гранатомет? — осведомилась она.

Иллиан смутился.

— Это мы обязательно выясним. Но гранатомет был явно старого образца.

— Разве вы не уничтожаете списанное вооружение?

— Его так много...

Корделия вспыхнула.

— Тому, кто стрелял, надо было сделать всего один выстрел. Если бы он не промахнулся, а попал в автомобиль, Эйрела разнесло бы на мелкие кусочки. Сейчас ваши следователи разбирались бы, которые молекулы его, а которые — от Ку.

Лицо Друшикко стало серым, а Форкосиган нахмурился.

— Хотите, Саймон, я вам точно подсчитаю амплитуду резонансных колебаний для герметичного пассажирского салона? — яростно и беспощадно продолжала Корделия. — Тот, кто выбрал имено это оружие, был компетентным военным техником — хотя, к счастью, плохим стрелком.

Она с трудом заставила себя замолчать, ощутив в своем голосе истерические нотки.

— Приношу свои извинения, капитан Нейсмит, — сухо проговорил Иллиан. — Вы совершенно правы. — Сейчас в его тоне не было и намека на иронию. Он кивнул ей и удалился с чрезвычайно озабоченным видом.

Врач подтвердил диагноз, уже поставленный Форкосиганом на основании боевого опыта, — акустический шок, выдал сильнодействующие таблетки от головной боли и тотчас уехал, пообещав заглянуть утром.

Поздно вечером Иллиан вернулся, чтобы обсудить происшедшее с начальником охраны. Увидев его, Корделия едва поборола желание схватить капитана за грудки и, прижав к ближайшей стене, вытрясти из него все, что ему известно. Взяв себя в руки, она спросила:

— Кто пытался убить Эйрела? Кому это нужно? Чего они надеются этим достичь?

Иллиан вздохнул:

— Вам короткий список, миледи, или длинный?

— А сколько человек в коротком списке? — спросила она с каким-то патологическим любопытством.

— Слишком много. Но, если хотите, я могу назвать вам верхний слой. — Он начал считать, загибая пальцы. — Цетагандийцы — всегда. Они рассчитывали на то, что здесь после смерти Эзара начнется политический хаос. И они вполне способны этому посодействовать. Убийство — куда более дешевый способ вмешательства по сравнению с оккупационным флотом. Комаррцы — из мести за старое

или в знак начала нового восстания. Многие из них до сих пор называют вашего супруга Мясником Комарры...

Корделия, знавшая историю этого ненавистного прозвища, поморщилась.

— Антифоры, потому что на их вкус регент слишком консервативен. Правое крыло военных, которые находят его чересчур демократичным. Кто-нибудь из уцелевших приверженцев принца Зерга и адмирала Форратьера. Бывшие сотрудники ныне разогнанного Министерства политвоспитания — хотя я сомневаюсь, чтобы кто-то из них мог промахнуться. Их ведь раньше готовил департамент Негри. Какой-нибудь обиженный фор, который считает, что в нынешних перестановках его незаслуженно обошли. Любой сумасшедший, имеющий доступ к оружию и горящий желанием прославиться. Мне продолжать?

— Не стоит. Так как же быть дальше? Если мотив имеется у слишком многих, то, может, не у всех была такая возможность?

— Здесь есть за что ухватиться, хотя результаты в основном пока отрицательные. Как я уже говорил, все сработано очень чисто. Тот, кто подготовил диверсию, должен был иметь доступ к определенного рода информации. Вот с этого мы и начнем.

Поразмыслив, Корделия пришла к выводу, что больше всего ее тревожит анонимность покушения. Если убийцей может оказаться любой, слишком велик соблазн подозревать каждого встречного. Похоже, сумасшествие здесь вроде гриппа — барраярцы заражают им друг друга. Ей оставалось лишь надеяться, что Иллиан и Негри совместными усилиями вскоре добудут какие-нибудь конкретные факты. Она загнала все страхи в крошечную каморку под сердцем и заперла их на замок — рядом со своим ребенком.

В эту ночь они долго лежали без сна, тесно прижавшись друг к другу. Говорить было не о чем, да и не хотелось. «Он промахнулся. Значит, идем дальше. До следующего покушения».

ГЛАВА 5

День рождения императора по традиции широко отмечался, и энтузиазм барраярцев ничуть не уменьшило то, что из-за смерти Эзара и воцарения Грегора они праздновали его второй раз в году. Во всех богатых домах задавались пиры, устраивали танцы, принимали ветеранов. Повсюду вспыхивали никем не контролируемые фейерверки, и Корделия подумала, что для государственного переворота или внезапного нападения на столицу лучшего дня не выбрать: в таком шуме никто не заметил бы даже артиллерийского обстрела. Треск бесчисленных петард начался еще на рассвете.

Дежурные охранники, давно привыкшие вскидываться при всяком неожиданном шуме, были напряжены до предела. Впрочем, пара новичков попыталась внести в праздник свою лепту, устроив собственный фейерверк в саду. Тут же у них состоялся короткий, весьма нелицеприятный разговор с начальником охраны. Позже Корделия видела, как они выносят мусор под командой насмешливой горничной — а младшая судомойка и помощник повара радостно помчались по домам, получив неожиданный отпуск.

Корделия отклонила приглашение посетить военный парад, дабы сохранить силы для вечернего мероприятия (как ей дали понять — самого важного в году): торжественного обеда в императорском дворце. Ей хотелось повидать Карин и Грегора — пусть даже мимолетно. К тому же можно было не сомневаться в том, что одета она будет, как подобает ее положению на Барраяре. Леди Форпатрил, досконально изучившая барраярские моды для беременных и обладавшая прекрасным вкусом, сжалилась над беспомощной инопланетянкой и взяла над ней шефство как модельер и эксперт.

Благодаря ее заботам Корделия чувствовала себя уверенно в превосходно скроенном шелковом платье цвета

изумруда, волнами спадавшем от плеч до пола, и широком жилете из мягкого кремового бархата. Живые цветы, искусно вплетенные в ее рыжие волосы чудодеем-парикмахером, присланным Элис, элегантно дополняли туалет. Подбор нарядов, как и неукоснительное следование церемониалу, давно уже стал здесь национальным видом искусства, таким же сложным, как бетанский макияж для тела. На реакцию мужа Корделия не полагалась, но восторженные восклицания горничных убедили ее, что мастера поработали на славу.

Скоро в холл спустились оба Форкосигана и лейтенант Куделка. Адмирал и лейтенант были в дворцовых красно-коричневых мундирах, а старый граф — в своем роскошном коричнево-серебряном камзоле, предназначавшемся для особо торжественных случаев. Друшикко, сопровождавшая Корделию, была в наряде тех же тонов, что и хозяйка. Покрой ее одежды был рассчитан на то, чтобы не стеснять движений и скрывать вооружение и комм-устройство.

Несколько мгновений все молча восхищались друг другом, затем направились к выходу. Регентский кортеж ждал у дверей. Адмирал подсадил жену в машину, но сам отступил назад:

— Увидимся во дворце, дорогая.

— Что? — Она обернулась: — О! Значит, второй автомобиль... это не просто из-за того, что нас много?

— Нет. Мне кажется... разумным, чтобы с этого дня мы с тобой ездили в разных машинах.

— Да, — чуть слышно сказала она. — Конечно.

Он кивнул и отвернулся.

Будь проклята эта планета! Она отобрала еще одну часть их жизни. У них и так почти нет времени, чтобы побыть вдвоем, и даже эта крошечная потеря причиняет боль.

Рядом с Корделией сел граф Петер. Друшикко устроилась напротив, и машина плавно вывернула на улицу. Корделия прижалась носом к стеклу, пытаясь увидеть адмиральский лимузин, но тот отстал и оказался вне поля зрения. Вздохнув, она отвернулась и села прямо.

Желтое солнце садилось в серую гряду облаков: в прохладном осеннем сумраке начали зажигаться фонари. Город казался строгим и немного печальным. Сейчас Корделию даже обрадовали шумные толпы, высыпавшие на улицы по случаю торжеств. Праздничный фейерверк напомнил ей обычай древних жителей Земли стучать в тазы и стрелять из ружей во время лунных затмений, чтобы прогнать небесного дракона, пожирающего светило. Эта странная осенняя печаль... она может поглотить неосторожную душу.

Узловатые пальцы графа теребили коричневый шелковый мешочек с вышитым гербом Форкосиганов. Корделия с интересом посмотрела на него:

— Что это?

Старик чуть заметно улыбнулся и протянул ей мешочек:

— Это называется кошелек. А в нем — золотые монеты.

Опять народное искусство! Мешочек и его содержимое были удивительно приятны на ощупь. Она провела рукой по шелку, восхищаясь вышивкой, и вытряхнула на ладонь несколько сверкающих кружочков со сложной чеканкой.

— Очень красиво. — Ей вспомнились почерпнутые откуда-то сведения, что в Период Изоляции золото считалось на Барраяре исключительно ценным материалом. В ее бетанском сознании слово «золото» ассоциировалось с чем-то вроде «полезный металл, применяемый в электронной промышленности», но древние относились к нему чуть ли не с мистическим обожанием. — Это что-то означает?

— Ха! Еще бы. Это подарок императору ко дню рождения.

Корделия представила себе, как пятилетний Грегор играет с кучкой золотых монет. Интересно, что он будет с ними делать — построит пирамидку? Она надеялась, что император уже вышел из того возраста, когда любой привлекательный предмет отправляется в рот: таким увесистым кружочком недолго и подавиться.

— Думаю, Грегор будет очень рад, — скрыв сомнения, проговорила она.

Граф засмеялся.

— Ты не понимаешь, что происходит, да?

Корделия вздохнула:

— Как обычно, сэр. И рассчитываю на вашу подсказку.

Она откинулась на спинку сиденья, приготовившись слушать. Граф со временем даже полюбил объяснять невестке барраярские обычаи — ему было приятно обнаружить очередной закоулок ее бетанской безграмотности и заполнить его барраярской информацией с собственными комментариями. А Корделия уже пришла к убеждению, что, читай он эти лекции еще хоть двадцать лет, — она не перестанет изумляться очередной загадкой барраярских нравов.

— День рождения императора — традиционная дата окончания финансового года в каждой графской провинции, — начал старый Форкосиган. — Иначе говоря, это день уплаты налогов — но вот только форы налогом не облагаются. Это несовместимо с нашим достоинством. Вместо этого мы преподносим императору подарок.

— А-а... — сказала Корделия. — Но управление планетой, сэр, нельзя окупить шестью десятками мешочков с золотом.

— Конечно, нельзя. Реальные средства были переведены в Форбарр-Султан из Хассадара днем, по комм-связи. Золото — это просто символ.

— Позвольте, разве вы в этом году еще не переводили деньги в казначейство?

— Весной, для Эзара. Да. Ну а теперь мы изменили дату окончания финансового года.

— Разве это не нарушит всю систему расчетов?

Старик пожал плечами:

— Мы справляемся. — Неожиданно он усмехнулся. — А вообще-то ты знаешь, откуда пошло слово «граф»?

— Я думала, с Земли. Доатомный... кажется, позднеримский термин, обозначавший аристократа, управлявшего графством. Или наоборот — подвластную область называли по титулу правителя?

— На Барраяре это слово произошло от слова «графа́». Первые графы во время Форадара Тау (кстати, потрясающий был бандит, советую тебе о нем почитать) были его бухгалтерами, сборщиками налогов.

— А я-то думала, что это военный титул. В подражание средневековой истории.

— О, военная сторона дела проявилась очень скоро, когда пришлось вытряхивать денежки из тех, кто не желал платить. Позже чин приобрел блеск.

— А я и не знала! — Она посмотрела на него с внезапным подозрением: — Вы меня не разыгрываете, сэр?

Старик обиженно развел руками. «Опять мимо, — подумала Корделия. — Да уж, здесь без карты не сориентируешься».

Они подъехали к главным воротам императорского дворца. Охрана была, как обычно, бдительна и даже более многочисленна, чем всегда, но в остальном произошли разительные перемены. Каменную громаду расцвечивали гирлянды цветных фонариков, парк был ярко освещен, и повсюду — на аллеях, у фонтанов, на широких мраморных террасах — виднелись группы нарядно одетых людей.

Автомобиль регента остановился у входа, когда они уже входили в восточный портик. Корделия облегченно вздохнула, снова оказавшись рядом с мужем, и взяла его под руку. Он улыбнулся, с гордостью любуясь женой, и незаметно поцеловал ее в шею, притворившись, будто поправляет вплетенные в прическу цветы. Она в ответ тайком сжала ему руку, и они начали подниматься по длинной пологой лестнице. Мажордом, распахнув двери, громко объявил об их приходе — и к ним повернулись, как со страху показалось Корделии, тысячи любопытных лиц. На самом же деле здесь было не более двух сотен человек. В конце концов, решила она, это совсем не так неприятно, как, например, смотреть в дуло нейробластера.

Они двинулись по залу, обмениваясь приветствиями и произнося вежливые фразы. «И почему бы им не прико-

лоть таблички с именами?» — с тоской подумала Корделия. Как всегда, все, кроме нее, друг друга знали. Она представила себе, как начинает великосветскую беседу словами: «Эй вы, фор...» — и покрепче уцепилась за локоть Эйрела. Лучше уж выглядеть таинственной незнакомкой, чем круглой дурой, не имеющей понятия о правилах хорошего тона.

В следующем зале происходила церемония вручения кошельков: графы или их представители выстроились в очередь, спеша исполнить свой долг — и каждый при этом произносил небольшую, но весьма высокопарную речь. Император Грегор, которому, как заподозрила Корделия, давно уже пора было спать, сидел на троне рядом с матерью. Мальчик выглядел очень усталым, но мужественно подавлял зевоту. Корделия подумала, что ему, наверное, не разрешат оставить себе мешочки с монетами: скорее всего, их возвращают обратно, чтобы на следующий год дарить снова. Ничего себе! День рождения малыша — ни поиграть с детьми, ни повеселиться, и кругом одни взрослые. Но графов пропускают быстро, может, ему скоро удастся освободиться.

Очередной даритель опустился на колено перед троном, протягивая императору свой бежево-золотой кошель. Корделия узнала графа Вейдла Фордариана, которого ее муж охарактеризовал как главу «второй по консервативности партии». Впрочем, этот человек совсем не походил на фанатика. Сейчас, когда его лицо не уродовал гнев, он был даже привлекателен. Вручив Грегору ритуальную дань, граф повернулся к принцессе и сказал что-то, отчего Карин слегка запрокинула голову и рассмеялась. Его рука словно бы невзначай коснулась платья принцессы, а ее — на мгновение коснулась его руки, но Фордариан уже начал подниматься, уступая место следующему графу. Когда он отошел, улыбка Карин погасла.

При виде Форкосиганов с Дру Грегор оживился и что-то горячо зашептал на ухо матери. Карин поманила придворного, и через несколько секунд к Корделии подошел

начальник дворцовой охраны, попросивший разрешения ненадолго отвлечь мисс Друшикко. Ее заменил флегматичного вида молодой великан, следовавший за ними на такой дистанции, чтобы не слышать разговоров и в то же время, находясь поблизости, не мозолить глаза — непростой трюк для человека столь крупного.

К счастью, им скоро встретились лорд и леди Форпатрил, с которыми Корделия могла беседовать безо всякого напряжения. Дворцовый красно-синий мундир был очень к лицу капитану, но его затмевала леди Форпатрил в платье цвета красного сердолика и с розами такого же цвета, искусно вплетенными в ее пышные темные волосы. Вот идеальная чета форов, подумала Корделия, счастливых, довольных собой и безмятежных. Это впечатление не портило даже то, что капитан, как вскоре выяснилось, был уже изрядно навеселе.

Форкосигана тут же перехватили какие-то сановники, и он удалился, поручив Корделию заботам леди Форпатрил. Они двинулись по залу; мимо пробегали слуги, разносившие закуски и вина. Как и следовало ожидать, разговор начался с грядущего материнства, волнующего обеих дам. Лорд Форпатрил выдержал недолго — он поспешно извинился и пустился в погоню за подносом с бокалами. Элис тем временем переключилась на обсуждение расцветки и покроя очередного платья своей новой подруги.

— Для новогоднего бала тебе надо выбрать черное с белым, — решительно заявила она. Корделия послушно кивнула. Интересно, скоро ли все усядутся за стол, или предполагается, что они так и будут клевать с подносов?

Элис провела ее в дамскую комнату, а на обратном пути познакомила еще с несколькими матронами. Разговор тут же обратился к предстоящему званому вечеру, который собиралась устроить одна из дам по случаю совершеннолетия своей дочери. Воспользовавшись моментом, Корделия незаметно отошла в сторону, чтобы немного побыть в одиночестве и тишине. Как все пере-

путано на этом Барраяре. То он домашний и знакомый, то совсем чужой и пугающий... Уединившись, Корделия вдруг осознала, чего ей не хватает. Конечно, видеокамер! Ведь здесь нет ни одной! В Колонии Бета церемония такого масштаба непременно транслировалась бы на всю планету, и движение каждого вплеталось бы в тщательно отрежиссированный танец перед видеокамерами и ведущими. Здесь же ни одной камеры не было. Запись вела только служба безопасности, но в своих собственных целях, и режиссура ей не требовалась. Гости говорили и двигались только друг для друга, и вся красота, весь блеск этого вечера уже через несколько часов исчезнут, сохранившись только в воспоминаниях.

— Леди Форкосиган?

Раздавшийся совсем рядом голос вывел Корделию из задумчивости. Повернувшись, она оказалась лицом к лицу с коммодором графом Фордарианом. То, что на нем был красно-синий мундир, а не его фамильные цвета, свидетельствовало, что граф состоит на действительной службе. Интересно, чем он занимается? Да, ведь Эйрел говорил — генеральный штаб, боевое планирование... Сейчас в руке у Фордариана был бокал с вином, а на губах — сердечная улыбка.

— Граф Фордариан, — отозвалась она, тоже улыбаясь. Они уже не раз виделись, хотя и мельком, и Корделия решила, что можно обойтись без церемонии взаимных представлений. От регентства, к сожалению, никуда не деться, так что пора ей заводить собственные знакомства и перестать на каждом шагу дергать Эйрела.

— Вам нравится прием? — спросил он.

— О да. — Она попыталась придумать, что бы еще сказать. — Все так прекрасно.

— Как и вы, миледи.

Граф поднял бокал, словно произнося тост в ее честь, и отпил глоток.

У Корделии замерло сердце; она успела осознать причину прежде, чем среагировала, — только глаза ее не-

много расширились: точно таким движением ее приветствовал когда-то адмирал Форратьер, и было это совсем в другой обстановке... Нет, сейчас не время для мучительных воспоминаний.

— Леди Форпатрил очень мне помогла, — произнесла Корделия, чтобы чем-то заполнить паузу. — Она так добра ко мне.

Фордариан деликатно кивнул в направлении ее живота:

— Насколько я понимаю, вас можно поздравить. Мальчик или девочка?

— Да, благодарю вас. Мальчик. Мне сказали, что его надо будет назвать Петер Майлз.

— Какая досада! Наверное, лорд-регент был бы куда более обрадован, если бы оказалась дочь.

Корделия склонила голову набок, удивленная явно ироническим тоном собеседника.

— А мне казалось, что все барраярские военные мечтают о сыновьях. Почему вы заговорили о дочери?

— Я полагаю, лорд Форкосиган весьма заинтересован в сохранении своей власти и после окончания срока регентства. И вы, миледи, наверняка согласитесь, что ему не найти для этого более галантного способа, как естественный переход в ранг императорского тестя?

Корделия пришла в полное недоумение:

— Вы думаете, Эйрел стал бы всерьез рассчитывать на то, что его будущая дочь и принц полюбят друг друга через полтора десятка лет?

— Полюбят? — в свою очередь изумился граф.

— Вы, барраярцы, просто... — Корделия едва успела прикусить язык, с которого готово было сорваться слово «ненормальные». — Уверяю вас, сэр, мой муж гораздо... прагматичней.

— Как интересно, — оживился Фордариан и вновь скользнул взглядом по ее животу. — Вы полагаете, его планы более прямолинейны?

— Простите? Не поняла.

Он улыбнулся и пожал плечами.

Почему-то она никак не могла уловить тайный смысл этого нелепого разговора. Корделия нахмурилась:

— Вы хотите сказать, что, родись у нас девочка, все думали бы так же, как вы?

— Безусловно.

Она досадливо вздохнула.

— Господи! Это... Не могу себе представить, чтобы кто-то в здравом уме пожелал хоть на минуту приблизиться к барраярскому трону — стать добровольной мишенью для любого маньяка. — На секунду пред ней предстало залитое кровью лицо оглохшего лейтенанта Куделки. — И заодно подвергнуть смертельной опасности тех, кто, на свою беду, окажется в эту минуту рядом с ним!

Граф сочувственно покивал.

— Да-да, тот неприятный инцидент. Вы не знаете, расследование уже принесло какие-нибудь результаты?

— Насколько мне известно, Негри и Иллиан подозревают в первую очередь цетагандийцев. Но стрелявшему удалось уйти.

— Обидно.

Фордариан залпом допил вино и, остановив разносившего напитки лакея, заменил свой пустой бокал полным. Корделия посмотрела на него с завистью — ей приходилось воздерживаться от спиртного. Вот и еще одно преимущество бетанских маточных репликаторов — не надо соблюдать все эти чертовы предосторожности. Дома она могла бы сколько угодно отравляться и вообще попадать в любые передряги, а ребенок бы тем временем спокойно рос под круглосуточным надзором трезвых техников, в незыблемом и безопасном уюте репликационного банка... А если бы она угодила под акустическую гранату? От такой мысли ей нестерпимо захотелось выпить.

Ладно, решила Корделия, обойдемся и без выпивки: разговор с барраярцами отупляет не хуже этанола. Она всмотрелась в толпу, ища глазами Форкосигана. Вот он — вместе с Ку беседует о чем-то с графом Петером и еще

двумя седеющими мужчинами в графских камзолах. Как и предполагал Эйрел, слух у обоих восстановился через несколько дней.

— Лорда сильно обеспокоило это покушение? — спросил Фордариан, проследив ее взгляд.

— А вас бы такое не обеспокоило? — удивилась Корделия. — Не знаю... Он в своей жизни повидал столько насилия!.. Я даже представить себе не могу, сколько. Возможно, он уже просто не замечает выстрелов и взрывов. «Хотела бы и я их не замечать».

— Но ведь вы знакомы очень недавно. Только с Эскобара, если мне не изменяет память.

— Мы встречались и до войны. Мимолетно.

— Вот как? — Фордариан приподнял брови. — Я этого не знал. Как мало мы знаем о других. — Он помолчал, задумчиво переводя взгляд с регента на Корделию, потом чуть заметно улыбнулся. — Он ведь бисексуал, знаете ли.

— Был бисексуалом, — рассеянно поправила его Корделия, с любовью наблюдая за мужем. — Сейчас он стопроцентно гетеросексуален.

Фордариан поперхнулся вином и закашлялся. Корделия никак не ожидала такого эффекта и уже хотела было похлопать своего высокородного собеседника по спине, но тот быстро восстановил и дыхание, и самообладание.

— Он сам вам сказал? — изумленно просипел граф.

— Нет, мне это сообщил адмирал Форратьер. Как раз перед своей... э-э... то есть перед несчастным случаем. — Фордариан, казалось, утратил дар речи, и Корделия ощутила прилив гордости — выходит, и ей по силам поставить в тупик барраярца. Если бы еще сообразить, что именно в ее словах так его огорошило... — Чем больше я думаю о Форратьере, — продолжала она, — тем более трагической кажется мне эта личность. Он был до конца одержим любовной связью, которая для Эйрела исчерпала себя еще восемнадцать лет назад. Но иногда я задумываюсь: а если бы он тогда удержал Эйрела — то разве смог бы Эйрел справиться с тем садизмом, который в

конце концов подорвал разум Форратьера? Они словно раскачивались на каких-то дьявольских качелях, где жизнь одного означала гибель другого.

— Бетанка... — Оцепенение Фордариана прошло, и в его глазах теперь забрезжило новое чувство, которое Корделия про себя определила как «ужас осознания». — Мне следовало бы догадаться. Ведь в конце концов именно ваш народ создал генетических гермафродитов... — Он помолчал. — И долго вы беседовали с Форратьером?

— Минут двадцать. Но это были очень насыщенные двадцать минут.

Корделия решила предоставить графу самостоятельно догадаться о смысле сказанного.

— Их... э-э... связь была в свое время огромным тайным скандалом.

Она сморщила нос.

— Огромным тайным скандалом? Разве эти понятия совместимы? Как «разведка боем» или «огонь на себя»? Типичные барраяризмы, на мой взгляд.

Лицо Фордариана приняло какое-то странное выражение, и Корделия вдруг поняла, что так должен выглядеть человек, который швырнул в своего врага бомбу, а у него вместо «бумм!» получилось «пшик».

И тут настала ее очередь для «ужаса осознания». «Этот человек только что пытался взорвать мой брак. Нет... Брак Эйрела».

Она постаралась сохранить безмятежно-довольный вид, а ее мысли тем временем заработали — наконец-то! — на предельных оборотах. Фордариан не мог принадлежать к военной партии Форратьера — все ее лидеры погибли в эскобарской мясорубке, а рядовые члены рассеялись и сидели тихо. Что ему надо? Она поправила вплетенный в прическу цветок и решила, пока это возможно, прикидываться простушкой.

— Я и не думала, что выхожу замуж за сорокачетырехлетнего девственника, граф Фордариан.

— Да, конечно. — Он сделал еще глоток вина и улыбнулся. — Интересно, какие извращения он прощает

вам? — И вдруг глаза его блеснули откровенной злобой. — Вы знаете, как умерла первая жена лорда Форкосигана?

— Самоубийство. Приставила к голове плазмотрон, — мгновенно отозвалась Корделия.

— Ходили слухи, что он сам убил ее. — Улыбка графа стала насмешливо-любезной. — За измены. Так что берегитесь, бетанка.

Теперь в его словах звучала угроза.

— Да, это я тоже слышала. Но в данном случае молва лжет. — Их разговор уже лишился видимости дружелюбия, и Корделия почувствовала, что запас ее самообладания иссякает. Она подалась вперед, понизив голос: — А вы знаете, почему погиб Форратьер?

— Э-э... Нет, не знаю. — Граф был явно заинтригован таким поворотом разговора.

— Он попытался причинить Эйрелу боль, воспользовавшись мною. Меня это... рассердило. И лучше бы вам, граф Фордариан, прекратить меня сердить. А то, не дай Бог, рассержусь! — И добавила совсем тихо, почти прошептала: — А это опасно.

К ее удивлению, угроза подействовала — покровительственно-пренебрежительный тон Фордариана исчез как по мановению волшебной палочки. Он сделал плавный жест, долженствовавший изображать прощальный поклон, и попятился:

— Миледи...

Уходя, граф оглянулся на нее через плечо, и взгляд его был откровенно испуганным.

Корделия, нахмурившись, смотрела ему вслед. Ого! Ну и странная вышла перепалка... Чего он ожидал, сообщая ей это устаревшее известие, словно бог весть какую страшную тайну? Неужели Фордариан вообразил, будто она устроит скандал мужу за то, что он плохо выбирал себе друзей двадцать лет назад? Может, наивная невеста-барраярка впала бы от подобной новости в истерику? «Он выстрелил, но промахнулся».

И следом пришла ледянящая мысль: «Может быть, он уже однажды стрелял и тоже промахнулся?»

Это не было обычным светским разговором даже по меркам Барраяра, где беседа сродни фехтованию и каждый старается набрать побольше очков. Но, может, он просто пьян? Ей вдруг очень захотелось поговорить с Иллианом. Она прикрыла глаза, пытаясь успокоиться и рассуждать здраво.

— Как ты себя чувствуешь? — озабоченно спросил оказавшийся вдруг рядом Форкосиган. — Тебе не нужно принять твое лекарство от тошноты?

Корделия открыла глаза. Вот он, целый и невредимый, стоит тут, рядом с ней.

— О, я в полном порядке. — Она неожиданно взяла его под руку. (Никаких волнений, никаких!) — Просто задумалась.

— Гости уже рассаживаются.

— Прекрасно. Приятно будет сесть, а то у меня просто отваливаются ноги.

У Эйрела был такой вид, словно он сейчас подхватит жену на руки и понесет, но они чинно прошествовали к своим местам. Согласно церемониалу, их усадили за императорский стол; сюда же были приглашены премьер-министр Фортела и лорд-протектор с супругой. По настоянию Грегора с ними села и Друшикко; видно было, что он души не чает в своей бывшей телохранительнице. «Я отняла у тебя подругу игр, малыш?» — виновато подумала Корделия. Похоже, что так. Привыкшая к дворцовой атмосфере Дру чувствовала себя как рыба в воде в отличие от Куделки, который оцепенел, боясь совершить какую-нибудь промашку.

Корделию посадили между графом Фортелой и лордом-протектором. Первый министр был, как всегда, обаятелен и прост в обращении, и застольная беседа не потребовала чрезмерных усилий. Корделия даже расхрабрилась и рискнула отведать всех подаваемых яств, за исключением жареного теленка, которого внесли целиком на огромном блюде. Обычно ей удавалось забыть о том, что на Барраяре белок не синтезируют, — он попадает в организм вместе с мясом убитых животных; во время ас-

троэкспедиций она сама пару раз пробовала органическую ткань — в интересах науки. Но чтобы такое... Барраярцы встретили украшенный фруктами и цветами натюрморт аплодисментами, и повар, вышедший вслед за своим творением, раскланялся. Затем он ловко разрезал теленка, и слуги начали разносить гостям жаркое. Форкосиган выбрал порцию с кровью, и Корделия залпом выпила стакан воды.

После десерта и коротких официальных тостов, произнесенных премьер-министром и регентом, Карин увела Грегора спать, незаметно пригласив Корделию и Друшико последовать за ними. Когда они вышли из огромного зала и поднялись в тихие личные покои императора, Корделию немного отпустила напряженность.

Грегора освободили от его мундирчика, и он нырнул в пижаму, снова превратившись во вполне обычного маленького мальчика. Дру проследила за тем, чтобы император почистил зубы, и в качестве особой поблажки согласилась сыграть с ним всего одну партию в какую-то местную разновидность шахмат. Карин, поцеловав сына, увела Корделию в гостиную, смежную со спальней. Здесь царил полумрак, в открытые окна из дворцового парка влетал ночной ветерок. Обе женщины со вздохом облегчения опустились на диван; принцесса скинула туфли, и Корделия тут же с радостью последовала ее примеру. Снизу, из темных аллей, доносились отдаленные голоса и смех.

— Сколько продлится праздник? — спросила Корделия.

— До рассвета — для тех, у кого хватит сил. Я уйду к себе в полночь, после чего за дело примутся любители выпить.

— Некоторые, похоже, выпили уже немало.

— К сожалению, — улыбнулась Карин. — Сегодня вы сможете наблюдать форов во всей их красе.

— Могу себе представить. Удивляюсь, почему вы не импортируете менее смертоносные средства воздействия на сознание.

Улыбка Карин стала жестче.

— Пьянство на Барраяре — это традиция. — Она немного смягчила тон. — По правде говоря, эти снадобья уже появляются, по крайней мере в городах, где есть космопорты. Но мы предпочитаем дополнять свои обычаи, а не заменять их.

— Вероятно, это самый правильный путь. — Корделия засмеялась, прикидывая, как бы поделикатнее сформулировать свой вопрос. — Скажите, ваше высочество, граф Вейдл Фордариан тоже относится к числу ревнителей традиционного барраярского пьянства?

— Нет. — Карин настороженно сощурилась. — А почему вы спрашиваете?

— У меня с ним был очень странный разговор. Я подумала, не объясняется ли эта странность чрезмерной дозой этанола. — Она вспомнила прикосновение руки Фордариана к колену принцессы — почти интимную ласку. — Вы хорошо его знаете? Что он за человек?

Карин задумчиво сказала:

— Он богат... горд... Остался верен старому императору во время последних интриг Зерга, подкапывавшегося под отца. Он предан Барраяру, всегда был защитником интересов дворянства. В провинции Фордариана четыре крупных промышленных города, военные базы, склады, крупнейший военный космопорт... Война почти не коснулась тех мест — они были среди немногих, откуда цетагандийцы ушли без боя, по мирному договору. Мы построили там наши первые космические базы, использовав аэродромы врагов...

— Простите, ваше высочество, — перебила Корделия, — но меня больше занимает личность этого человека. Например, его... э-э... симпатии и антипатии. Он вам нравится?

— Одно время, — медленно проговорила Карин, — я надеялась, что Вейдл сумеет защитить меня от Зерга. Когда болезнь Эзара обострилась, я поняла, что мне необходимо подумать о самозащите. Я находилась в полной изоляции.

— Но если бы кронпринц Зерг стал императором, разве смог бы простой граф защитить вас? — спросила Корделия.

— Ему пришлось бы стать... чем-то большим, чем граф. Вейдл честолюбив, и если бы его честолюбие удалось направить должным образом, он мог стать спасителем и для меня, и для всей страны — видит Бог, останься Зерг жив, он погубил бы Барраяр. Но император Эзар пообещал, что мне ничего не надо бояться, — и он сдержал свое слово. Кронпринц Зерг умер раньше своего отца. И вот с тех пор я пытаюсь охладить мои отношения с Вейдлом.

Корделия в замешательстве потерла верхнюю губу.

— Но вы лично... я имею в виду — он вам нравится? Может быть, роль графини Фордариан когда-нибудь станет для вас приятным отдыхом после роли вдовствующей принцессы?

— Нет, теперь — нет. Отчим императора был бы слишком сильной фигурой, недопустимой в условиях регентства. Назначенный правитель никогда не уживется с человеком, столь близким к трону. Единственно возможный вариант — если это будет одна и та же личность.

— Например, тесть императора?

— Да, именно так.

— Как трудно понять ваши обычаи... Но скажите, вы сами имеете какое-либо право на власть или нет?

— Мою судьбу решают военные. — Принцесса пожала плечами, и голос ее зазвучал тише. — Это похоже на болезнь, правда? Я слишком близка ко всему этому, я затронута, заражена... Грегор — моя надежда на жизнь. И моя тюрьма.

— И вы не стремитесь вести собственную игру?

— Нет. Я просто хочу жить.

Корделия ощутила острый прилив жалости. «Это Зерг научил тебя довольствоваться малым?»

— А граф Фордариан тоже так считает? Ведь власть — не единственное, что вы можете предложить. Мне кажется, вы недооцениваете своей личной привлекательности.

— На Барраяре власть — единственное, что имеет значение. — Лицо принцессы стало отчужденным. — А что до

всего остального... Я когда-то попросила Негри составить мне доклад о Вейдле. Со своими наложницами он обращается вполне прилично.

Такой отзыв, на взгляд Корделии, не вполне соответствовал признанию в страстной любви. И все-таки она была уверена, что во время вручения подарков видела в глазах Фордариана не просто стремление к власти. Может быть, регентство Форкосигана каким-то образом расстроило брачные планы этого человека? Может, именно этим объясняется окрашенная сексуальными тонами враждебность в его разговоре с ней?..

Друшикко на цыпочках вошла в гостиную.

— Он уснул, — нежно прошептала она.

Карин кивнула и откинулась на спинку дивана — секунда отдыха. Но почти тут же в дверях возник ливрейный лакей.

— Не откроете ли вы бал в паре с лордом-регентом, миледи? Все ждут.

Просьба или напоминание об обязанностях? Бесстрастный тон слуги заставлял даже танцы воспринимать скорее как долг, чем как приятное развлечение.

— Последняя обязанность сегодняшнего вечера, — успокоила принцесса свою гостью, пока они обе поспешно всовывали ноги в туфли. Корделия могла бы поклясться, что с начала вечера ее обувь уменьшилась размера на два. Она заковыляла следом за Карин, а Дру замыкала процессию.

Выложенные из драгоценных пород дерева цветы, фантастические животные и виноградные лозы сплелись в замысловатый узор на мозаичном паркете огромного зала. В Колонии Бета такое полированное деревянное чудо украсило бы стену музея — а эти невероятные люди ходили по нему и даже танцевали! Оркестр — не электронный, а из живых музыкантов (Корделии объяснили, что попасть в него можно, лишь победив на жесточайшем конкурсе) — играл какую-то национальную мелодию. О-ох! Даже вальсы здесь напоминали военные марши.

Эйрела и принцессу подвели друг к другу, и они двинулись по кругу в торжественном танце, состоявшем из зеркального повторения шагов и поворотов партнера. Протянутые руки ни разу не соприкоснулись. Корделия была очарована — она и не подозревала, что Эйрел умеет танцевать. На этом официальная часть закончилась, и к танцу присоединились другие пары. Раскрасневшийся адмирал вернулся к жене.

— Потанцуем, миледи?

«После такого обеда? Скорее, поспим». Как ему удается сохранять такую активность? Наверное, из-за тайного ужаса. Она с улыбкой покачала головой:

— Я не умею.

— А-а. — Они медленно пошли вокруг зала. — Я мог бы тебя научить, — предложил он, когда они вышли на террасу, уходившую ступенями в сад, где царили приятная прохлада и темнота. Лишь редкие цветные фонарики слегка освещали дорожки.

— Не знаю... — с сомнением отозвалась она. — Если только сможешь найти укромное местечко.

— А вот и... Ш-ш...

Его улыбка сверкнула в темноте, а пальцы предупреждающе сжали ей руку. Они оба неподвижно застыли у выхода на небольшую аллею, скрытую от посторонних глаз тисами и каким-то перистым розовым растением. Из зала лилась музыка.

— Попробуй, Ку, — уговаривала Друшикко. Дру и Ку стояли лицом друг к другу на дальней от Корделии и Эйрела стороне аллеи. Куделка нерешительно положил свою трость на каменный парапет и протянул ей руки. Они начали ступать, скользить и наклоняться, и Дру с серьезным видом считала такт: — Р-раз-два-три, р-раз-два-три...

Куделка оступился, девушка его подхватила; его руки сжались на ее талии.

— Это все напрасно, Дру! — И он в отчаянии замотал головой.

— Ш-ш-ш. — Она дотронулась пальцами до его губ. — Попробуй еще раз. Я — за. Сколько тебе пришлось прак-

тиковаться в координации движений рук, прежде чем у тебя все получилось? Готова спорить, не один раз.

— Старик не позволил мне сдаться.

— Ну, может, я тоже тебе не позволю.

— Я устал, — пожаловался Куделка. «Ну, так переключись на поцелуи, — мысленно посоветовала ему Корделия, с трудом подавив усмешку. — Этим можно заниматься сидя».

Однако Друшикко не отступала, и они начали снова:

— Р-раз-два-три, р-раз-два-три...

И снова их попытка закончилась, на взгляд Корделии, подходящей ситуацией — если бы только одному из них хватило ума и смелости продолжить.

Эйрел покачал головой, и они молча отступили за кусты. Увы — их деликатность оказалась напрасной: какой-то лорд-фор невидяще прошел мимо них, проковылял через полянку, заставив Ку и Дру замереть на полушаге, и, перегнувшись через каменный парапет, привычно блеванул на кусты внизу. Вдруг из темной зоны, ставшей его мишенью, послышались проклятия. Мужскому голосу вторил женский. Куделка схватил свою трость, и пара незадачливых танцоров поспешно ретировалась. Лорда-фора вырвало еще раз, и ставший его жертвой мужчина полез вверх по скользким камням, грозя обидчику физической расправой. Форкосиган осмотрительно увел Корделию.

Позже, дожидаясь машин у одного из выходов, Корделия оказалась рядом с лейтенантом. Куделка грустно оглядывался через плечо на императорскую резиденцию, откуда по-прежнему доносились громкие голоса и музыка.

— Хороший вечер, Ку? — приветливо спросила она.

— Что? О да, поразительный. Поступая на службу, я и думать не мог, что окажусь здесь. — Он моргнул. — Было время, когда я и думать не мог, что вообще где-нибудь окажусь. — А потом он добавил, совершенно огорошив Корделию: — Право, жаль, что к женщинам не прилагаются инструкции.

Корделия расхохоталась.

— Я могу то же самое сказать о мужчинах.

— Но вы с адмиралом Форкосиганом... вы совсем другие.

— Нет... ничуть. Может, мы просто научились на собственном опыте. Многим это так и не удается.

— Как вы думаете, у меня есть шанс на нормальную жизнь?

Он смотрел мимо нее, в темноту.

— Вы сами создаете свои шансы, Ку. И свои танцы.

— Вы говорите точь-в-точь как адмирал.

На следующее утро Корделия перехватила капитана Иллиана, когда тот заехал в резиденцию, чтобы выслушать ежедневный рапорт начальника охраны.

— Скажите мне, Саймон, граф Вейдл Фордариан у вас где — в большом списке или в малом?

Иллиан вздохнул:

— В большом — все, кого я могу припомнить.

— Я хочу, чтобы вы перевели его в малый список.

Он наклонил голову:

— Почему?

Корделия замялась.

— Мне кажется, у него менталитет убийцы. Такие стреляют в спину.

Иллиан скептически улыбнулся:

— Извините, миледи, но это непохоже на Фордариана. Я его знаю. Он всегда производил на меня впечатление откровенного и не слишком умного человека.

Насколько болезненной должна быть рана, насколько жгучим желание расквитаться, чтобы туповатый человек так тонко почувствовал, куда надо бить? Она не знала. И обязательно ли сочетаются личная и политическая враждебность? Нет. Его ненависть всеобъемлюща, а удар был направлен точно в цель — хоть он и просчитался.

— Переведите его в малый список, — повторила она.

Иллиан приподнял раскрытую ладонь, но это не был успокаивающий жест — скорее знак «довольно, я понял».

— Хорошо, миледи.

ГЛАВА 6

Корделия лениво следила за скользящей по земле тенью флайера — темной стрелкой, упрямо бегущей на юг. Стрелка пролетала через поля, пересекала ручьи, реки и пыльные дороги... Дорожная сеть на Барраяре осталась в зачаточном состоянии — ее развитие замерло с появлением, по окончании Периода Изоляции, персональных летательных аппаратов. С каждым километром, отделявшим их от лихорадочной атмосферы столицы, спадало напряжение. День в сельской местности — прекрасная мысль, давно следовало бы уехать. Она только жалела, что Эйрел не смог составить ей компанию.

Сержант Ботари заметил внизу какой-то ведомый лишь ему ориентир и чуть повернул штурвал, заложив плавный вираж. Друшикко, сидевшая рядом с Корделией, напряглась, чтобы не придавить свою госпожу. Доктор Генри — он сидел впереди, рядом с сержантом — разглядывал окрестности почти с таким же интересом, как и Корделия. Неожиданно повернувшись к ней, он произнес:

— Я глубоко благодарен вам за приглашение, миледи. Посещение поместья Форкосиганов — редкая честь.

— Правда? — удивилась Корделия. — Я знаю, что они мало кого приглашают, но приятели-лошадники графа Петера наезжают довольно часто. Это удивительные животные, — с чувством добавила она и на секунду задумалась, но потом решила, что доктор Генри и без подсказки поймет, что под «удивительными животными» она подразумевала лошадей, а не приятелей графа Петера. — Вы только намекните, что вас интересуют лошади, и граф Петер лично проведет вас по конюшне.

Похоже было, что доктор не слишком обрадован такой перспективой; во всяком случае, он начал нервно теребить воротник своего зеленого кителя. Врач-исследователь из императорского госпиталя привык общаться с достаточно высокопоставленными лицами, чтобы

не трепетать перед титулом или званием; видимо, дело объяснялось героическим ореолом, теми давними подвигами, которые превратили Форкосигана-старшего в живую легенду.

Петер стал генералом в возрасте двадцати двух лет, сражаясь с цетагандийцами в яростной партизанской войне, кипевшей когда-то в Дендарийских горах, синие силуэты которых только что возникли на горизонте. Император Дорка Форбарра мог дать ему только звание — в тот отчаянный момент так необходимые подкрепления, припасы и деньги взять было неоткуда. Двадцать лет спустя генерал Петер еще раз изменил историю Барраяра, поддержав Эзара Форбарру в гражданской войне, которой закончилось правление императора Ури Безумного.

— С графом легко поладить, — успокоила доктора Корделия. — Вы только восхищайтесь его лошадьми и задайте несколько вопросов о войне — все остальное время можете просто слушать.

Доктор был человеком неглупым, но такое напутствие его озадачило. Он изумленно покосился на супругу лорда-регента, видимо, подозревая какой-то подвох. Корделия приветливо улыбнулась.

Она заметила, что Ботари то и дело посматривает на нее в зеркало заднего обзора. Вот опять... Похоже, сержанту сегодня не по себе, решила Корделия, об этом говорят и слишком резкие движения его рук, и напрягшиеся мышцы шеи. Но понять, что творится на душе у Ботари по взгляду его желтых, чересчур глубоко и чересчур близко посаженных глаз было заведомо безнадежным делом. Беспокоится из-за визита врача? Что ж, такая тревога вполне понятна.

Пологие холмы внизу постепенно перешли в каменистые кряжи. За ними поднимались горы, и Корделия уловила отблеск первого снега на самых высоких вершинах. Ботари провел флайер над тремя рядами скал и снова повернул, бросив машину вверх по узкой долине. Еще несколько минут, еще одна гряда, и они увидели длин-

ное озеро. На мысу, увенчанном черной короной гигантского лабиринта выгоревших укреплений, приютилась деревня. Ботари посадил флайер в центре круга, нарисованного посреди самой широкой улицы.

Доктор Генри взял чемоданчик с инструментами.

— Осмотр займет всего несколько минут, — заверил он Корделию. — А потом можно лететь дальше.

Корделия чувствовала, что доктор немного побаивается Ботари. Даже сейчас он обращался к ней, а не к сержанту, словно она — переводчик, который сможет переложить его речь в слова, доступные Ботари. Сержант, конечно, способен испугать кого угодно, но ведь если делать вид, что его нет, он все равно никуда не исчезнет.

Они свернули в переулок, спускавшийся к самой воде, и Ботари постучал в дверь аккуратного двухэтажного домика. Им открыла улыбающаяся пожилая женщина.

— Доброе утро, сержант. Входите, все готово, миледи. — Она приветствовала Корделию неловким книксеном.

— Доброе утро, мистрис Хисопи. Как у вас приятно.

Внутри все сверкало чистотой: вдова военного, мистрис Хисопи прекрасно знала, что такое инспекторский смотр. Корделия понимала, что в обычные дни обстановка в доме нянюшки более непринужденная.

— Ваша малышка ведет себя прекрасно, — сообщила мистрис Хисопи, поворачиваясь к сержанту. — Утром она выпила всю бутылочку. И мы только что искупались. Вот сюда, доктор. Надеюсь, вы найдете, что все в порядке...

Она провела их наверх по узенькой лестнице. Одна из двух спален на втором этаже принадлежала ей, другая, выходившая окном на озеро, была превращена в детскую. В колыбельке ворковал темноволосый младенец с огромными карими глазами.

— Вот и умница, — улыбнулась мистрис Хисопи, беря девочку на руки. — Ну-ка, поздоровайся с папой! А, Элен? Лапочка моя.

Ботари остановился в дверях, опасливо глядя на малышку.

— У нее сильно выросла голова, — наконец выговорил он.

— Так обычно и бывает между двумя и тремя месяцами, — подтвердила мистрис Хисопи.

Доктор Генри разложил свои инструменты на пеленке, а мистрис Хисопи снова уложила девочку в колыбельку и начала ее раздевать. Они с доктором завели разговор о молочных смесях и младенческом пищеварении, а Ботари прошелся по тесной комнате, все рассматривая и ни до чего не дотрагиваясь. Здесь он выглядел вопиюще неуместным — огромная мрачная фигура в темном мундире. Голова сержанта коснулась наклонного потолка, и он осторожно попятился к двери.

Корделия с любопытством заглядывала через плечо доктора. Младенцы. Очень скоро и у нее будет такой. Словно в ответ ее живот затрепетал. Их сын, Петер Майлз, пока еще очень слабенький, но если он и дальше будет развиваться теми же темпами, то последнюю пару месяцев ей придется провести без сна. Она жалела, что не прошла в Колонии Бета курс подготовки родителей — пусть даже и не имея перспектив получить лицензию. Впрочем, на Барраяре все женщины как-то ухитряются рожать и без научно обоснованных методик. Мистрис Хисопи обучалась на собственном опыте — и вот сейчас у нее трое взрослых детей.

— Удивительно, — заметил доктор Генри, качая головой и записывая какие-то данные. — Совершенно нормальное развитие, насколько я могу судить. Никаких признаков того, что она вышла из маточного репликатора.

— Я тоже вышла из репликатора, — скромно призналась Корделия, и доктор невольно осмотрел ее с головы до ног, словно ожидая увидеть незамеченную им прежде пару щупалец. — Бетанский опыт свидетельствует, что важно не столько то, каким образом вы появились на свет, сколько то, кем становитесь по прибытии.

— Вот как?! — Он задумчиво нахмурился. — И у вас нет генетических дефектов?

— Ни малейшего, — заверила Корделия.

— Нам необходима эта технология. — Он вздохнул и принялся собирать инструменты. — Девочка в полном порядке, можете ее одеть, — добавил он, обращаясь к мистрис Хисопи.

Ботари шагнул вперед и навис над колыбелькой. Между бровями у него пролегли глубокие складки. Он осторожно прикоснулся пальцем к младенческой щечке, а потом потер большой и указательный палцы друг о друга, словно проверяя их чувствительность. Мистрис Хисопи искоса посмотрела на него, но ничего не сказала.

Ботари задержался, чтобы уплатить мистрис Хисопи по счету за месяц, а Корделия и доктор прошли к озеру в сопровождении Друшикко.

— Когда к нам в госпиталь привезли семнадцать эскобарских маточных репликаторов, присланных из военной зоны, — сказал Генри, — я, честно говоря, просто ужаснулся. Зачем сохранять эти никому не нужные эмбрионы — и с такими затратами? И зачем сваливать их в мою лабораторию? Но с тех пор я с ними свыкся, миледи. Я даже нашел для них применение — в терапии ожогов. Проект был утвержден неделю назад, и сейчас я над этим работаю.

И он начал с увлечением излагать свою теорию, которая, на взгляд Корделии, была вполне здравой.

— Моя мать работает в больнице Силики инженером по оборудованию, — сообщила она, когда доктор замолчал, чтобы перевести дух и услышать ее одобрение. — Она занимается как раз такими вещами.

Генри опять пустился в объяснения, но тут Корделия отвлеклась, чтобы поздороваться с двумя женщинами, шедшими им навстречу.

— Жены вассалов графа Петера, — пояснила она, когда те прошли.

— Я думал, они увозят свои семьи в столицу.

— Некоторые уезжают, другие остаются здесь. Жизнь здесь намного дешевле, а платят этим людям гораздо

меньше, чем я думала. К тому же провинциалы с подозрением относятся к столичной жизни. — Она слегка улыбнулась. — У одного из охранников две жены — одна здесь, вторая в городе. И никто из товарищей пока его не выдал. Надежные люди.

Генри приподнял брови:

— Ловко устроился.

— На самом деле — нет. Ему хронически не хватает денег, и он всегда выглядит озабоченным. Но никак не может решить, от которой жены отказаться. Похоже, любит обеих.

Доктор Генри, который собирался порыбачить, извинившись, отошел договориться об аренде лодки. В это время к Корделии подошла Друшикко и, понизив голос, спросила:

— Миледи... Каким образом у сержанта Ботари появился ребенок? Он ведь не женат, правда?

— Ты поверишь, если я скажу, что его принес аист? — весело спросила Корделия.

— Нет.

Дру нахмурилась — по-видимому она не одобряла такого легкомыслия. Корделия не могла ее винить. Она вздохнула. «Как мне вывернуться?»

— Но дело было почти так. Маточный репликатор прислали с Эскобара на курьерском корабле. Малышка дозрела в лаборатории госпиталя под присмотром доктора Генри.

— И она действительно дочь Ботари?

— О да. Генетически проверена. Именно так они определили...

Корделия оборвала фразу, не договорив. «Осторожно...»

— Но что такое эти семнадцать репликаторов? И как младенец попал в репликатор? Это... это серия каких-то экспериментов?

— Перенесли плаценту. Тонкая операция, даже по галактическим стандартам, но вполне освоенная, не на уровне эксперимента. Послушай... — Корделия замолча-

ла, быстро соображая. — Я расскажу тебе правду. — «Только не всю». — Маленькая Элен — дочь Ботари и молодой эскобарианки по имени Элен Висконти. Ботари... любил ее... очень сильно. Но после войны она не захотела лететь с ним на Барраяр. Ребенок был зачат... э-э... в барраярском стиле, и потом, когда они расстались, помещен в репликатор. Подобных случаев было несколько. Все репликаторы прислали в госпиталь, который был заинтересован в том, чтобы получше ознакомиться с новой технологией. После войны Ботари находился... на лечении — довольно длительном. Но выздоровев, он взял на себя заботу о девочке.

— А другие тоже забрали своих детей?

— Большинство других отцов к тому времени погибли. Младенцы попали в приют для детей военнослужащих.

Вот так. Официальная версия, все в полном порядке.

— Как-то странно... — Друшикко хмуро смотрела в землю. — Трудно представить себе Ботари... По правде сказать, — выпалила она с внезапной откровенностью, — я вовсе не уверена, что поручила бы Ботари заботиться даже о кошке. Разве он не кажется вам немного сумасшедшим?

— Мы с Эйрелом присматриваем за ним. По-моему, Ботари пока прекрасно справляется. Он самостоятельно нашел мистрис Хисопи, исправно платит ей и следит за тем, чтобы у девочки было все необходимое. А что, он тебя как-то волнует?

Друшикко кинула на Корделию взгляд, полный изумления и как бы говоривший: «Вы что, шутите?»

— Он такой огромный. И уродливый. И он... иногда что-то бормочет себе под нос. И так часто болеет — по нескольку дней подряд не встает с постели. Но у него нет ни жара, ни чего-либо подобного... Командир людей графа Петера считает, что Ботари — симулянт.

— Он не симулянт. Но я рада, что ты об этом сказала. Надо будет Эйрелу побеседовать с командиром и объяснить, что к чему.

— Но разве вы его не боитесь? По крайней мере в его плохие дни?

— Глядя на него, мне хочется плакать, — медленно проговорила Корделия, — но я его не боюсь. Ни в плохие, ни в хорошие дни. И тебе тоже не следует бояться его.

— Извините. — Друшикко чертила носком туфли по гравию. — Это очень печальная история. Неудивительно, что он не рассказывает об эскобарской войне.

— Да. Я... была бы очень признательна, если бы ты с ним об этом не заговаривала. Ему это очень тяжело.

Короткий перелет через узкую часть озера — и они оказались в поместье Форкосиганов. Сто лет назад дом был форпостом крепости, расположенной на мысу, а теперь, когда надобность в наземных укреплениях отпала, старинные каменные казармы были переделаны под более мирные цели. Доктор Генри, по-видимому, ожидал чего-то более внушительного и был слегка разочарован.

Графская домоправительница сервировала легкий обед на украшенной цветами террасе у южной стороны дома, неподалеку от кухни. Идя к столу, Корделия с графом Петером немного отстали.

— Спасибо вам, сэр, что разрешили к вам вторгнуться.

— Вот еще — вторгнуться! Это твой дом, милочка. Ты можешь принимать здесь кого захочешь. К тому же сегодня ты впервые входишь сюда, неся под сердцем ребенка. — Они остановились в дверях. — Знаешь, когда моя мать вышла замуж за отца, она поменяла всю обстановку резиденции Форкосиганов. Моя жена в свое время сделала то же самое. Эйрел женился так поздно — полагаю, перемены будут более чем своевременны. Ты не хотела бы этим заняться?

«Но это же ваш дом, — беспомощно подумала Корделия. — Ваш, а не мой и даже не Эйрела...»

— Ты пока не оставила никакого следа в нашей жизни, — продолжал граф. — Порой я боюсь, как бы ты снова не улетела. — Старик улыбнулся, но во взгляде, который он бросил на невестку, мелькнуло беспокойство.

Корделия похлопала себя по округлившемуся животу.

— О, я теперь надежно пришвартована, сэр. — Она поколебалась. — Должна вам признаться, я подумала, как хорошо было бы устроить в резиденции Форкосиганов лифт. Считая подвал, полуподвал, чердак и крышу, в главной части здания восемь этажей. Сейчас это для меня немного утомительное путешествие.

— Лифт? Мы никогда... — начал граф, но тут же осекся. — Где?

— Можно в заднем холле, рядом с трубой канализации. Так внутренняя архитектура не будет изменена.

— Действительно, можно. Прекрасно. Выбери подрядчика и распорядись.

— Тогда я завтра же этим займусь. Спасибо вам, сэр.

Оказавшись у него за спиной, Корделия позволила себе удивленно поднять брови.

Преследуя, видимо, все ту же цель — всячески ублажать мать своего будущего внука, — старый граф был подчеркнуто любезен с доктором Генри, несмотря на его молодость и демократические замашки. А в свою очередь Генри, благодаря советам Корделии, тоже прекрасно поладил с графом. Старик с увлечением рассказывал врачу о новом жеребенке, только что родившемся в конюшнях Форкосиган-Сюрло. Он принадлежал к породе, которую граф Петер называл «тяжеловозом», хотя, на взгляд Корделии, в этом трогательном длинноногом существе не было ровным счетом ничего тяжеловесного. За огромные деньги будущий племенной жеребец был выписан с Земли в виде замороженного эмбриона. На Барраяре зародыш имплантировали кобыле, а за вынашиванием жеребенка обеспокоенно следил сам граф. Доктор Генри проявил интерес к технической стороне вопроса, и после обеда граф предложил всем экскурсию на конский двор.

Корделия попросила ее извинить.

— Наверное, мне лучше прилечь. А ты, Дру, иди. Со мной побудет сержант Ботари.

Она окончательно уверилась, что с Ботари творится что-то неладное: за обедом он не съел ни кусочка и уже больше часа молчал.

Дру стала было отнекиваться, но ее так заинтересовали лошади, что она дала себя уговорить. Когда Корделия и сержант остались вдвоем, он с благодарностью кивнул ей.

— Спасибо, миледи.

— Мне показалось, что вы нездоровы.

— Нет... Да. Не знаю. Я хотел... Мне хотелось поговорить с вами, миледи. Уже... несколько недель. Но подходящего момента никак не было. Я больше не могу ждать. Я надеялся, что сегодня...

— Что ж, сейчас самое удобное время. — В кухне домоправительница гремела посудой. — Пройдемся или...

— Как вам угодно, миледи.

Они пошли вокруг старого каменного дома. Беседка на холме была бы прекрасным местом для уединенной беседы, но Корделия слишком отяжелела и от своего состояния, и от обильной еды, чтобы туда взбираться. Она пошла по дорожке вдоль склона, которая вывела их к невысокой ограде фамильного кладбища Форкосиганов.

Этот уютный маленький некрополь уже был заполнен почти до предела — члены семьи, дальние родственники, особо заслуженные вассалы... Первоначально кладбище находилось на территории ныне разрушенного форта, и самые старые могилы — солдат и офицеров гарнизона — относились к очень давнему времени. Надгробия же Форкосиганов появились здесь только после того, как прежний центр графства, Форкосиган-Вашнуй, был стерт с лица земли атомной бомбой во время цетагандийского вторжения. Восемь поколений семейной истории тогда было уничтожено. По датам на плитах можно было восстановить историю: цетагандийское вторжение, эпоха гражданских войн... Могила матери Эйрела относилась как раз к самому началу войны Ури Безумного. Рядом с ней было оставлено место для Петера — тридцать пять лет тому назад. Покойница терпеливо ждала мужа.

— Сядем здесь. — Корделия кивнула в сторону каменной скамейки, обсаженной некрупными оранжевыми

цветами и затененной импортированным с Земли дубом, которому было не менее ста лет. — Обитатели могил прекрасно умеют слушать — никогда не прерывают. И не сплетничают.

Корделия опустилась на теплый камень и с вниманием посмотрела на Ботари. Он почтительно сел вдали от нее — насколько позволяла скамья. Морщины на лице сержанта казались сегодня особенно глубокими; его рука, перекинутая через каменную спинку, судорожно сжималась и разжималась. Дышал он медленно и как-то осторожно.

Корделия постаралась, чтобы голос ее звучал как можно дружелюбнее.

— Ну, так что вас тревожит, сержант? Вы сегодня кажетесь немного... скованным. Что-то с Элен?

Он издал невеселый смешок.

— Скованным... Да, наверное. Но дело не в малышке... то есть... не напрямую. — И сержант, чуть ли не впервые за целый день, посмотрел ей прямо в глаза. — Вы помните Эскобар, миледи? Вы же там были. Так?

— Так.

— А вот я не могу вспомнить Эскобар.

— Да, мне об этом говорили. Насколько я поняла, военные медики приложили немало усилий, чтобы заставить вас забыть ту войну.

— О да.

— Я не в восторге от методов барраярской психотерапии. Особенно когда к ней примешиваются политические соображения.

В его взгляде мелькнула робкая надежда.

— Я это заметил, миледи.

— Что они с вами сделали? Выжгли какие-то отдельные нейроны? Стерли память специальными препаратами?

— Нет... то есть они использовали лекарства, но ничего не уничтожали. Так они мне говорят. Врачи называли это блокировкой. А мы — адом. Каждый день мы попадали в ад, пока не научились избегать его. — Бота-

ри, нахмурившись, поерзал на скамье. — Если я пытаюсь вспоминать Эскобар или хотя бы просто заговорить о нем, у меня начинает болеть голова. Глупо звучит, правда? Солдат ноет из-за мигреней, как старуха... Некоторые воспоминания вызывают такую головную боль, что красные круги идут перед глазами и меня выворачивает наизнанку. Когда я перестаю об этом думать, боль уходит. Все просто.

Корделия сглотнула.

— Ясно. Мне очень жаль вас. Я знала, что вам нелегко, но не представляла себе насколько.

— Хуже всего сны. Я вижу во сне... это, и если просыпаюсь не сразу, то помню, что мне снилось. Я вдруг вспоминаю слишком много, и голова... В общем, мне остается лишь уткнуться в подушку и рыдать, пока не смогу подумать о чем-то другом. Остальные охранники графа Петера считают меня психом, придурком. Они не понимают, как это в их компанию затесался тип вроде меня. Я и сам этого не понимаю. — Ботари быстро провел обеими руками по короткому ежику волос. — Служить у графа — большая честь, ведь мест всего двадцать. Сюда выбирают лучших, всяких чертовых героев, увешанных медалями ветеранов с идеальным послужным списком. Если на Эскобаре я сделал... что-то такое нехорошее, то почему адмирал заставил графа Петера дать мне место? А если я был героем, то почему у меня отняли память об этом?

Дыхание его участилось и теперь со свистом вырывалось сквозь длинные желтые зубы.

— А сейчас вам больно? Когда вы пытаетесь об этом говорить?

— Немного. Будет хуже. — Он пристально посмотрел на Корделию, сильно нахмурив лоб. — Но мне необходимо об этом поговорить. С вами. Это меня...

Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— Продолжайте.

— У меня в голове... четыре картинки с Эскобара. Четыре картинки. И я не могу их объяснить. Сам себе. Не-

сколько минут из... трех месяцев? Или четырех? Они все меня тревожат, но одна — больше всех других. В ней вы, — неожиданно прибавил он и уставился в землю. Теперь он сжимал скамью обеими руками, и его узловатые пальцы побелели от напряжения.

— Ясно. Продолжайте.

— Одна... Она самая простая... это ссора. Там были кронпринц Зерг, адмирал Форратьер, лорд Форкосиган и адмирал Ралф Форхалас. И я. Только на мне не было одежды.

— Вы уверены, что это не сон?

— Нет. Не уверен. Адмирал Форратьер сказал... что-то очень оскорбительное лорду Форкосигану. Он оттеснил лорда к стене. Принц Зерг засмеялся. А потом Форратьер поцеловал его, прямо в губы, и Форхалас хотел оторвать Форратьеру голову, но лорд Форкосиган ему не позволил. А что потом — я не помню.

— Э-э... да-да, — сказала Корделия. — При этом меня не было, но я знаю, что в барраярском высшем командовании в то время действительно происходили странные вещи. Так что это, наверное, подлинное воспоминание. Если хотите, я могу спросить Эйрела.

— Нет! Нет! Эта картинка не такая важная, как другие.

— Тогда расскажите о других.

Голос его понизился до шепота.

— Я помню Элен. Такую красивую. У меня в голове всего две картинки с Элен. В одной я помню, как Форратьер заставил меня... Нет, о той я говорить не хочу. — Он умолк на целую минуту, тихо раскачиваясь взад и вперед. — В другой... мы в моей каюте. Она и я. Она — моя жена... — Голос у него сорвался. — Она ведь не была мне женой, так?

Это даже не было вопросом.

— Так. Но вы это знаете.

— Но я помню, что верил, будто она мне жена.

Он прижал ладони ко лбу, а потом начал с силой растирать себе шею.

— Она была военнопленной, — сказала Корделия. — Ее красота привлекла внимание Форратьера и принца

Зерга, и они принялись истязать ее — не допрашивая, а просто ради удовольствия. Ее изнасиловали. Но это вы тоже знаете. В какой-то степени...

— Да, — прошептал он.

— Они приказали врачам извлечь у нее контрацептивный имплантат и позволили вам... или заставили вас... сделать ей ребенка — это было частью их программы пыток. Только частью. Слава Богу, они погибли прежде, чем успели выполнить все, что собирались.

Ботари согнулся чуть ли не вдвое и крепко обхватил колени своими длинными руками. Дышал он часто, как после бега. Лицо его побледнело и блестело от пота.

— А последняя картина? — напомнила Корделия.

— Ох, миледи. — Он с трудом сглотнул. — Что бы это ни было... Я знаю, это ближе всего к тому, что мне нельзя вспоминать.

Ботари снова сглотнул. Корделия начала понимать, почему он не притронулся к еде.

— Вы хотите продолжать? Вы можете продолжить?

— Я должен. Миледи, капитан Нейсмит. Потому что я помню вас. Помню, что видел вас. Вы привязаны к кровати Форратьера, одежда разрезана... вы обнажены. И течет кровь. Я смотрю вверх от ваших... Но вот что я хочу знать... Должен знать.

Сжав обеими руками голову, Ботари наклонил к ней осунувшееся, страдающее лицо.

Корделия испугалась. У него, видимо, чудовищно повышается давление, из-за этого и возникают такие дикие мигрени. Но в таком случае не грозит ли ему инсульт, если зайти слишком далеко, дойти до последней истины? Какой дьявольский психоинженерный фокус: заставить свой собственный организм наказывать себя за запретные мысли...

— Я и вас изнасиловал, миледи?

— Что? Нет!!! — Она вспыхнула от обиды — не за себя, а за сержанта. Проклятые ублюдки — они посмели отнять у него даже это знание?!

Ботари зажмурился, всхлипнул, и слезы облегчения побежали по его щекам.

— Слава Богу! Но... вы уверены?

— Форратьер дал вам такой приказ. Но вы отказались. По собственной воле, идя на смертельный риск. На некоторое время вы оказались в чертовски трудном положении. — Ей страшно хотелось рассказать и все остальное, но сержант был в таком состоянии, что последствия могли стать непредсказуемыми. — И давно вы начали об этом думать? Испытывать эти сомнения?

— Как только снова увидел вас. Этим летом. Когда вы приехали, чтобы выйти замуж за лорда Форкосигана.

— И вы целых шесть месяцев не смели спросить?..

— Да, миледи.

У нее перехватило дыхание.

— В следующий раз не ждите так долго.

Судорожно сглотнув, он неловко вскочил и отчаянным взмахом огромной руки словно попросил: «Простите». Перекинув длинные ноги через невысокую ограду кладбища, он нырнул в кусты. Корделия несколько минут встревоженно слушала, как мучительно выворачивает его пустой желудок. Наконец спазмы стали реже, потом прекратились. Сержант вернулся, вытирая губы. Он был мертвенно-бледен, но в глазах его теперь теплился слабый огонек жизни.

Ботари сел и задумался, растирая руками колени и глядя в землю.

— Но, по сути, я насильник, хотя вы и не стали моей жертвой.

— Это верно.

— Я не могу... себе доверять. А как вы можете доверять мне?.. Знаете, что гораздо приятнее женщины?

Корделия лихорадочно гадала, выдержит ли она без истерики еще один резкий поворот в разговоре. «Сама разрешила ему дать волю чувствам — вот теперь и расхлебывай».

— Продолжайте.

— Убийство. После него чувствуешь себя свободным. Это не должно... не должно быть таким приятным. Лорд Форкосиган так не убивает.

Глаза сержанта были полузакрыты, брови нахмурены, но он уже не казался сплошным комком боли — видимо, воспоминания о Форратьере миновали.

— Наверное, это от того, что вы даете волю ярости, — осторожно сказала Корделия. — Почему в вас ее столько скопилось? Она просто не отходит от вас. Люди ее чувствуют.

Его кулак сжался напротив солнечного сплетения.

— Это давняя история. Но я не всегда такой. Она взрывается неожиданно.

— Сам Ботари боится Ботари, — пробормотала она.

— А вы не боитесь. Даже лорд Форкосиган боится больше.

— Почему-то я чувствую, что вы с ним связаны. А он — мое сердце. Как я могу бояться собственного сердца?

— Миледи... Уговор?

— А?

— Вы будете говорить мне... когда можно убивать. И тогда я буду знать.

— Нет, так нельзя... Послушайте, а если меня не окажется рядом? В такие моменты некогда раздумывать. Вы должны защищать себя — но при этом интуитивно разбираться, действительно ли вам угрожает опасность. — Корделия села еще прямее, удивленно глядя на него. — Поэтому вам так важен мундир, да? Все эти уставы и тому подобное — они дают вам уверенность, что все идет правильно.

— Да. Я дал клятву защищать дом Форкосиганов. Так что все в порядке.

Он кивнул, явно успокоенный. Чем, Господи? Она покачала головой.

— Вы просите меня стать вашей совестью. Выносить за вас суждения. Но вы — нормальный человек. Я видела, как вы сделали правильный, очень трудный выбор в экстремальных обстоятельствах.

Он снова сжал руками голову:

— Но я-то этого не помню! Не могу вспомнить, как я это сделал.

Корделия вдруг почувствовала себя совсем маленькой.

— О Господи... Знайте одно, сержант: какая бы помощь вам от меня ни потребовалась, вы имеете на нее право. Мы вам обязаны, Эйрел и я. Мы помним все, даже если вы забыли.

— Так помните это за меня, миледи, — смиренно попросил он. — И у меня все будет в порядке.

— Не сомневайтесь.

ГЛАВА 7

Прошло несколько дней. В то утро, за завтраком, адмирал обратился к прислуживавшему им лакею:

— Найдите, пожалуйста, лейтенанта Куделку и передайте ему, что я прошу принести мне тот план, который мы с ним обсуждали.

— Э-э... Разве вы ничего не слышали, милорд? — пробормотал слуга.

— Чего я не слышал? Мы только что спустились.

— Лейтенанта увезли в госпиталь.

— В госпиталь! Боже мой, почему же мне сразу не сообщили? Что случилось?

— Нам было сказано, милорд, что вам обо всем доложит командор Иллиан. Начальник охраны решил дождаться его прибытия.

Тревога на лице Форкосигана боролась с досадой.

— В каком он состоянии? Что это — осложнение после контузии? Или он заболел?

— Его избили, милорд.

Форкосиган откинулся на спинку стула, со свистом выпустив воздух сквозь сжатые зубы. На щеке у него задергалась жилка.

— Вызовите начальника охраны, — приказал он.

Лакей мгновенно испарился, а адмирал ждал, нетерпеливо постукивая ложкой по столу. Встретив полный ужаса взгляд Корделии, он выдавил из себя неестественную ободряющую улыбку. Даже у старого графа вид был встревоженный.

— Что за негодяй мог избить Ку? — недоумевала Корделия. — Омерзительно. Он же не способен сопротивляться!

Форкосиган покачал головой:

— Видимо, кому-то требовалась беспомощная жертва. Мы это выясним. О, мы это обязательно выясним!

В столовую вошел начальник охраны и вытянулся по стойке «смирно».

— Сэр?..

— К вашему сведению — и можете передать это другим, — я желаю, чтобы меня информировали немедленно, когда происходит что-то непредвиденное с кем-либо из моих ближайших сотрудников. Вам ясно?

— Да, сэр. Нам сообщили об этом глубокой ночью. А поскольку уже было известно, что оба останутся живы, то командор Иллиан порекомендовал мне дать вам выспаться.

— Ясно. — Форкосиган потер подбородок. — Оба?

— Лейтенант Куделка и сержант Ботари, сэр.

— Они что, затеяли драку? — спросила вконец перепуганная Корделия.

— Да. Но не друг с другом, миледи. На них напали.

Лицо Форкосигана потемнело.

— Начните-ка с самого начала.

— Слушаюсь, сэр. Гм-м. Лейтенант Куделка и сержант Ботари вчера вечером пошли в город. В район старого караван-сарая.

— О Господи, зачем?

— Гм-м. — Начальник покосился на Корделию. — Насколько я понимаю, развлекаться, сэр.

— Развлекаться?

— Да, сэр. Сержант Ботари бывает там примерно раз в месяц во время увольнения, когда милорд граф приезжает в город. Кажется, он ходит туда уже много лет.

— В караван-сарай? — недоверчиво переспросил граф Петер.

— Э-э... — начальник охраны взглянул на лакея, словно взывая о помощи.

— Сержант Ботари не слишком разборчив в развлечениях, сэр, — подсказал слуга.

— Да, похоже на то! — проронил граф.

Корделия вопросительно посмотрела на мужа.

— Это очень скверный район, — объяснил он. — Я и сам не пошел бы туда без охранника. А ночью прихватил бы двоих. И наверняка надел бы мундир — хоть и без знаков различия... Но, кажется, Ботари там вырос. Наверное, он видит эту клоаку другими глазами.

— Почему же там так гадко?

— Страшная бедность. В Период Изоляции там был центр города, и реконструкция пока его не коснулась. Минимальное водоснабжение, никакого электричества, полно отбросов...

— Преимущественно человеческих, — вставил граф.

— Бедность? — переспросила Корделия. — Нет электричества? Как же там работает комм-сеть?

— Разумеется никак, — ответил Форкосиган.

— Как же там учатся дети?

— Никак.

Корделия была озадачена.

— Не понимаю. Тогда как жители находят работу?

— Немногим удается поступить в армию. Остальные главным образом паразитируют друг на друге. — Адмирал беспокойно смотрел на нее. — Разве на Колонии Бета нет бедности?

— Бедности? Ну, конечно, у некоторых людей денег больше, чем у других, но... не иметь комм-устройства?

Форкосиган изумленно вытаращил глаза:

— Не иметь комм — самый низкий уровень жизни, который ты можешь себе представить?

— Это же первая статья конституции. «Доступ к информации не может быть ограничен».

— Корделия... Эти люди, по сути дела, лишены доступа к пище, одежде и жилью. У них есть какие-то лохмотья, какая-то утварь, и они ютятся в лачугах, сквозь щели в стенах которых дует ветер и которые пока неэкономично ни реставрировать, ни сносить.

— Нет кондиционирования?

— Отсутствие тепла зимой куда хуже.

— Наверное. Да, ведь у вас тут довольно прохладный климат... Как же они вызывают врача, если больны или ранены?

— Врача? Если они больны, они или выздоравливают, или умирают.

— Умирают, если повезет, — уточнил граф.

— Вы не шутите? — Она переводила взгляд с мужа на свекра. — Это ужасно... Вы только подумайте, сколько талантов пропадает!

— Сомневаюсь, чтобы там скрывалось много талантов, — сухо заметил граф Петер.

— Почему? У этих людей такой же набор генов, что и у вас, — напомнила Корделия.

Старик возмущенно выпрямился.

— Вот уж это вряд ли, моя дорогая. Наша семья принадлежит к форам уже девять поколений.

Корделия подняла брови:

— Откуда вы знаете? Генсканирование известно здесь не более десяти лет.

На лицах у начальника охраны и лакея появилось какое-то неестественно чопорное выражение, но Корделию это не остановило.

— Кроме того, — рассудительно добавила она, — если вы, форы, вели хотя бы наполовину столь бурную жизнь, как та, что описана в барраярских хрониках, то на сегодняшний день у девяноста процентов жителей этой планеты должна быть кровь форов. Как знать, сколько у вас родственников по отцовской линии?

Форкосиган покусывал кончик льняной салфетки. Глаза его смеялись, но в остальном выражение лица было точь-в-точь как у лакея. Он тихо сказал:

— Корделия, право, нельзя вот так, запросто, сидя за завтраком, объявлять, что мои предки могли быть незаконнорожденными. На Барраяре это считается смертельным оскорблением.

— Да? Наверное, я никогда вас не пойму. Ну ладно. Вернемся к Куделке и Ботари.

— Вот именно. Продолжайте, дежурный офицер.

— Слушаюсь, сэр. Когда они уже возвращались, примерно в час ночи, на них набросилась шайка местных головорезов. Очевидно, лейтенант Куделка был слишком хорошо одет, а потом еще его необычная походка и трость... Короче, он привлекал к себе внимание. Я не знаю подробностей, сэр, но четверо погибли, а трое оказались в госпитале, не считая тех, что убежали.

Форкосиган чуть слышно присвистнул.

— Каково состояние Ботари и Куделки?

— Они... Я не имею официальных сведений, сэр. Только слухи.

— Говорите же.

— У сержанта Ботари сломана рука, несколько ребер, есть внутренние кровотечения, плюс сотрясение мозга. У лейтенанта сломаны обе ноги и масса... электрических ожогов.

— Что?!

— Предположительно, у нападавших имелись электрошокеры, и они обнаружили, что могут получить некоторые... любопытные эффекты, воздействуя ими на его имплантированные нервы. После того, как они сломали ему ноги, они долго... обрабатывали его. Потому их и поймали люди командора Иллиана. Не убежали вовремя.

Корделия оттолкнула тарелку, ее била крупная дрожь. Лицо Форкосигана стало мрачным и жестким.

— Слухи, а? Хорошо. Вы свободны. Проследите, чтобы командор Иллиан прошел ко мне сразу же.

— Паразиты, — заявил граф Петер. — Давно пора выжечь этот вертеп.

Форкосиган вздохнул.

— Начать войну легче, чем закончить. Еще не время, сэр.

* * *

Час спустя в резиденцию приехал капитан Иллиан. Он сразу же направился в библиотеку, и Корделия последовала за ним.

— Ты уверена, что хочешь это слышать? — негромко спросил Форкосиган.

Она встряхнула головой.

— Если не считать тебя, оба — мои лучшие друзья. Лучше мне все знать, чем гадать.

Доклад дежурного офицера оказался достаточно полным, но Иллиан, уже побывавший в госпитале, добавил некоторые детали.

— Оказывается, ваш секретарь безумно хотел женщину, — начал он. — Не пойму только, почему он выбрал в качестве гида Ботари.

— Мы трое — единственные, кто остался в живых с «Генерала Форкрафта», — ответил Форкосиган. — Память об этом связывает. К тому же Ку и Ботари всегда неплохо ладили. Наверное, он будит в Ботари отцовские инстинкты. А Ку — мальчик чистый. Только не передавайте ему моих слов, он сочтет это за оскорбление. Просто удивительно, что такие люди все еще не перевелись. Но лучше бы он обратился ко мне.

— Ну и Ботари сделал, что мог, — сказал Иллиан. — Отвел его в это жалкое заведение, которое, как я понял, с точки зрения сержанта, обладает целым рядом достоинств: дешево, быстро, и никто не заводит лишних разговоров. По словам Куделки, у Ботари там есть постоянная женщина, почти такая же страховидина, как он сам. Сержант ценит ее за то, что она никогда не издает ни звука, не возражает, что бы с ней ни делали. Кхм, кхм... н-да.

А с Куделкой вышло недоразумение — его свели со слишком опытной дамочкой, которая привела его в ужас. Ботари клянется, что заказал для него самую лучшую, но, похоже, малость перестарался. Короче, наш сержант уже успел насладиться своей уродиной и скучал, дожидаясь лейтенанта, а тот из последних сил отнекивался от

всяких экзотических предложений, которые могли бы заинтересовать разве что покойного Форратьера — бедняга Ку о таких даже не слышал. Наконец он вырвался и сбежал вниз к Ботари, который к тому времени уже порядочно набрался. Обычно-то он выпивает только одну рюмку и уходит.

Ку, Ботари и эта потаскушка начали спорить из-за оплаты: та утверждала, что за это время успела бы обслужить четырех клиентов... большая часть подробностей в официальный доклад не войдет, ладно?.. В общем, Ку отвалил ей часть суммы (Ботари до сих пор ворчит, что чересчур много), и они быстренько отступили.

— Тут напрашивается один вопрос, — вставил Форкосиган. — Не было ли нападение заказано кем-нибудь из того заведения?

— Насколько я могу судить, нет. Как только мы накрыли шайку, я допросил их всех с суперпентоталом. Оказывается, эти мерзавцы спелись с муниципальной охраной графа Форбона, охранников подкупают и шантажируют — и наоборот. Мы получили массу информации о мелких преступлениях, которые нас ничуть не интересовали... Кстати, сэр, не прикажете ли передать дело гражданским властям?

— Гм... пожалуй, не стоит, если нападение действительно было случайным. Может, Ботари еще захочет туда пойти. Эти подонки знают, кто и почему их допрашивал?

— Разумеется, нет! — оскорбился Иллиан. — Задача моего ведомства — собирать информацию, а не распространять ее.

— Извините, командор. Мне не следовало задавать этот вопрос. Продолжайте.

— Они ушли оттуда в час ночи и сбились с дороги — в тамошних подворотнях это нетрудно. Ботари ужасно расстроен. Твердит, что это его вина, не надо было так напиваться. И он, и Куделка говорят, что заметили какое-то шевеление в темноте примерно за десять минут до инцидента. Видимо, их преследовали, пока наши друзья не свернули в переулок с высокими стенами, где

перед ними выросли шестеро верзил, а еще шестеро — оказались позади.

Ботари вытащил оружие и успел уложить троих, прежде чем его скрутили. Так что сегодня утром там кто-то разжился прекрасным армейским парализатором. У Ку была только его шпага-трость.

Сначала они накинулись на Ботари. Уже потеряв парализатор, он расправился еще с двумя. Они его оглушили, а когда он упал, едва не забили насмерть. До этого момента Ку использовал свою трость только как палку, но тут отстрелил ножны. Теперь он сожалеет об этом, поскольку все сразу завопили «фор!» и дело обернулось совсем скверно.

Он проткнул двоих. Но тут кто-то разрядил в клинок электрошокер, и у Куделки начала дергаться рука. Оставшиеся пятеро навалились на него, сломав ноги в коленях. Он просил меня передать вам, что это было не так больно, как может показаться. Говорит, что чувствительность пропала, как только порвались его искусственные нервы. Не знаю, правда ли это.

— Ку понять нелегко, — заметил Форкосиган. — Он привык скрывать боль, это у него в крови. Но продолжайте, прошу вас.

— Теперь я должен вернуться немного назад. Мой человек, приставленный к Ку, незаметно сопровождал их в это осиное гнездо. К сожалению, он не очень хорошо знает те места, да и одет был неподходяще (на вчерашний вечер Ку забронировал билеты на мюзикл и поначалу именно туда и собирался). Так вот, агент, последовавший за ними, исчез после своего первого ежечасного доклада. Это меня сильно тревожит. Убит? Или его похитили, ограбили, изнасиловали? Или он вел двойную игру, а теперь скрылся? Мы не узнаем, пока не найдем его самого — или его тело.

Через тридцать минут после того, как он не вышел на связь, мои люди отправили второго агента. Тот был занят поисками пропавшего, и Ку оставался без прикрытия в течение целых трех часов, пока на пост не

заступил инспектор ночной смены, который сообразил, в чем дело. К счастью, почти все это время Ку и Ботари провели в борделе.

Инспектор — я ему вынес благодарность — дал агенту новый приказ и вдобавок выслал воздушный патруль. Так что, когда наш парень наконец попал на место происшествия, он смог сразу же вызвать флайер с оперативной группой. Эта история с шокерами — не из приятных, но могло быть значительно хуже. Истязатели Ку, очевидно, не обладали воображением покойного адмирала Форратьера. Или, может быть, просто не успели приступить к более изощренным пыткам.

— Слава Богу, — пробормотал Форкосиган. — А погибшие?

— Двое — работа Ботари (разделаны так, что любо-дорого), один — Куделки, а одного, боюсь, отправил к праотцам я. Анафилактический шок из-за аллергии к суперпентоталу. Мы перебросили этого типа в госпиталь, но там его реанимировать не смогли. Сейчас делают вскрытие, чтобы определить, была ли это естественная реакция, или летальная блокада на случай допросов.

— А шайка?

— Похоже, совершенно обычная — если здесь позволителен такой термин. По словам уцелевших, они выбрали Ку потому, что он «странно шел». Мило! Хотя и Ботари тоже не очень-то твердо держался на ногах. Никто из захваченных не работает ни на кого, кроме самих себя. Я лично руководил допросами и могу в этом поклясться.

— Еще что-нибудь? — спросил Форкосиган.

Иллиан прикрыл ладонью зевок и извинился:

— Трудная выдалась ночь. Инспектор поднял меня с постели сразу после полуночи. Хороший работник, отлично соображает. Нет, это практически все; неясно только, что побудило Ку отправиться туда. Он начал темнить, как только мы перешли к этому вопросу. Я надеюсь, что вы сможете внести какую-то ясность. Подозревая Ку, я чувствую себя ужасно неловко.

— Я скажу, — сказала Корделия, — но это только для вас, а не для доклада, хорошо?

Он кивнул.

— Мне кажется, он влюбился. Ведь пока какой-либо орган не нужен, нет смысла проверять, как он работает. К несчастью, проверка обернулась крупной катастрофой. Неудивительно, что он так подавлен и проявляет повышенную чувствительность.

— А в кого, вы не знаете? — автоматически поинтересовался Иллиан.

— Знаю. Но это касается только его. Особенно если у Ку ничего не выйдет.

Иллиан пожал плечами в знак согласия и отправился отсыпаться. Ему еще предстояло заняться розысками пропавшего охранника.

Сержант Ботари вернулся в резиденцию Форкосиганов уже через пятеро суток, хотя и не мог еще приступить к исполнению своих обязанностей из-за пластиковой шины на сломанной руке. Сам он ничего не говорил о происшедшем, а на все расспросы отвечал только хмурыми взглядами да невнятным бормотанием.

Друшикко ни о чем не спрашивала, но Корделия заметила, что девушка с тоской поглядывает на бездействующий комм-пульт в библиотеке, за которым обычно работал Куделка. В какой мере она осведомлена о подробностях ночной истории — было неясно.

Еще через месяц вернулся лейтенант Куделка. С виду он казался жизнерадостным, словно случившееся его не затронуло. Но по-своему он был не менее скрытен, чем Ботари. Если разговаривать с Ботари было все равно что беседовать с каменной стенкой, то речи Куделки напоминали лесной ручей: в ответ на вопрос раздавалось журчание шуток и анекдотов, неумолимо уводивших разговор в сторону.

Собственное настроение Корделии оставляло желать лучшего. Память снова и снова возвращала ее к тому, как

она чуть было не потеряла мужа. Она чувствовала себя совершенно спокойно только тогда, когда Эйрел был рядом с ней, а он отсутствовал все чаще. Что-то назревало в главном штабе. Четыре раза Форкосиган отлучался на длившиеся всю ночь заседания или уезжал куда-то, не пригласив ее с собой, — на какие-то внезапные инспекции войск, про которые ничего ей не рассказывал и откуда возвращался смертельно уставшим. Поток военных и политических сплетен, которыми он прежде развлекал жену за едой и перед сном, теперь иссяк — хотя видно было, что ее присутствие по-прежнему ему необходимо.

А что станется с ней без него? Беременная вдова без родных и друзей, вынашивающая дитя, на которое уже пали династические подозрения... И куда ей податься, даже если это получится? Удастся ли ей улететь с планеты? Позволят ли ей вернуться в Колонию Бета?

Даже осенние дожди и сочная неувядающая зелень городских парков перестали ее радовать. Ох, вдохнуть бы разок настоящего сухого воздуха пустыни, увидеть бесконечное плоское пространство... Узнает ли когда-нибудь ее дитя, что такое настоящая пустыня? Иногда ей казалось, что здешние горизонты, заслоненные домами или деревьями, окружают ее наподобие гигантской стены, которая вот-вот начнет медленно обваливаться на нее.

Одним дождливым днем Корделия укрылась в библиотеке. Свернувшись на старинном диване с высокой спинкой, она уже в третий раз перечитывала одну и ту же страницу древнего фолианта. Книга была издана еще в Период Изоляции, и английский язык в ней передавался какой-то чудовищной кириллицей, состоявшей из сорока шести букв, — когда-то такая азбука использовалась для всех языков Барраяра. Сегодня ее ум был на редкость затуманен и отказывался воспринимать читаемое. Она выключила свет, решив дать глазам немного отдохнуть. И с облегчением увидела, что в библиотеку вошел лейтенант Куделка. Он неловко и осторожно уселся за пульт комма. «Не стану его прерывать — у него по крайней мере есть

настоящая работа», — подумала она, не включая света. Его присутствие чем-то успокаивало ее.

Лейтенант проработал всего минуту или две, а потом со вздохом отключил комм и слепо уставился на пустой камин с резной решеткой, когда-то бывший главным украшением комнаты. Он по-прежнему не замечал Корделии. «Так не я одна не могу сегодня сосредоточиться! Может, дело в этой странной серой погоде. Похоже, она и вправду оказывает на людей угнетающее действие...»

Взяв свою шпагу-трость, Куделка провел рукой по ее гладкой поверхности. Потом отщелкнул ножны, крепко удерживая их рукой, чтобы снять медленно и бесшумно. Он посмотрел на сверкающий клинок, чуть заметно светившийся в полутемной комнате, наклонив его так, словно рассматривал узор на стали и работу мастера. И вдруг повернул клинок рукоятью от себя, так что острие оказалось на уровне левого плеча. Затем, обернув клинок носовым платком, чтобы не скользила рука, лейтенант легконько прижал его к сонной артерии. Лицо его было отстраненным и задумчивым, рука сжимала клинок легко и любовно — потом вдруг напряглась...

Корделия резко, почти навзрыд, вскрикнула, заставив его выйти из задумчивого оцепенения. Подняв взгляд, он наконец-то заметил ее — губы Куделки плотно сжались, лицо залил темный румянец. Он опустил шпагу. От клинка на его шее остался бледный след, похожий на ожерелье, вдоль которого выступило несколько рубиновых капель крови.

— Я... я вас не заметил, миледи, — хрипло выговорил он. — Я... Не обращайте на меня внимания. Просто дурачился, знаете ли.

Они молча смотрели друг на друга. И тут нервы у Корделии сдали:

— О, как я ненавижу эту планету! Ненавижу и боюсь! Боюсь каждую минуту!

Она уткнулась лицом в высокую спинку дивана и, к собственному стыду, расплакалась. «Прекрати! Нельзя

выплескивать это на Ку! Довольно с него и своих неприятностей».

Но прекратить она не могла.

Лейтенант с трудом поднялся со стула и приковылял к дивану, встревоженно глядя на нее. Потом нерешительно присел рядом.

— Э-э... — начал он. — Не плачьте, миледи. Я и правда просто дурачился.

И он неловко погладил ее по плечу.

— Чушь, — выдавила она в ответ. — Ты меня насмерть перепугал.

И она импульсивно перенесла свое залитое слезами лицо с холодной шелковой обивки на мягкую шершавость его зеленого кителя. Это вызвало у него ответную откровенность.

— Вы не можете себе представить, каково это, — яростно зашептал он. — Они жалеют меня, представляете? Даже он. — Нетрудно было понять, что лейтенант подразумевает Форкосигана. — Это в сто раз хуже презрения. И так будет всегда.

Корделия только покачала головой, не зная, что возразить на эту очевидную истину.

— Я тоже ненавижу эту планету, — продолжал он. — Так же сильно, как она ненавидит меня. А иногда даже сильнее. Так что, видите ли, вы не одиноки.

— Столько людей желает его убить, — прошептала она в ответ, презирая себя за слабость. — Совершенно посторонние люди... И в конце концов у кого-то это получится. Я теперь все время об этом думаю.

Будет ли это бомба? Или какой-нибудь яд? А может, плазменная струя, которая сожжет Эйрелу лицо, не оставив даже губ для прощального поцелуя?

Внимание Куделки переключилось с собственной боли на ее, он нахмурился.

— Ах, Ку, — проговорила Корделия, невидящими глазами глядя ему в колени и поглаживая рукав кителя. — Как бы тебе ни было больно, не поступай с ним так. Он тебя любит... Ты ему как сын — о таком он всегда

мечтал. Это, — она кивнула на сверкающую шпагу на диване, — поразит его в самое сердце. А Барраяр и так каждый день выплескивает на него все новое и новое безумие, в ответ требуя справедливости. Он может выполнить свои обязанности, только если сердце его будет неизраненным. Иначе он в конце концов начнет отвечать таким же безумием, как все его предшественники. К тому же у вас тут так чертовски сыро! — добавила она вдруг безо всякой логики. — Я не виновата, если у меня сын родится с жабрами!

Куделка неуклюже обнял ее.

— Вы... боитесь рожать? — спросил он с мягкой и неожиданной проницательностью.

Корделия застыла, внезапно оказавшись лицом к лицу со своими тщательно спрятанными страхами.

— Я не доверяю вашим врачам, — дрожащим голосом призналась она.

Он грустно улыбнулся:

— Не мне вас переубеждать.

У нее вырвался нервный смешок, и, обняв лейтенанта, она протянула руку и стерла крошечные капельки крови с его шеи.

— Когда кого-то любишь, то кожей чувствуешь его боль и беду, намного сильнее, чем он сам. Любая боль удваивается. А я тебя так люблю, Ку. Мне бы так хотелось, чтобы ты разрешил тебе помочь.

— Занимаетесь врачеванием, Корделия? — Голос Форкосигана был ледяным и сек, как град. Подняв глаза, она увидела, что лицо мужа так же холодно, как его голос. — Я высоко ценю твою бетанскую квалификацию в области секса, но вынужден тебя просить предоставить такую возможность кому-нибудь другому.

Куделка густо покраснел и резко отпрянул от нее.

— Сэр, — начал было он, но умолк, не меньше Корделии удивленный ледяным гневом, отразившимся в глазах адмирала. Форкосиган лишь скользнул по нему взглядом — оба сжали зубы.

Корделия сделала глубокий вдох, собираясь ответить, но успела издать только возмущенное «а-а... о-ох!» вслед мужу, который резко повернулся и вышел из библиотеки.

Куделка, все еще красный, поднялся на ноги, опираясь на шпагу и тяжело дыша.

— Миледи! Прошу вас, простите меня.

— Ку, — быстро заговорила Корделия, — ты ведь понимаешь, что он вовсе не хотел сказать такую гадость. Он просто не подумал. Я уверена, что он не... не...

— Да, я понимаю, — отозвался Куделка. Глаза его были пустыми и жесткими. — Всем известно, что я не могу угрожать чьему-либо браку. А теперь извините меня, миледи... мне надо заняться работой. В некотором роде.

— Ох! — Корделия не знала, на кого она злится сильнее: на Форкосигана, Куделку или на саму себя. Она вскочила и направилась к двери, бросив через плечо: — Будь он проклят, этот ваш Барраяр!

На ее пути возникла Друшикко, робко спросив:

— Миледи?

— Ах ты... бездарная ты... женщина! — накинулась на нее Корделия, гнев которой брызгал теперь уже во все стороны. — Почему ты сама не улаживаешь свои дела? Вы, барраярские бабы, только и ждете, что, похоже, вам преподнесут на тарелочке решение проблем всей вашей жизни! Так не бывает!

Испуганная телохранительница отступила. Корделия, стряхнув гнев, вернулась к реальности и спросила:

— Куда пошел Эйрел?

— Кажется, наверх, миледи.

Остатки ее прежнего, чуть, правда, поблекшего юмора пришли ей на выручку:

— Не через две ступеньки, часом?

— Э-э... вообще-то через три, — чуть слышно ответила Дру.

— Надо, видимо, пойти с ним поговорить, — сказала Корделия, запуская пальцы в волосы и с минуту подумав — не выдрать ли прядь-другую. — Ах ты, сукин сын!

Она и сама не знала, определение это или междометие. «И подумать только, ведь раньше я никогда не употребляла бранных слов!»

Она поплелась наверх, и с каждой ступенькой ее возмущение словно утекало вместе с силами. «Да уж, при беременности резвостью не похвалишься». У охранника, стоявшего в коридоре, она спросила, остановившись:

— Лорд Форкосиган прошел сюда?

— В свои покои, миледи, — ответил тот, с любопытством проводив ее взглядом. «Великолепно. Я просто в восторге, — гневно подумала она. — Первая настоящая ссора супругов произойдет перед широкой аудиторией. Эти старые стены прекрасно проводят звук. Интересно, я смогу говорить тихо? Эйрелу-то проще: когда он взбешен, он переходит на шепот».

Войдя в спальню, она увидела, что муж сидит на краю кровати, резкими раздраженными движениями сбрасывая с себя китель, сапоги. Он поднял глаза, и оба гневно уставились друг на друга. Корделия первой открыла огонь, решив про себя: «Надо с этим поскорее кончать».

— То, что ты сказал Ку, ни в какие ворота не лезет.

— Что?! — рявкнул адмирал. — Я застаю свою жену... милующейся с одним из моих офицеров, и ты ждешь, что я заведу вежливый разговор о погоде?

— Тебе отлично известно, что там не происходило ничего, хоть сколько-нибудь задевающего твою честь.

— Прекрасно. А если бы вошел не я? Предположим, это был бы один из охранников или мой отец. Как бы ты тогда объяснялась? Ты же знаешь, какого они мнения о бетанцах. Они за это так ухватятся — слухов ничем не остановишь. И не успею я опомниться, как меня ославят на всех углах. Мои враги только и ждут, когда обнаружат мое слабое место, чтобы броситься в атаку. От такого они просто в восторг бы пришли.

— При чем тут твоя чертова политика? Я говорю о друге. Сомневаюсь, что ты смог бы придумать более обид-

ные слова, даже если бы на тебя целая орава специалистов работала. Это гнусно, Эйрел! И вообще, что с тобой происходит?

— Не знаю. — Он как-то сник и начал устало растирать себе лицо. — Наверное, дело в этой проклятой работе. Я не хотел тебя обидеть.

Корделия решила, что не вправе добиваться от мужа большего покаяния, и кивнула. Гнев ее улетучился, а освободившееся место мгновенно заполнилось недавними страхами.

— Гляди, как бы нам не пришлось однажды утром выламывать дверь его комнаты.

Не меняя позы, адмирал хмуро посмотрел на жену.

— У тебя есть основания считать, что он думает о самоубийстве? Мне кажется, он вполне доволен жизнью.

— Конечно — пока ты не спускаешь с него глаз. — Корделия сделала выразительную паузу, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. — А на самом деле до самоубийства ему осталось вот столько. — И она подняла большой и указательный пальцы, разведя их на миллиметр. Форкосиган заметил кровь на руке жены и замер. — Он побаловался этой чертовой тростью-шпагой. Как я сожалею, что подарила ее! Я не переживу, если он перережет себе горло. Именно это он собирался сделать.

— Ох-х-х...

Без своего блестящего военного кителя, не обуреваемый более мрачными мыслями Форкосиган вдруг как-то съежился. Он притянул Корделию к себе, и она, сев рядом, продолжала:

— Так что, если в твоей безмозглой башке зародилась мысль сыграть роль короля Артура, выставив нас Ланселотом и Гвиневрой, можешь об этом забыть. Не пройдет.

Эти слова заставили его коротко рассмеяться.

— Боюсь, что в моей башке зародились куда более прозаические образы — знакомый уже кошмар.

— Угу... Могу понять, почему это тебя так задело. — Она подумала, не маячит ли сейчас у нее за спиной

призрак первой жены Форкосигана, дыша ему в ухо смертным холодом. Так иногда навещал ее саму призрак Форратьера. Выглядел Эйрел сейчас достаточно заледенело. — Но ведь я — Корделия, не забыл? А не... кто-то другой.

Он прижался лбом к ее лбу.

— Прости меня, милый капитан. Я уродливый напуганный старик, и с каждым днем становлюсь все старее, уродливее и подозрительнее.

— И ты туда же? — она прижалась к нему теснее. — Слов «старый» и «уродливый» я не принимаю. Безмозглый — да, но это не имеет отношения к внешности.

— Спасибо.

Ей было приятно, что она хоть чуть-чуть его развеселила.

— Значит, все дело в твоем регентстве? — спросила она. — Ты можешь хоть немного поделиться со мной своим грузом?

Форкосиган сжал губы.

— Строго по секрету... Хотя ты, конечно, и без предупреждений не станешь болтать... Похоже, не пройдет и года, как нас ждет новая война. А мы к ней совсем не готовы — еще не оправились после Эскобара.

— Что?! Но мне казалось, что военная партия обезврежена!

— Наша — да. Но цетагандийская по-прежнему чувствует себя как нельзя лучше. Разведка доложила, что они надеялись на смуту после смерти Эзара Форбарры и хотели воспользоваться этим моментом как прикрытием для захвата спорных п-в-туннелей. Но регентом назначили меня и... Ну... я, конечно, не назову нынешнюю ситуацию стабильной. В лучшем случае — неустойчивое равновесие. Но, безусловно, не тот развал, на какой они рассчитывали. Отсюда и диверсия с акустической гранатой. Негри и Иллиан процентов на семьдесят убеждены, что это была цетагандийская работа.

— И они... попытаются снова?

— Почти наверняка. Но независимо от того, останусь я жив или нет, еще до конца года они предпримут разведку боем. И если мы окажемся слабы... они станут продвигаться все дальше и дальше, пока кто-нибудь их не остановит.

— Неудивительно, что ты так... погружен в свои мысли.

— Ты нашла вежливую формулировку? Нет, дело не в этом. О цетагандийцах я знаю уже давно. Сегодня, после заседания Совета, появилось кое-что новое. Ко мне пришел граф Форхалас — просить о личном одолжении.

Корделия удивилась.

— Я думала, ты будешь только рад возможности оказать услугу брату Ралфа Форхаласа. Что, это не так? — встревожилась Корделия.

Он расстроенно покачал головой.

— Младший сын графа — восемнадцатилетний оболтус, которого следовало бы определить в военное училище... если не ошибаюсь, он был представлен тебе на церемонии утверждения регента...

— Лорд Карл?

— Да. Вчера на вечеринке он спьяну ввязался в потасовку...

— Ну что ж, дело житейское. Такое случается даже в Колонии Бета.

— Вот именно. Но выяснять свои отношения они отправились на улицу, вооружившись парой тупых шпаг, висевших на стене в качестве украшения, и кухонными ножами. И все обернулось трагично.

— Кто-нибудь был ранен?

— К сожалению, да. Насколько я понял, беда произошла случайно: в неловком падении графский сын ткнул своего соперника шпагой в живот и, видимо, попал в какую-то артерию. Тот почти мгновенно скончался от потери крови. К тому времени как зрители достаточно протрезвели, чтобы вызвать медицинскую помощь, было уже слишком поздно.

— Боже правый!

— Это была дуэль, Корделия. Она началась в шутку, но закончилась всерьез. А за дуэль существует наказание. — Форкосиган встал и принялся расхаживать по комнате; потом остановился у окна, глядя в дождливые сумерки. — Граф пришел просить для сына императорского помилования. Или, если я не могу этого добиться, — замены формулировки обвинения. На суде за простое убийство парень мог бы заявить, что вынужден был прибегнуть к самозащите, и, возможно, ему удалось бы отделаться всего лишь тюремным заключением.

— Это кажется... достаточно справедливым, по-моему.

— Да... Одолжение другу. Или... первая щель, через которую к нам снова вползет этот адский обычай. Что произойдет, когда ко мне снова обратятся с такой просьбой — и еще, и еще? Где остановиться? А если в следующей дуэли будет замешан мой политический противник, а не член моей партии? Значит, все смерти, которые понадобились для того, чтобы искоренить этот обычай, были напрасными? И еще хуже: это будет прецедентом того, как на правительство оказывают давление друзья — а потом последуют группировки. Говори об Эзаре Форбарра что хочешь, но за тридцать лет неустанного труда и беспощадной жестокости он превратил правительство из клуба форов в некое подобие — пусть даже непрочно стоящее на ногах — власти закона, одного закона для всех.

— Я начинаю понимать, в чем проблема.

— И надо же, чтобы мне — именно мне! — выпало принимать это решение! Ведь меня самого двадцать два года назад должны были публично казнить за тот же самый проступок! — Форкосиган остановился перед женой. — К сегодняшнему утру весь город уже слышал вчерашнюю историю. Я приказал, чтобы службы новостей пока ничего не сообщали, но это все равно что плевать против ветра. Пытаться замять дело уже слишком поздно — даже если бы я захотел. Так что же я предам сегодня? Доверие Эзара Форбарры? Или друга? Можно не сомневаться, какое решение принял бы он.

Он снова сел рядом, нежно обняв Корделию.

— И это только начало. Каждый месяц, каждая неделя будут приносить что-нибудь в этом роде. Что от меня останется после пятнадцати лет такой жизни? Пустая оболочка? Наподобие той, что мы похоронили три месяца назад? До последнего вздоха надеявшегося, что Бога нет?! Или совращенное властью чудовище, каким был его сын — настолько зараженный, что стерилизовать его можно было только плазмотроном? Или что-то еще более страшное?

Неприкрытая мука в его словах привела Корделию в смятение. Она крепко обняла мужа.

— Не знаю. Не знаю. Но ведь кто-то... кому-то всегда приходилось принимать такие решения, пока мы жили в благословенном неведении. И они тоже были просто людьми. Не лучше и не хуже тебя.

— Пугающая мысль.

Она вздохнула.

— Нельзя выбирать впотьмах между большим и меньшим злом с помощью одной лишь логики. Можно только ухватиться за спасительную нить принципов. Я не могу принимать решения за тебя. Но какие бы принципы ты сейчас ни избрал, они станут твоей путеводной звездой на пути к истине. И ради твоего народа ты должен избрать последовательные принципы.

Он замер в ее объятиях.

— Знаю. На самом деле я, конечно, уже принял решение. Я просто... дергаюсь, идя ко дну. — Он высвободился из ее рук и снова встал. — Милый мой капитан, если я через пятнадцать лет не сойду с ума, то только благодаря тебе.

Она посмотрела на него снизу вверх:

— Так что же это за решение?

Глубокая боль в глазах Эйрела послужила ей ответом.

— О нет! — невольно вскрикнула она, но заставила себя сдержаться. «А я-то пыталась говорить разумно. Мне это и в голову не приходило!»

— Разве ты не поняла? — мягко и безнадежно спросил он. — Возможен только вариант Эзара — здесь. Он правит и из могилы.

И Форкосиган ушел в ванную вымыться и переодеться.

— Но ты же не он, — прошептала Корделия пустой комнате. — Неужели ты не можешь найти собственного пути?

ГЛАВА 8

Спустя три недели Форкосиган присутствовал на публичной казни Карла Форхаласа.

— Тебе обязательно надо идти? — спросила его Корделия в то утро, когда он одевался, холодный и отчужденный. — Мне не обязательно, правда?

— Господи! Конечно, нет. Я тоже официально не обязан идти, только... я не могу не идти. Ты же сама все понимаешь.

— По правде говоря, не понимаю. Если только это не форма самобичевания. Я не уверена, что ты можешь позволять себе такую роскошь при твоей работе.

— Я должен идти. Пес всегда возвращается к своей блевотине, так? Его родители тоже там будут. И его брат.

— Какой варварский обычай!

— Мы могли бы считать преступления болезнью — как это делаете вы, бетанцы. Ты знаешь, каково это. По крайней мере мы убиваем человека сразу, а не по частям в течение нескольких лет... Уж не знаю, что лучше.

— Как... как это делается?

— Отрубают голову. Считается, что это почти безболезненно.

— Откуда это известно?

— Очень разумный вопрос.

Уходя, он не обнял ее. Вернулся Эйрел меньше чем через два часа, подавленный. Отрицательно покачав го-

ловой в ответ на ее нерешительное предложение поесть, он отменил назначенную на день встречу, удалился в библиотеку графа Петера и долго сидел там в одиночестве, так и не раскрыв ни одной книги. Спустя некоторое время Корделия пришла к нему, устроилась на диванчике и стала ждать, когда он вернется к ней из того далека, где сейчас находились его мысли.

— Мальчик пытался держаться мужественно, — произнес адмирал после часового молчания. — Видно было, что каждый жест он обдумал заранее. Но остальные не сумели следовать сценарию. Мать его сломалась. И в довершение всего чертов палач промахнулся. Ему пришлось сделать три удара.

— Похоже, сержант Ботари с перочинным ножиком справился бы лучше.

В это утро призрак Форратьера преследовал ее упорнее обычного.

— Ничего более ужасного нельзя себе представить. Его мать проклинала весь свет и меня тоже. Пока Ивон и граф Форхалас не увели ее. — Бесцветный голос Эйрела вдруг изменился. — Ох, Корделия! Я принял неверное решение! И все же... все же... другого не было. Ведь правда?

Он сел рядом с ней и молча прижал ее к себе. Казалось, он вот-вот заплачет — но гораздо больше Корделию испугало то, что он так и не заплакал. Постепенно страшное напряжение отпустило его.

— Мне надо взять себя в руки и пойти переодеться. Фортела назначил совещание с министром сельского хозяйства, его нельзя пропустить. А потом еще заседание главного штаба...

В ту ночь он долго лежал рядом с женой без сна. Глаза у него были закрыты, но по дыханию Корделия чувствовала, что он бодрствует. Она не могла придумать ни одного слова утешения, которое не прозвучало бы неуместно, поэтому молчала вместе с ним долгие ночные часы. Начался дождь — упрямая морось. Он заговорил только раз.

— Я и раньше видел, как умирают люди. Отдавал приказы о казнях, посылал людей в бой, выбирал не того, а

этого, совершил три настоящих убийства и, если бы не Господь и сержант Ботари, совершил бы четвертое... Не знаю, почему именно сегодняшняя казнь так на меня подействовала. Она отняла у меня силы идти дальше. А я не смею останавливаться, иначе мы все рухнем. Мне надо каким-то образом предотвратить падение.

Их разбудил звон разбитого стекла и глухой хлопок. Спальню наполнял незнакомый запах, и Корделия недоуменно принюхалась. Что-то едкое обожгло ей легкие, рот, ноздри, глаза. Отвратительный привкус во рту вызвал спазмы в желудке, потом тошнота подкатила к самому горлу. Форкосиган стремительно вскочил.

— Газовая граната! Не дыши, Корделия!

Не полагаясь на свое предупреждение, он быстро бросил ей на лицо подушку, а его горячие сильные руки обхватили ее и поволокли к двери. Она с трудом удержалась на ногах — но не сдержала рвоты, они вывалились в коридор — и он захлопнул за ними дверь.

Пол сотрясался от топота бегущих ног. Форкосиган крикнул:

— Стойте! Солтоксиновый газ! Очистить этаж! Вызвать Иллиана! — И тут же сложился пополам, кашляя и выворачиваясь в рвоте. Чьи-то руки провели обоих к лестнице. Глаза Корделии сильно слезились, и она практически ничего не видела.

В промежутках между приступами Форкосиган выдавил:

— Противоядие... императорский дворец... туда ближе, чем в госпиталь... сию минуту вызовите Иллиана. Он знает. В душ... Где прислужница миледи? Вызовите горничную...

Через минуту они стояли под душем. Форкосиган весь дрожал и еле держался на ногах, но все еще старался ей помочь.

— Надо смывать его с кожи, не останавливаясь. Три посильнее. Воду сделай прохладной.

— И ты тоже.

Она снова закашлялась под струей воды, пока они помогали друг другу намыливать спины.

— Рот тоже прополощи... Солтоксин. Последний раз нюхал эту вонь лет пятнадцать-шестнадцать назад, но ее не забудешь. Боевой отравляющий газ. Должен строго охраняться. Как им удалось его заполучить... Чертова служба безопасности! Завтра они все забегают, как цыплята с отрубленными головами... слишком поздно.

Под отросшей щетиной лицо его было зеленовато-бледным.

— Я чувствую себя уже не слишком плохо, — сказала Корделия. — Тошнота проходит. Следует понимать, что нам не досталось смертельной дозы?

— Н-нет. Он просто медленно действует. Нужно совсем немного, чтобы прикончить человека. Поражает главным образом мягкие ткани: легкие через час превратятся в кашу, если сюда не доставят противоядие.

Растущий страх пульсировал в ее теле, сжимал сердце и голову, мешая нормально выговаривать слова:

— Он проникает через плацентарный барьер?

Форкосиган молчал слишком долго, но потом сказал:

— Точно не знаю. Надо будет спросить врача. Я видел только, как он действует на молодых мужчин.

Его снова начал бить сильный кашель, который никак нельзя было унять.

Появилась одна из горничных, заспанная и перепуганная, и принялась помогать Корделии. Вскоре в душевую вошел охранник и громко, чтобы перекрыть шум воды, доложил:

— Мы связались с дворцом, сэр. Оттуда уже едут.

Горло, бронхи и легкие Корделии начали выделять отвратительную на вкус мокроту; она откашлялась и сплюнула.

— Кто-нибудь видел Дру?

— Кажется, она преследует убийц, миледи.

— Не ее это дело. По сигналу тревоги она обязана бежать к Корделии, — прохрипел Форкосиган.

— В момент нападения она была внизу, сэр, с лейтенантом Куделкой. Они оба выбежали через заднюю дверь.

— Черт подери, — пробормотал Форкосиган, — и не его это дело тоже. — За свою разговорчивость он был тут же наказан еще одним приступом кашля. — Кого-нибудь поймали?

— Кажется, да, сэр. Была какая-то суматоха в саду, у дальней стены.

Они простояли под душем еще несколько минут, пока снова не появился охранник, доложивший:

— Врач из дворца приехал, сэр.

Горничная завернула Корделию в халат, а Форкосиган обмотался полотенцем, прохрипев охраннику:

— Поди разыщи мне какую-нибудь одежду.

Слышно было, что слова раздирают ему горло, как наждачная бумага.

Когда они вышли из душа, пожилой человек со всклокоченными волосами, облаченный в брюки, пижамную куртку и шлепанцы, уже раскладывал свое оборудование в спальне для гостей. Он вынул из чемоданчика газовый баллон, прикрепил к нему маску для дыхания и перевел взгляд с округлого живота Корделии на Форкосигана.

— Милорд, вы уверены, что правильно определили тип яда?

— К сожалению, уверен. Это был солтоксин.

Доктор склонил голову:

— Мне очень жаль, миледи.

— Это повредило моему... — она подавилась мокротой.

— Заткнитесь и дайте ей противоядие, — велел Форкосиган.

Врач наложил маску на ее нос и рот.

— Дышите глубоко. Вдох... Выдох. Выдыхайте подольше. Теперь снова вдохните. Задержите дыхание...

У газа, служившего противоядием, был привкус свежей зелени, прохладный, но почти такой же мерзкий, как и у самого яда. У нее снова начались позывы на рвоту, но в желудке уже ничего не оставалось. Она смотрела поверх маски на мужа и попыталась успокаивающе улыбнуться. Корделия была уверена, что он получил бóльшую дозу, чем она, и, оттолкнув маску, сказала:

— Разве еще не твоя очередь?

Врач снова прижал маску к ее лицу со словами:

— Еще один вдох, миледи, на всякий случай.

Она глубоко вдохнула, и врач поднес маску к Форкосигану. Тому, похоже, инструкций не требовалось.

— Сколько минут прошло с момента начала воздействия? — обеспокоенно спросил врач.

— Точно не знаю. Кто-нибудь заметил время? Вы...

Она вдруг забыла имя молодого охранника.

— Кажется, от пятнадцати до двадцати минут, миледи.

Доктор заметно успокоился.

— Тогда все должно быть в порядке. Вы оба несколько дней проведете в госпитале. Я распоряжусь, чтобы приехала медицинская машина. Еще кто-нибудь подвергся воздействию? — спросил он у охранника.

— Доктор, подождите. — Тот уже собрал баллон и маску и направился к двери. — Как этот... солтоксин подействует на моего ребенка?

— Неизвестно. Никто никогда не переживал его воздействия без немедленного применения противоядия.

Корделия почувствовала, что у нее отчаянно колотится сердце.

— Но при применении... — Ей не понравился полный жалости взгляд врача, и она повернулась к Форкосигану. — Это... — Выражение его лица, свинцово-серого, освещенного изнутри болью и растущим гневом, заставило ее замолчать. Это было лицо незнакомца с любящим взглядом, который наконец-то встретился с ней глазами.

— Скажите ей, — прошептал он врачу. — Я не в силах.

— Надо ли нам сейчас...

— Надо. Чтобы с этим покончить.

Голос у него срывался и хрипел.

— Опасность не в яде, а в противоядии, миледи, — неохотно объяснил врач. — Это вещество — сильнейший тератоген. Нарушает рост костной ткани у развивающегося плода. Ваши кости сформировались, так что их это не затронет, если не считать повышения склонности к ар-

тритным заболеваниям, которые можно лечить... по мере их возникновения...

Врач замолчал, а Корделия закрыла глаза, чтобы больше его не видеть.

— Я должен заняться часовым, который был в коридоре, — быстро добавил он.

— Идите, идите, — ответил Форкосиган, и доктор поспешно вышел, едва не столкнувшись в дверях с охранником, который принес одежду лорда-регента.

Корделия открыла глаза, и они с Форкосиганом впились друг в друга взглядами.

— Твое лицо, — прошептал он. — Оно не... Плачь! Беснуйся! Сделай что-нибудь! — Его хриплый голос перешел почти на крик. — Хотя бы возненавидь меня!

— Не могу, — прошептала она в ответ. — Я еще ничего не чувствую. Может, завтра.

Каждый вдох обжигал огнем.

С негромким проклятием он быстро набросил на себя одежду — зеленый повседневный мундир.

— Зато я могу кое-что предпринять.

Его лицом опять завладел незнакомец. Слова глухим эхом отдались в ее памяти: «Если бы Ангел смерти носил мундир, он выглядел бы именно так».

— Куда ты?

— Посмотрю, кого поймал Куделка. — Корделия бросилась за ним. — Оставайся здесь, — приказал он.

— Нет.

Эйрел гневно посмотрел на нее, но она отмела его взгляд не менее гневным жестом, словно отбивая выпад шпаги.

— Я иду с тобой.

— Хорошо.

Он резко повернулся и направился к лестнице, ведущей на первый этаж. Даже спина его излучала ярость.

— Ты не станешь, — с трудом проговорила Корделия, — ты не станешь никого убивать в моем присутствии.

— Вот как? — прошептал он в ответ. — Я не стану?

Он ступал медленно, тяжело, впечатывая босые пятки в каменные ступени.

В холле столпилось множество людей — охранники регента, графские слуги, врачи. Кто-то в заляпанном грязью черном комбинезоне — живой или мертвый, Корделия не поняла — лежал на мозаичном полу. У его головы стоял врач. Оба были мокры от дождя и заляпаны грязью. Окрашенная кровью вода лужей собиралась под лежащим, и подошвы сапог военврача скользили по ней.

Командор Иллиан со сверкающими в волосах каплями как раз входил с улицы в сопровождении адъютанта, отдавая распоряжения:

— Сообщите мне, как только прибудут техники с биоэнергетическим детектором. А тем временем не позволяйте никому приближаться к стене и ходить по переулку. Милорд! — воскликнул он, увидев Форкосигана. — Благодарение Богу, вы целы!

Небольшая группа людей окружала пленного, который стоял лицом к стене, держа одну руку над головой (вторая, странно перекрученная, висела вдоль тела). Рядом с ним стояла Друшикко в насквозь промокшей ночной рубашке. Она держала сверкающий металлический арбалет — очевидно, то самое оружие, которым воспользовались, чтобы метнуть газовую гранату. На лице девушки виднелась багровая ссадина, свободной рукой она пыталась остановить кровь, текущую из носа. Тут же в мокром, грязном мундире и в шлепанцах стоял и Куделка, опираясь на свою шпагу. Лицо лейтенанта было унылым.

— Я бы его взял, — проворчал он, видимо, продолжая уже давно начавшуюся перепалку, — если бы ты не подбежала с криком...

— Ну, еще бы! — огрызнулась Друшикко. — Уж извини, но я видела совсем другое. Мне кажется, это он тебя взял и швырнул на землю. Если бы я не заметила его ноги над стеной...

— Прекратите! Лорд Форкосиган здесь! — прошипел кто-то из охранников. Все разом повернулись — и отпрянули при виде лица лорда.

— Как он проник?.. — начал Форкосиган и умолк. На пленнике была черная форма службы безопасности. — Не может быть, что это один из твоих людей, Иллиан. — Голос его заскрежетал, как металл о камень.

— Милорд, он нам нужен живым для допроса, — встревоженно проговорил Иллиан за его плечом, почти загипнотизированный тем же взглядом, который заставил охранников отшатнуться. — За этим заговором может стоять больше, чем вы думаете. Нельзя...

И тут пленный обернулся. Охранник шагнул вперед, чтобы вновь повернуть его лицом к стене, но Форкосиган жестом приказал ему отойти. Стоя за спиной мужа, Корделия почувствовала, как разом обмякло его тело. Плечи адмирала ссутулились, заряд ярости исчез — осталась одна только боль. Над черным воротником без знаков различия все увидели искаженное ненавистью лицо Ивона Форхаласа.

— Ох нет! Только не он! — выдохнула Корделия.

Ивон даже не взглянул на нее — его горящий взор был прикован к Форкосигану.

— Подонок. Проклятая хладнокровная рептилия. Сидел с каменной мордой, пока моему брату рубили голову. Ты хоть что-то почувствовал? А может, получил удовольствие, милорд регент? В ту минуту я поклялся, что рано или поздно прикончу тебя!

Наступило долгое молчание, а затем Форкосиган подался к Форхаласу и, вытянув руку рядом с его головой, тяжело оперся о стену. Он хрипло прошептал:

— Ты промахнулся, Ивон. — При звуке его голоса разбитые губы Форхаласа скривились, и он плюнул кровавой слюной в ненавистное лицо. Форкосиган как будто и не заметил этого — он продолжал говорить, спокойно и размеренно. — Ты не попал ни в меня, ни в мою жену. Но ты попал в моего сына. Ты мечтал о мести? Ты ее получил. Посмотри ей в глаза, Ивон. Можно утонуть в этих серо-зеленых глазах. Я буду смотреть в них каждый день, до самой моей смерти. Ты хорошо отомстил мне, Ивон —

знай это, знай и помни, что твоя месть навсегда со мной, она, как кость, застряла у меня в горле.

И тогда Форхалас впервые перевел взгляд с него на Корделию. А она в этот миг представила ребенка в своем чреве, увидела, как нежные, еще хрящеватые косточки начинают гнить, скручиваться и растекаться — но не смогла возненавидеть Форхаласа, сколько ни пыталась. Он даже не казался ей каким-то мерзким законченным злодеем. Сейчас она как будто насквозь видела его израненную душу — так, как врачи видят раненое тело с помощью своих диагностических сканеров. Все искривления, и разрывы, и ушибы чувств, каждую раковую опухоль возмущения, а поверх всего этого — огромную зияющую рану от смерти брата.

— Эйрелу это не доставило удовольствия, Ивон, — сказала она. — Да и чего ты от него ждал? Ты хоть сам-то знаешь?

— Каплю человеческой жалости. Он мог бы спасти Карла. Даже в последний миг. Я тогда подумал — может, он для того и пришел.

— О Господи! — выдохнул Форкосиган. Было видно, как его ударила искра этой безумной надежды. — Я не устраиваю спектаклей вокруг человеческой жизни и смерти, Ивон.

Форхалас прикрылся ненавистью, словно щитом.

— Иди к дьяволу.

Форкосиган вздохнул и выпрямился, опустив руку.

— Уведи его, Иллиан.

— Подождите, — выдохнул Корделия. — Я должна знать... Мне надо задать ему один вопрос.

Форхалас угрюмо посмотрел на нее.

— Ты именно этого хотел добиться? Я хочу сказать — когда выбрал такое оружие? Именно этот яд?

Он отвел глаза.

— Оно попалось мне под руку, когда я проходил по арсеналу. Я подумал, что вы не успеете его опознать и вовремя доставить противоядие из госпиталя...

— Ты снял с моих плеч бремя, — прошептала она.

— Противоядие привезли из императорского дворца, — разъяснил Форкосиган. — Это в четыре раза ближе. У императорских врачей есть абсолютно все. А что до опознания... Я присутствовал при подавления карианского восстания. Примерно в твоем возрасте, может, немного моложе. Запах заставил меня вспомнить. Мальчишки выхаркивали легкие красными комками...

Форхалас, не глядя, указал на живот Корделии.

— Я не собирался вас убивать. Я хотел убить только его. Я даже не знал, что ночью вы спите в одной комнате. — Он готов был смотреть куда угодно, лишь бы не в ее глаза. — Я даже не подумал, что могу убить вашего...

— Посмотри мне в глаза, — прохрипела она, — и произнеси это слово вслух.

— Ребенка, — выдавил Форхалас и вдруг разразился мучительными рыданиями.

Форкосиган шагнул назад и встал рядом с женой.

— Не надо было тебе этого делать, — прошептал он. — Я сразу вспомнил его брата. Почему мне суждено нести смерть в эту семью?

— Все еще хочешь, чтобы он упивался своей местью?

— Даже этого не хочу. Ты нас всех опустошаешь, милый мой капитан. Но, о-ох... — Его рука потянулась, чтобы погладить ее живот, и замерла, когда он вспомнил, что они не одни. Адмирал выпрямился. — Доставь мне полный доклад сегодня утром, Иллиан, — приказал он. — В госпиталь.

Он взял Корделию под руку, и они пошли вслед за врачом. Она так и не поняла, хотел ли он поддержать ее, или опирался сам.

В Императорском госпитале Корделию сразу же окружила целая толпа — доктора, медсестры, санитары, охранники... У самой двери их с Эйрелом разделили, и ей стало одиноко и тревожно. Она почти ничего не говорила собравшимся вокруг людям — только обычные любезно-

сти. Ей хотелось бы потерять сознание, впасть в оцепенение, сойти с ума, испытать галлюцинации — что угодно, лишь бы забыться. Но вместо этого она испытывала только усталость.

Ребенок шевелился в ее чреве — поворачивался, толкался. Видимо, тератогенное противоядие действовало очень медленно. Похоже, им подарили еще какое-то время, чтобы побыть вместе — и она ласкала сына сквозь свою кожу, медленно растирая живот пальцами. «Сынок, добро пожаловать на Барраяр — местожительство каннибалов. Тут даже не выжидают положенных восемнадцати—двадцати лет, чтобы тебя сожрать».

Алчная планета.

Ее поместили в роскошно убранную отдельную палату, расположенную в крыле для самых важных персон, поспешно освободив его для них одних. Она с облегчением узнала, что Форкосигану отвели палату напротив. Уже переодевшись в зеленую пижаму военного образца, он зашел посмотреть, как ее укладывают в постель. Корделии еще удалось слабо улыбнуться мужу, но сесть она даже не пыталась. Сила тяжести непреодолимо вдавливала ее в жесткую кровать и тянула к центру планеты. Упасть ей мешали пол, здание... но только не ее воля.

Следом за Эйрелом шел встревоженный санитар, напоминая:

— Не забудьте, сэр, старайтесь говорить поменьше, пока доктор не проведет вам промывание горла.

В окнах замерцал серый рассвет. Форкосиган присел на край постели, взял ее руку и начал поглаживать.

— Тебе холодно, милый мой капитан, — хрипло прошептал он.

Она кивнула. Грудь у нее болела, горло драло, носоглотка была словно обожженная.

— Мне не надо было соглашаться на эту должность, — добавил он. — Мне так жаль...

— Я тоже тебя уговаривала. Ты пытался меня предупредить. Ты не виноват. Мне казалось, эта работа тебе подходит. Подходит...

Он покачал головой.

— Не разговаривай. На голосовых связках появятся рубцы.

Она невесело усмехнулась и приложила палец к его губам, когда он попытался снова заговорить. Он кивнул, смиряясь, и они некоторое время молча смотрели друг на друга. Он нежно отвел с ее лица спутавшиеся волосы, а она поймала его широкую ладонь и крепко прижала к своей щеке — утешая его и себя, пока бригада врачей и техников не забрала Форкосигана на процедуры.

— Мы скоро придем к вам, миледи, — строго предупредил их начальник.

Спустя некоторое время они вернулись и заставили Корделию полоскать горло какой-то омерзительной розовой жидкостью, а после — дышать в некое устройство. Медсестра принесла завтрак, к которому Корделия не притронулась.

Потом в палату явилась комиссия врачей — все как один с мрачными торжественными лицами. Тот, который ночью приезжал из дворца, теперь был аккуратно причесан и одет в штатское. А рядом с личным врачом Форкосиганов стоял молодой чернобровый мужчина в зеленой военной форме с капитанскими нашивками на воротнике. Поглядев на эту троицу, Корделия почему-то вспомнила древнюю легенду о Цербере.

Ее личный врач представил незнакомца:

— Это капитан Вааген из исследовательской лаборатории Императорского госпиталя. Он — наш главный специалист по отравляющим веществам.

— Изобретаете новые яды, капитан? — полюбопытствовала Корделия. — Или создаете противоядия к уже известным?

— И то, и другое, миледи, — без тени смущения отозвался капитан Вааген.

В его поведении сквозила какая-то непонятная решимость и напористость.

У личного врача взгляд был запуганный, но губы его улыбались.

— Милорд регент попросил меня проинформировать вас о расписании лечебных процедур. Я полагаю, — он откашлялся, — полагаю, что желательно было бы побыстрее произвести аборт. Для вашего выздоровления требуется, чтобы физиологическая нагрузка была устранена как можно скорее.

— И ничего нельзя сделать? — безнадежно спросила она, уже зная ответ по выражению их лиц.

— Боюсь, что нет, — печально проговорил личный врач. Доктор из императорского дворца кивнул, подтверждая его слова.

— Я провел информационный поиск, — неожиданно заявил капитан, глядя в окно. — Был один эксперимент с кальцием. Конечно, полученные результаты не особенно обнадеживают...

— Мне казалось, мы договорились об этом не упоминать, — с неудовольствием заметил дворцовый врач.

— Вааген, это жестоко, — поддержал его и личный врач Корделии. — Вы внушаете миледи ложные надежды. Нельзя превращать супругу регента в подопытного кролика для ваших злополучных экспериментов. Вы получили разрешение регента на вскрытие плода — успокойтесь на этом.

Мир Корделии мгновенно вернулся в нормальное состояние, стоило ей всмотреться в лицо человека, предлагавшего эксперимент. Она знала этот тип людей: фанатики-энтузиасты, готовые принести в жертву своей — гениальной или безумной — идее все что угодно, вплоть до собственной карьеры. Ее судьба, ее призрачное счастье ничего для него не значат, разве что материал для монографии. Риск, на который она должна будет пойти, его не смущает — она не личность, а объект исследований. Корделия дружески улыбнулась молодому знатоку ядов. Теперь она знала, что в сплоченном фронте врагов наметилась брешь, и не собиралась упускать свой шанс.

— Рада с вами познакомиться, доктор Вааген. Хотите написать лучшую в своей жизни статью?

Дворцовый эскулап фыркнул:

— Она вас сразу раскусила, капитан.

— Вы, конечно, понимаете, — начал приятно удивленный Вааген, — я не могу гарантировать результатов...

— Результатов?! — прервал его врач Корделии. — Господи, да вы бы лучше объяснили, что такое в вашем представлении эти «результаты». Или покажите ей фотографии... Нет, не надо. Миледи, — повернулся он к ней, — лечение, о котором говорит капитан Вааген, проверялось двадцать лет назад. Оно причиняло непоправимый вред матерям. А результаты... Самый лучший результат, на который вы могли бы надеяться, — это скрюченный калека. Или что-нибудь еще похуже. Невообразимо хуже.

— Прекрасно описывается словом «медуза», — уточнил токсиколог.

— Вы не человек, Вааген! — возмутился личный врач и с тревогой взглянул на свою пациентку — насколько сильно она расстроилась.

— Жизнеспособная медуза, доктор Вааген? — спросила Корделия.

— Гм... Может быть, — ответил он, не обращая внимания на негодование возмущенных коллег. — Но главная проблема — в том, что происходит с матерями, когда лечение проводится in vivo.

— А разве нельзя провести его in vitro? — задала естественный вопрос Корделия.

Вааген бросил торжествующий взгляд на личного врача Форкосиганов.

— Это, безусловно, открыло бы ряд новых возможностей, — пробормотал он, обращаясь к потолку.

— In vitro? — озадаченно переспросил дворцовый медик. — Каким образом?

— Что значит «каким образом»? — вскинулась Корделия. — У вас где-то в чуланах пылятся семнадцать маточных репликаторов эскобарского производства, привезенных с войны. — Она обернулась к Ваагену: — Вы, случайно, не знакомы с доктором Генри?

Вааген кивнул:

— Мы работали вместе.

— Тогда вы должны все про них знать!

— Ну... не то чтобы все. Хотя Генри вроде бы упоминал, что эти аппараты по-прежнему в рабочем состоянии. Но, как вы понимаете, я не гинеколог.

— Совершенно верно, — ухватился за это утверждение личный доктор. — Миледи, этот человек вообще не врач. Он всего лишь биохимик.

— Но вы-то врач, — возразила она. — Так что у нас полный состав. Доктор Генри и... капитан Ваагеи займутся Петером Майлзом, а вы — его переселением.

Лицо доктора приняло какое-то растерянное выражение, и Корделия даже не сразу определила, что это — страх.

— Я не могу сделать перенос плода, миледи, — признался он. — Я не умею. Никто на Барраяре не обладает необходимым опытом.

— Значит, вы не рекомендуете эту операцию?

— Определенно, нет. Слишком велика вероятность необратимых повреждений... Ведь вы же, в конце концов, через несколько месяцев можете снова забеременеть, если рубцевание не распространится на ткань яич... Гм! В общем, вы сможете начать сначала.

— Да, если тем временем кто-нибудь не прикончит Эйрела. Приходится учитывать, что я на Барраяре, на этой дивной планете, где настолько любят смерть, что хоронят человека, когда он еще может выжить. Так вы готовы рискнуть?..

Доктор с достоинством выпрямился.

— Нет, миледи. И это мой окончательный ответ.

— Прекрасно. — Она ткнула в него пальцем. — Значит, вы — выбываете. — Потом перевела палец на Ваагена. — А вы — остаетесь в игре. Теперь этой операцией руководите вы. Я поручаю вам найти мне хирурга — хоть студента-медика, хоть ветеринара — кого угодно, лишь бы он согласился попытаться. А потом можете экспериментировать сколько душе угодно.

У Ваагена был сдержанно-торжествующий вид, а личный врач побагровел.

— Следовало бы послушать, что скажет милорд регент, прежде чем приносить его супругу в жертву вашей преступной безответственности.

Ваагеи потускнел.

— Вы намерены бежать к нему прямо сейчас? — осведомилась Корделия.

— Извините, миледи, — сказал дворцовый медик, — но, по-моему, нам следует прекратить эту дискуссию. Вы не знаете методов капитана Ваагена. Простите мою резкость, коллега, но вы — авантюрист, и на этот раз зашли слишком далеко.

Токсиколог лишь покорно пожал плечами, словно и сам признавал справедливость подобной аттестации. Видно было, что он уже готов отступиться от своего замысла. Чувствуя, что победа ускользает, Корделия пошла с козырной карты.

— Хотите, чтобы на вас работал весь исследовательский корпус, доктор Ваагеи? Вы получите целый институт, если сумеете мне помочь. Скажите милорду, — она кивком указала в сторону палаты регента, — что я обещала вам это.

Медики удалились — один озабоченный, другой возмущенный, а третий — обнадеженный. Корделия откинулась на подушки и принялась тихонько насвистывать какой-то мотивчик, медленно поглаживая свой живот. Сила тяжести исчезла.

ГЛАВА 9

Ближе к полудню Корделия все-таки заснула — и, проснувшись, потеряла ориентацию в пространстве и времени. Дождь уже прекратился, и в окна врывались косые лучи солнца. Она прикоснулась к своему животу, чтобы погоревать и утешить себя, но тут обнаружила, что у ее постели сидит граф Петер.

На нем был небрежный загородный костюм: старые мундирные брюки, простая рубашка и куртка, которую он надевал только в Форкосиган-Сюрло. Видимо, он приехал в госпиталь прямо из загородной усадьбы. Тонкие губы графа улыбались, но взгляд у него был усталый и встревоженный.

— Милая моя девочка, не надо ради меня просыпаться.

— Ничего. — Она поморгала, чтобы согнать с глаз туман, чувствуя себя более древней, чем этот старик. — Тут есть что попить?

Он поспешно налил ей холодной воды из-под крана и смотрел, как она глотает.

— Еще?

— Хватит. Вы видели Эйрела?

Он ласково похлопал ее по руке:

— Я уже говорил с ним. Сейчас он отдыхает. Мне очень жаль, Корделия.

— Может, все не настолько плохо, как мы сначала боялись. Еще есть шанс. Эйрел рассказал вам о маточном репликаторе?

— Кое-что. Но ведь вред уже нанесен. Непоправимый вред.

— Вред — да. Насколько он непоправим — никто не знает. Даже капитан Вааген.

— Я только что разговаривал с Ваагеном. — Граф нахмурился. — Выскочка. Человек так называемого «нового склада».

— Барраяру просто необходимы люди нового склада. И мужчины, и женщины. Поколение ученых и техников.

— О да. Мы сражались и терпели лишения, чтобы вырастить таких людей. Они нужны, очень нужны. И они это знают — некоторые из них. — Граф невесело усмехнулся. — Но операция, которую вы планируете, перенос плаценты... По-моему, это не слишком надежно.

— В Колонии Бета это самая обычная операция, — пожала плечами Корделия. «Но мы, конечно, не в Колонии Бета».

— Но... Ведь ты могла бы начать заново гораздо быстрее. В конечном счете, вы даже потеряете меньше времени.

— Время... я боюсь потерять не время. — Если задуматься, то это вообще бессмысленное понятие. Она каждый барраярский день теряет 26,7 часа. — И вообще я больше никогда на такое не пойду. Я умею извлекать уроки из жизни, сэр.

По его лицу скользнула тень тревоги.

— Ты передумаешь, когда почувствуешь себя лучше. Но сейчас важно... Я говорил с капитаном Ваагеном. Он не сомневается в том, что повреждения были серьезными.

— Ну-у... Да. Неизвестно только, можно ли будет сделать серьезные исправления.

— Милая девочка, — улыбка графа стала еще более напряженной, — вот именно. Если бы ты вынашивала дочь... или даже второго сына... мы могли бы позволить себе снисходительно отнестись к твоим вполне понятным — и даже похвальным — материнским чувствам. Но это существо, если оно останется в живых, когда-то станет графом Форкосиганом. Мы не можем допустить, чтобы наше имя унаследовал калека.

Он откинулся на спинку стула с таким видом, словно сказал что-то убедительное.

Корделия нахмурилась:

— Кто — «мы»?

— Семья Форкосиганов. Мы — один из древнейших аристократических родов Барраяра. Мы никогда не были самыми богатыми, но недостаток владений мы компенсировали высоким происхождением. Девять поколений воинов-форов. Это было бы ужасным концом, понимаешь?

— Род Форкосиганов на данный момент представлен лишь двумя людьми — это вы и Эйрел, — заметила Корделия. Ее душил смех пополам с тревогой. — И на протяжении всей истории графов Форкосиганов ожидал страшный конец. Вас взрывали, расстреливали, морили голодом, топили, сжигали живьем, казнили, травили. Вы сходили с ума. Единственное, чего вам никогда не доводилось —

это спокойно умереть в своей постели. Я думала, что уж чем-чем, а бедой вас не удивишь.

Граф нахмурился:

— Но мы никогда не были уродами-мутантами.

— Мне кажется, вам надо еще раз поговорить с Ваагеном. Повреждение плода, которое он вам описал, имеет тератогенный, а не генетический характер, если я правильно его поняла.

— Но люди будут думать, что он мутант.

— Неужели так важно, что подумает какой-нибудь невежественный батрак?

— Я говорю о людях нашего круга, милая.

— Аристократы, простолюдины — невежественны все одинаково, смею вас уверить.

— Но графы Форкосиганы никогда не были и подопытными кроликами, — резко произнес старик.

— Ну, вот видите. Он служит Барраяру еще до рождения. Неплохое начало благородной жизни.

Чем больше Корделия размышляла об этом, тем более правильным казалось ей принятое решение. Может быть, их опыт пригодится и другим несчастным родителям...

Граф Петер раздраженно покачал головой.

— Вы, бетанцы, кажетесь такими мягкими, но в вас есть непреодолимая твердость.

— Рационализм, сэр. Рационализм имеет свои достоинства. Вам, барраярцам, не мешало бы когда-нибудь им воспользоваться. — Она осеклась. — Но мы, кажется, опережаем события, сэр. Впереди еще много опас... трудностей. Перенос плаценты на таком позднем этапе беременности сложен даже по галактическим меркам. Я, признаюсь, не отказалась бы от более опытного инопланетного хирурга. Но времени на это нет.

— Да... Да... Оно еще может умереть, ты права. Нет нужды... Но я тревожусь и за тебя, моя милая. Разве дело стоит того?

— Что стоит чего?

Легкие у нее горели. Корделия устало улыбнулась свекру и покачала головой, буквально готовой лопнуть от напряжения в висках и шее.

— Отец, — послышался хрипловатый голос. В дверях стоял Эйрел — в зеленой пижаме и с воткнутыми в ноздри трубками миниатюрного кислородного баллона. — Мне кажется, Корделии надо отдохнуть.

Их взгляды встретились поверх головы старика. «Спасибо тебе, милый...»

— Да, конечно. — Граф Петер собрался с силами и медленно поднялся. — Ты совершенно прав. — Он еще раз крепко стиснул запястье Корделии своей сухой старческой рукой. — Поспи. Ты потом сможешь мыслить более разумно.

— Отец...

— Тебе не следует вставать с постели, разве не так? — с тревогой перебил его граф. — Скорей ложись, сынок... — И он увлек Эйрела из палаты.

Эйрел вернулся, когда граф Петер наконец ушел.

— Отец тебе досаждал? — спросил он с мрачным видом. Она протянула ему руку, и он присел рядом. Она переложила голову с подушки ему на колени, чувствуя щекой твердые мускулы под тонкой тканью пижамы. Он начал гладить ее по голове.

— Не больше обычного, — вздохнула она.

— Я боялся, как бы он тебя не расстроил.

— Дело не в том, что я расстроена. Я просто так устала, что уже не в силах кричать всем о своей боли.

— Так он тебя все-таки расстроил?

— Да. — Она помедлила. — В определенном смысле он прав. Я так долго боялась, ждала удара — ниоткуда... откуда угодно. И вот — вчерашняя ночь, и самое плохое уже случилось, и уже позади... Нет! Только не осталось позади. Будь удар окончательным, я бы остановилась, сдалась. Но его действие будет продолжаться и продолжаться. — Она потерлась щекой о ткань. — Иллиан узнал что-нибудь новое? Мне показалось, я слышала его голос.

— Он закончил предварительный допрос Ивона Форхаласа. Теперь занимается старым арсеналом, откуда была украдена газовая граната. Есть основания подозревать, что Ивон так вооружился не самостоятельно, как он утверж-

дает. Майор, заведовавший складом, исчез. Иллиан пока еще не знает, то ли его устранили, чтобы очистить Ивону дорогу, то ли он сам помог Ивону и теперь находится в бегах.

— Мог и просто испугаться, если это было служебное упущение.

— И правильно испугался. Если только он сознательно содействовал... — рука Эйрела сжала ее волосы. Заметив, что нечаянно их дернул, он пробормотал: — Извини, — и снова начал поглаживать ее. Корделия, как раненый зверек, поглубже заползла ему на колени.

— Что же до отца... Если он снова начнет к тебе приставать, отправь его ко мне. Я с ним справлюсь сам. Я сказал ему, что это решение принимаешь ты.

— Я? Разве не мы оба?

Он помедлил.

— Что бы ты ни решила, я тебя поддержу.

— Но чего хочешь ты? Ты что-то от меня скрываешь?

— Я не могу не понять его страхов. Но... одну вещь я с ним не обсуждал. И не собираюсь. Дело в том, что следующего ребенка, нам, возможно, завести будет не так легко, как первого.

«Легко? Ты называешь это легким?»

Он продолжал:

— Одним из последствий отравления солтоксином является микрорубцевание яичек. Это может уменьшить количество сперматозоидов до числа ниже критического. По крайней мере так мне сказал врач.

— Чепуха, — возразила Корделия. — Нужны всего две соматические клетки и репликатор. Твой мизинец и большой палец моей ноги — если хотя бы это удастся отскрести от стен после следующей бомбы — смогут плодить маленьких форкосиганчиков хоть целое столетие.

— Но не естественным путем. И не на Барраяре.

— Или на изменившемся Барраяре. Дьявольщина! — Рука Эйрела дернулась от ее неожиданно резкого голоса. — Если бы я настояла на том, чтобы с самого начала воспользоваться репликатором, то ребенку не грозила бы никакая

опасность. Я ведь знала, что это безопаснее, и я знала, что репликаторы здесь есть...

Голос Корделии сорвался.

— Ш-ш. Если бы я... не согласился на эту работу. Оставил бы тебя в Форкосиган-Сюрло. Помиловал бы этого идиота Карла... Господи! Если бы только мы спали в разных комнатах...

— Нет! — Она сжала рукой его колено. — Я решительно отказываюсь проводить ближайшие пятнадцать лет в каком-нибудь бомбоубежище. Эйрел, эта планета должна измениться. Жить так нестерпимо. — «Если бы только я вообще сюда не прилетала...»

Если бы, если бы, если бы...

Операционная оказалась чистой и светлой, хотя и не слишком богато оборудованной по бетанским меркам. Корделия, которую бесшумно ввезли на парящей платформе, вертела головой, стараясь разглядеть как можно больше деталей. Огоньки мониторов, операционный стол с тазиком под ним, техник, проверяющий булькающий бак с прозрачной желтой жидкостью. Это, сказала она себе строго, не конечная точка, откуда нет возврата. Это — просто следующий логический виток.

Капитан Вааген и доктор Генри в стерильных одеждах ждали по другую сторону операционного стола. Рядом с ними стоял переносной маточный репликатор — пластиково-металлическая емкость в полметра высотой, утыканная пультами управления и люками для доступа внутрь. Лампочки на его боках горели зеленым и янтарным светом. Очищенный, простерилизованный, с баллонами, заряженными кислородом и питательной жидкостью, готовый... Корделия смотрела на него с глубочайшим облегчением. Примитивное барраярское вынашивание на манер «назад к обезьянам» — не что иное, как полная победа эмоций над разумом. Ей хотелось прижиться здесь, стать своей, попытаться во всем стать барраяркой... «И вот мой ребенок расплачивается за это. Никогда больше».

Хирург, доктор Риттер, оказался высоким смуглым мужчиной; его руки — сильные, уверенные — понравились Корделии с первого взгляда. Ее переложили на операционный стол, доктор Риттер успокаивающе улыбнулся.

— Все у вас хорошо. «Конечно, у меня пока все хорошо — мы ведь еще не начали», — начала нервничать Корделия. Риттер был другом Ваагена, и тот насилу уговорил его, потеряв целый день на переговоры с более опытными врачами, которые решительно отказались браться за операцию.

Вааген так объяснил Корделии причину отказов:

— Что такое четверо верзил с дубинками в темном переулке?

— Что же?

— Комиссия из лордов-форов для расследования нарушений в медицинской практике. — Он расхохотался. Вааген был единственным, кто позволял себе в последние три дня шутить в ее присутствии, и за это Корделия готова была его обнять. Не исключено, что Вааген самый разумный и честный человек из всех, кого она встречала после Колонии Бета. Она была рада, что сейчас он рядом.

Врачи повернули Корделию на бок и прикоснулись к ее позвоночнику медпарализатором. Легкое покалывание — и замерзшие ступни вдруг стали теплыми. Ноги обмякли, как пустые мешки.

— Вы чувствуете? — спросил доктор Риттер.

— Чувствую что?

— Отлично.

Он кивнул медтехнику, и ее снова уложили на спину. Техник обнажил ее живот и включил поле стерилизатора. Хирург помял живот, проверяя показания головидеомониторов относительно точного положения плода.

— Вы уверены, что не хотели бы спать во время операции? — в последний раз спросил доктор Риттер.

— Нет, я хочу все видеть. Ведь рождается мой первый сын. — «А может, и мой единственный ребенок».

Он сдержано улыбнулся:

— Отважная девочка.

«Какая, к черту, девочка — я старше тебя».

Она понимала, что доктор предпочел бы иметь дело со спящей пациенткой. Однако это его заботы.

Доктор Риттер выпрямился и в последний раз осмотрел операционную, словно проверяя готовность — свою собственную, инструментов и персонала.

— Ну, давай, Риттер, дружище. Время не ждет, — произнес Вааген, нетерпеливо барабаня пальцами. Его тон был странным: к искреннему дружескому поощрению примешивались какие-то садистские нотки. — Мои сканеры показывают, что уже начался распад костной ткани. Если разрушения зайдут слишком далеко, то потом и чинить будет нечего. Режь сейчас, а то потом будешь локти кусать.

— Сам грызи свои локти, Вааген, — весело отозвался хирург. — Попробуй только еще раз меня подтолкнуть, и я велю медтехнику вставить тебе в глотку расширитель.

Давние друзья, удовлетворенно решила Корделия. Хирург поднял руки, глубоко вздохнул, взялся за виброскальпель и сделал первый длинный надрез. Медтехник тут же повторил его движение, перекрывая кровеносные сосуды хирургическим тяговым лучом. Крови пролилось не больше, чем от легкой царапины; Корделия ощущала надавливание, но не боль.

Перенос плаценты гораздо сложнее, чем кесарево сечение. С помощью химических средств и гормонов нежную плаценту надо как бы убедить отделиться от богатой кровеносными сосудами стенки матки и при этом повредить как можно меньше крошечных волосков. Затем между плацентой и стенкой матки надо ввести прокладку репликатора и вновь заставить волоски плаценты хотя бы частично реинтегрироваться в новую матрицу. И уже тогда все это можно извлечь из живого тела матери, поместив в репликатор. Чем больше срок беременности, тем труднее совершить такой перенос.

Пуповина, соединяющая плаценту с ребенком, находится под контролем, и при необходимости в нее можно вводить лекарства или кислородно-питательные растворы. В Колонии Бета это ловко сделал бы миниатюрный приборчик — здесь же наготове стоял обеспокоенный медтехник. Он начал заливать прозрачный ярко-желтый раствор в матку. Раствор, заполнив тело матки, стал вытекать по бокам Корделии в таз под операционным столом. Теперь хирург работал в прямом смысле под водой. Да уж, перенос плаценты — операция малоприятная.

— Прокладку, — негромко приказал хирург, и Вааген с Генри подвезли маточный репликатор поближе и протянули от него трубки с губчатой прокладкой. Хирург бесконечно долго что-то делал с помощью крошечного тягового луча; рук его Корделия не видела, как ни скашивала глаза, пытаясь заглянуть через свою грудь и округлившийся — так мало округлившийся! — живот. Ее била дрожь. По лбу хирурга стекали капли пота.

— Доктор... — Техник показал что-то на мониторе.

— Угу, — отозвался Риттер, бросив взгляд на экран, и снова принялся за работу. Каждый делал свое дело. Техники о чем-то тихо переговаривались, Вааген с Генри что-то вершили: хладнокровные, умелые, внушающие надежду...

Чуть розовая жидкость, сбегающая в таз, вдруг превратилась в ярко-алый стремительно пульсирующий поток.

— Зажать, — приказал хирург.

Корделия мельком увидела под пленкой крошечные ручки, ножки, влажную темноволосую головенку... Существо, извивавшееся сейчас в затянутых в перчатки руках хирурга, было не больше котенка.

— Вааген! Бери сию минуту, если не передумал! — рявкнул Риттер.

Вааген запустил руки в ее живот — и... темные вихри закружили Корделию. Голова вдруг мучительно заболела. Из глаз брызнули искры... Темнота обступила и поглотила

ее. Последнее, что она слышала, был пронизанный отчаянием шепот хирурга:

— О, дьявольщина!

Боль застилала сны. Хуже всего было удушье. Она все задыхалась и задыхалась, и плакала из-за того, что ей не хватает воздуха. Горло было чем-то забито, и она скребла его ногтями, пока ей не связали руки. Тогда ей начали сниться пытки в каюте адмирала Форратьера, замедленные до безумных подробностей и тянувшиеся часами. Обезумевший Ботари садился ей на грудь, так что она совсем не могла дышать.

Когда Корделия наконец очнулась, она будто вырвалась на свет из какой-то адской подземной темницы. Она испытала такое глубокое облегчение, что снова заплакала. Ей казалось, что ее избили — так болело все тело. Она не могла пошевелиться. Зато могла дышать. И это уже было хорошо.

— Ш-ш, ш-ш. — Неловкий теплый палец прикоснулся к ее векам, осушая слезы. — Все в порядке.

— Точно? — Она моргнула и сощурилась. Стояла ночь. Искусственное освещение заливало комнату теплым светом. Перед глазами возникло нечеткое лицо Эйрела. — Щас... сегодня? Что слчилсь?

— Ш-ш. Ты была очень, очень больна. Во время переноса плаценты у тебя открылось сильное кровотечение. Дважды останавливалось сердце. — Он облизал губы и снова заговорил. — Такая травма, вдобавок к отравлению, вызвала солтоксиновое воспаление легких. Вчера тебе было совсем худо, но самое плохое уже позади: аппарат искусственного дыхания сняли.

— Сколь...ко?

— Три дня.

— Как наш малыш, Эйрел? Подробно!

— Все нормально. По словам Ваагена, перенос прошел успешно. Они потеряли примерно тридцать процентов плацентарного питания, но Генри скомпенсировал

его за счет более богатого питательными веществами и кислородом раствора. Так что, похоже, все в порядке — или настолько в порядке, насколько можно было ожидать. Короче — малыш жив. Вааген начал экспериментальную кальциевую терапию и обещает скоро сообщить первые результаты. — Он погладил ее лоб. — Ему предоставлено приоритетное снабжение любым оборудованием, продуктами и ресурсами, включая консультантов. К нему прикомандирован опытный гражданский педиатр, к тому же у него есть Генри. Сам Вааген про военные яды знает больше всех на свете — хоть на Барраяре, хоть где угодно. Пока мы больше ничего не можем сделать. Так что отдыхай, милая.

— Малыш... где?

— Взгляни, если хочешь. — Он помог ей приподнять голову и показал за окно. — Видишь вон то, следующее, здание с красными огнями на крыше? Это исследовательский центр биохимии. Лаборатория Ваагена и Генри находится на третьем этаже.

— Да, и я его помню. Мы были там в тот день, когда забирали Элен.

— Правильно. — Лицо Эйрела смягчилось. — Хорошо, что ты вернулась, милый капитан. Видеть тебя в таком состоянии... Я не чувствовал себя таким беспомощным и ненужным с одиннадцатилетнего возраста.

Это было в тот год, когда убийцы Ури Безумного добрались до его матери и брата. Теперь пришла ее очередь сказать:

— Ш-ш. Нет-нет. Все... в порядке.

На следующее утро убрали все прикрепленные к ее телу трубки, кроме кислородной. Потянулись спокойные, размеренные дни выздоровления. Посетители Корделию почти не беспокоили — зато проведать лорда-регента являлись целые толпы, начиная с министра Фортелы. В палате, несмотря на протесты врачей, установили комм-пульт, и в этом импровизированном кабинете Форкосиган работал вместе с Куделкой по восемь часов в день.

Лейтенант после катастрофы выглядел притихшим и подавленным, хотя и не настолько, как те, кто имел отношение к охране регента. Даже Иллиан тушевался, когда видел Корделию.

Пару раз в день Эйрел осторожно прогуливал жену вдоль коридора. Разрез виброскальпеля был, конечно, более аккуратным, чем, скажем, удар сабли, но нисколько не менее глубоким. Заживающий шрам болел, однако, не так сильно, как легкие или сердце. Ей было пусто, одиноко, она снова стала сама собой после пяти месяцев странного сдвоенного существования.

Как-то явился Генри с инвалидным креслом и повез ее в лабораторию взглянуть на репликатор. При помощи видеосканеров Корделия наблюдала, как движется ее ребенок, прочитала сводки данных и доклады группы. Нервы, кожные покровы и зрение не пострадали, но слух... доктор Генри был не вполне спокоен за него — ведь в ушах находится множество крошечных косточек. Генри и Вааген, настоящие ученые-исследователи, смотрели на мир почти по-бетански; мысленно Корделия благословляла их, а вслух поблагодарила и, вернувшись в палату, почувствовала себя несравнимо лучше.

Но когда на следующий день к ней ворвался капитан Вааген, лицо которого было мрачнее тучи, а губы сурово сжаты, сердце Корделии оборвалось.

— Что случилось, капитан? — тревожно спросила она. — Вторая процедура с кальцием оказалась неудачной?

— Рано судить. Нет, ваш младенец в прежнем состоянии, миледи. Неприятности исходят от вашего тестя.

— Простите?

— Генерал граф Форкосиган приходил сегодня утром поговорить с нами.

— О! Захотел повидать малыша? Прекрасно. Его так смущал новый способ продолжения жизни ребенка вне материнской утробы! Может, старый вояка наконец начинает избавляться от своих предрассудков. Ведь новые технологии по прерыванию жизни он принимает с полной готовностью...

— На вашем месте я не был бы так оптимистичен, миледи. — Врач сделал глубокий вдох. На этот раз от его обычного юмора не осталось и следа. — Доктор Генри питал такие же надежды, как и вы. Мы провели генерала по всей лаборатории, показали оборудование, объяснили методы лечения. Мы говорили абсолютно откровенно, как с вами. Возможно, даже слишком откровенно. Он пожелал узнать, какие результаты мы получим. А мы ведь и сами не знаем! Так ему и сказали. После этого начались разные намеки... Короче, генерал сперва попросил, приказал, а потом пытался убедить подкупом доктора Генри открыть люк, уничтожить плод. Он называет плод «мутантом». Мы выставили графа за дверь. Он разгневался и поклялся, что вернется.

Внутри у Корделии все дрожало, хотя ей удавалось сохранять спокойное выражение лица.

— Ясно.

— Я требую, чтобы этот старик не заходил в мою лабораторию, миледи. И мне все равно, как вы этого добьетесь. Мне ни к чему, чтобы на меня вываливали такое дерьмо. Особенно с такой высоты.

— Я думаю... Подождите здесь. — Она поплотнее запахнула халат, надетый поверх зеленой пижамы, поправила кислородную трубку и осторожно пересекла коридор. Форкосиган, одетый полуофициально — в мундирные брюки и рубашку, — сидел за столиком у окна. Единственным признаком его болезни оставалась кислородная трубка, проходившая в ноздрю, — лечение затяжной солтоксиновой пневмонии. Он разговаривал с каким-то человеком, а Куделка вел запись. Собеседником регента оказался, к счастью, не граф Петер, а какой-то министерский секретарь Фортелы.

— Эйрел, ты мне нужен.

— Это срочно?

— Да.

— Извините, джентльмены, — коротко бросил он, поднялся с кресла и проследовал за нею. Пропустив его в палату, Корделия закрыла дверь.

— Капитан Вааген, пожалуйста, расскажите моему мужу то, что я только что слышала от вас.

Врач без особой охоты повторил свою историю. Надо отдать ему должное — он ничего не смягчал. Адмирал слушал, и голова его опускалась все ниже и ниже, спина горбилась все больше — казалось, непомерная тяжесть придавила его.

— Спасибо, капитан. Вы правильно сделали, доложив о случившемся. Я сейчас же этим займусь.

— Это все? — Врач с сомнением посмотрел на Корделию.

В ответ она чуть приподняла раскрытую ладонь.

— Вы же слышали.

Вааген пожал плечами, отдал честь и удалился.

— Ты не сомневаешься в его истории? — спросила Корделия.

— Дорогая, я выслушиваю мнения моего отца по этому вопросу уже в течение недели.

— Вы спорили?

— Спорил он. Я только слушал.

Эйрел с Корделией вернулся к себе и попросил Куделку и посетителя подождать в коридоре. Присев на кровать, Корделия наблюдала, как он набирает коды на пульте правительственной связи.

— Говорит лорд Форкосиган. Я хочу говорить одновременно с начальником охраны Императорского госпиталя и командором Саймоном Иллианом. Пожалуйста, вызовите обоих.

Судя по расплывчатому фону изображения, шеф охраны госпиталя находился где-то в лечебном комплексе. Иллиана разыскали в лаборатории судебно-медицинской экспертизы главного штаба службы безопасности.

— Джентльмены. — Лицо Эйрела оставалось совершенно бесстрастным. — У меня замечание относительно пропускного режима. — Оба офицера приготовились сделать соответствующую запись на своих комм-пультах. — Генерал Петер Форкосиган лишается допуска в шестое здание — помещение исследовательского центра Императорского

госпиталя — с этой минуты и до нового распоряжения. Моего личного распоряжения.

Иллиан колебался.

— Сэр... У генерала Форкосигана, согласно императорскому приказу, всегда был полный допуск. Он имеет его уже много лет. Мне нужен приказ императора.

— Именно его вы сейчас и слышали, Иллиан. — В голосе Форкосигана послышалось легкое раздражение. — Я, Эйрел Форкосиган, регент его императорского величества Грегора Форбарры, отдаю вам такой приказ. Этого достаточно?

Иллиан чуть слышно присвистнул, но, увидев, что Форкосиган нахмурился, мгновенно принял невозмутимый вид.

— Да, сэр. Принято к исполнению. Еще что-нибудь?

— Это все. И только в шестое здание.

— Сэр... — заметил начальник охраны госпиталя, — а если... генерал Форкосиган откажется уйти, услышав приказ?

Корделия живо представила, как какой-нибудь молодой бедолага-охранник будет сбит с ног этой живой легендой...

— Если ваши люди окажутся настолько беспомощными — перед стариком, — они вправе применить силу вплоть до табельного оружия, — устало сказал Форкосиган. — Благодарю вас, господа, вы свободны.

Начальник охраны госпиталя осторожно кивнул и отключил связь.

Все еще сомневающийся Иллиан на секунду задержался:

— Разумно ли это — в его возрасте? Парализатор опасен для сердца. Графу вовсе не понравится, когда мы скажем ему, что куда-то не пускаем. Кстати, почему?.. — Ответом ему был ледяной немигающий взгляд. Капитан поперхнулся, выдавив: — Да, сэр, — отдал честь и отключился.

Эйрел отодвинулся от комм-устройства, невесело глядя туда, где только что светились голографические изобра-

жения. Он взглянул на Корделию, и губы его скривились в болезненно-иронической гримасе.

— Отец — человек старый, — выговорил он наконец.

— Этот старый человек только что пытался убить твоего сына. То, что осталось от твоего сына.

— Я понимаю его. Понимаю его страхи.

— А мои понимаешь?

— Да. Тоже.

— Если дойдет до дела, если он попытается туда вернуться...

— Он — мое прошлое. — Форкосиган встретился с ней взглядом. — Ты — мое будущее. Теперь моя жизнь принадлежит будущему. Даю слово Форкосигана.

Корделия вздохнула и принялась растирать ноющую шею и заболевшие глаза.

Куделка, постучавшись, осторожно просунул голову в дверь.

— Сэр?.. Секретарь министра хотел узнать...

— Через минуту, лейтенант, — Форкосиган махнул рукой, и лейтенант исчез.

— Давай отсюда сбежим, — предложила Корделия.

— То есть как?

— Императорский госпиталь, императорская армия и все остальное, что тут есть императорского, вызывают у меня неудержимую императорскую идиосинкразию. Давай на несколько дней уедем в Форкосиган-Сюрло. И там ты быстрее поправишься: твоим преданным служителям, — она указала подбородком на дверь, — будет труднее до тебя добраться. Только мы с тобой, мой дорогой.

Поможет ли это? А вдруг они вернутся к месту своего летнего счастья и не найдут его там? Вдруг его смыли осенние дожди?.. Корделия чувствовала, как в ней поднимается отчаяние: надо найти утерянное равновесие, ощутить под ногами какой-то островок надежности.

Он одобрительно приподнял брови:

— Превосходная идея, милый капитан. И захватим с собой старика.

— О, а зачем... Впрочем, понимаю. Безусловно.

ГЛАВА 10

Корделия медленно проснулась, потянулась, купаясь в нежном шелке пухового одеяла. Вторая половина кровати оказалась пустой и уже успела остыть. Наверное, Эйрел тихонько вышел еще на рассвете. Она наслаждалась ощущением того, что наконец-то после сна почувствовала себя свежей и отдохнувшей. Постоянное оцепенение и усталость, так долго не отпускавшие ее мозг и тело, исчезли. Уже три ночи кряду она спала хорошо, согретая телом мужа. Оба были счастливы избавиться от очень раздражавших кислородных трубок.

В их угловой комнате на втором этаже в Форкосиган-Сюрло было прохладно и тихо. Окно выходило на зеленую лужайку. Туман окутывал озеро, деревню и горы на дальнем берегу. Влажное утро было именно таким, как надо — мягким и уютным, как и пуховое одеяло. Она села, и свежий розовый шрам на животе только слегка заныл.

В двери показалась Друшикко.

— Миледи? — тихо окликнула она. — О, вы уже проснулись?

И она внесла в спальню большой поднос, полный вкусной еды, который с трудом прошел сквозь узкий дверной проем. На девушке было одно из ее самых удобных платьев — с широкой юбкой — и стеганый вышитый жилет. Шаги отозвались скрипом широких деревянных половиц и стихли, когда она пошла по ковру.

— Я хочу есть! — изумленно воскликнула Корделия, втягивая дразнящие запахи. — Впервые за три недели.

Три недели после той ночи ужасов в резиденции Форкосиганов.

Дру улыбнулась и поставила поднос на столик у окна. Корделия накинула халат, сунула ноги в шлепанцы и поспешила к кофейнику. Дру настороженно следила за ее движениями, готовясь подхватить в случае падения, но

сегодня Корделия не чувствовала прежней слабости. Она уселась и перво-наперво протянула руку к дымящейся каше с маслом, к кувшинчику с горячим сиропом, который на Барраяре варили из древесного сока. Чудесная еда!

— А ты ела, Дру? Кофе хочешь? Сколько сейчас времени?

Телохранительница отрицательно покачала русой головой:

— Спасибо, миледи. Около одиннадцати.

Корделия только сейчас поняла, что все эти несколько дней, проведенных здесь, в Форкосиган-Сюрло, она воспринимала Друшикко как деталь интерьера, и впервые с момента приезда с интересом посмотрела на нее. Дру была все так же внимательна и бдительна, как и прежде, но в ней появились какая-то напряженность и непонятное чувство вины. И наверное, потому, что Корделии стало лучше, ей очень хотелось, чтобы и остальные радовались жизни — хотя бы для того, чтобы снова не впасть в депрессию.

— Я сегодня настолько бодрее! Вчера разговаривала с капитаном Ваагеном по комму. Он считает, что появились первые признаки молекулярного известкования у маленького Петера Майлза. Очень ободряет, если хорошо знаешь Ваагена. Он не станет утешать ложными надеждами, зато на его скупую информацию можно твердо полагаться.

Заставив себя улыбнуться, Друшикко покачала головой:

— Эти маточные репликаторы такие странные!

— Не страннее того, что нам помимо нашей воли навязала эволюция, — улыбнулась в ответ Корделия. — Благодарение Господу за технологии и рациональное устройство. Теперь я знаю, о чем говорю.

— Миледи... А как вы узнали, что беременны? У вас не пришли месячные?

— Месячные? Нет, по правде говоря, не так. — Она вспомнила прошлое лето. Эту самую комнату, эту сбитую постель... Их брачное лооже... Скоро они с Эйрелом снова

смогут разделять его, хотя с отсутствием такой цели пикантность пропадет. — Мы с Эйрелом прошлым летом считали, что устроились здесь насовсем. Он вышел в отставку, я тоже... Никаких обязанностей. Я вот-вот должна была выйти из возраста, пригодного для органического деторождения, которое здесь, на Барраяре, считалось единственно доступным. Что еще важнее, Эйрел хотел детишек поскорее. Так что через несколько недель после нашей свадьбы я попросила удалить мне контрацептивный имплантат. Чувствовала себя ужасной преступницей: дома бы мне его сняли только после покупки лицензии.

— Правда? — Дру слушала ее, завороженно раскрыв рот.

— Да, таковы бетанские законы. Сначала надо получить разрешение на приобретение лицензии. У меня имплантат стоял с четырнадцати лет. Как я помню, до этого у меня один раз были месячные. Мы их прекращаем до тех пор, пока не понадобятся для деторождения. Мне поставили имплантат, разрезали плеву, прокололи уши. А потом — праздновали мое совершеннолетие...

— Но ведь вы... не занимались сексом с четырнадцати лет?.. — ошеломленно спросила Друшикко.

— Могла бы. Но для этого, увы... необходим партнер. Я встретила возлюбленного гораздо позже. — Корделии было стыдно признаться — насколько позже. Она была такой неопытной... «И с тех пор мало переменилась», — с горькой иронией сказала она себе.

— Я и не предполагала, что это произойдет так скоро, — продолжила Корделия. — Думала, мы несколько месяцев будем ревностно и с наслаждением пытаться, но получили ребенка с первой же попытки. Так что здесь, на Барраяре, у меня так и не было менструаций.

— С первой попытки, — глухим эхом повторила Дру. Уголки ее губ опустились в тайном отчаянии. — А как вы узнали, что... забеременели? По тошноте?

— Утомление пришло раньше тошноты. Но вообще-то по голубым полоскам... — Корделия замолчала, вглядываясь в обреченное лицо девушки. — Дру, это были

чисто теоретические вопросы, или ответы интересуют тебя лично?

Еле сдерживая слезы, Друшикко с трудом выдавила:

— Лично.

— Вот как... — Корделия откинулась на спинку кресла. — Ты... не хочешь со мной поговорить об этом?

— Нет... не знаю...

— Надо полагать, это означает «да», — вздохнула Корделия. Кажется, это не труднее, чем быть нянькой при шестидесяти бетанских ученых в астроэкспедиции, хотя, кажется, вопросов о беременности ей все же не задавали. Но если принять во внимание, какие глупости то разумное сообщество избранных вываливало на ее голову, то здешние барраярские варианты должны быть... — Ты же знаешь, я буду рада помочь тебе чем смогу.

— Это было в ночь солтоксиновой атаки. Мне не спалось. Я спустилась на кухню, чтобы приготовить себе чего-нибудь поесть. По пути обратно наверх я заметила в библиотеке свет. Там оказался лейтенант Куделка. Ему тоже не спалось.

«Значит, Ку? Отлично, отлично. Может, все еще обернется к лучшему». Корделия ободряюще улыбнулась:

— Да?

— Мы... я... он... поцеловал меня.

— Надеюсь, ты тоже его поцеловала?

— Вы говорите так, словно одобряете!

— Одобряю. Вы для меня — два самых любимых человека, ты и Ку. Если бы вы только немного научились разбираться в себе... Но продолжай — это ведь не все?

— Мы... мы... мы...

— Сошлись? — с надеждой подсказала Корделия.

— Да, миледи. — Дру густо покраснела и судорожно сглотнула. — Ку казался таким счастливым... несколько минут. И я была так за него счастлива, так рада — хотя мне и было очень больно.

Вот он — варварский обычай Барраяра знакомить своих женщин с сексом через боль дефлорации без анесте-

зии. Хотя если вспомнить, с какой болью связаны потом их методы репродукции, то, пожалуй, это следует считать честным предупреждением. Но Ку, лишь изредка попадавшийся ей на глаза в последние дни, выглядел совсем не так, как подобает счастливому любовнику. Что же эти двое делают друг с другом?

— Продолжай.

— Мне показалось, что через дверь библиотеки я увидела какое-то движение в задней части сада. Потом раздался этот шум наверху... Ах, миледи! Мне так стыдно! Если бы я охраняла вас, а не занималась этим...

— Успокойся, девочка! Ты была не на дежурстве. И если бы вы не занимались «этим», ты бы крепко спала. Солтоксиновая атака — никоим образом не ваша вина, не твоя и не Ку. И вообще, если бы вы не бодрствовали и не были более или менее одеты, то неудавшийся убийца убежал бы. «И мы не ожидали бы еще одной публичной казни... Да поможет нам Бог».

Корделия даже пожалела, что они тогда не продолжили заниматься любовью, вместо того чтобы смотреть в это проклятое окно. У Друшикко и без того хватает переживаний, нечего наваливать на нее еще и последствия всего случившегося.

— Но если бы...

— В последние недели этих «если бы» было больше чем достаточно. Пора уже сменить пластинку на «давайте жить дальше». — Корделия наконец поняла, в чем дело. Дру живет на Барраяре, следовательно, у нее нет контрацептивного имплантата. Похоже, что этот идиот Ку не принял никаких мер предосторожности. Значит, бедная Дру все эти три недели провела, опасаясь... — Ты хотела бы попробовать мои голубые полоски? У меня их много осталось.

— Голубых полосок?

— Да, я ведь начала тебе рассказывать. У меня есть целая упаковка этих диагностических полосок. Я прошлым летом купила их в Форбарр-Султане в магазине импортных товаров. Надо помочиться на полоску, и если пят-

нышко станет голубым, ты — забеременела. Я прошлым летом использовала только три. — Корделия подошла к туалетному столику, и быстро перерыла содержимое ящиков. — Вот. — Она вручила полосочку Дру. — Иди облегчись. И облегчи душу.

— Они реагируют на таких ранних сроках?

— После пяти дней. — Корделия подняла руку, словно для клятвы. — Даю слово.

Тревожно глядя на узкую бумажную полоску, Друшикко исчезла в ванной комнате Корделии и Эйрела, дверь которой выходила в спальню. Через несколько минут она появилась снова. Лицо у нее было мрачным, плечи и голова опущены.

— Ну?

— Осталась белой.

— Значит, ты не беременна.

— Наверное, нет.

— Не могу понять, ты рада или огорчена? Поверь, если ты хочешь иметь ребенка, то лучше подождать пару лет, пока здесь освоят хоть какие-то технологии. — «Хотя какое-то время органический метод казался таким захватывающе интересным...»

— Я не хочу... Я хочу... Я не знаю... С того дня Ку со мной почти не разговаривает. Я не хотела ребенка — это сломало бы мне карьеру, и все же я думала, может, он... может, это его обрадует... Может, тогда он вернется, и... О, все было так хорошо, а теперь все разладилось!

Кулаки ее были сжаты, зубы стиснуты, лицо побледнело. «Поплачь, тогда я смогу легко дышать, девочка».

Но Друшикко взяла себя в руки.

— Извините, миледи. Я не хотела взваливать на вас всю эту глупость.

Глупость, да. Но отнюдь не только с ее стороны. Когда разлад так глубок, можно заключить, что виноваты оба.

— Так что же Ку? Я-то считала, что он страдает угрызениями совести, как и все в нашем доме. — «Начиная с Эйрела и меня».

— Не знаю, миледи.

— А ты не пробовала пойти на решительные меры — например, спросить его?

— Когда он видит, что я иду, то сразу куда-нибудь прячется.

Корделия вздохнула и сосредоточилась на одевании. Сегодня она оденется, как положено здоровой, а не в халат, как больная. В углу шкафа отыскались ее бежевые брюки, оставшиеся от мундира астроэкспедиции. Из любопытства она попробовала их надеть, и брюки не только легко застегнулись, но даже оказались слишком свободными. Да, она действительно была больна. С некоторым вызовом Корделия решила их не снимать и лишь надела поверх цветастую блузу с длинными рукавами. Очень удобно. Она улыбнулась себе в зеркало.

— А, мой милый капитан. — В дверь спальни заглянул Форкосиган. — Ты уже встала? — Он заметил Друшикко. — О, да вы обе здесь... Тем лучше. Похоже, мне нужна твоя помощь, Корделия. Более того, я в этом уверен. — В его взгляде было что-то странное — смесь смущения, недоумения, беспокойства? Он вошел в спальню. Следом, опираясь на трость, плелся лейтенант Куделка. Он упорно смотрел в пол. Друшикко отошла в сторону и скрестила руки на груди.

— Лейтенант Куделка заявил мне, что желает сделать некое признание, — торжественно произнес Форкосиган. — И насколько я понял, он надеется получить прощение.

— Я не заслуживаю прощения, сэр, — еле слышно сказал Куделка. — Но дальше я так жить не могу. Я не в силах больше молчать.

Адмирал сел рядом с женой на край кровати.

— Приготовься, — чуть слышно шепнул он ей. — Меня-то застали врасплох.

— Думаю, тут я тебя опередила.

— Ну, это не впервые. — Он повысил голос: — Говорите, лейтенант. Будете тянуть — легче не станет.

— Дру... Мисс Друшикко, я пришел с повинной. И приношу извинения. Нет... это звучит пошло, но, поверь-

те, я вовсе не считаю пошлым то, что произошло... между нами. Вы заслуживаете большего, нежели просто извинение. Вы можете требовать искупления. Чего хотите. Но мне стыдно, так стыдно, что я вас изнасиловал.

На этот раз рот Друшикко оставался открытым целых три минуты, а потом захлопнулся с такой силой, что Корделия услышала, как лязгнули зубы.

— Что?!

Куделка содрогнулся, но глаз не поднял.

— Простите... простите меня, — бормотал он.

— Ты. Вообразил себе... Ты... Что?! — Дар речи возвращался к телохранительнице не сразу, а постепенно. — Ты вообразил, что мог бы... — Она выпрямилась во весь рост, сжав кулаки и тяжело дыша. — Ку... Болван! Идиот! Дебил! Ты... ты...

Она заикалась от гнева. Корделия завороженно наблюдала за происходящим. Форкосиган задумчиво потирал подбородок.

Друшикко гордо приблизилась к Куделке и ногой выбила у него трость. Лейтенант попытался подхватить ее, но не успел, и трость с тяжелым стуком покатилась по полу. Дру умело припечатала его к стенке и парализовала ударом в солнечное сплетение.

— Балбес! И ты воображаешь, что мог бы прикоснуться ко мне без моего согласия?! Чтобы меня так... так...

Ее изумление перешло в негодование. Несчастный только дернулся.

— Пожалуйста, не надо калечить моего секретаря, Дру. Ремонт стоит очень дорого, — мягко попросил Форкосиган.

— О-ох!

Отпустив Куделку, она стремительно повернулась и, закрыв лицо руками, кусая пальцы, выбежала из спальни, захлопнув за собой дверь. Только после этого Дру зарыдала — было слышно, как ее резкие всхлипы удаляются по коридору. Хлопнула еще одна дверь, и наступила тишина. Ку пошатнулся и упал на колени.

— Извини, Ку, — прервал затянувшееся молчание Эйрел. — Похоже, суд не принял во внимание твоего чистосердечного раскаяния.

— Ничего не понимаю. — Лейтенант потряс головой, подполз к своей трости и с немалым трудом поднялся на ноги.

— Следует ли понимать, что речь идет о происшедшем между вами в ночь солтоксиновой атаки? — спросила Корделия.

— Да, миледи. Я сидел в библиотеке. Мне не спалось, и я решил проверить кое-какие цифры. Она вошла. Мы сидели, разговаривали... И вдруг я почувствовал... ну... У меня впервые проснулось желание после нейробластера. Я думал, что пройдет еще не меньше года — а может, и вовсе никогда... Я совсем потерял голову. Я... овладел ею... прямо там. Не спросил, не сказал ни слова. А потом наверху раздался шум, мы оба выбежали в сад, и... На следующий день она меня не обвинила. Я ждал и ждал.

— Если он ее не насиловал, то почему она так взъярилась? — спросил Эйрел.

— Она и прежде сердилась, — проговорил Куделка. — Как она на меня смотрела все три недели...

— Она боялась, Ку, — объяснила Корделия.

— Да, я так и думал.

— Она боялась беременности, а не тебя, — растолковала она.

— Ох, — чуть слышно выдохнул лейтенант.

— Выяснилось, что ничего нет. — Тут Куделка снова издал чуть слышное «о!» — А вот зла она на тебя действительно, и есть за что.

— Но если она не считает, что я... Почему?

— Ты до сих пор не понял? — Корделия перевела хмурый взгляд на мужа. — И ты тоже?

— Хм...

— Ведь ты только что оскорбил ее, Ку. Не тогда, а сейчас, в этой комнате. И не только тем, что недооценил ее умение постоять за себя. Дело в другом — твое признание, что в ту ночь ты был сосредоточен только на себе, а

ее толком и не видел. Плохо, Ку. Очень нехорошо. Ты должен просить у нее прощения. Она по-барраярски отдалась тебе целиком, а ты так мало это оценил!

Он вдруг резко поднял голову:

— Это была милостыня?

— Скорее, дар богов, — пробормотал Форкосиган, думая о своем.

— Я не... — Куделка повернул голову в сторону двери. — Вы говорите, мне надо бежать за ней?

— Я бы на твоем месте полз, — порекомендовал адмирал. — Быстро ползи. Проскользни под дверь, расслабься и позволь топтать себя, пока она не успокоится. И не прекращай молить о прощении. Может, дело еще можно поправить.

Теперь уже в его глазах светился откровенный смех.

— И как вы это назовете? Полным поражением? — возмущенно спросил Ку.

— Нет. Я бы назвал это победой. — Голос Форкосигана зазвучал чуть холоднее. — Мне приходилось видеть, как вражда между мужчиной и женщиной переходила в тактику выжженной земли. Пожары гордости. Не стоит выбирать этот путь. Ручаюсь тебе.

— Вы... Миледи! Вы надо мной смеетесь! Прекратите!

— Тогда прекрати смешно себя вести, — резко ответила Корделия. — Вынь голову из задницы. В течение шестидесяти секунд постарайся думать не только о себе.

— Миледи! Милорд!

Куделка поджал губы с видом оскорбленного достоинства, поклонился и вышел. В коридоре он повернул в сторону, противоположную той, куда убежала Друшикко, и с грохотом спустился по лестнице.

Адмирал прислушался к затихающим шагам Куделки и беспомощно помотал головой. У него вырвался сдавленный смешок.

Корделия легонько стукнула его по плечу.

— Прекрати! Им-то совсем не смешно. — Их глаза встретились, она тихо засмеялась, потом вздохнула. — Боже правый, по-моему, ему нравилось считать себя насиль-

ником. Странное желание. Может, он слишком много общался с Ботари?

Эта шутка отрезвила обоих. Форкосиган задумался.

— Знаешь... Ку лелеял свою болезнь. Но его раскаяние было искренним.

— Искренним, но с долей самодовольства. По-моему, мы слишком долго потакали его слабости. Наверное, пора встряхнуть его хорошенько.

Эйрел устало ссутулился.

— Он у нее в долгу, это точно. Но что я могу ему приказать?! Если человек платит не добровольно, такая плата не имеет никакой цены.

Корделия вынуждена была с ним согласиться.

Только перед обедом Корделия заметила, что в их маленьком мирке кого-то недостает.

— А где граф? — спросила она мужа, увидев, что домоправительница накрыла стол на двоих. Окна столовой выходили на озеро. День выдался пасмурный. Утренний туман рассеялся, но небо было покрыто низкими, быстро бегущими облаками. Было ветрено и зябко. Корделия надела поверх цветастой блузы старый полевой китель Эйрела.

— Я думал, он пошел на конский двор. Смотреть, как объезжают нового многообещающего жеребца, — ответил муж, с беспокойством оглядывая стол в поисках третьего прибора. — По крайней мере так он мне сказал.

Домоправительница, вносившая супницу, позволила себе возразить:

— Нет, милорд. Граф рано утром уехал на машине с двумя охранниками.

— О! Извини, Корделия. — Эйрел встал из-за стола и, минуя коридор, прошел в заднюю часть дома, где кладовая была превращена в центр правительственной связи. Там находилось комм-устройство с двойным шифром, а перед дверью всегда дежурил охранник службы безопасности.

Корделия проглотила немного супа, который лег в желудок жидким свинцом, отложила ложку и принялась ждать. В тишине дома до нее доносился голос Эйрела и искаженный электроникой голос отвечавшего ему мужчины, но они были слишком далеко, и слов разобрать было нельзя. Ожидание показалось ей вечностью — хотя на самом деле суп даже не успел остыть. Наконец вернулся помрачневший Эйрел.

— Он поехал туда? — спросила Корделия. — В госпиталь?

— Да. Он там был и уехал. Все в порядке.

— Ты хочешь сказать, с малышом ничего не случилось?

— Да. Его отказались впустить — он попробовал спорить, но потом уехал. Ничего не произошло.

Подавленные, они принялись за суп.

Граф вернулся спустя несколько часов. Корделия услышала пронзительный вой машины, проехавшей по подъездной аллее к северной части дома. Тишина. Звук открываемых и закрываемых дверей. Машина поехала дальше — к гаражам, расположенным на вершине холма, рядом с конюшнями. Эйрел и Корделия сидели в гостиной, в передней части дома. Он сосредоточенно читал какой-то правительственный доклад, но, услышав звуки, прервал чтение и напрягся в ожидании вместе с нею, прислушиваясь к быстрым, тяжелым шагам отца. Губы адмирала плотно сжались в предчувствии неприятного разговора, взгляд был мрачен. Корделия замерла в кресле, пытаясь держать себя в руках.

Граф Петер стремительно вошел в гостиную и остановился, широко расставив ноги. Он был при полном параде: в старинном мундире с генеральскими знаками различия.

— А, вот вы где!

Вошедший следом ливрейный охранник тревожно взглянул на Эйрела и Корделию и исчез, не дожидаясь, пока его отпустят.

Взгляд графа уперся в сына.

— Ты! Ты посмел опозорить меня. Устроил мне западню!

— Боюсь, вы сами себя опозорили, сэр. Не встань вы на этот путь, вы избежали бы западни.

На морщинистом лице графа отразилась борьба чувств — ярость, смущение, гнев и желание оправдаться. «Это смущение виноватого. Он не уверен в себе — поняла Корделия. — Постараемся ухватить эту тень сомнения, — она может оказаться нашим единственным спасением».

Самооправдание взяло верх.

— Я и не должен заниматься этим, — выкрикнул старик. — Это — обязанность женщины. Ее долг — охранять генофонд.

— Было обязанностью женщины. В Период Изоляции, — ровным голосом ответил Эйрел. — Когда единственной реакцией на мутацию было убийство ребенка. Сейчас существуют другие средства.

— Как, должно быть, ужасно чувствовали себя будущие матери во время беременности, не зная, что ждет их дитя — жизнь или смерть, — вслух задумалась Корделия. Одного глотка из этой чаши ей хватит на всю жизнь, а ведь женщины Барраяра вновь и вновь осушали ее до самого дна... Не удивительно, что культура их потомков оказалась такой странной, удивительно, что она не более безумна.

— Ты предаешь всех нас, не справляясь с женой, — заявил граф Петер. — Да разве ты можешь управлять планетой, если не распоряжаешься в собственном доме?

Мимолетная улыбка скользнула по губам адмирала.

— Действительно, с Корделией очень трудно сладить. Ей дважды удавалось от меня улизнуть. И меня по-прежнему изумляет ее добровольное возвращение.

— Вспомни свой долг! По отношению ко мне как к твоему графу, если не как к отцу! Ты — мой вассал, принесший мне клятву. Ты предпочитаешь повиноваться этой инопланетянке, а не мне?

— Да. — Форкосиган-младший посмотрел отцу прямо в глаза. Говорил он уже шепотом. — Так и должно быть. И еще замечу, сэр, что вы напрасно стараетесь перевести разговор с убийства младенца на вопрос о повиновении.

Вы сами давали мне уроки риторики, основанной на ложных посылках.

— В прежние времена ты не посмел бы так говорить со мной.

— Да, нынешний расклад получился странным. Я — ваш наследник, этим вы связываете мне руки, но я регент и связываю руки вам. Патовая ситуация. В прежние времена их любили разрешать с помощью войн.

Он снова улыбнулся — или по крайней мере раздвинул губы. У Корделии в голове мелькало что-то вроде рекламного объявления: «Спешите увидеть! Только один раз: непреодолимая сила встречается с несокрушимым препятствием. Пять марок за билет!»

Дверь приоткрылась, и в гостиную заглянул явно взволнованный Куделка:

— Сэр? Извините, что я вас беспокою. Но у нас возникли проблемы с линией правительственной связи.

— В чем дело, лейтенант? — спросил Форкосиган, с трудом переключая внимание. — Опять помехи?

— Главный комм-пульт вообще не работает.

— Несколько часов назад он был в полном порядке. Проверь питание.

— Уже проверил, сэр.

— Вызови техника.

— Без передатчика не могу.

— Ах да. Вызови командира охраны, пусть он его вскроет, и посмотри, может, поломка простая. А потом вызови техника по незашифрованному комму.

— Слушаюсь, сэр, — и Куделка торопливо закрыл дверь.

Граф не желал отступать.

— Я отрекусь от него — от этого существа в госпитале. Я лишу его наследства.

— Это пустая угроза, сэр. Лишить наследства вы можете только меня. Но не своей властью, а посредством императорского указа. С просьбой о котором вам следует обращаться... э-э... ко мне. — Его зубы сверкнули в угрюмой усмешке. — И я, конечно, вам его пожалую.

— Подумай о Барраяре! — выкрикнул граф. По его скулам ходили желваки. — Подумай, какой пример ты подаешь!

— О нем я уже думал. — Он помолчал. — Мы с вами, сэр, никогда не управляли боем из тыла. Там, где прошел Форкосиган, возможно, пройдут и другие. Такая вот... реформа личным примером.

— Это годится для других планет! Наш мир не может позволить себе такой роскоши. Мы и так еле держимся. Мы не можем тащить на себе груз миллионов калек!

— Миллионов? — удивился адмирал. — Теперь вы пытаетесь экстраполировать единицу на бесконечность. Слабый аргумент, сэр, не на вашем уровне.

— И разве, — тихо сказала Корделия, — не каждый в отдельности должен решать, что именно он или она смогут вынести?

Петер набросился на нее:

— Да, а кто платит за все это? Империя. Лаборатория Ваагена получает деньги на военные исследования. Весь Барраяр платит, чтобы продлить жизнь твоему уроду.

Смутившись, Корделия ответила:

— Возможно, это более выгодное вложение денег, чем вы думаете.

Старик презрительно фыркнул и, больше не обращая на нее внимания, снова повернулся к сыну.

— Итак, ты твердо решил навязать нам ЭТО. Нашей семье. Я не могу убедить тебя, не могу тебе приказать... Хорошо. Ты так рвешься к переменам — вот тебе перемены. Я не желаю, чтобы этот урод носил мое имя. В этом-то я волен, даже если бессилен в остальном.

Губы Эйрела сжались, ноздри раздулись, но он не пошевелился. Забытый доклад так и остался в его руках. Он не потерял контроля над своими пальцами, не давая им судорожно сжаться.

— Как вам угодно, сэр.

— Назовем его Майлзом Нейсмитом Форкосиганом, — сказала Корделия, внешне спокойная, хотя ее подташни-

вало и внутри все тряслось. — Мой отец с удовольствием даст ему свое имя.

— Твой отец мертв, — отрезал граф.

Сгорел в бушующем пламени при аварии катера больше десяти лет тому назад... Закрывая глаза, она до сих пор иногда видела отпечатки его смерти на своей сетчатке — ярко-красные и пронзительно-синие.

— Он не ушел от нас — пока я живу и помню.

Граф дернулся, словно от удара током. Культ предков на Барраяре граничил с обожествлением — здесь считали, что именно память не дает душам умереть. Может, сегодня его собственная смерть холодком пробежала по его жилам? Он зашел слишком далеко, понимал это, но уже не мог отступить.

— Ничем, ничем тебя не пронять! Ну так вот тебе. — Он вперил в сына яростный взгляд. — Вон из моего дома! Из обоих домов. Забирай свою женщину и убирайся. Сегодня же!

Осторожно отложив доклад, Форкосиган-младший встал.

— Хорошо, сэр.

— Ты готов бросить свой дом?!

— Мой дом — это не здания. Это — человек, — серьезно проговорил Эйрел. А потом неохотно добавил: — Люди.

Имея в виду отца, а не только ее, поняла Корделия. Неужели этот старик каменный? Даже сейчас Эйрел говорит с ним так мягко, что у нее щемит сердце.

— Тебе придется платить налоги в казну провинции, — отчаянно бросил Петер.

— Как желаете, сэр. — Эйрел направился к двери.

Теперь голос графа зазвучал менее решительно:

— Где же ты будешь жить?

— Иллиан уже давно уговаривает меня переехать в императорский дворец — из соображений безопасности. Ивон Форхалас убедил меня в том, что Иллиан прав.

Корделия поднялась одновременно с мужем. Она подошла к окну и уставилась на мрачный серо-зелено-коричневый пейзаж. На свинцовой воде озера пенились белые барашки. Барраярская зима будет такой холодной...

— О, так ты все же решил перебраться поближе к трону? — съязвил старик. — Честолюбие все-таки взыграло в тебе, сынок?

Сын поморщился, не скрывая раздражения:

— Никак нет, сэр. Мои единственные доходы — это адмиральская пенсия, и мне никак нельзя отказываться от бесплатного жилья.

Внимание Корделии привлекло какое-то движущееся пятно в быстро несущихся облаках над озером. Она беспокойно сощурилась.

— Что это за штука? — сосредоточенно всматриваясь, пробормотала она, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Пятнышко увеличивалось, странно подергиваясь. Это был флайер. За ним тянулась полоса дыма, и он держал курс прямо на усадьбу.

— Господи, а вдруг он набит бомбами?

— Что? — в один голос воскликнули оба Форкосигана и тоже подскочили к окну.

— На нем знаки Имперской службы безопасности, — сказал Эйрел.

Старые глаза Петера сузились:

— Да?

Корделия мысленно прикинула, что в случае опасности надо броситься через холл к задней двери. По другую сторону подъездной аллеи есть небольшая канавка, и если они улягутся в ней ничком, то, возможно... Тут флайер начал терять высоту, но все-таки дотянул до берега и приземлился на лужайке перед домом Форкосиганов. Теперь стали видны повреждения: оплавленная дыра от плазменного удара, черные потеки сажи, погнутые рули и стабилизаторы... Просто чудо, что он мог лететь.

— Кто?.. — сказал Эйрел.

Глаза графа расширились — ему удалось разглядеть пилота.

— Боги, это же Негри!

— Но кто... Бежим! — крикнул через плечо Эйрел, устремляясь к двери. Они промчались через холл, вырвались из дверей и понеслись вниз по зеленому склону.

Охранникам пришлось вскрывать перекосившийся фонарь. Негри выпал им на руки. Его положили на траву. Левая сторона его тела и нога были страшно обожжены, зеленый мундир обгорел и рассыпался в прах, обнажив кровоточащие белые волдыри, растрескавшуюся плоть. Его била непрерывная дрожь.

Маленькая фигурка, пристегнутая ремнями к пассажирскому сиденью, оказалась императором Грегором. Мальчик плакал — негромко, приглушенно, давясь рыданиями. Такое самообладание у пятилетнего малыша показалось Корделии просто пугающим. На нем была обычная детская одежда: мягкая рубашка и темно-синие брючки. Одной сандалии не хватало. Имперский охранник расстегнул ремень безопасности и вытащил маленького императора из флайера. Мальчик отпрянул от охранника и уставился на Негри полными ужаса и смятения глазами. «А ты-то думал, что со взрослыми никогда ничего не случается?»

Ку и Дру появились каждый из своего угла дома. Грегор заметил девушку и, стрелой подлетев к ней, ухватился за ее юбку.

— Дру, на помощь!

Теперь он наконец позволил себе заплакать в голос. Дру подхватила его на руки.

Эйрел опустился на колени рядом с шефом службы безопасности.

— Негри, что случилось?

Раненый потянулся к нему еще действующей правой рукой и судорожно вцепился в рукав.

— Он устроил путч... в столице. Его люди захватили штаб службы безопасности, центр связи... Почему вы не отзывались? Главный штаб окружен, оттуда много перебежчиков. Во дворце идет бой. Мы уже собирали улики... готовились его арестовать... вот он и запаниковал. Нанес удар неожиданно рано. Кажется, он успел захватить Карин...

Граф Петер требовательно спросил:

— Кто, Негри, кто?

— Фордариан.

Эйрел мрачно кивнул:

— Да-а...

— Ты... береги мальчика, — выдавил из себя Негри. — Он уже близко... — Дрожь перешла в конвульсии, глаза закатились. Его дыхание перешло в непрерывный хрип. На секунду темные глаза снова посмотрели осмысленно и настоятельно. — Я передам Эзару...

По телу капитана прошла медленная судорога, он несколько раз дернулся и затих.

ГЛАВА 11

— Сэр, — взволнованно сказал Куделка, — комм-пульт испорчен. — Начальник охраны молча кивнул, подтверждая слова лейтенанта. — Я как раз шел сообщить вам...

Он испуганно посмотрел на Негри, неподвижно лежавшего на траве. Один из имперских охранников опустился на колени рядом с телом, в отчаянии пытаясь оказать первую помощь: массаж сердца, кислород, инъекции. Но тело капитана под его руками оставалось таким же застывшим, лицо — восковым и безжизненным. Корделии приходилось видеть смерть, и она узнала все ее признаки.

«Бесполезно, ребята, вам его уже не вернуть. На этот раз — все. Он ушел, чтобы сделать последний доклад Эзару. Последний доклад капитана Негри...»

— Как именно они испортили пульт? — спросил Форкосиган. — С задержкой во времени или без?

— Судя по всему, сразу, — ответил начальник охраны. — Остатков часового механизма не обнаружено. Кто-то просто открыл панель и все разбил.

Взгляды присутствующих обратились к тому, кто должен был нести вахту у дверей шифровальной комнаты, а теперь стоял, обезоруженный, между двумя охранника-

ми. Лицо его было почти таким же свинцово-серым, как у Негри, и не казалось мертвым лишь благодаря выражению ужаса.

— Итак? — Форкосиган повернулся к начальнику охраны.

Тот пожал плечами:

— Он все отрицает. Как и следовало ожидать...

Форкосиган посмотрел на арестованного:

— Кто заходил туда после меня?

Охранник затравленно осмотрелся по сторонам и указал на Друшикко:

— Она.

— Что? — возмутилась девушка, еще крепче прижав к себе плачущего Грегора.

Форкосиган стиснул зубы.

— Ну, что один из вас лжец, ясно и без суперпентотала. Сейчас у нас нет времени. Разберемся позже. Командор, арестуйте обоих. — Его взгляд тревожно скользнул по северному горизонту. — Ты, — он махнул рукой одному из слуг, — приготовь весь транспорт, какой найдешь. Эвакуируемся немедленно. Ты, — приказал он другому, — предупреди людей в деревне. Ку, собери документы, возьми плазмотрон и доплавь до конца комм-пульт, а потом возвращайся сюда.

Куделка, с отчаянием оглянувшись на Друшикко, быстро пошел к дому. Телохранительница застыла на месте, изумленная, негодующая и испуганная. Холодный ветер трепал подол ее юбки. Она не отводила напряженного взгляда от Форкосигана. Ухода Куделки она почти не заметила.

— Сначала в Хассадар? — спросил у сына граф Петер непривычно мягким тоном.

— Разумеется.

В Хассадаре, главном городе провинции Форкосиганов, были расквартированы имперские войска. Но сохранил ли гарнизон верность императору?

— Надеюсь, ты не собираешься обороняться там? — спросил Петер.

— Конечно, нет. Хассадар, — по лицу Эйрела скользнула хищная улыбка, — будет моим первым подарком коммодору Фордариану.

Граф кивнул: ответ его явно устраивал. Несмотря на всю внезапность случившегося, оба Форкосигана, казалось, не испытывали ни страха, ни даже волнения. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова.

— Вы, сэр, — негромко сказал Эйрел отцу, — возьмете мальчика. — Граф кивнул. — Встретите нас... Нет. Даже мне не говорите, где. Вы с нами свяжетесь.

— Так.

— Возьмите Корделию.

Граф хотел было возразить, но передумал, и сказал только:

— А...

— И сержанта Ботари, для охраны Корделии. Поскольку Дру временно отстранена от исполнения обязанностей.

— Тогда мне нужен Эстергази.

— Хорошо. Но все остальные понадобятся мне.

— Ладно. — Граф отвел Эстергази в сторону, что-то тихо сказал ему, и тот помчался вверх по склону. Затем подозвал еще одного охранника, приказал ему взять машину и ехать на запад.

— Далеко на запад, милорд?

— Как можно дальше, пока не остановят. Потом удирай и присоединяйся к лорду-регенту, ты меня понял?

Тот кивнул и бросился следом за Эстергази.

— Сержант, вы будете подчиняться приказам леди Форкосиган как моим собственным, — велел Эйрел Ботари.

— Слушаюсь, милорд.

— Мне понадобится этот флайер, — продолжал граф, кивнув в сторону разбитой машины, которая хоть и перестала дымиться, но все же, на взгляд Корделии, была совершенно непригодна для того, чтобы уходить от погони.

«Машина примерно в такой же форме, как и я».

— И Негри, — добавил граф Петер.

— Он бы это оценил, — сказал Эйрел со странной усмешкой.

— Да, уж он-то — наверняка. — Граф обернулся к команде, все еще пытавшейся оживить капитана. — Довольно. Это ему уже не поможет. Положите его в кабину.

Эйрел наконец повернулся к Корделии.

— Милый капитан...

— Эйрел, скажи, это что, ни для кого, кроме меня, — не сюрприз? Да?

— Я не хотел тревожить тебя, пока ты больна. — Он плотно сжал губы. — Мы раскрыли заговор вовремя — благодаря Иллиану. Надо полагать, у лучших людей в службе безопасности все-таки есть интуиция. Но чтобы арестовать такого знатного и влиятельного человека, как Фордариан, нужны веские доказательства. Совет графов очень болезненно относится к любому посягательству на права его членов. Мы не могли представить им одни только догадки и подозрения.

И вот вчера Негри сообщил мне, что получил все необходимые улики. Но для ареста графа требуется императорский приказ. Предполагалось, что сегодня вечером я приеду в Форбарр-Султан — руководить операцией. Очевидно, Фордариана предупредили. Он собирался выступить только через месяц — желательно после моего успешного устранения.

— Но...

— Не медли. — Он подтолкнул жену к флайеру. — Войска Фордариана будут здесь с минуты на минуту. Ты должна скрыться. Чего бы он ни добился, ему не победить, пока Грегор на свободе.

— Эйрел... — Ее голос сорвался, в горле застрял комок. Ей хотелось задать тысячу вопросов, высказать тысячу возражений... — Береги себя.

— И ты тоже. — В его глазах вспыхнул огонек нежности, но лицо уже было чужим и далеким.

Подойдя к Друшикко, Эйрел что-то прошептал ей на ухо и взял маленького императора. Ботари сел за штурвал флайера, Корделию притиснули к телу Негри, Грегора посадили к ней на колени. Мальчик не издал ни звука, его била дрожь, и он в ужасе смотрел на все широко

открытыми глазами. Корделия инстинктивно прижала его к себе. Грегор не вцепился в нее, он только обхватил ладошками свои плечики.

— Ты не видел, что случилось с мамой, Грегор? — тихонько спросила Корделия.

— Ее схватили солдаты, — ответил мальчик тоненьким голосом, лишенным всяких эмоций.

Перегруженный флайер с трудом оторвался от земли и повис на высоте всего лишь в несколько метров. Ботари направил его вдоль склона. Двигатель завывал и стонал. Корделия мысленно издавала те же звуки. Она оглянулась, чтобы сквозь грязное, исчерченное трещинами стекло еще раз — последний? — посмотреть на Эйрела, но тот уже стремительно шагал к подъездной аллее, где стояли в полной готовности разномастные автомобили.

«Почему мы не поехали вместе?»

— Когда перевалишь через второй гребень — если, конечно, перевалишь, — поверни направо, сержант, — распорядился граф Петер. — Следуй вдоль ручья, по течению.

Ботари провел флайер всего в метре над бурлящей водой и острыми скалами. Ветви деревьев хлестали по ветровому стеклу.

— Приземлись вон на том пятачке и выключи двигатель, — приказал граф. — А теперь живо снимайте с себя все, что потребляет электроэнергию.

Он отстегнул хронометр и комм. Корделия сбросила свой хронометр. Ботари аккуратно посадил флайер в указанном месте и спросил:

— Оружие тоже, милорд?

— Оружие — в первую очередь, сержант. Батарея парализатора видна на сканере за версту. А аккумулятор плазмотрона сияет что твой костер.

Ботари выгрузил из многочисленных карманов каждого оружия по паре, а кроме того — множество других полезных вещей: ручной тяговый луч, комм, хронометр, какой-то небольшой диагностический прибор.

— И нож, милорд?

— Вибронож?

— Нет, обычный стальной.

— Оставь. — Граф склонился над пультом управления, вводя в автопилот новую программу. — Все, выходим. Сержант, заклинь чем-нибудь фонарь кабины.

Ботари забил в паз фонаря камешек и резко обернулся на шум в кустарнике.

— Это я, — послышался задыхающийся голос. Эстергази было всего сорок (просто мальчишка по сравнению с другими слугами графа Петера — седовласыми ветеранами), и он все еще был в великолепной форме. Если даже он так запыхался, значит, летел сломя голову. — Я привел их, милорд.

«Они» оказались четырьмя лошадьми из Форкосиганових конюшен. Эстергази вел всех четверых на длинной веревке, продетой в металлические штуковины, которые, как смутно вспомнила Корделия, называются «удила». Ей всегда казалось, что такая система управления маловата для столь огромного транспортного средства. Лошади фыркали, били копытами, трясли головами и раздували красные ноздри. Весьма угрожающе.

Граф закончил манипуляции с автопилотом и выпрямился.

— Ботари, сюда, — позвал он.

Перетащив тело Негри в пилотское кресло, его закрепили ремнями. Ботари запустил двигатель и поспешно выпрыгнул из кабины. Флайер взлетел, развернулся, чуть не врезавшись в дерево, и, все больше кренясь, скользнул за кряж. Старый Форкосиган проводил его взглядом, прошептав:

— Прощай, Негри. Передай от меня поклон Эзару...

— Куда вы его отправили? — спросила Корделия. «В Валгаллу?»

— На дно озера, — удовлетворенно объяснил граф. — Это заставит их поломать голову.

— А что, флайер там не обнаружат? Не поднимут со дна?

— Рано или поздно, конечно, поднимут. Но сперва он должен затонуть на глубине двухсот метров. Чтобы поднять флайер с такой глубины, потребуется время. А прежде

его еще надо найти. Ну а потом им придется хорошенько обшарить все дно, чтобы убедиться, что Грегора там нет. А отрицательные результаты никогда не бывают абсолютно надежны, верно? Провозятся они долго, а в итоге ничего толком не узнают. А теперь по коням, пора в дорогу.

Он направился к лошадям.

Корделия неуверенно поплелась следом. Лошади... Кем их считать — рабами, симбионтами или чем еще там? Та, к которой подвел ее Эстергази, была футов в пять высотой. Эстергази вручил ей веревку и отвернулся. Седло оказалось где-то на уровне ее подбородка: как же туда взлететь? Вблизи лошадь выглядела чудовищно огромной. Коричневая лоснящаяся шкура на холке вдруг мелко затряслась.

«О Боже, они дали мне испорченную — у нее начинаются конвульсии».

Корделия тихонько застонала.

Ботари каким-то образом умудрился вскарабкаться на свою зверюгу; впрочем, по сравнению с ним лошадь казалась не такой уж большой. Выросший в городе, Ботари так и не стал хорошим наездником, несмотря на кавалерийскую подготовку на службе у графа Петера. И все же, какими бы неловкими и резкими ни казались его движения, Ботари вполне справлялся со своим животным.

— Поедешь первым, сержант, — приказал граф. — Растягиваемся в цепочку, так чтобы только-только видеть друг друга. Никакого скучивания! Скачи по дороге, к плоской скале — ты это место знаешь — и жди нас там...

Ботари дернул поводья, ударил лошадь каблуками в бока и с топотом понесся вверх по лесной дороге.

Граф, несмотря на преклонный возраст, ловко взлетел в седло. Эстергази подал ему Грегора, и он посадил мальчика перед собой. Грегор — что удивительно — при виде лошадей заметно повеселел. Казалось, Петер вообще ничего не делал, но лошадь явно вознамерилась пуститься вскачь по дороге.

«Телепатия, — ошалело решила Корделия. — Они тут мутировали в телепатов, а меня никто не предупредил...»

А может, эта лошадь — телепатка?

— Скорее, женщина, дело за тобой! — нетерпеливо позвал граф.

Корделия отчаянно сунула ногу в... как она там называется, эта подставка... стремя... за что-то схватилась, подтянулась... Седло плавно заскользило по конской спине — и Корделия вместе с ним. Она повисла внизу, среди похожих на деревья лошадиных ног, грузно шлепнулась на землю и поспешно откатилась подальше. Лошадь изогнула шею, с недоумением покосилась на нее, опустила мягкие губы к земле и принялась мирно щипать траву.

— О Боже, — простонал граф Петер.

Эстергази спешился и кинулся на помощь госпоже.

— Миледи, у вас все в порядке? Извините, это я виноват, мне следовало проверить... Э-э... Вы никогда не ездили верхом?

— Никогда, — призналась Корделия. — Может, мне лучше идти? Или бежать?

«Или вскрыть себе вены. Эйрел, ну зачем ты отправил меня с этими психами?»

— Это совсем нетрудно, миледи, — заверил ее Эстергази. Вернув седло в надлежащее положение, он подтянул подпругу. — Ваша лошадь сама побежит за остальными. Роза — самая послушная кобылка в наших конюшнях. Ну разве она не милашка?

Свирепые карие глаза с фиолетовыми зрачками уставились на что-то позади Корделии.

— Я не могу!

У нее вырвалось рыдание — первое за этот невыносимый день.

Граф посмотрел на небо, потом оглянулся через плечо.

— Ну ты, чертова бетанка! — зарычал он. — Нечего делать вид, будто никогда не ездила верхом. Вообрази себе, что это — мой сын.

— Ну, давайте, миледи, — зашептал Эстергази, опасливо поглядывая на графа, и подставил сцепленные в «замок» руки.

Ее трясло от гнева и страха. Бросив на свекра негодующий взгляд, она повторила попытку, на этот раз увенчавшуюся успехом. Эстергази подсадил ее, и она изо всех сил вцепилась в седло, пообещав себе не смотреть вниз.

Эстергази кинул поводья графу; тот поймал их небрежным движением кисти и тронул своего коня. Дорога превратилась в калейдоскоп деревьев, скал, чмокающих грязью луж, царапающих лицо веток... Все это, кружась и подпрыгивая, понеслось мимо Корделии. Мучительно заныл свежий шрам на животе.

«Если снова начнется внутреннее кровотечение...»

Они ехали, и ехали, и ехали.

Наконец лошади перешли с рыси на шаг. Вскоре кавалькада выехала на открытое место, откуда было видно озеро — видимо, они описали круг позади широкого мелководного залива, лежавшего слева от поместья Форкосиганов. Туман перед глазами немного рассеялся, и Корделия разглядела на красно-коричневом фоне небольшое зеленое пятно: покатый газон перед старым каменным зданием. На другом берегу озера виднелась крошечная деревня.

Ботари уже ждал их, спрятавшись в кустах. Привязанная к дереву лошадь тяжело поводила боками. Сержант встал и, подойдя поближе, озабоченно всмотрелся в Корделию.

— Вы едете слишком быстро, милорд. Леди еще не совсем здорова. Она неважно себя чувствует.

Граф Петер фыркнул:

— Она почувствует себя еще хуже, если нас догонят люди Фордариана.

— Я выдержу, — согнувшись от боли, с трудом проговорила Корделия. — Минутку. Дайте... мне... всего минутку.

Легкий ветерок, становившийся все холоднее по мере того, как солнце клонилось к горизонту, остудил разгоряченную кожу. Небо поблекло и стало совсем как молоко — ровное, непрозрачное, без всяких оттенков. Боль в животе понемногу утихла, и Корделия смогла выпрямиться.

Ботари кивнул в сторону далекой усадьбы:

— Вон они.

Граф Петер сощурился. Корделия широко открыла глаза. Перед домом на лужайку опустились два флайера, из которых хлынули солдаты, издали напоминавшие черных муравьев. Среди них мельтешило несколько фигурок в коричневом с золотом и еще несколько в темно-зеленых офицерских мундирах.

«Великолепно. И друзья, и враги носят одинаковые мундиры. Что же нам делать: перестрелять всех, и пусть Господь сам рассудит, кто свой?»

Старый Форкосиган мрачно наблюдал, как враги врываются в его дом.

— Разве они не догадаются обо всем, когда заметят нехватку лошадей в конюшне? — спросила Корделия.

— Я выпустил всех лошадей, миледи, — сказал Эстергази. — По крайней мере так у них будет шанс. Не знаю, скольких мы потом сможем найти.

— Боюсь, что большинство так и будет бродить поблизости, — граф вздохнул. — Привыкли, что дома их ждут кормушки с овсом... Хотел бы я, чтобы у них хватило ума разбежаться. Одному Богу известно, до каких зверств дойдут эти вандалы, не поймав другой добычи.

Еще три флайера приземлились на краю деревушки. Вышедшие оттуда вооруженные люди исчезли среди домов.

— Надеюсь, Зей успел предупредить их, — пробормотал Эстергази.

— А зачем им понадобились эти несчастные? — спросила Корделия. — Что они там ищут?

— Нас, миледи, — хмуро отозвался Эстергази. Встретив ее изумленный взгляд, он пояснил: — Нас, охранников. А не найдя, возьмут в заложники наших родных.

Корделия вспомнила, что жена и двое детей Эстергази остались в столице. Что с ними? Успел ли кто-нибудь предупредить их? Судя по виду Эстергази, он думал о том же.

Сержант Ботари молча вглядывался в туманную даль; по его скулам катались желваки. Вспомнил ли кто-нибудь, что надо предупредить мистрис Хисопи?

— Скоро они начнут поиск с воздуха, — заявил граф. — Пора в укрытие. Всем следовать за мной.

Он повернул коня и исчез в густом кустарнике, направившись по едва заметной тропе — Корделия ее никогда бы не разглядела. Ботари и Эстергази совместными усилиями снова водрузили ее на борт транспортного средства. На этот раз граф ехал шагом — не ради нее, как подозревала Корделия, а чтобы поберечь лошадей, чьи шкуры потемнели от пота. После кошмарного галопа такая езда показалась Корделии почти отдыхом. Поначалу.

Они медленно продвигались вперед — среди деревьев, через заросли кустарника.

Копыта лошадей скребли по камням. Корделия все прислушивалась, не раздастся ли над головой завывание двигателей. А когда услышала, беглецы уже заканчивали головокружительный спуск на дно ущелья. Все спешились, юркнули под выступ скалы и сидели там, пока вой не затих вдали. Потом пришлось вести лошадей наверх в поводу: Ботари чуть ли не на руках втащил свою по коварному осыпающемуся склону.

Стало темнее, похолодало, поднялся ветер. Два часа, три часа, четыре, пять... Сумеречная дымка превратилась в кромешную тьму. Теперь они и ехали друг за другом, совсем рядом. Пошел дождь — унылая черная морось, от которой седло Корделии стало совсем скользким.

Около полуночи они выехали на поляну, почти такую же темную, как окружавшие ее заросли, и граф наконец объявил привал. Корделия, вся напряженная, полумертвая от страха и усталости, села на траву и прислонилась к дереву. Грегор приютился у нее на коленях. Ботари поделил между ними плитку НЗ, которая нашлась у него в кармане, — их единственную пищу. Завернутый в китель сержанта, Грегор наконец согрелся и заснул. Под его тяжестью у Корделии затекли ноги, но зато вдвоем было теплее.

Где сейчас Эйрел? И если уж на то пошло, где сейчас они сами? Корделия могла только надеяться, что старый

граф знает. Из-за бесконечных подъемов, спусков и крутых поворотов они делали самое большее пять километров в час. Неужели этот вздорный старик действительно рассчитывает, что таким образом им удастся уйти от преследователей?

Граф, сидевший под деревом неподалеку, встал и удалился в кусты; через минуту оттуда донеслось журчание. Вернувшись, он попытался в темноте рассмотреть Грегора.

— Спит?

— Да. Как ни удивительно.

— М-м. Дело молодое. — Петер хмыкнул. С завистью?

Тон его был не таким враждебным, как раньше, и Корделия осмелилась спросить:

— Как вы думаете, Эйрел... уже в Хассадаре?

Она не смогла выговорить: «Как вы думаете, он смог добраться до Хассадара?»

— Он оттуда уже уехал.

— А я думала, он собирается возглавить тамошний гарнизон.

— Он так и сделал, а потом приказал рассеяться — в сотне направлений. Поди догадайся, в котором взводе спрятан император. И если нам повезет, то Фордариан не устоит перед соблазном занять Хассадар.

— Повезет?

— О да. Небольшой отвлекающий маневр. Сам по себе Хассадар не имеет никакого стратегического значения. Но Фордариану придется выделить некоторое количество своих — отнюдь не неисчерпаемых — сил на то, чтобы удерживать город посреди враждебной провинции с богатыми традициями партизанской войны. Мы будем получать подробные сведения обо всем происходящем, а помогать ему местное население не станет.

К тому же это мое родовое владение. Значит, он оккупирует столицу графской провинции силами имперских войск: все мои собратья-графы должны призадуматься. Эйрел же скорее всего направится в космопорт базы Тей-

нери. Ему надо установить связь с силами космического базирования на тот случай, если Фордариан действительно придушил Главный штаб. Все решит выбор космических сил. Могу предсказать сильнейшую эпидемию технических неполадок в центрах связи, пока командиры кораблей будут соображать, за кем выгоднее пойти. — Граф Петер криво усмехнулся. — Фордариан слишком молод, чтобы помнить войну императора Ури Безумного. Тем хуже для него. Что ж, благодаря внезапности нападения он получил, конечно, некоторые преимущества...

— А это что, действительно произошло внезапно?

— Весьма. В полдень, когда я приехал в столицу, там не было никаких признаков волнений. Очевидно, все началось сразу же после моего отъезда.

Между ними пробежал холодок, не имевший никакого отношения к непогоде: оба вспомнили, с какой целью граф Петер совершил ту поездку.

— А столица что... э-э... имеет решающее стратегическое значение? — спросила Корделия, не позволяя заминке перерасти в нечто большее.

— В любой другой войне — да. Но только не в этой. Ведь сейчас дело не в захвате территории. Интересно, понимает ли это сам Фордариан? Это война за верность, за умы людей. Все материальные объекты имеют в ней лишь преходящее значение. Однако Форбарр-Султан — крупнейший центр связи, а связь значит немало. Но это не единственный центр. Обойдемся другими.

«А у нас вообще нет связи, — печально подумала Корделия. — Здесь, в лесу, под дождем».

— Но если Фордариан удерживает императорский Главный штаб...

— Сейчас он удерживает, если я не ошибаюсь, лишь огромное здание, где царит полный хаос. Сомневаюсь, что хотя бы четверть личного состава находится на местах. Да еще половина оставшихся занимаются саботажем в пользу той стороны, которой сочувствуют. А все прочие разбежались и пытаются вывезти свои семьи из города.

— А с капитаном Форпатрилом ничего не... Как вы думаете, Фордариан оставит в покое лорда и леди Форпатрил?

Элис Форпатрил вот-вот должна родить. Когда она навещала Корделию в госпитале (неужели всего десять дней назад?), ее плавная походка уже сменилась тяжелой поступью. Врач обещал ей крупного мальчика; его должны были назвать Айвеном. Детская для него уже полностью оборудована и украшена, тяжело дыша сообщила Элис, неловко устраивая на коленях огромный живот. Сейчас было бы самое подходящее время...

Сейчас было уже совсем неподходящее время.

— Падма Форпатрил в его списке стоит первым. Да, на него наверняка объявят охоту. Они с Эйрелом — единственные потомки принца Ксава, если кто-то сдуру снова вздумает начать разговоры о праве на престол. Или если что-нибудь случится с Грегором.

При последних словах граф яростно стиснул зубы.

— И леди Форпатрил с малышом тоже?

— Элис, может, и нет. Но мальчик — точно.

«Но ведь сейчас они нераздельны». Ветер наконец стих. Теперь стало слышно, как лошади неторопливо жуют траву: ровное хрум-хрум-хрум.

— А приборы ночного видения разве не засекут наших лошадей? И нас заодно, хоть мы и выбросили аккумуляторы. Не представляю, как мы сможем от них укрыться.

«Может, там, наверху, и сейчас есть войска, глаза в облаках?»

— Ну, их приборы засекут всех людей и животных в этих горах.

— Всех? Я никого не видела.

— Сегодня вечером мы проехали десятка два небольших хуторов. Взрослые и дети, домашний скот и олени в лесу — их приборы засекут всех. Мы — соломинки в стоге сена. Но все равно нам следует разойтись. Если к полудню мы сумеем добраться до дороги на перевал Эми, то можно будет кое-что предпринять.

Едва сплошная чернота начала сереть, Ботари снова взгромоздил Корделию в седло и, вскочив на свою лошадь, взял поводья Розы. Грегор даже не проснулся и продолжал спать на руках у графа — обмякший, бледный, с открытым ртом.

Ветви деревьев в роняющем капли тумане казались угольными штрихами на сером холсте.

Рассвет обнажил все плачевные последствия минувшей ночи. И Ботари, и Эстергази были выпачканы с ног до головы, щеки их заросли щетиной. Ботари, отдав свой китель Грегору, остался в рубашке; расстегнутый ворот придавал ему сходство с приговоренным к смерти, которого ведут на эшафот. Парадный мундир графа Петера выдержал испытание сравнительно неплохо, но сам граф — небритый, с воспаленными глазами — сильно смахивал на бродягу. Себя Корделия чувствовала настоящей развалиной: влажные космы вместо прически, первые попавшиеся старые тряпки и домашние тапочки.

«Могло быть и хуже. Я ведь могла остаться беременной. А теперь по крайней мере, если я умру, то умру одна».

Но можно ли считать, что маленький Майлз сейчас в большей безопасности? Что его не найдут в репликаторе на полке в засекреченной лаборатории Ваагена и Генри? Пока остается хоть капля надежды, она будет неустанно молить Бога.

«Господи, сделай так, чтобы эти барраярские ублюдки оставили моего мальчика в покое!»

Начался зигзагообразный спуск по бесконечному склону. Лошади фыркали, упрямились, то и дело спотыкаясь о камни и коряги. На дне неглубокого ущелья пришлось сделать привал. Здесь протекал мутный ручей, и все — люди и животные — утолили жажду. Эстергази ослабил подпруги, почесывая лошадей под сбруей, а они толкали его мордами, обнюхивая пустые карманы в надежде на какое-нибудь лакомство. Эстергази шепотом просил у них прощения:

— Ну-ну, Роза, вечером отдохнешь. Еще немного, несколько часов.

Это была куда более подробная информация, чем то, что сообщили Корделии.

Граф оставил лошадей на попечение Ботари и куда-то ушел в сопровождении Эстергази. Грегор проснулся и, решив заняться чем-нибудь полезным, начал кормить лошадей, предлагая им то горсть листьев, то пучок травы. Но животные упорно отказывались от угощения. Они привыкли к овсу, и подножный корм их не привлекал.

— Что задумал граф? — спросила Корделия у Ботари.

Тот пожал плечами:

— Пытается установить связь с кем-то из своих знакомых. Так у нас дальше дело не пойдет.

Кивок в неопределенном направлении означал, видимо, их ночные скитания.

С этим Корделия не могла не согласиться. Она лежала, прислушиваясь, не раздастся ли шум флайеров, но слышала только журчание ручейка, которому вторило бурчание ее пустого желудка. Один раз она вскочила, чтобы не дать Грегору попробовать какие-то весьма зловещего вида ягоды.

— Нельзя!

— Но лошади это ели, — запротестовал император.

Корделия содрогнулась, живо представив себе последствия отравления в нынешней обстановке.

— Знаешь, какое первое правило для всех участников Бетанских астроэкспедиций? Ни в коем случае нельзя брать в рот неизвестные вещи, пока их не проверили в лаборатории. А кроме того, не следует подносить их к глазам, ко рту и к слизистым оболочкам.

Грегор тут же машинально потер нос и глаза. Корделия вздохнула и снова села. Грегор принялся бросать камешки в лужи.

Час спустя вернулся Эстергази.

— Идемте.

На этот раз они вели лошадей в поводу: верный признак того, что впереди крутой подъем. Карабкаясь вверх, Корделия исцарапала все руки. Через кряж, снова вниз, потом опять вверх — и они вышли на широкую просеку.

— Где мы? — спросила Корделия.

— Дорога к перевалу Эми, — сообщил Эстергази.

— Это — дорога? — в ужасе пробормотала Корделия. Чуть поодаль стоял граф Петер, а с ним — еще один старик, державший поводья крепкой пегой лошадки.

Лошадь была ухожена гораздо лучше, чем ее хозяин. Ее шкура лоснилась, а грива была тщательно расчесана. Правда, копыта оказались мокрыми и темными, а брюхо было заляпано свежей грязью. Вдобавок к старому кавалерийскому седлу, такому же, как на лошади Петера, на пегую были навьючены четыре большие седельные сумки — пара впереди и пара сзади — и скатка.

Старик, такой же небритый, как граф Петер, был облачен в мундир имперской почтовой службы — некогда голубой, а теперь серый. Наряд дополняли черная рубашка от полевой формы, древняя пара брюк от парадной зеленой, высокие кавалерийские сапоги той же степени ветхости и изрядно помятая фетровая шляпа. Из-за полинявшей ленты торчало несколько сухих цветов. Старик причмокнул губами, выпачканными чем-то черным, и уставился на Корделию. Во рту у него недоставало многих зубов, а оставшиеся были желто-коричневого цвета.

Взгляд старика переместился на Грегора, державшегося за руку Корделии.

— Так это и есть наш император? Ха! Невелик.

Он задумчиво сплюнул в придорожный бурьян.

— Со временем может оказаться ничего, — заявил граф Петер. — Если ему дадут это время.

— Посмотрим, что можно будет сделать, генерал.

Граф усмехнулся, словно в ответ на какую-то только им понятную шутку.

— Ты захватил что-нибудь съестное?

— А как же? — и старик, ухмыльнувшись, принялся шарить в седельной сумке. Он выудил оттуда пакет изюма, завернутый в пластиковую копию какого-то документа, несколько комков слипшихся коричневатых кристаллов, обернутых листьями, и еще нечто, весьма напоминавшее спутанный клубок сыромятных ремней — опять-

таки в кульке из пластиковой копии. Корделия успела прочесть заголовок: «Новые дополнения к почтовым правилам С6.77а, введенные 6/17. Немедленно подшить в папку "Текущие дела"».

Петер критически осмотрел припасы.

— Сушеная козлятина? — спросил он, кивая на кожаное месиво.

— Она самая.

— Мы возьмем половину. И изюм. А кленовый сахар оставь детям. — После краткого раздумья граф все же кинул один кусок в рот. — Я найду вас дня через три — а может, через неделю. Помнишь войну Ури Безумного, а?

— О да, — протянул старик.

— Сержант! — Петер жестом указал Ботари на старика. — Вы отправляетесь с майором. Возьмите ее и мальчика. Он вас спрячет. Оставайтесь на месте, пока я за вами не приеду.

— Да, милорд, — невыразительно отозвался Ботари, но в глазах его мелькнула тревога.

— А это кто, генерал? — осведомился старик, глядя снизу вверх на Ботари. — Новобранец?

— Городской, — ответил граф Петер. — От моего сына. Говорит мало, но глотки резать умеет. Сгодится.

— Что ж, отлично.

Граф двигался теперь гораздо медленнее и не возражал, когда Эстергази кинулся поддержать ему стремя. Со вздохом устроившись в седле, он на секунду позволил себе по-стариковски ссутулиться.

— Проклятие, я становлюсь слишком стар для таких вещей.

Тот, кого он назвал майором, полез в боковой карман и вытащил оттуда кожаный кисет.

— Не желаете ли гам-листьев, генерал? Подкрепляет лучше козлятины, хоть и не надолго.

Граф оживился:

— А! Премного благодарен. Но не все, старина, не все. — Он запустил руку в мешочек и, отломив добрую половину прессованной плитки, сунул кусок за щеку, а остальное

спрятал в нагрудный карман. Гам-листья были легким стимулятором, но Корделия никогда раньше не видела, чтобы ее высокородный свекр жевал их, словно какой-нибудь простолюдин-поденщик.

— Приглядывай за лошадьми милорда, — отчаянно попросил Эстергази Ботари. — Не забывай: это не машины.

Ботари что-то проворчал себе под нос, и граф с Эстергази повернули лошадей вниз по дороге. Через несколько мгновений они скрылись из виду. Воцарилась глубокая тишина.

ГЛАВА 12

Старик посадил Грегора позади себя, окружив его для надежности седельными сумками и скаткой. Корделии предстояло снова влезть на это орудие пыток для людей и лошадей, называемое седлом. Если бы не Ботари, у нее бы ничего не вышло. На этот раз поводья взял майор, и Роза пошла рядом с его лошадью, так что уздечка дергалась гораздо меньше. Ботари замыкал шествие.

— Стало быть, — спустя какое-то время произнес незнакомец, искоса на нее поглядывая, — стало быть, вы — новая леди Форкосиган.

Помятая и замызганная, Корделия в отчаянии попыталась изобразить светскую улыбку:

— Да. Э-э... Граф Петер не назвал вашего имени, майор?..

— Эймор Клийви, миледи. Но здешний народ зовет меня просто Кли.

— И э-э... кто вы?

Не считая того, что он — горный дух, которого Петер заклинаниями вызвал из-под земли.

Старик улыбнулся; из-за состояния его зубов это производило скорее жуткое, нежели приятное впечатление.

— Я — имперская почта, миледи. Каждые десять дней объезжаю здешние места, начиная с Форкосиган-Сюрло. Вот уже восемнадцать лет. Уже появились дети тех детей, которые знают меня как Кли-почтовика.

— А я думала, что почту в этих местах развозят воздушным транспортом.

— Флайеров пока не хватает. Да и не станут они подлетать к каждому дому, а только к основным пунктам раздачи. Личные услуги теперь не в чести. — Он с отвращением сплюнул. — И если ничего не случится еще года два, истекут мои последние двадцать лет и, стало быть, буду считаться трехкратным ветераном — то есть человеком, отслужившим императору трижды двадцать. Из армии-то я вышел в отставку на дважды двадцать.

— Из какого подразделения, майор Клийви?

— Императорские рейнджеры. — Он сделал многозначительную паузу, и Корделия поспешила с уважением приподнять брови. — Я воевал, а не протирал штаны в штабах, потому и дослужился только до майора. Начал в четырнадцать в этих самых горах, водил за нос цетагандийцев вместе с генералом Петером и императором Эзаром. В школу после этого так и не вернулся. Закончил только армейские курсы. Со временем армия оставила меня позади.

— Похоже, не совсем, — сказала Корделия, оглядывая казавшуюся совершенно пустынной местность.

— Да уж...

Старик вздохнул и покосился через плечо на Грегора. Во взгляде его мелькнуло беспокойство.

— Граф Петер рассказал вам, что произошло вчера днем? — спросила Корделия.

— Угу. Я-то выехал с озера позавчера утром. Пропустил все самое интересное. Надо думать, новости догонят меня еще до полудня.

— Что-то... может нас нагнать?

— Поживем — увидим, — загадочно ответил старик и несколько нерешительно добавил: — Нам придется пере-

одеть вас, миледи. А то, знаете, надпись ФОРКОСИГАН на вашем кармане не способствует конспирации.

Корделия посмотрела на свою черную рубашку от полевой формы Эйрела — и была вынуждена признать, что почтальон прав.

— Ливрея милорда тоже бросается в глаза, — добавил Кли, глядя на сержанта. — Но если его переодеть — вполне сойдет за горца. Вскоре я посмотрю, что можно будет сделать.

Корделия сгорбилась. Опять заболел живот, моля об отдыхе. Убежище. Но чего оно будет стоить тем, кто ей его предоставит?

— Вам грозит опасность из-за того, что вы нам помогаете?

Кустистые седые брови старика поползли вверх.

— Возможно. — Его тон исключал любые дальнейшие разговоры на эту тему.

«Надо срочно вернуть себе способность мыслить, чтобы служить окружающим поддержкой, а не обузой».

— Эти ваши гам-листья... они действуют как кофе?

— О, лучше, чем кофе, миледи.

— А мне можно попробовать?

«А вдруг это слишком наглая просьба?»

Кли насмешливо посмотрел на нее.

— Гам-листья — это утеха для всяких деревенщин, миледи. Хорошенькая столичная аристократка скорее умрет, чем станет пачкать ими свои белые зубки.

— Во-первых, я не хорошенькая, а во-вторых — далеко не аристократка. И сейчас ради чашки кофе я готова на преступление. Так что, если вы не возражаете, я попробую.

Он бросил поводья, порылся в кармане линялого мундира, достал кисет и, отломив кусочек плитки, протянул его Корделии.

Она с минуту колебалась, разглядывая малоаппетитное угощение на грязной ладони. «Воспрещается употреблять в пищу органику, не проверенную в лаборатории». Корделия аккуратно собрала листья губами.

Гам-листья прессовали в брикет с помощью кленового сиропа, но после того, как слюна унесла первую сахарную сладость, вкус оказался приятно горьковатым и бодрящим. Она села прямее.

Кли посмотрел на нее с интересом.

— Так кто же вы тогда, если не аристократка?

— Я была астрокартографом. Потом капитаном астроэкспедиции. Потом солдатом, потом военнопленной, потом беглянкой. Потом я была женой, а еще потом — матерью. Не знаю, кем я стану дальше, — честно ответила она, пережевывая гам-листья.

«Только бы не вдовой».

— Матерью? Я слышал, что вы были беременны, но... Разве ваш ребенок не погиб из-за солтоксина?

Старик непонимающе посмотрел на ее талию.

— Пока нет. У него еще есть шанс выжить. Так несправедливо, что уже сейчас против него восстал чуть не весь Барраяр... Он родился преждевременно. При помощи хирургической операции. — Корделия решила не вдаваться в подробности. — Сейчас мой сын в Имперском госпитале, в Форбарр-Султане. А Форбарр-Султан, насколько мне известно, только что захватили мятежники Фордариана...

Она вздрогнула. Лаборатория Ваагена строго засекречена, о ней никто не должен знать. С Майлзом все в порядке, в порядке, в порядке... Одной трещинки в этой хрупкой уверенности хватит, чтобы она впала в истерику... Эйрел — ну, уж Эйрел-то сам о себе позаботится. Как же получилось, что его все-таки застали врасплох? Несомненно, Имперская служба безопасности наводнена предателями. Доверять там никому нельзя. Где сейчас Иллиан? Схвачен или тоже продался Фордариану? Нет... Скорее всего, просто не смог связаться с Форкосиган-Сюрло. Как Карин. Как Падма и Элис Форпатрил...

— Госпиталь они не тронут, — сказал Кли, наблюдавший за выражением ее лица.

— Я... Да. Конечно.

— Почему вы приехали на Барраяр, инопланетянка?

— Я хотела родить ребенка. — Она грустно усмехнулась. — У вас есть дети, Кли-почтовик?

— Насколько мне известно — нет.

— Очень разумно.

— Ну... — лицо старика омрачилось. — Не знаю. С тех пор, как умерла моя старуха, стало так тихо. Знавал я людей, у которых из-за собственных детей была куча неприятностей — к примеру, покойный император или, скажем, граф Петер. Не знаю только, кто зажжет огонь на моей могиле. Может, племянница.

Корделия взглянула на Грегора, который сидел на седельных сумках и прислушивался к разговору. Грегор подносил факел к гигантскому поминальному костру своего деда; его руку в тот миг поддерживал лорд-регент Форкосиган.

Они ехали все дальше и дальше по горной тропе. Четыре раза Кли сворачивал на узенькие, едва различимые тропинки, и каждый раз Корделия, Ботари и Грегор терпеливо ждали его в каких-то ненадежных укрытиях. Из третьей отлучки Кли вернулся с узлом, в котором оказались старая юбка, пара поношенных брюк и немного овса для усталых лошадей. Все еще не согревшаяся Корделия надела юбку прямо поверх старых экспедиционных брюк. Ботари сменил форменные брюки с серебряными лампасами на обноски горцев. Короткие штаны едва доходили ему до щиколоток — теперь сержант обрел окончательное сходство с огородным пугалом. Мундир Ботари и черную форменную рубашку Корделии спрятали поглубже в одну из сумок с почтой. Проблему с потерянной сандалией Грегора Кли решил очень просто — сняв оставшийся и позволив ребенку идти босиком. Слишком дорогой костюмчик Грегора скрыла огромная мужская рубашка с закатанными рукавами. Мужчина, женщина и ребенок — самая обыкновенная семья, измученные, оборванные горцы.

Они добрались до перевала Эми и начали спускаться вниз. Иногда навстречу попадались местные жители — сидя на обочине, они ждали почтальона, который передавал

им устные сообщения, вызубренные наизусть, от слова до слова. Он раздавал также письма на бумаге и дешевые звуковые диски, искажавшие голос до неузнаваемости. Дважды пришлось задержаться, чтобы прочесть письма вслух, ибо получатели были неграмотны, а один раз за почтой пришел слепой, которого вела маленькая девочка. С каждой такой встречей Корделия, и без того находившаяся уже на грани нервного истощения, тревожилась все больше и больше.

«Предаст ли нас вот этот тип? За кого нас принимает та женщина? По крайней мере слепой не сможет нас описать...»

Ближе к сумеркам Кли вернулся из очередной отлучки, окинул взглядом безмолвную пустошь, полную теней, и объявил:

— Что-то народу тут многовато.

Корделия настолько измучилась, что не сразу поняла шутку и поспешила с ним согласиться.

Почтальон глянул на нее с беспокойством:

— Как по-вашему, миледи, выдержите еще четыре часа?

«А что, разве у меня есть выбор? Тогда я предпочла бы сидеть вот у этой лужи и рыдать, пока нас не схватят».

Она с трудом поднялась с бревна.

— Зависит от того, что нас ждет по истечении этих четырех часов.

— Мой дом. С развозкой почты до него добираться еще часов десять, но если мы поедем прямо туда, то можем уложиться и в четыре. Там по-настоящему тихо. А оставшиеся письма развезу с утра.

Интересно, что значит «прямо туда»? Но Кли прав: чем уединеннее, тем безопаснее. Чем скорее они скроются с чужих глаз, тем лучше.

— Ведите, майор.

Добирались они часов шесть. Где-то на полпути у Ботари захромала лошадь. Сержант спешился и повел ее в поводу. Корделия тоже пошла пешком, чтобы немного согреться. Грегор, задремав, упал с лошади и заплакал, зовя маму, но снова заснул, когда Кли посадил его перед

собой. На последнем подъеме Корделия едва не задохнулась. Сердце бешено колотилось, хоть она и цеплялась за стремя, чтобы легче было идти. Обе лошади ползли, как артритные старухи, спотыкаясь на каждой кочке. Только врожденное стадное чувство заставляло их держаться за выносливой пегой лошадкой почтальона.

Внезапно подъем сменился головокружительным спуском с хребта в долину. Лес поредел, перемежаясь с горными лугами. Корделия ощутила окружавшие их огромные пространства: пики гор, черные провалы ущелий, массивы скал, молчаливые, как вечность. Три снежинки растаяли на ее обращенном к небу лице. На краю какой-то рощицы Кли остановился.

— Вот мы и дома, друзья.

Корделия внесла на руках так и не проснувшегося Грегора в крошечную хижину, ощупью нашла постель и уложила ребенка. Когда она укрывала его одеялом, мальчик тихо всхлипнул во сне. Она немного постояла, совершенно ничего не соображая, потом из последних сил, скинув тапочки, забралась под одеяло и прижала к себе Грегора. Ноги у нее были холодные, как у замороженного трупа. Пока она согревала их одну о другую, малыш перестал всхлипывать и задышал ровно и глубоко. Сквозь обволакивающий сон она услышала, как Кли — или Ботари — разжигает огонь в очаге. Бедняга Ботари, он не спит так же давно, как и она. Сейчас он ее подчиненный, и она в ответе за него. Ей следовало бы проследить, чтобы он поел, подлечил ноги, поспал... Следовало бы... Следовало бы...

Внезапно проснувшись, Корделия не сразу поняла, что ее разбудило. Маленький император сидел на постели рядом с ней, растерянно протирая сонные глазенки. Утреннее солнце врывалось в грязное окошко, озаряя закопченные бревенчатые стены хижины. В сложенном из серых камней очаге на углях стоял чайник и котелок, закрытый крышкой. Корделия еще раз напомнила себе, что на этой планете деревянный дом — свидетельство

бедности, а не богатства. Вчера они, должно быть, проехали не меньше миллиона деревьев.

Она села, охнув от боли в перетруженных мышцах, и осмотрела ложе, на котором провела эту ночь. Кровать — веревочная сетка, натянутая на раму; поверх брошен соломенный тюфяк, а на него — пуховая перина. В этом гнездышке им с Грегором было тепло и уютно. В хижине пахло пылью и деревенским дымком.

По дощатому крыльцу протопали сапоги. Вздрогнув от страха, Корделия сжала ручонку Грегора. Бежать она не сможет... Вон стоит черная чугунная кочерга. Слабоватое оружие против парализатора или нейробластера... Но это оказался Ботари. Мешковатую бежевую куртку он, видимо, позаимствовал у Кли, судя по тому, как торчат из рукавов его костлявые запястья. Он легко сойдет за горца, если будет помалкивать — выговор у него явно городской.

— Миледи, ваше величество. — Присев на корточки перед очагом, сержант заглянул под крышку котелка, проверил, достаточно ли горяч чайник. — Есть каша и сироп. Горячая вода. Травяной чай. Сушеные фрукты. Масла нет.

Силясь проснуться, Корделия растерла лицо и спустила ноги с кровати.

— Что слышно?

— Ничего. Майор дал передохнуть лошадке и выехал перед рассветом, чтобы выдержать расписание. С тех пор все тихо.

— Вы спали?

— Наверное, пару часов.

С чаем пришлось повременить: Корделия проводила императора вниз по склону к дощатой уборной. Грегор сморщил нос и с опаской посмотрел на сиденье, рассчитанное на взрослого. Вернувшись на крыльцо, Корделия проследила, чтобы он вымыл руки и лицо над помятым металлическим тазиком.

Она умылась, протерла глаза и наконец смогла ясно видеть все вокруг. Открывшаяся панорама ошеломила ее: казалось, внизу расстилается половина провинции Фор-

косиганов: бурые предгорья, а еще ниже — равнины, усеянные зелеными и коричневыми пятнами.

— Наше озеро вон там? — спросила Корделия, указывая на серебристый отблеск у самого горизонта.

— Кажется, да, — ответил Ботари, щурясь.

Как далеко они забрались — и за такой короткий срок! Но до ужаса близко, если есть флайер. Ну, по крайней мере отсюда они сразу заметят преследователей.

Горячая каша с сиропом, поданная на выщербленной белой тарелке, показалась удивительно вкусной. Корделия жадно набросилась на травяной чай, почувствовав, что обезвоживание организма достигло опасных пределов. Она попыталась уговорить Грегора выпить побольше, но тому не понравился резкий вкус отвара. Ботари готов был сгореть со стыда из-за того, что не смог раздобыть молока, хотя его и просил об этом сам император. Корделия вышла из положения, подсластив чай сиропом, после чего мальчик выпил целый стакан.

К тому времени, как они позавтракали, вымыли немногочисленную посуду и выплеснули грязную воду через перила, солнце уже достаточно прогрело воздух, чтобы можно было посидеть на крыльце.

— Почему бы вам не вздремнуть, сержант? Я подежурю. Кстати... Кли не говорил, что нам делать, если сюда кто-нибудь пожалует? А то мне сдается, что бежать нам больше некуда.

— Не совсем так, миледи. Вон в том леске за хижиной — пещеры. Старое убежище партизан. Майор вчера ночью водил меня туда показать вход.

Корделия вздохнула.

— Так. Поспите, сержант — вы наверняка понадобитесь нам позже.

Она устроилась на солнышке, в деревянном кресле, отдыхая телом, но не душой, чутко реагируя на каждый звук, стараясь не пропустить отдаленного воя двигателей. Обнаружив в хижине какие-то лоскутки, она смастерила Грегору некое подобие обувки, и теперь маленький император бродил вокруг, все рассматривая. Она проводила

его к сараю навестить лошадей. Лошадь сержанта по-прежнему сильно хромала, а Роза вообще старалась не шевелиться. Перед ними был стожок сена и вода из ручья, протекавшего у края загона. Вторая лошадь Кли — бодрая поджарая гнедая — отнеслась к появлению новичков спокойно и только отгоняла Розу, когда та пыталась подобраться к ее стороне стожка.

Солнце миновало зенит, и Корделия с Грегором, совсем согревшись, уселись на ступенях крыльца. Единственным звуком во всей огромной долине, если не считать легкого шума ветра в ветвях, был раскатистый храп Ботари, слышный даже через стены хижины. Подумав, что более удобного случая может и не представиться, Корделия наконец осмелилась расспросить Грегора о том, что он видел во время переворота в столице — единственное доступное ей свидетельство очевидца. Но узнать ей удалось немного, поскольку смысл событий, происходивших на глазах у пятилетнего ребенка, был ему не слишком понятен. Корделия печально призналась себе, что сама она хоть и взрослая, но испытывает почти те же затруднения.

— Пришли солдаты. Полковник сказал маме и мне, чтобы мы шли с ним. Вошел охранник. Полковник в него выстрелил.

— Из парализатора или из нейробластера?

— Из нейробластера. Голубой огонь. Он упал. Они отвели нас в Мраморный дворик. Там стояли флайеры. Тут вбежал капитан Негри, и еще люди. Какой-то солдат меня схватил, а мама тоже схватила, и тут я потерял сандалию. Она осталась у мамы в руке. Мне надо было бы... получше ее застегнуть утром. Тогда капитан Негри застрелил солдата, который меня нес, а другие солдаты начали стрелять в капитана Негри...

— Из плазмотронов? Это тогда капитана так обожгло? — спросила Корделия, стараясь, чтобы ее голос оставался очень спокойным.

Грегор молча кивнул.

— Какие-то солдаты увели маму — те, другие, не солдаты Негри. Капитан Негри схватил меня и побежал. Мы прошли по туннелям под дворцом и вышли в гараж. Там мы сели во флайер и взлетели. В нас стреляли. Капитан Негри все говорил мне, чтобы я заткнулся, чтобы молчал. Мы летели и летели, и он все кричал мне, чтобы я молчал — но я ведь молчал! А потом мы приземлились у озера. — Мальчик снова задрожал.

— Угу.

Корделия явственно представила себе Карин, ее невозмутимое лицо, которое наверняка исказилось нестерпимым гневом и ужасом, когда у нее вырвали сына, в таких муках рожденного ею для Барраяра. От ее ненадежной жизни и иллюзорной власти не осталось ничего, кроме детской сандалии... Значит, люди Фордариана захватили принцессу... Как заложницу? Или как жертву? Жива она или погибла?

— Как вы думаете, мама жива?

— Конечно, — заверила его Корделия, чувствуя себя до ужаса неуютно. — Она — очень знатная дама. Они не сделают ей ничего плохого.

«Пока им это не понадобится».

— Мама плакала...

— Конечно...

Корделия и сама готова была разреветься. Картина, которую она гнала от себя весь вчерашний день, снова встала у нее перед глазами: тяжелые сапоги вышибают дверь засекреченной лаборатории. Опрокидывают столы и подставки. Никаких лиц, только сапоги. Приклады смахивают со стеллажей приборы, те со звоном разлетаются на куски. Грубо вскрытый маточный репликатор — стерильные мембраны вспороты, содержимое разлилось по полу... Даже не нужно традиционно хватать младенца за ножки, чтобы разбить ему голову о стену: Майлз такой крошечный, что сапог, наступив на него, просто расплющит... Корделия судорожно втянула в себя воздух.

«Майлз цел и невредим. Его не узнали, как и нас. Мы крохотные, мы совсем незаметные — и нам ничего не угрожает. Молчи, малыш».

Она крепко обняла Грегора.

— Мой маленький сынок остался в столице, как и твоя мама. А ты со мной. Мы будем друг за другом присматривать. Не тревожься.

Кли так и не появился, и после ужина Корделия сказала Ботари:

— Покажите мне ту пещеру, сержант.

Над очагом нашлась коробка с люминофорами. Ботари вскрыл один из них и, освещая путь холодным зеленоватым огнем, повел Корделию и Грегора по едва заметной каменистой тропинке, взбиравшейся в гору. Из Ботари вышел отличный, хотя и страшноватый светлячок.

Площадку перед пещерой когда-то расчистили, но она уже начала зарастать. Вход никоим образом нельзя было счесть скрытым: зияющий проем в скале, вдвое выше Ботари и такой широкий, что в него без труда можно было бы завести флайер. Внутри свод резко поднимался вверх, а стены раздвигались, образуя пыльный зал. Здесь мог бы разместиться не один отряд — и, судя по кучам мусора, так оно когда-то и было. В скалах были вырублены ниши для постелей, стены покрывали имена, инициалы, даты и незатейливые солдатские шутки.

Остывшему кострищу в центре соответствовало почерневшее дымовое отверстие. Воображение Корделии сразу же нарисовало призрачную толпу горцев-партизан — они ели, шутили, жевали гам-листья, чистили оружие и строили планы следующих операций. Появлялись и исчезали разведчики, призрачные даже среди призраков, спеша доложить кровью добытые новости молодому генералу, расстилавшему свои карты вот на том плоском камне... Она стряхнула видение, взяла люминофор и пошла осматривать ниши. Из пещеры выходило по крайней мере пять туннелей, тремя из которых явно не раз пользовались.

— Сержант, майор Кли не сказал вам, куда они ведут, где выходят на поверхность?

— Нет, миледи. Только упомянул, что эти ходы тянутся в глубь горы на многие километры. Он опаздывал и очень торопился.

— Он не сказал, это вертикальная или горизонтальная система?

— Простите, миледи?

— Все туннели идут на одном уровне, или есть неожиданные перепады? Много ли тупиков? По которому из туннелей мы должны уходить? Есть ли подземные реки?

— По-моему, он хотел сам вести нас, если мы будем здесь скрываться. Начал было объяснять, но потом сказал, что это слишком сложно.

Корделия нахмурилась, взвешивая варианты. Подготовка к астроэкспедициям включала и курс спелеологии — достаточный, чтобы усвоить правило: «уважайте опасности». Колодцы, пропасти, трещины, боковые ответвления... А еще тут возможны неожиданные осадки, вызывающие подъем воды — явление, совершенно немыслимое на Колонии Бета. Прошлой ночью шел дождь. Приборы не очень-то помогают, когда надо отыскать человека, заблудившегося под землей. И чьи это будут приборы? Если лабиринт таков, как говорит Кли, преследователям придется повозиться. Корделия перестала хмуриться и медленно улыбнулась.

— Сержант, давайте проведем эту ночь здесь.

Грегору в пещере понравилось, особенно после того, как Корделия рассказала ему ее историю. Он носился по залу, выкрикивая «бах, бах, бах!», залезал во все ниши и пытался читать вслух непристойные надписи, нацарапанные на стенах. Ботари развел небольшой огонь, расстелил одеяла для Корделии и Грегора, а сам отправился караулить. Корделия достала еще одно одеяло, завернула в него сухие припасы и положила у входа, так, чтобы его легко было схватить в спешке. Черную форменную рубашку с надписью ФОРКОСИГАН она разложила в одной из ниш, словно ее подстелили, чтобы посидеть на холодном камне, а потом, уходя, забыли прихватить с

собой. Ботари привел охромевших лошадей и привязал их у входа.

Корделия вошла в самый широкий туннель и, пройдя с четверть километра, перебросила почти догоревший люминофор через десятиметровую скалу, по которой была протянута веревка. Веревка была старая и из натурального волокна, и Корделия решила не проверять ее на прочность.

— Я не вполне понимаю, миледи, — заметил Ботари. — Там стоят лошади, и если кто-то станет нас искать, то сразу найдет это место и будет точно знать, куда мы пошли.

— Лошадей найдут, — согласилась Корделия. — А нас — нет. Потому что без Кли я ни в коем случае не поведу Грегора в этот лабиринт. Однако нам нужно создать впечатление, что мы здесь были, а сделать это легче всего, действительно проведя тут какое-то время.

Ботари понимающе кивнул и обвел взглядом пять черных туннелей, на разных уровнях отходивших от главного зала.

— А главное — нам необходимо поскорее найти настоящее убежище, — продолжала Корделия. — Где-нибудь в лесу, откуда мы сможем выйти на дорогу, по которой нас вчера привел Кли. Жаль, что мы не сделали этого днем.

— Верно, миледи. Я пойду на разведку.

— Отлично, сержант.

Взяв тюк с вещами, Ботари исчез в темном лесу. Корделия уложила Грегора спать, а сама устроилась снаружи среди скал, чтобы следить за окрестностями. Отсюда хорошо просматривалась долина, серой тенью простиравшаяся за верхушками деревьев, и крыша хижины Кли. Сейчас дым из трубы не поднимался. Костер в пещере, укрытый за толщей камня, не засечь никаким термодатчиком, но запах дыма разошелся в прохладном воздухе, так что случись поблизости какие-нибудь любопытные носы, его могли бы учуять. Она высматривала в небе движущиеся огни, пока звезды не начали расплываться перед глазами.

Сержант вернулся очень нескоро.

— Я нашел место. Перейдем туда сейчас?

— Пока нет. Может, Кли еще появится.

«Первым».

— Тогда ваша очередь поспать, миледи.

— О да.

Оставив Ботари на известняковой скале (в лунном свете он еще сильнее напоминал химеру), она заползла под одеяло и вскоре уснула, стараясь согреть своим теплом маленького императора.

Корделия проснулась. В сероватом рассвете вход в пещеру казался белесым туманным пятном. Ботари вскипятил воду, и они по-братски разделили холодные комковатые лепешки, оставшиеся от вчерашнего ужина, а потом погрызли сухих фруктов.

— Я еще немного посторожу, — предложил Ботари. — Я все равно плохо сплю без лекарств.

— Лекарств?

— Угу, мои таблетки остались в Форкосиган-Сюрло. Действие последней уже почти прошло, и теперь все вокруг кажется мне более резким.

Корделия запила глотком горячего чая вдруг показавшийся огромным кусок. Но, может быть, Ботари накачивали психотропными средствами только из политических соображений?

— Если почувствуете себя худо, сразу же скажите мне, сержант, — осторожно попросила она.

— Пока все в порядке: спать стало труднее. Лекарства подавляли сны.

Он взял кружку с чаем и вернулся на пост.

Корделия намеренно не стала убирать остатки завтрака. Она проводила Грегора к ближайшему ручейку, чтобы он привел себя в порядок. Одно хорошо — пахло от него теперь, как от горцев. Вернувшись в пещеру, она легла отдохнуть. Вскоре надо будет сменить сержанта...

Негромкий голос Ботари эхом разнесся по пещере.

— Миледи, ваше величество. Пора уходить.

— Кли?

— Нет.

Корделия вскочила на ноги, засыпала заранее приготовленной землей угли, схватила Грегора и потащила его к выходу. Мальчик испугался и побледнел. Ботари разнуздал лошадей и побросал уздечки на кучу вещей рядом с седлами. Корделия позволила себе бросить быстрый взгляд поверх крон деревьев: перед хижиной почтальона приземлился флайер с солдатами. Двое встали по обе стороны двери. Третий исчез под навесом крыльца. Донесся стук распахиваемой сапогом двери, приглушенный расстоянием. Только солдаты — ни проводников, ни пленных не видно. И Кли тоже нет.

Ботари посадил Грегора на закорки. Лошадь увязалась было за ними, но Корделия повернулась и, отчаянно замахав руками, прошипела:

— Кыш! Пошла прочь, тупая зверюга!

Лошадь остановилась, подумала, а потом повернулась и побрела к своему охромевшему собрату.

Бегство было поспешным, но без паники. Ботари заранее наметил маршрут, позволявший все время оставаться под прикрытием скал или деревьев. Они карабкались вверх, вниз, снова вверх... Корделии уже начало казаться, что ее легкие вот-вот разорвутся, но тут Ботари внезапно исчез в отвесной скале.

— Сюда, миледи!

Ночью он отыскал эту узкую вертикальную щель в полметра шириной и три метра глубиной. Проскользнув туда следом за ним, Корделия обнаружила, что со всех сторон, не считая входа, их окружает сплошной камень. Да и вход был полускрыт упавшей сверху глыбой. В убежище их дожидались одеяла и припасы.

— Неудивительно, — пропыхтела Корделия, — что цетагандийцам в этой местности приходилось туго.

Чтобы обнаружить беглецов, термосенсор следовало направить прямо в отверстие, причем с точки, находящейся метрах в двадцати над землей. А вокруг полно точно таких же щелей.

— И что еще лучше, — Ботари вытащил старинный бинокль, позаимствованный в хижине почтальона, — мы можем их видеть.

Бинокль состоял из скользящих трубок с линзами. Видимо, он был изготовлен еще во времена Изоляции. Увеличение оказалось ужасно слабым, ни ультрафиолетового, ни инфракрасного диапазона не было, не говоря уже про импульсный видоискатель... Но зато не было и элемента питания, который могли бы засечь вражеские сканеры. Лежа на животе, Корделия рассматривала далекий вход в пещеру, зиявший на крутом склоне за ущельем.

— Теперь нам надо вести себя очень тихо, — предупредила она, и Грегор затаился как мышка.

Люди в черном, вооружившись сканером, наконец-то нашли лошадей — хотя им для этого понадобилась чуть ли не вечность. Затем они обнаружили и вход в пещеру. Крошечные фигурки взволнованно замахали руками, забегали и кончили тем, что вызвали флайер, который опустился перед входом, с треском ломая кусты. В пещеру вошли четверо. Позже один вышел. Через некоторое время прилетел еще один флайер, а за ним — воздушный грузовик, высадивший целый отряд. Пещера проглотила всех. Прилетел еще один грузовик, солдаты установили освещение, переносной генератор, комм-связь.

Корделия устроила Грегору гнездышко из одеял и время от времени давала ему что-нибудь съесть или попить. Ботари растянулся у дальней стены, подложив под голову самое тонкое одеяло: казалось, лежа на камне, он не испытывает никаких неудобств. Сержант дремал, а Корделия следила за перемещениями поисковых групп. К полудню, по ее расчетам, в глубь горы ушло человек сорок. Не вернулся пока ни один.

Правда, двоих вынесли на носилках, погрузили во флайер и увезли. Еще один аппарат не вписался в посадочную площадку, скатился по склону и остановился, врезавшись в дерево. К сумеркам к операции подключились уже человек шестьдесят. Целая рота мятежников не преследует других беглецов, не участвует в боях, не гро-

мит архивы службы безопасности... Хотя, конечно, этого ничтожно мало, чтобы серьезно повлиять на события.

Но ведь это только начало.

В неверном сумеречном свете Корделия, Ботари и Грегор выскользнули из своего укрытия и бесшумно пошли по лесу. Уже почти стемнело, когда они вышли к краю деревьев и увидели дорогу, по которой уехал почтальон. Взобравшись на гребень холма, Корделия оглянулась. Площадка перед пещерой была залита светом прожекторов, и там по-прежнему кипела работа. То и дело с воем подлетали флайеры.

Они перевалили за кряж и заскользили вниз по склону, который чуть не прикончил ее по пути сюда, когда она висела на стремени у Розы. Отшагав почти пять километров вдоль дороги, Ботари вдруг резко остановился на заросшей кустарником каменистой поляне:

— Ш-ш! Миледи, слышите?

Голоса. Мужские голоса, странно глухие. Корделия всмотрелась в темноту, но ничего не увидела — ни огней, ни силуэтов, вообще никакого движения. Они притаились у дороги и замерли.

Через несколько минут Ботари отполз в сторону и прислушался, наклонив голову к земле. Выждав, Корделия и Грегор осторожно поползли следом. Ботари присел на корточки возле скалы и жестом подозвал их поближе.

— Здесь проходит тоннель, — шепотом объяснил он. — Слушайте.

Теперь голоса слышались яснее — отрывистые, раздраженные реплики, прерываемые проклятиями на двух или трех языках.

— Дьявольщина, я же знаю, что мы повернули налево у третьей развилки.

— То была не третья, а четвертая.

— Мы опять пересекли речку.

— Это была не та сучья речка, morons!

— Merde. Perdu!

— Лейтенант, вы идиот!

— Вы забываетесь, капрал!

— Люминофора на час не хватит. Видите — уже бледнеет.

— Так не тряси его, идиот, когда он горит ярче, он быстрее сгорает!

— Дай-ка мне...

В темноте блеснули зубы Ботари. Первая настоящая улыбка, которую Корделия увидела на его лице за последние месяцы. Он молча отдал ей честь. Беглецы бесшумно отошли в холодную дендарийскую ночь.

Вернувшись на дорогу, сержант глубоко вздохнул.

— Эх, будь у меня граната, чтобы швырнуть в эту щель! Поисковые группы обстреливали бы друг друга до следующей недели.

ГЛАВА 13

После четырехчасового пути по ночной дороге из темноты вдруг вынырнула знакомая черно-белая лошадка. Не узнать мешковатую фигуру и помятую шляпу почтальона было невозможно.

— Ботари! — выдохнул Кли. — Живы! Благодарение Богу!

В голосе Ботари совсем не было энтузиазма:

— Что с вами стряслось, майор?

— На одном хуторе я чуть было не угодил прямо в лапы к людям Фордариана. Они обходят все дома, один за другим. И накачивают всех встречных суперпентоталом. Видать, завозят его целыми бочками.

— Мы ждали вас прошлой ночью, — сказала Корделия, стараясь, чтобы ее голос звучал не слишком возмущенно.

Кли устало кивнул ей.

— Я бы приехал, если бы не этот чертов отряд. Я не мог допустить, чтобы они меня допросили. И потратил сутки, чтобы оторваться от них. Послал за вами мужа моей племянницы, но когда он сегодня утром добрался до моего

жилья, там уже было полно мятежников. Я уж думал, все потеряно. Но когда узнал, что они и к ночи оттуда не ушли, то немного ободрился. Ведь не стали бы они продолжать поиски, если б захватили вас. И я решил, что надо все-таки мне самому рискнуть, авось удастся что-нибудь выведать. Но встретить вас я даже не надеялся!

Кли повернул лошадь, направив ее вниз по дороге.

— Ну-ка, сержант, давайте мне мальчика.

— Мальчика я сам понесу. А вам лучше подвезти миледи. Она совсем выдохлась.

Это было истинной правдой — Корделия настолько измучилась, что охотно подошла к пегой лошадке и с помощью мужчин взгромоздилась на ее теплый круп. Они тронулись, и Корделия судорожно уцепилась за куртку почтальона.

— Расскажите, как все было, — в свою очередь попросил Кли.

Корделия предоставила сержанту вкратце (шагая с Грегором на закорках, он мог говорить только очень коротко) поведать об их приключениях. Когда он дошел до подслушанной ими перепалки, Кли расхохотался, но тут же оборвал смех и прижал палец к губам.

— Они оттуда еще несколько недель не выберутся! Молодец, сержант!

— Это леди Форкосиган придумала.

— Ишь ты! — восхитился старик.

— И Эйрел, и его отец считали, что в сложившейся ситуации отвлекающие маневры будут особенно эффективны, — объяснила Корделия. — Насколько я поняла, силы у Фордариана ограничены.

— Вы правильно мыслите, миледи. Как солдат, — одобрительно заметил отставной майор.

Корделия в отчаянии наморщила лоб. Что за кошмарный комплимент! Меньше всего ей хотелось думать, как солдат, играть в их бредовые военные игры. Но это барраярское сумасшествие ужасно заразительно, особенно сейчас, когда война окружила их со всех сторон.

«Сколько еще мне удастся сохранить рассудок?»

Свернув на новую дорогу, Кли не останавливался еще два часа. В глубокой предрассветной тьме они вышли к какому-то приземистому строению. Жилье было такого же типа, что и хижина Кли, но побольше: бревенчатый сруб на несколько комнат, а к нему примыкают новые пристройки. В окне мерцал крошечный огонек — самодельная сальная свечка.

В дверях их встретила старуха в куртке, накинутой поверх ночной рубашки; ее седые волосы были заплетены в косу. Жестом она пригласила их войти. Старик — но помоложе Кли — отвел лошадь в сарай. Почтальон явно собрался уйти вместе с ним.

— Здесь не опасно? — ошеломленно спросила Корделия. «И где, собственно, мы находимся?»

Кли пожал плечами:

— Позавчера здесь уже был обыск. Прежде, чем я послал своего племянника. Ничего подозрительного не обнаружили.

Старуха недовольно хмыкнула, но в разговор не вступила.

— Они тут проверили еще не все хутора, — пояснил Кли, — так что по второму кругу пойдут не скоро. Я слышал, что еще не закончили обшаривать дно озера: доставили по воздуху массу приборов. Здесь не опаснее, чем в любом другом месте.

И он ушел присмотреть за лошадью.

Ботари уже снимал сапоги. Наверное, у него ноги в ужасном состоянии. Ее собственные ноги были стерты до крови, от тапочек почти ничего не осталось. А тряпичная обувка Грегора просто рассыпалась. Корделия еще никогда не чувствовала себя настолько усталой, хоть ей приходилось совершать переходы и подлиннее. Казалось, оборванная беременность высосала из нее самую жизнь, передав другому. Она позволила отвести себя в дом, накормить хлебом с сыром и молоком и уложить спать в небольшой комнатке — ее на одну кровать, а Грегора на другую. Вопреки очевидности, она заставила себя поверить в безопасность нового убежища — так же, как бар-

раярские дети верят, что в новогоднюю ночь к ним обязательно придет Дед Мороз.

На следующий день из леса появился оборванный парнишка на гнедой лошаденке — он ехал без седла, обходясь одной лишь веревочной уздечкой. Кли велел Корделии, Ботари и Грегору спрятаться. Он наградил паренька несколькими монетками, а Соня, престарелая племянница Кли, дала ему с собой сладких лепешек. Грегор с тоской подглядывал в окошко на уходящего мальчика.

— Дома мне сейчас показываться опасно, — объяснил почтальон Корделии. — Там, в районе пещер, уже три Фордарианова роты. — Какая-то мысль заставила его сипло захохотать. — А мальчик знает только, что старый почтовик заболел и ему нужна запасная лошадка.

— Но не стали же они допрашивать ребенка с суперпентоталом?!

— Почему не стали? Стали...

— Какие мерзавцы!

Видя ее возмущение, старик сочувственно скривил свои почерневшие от гамм-листьев губы:

— Если Фордариану не удастся захватить Грегора, его затея наверняка обречена. И он это знает. Потому и готов действовать любыми методами. — Он помолчал. — Вы бы радовались, что суперпентотал пришел на смену пыткам.

Муж племянницы помог Кли оседлать гнедую и пристегнуть мешки с почтой. Почтальон поправил шляпу и сел в седло.

— Если я не буду придерживаться расписания, генерал не сможет со мной связаться, — объяснил он. — Надо ехать, а то опоздаю. Но я вернусь. Вы с мальчиком старайтесь пореже выходить из дома, миледи.

Он тряхнул поводьями, и лошадь затрусила к облетевшим деревьям, быстро сливаясь с красно-коричневой местной растительностью.

Корделии было совсем не в тягость следовать полученному совету. Большую часть времени она проводила в постели. К ней вернулась та пугающая усталость, которую она испытывала после операции. Развлечься разговорами не удавалось — горцы были столь же немногословны, как Ботари. Боятся суперпентотала, решила Корделия. Чем меньше ты знаешь, тем меньше сможешь выболтать. Правда, старуха поглядывала на своих гостей с любопытством, но никаких вопросов, кроме «есть хотите?», не задавала.

Мытье, о котором так мечтала Корделия, оказалось тут нелегкой задачей, так что, один раз приняв ванну, она больше не осмеливалась просить об этой услуге. Старики целый день носили и грели воду для нее и Грегора. Приготовление пищи требовало почти таких же трудов. Здесь и речи не было о «потяните за язычок, чтобы согреть содержимое». О технология, лучший друг женщины! (Конечно, за исключением тех случаев, когда она — технология — является в виде наставленного на тебя нейробластера.)

Но мучительнее всего была неизвестность. Что происходит на планете? Как отреагировали космические базы, покоренная Комарра? Не воспользуются ли комаррцы суматохой, чтобы устроить очередное восстание — или Фордариан застал врасплох и их тоже? «Эйрел, что ты сейчас делаешь?»

Соня хоть и не задавала вопросов, но время от времени приносила откуда-то местные сплетни. Мятежники, расположившиеся в поместье графа Петера, заканчивают поиски на дне озера. Хассадар взят, но оттуда все же выбираются беженцы, вывозили чьих-то детей, которых отправляли погостить у живущих поблизости родственников. Почти всем родственникам служащих Форкосигана удалось скрыться, кроме жены Вогти и его старенькой мамы. Их увезли куда-то на машине, а куда — никто не знал.

— И что самое странное, — добавила Соня, — они взяли Карлу Хисопи. Невозможно понять, почему. Вдова

отставного армейского сержанта — зачем она им понадобилась?

У Корделии перехватило дыхание:

— А ребенка они тоже взяли?

— Ребенка? Донниа ничего не сказала о ребенке. Это, должно быть, ее внук?

Ботари, сидя у окна, точил нож. Его рука застыла. Он поднял взгляд и встретил взгляд Корделии. Лицо сержанта оставалось все таким же безучастным, он только крепко стиснул зубы, и все же сердце Корделии сжалось. Ботари недоумевающе посмотрел на свои руки, словно вдруг забыл, чем был занят, и принялся еще более решительно водить лезвием, зашипевшим на точиле, как вода на углях.

— Может... Кли принесет новости, когда вернется, — дрожащим голосом выговорила Корделия.

— Может, принесет, — с сомнением отозвалась Соня.

В назначенный срок, вечером седьмого дня, на вырубке показался старый почтальон на гнедой лошадке. За ним ехал Эстергази. Он тоже был одет по-горски и сидел на костлявой неказистой лошаденке, а не на одном из откормленных и ухоженных графских коней. Поставив лошадей в сарай, оба пошли ужинать.

Поев, они придвинули стулья к сложенному из камней очагу и начали рассказывать. Грегор тоже слушал беседу взрослых, примостившись у ног Корделии.

— Поскольку Фордариан значительно расширил район поисков, — начал Эстергази, — граф Петер с лордом Форкосиганом решили, что императору пока лучше всего оставаться в горах. Чем больше распылены силы противника, тем меньше у них шансов обнаружить Грегора.

— Люди Фордариана по-прежнему блуждают по пещерам, — вставил Кли. — Туда перебросили еще человек двести. Но как только они соберут всех потерявшихся, то уйдут оттуда — я слышал, что миледи они уже там найти не надеются. Завтра, ваше величество, — теперь старик

обращался прямо к Грегору, — охранник Эстергази отвезет вас в новое место, очень похожее на это. Там у вас понарошку будет новое имя. А охранник Эстергази будет понарошку вашим па. Как вы думаете, у вас получится такая игра?

Грегор покрепче ухватился за юбку Корделии:

— А леди Форкосиган будет понарошку моей ма?

— Мы отвезем леди Форкосиган к лорду Форкосигану на базу Тейнери. — Увидев, что мальчик забеспокоился, Кли добавил: — Там, куда вы едете, есть пони. И козы. Леди, которая там живет, поучит вас доить коз.

Грегор все еще смотрел неуверенно, но спорить не стал, хотя на следующее утро, когда его посадили в седло позади слуги, вид у императора был разнесчастный.

— Берегите его, Эстергази, — попросила Корделия.

— Он — мой император, миледи. Я приносил ему присягу.

— Но он ведь маленький мальчик, не забывайте об этом. А титулы — это... просто мираж, который у вас всех засел в голове. Давайте так: вы будете охранять императора ради графа Петера — но заботьтесь о ребенке по имени Грегор ради меня, ладно?

Эстергази встретил ее взгляд, и голос его смягчился:

— Моему младшему четыре, миледи.

Значит, он понимает. Корделия вздохнула.

— У вас... не было известий из столицы? О вашей семье?

— Пока нет, — безрадостно ответил Эстергази.

— Я буду начеку. Сделаю, что смогу.

— Спасибо.

Он кивнул ей — не как подданный своей госпоже, а как родитель родителю. Слов больше не требовалось.

Ботари вернулся в дом собрать немногочисленные пожитки. Корделия подошла к самому стремени Кли:

— Майор, Соня слышала, будто люди Фордариана арестовали мистрис Хисопи. Ботари платил ей, чтобы она присматривала за его маленькой дочерью. Вы не знаете — девочку они взяли?

Кли понизил голос:

— Все было наоборот. Они пришли за малышкой, а Карла Хисопи подняла шум. Тогда они взяли и ее, хотя ее самой в списке не было.

— Вы не знаете, куда их отвезли?

Он покачал головой.

— Куда-то в Форбарр-Султан. Возможно, разведка вашего мужа уже установила, куда именно.

— Вы еще не сказали сержанту насчет девочки?

— Его товарищ-охранник сказал ему вчера вечером.

— А!

Грегор оглядывался на нее до тех пор, пока стволы деревьев не скрыли их из вида.

Три дня муж Сони вел их по горам: Ботари шел пешком, ведя в поводу костлявую горскую лошадку, на которой ехала Корделия, подложив вместо седла сложенную овчину. На третий день они вышли к домику, где их ждал худой парнишка. Он провел беглецов в сарай — а там, о чудо, стоял старенький обшарпанный флайер! На заднее сиденье загрузили Корделию и шесть бидонов с кленовым сиропом. Ботари молча пожал руку проводнику, тот сел на лошадь и исчез в лесу.

Поколдовав над двигателем, парнишка уговорил флайер подняться в воздух. Чуть не касаясь вершин деревьев, они летели над лощинами и кряжами к покрытому снегом горному хребту, а потом спустились вдоль него вниз, покинув пределы провинции Форкосиганов. В сумерках они оказались у небольшого городка, где проходила ярмарка. Парнишка посадил флайер прямо на улице, и Корделия с Ботари помогли перенести его хлюпающий товар в небольшую бакалейную лавку. Там он обменял сироп на кофе, муку, мыло и аккумуляторы.

Вернувшись к флайеру, они обнаружили, что позади него остановился потрепанный фургончик. Парнишка обменялся кивками с водителем, тот вернулся в кабину и открыл перед Ботари и Корделией дверцу кузова. Внутри громоздились мешки с капустой. Подушки из них получа-

лись плохие, и как ни старался Ботари устроить Корделию поудобнее, когда грузовик покатил по невероятно разбитым дорогам, толку от этого было мало, — оставив бесплодные усилия, сержант сел, облокотившись о стенку кузова, и принялся водить лезвием своего ножа по самодельному ремню, который он смастерил, выпросив у Сони немного кожи. Через четыре часа наблюдения за ним Корделия готова была завязать разговор с кочанами.

Но вот фургон резко затормозил и остановился. Дверь скользнула в сторону, и они вышли наружу — Ботари впереди, Корделия следом, — оказавшись посреди неизвестности: на покрытой гравием дороге, вдоль которой шла канава, в темноте, в сельском местности, в незнакомом районе, неизвестно на чьей стороне находящемся.

— Вас подберут у отметки 96-й километр, — сообщил водитель, указывая на что-то белое, показавшееся им выкрашенной скалой.

— Когда? — с отчаянием спросила Корделия.

«И если уж на то пошло, то кто?»

— Не знаю.

Водитель забрался в грузовик и газанул, брызнув гравием из-под колес. Можно было подумать, что за ним уже гонятся.

Корделия уселась на камень, гадая, представители какой из противоборствующих сторон первыми появятся из темноты и каким образом их можно будет отличить друг от друга. Шло время, и она начала склоняться к еще более унылому варианту: их вообще никто не заберет.

Но тут с ночного неба спикировал затемненный флайер; двигатели его работали бесшумно, и это производило зловещее впечатление. Он опустился на дорогу почти рядом с ними. Заскрипел гравий. Ботари пригнулся, сжав в руке нож. Но человек, неловко вылезший с пассажирского сиденья, оказался лейтенантом Куделкой.

— Миледи? — неуверенно окликнул он. — Сержант?

Корделия счастливо охнула, узнав в светловолосом пилоте Друшикко. «Мой дом — это не здание, это люди, сэр...»

Поддерживаемая с двух сторон под локти, Корделия блаженно рухнула на мягкое заднее сиденье. Друшикко подозрительно покосилась на Ботари, сморщила носик и спросила:

— У вас все в порядке, миледи?

— Лучше, чем я ожидала, честное слово. Летим, летим.

Плавно закрылся колпак кабины, и флайер взлетел. Заработала вентиляция, прогоняя отфильтрованный воздух. На пульте управления мигали разноцветные огоньки, бросая отсветы на лица Друшикко и Куделки. Корделия глянула через плечо Друшикко на показания приборов, потом посмотрела наружу. Да, их действительно окружили темные тени — военные флайеры сопровождения. Ботари тоже их заметил и одобрительно кивнул. Напряженность стала спадать.

— Приятно видеть вас обоих... — некоторая напряженность их поз удержала Корделию от того, чтобы добавить «вместе». — Насколько я понимаю, подозрение в сознательной порче комм-устройства с тебя снято?

— В тот же день, как только у нас появилась возможность остановиться и допросить с суперпентоталом того капрала-охранника, миледи, — ответила Друшикко. — Ему не хватило решимости покончить с собой до допроса.

— Он оказался предателем?

— Да, — ответил Куделка. — Намеревался присоединиться к людям Фордариана, когда они приедут за нами. Его завербовали несколько месяцев назад.

— Это объясняет проколы системы безопасности. Или не объясняет?

— Смотря какие. Например, он сообщил, какой маршрут мы выберем в тот день, когда в нас швырнули акустическую гранату.

— Так за этим стоял Фордариан!

— Это доказано. Но, похоже, про солтоксин охранник ничего не знал. Мы все из него вытрясли. Сам-то он не был заговорщиком, просто подручный.

«Неприятная ассоциация, но...»

— Иллиан еще не появился?

— Пока нет. Адмирал Форкосиган надеется, что командор скрывается в столице, если только его не убили в первый день.

— Гм... Вам, наверное, будет приятно узнать, что Грегор в безопасности...

Куделка поднял руку, прерывая ее:

— Извините, миледи. Приказ адмирала: вы с сержантом не докладываете об императоре никому, кроме графа Петера или его самого.

— Хорошо. Чертов суперпентотал. Как Эйрел?

— Он здоров, миледи. Приказал ввести вас в курс текущих событий...

«Шли бы эти текущии события... Как мой малыш?» Увы, все так тесно переплелось.

— ...и ответить на все ваши вопросы.

«Прекрасно».

— Как наш малыш? Пе... Майлз?

— Ничего плохого пока не слышно, миледи.

— Что это значит?

— Это значит, что мы ничего не знаем, — мрачно вставила Друшикко.

Куделка кинул на нее укоризненный взгляд, в ответ на который она только пожала плечами.

— Отсутствие новостей — хорошие новости, — продолжал лейтенант. — Хотя, конечно, столица в руках Фордариана...

— И, следовательно, госпиталь тоже. Да... — сказала Корделия.

— Но он периодически объявляет имена заложников, и в этих списках не было упоминания о... о вашем ребенке. Адмирал считает, что Фордариан просто ничего не знает о том репликаторе, да и вообще не догадывается, что ваш малыш выжил.

— Пока не знает, — резко добавила Корделия.

— Пока, — неохотно признал Куделка.

— Ладно. Продолжай.

— В целом ситуация не настолько плоха, как мы боялись. Фордариан удерживает Форбарр-Султан, собствен-

ную провинцию и провинцию Форкосиганов, но только пятеро графов объявили себя его сторонниками. Примерно тридцать графов оказались в столице, и мы, конечно, не можем судить об их истинной позиции, пока Фордариан держит их на мушке. Остальные подтвердили присягу, данную милорду регенту. Двое еще колеблются: у одного родственники в столице, а другой, по-видимому, чертовски боится, что его владения станут полем битвы.

— А силы космического базирования?

— Я как раз собирался перейти к ним. Примерно половина их снабжения идет через космопорты провинции Фордариана. Они все еще тянут, надеются, что ситуация прояснится и без их вмешательства. Но они отказались открыто поддержать Фордариана. Наступило равновесие, и тот, кому удастся его нарушить первым, создаст лавину. Адмирал Форкосиган выглядит вполне уверенным в победе. — По тону лейтенанта Корделия не смогла понять, разделяет ли он уверенность Эйрела. — Но он ведь должен поддерживать боевой дух... Он говорит, что Фордариан уже проиграл в тот час, когда Негри удалось вывезти из столицы Грегора. И теперь, мол, надо просто выждать, чтобы свести потери к минимуму. Но у Фордариана — принцесса Карин.

— Как раз одна из тех потерь, которых Эйрелу хотелось бы избежать. С ней все в порядке? Обращаются с ней хорошо?

— Насколько нам известно, да. Кажется, она находится под домашним арестом в императорском дворце. И туда же отвезли нескольких самых важных заложников.

— Ясно. — Корделия попыталась незаметно разглядеть в полутемной кабине выражение лица Ботари, но, похоже, оно не изменилось. Она ждала, когда он спросит об Элен, но сержант упорно молчал.

Помирились ли Ку и Дру? Разговаривают они довольно-таки сдержанно и только на служебные темы. Чувствовалось, что раны еще не зажили, даже если и были принесены какие-то извинения. Тайное обожание и готовность верить исчезли из голубых глаз, которые время

от времени отрывались от пульта управления и обращались на лейтенанта, сидевшего в соседнем кресле.

Впереди на земле показалась беспорядочная россыпь огней — небольшой городок, — а за ним сверкающий геометрический узор военного космопорта. Заходя на посадку, Дру несколько раз обменивалась паролями с многочисленными постами.

Сразу же после приземления их окружили охранники и быстро отвели к лифтовой шахте. Спустившись вниз, они прошли по наклонному коридору и, миновав еще одну шахту, оказались за взрывозащитными дверьми. База Тейнери включала в себя подземный командный пункт. Добро пожаловать в бункер! Корделия затрепетала, почуяв что-то до боли родное и знакомое, от чего растерянность и тоска на время отступили. В Колонии Бета внутреннее убранство было совсем другое, не то что эти голые коридоры, но все же можно было представить себе, что она спускается на какой-то служебный уровень подземного бетанского города, надежный и прохладный...

«Я хочу домой».

В коридоре беседовали трое офицеров в зеленой военной форме. Одним из них был Эйрел. Он увидел ее.

— Спасибо, вы свободны, джентльмены, — заявил он посередине чьей-то фразы и тут же, опомнившись, добавил. — Мы продолжим разговор чуть позже.

Но его собеседники задержались, чтобы поглазеть на встречу.

Форкосиган выглядел больше чем просто усталым. Сердце Корделии ныло от желания взглянуть на него, и все же...

«Я приехала к тебе, а попала вот сюда. Не на Барраяр моих надежд, а на Барраяр моих кошмаров».

С долгим вздохом он крепко обнял ее.

«Это хорошо. Пускай весь этот мир убирается прочь».

Но когда Корделия подняла голову, она увидела, что мир никуда не делся, а по-прежнему дожидается ее мужа в лице семерых зрителей — и у каждого срочное дело.

Эйрел чуть отстранил ее и тревожно осмотрел с ног до головы.

— Ты ужасно выглядишь, милый капитан.

По крайней мере у него хватило вежливости не сказать: «Ты ужасно пахнешь».

— Ванна все поправит.

— Я не об этом. Прежде всего ты отправишься в лазарет.

Обернувшись, он увидел сержанта Ботари.

— Сэр, я должен явиться к милорду графу, — сказал Ботари.

— Отца здесь нет. Он отправился с дипломатической миссией к кое-кому из своих старых приятелей. А ну-ка, Ку, займись Ботари. Устрой ему жилье, талоны на еду, пропуска и одежду. Я выслушаю ваш доклад, сержант, как только позабочусь о Корделии.

— Да, сэр.

И Куделка увел сержанта.

— Ботари превзошел сам себя, — призналась Корделия. — Нет... я не так выразилась. Ботари был самим собой, и мне не следовало удивляться. Без него мы бы пропали.

Эйрел кивнул, чуть улыбаясь.

— Я так и думал, что он сумеет о тебе позаботиться.

— Да еще как.

Друшикко, тут же занявшая свое обычное место у локтя Корделии, с сомнением покачала головой.

— Что-нибудь слышно об Иллиане? — спросила Корделия.

— До сих пор ничего. Ку ввел тебя в курс дела?

— Приблизительно. Думаю, с меня пока хватит. Наверное, о Форпатрилах тоже ничего не известно?

Он с сожалением покачал головой.

— Но их нет и в списках заложников. Скорей всего, они прячутся в городе. У Фордариана утечка информации, как из дырявого ведра — если бы кого-нибудь важного арестовали, мы бы моментально об этом услышали. Вот только гадаю, не текут ли точно так же и наши секреты. С этими чертовыми гражданскими заварухами всегда так: у каждого найдется брат...

Из дальнего конца коридора донесся громкий оклик:

— Сэр! Сэр!

Только Корделия почувствовала, как вздрогнул Эйрел: рука, поддерживавшая ее под локоть, резко дернулась.

Дежурный подвел к ним высокого офицера в черной полевой форме.

— Вот вы где, сэр. Полковник Герул прибыл из Мариграда.

— А, хорошо. Мне надо сейчас же с ним переговорить... — Форкосиган поспешно осмотрелся, на глаза ему попала Друшикко. — Дру, пожалуйста, проводи Корделию в лазарет. Покажи ее врачу, найди ей... найди ей все.

Этот полковник явно не был штабной канцелярской крысой. Его полевая форма была измята и покрыта грязью, а исходивший от нее запах гари чувствовался даже на расстоянии. Лицо полковника избороздили усталые морщины. Но вид у него был мрачный и решительный, а не побитый.

— Бои в Мариграде идут за каждый дом, адмирал, — доложил он без предисловий.

Форкосиган поморщился.

— Это мы пока оставим. Пройдемте со мной в штаб... Что у вас с рукой, полковник?

На черном рукаве офицера белела широкая повязка с нашитой на ней коричневой полосой.

— Опознавательный знак, сэр. Мы не видели, в кого стреляем в ближнем бою. Люди Фордариана надели красные с желтым — наверное, самое близкое сочетание к коричневому и золотому. А это должно обозначать коричневое с серебром — цвета Форкосиганов.

— Этого я и боялся. — В голосе адмирала звучали жесткие нотки. — Снимите это. Сожгите. И передайте мой приказ войскам. У вас есть мундиры, полковник, их вы получили от императора. За него вы и сражаетесь. Пусть свою форму меняют предатели.

Полковник сперва удивился, но мгновение спустя до него дошло. Он поспешно сорвал повязку и спрятал ее в карман.

— Слушаюсь, сэр.

Эйрел с видимым усилием заставил себя отпустить руку Корделии.

— Увидимся дома, милая. Попозже.

Если так и дальше пойдет, то это попозже наступит через несколько дней. Корделия беспомощно покачала головой, проводила взглядом удаляющегося мужа и пошла вслед за Друшикко по лабиринтам базы Тейнери. Нет худа без добра — оставшись наедине со своей верной телохранительницей, она сочла себя вправе отменить распоряжение Форкосигана и прежде всего отправилась в душевую. После ванны ее ждал приятный сюрприз: в шкафу висело с полдюжины новых нарядов, носивших на себе печать вкуса Друшикко.

История болезни Корделии осталась на вражеской территории, в Форбарр-Султане. Врач покачал головой и вызвал на мониторе чистый бланк.

— Простите, леди Форкосиган, вам придется рассказать все с самого начала. Пожалуйста, не сердитесь. Если я правильно понял, у вас были какие-то неприятности по женской части?

«Нет, большинство моих неприятностей были связаны с мужчинами». Корделия прикусила язык.

— Я перенесла пересадку плаценты... так, посмотрим... три плюс... — ей пришлось считать по пальцам, — пять недель тому назад.

— Извините, что вы перенесли?

— Роды с помощью хирургической операции. Потом было осложнение.

— Ясно. Пять недель после родов. — Он сделал какую-то пометку. — На что жалуетесь сейчас?

«Мне не нравится Барраяр, я хочу домой, мой свекор хочет убить моего ребенка, половина моих друзей прячутся, спасая свою жизнь, я не могу и пяти минут побыть с мужем, которого все вы рвете на части, у меня болят ноги, голова, душа...»

Все это ни к чему. Доктору ведь требуется что-то конкретное, что-то такое, что можно вписать в соответствующую графу...

— На усталость, — выговорила наконец Корделия.

— А! — Врач оживился и внес ее ответ в историю болезни. — Послеродовая усталость. Это нормально. — Он бодро посмотрел на нее: — Леди Форкосиган, вы не думали о том, чтобы начать понемногу делать зарядку?

ГЛАВА 14

— Кто же поддерживает Фордариана? — негодующе спросила Корделия у Эйрела. — Я уже месяц бегаю от его людей, а видела их только в зеркале заднего обзора. Врага надо знать в лицо... ну и так далее. Где он без конца вербует новых головорезов?

— Ну, совсем не без конца. — Эйрел чуть улыбнулся и зачерпнул еще ложку рагу. Они были — о чудо! — вдвоем, в тесной подземной офицерской квартирке. Ординарец принес ужин. Когда он расставил тарелки, адмирал, к великому облегчению Корделии, выпроводил услужливого подчиненного, сказав:

— Спасибо, капрал, больше ничего не нужно.

Проглотив кусок, он продолжил:

— Кто они? В основном — солдаты, те, чей офицер перешел на сторону Фордариана и кому не хватило смелости, а то и ума либо пристрелить офицера, либо дезертировать из своей части и явиться в другую. Ведь им с детства внушают повиновение начальству. «Когда дела плохи, держись своей части» — это в них вбивалось каждый день. И когда офицер ведет их на предательство, они цепляются за товарищей еще сильнее. Кроме того, — Эйрел печально усмехнулся, — предательством это назовут лишь в том случае, если Фордариан проиграет.

— А он проигрывает?

— Пока я жив и защищаю Грегора, Фордариан выиграть не может. Сейчас он приписывает мне все преступления, какие только может придумать. Наименее дикая из его выдумок — будто я прикончил Грегора, чтобы заполучить императорскую корону. Это уловка, он надеется таким образом выманить мальчика. Он знает, что здесь его нет, иначе уже давно скинул бы на нас атомную бомбу.

Корделия поморщилась.

— Так он хочет захватить Грегора или убить его?

— Убить только в том случае, если не сможет захватить. Когда настанет время, я предъявлю всей планете живого и невредимого внука Эзара Форбарры.

— А почему не прямо сейчас?

Форкосиган откинулся на стуле, устало вздохнул и отодвинул тарелку.

— Потому что мне небезразлично, какую часть сил Фордариана удастся перетянуть на нашу сторону до решительного момента. Я не хочу ознаменовать второй год регентства четырьмя тысячами казней. Всем нижним чинам можно будет объявить амнистию — на том основании, что присяга обязывала их повиноваться своим офицерам, но мне хотелось бы спасти и как можно больше командиров. Пять графов и Фордариан уже обречены — для них надежды нет. Будь он проклят! Затеять такое...

— Чем же заняты его войска? Или у вас война по принципу «кто кого пересидит»?

— Не совсем. Он тратит массу времени — своего и моего, пытаясь занять несколько бесполезных укреплений — например, склады в Мариграде. Мы всячески идем ему навстречу. Это отвлекает командиров Фордариана от действительно важных объектов — от космических баз. Эх, будь сейчас со мной Канзиан!

— Твоя разведка еще его не нашла?

Адмирал Канзиан, кумир всей барраярской армии, был одним из двух людей, кого Форкосиган считал более талантливыми стратегами, чем он сам. Канзиан специали-

зировался на операциях в дальнем космосе, и кадровые офицеры военного флота доверяли ему больше, чем кому бы то ни было. «Уж к его-то сапогам конский навоз не прилип», — сказал как-то раз о нем Куделка, очень насмешив Корделию.

— Нет, но у Фордариана его тоже нет. Он исчез. Молю Бога, чтобы он не попал в какую-нибудь глупую перестрелку и не лежал сейчас неопознанным в морге. Какая была бы потеря!

— Может, нам лучше обосноваться на околопланетной орбите? Поднимемся в космос, и оттуда ты обратишься к капитанам крейсеров...

— А зачем бы я еще стал удерживать базу Тейнери? Я взвесил все «за» и «против» размещения полевого штаба на борту корабля — и пришел к выводу, что еще не время: такой маневр может быть истолкован как шаг к бегству.

Бегство. Какая соблазнительная мысль! Далеко-далеко, как можно дальше от всего этого безумия, пока оно не превратится всего лишь в проходную заметку в сводке новостей. Но... убежать от Эйрела? Она всмотрелась в него: он сидел на диване, глядя на остатки ужина и не видя их. Усталый немолодой мужчина в зеленом мундире и даже не особенно привлекательный (если не обращать внимания на его зоркие серые глаза).

«Если ты хотела счастья, тебе следовало полюбить счастливого человека. Так нет же — польстилась на захватывающую красоту боли...»

«И будут двое одна плоть»... Насколько буквальным оказалось это древнее высказывание! Один кусочек плоти, заключенный в маточный репликатор на территории противника, соединил их, превратив в подобие сиамских близнецов. А если маленького Майлза не станет? Эта связь разорвется?

— Что... что мы предпринимаем в отношении заложников, оставшихся в руках Фордариана?

Он вздохнул:

— Вот это — самое сложное. Даже лишившись сторонников — чего мы планомерно добиваемся, — Фордариан все еще будет удерживать свыше двадцати графов и Карин. И несколько сотен менее важных персон.

— Таких, как Элен?

— Да. И сам город Форбарр-Султан, если уж на то пошло. Он может под конец пригрозить, что разнесет всю столицу в атомную пыль, если ему не позволят улететь с планеты. Я пока обдумываю варианты соглашения. А потом можно будет организовать его убийство. Оставить Фордариана в живых нельзя — это было бы предательством по отношению к тем, кто уже погиб из-за того, что сохранил верность мне... Какой поминальный костер успокоит эти души? Нет!

Так что мы разрабатываем операции по освобождению заложников. Но сейчас — не время. Когда Фордариан увидит, что остался один, он запаникует. А пока надо ждать. Но я скорее пожертвую заложниками, чем позволю Фордариану победить.

Он опять смотрел куда-то в пустоту.

— Даже принцессой Карин?

«Всеми заложниками? Даже самым маленьким?»

— Даже ею. Она — фор. Она поймет.

— Лучшее доказательство того, что я — не фор, — мрачно сказала Корделия. — Я совершенно не понимаю этого... театрализованного безумия. По-моему, вам надо лечиться — всем до одного.

Он чуть улыбнулся:

— Как ты думаешь, не согласится ли Колония Бета прислать нам батальон психиатров — в качестве гуманитарной помощи? Может, среди них окажется и тот, с которым ты тогда не сошлась во мнениях?

Корделия фыркнула; мысль об экстренном психиатрическом вмешательстве показалась ей заманчивой. История Барраяра была не лишена своеобразной трагической красоты — но абстрактно, на расстоянии. При близком же рассмотрении выпирала глупость происходящего: все распадалось на разрозненные кусочки, как мозаика.

Поколебавшись, Корделия спросила:

— Мы ведем вокруг заложников какую-нибудь игру?

Она и сама не знала, хочется ли ей услышать ответ.

Форкосиган покачал головой:

— Нет. Это было труднее всего: всю эту неделю смотреть в глаза мужчинам, у которых в столице остались жены и дети, и говорить «нет». — Он аккуратно уложил нож и вилку на поднос и задумчиво добавил: — На все надо смотреть шире. Пока что это не революция, а просто дворцовый переворот. Население к нему равнодушно или по крайней мере соблюдает нейтралитет. Фордариан обращает свои призывы к консерваторам — старым форам, военным. Но, как и положено графу, считать он не умеет. А между тем с каждым выпуском училищ и школ растет число образованных людей из простонародья, и скоро они составят большинство. Я хочу дать этому большинству какой-то способ отличать героев от негодяев — не по повязкам же на рукавах в самом деле! Убеждение — гораздо более мощная сила, чем думает Фордариан. Как это сказал на Земле какой-то генерал? Дух относится к телу как три к одному? А, Наполеон, вот кто это был. Жаль только, что сам он этому не следовал. Для данной войны я бы оценил это соотношение как пять к одному.

— Но как насчет тел? Ваши силы примерно равны?

Форкосиган пожал плечами.

— У нас обоих достаточно оружия, чтобы уничтожить весь Барраяр. Не в том дело. Оружие в руках у людей, а на моей стороне закон, и это огромное преимущество. Вот почему Фордариан пытается подорвать эту законность вымыслами, будто я убил Грегора. И я намерен уличить его во лжи.

Корделия содрогнулась.

— Знаешь, мне не хотелось бы оказаться в стане Фордариана.

— Ну, есть еще варианты, при которых он смог бы победить. И все они связаны с моей смертью. Если не будет меня — регента, освященного волей покойного Эзара, то у Фордариана прав окажется не меньше, чем

у любого другого. Если бы ему удалось убить меня и заполучить Грегора — или наоборот, — то его власть приобрела бы видимость законности. До следующего мятежа, за которым потянется бесконечная вереница восстаний и гражданских войн... — Форкосиган сощурился, словно всматриваясь в свои видения. — Эта мысль преследует меня как кошмар: если мы проиграем, война не прекратится, пока не придет новый Дорка Форбарра Справедливый, чтобы положить конец еще одному Кровавому Столетию. Честно говоря, я не вижу в моем поколении человека такого масштаба.

«Посмотри в зеркало», — невесело подумала Корделия.

— А, так вот почему ты настаивал, чтобы я побывала у врача! — поддразнила она Эйрела в ту ночь. После того как Корделия рассеяла кое-какие заблуждения врача, он тщательно осмотрел ее, заменил физзарядку отдыхом и разрешил ей возобновить супружеские отношения — хотя и с некоторой осторожностью. Эйрел в ответ только усмехнулся и начал ласкать ее так, словно она была сделана из тончайшего стекла. Судя по всему, он уже оправился после солтоксина. Спал он как убитый, пока на рассвете его не разбудил сигнал комм-устройства. Наверное, подчиненные договорились не тревожить командира раньше. Корделия представила себе, как кто-нибудь из штабных говорит лейтенанту Куделке: «Ладно, пусть старик с женой повозится, может, поспокойнее станет...»

Но все же отвратительный туман усталости этим утром развеялся быстрее. А еще через день в сопровождении Друшикко Корделия уже обследовала свое новое жилище.

В гимнастическом зале они наткнулись на сержанта Ботари. Граф Петер еще не вернулся, так что после доклада адмиралу Ботари остался без дела.

— Надо поддерживать форму, — коротко объяснил он.

— А спите вы нормально? — осторожно спросила Корделия.

— Пока удается, — ответил сержант и вернулся к тренажерам. Он занимался настойчиво, до изнеможения, и видно было, что цель этой изматывающей тренировки — не нарастить мускулы, а убить время и отогнать тревожные мысли. Корделия мысленно пожелала ему успеха.

Подробности о ходе военных действий она узнавала от Эйрела, от Ку и из прошедших цензуру новостей. Кто из графов выступил, а кто находится в заложниках, какие части присоединились к какой стороне, где шли бои, каковы потери, кто из командиров остался верен присяге... Бесполезное знание. Корделия поняла, что интересуется всем этим, чтобы отвлечься от ужасов — прошлых и будущих, которые она не в силах предотвратить. Своего рода интеллектуальный вариант бесконечного бега Ботари. Только помогает еще меньше.

Все-таки насколько приятнее читать военную историю с некоторым удалением во времени — скажем, век или два спустя. Она представила себе, как некий археолог из будущего направляет на нее временной телескоп — и состроила ему рожу. Только сейчас ей пришло в голову, что истории войн, которые она любила читать, не освещали самого важного: в них ничего не говорилось о судьбе младенцев...

На третий день она столкнулась в коридоре с чрезвычайно взволнованным Куделкой.

— Что случилось, Ку?

— Иллиан здесь. И привез с собой адмирала Канзиана!

Корделия поспешила за ним в штаб. Друшикко пришлось даже прибавить шагу — чтобы не отстать. Эйрел сидел за столом и, сплетя пальцы, внимательно слушал, а командор Иллиан сидел на столе, покачивая ногой в такт своим словам. Сквозь повязку на руке Иллиана сочилось что-то желтое. Он был бледен, грязен, но глаза его горели торжеством и несколько лихорадочным возбуждением. На нем была гражданская одежда, выглядевшая так, словно Иллиан украл ее из корзины с грязным бельем, а потом выкупался в болоте.

Рядом с Иллианом сидел человек постарше. Ординарец как раз подал ему стакан, в котором, как поняла Корделия, был фруктовый напиток, обогащенный солями для поддержания истощенного организма. Он послушно пригубил и поморщился, словно предпочел бы что-то покрепче, например, бренди. Низкорослый, толстый, с лысиной, окруженной венчиком седых волос, адмирал Канзиан выглядел совсем не по-военному. Он походил на доброго дедушку — но при условии, что ваш дедушка университетский профессор. В его глазах светился ум. Спокойная властность манер ничуть не пострадала из-за того, что сейчас на нем был не адмиральский мундир, а гражданская рубашка и брюки, извлеченные, вероятно, из той же корзины с грязным бельем, что и костюм Иллиана.

Иллиан говорил:

— ...а следующую ночь мы провели в подвале. Отряд Фордариана наутро вернулся, но... Миледи!

— Саймон, адмирал! Я так рада видеть вас обоих!

Канзиан попытался было встать, но все единодушно замахали на него руками, и он только недоумевающе улыбнулся. Форкосиган знаком пригласил Корделию сесть рядом с собой.

Иллиан поспешил закончить свой рассказ. Его эпопея отчасти напоминала похождения Корделии, но в более сложной обстановке захваченной столицы. Канзиан время от времени кивал, подтверждая слова командора.

— Прекрасно, Саймон, — подытожил Форкосиган. — Просто превосходно.

Иллиан улыбнулся:

— Я так и подумал, что вам понравится, сэр.

Форкосиган повернулся к Канзиану:

— Как только вы передохнете, мне хотелось бы ознакомить вас с положением дел.

— Спасибо, милорд. У меня не было никакой информации, кроме той, что официально подавалась Фордарианом, с того момента, как я вырвался из Главного штаба. Хотя из того, что мы видели, можно было понять немало.

Кстати, позвольте похвалить вашу тактику выжидания. Пока все хорошо. Но критический момент уже близок.

— Я тоже так полагаю, сэр.

— А что поделывает Весельчак Нолли на Первой тунельной станции?

— Не отвечает на вызовы. На прошлой неделе его подчиненные выдали целую коллекцию отговорок, одна другой несуразнее. А теперь, судя по всему, их изобретательность истощилась.

— Ха. Могу себе представить. Я уверен, что из-за событий последнего времени его колит разыгрался не на шутку. Держу пари, его «недомогание» — не совсем выдумка. Думаю, мне следует начать с личного разговора с адмиралом Ноллисом — с глазу на глаз.

— Я был бы вам весьма признателен, сэр.

— Мы обсудим фактор времени. И недостатки потенциального командующего, который весь план кампании основывает на политическом убийстве, а потом не может его осуществить. — Канзиан осуждающе нахмурился. — Неразумно строить всю войну на одном событии. У Фордариана всегда была склонность идти ва-банк.

Корделия поймала взгляд Иллиана и негромко спросила:

— Саймон, пока вы были в Форбарр-Султане, вам не удалось что-нибудь узнать о госпитале? О лаборатории Ваагена и Генри?

«О моем малыше?»

Он с сожалением покачал головой:

— Нет, миледи. — И в свою очередь посмотрел на Форкосигана. — Милорд, правда ли, что капитан Негри погиб? До нас доходили только слухи да пропагандистские передачи Фордариана. Я думал, может, это просто блеф.

— Негри погиб. Увы, но это правда.

Иллиан выпрямился:

— И император тоже?

— Грегор здоров и в безопасности.

Иллиан снова обмяк:

— Слава Богу. Где он?

— Не здесь, — сухо ответил Форкосиган.

— О! Конечно, сэр. Извините.

— После того как вы побываете в лазарете и примете душ, я попрошу вас, не откладывая, заняться наведением порядка в вашем хозяйстве, — продолжил Форкосиган. — Я хочу точно знать, как все-таки служба безопасности проморгала мятеж Фордариана. Не хотелось бы говорить дурно о мертвых — и, видит Бог, Негри заплатил за свои ошибки, — но прежняя система руководства кадрами нуждается в реорганизации. Каждое звено в цепочке, каждого человека, необходимо оценить заново и лишь потом воссоздать всю цепь. Это будет вашим первым поручением в качестве главы Имперской службы безопасности, капитан Иллиан.

Иллиан, и без того серый от усталости, теперь позеленел.

— Сэр! Вы хотите, чтобы я занял место Негри?!

— Только сначала устройте там хорошую уборку, — сухо посоветовал Форкосиган. — И побыстрее, будьте любезны. Я не могу вернуть императора, пока служба безопасности не будет в состоянии его охранять.

— Слушаюсь, сэр, — еле слышно отозвался Иллиан.

Канзиан тяжело поднялся из-за стола, отстранив пытавшегося помочь штабиста. Эйрел под столом пожал Корделии руку и удалился в обществе тех, кто должен был составить теперь ядро Главного штаба. В дверях Ку обернулся к Корделии и прошептал:

— Дела пошли на лад, правда?

Она в ответ невесело улыбнулась. В голове у нее снова и снова звучали слова Форкосигана: «Когда Фордариан останется один, он запаникует...»

К концу недели ручеек беглецов, стекавшихся к базе Тейнери, превратился в широкий поток. После появления Канзиана больше всего шума наделало прибытие премьер-министра Фортелы, удравшего из-под домашнего ареста. Он явился с несколькими израненными ох-

ранниками и поведал умопомрачительную историю о подкупах, уловках, погонях и перестрелках. Еще два министра добрались пешком. Настроение войск поднималось с каждым вновь прибывшим, и все ждали действий. Традиционный вопрос, которым обменивались в коридорах, несколько изменился; теперь вместо: «Кто перешел на нашу сторону?» — спрашивали: «Кто перешел на нашу сторону сегодня утром?» Корделия пыталась делать вид, что перемены ее воодушевляют, а свои страхи прятала в душе.

По совету врача она подолгу отдыхала, но вскоре почувствовала такой прилив энергии, что впору было начать колотить кулаками в стенки. Она попробовала разнообразить свой режим небольшим количеством осторожных приседаний и отжиманий. Сигнал комм-устройства застал ее за размышлениями, не пора ли составить компанию Ботари в гимнастическом зале.

На экране возникло встревоженное лицо Куделки.

— Миледи, милорд просит вас прийти к нему в комнату номер семь. Он хочет обсудить с вами только что полученное известие.

У Корделии оборвалось сердце.

— Хорошо. Иду.

В комнате номер семь собралось много народу — штабисты, Канзиан и даже премьер-министр Фортела. Обступив комм-устройство, они негромко, но оживленно беседовали.

— Корделия, мне хотелось бы узнать твое мнение о последней новости, — произнес Форкосиган, сдержано улыбнувшись жене.

«Лестно, но...»

— Что за новость?

— Последнее сообщение Фордариана. Ку, будь добр, пожалуйста, повтори его еще раз.

Пропагандистские передачи из столицы обычно служили на базе Тейнери чем-то вроде ежедневного развлечения. На этот раз лица у всех были серьезными.

Мятежный граф находился в Синем зале императорского дворца, хорошо известном всем жителям Барраяра. Отсюда, во время своих нечастых публичных выступлений, обращался к подданным император Эзар.

Фордариан, в парадном мундире со всеми регалиями, сидел на атласной кушетке рядом с принцессой Карин. На принцессе было строгое черное платье; в ее темных волосах сверкали гребни, усыпанные драгоценными камнями.

Фордариан произнес несколько вступительных слов, призывая зрителей к вниманию, и камера переключилась на зал Совета графов в замке Форхартунг. Крупным планом возникло лицо лорда-протектора, сидящего на председательском месте. Камера не показала, стоит ли кто-нибудь рядом с ним, но что-то в том, как он смотрел — чуть в сторону, а не прямо в объектив, — заставило Корделию поместить туда вооруженного человека, а может, и целый взвод.

Лорд-протектор взял пластиковый лист и начал:

— Я читаю: «В связи с...

— Ах, хитрец! — пробормотал Фортела, и Куделка, приостановив запись, спросил:

— Извините, господин министр?

— Ловко вывернулся — «я читаю»! Он только что публично отмежевался от тех слов, которые сейчас произнесет... В первый раз я этого не заметил. Молодец, Георгос, молодец! — обратился Фортела к застывшей фигуре. — Продолжайте, лейтенант, я не хотел прерывать.

Изображение на экране продолжило:

— ...подлым убийством ребенка-императора Грегора Форбарры и предательством узурпатора Форкосигана, Совет графов объявляет бывшего регента низложенным, отстраняет его от власти и ставит его вне закона. Сегодня Совет графов объявляет коммодора графа Вейдла Фордариана премьер-министром и регентом при особе вдовствующей принцессы Карин Форбарра, а также поручает ему сформировать временное правительство, правомочное до того момента, когда будет найден новый наслед-

ник, которого утвердят Совет графов и Совет министров в полном составе».

Лорд-протектор добавил еще какие-то официальные формулы, а камера тем временем показала зал совета.

— Останови, Куделка! — потребовал Фортела. Шевеля губами, он подсчитал присутствующих. — Ха! И одной трети не собрали. Даже отдаленно не напоминает кворум. Кого он надеется обмануть?

— Отчаявшийся человек идет на отчаянные меры, — пробормотал Канзиан.

По знаку премьер-министра лейтенант снова пустил запись.

— Наблюдай за Карин, — сказал Форкосиган Корделии.

Камера снова показала графа и принцессу. Фордариан говорил таким слащавым голосом, что Корделия даже не сразу поняла, что словами «личный защитник» Фордариан объявил об их помолвке. Его рука горячо сжала руку Карин, хотя взгляд был по-прежнему устремлен в объектив. Принцесса все так же отстраненно приподняла руку и позволила ему надеть кольцо. Сообщение закончилось торжественной музыкой. Конец. Слава Богу, обошлось без комментариев — видимо, считалось, что простым барраярцам вполне достаточно одного лишь уведомления о свершившемся факте.

— Как ты оценишь реакцию принцессы? — спросил Форкосиган.

Корделия изумленно подняла брови:

— Какую реакцию? Что тут оценивать? Она же ни слова не сказала!

— Вот именно. Тебе не кажется, что ее чем-нибудь накачали? Или попросту заставили? — Форкосиган озадаченно уставился на экран, где только что мерцало изображение принцессы. — Она всегда была сдержанна, но такого непонятного поведения я еще не видел.

— Прокрути запись еще раз, Ку, — попросила Корделия. — И останови, когда будет крупный план. — Она всмотрелась в застывшее лицо принцессы. — Нет, она не

кажется одурманенной. И не косит в сторону, как лорд-протектор.

— Вам не кажется, что ей угрожают оружием? — спросил граф Фортела.

— А может, ей просто все безразлично, — мрачно подсказала Корделия.

— Она согласилась добровольно или ее заставили? — повторил Форкосиган.

— Думаю, ни то, ни другое. Она варилась в этой бессмыслице чуть ли не всю свою сознательную жизнь... Чего вы от нее хотите? Она выдержала три года замужества за Зергом, прежде чем вмешался Эзар. Уж она-то знает, когда и что не следует говорить.

— Но согласиться на помолвку с человеком, которого она считает виновным в смерти Грегора...

— Да что она может считать? Если она и правда думает, что ее сын погиб — даже если она не верит, что его убил ты, — тогда ей остается думать только о том, чтобы выжить самой. Зачем рисковать жизнью ради какого-то эффектного жеста, если Грегору это не поможет? Чем она, в конце концов, обязана тебе, нам? Насколько она может судить, мы ничего для нее не сделали.

Форкосиган поморщился. Корделия продолжала:

— Фордариан наверняка ограничивает ее доступ к информации. Возможно, ей кажется, что он вот-вот победит. Она из тех, кто умеет выживать: она пережила и Зерга, и Эзара. Может, она надеется пережить и вас с Фордарианом. Не удивлюсь, если она мечтает о мести — хотя бы о такой, как возможность плюнуть на все ваши могилы.

Кто-то из офицеров пробормотал:

— Но она же фор. Она не должна была ему уступать.

Корделия одарила его ледяной усмешкой.

— О, по тому, что говорит барраярская женщина в присутствии мужчины, нельзя узнать, о чем она думает. Честность ведь не вознаграждается, знаете ли.

Штабист неуверенно посмотрел на нее. Дру кисло улыбнулась. Форкосиган вздохнул. Куделка моргнул.

— Итак, Фордариану надоело ждать, и он назначил себя регентом, — пробормотал Фортела.

— И премьер-министром, — напомнил ему Форкосиган.

— Да, его понесло.

— А почему не императором? — спросил штабист.

— Проверяет обстановку, — сказал Канзиан.

— Это в сценарии идет позже, — высказал свое мнение Фортела.

— Или, возможно, раньше, если мы немного его подтолкнем, — предположил Канзиан. — Последний и роковой шаг. Мы должны подумать, как еще чуть-чуть его испугать.

— Осталось недолго, — твердо сказал Форкосиган.

Весь остаток дня Корделию преследовало воспоминание о безжизненном лице принцессы. Что думает Карин? И если уж на то пошло, что Карин чувствует? Может, она действительно махнула на все рукой и погрузилась в апатию? Или просто выжидает? А вдруг она все-таки любит Фордариана и присоединилась к нему по собственному выбору, без принуждения?

«Если бы я знала, чего она хочет, я бы знала, что она делает. Если бы я знала, что она делает, я бы знала, чего она хочет».

В уравнении получалось слишком много неизвестных.

«Будь я на месте Карин...» Но правомерна ли такая аналогия? У них немало общего: они примерно одного возраста, и обе — матери сыновей, которым грозит опасность... Вытащив из шкафа уцелевшую сандалию Грегора, Корделия задумалась.

«Мама тоже меня схватила, и у нее в руке осталась моя сандалия. Мне надо было получше ее застегнуть...»

Да, сейчас разумнее всего довериться своим ощущениям. Кажется, она точно знает, что думает Карин.

Когда раздался сигнал комм-устройства — примерно в то же время, что и накануне, — Корделия кинулась к нему со всех ног. Новая передача из столицы, новые сведе-

ния, что-то, что поможет разбить эту безумную цепь? Но над пластиной возник не Куделка, а незнакомый офицер со знаками службы безопасности на воротнике.

— Леди Форкосиган?

— Да...

— Говорит майор Сиркодж, начальник караула на главном входе. Полчаса назад сюда явился человек, который утверждает, что бежал из столицы, но отказывается сообщить какие-либо подробности. К сожалению, у него аллергия к суперпентоталу. Он все время просит — даже требует, — чтобы ему позволили переговорить с вами. Но не исключено, что он подослан.

У Корделии забилось сердце. Она подалась к коммустройству, словно пытаясь залезть в него.

— А он ничего с собой не принес? — взволнованно спросила она. «Например, большой цилиндрический бак около полуметра высоты со множеством мигающих лампочек и красной надписью: «Верх здесь»? Выглядит чертовски таинственно — любого охранника доведет до припадка...» — Его имя, майор!

— Он не принес ничего, кроме того, что на нем надето. Он в плохом состоянии. Его зовут Вааген, капитан Вааген.

— Сейчас буду у вас.

— Нет, миледи! Этот человек чуть ли не бредит. Он может быть опасен. Я не могу вам позволить...

Она предоставила ему говорить с пустой комнатой. Друшикко догнала ее на бегу. Корделия добралась до караульного помещения у главного входа меньше чем за семь минут и остановилась в коридоре немного успокоить дыхание. Утихомирить сердце, готовое выскочить у нее из груди. «Спокойнее. Спокойнее. Истерика на службу безопасности не подействует».

Высоко подняв голову, она отворила дверь и шагнула через порог.

— Скажите майору Сиркоджу, что леди Форкосиган желает его видеть, — сказала она дежурному. Тот оша-

рашенно поднял брови и послушно наклонился над комм-пультом.

После нескольких бесконечных минут ожидания появился Сиркодж.

— Я должна видеть капитана Ваагена.

— Миледи, он может оказаться опасным, — невозмутимо повторил Сиркодж. — Его могли запрограммировать самым неожиданным образом.

Она сделала глубокий вдох: «А не схватить ли Сиркоджа за шиворот — может, тогда он образумится? Нет, не выйдет!»

— Могу я по крайней мере увидеть его на экране?

Сиркодж задумался.

— Ну что ж, это, пожалуй, не опасно. Заодно проверим, тот ли он, за кого себя выдает. Хорошо.

Проведя ее в другую комнату, он включил экран. У нее вырвался чуть слышный стон.

Запертый в изоляторе Вааген метался от стены к стене. Но кто бы теперь узнал прежнего подтянутого и энергичного исследователя из Императорского госпиталя в этом грязном, изможденном бродяге! Оба глаза Ваагена украшали красно-лиловые синяки, один почти совсем заплыл, а в щелке светилось что-то пугающе алое.

— Вызовите к нему врача!

По тому, как подскочил Сиркодж, Корделия поняла, что кричит.

— Ему оказана первая помощь, — заявил майор. — Мы начнем лечить его, как только он пройдет проверку.

— Тогда дайте мне поговорить с ним, — сквозь зубы сказала Корделия. — Дру, немедленно разыщи Эйрела и расскажи ему, что происходит.

Друшикко торопливо вышла. Сиркодж недовольно нахмурился, но все же распорядился проводить арестованного к ближайшему комм-пульту.

Наконец их соединили. В искаженном лице капитана Ваагена Корделия словно увидела отражение своего собственного состояния. Наконец-то!

— Вааген! Что?

— Миледи! — Вцепившись в край пульта, Вааген подался вперед. Его била дрожь. — Идиоты, дебилы, невежды, тупицы... — Он задохнулся бессильной руганью, потом перевел дух и снова заговорил, быстро и четко, словно ее изображение могло в любую секунду исчезнуть. — Нам уже казалось, что все обойдется. Мы спрятали репликатор в госпитале, и никто там не появлялся. Мы тоже не высовывались, по очереди ночевали в лаборатории. Потом Генри удалось вывезти жену из города, и мы оба поселились в лаборатории. Пытались тайно продолжать лечение. Думали — нас вот-вот вызволят. Ждали перелома хоть в какую-нибудь...

Мы уже почти успокоились, но они все-таки пришли. Этой... нет, вчера. — Он автоматически пригладил волосы, словно пытаясь уловить соответствие между реальным временем и временем кошмаров, когда все часы сходят с ума. — Люди Фордариана. Пришли за репликатором. Мы заперлись в лаборатории, они взломали дверь. Потребовали его. Мы отказались... отказались говорить, где он, и тогда они начали нас избивать. Генри забили до смерти, словно какого-нибудь уличного бродягу. Ум, образование, талант — все погибло, все разбито каким-то косноязычным дебилом, размахивающим прикладом...

По лицу Ваагена бежали слезы.

Корделия оцепенела от ужаса. Она уже тысячи раз мысленно проигрывала сцену в лаборатории, но никогда не видела на полу мертвого доктора Генри и избитого до потери сознания Ваагена.

— Потом они разгромили лабораторию. Все... все записи... все. Вся работа Генри по ожогам... Зачем им это понадобилось? Все пропало... Зачем...

Его охрипший от ярости голос сорвался.

— Они... они нашли репликатор? Выбросили его?

Она ясно себе это представила: она уже видела это столько раз — выплескивающуюся...

— В конце концов нашли. И унесли куда-то. А меня... меня отпустили. — Он помотал головой, словно отказываясь верить собственным словам.

— Унесли? — тупо повторила она. «Зачем? Какой смысл брать сложнейшее устройство без тех, кто умеет с ним обращаться?» — И отпустили вас. Чтобы вы пришли к нам, наверное. Рассказать.

— Вы правильно поняли, миледи.

— Куда, как вы думаете? Куда они его унесли?

— Скорее всего, во дворец, — раздался рядом с ней голос Форкосигана. — Всех главных заложников держат именно там. Я сейчас же поручу разведке этим заняться. — Эйрел говорил спокойно, но лицо его было серым. — Похоже, не только мы усиливаем нажим.

ГЛАВА 15

Не прошло и двух минут после появления Форкосигана в помещении контрольно-пропускного пункта, как Ваагена уже несли на антигравитационной платформе в операционную, куда срочно вызвали главного травматолога базы.

Дальнейшие расспросы пришлось отложить — пусть сначала его подлечат. Форкосиган ушел сообщить новость Иллиану, а Корделия кружила как заведенная по комнате ожидания в лазарете. Друшикко с беспокойством молча наблюдала за ней — значит, достаточно умна, чтобы не предлагать бесполезные сейчас утешения.

Наконец из операционной вышел травматолог и объявил, что Вааген в сознании и чувствует себя достаточно хорошо, чтобы его можно было коротко — слово «коротко» он подчеркнул — допросить. Вернулся Эйрел в сопровождении Куделки и Иллиана, и все вместе они вошли к Ваагену, лежавшему в окружении капельниц и медтехников.

Измученный капитан прибавил еще несколько кошмарных подробностей, но не сообщил ничего, что изменило бы первоначальную картину.

Иллиан слушал очень внимательно.

— Наши люди во дворце это подтверждают, — доложил он, когда Вааген безнадежно умолк. — Репликатор, судя по всему, принесли вчера и установили где-то неподалеку от апартаментов принцессы. Эта часть дворца охраняется лучше всего. Наши люди не знают, что это такое — думают, это бомба, чтобы взорвать дворец в последнем бою.

Вааген хмыкнул, закашлялся и сморщился от боли.

— Его кто-нибудь обслуживает?— Корделия задала вопрос, который никому еще не пришел в голову. — Доктор, медтехник — кто-нибудь?

Иллиан нахмурился:

— Не знаю, миледи. Могу попытаться узнать, но любой дополнительный контакт подвергает наших агентов опасности.

— Угу.

— Все равно лечение прервано, — пробормотал Вааген, нервно теребя край одеяла. — Пошло ко всем чертям...

— Я понимаю, что у вас пропали все записи, но вы могли бы... продолжать работу и без них? — робко спросила Корделия. — То есть — если бы получили репликатор? Начать с того, на чем остановились?

— К тому времени, как мы его получим, начинать придется не с того, на чем остановились. Да и помню я не все. Часть информации погибла вместе с Генри.

Корделия сделала глубокий вдох.

— Если я не ошибаюсь, у эскобарских переносных репликаторов двухнедельный рабочий цикл. Когда вы в последний раз меняли аккумуляторы и фильтры и добавляли питательный раствор?

— Аккумуляторов хватит на несколько месяцев, — поправил ее Вааген. — С фильтрами сложнее. Но быстрее всего подойдет к концу питательный раствор. При таком усиленном обмене плод умрет от голода раньше, чем система отравится продуктами жизнедеятельности. Продукты распада забьют фильтры почти сразу же, как только начнется обмен за счет внутриклеточных запасов.

Избегая взгляда Эйрела, она смотрела прямо на Ваагена. И тот, в свою очередь, не отводил от нее взгляда. Лицо капитана выражало боль, но боль — не физическую.

— И когда вы с Генри в последний раз обслуживали репликатор?

— Четырнадцатого.

— Осталось меньше шести дней, — вздрогнув, прошептала Корделия.

— Примерно... примерно так. Какое сегодня число?

Вааген растерянно оглядел присутствующих. У Корделии кольнуло сердце — раньше он никогда не казался столь неуверенным в себе.

— Временной фактор важен только в том случае, если репликатор брошен без присмотра, — вмешался Эйрел. — Придворный врач, лечивший Карин и Грегора, — разве он не догадается, что необходимо что-то делать?

— Сэр, — сказал Иллиан, — врач принцессы был убит во дворце в первый же день. Эта информация поступила ко мне из двух независимых источников — и я должен считать, что это проверенный факт.

«Они убьют Майлза просто из-за собственного невежества! — с отчаянием поняла Корделия. — Даже не нарочно».

Более того, ее сына может загубить один из тайных доброжелателей — в героической уверенности, что обезвреживает бомбу.

Вааген дернулся под одеялом. Эйрел поймал взгляд Корделии и кивнул.

— Благодарю вас, капитан Вааген. Вы послужили нам верой и правдой. Сделали гораздо больше, чем требует долг.

— К чертовой матери долг... — бормотал Вааген. — Все пошло к черту... проклятые дебилы...

Они вышли, тихо прикрыв дверь. Уже в коридоре, когда Форкосиган отослал Иллиана выполнять его опять увеличившиеся обязанности, Корделия повернулась к мужу:

— Что теперь?

Губы его плотно сжались, взгляд стал отсутствующим. Наконец он медленно проговорил:

— На самом деле ничего не изменилось. Все осталось, как было.

— Изменилось. И сильно изменилось. Настолько, насколько велика разница между тем, кто прячется, и тем, кто в плену. Но почему Фордариан ждал так долго? Если раньше он не знал о существовании Майлза, то кто ему донес? Может, Карин, когда решилась принять его сторону?

— Возможно, Фордариан просто играет с нами. Не исключено, что он с самого начала держал репликатор про запас — на случай, если понадобится дополнительный рычаг.

— Нашего сына. Вот кого он держал про запас, — поправила Корделия. Она заглянула ему в глаза, мысленно приказывая: «Смотри на меня, Эйрел!» — Говорить надо об этом.

Она потянула его по коридору к ближайшей двери — за ней оказался пустой конференц-зал — и включила там свет. Форкосиган послушно уселся за стол; рядом с ним сел Куделка. Она села напротив. «А раньше мы всегда были на одной стороне...» Друшикко заняла свою обычную позицию у нее за спиной.

Эйрел настороженно смотрел на нее:

— Слушаю тебя, Корделия.

— Что у тебя с головой? — спросила она. — На каком мы свете?

— Я... сожалею. Задним числом. Сожалею, что не попытался спасти его раньше. Во дворец проникнуть намного сложнее, чем в госпиталь. И все же... Я не мог поступить иначе. Требуя, чтобы мои подчиненные ждали, дрожа от страха за близких, я не мог рисковать людьми и техникой ради собственного сына. Положение Майлза... давало мне моральное право требовать от них преданности. Они знали, что я не жду от них и их близких больших жертв, чем те, на которые иду сам.

— Но сейчас ситуация изменилась, — возразила Корделия. — Сейчас вы рискуете по-разному. У родственни-

ков твоих подчиненных времени сколько угодно. А у Майлза только шесть дней, минус то время, которое мы потратим на споры.

Она слышала, как у нее в мозгу тикают часы.

Он ничего не ответил.

— Эйрел... за все время, что мы с тобой прожили, просила ли я тебя о каком-нибудь одолжении? Как регента?

По его губам скользнула печальная улыбка — и исчезла. Теперь его глаза были устремлены на Корделию.

— Нет, — прошептал он. Они сидели, напрягшись, подавшись навстречу друг другу.

— И вот я тебя прошу.

— Сейчас, — отозвался он после долгой паузы, — очень сложный момент. С точки зрения общей ситуации. Мы ведем тайные переговоры с двумя главными командующими Фордариана. Силы космического базирования тоже вот-вот примут решение. Возможно, очень скоро мы сможем накрыть Фордариана без крупного сражения.

Корделия на секунду отвлеклась, прикидывая, кто из командующих Форкосигана ведет сейчас такие же тайные переговоры. Время покажет. *Время.*

Форкосиган продолжал:

— Если мы завершим эти переговоры так, как я хочу, то сможем вызволить большинство заложников одним внезапным широкомасштабным рейдом.

— Широкомасштабный рейд здесь не требуется.

— Да. Но я пытаюсь тебе объяснить, что локальная операция, особенно если она сорвется, может серьезно помешать успеху большой, которая будет осуществляться позже.

— Может?

— Может.

— Когда?

Он опустил голову.

— Примерно через десять дней.

— Не годится.

— Да. Я попытаюсь ускорить. Но ты должна понять: если я упущу этот шанс, за мои ошибки жизнью заплатят тысячи.

Она прекрасно его понимала.

— Хорошо. Оставим в покое барраярскую армию. Отпусти меня. Может, с парой надежных помощников. Личная вылазка.

Он хлопнул ладонями по столу и чуть не задохнулся:

— Нет! Господи, Корделия!

— Ты ставишь под сомнение мои способности? — с опасным спокойствием спросила она. «Сама-то я в них очень даже сомневаюсь. Но сейчас не время в этом признаваться». — «Милый капитан» — это что, всего лишь домашнее прозвище? Или ты говорил серьезно?

— Я видел, как тебе удавались поразительные вещи...

«И видел, как я садилась в лужу, ну и что?»

— ...но тобой рисковать я не могу. Господи, Корделия! Это точно сведет меня с ума. Ждать, не зная...

— Но ты ведь требуешь этого от меня. Ждать, не зная. Ты требуешь этого от меня каждый день.

— Ты сильнее меня. Ты просто невероятно сильная.

— Лестно. Но не убедительно.

Но он уже принял решение — она поняла это по холодному блеску глаз.

— Нет. Никакой самодеятельности. Я запрещаю, Корделия. Категорически, раз и навсегда. Выбрось это из головы. Я не могу рисковать вами обоими.

— Ты рискуешь. Сейчас.

Эйрел стиснул зубы и опустил голову. Он ее понял. Куделка встревоженно переводил взгляд с одного на другую. Корделия почувствовала, как Друшикко изо всех сил сжала побелевшими пальцами спинку ее стула.

Казалось, Форкосигана расплющивает между двумя камнями. Еще секунда — и он потребует, чтобы она дала слово не покидать базы.

Она разжала руку, положив ее ладонью вверх на стол.

— Я сделала бы другой выбор. Но никто не назначал меня регентом Барраяра.

Напряжение оставило его. Он глубоко вздохнул.

— У них просто не хватило воображения.

«Барраярцам это свойственно, мой милый».

* * *

Возвращаясь в номер, Корделия повстречалась с графом Петером Форкосиганом. Сейчас это был уже не тот измученный неопрятный старик, с которым она рассталась на горной дороге. Чисто выбритый, в скромном, но добротном костюме гражданского покроя, он походил на удалившегося от дел сановника или просто пожилого фора-землевладельца. Ясно было, что он только что вернулся из своей секретной дипломатической поездки к собратьям-графам. За его плечом громоздился Ботари, вновь облачившийся в свою коричневую с серебром ливрею.

— А, Корделия! — Свекр приветствовал ее церемонным поклоном, явно не подразумевавшим возобновления военных действий. Корделию это вполне устраивало. Она очень сомневалась, что еще способна воевать.

— Добрый день, сэр. Поездка была удачной?

— Весьма. Где Эйрел?

— Насколько мне известно, пошел в разведсектор посовещаться с Иллианом о последних сообщениях из Форбарр-Султана.

— Что-нибудь новое?

— К нам явился капитан Вааген. Его избили до полусмерти, но ему все же как-то удалось выбраться из столицы. Похоже, Фордариан пополнил свой список еще одним заложником. Его отряд утащил репликатор Майлза из госпиталя и доставил во дворец. Полагаю, мы скоро услышим об этом от него: несомненно, он медлит, чтобы сперва позволить нам как следует насладиться рассказом капитана Ваагена.

Граф Петер презрительно усмехнулся.

— Ну, вот уж пустая угроза.

Корделия с трудом разжала зубы, чтобы спросить:

— Что вы имеете в виду, сэр?

Она прекрасно знала, что он имел в виду, но хотела увидеть, как он дойдет до предела. «До конца, будь ты проклят. Выкладывай».

На лице графа появилось подобие улыбки.

— Я хочу сказать, что, сам того не желая, Фордариан готов оказать услугу семье Форкосиганов. Уверен, что он этого не осознает.

«Ты бы этого не сказал, старик, будь здесь со мной Эйрел. А может, ты сам навел их на след? Боже, только бы не сказать это вслух!»

— Это вы подстроили? — напряженно спросила Корделия.

У графа дернулась голова, словно от пощечины.

— Я не имею дел с предателями!

— Он ведь из вашей партии форов. Той, которой вы искренне преданы. Вы всегда говорили, что Эйрел слишком прогрессивен.

— Ты смеешь подозревать меня... — Негодование графа перешло в ярость.

Но ярость Корделии затмила все перед ее глазами.

— Вы ведь пытались совершить убийство — так почему бы не попытаться совершить предательство? Могу только надеяться, что вы и на этот раз окажетесь неспособны довести дело до конца.

— Это уж слишком! — прохрипел граф.

— Нет, старик. Этого еще мало!

Друшикко побледнела. Лицо Ботари оставалось совершенно непроницаемым, и только глаза у него странно блестели.

— Пусть даже, выкинув этого мутанта из банки, Вейдл Фордариан оказал бы мне неоценимую услугу, я не стал бы просить его об этом, — сухо отрезал граф Петер. — Гораздо забавнее наблюдать, как он пойдет с джокера, считая, что это туз, а потом не сможет понять, почему у него ничего не вышло. Эйрел-то, наверное, чертовски рад, что Фордариан переложил на себя его заботу. Или он все-таки собирается сделать какую-нибудь глупость?

— Эйрел ничего не предпринимает.

— Вот молодец! А я уж боялся, что ты окончательно лишила его воли. Но мой сын остался барраярцем.

— Похоже, что так, — бесцветным голосом ответила Корделия.

— Как бы то ни было, — стараясь взять себя в руки, ответил старый Форкосиган, — сейчас это вопрос второстепенный. А теперь прошу меня извинить. У меня важнейшие дела к лорду-регенту. Будьте здоровы, миледи.

Он склонился в ироническом поклоне и повернулся, чтобы уйти.

— Желаю приятно провести время, — огрызнулась Корделия и метнулась в комнату.

Не меньше двадцати минут Корделия металась по комнате. Наконец, остановившись, она решилась заговорить с Друшикко, которая съежилась на стуле в углу, старательно делая вид, что ее здесь нет.

— Вы ведь на самом деле не думаете, что граф Петер предатель, миледи? — тихо спросила девушка.

Корделия покачала головой:

— Нет... Нет. Я просто хотела сделать ему больно. Эта планета меня доконала. Доконала. — Она устало опустилась на кушетку и, помолчав, добавила: — Эйрел прав. Я не имею права рисковать. Нет, не так. Я не имею права на неудачу. А в своих силах я больше не уверена. Не знаю, что стало со мной. Видно, растеряла все на чужбине.

«Я забыла. Забыла, как действовала раньше, когда мне все удавалось».

— Миледи... — Друшикко, опустив глаза, теребила подол. — Я три года состояла в службе безопасности дворца.

— Да... — У Корделии вдруг замерло сердце. Чтобы поупражняться в самообладании, она закрыла глаза и не стала их открывать. — Расскажи мне об этом, Дру.

— Капитан Негри лично руководил моей подготовкой. Я была телохранительницей принцессы, и он всегда говорил, что я должна стать последней преградой между Карин с Грегором и... и теми, кто будет им угрожать. Если до этого дойдет. Он показал мне во дворце абсолютно все. Заставлял меня все запоминать. По-моему, он показывал мне такое, чего не видел никто. На случай непредвиденных обстоятельств он заставил меня выучить пять маршрутов экстренной эвакуации. Два из

них знали все сотрудники службы безопасности. Еще один он показал только своим главным помощникам вроде Иллиана. А еще два... по-моему, о них не знал никто, кроме Негри и императора Эзара. И я думаю... — она нервно облизала губы... — тайный выход может послужить и тайным входом. Я права?

Корделия не открывала глаз.

— Меня чрезвычайно заинтересовал ход твоих рассуждений, Дру. Как выразился бы Эйрел. Продолжай.

— Вот, собственно, и все. Если бы мне удалось каким-то образом оказаться недалеко от дворца, я уверена, что смогла бы проникнуть внутрь.

— И выбраться обратно?

— Почему бы и нет?

Корделия вдруг обнаружила, что забыла дышать.

— Скажи мне, Дру, чьим приказам ты подчиняешься?

— Приказам капитана Негри, — мгновенно ответила она, но тут же запнулась, — Негри. Да, но ведь он умер. Значит, теперь я подчиняюсь командору... то есть капитану Иллиану. Наверное...

— Тогда я поставлю вопрос иначе. — Корделия наконец открыла глаза. — Ради кого ты согласна рисковать жизнью?

— Ради принцессы. И ради Грегора, конечно. Они всегда казались мне одним целым.

— Так оно и есть. Я как мать могу это подтвердить. — Она встретилась с голубыми глазами Дру. — Но Карин передала тебя мне.

— Чтобы вы меня обучили. Мы думали, вы были солдатом.

— Никогда. Но это не значит, что я не воевала. — Корделия помолчала. — Что ты потребуешь взамен, Дру? Твоя помощь — только, пожалуйста, без всяких клятв, пусть этим балуются те, другие идиоты — в обмен на что?

— На спасение Карин, — решительно ответила Друшикко. — Я вижу, как все они здесь постепенно приходят к выводу, что ее жизнь не так уж важна. Три года я охраняла принцессу. Это достаточный срок, чтобы уз-

нать человека и привязаться к нему. А теперь они, похоже, считают, что я могу переключить свою преданность, словно я — робот. Здесь что-то не так. Я хочу... по крайней мере попробовать спасти принцессу. В обмен на это, миледи, — все, что хотите.

— Так... — Корделия потерла губы. — Что ж, по-моему, это будет равноценный обмен. Одна безразличная для них жизнь за другую. Карин за Майлза.

Она расслабилась и глубоко задумалась.

«Сначала ты на все на это смотришь. А потом сама становишься этим».

— Одна ты не справишься. Нужен... еще один человек, тот, кто хорошо знает столицу. Сильный, выносливый, умеющий обращаться с оружием. Бдительный. И к тому же это должен быть верный друг — такой, что ближе брата.

При последних словах она чуть улыбнулась, встала и подошла к комм-пульту.

— Вы хотели видеть меня, миледи? — спросил Ботари.

— Да. Входите, сержант.

Квартиры старших офицеров не внушали Ботари священного трепета, но он все же нахмурился, когда Корделия жестом велела ему сесть. Сама она заняла место за столом напротив.

Корделия смотрела на Ботари, а тот, в свою очередь, смотрел на нее. Внешне он выглядел вполне здоровым, хотя морщины в углах его привычно сжатых губ за эти дни стали еще глубже. Она почти воочию видела, как в его теле переливается не находящая выхода энергия: короткие замыкания ярости, жесткий ритм самоконтроля, а под всем этим — спутанный наэлектризованный клубок сексуальных токов. И как все нарастает и нарастает отчаянная потребность действовать. Моргнув, она постаралась сосредоточить взгляд на менее пугающей внешней оболочке: ничего особенного, просто усталый некрасивый мужчина в военной форме.

К ее удивлению, Ботари заговорил первым:

— Миледи, вы не слышали ничего нового об Элен?

«Гадаешь, зачем тебя сюда вызвали?» К своему глубокому стыду, она почти забыла про дочь сержанта.

— Боюсь, что ничего нового. Сообщалось, что ее и мистрис Хисопи держат в какой-то гостинице на окраине Форбарр-Султана, переоборудованной под тюрьму. Там много заложников, которых считают не столь значительными. Ее не перевели ни во дворец, ни куда-то еще.

«Элен — не принцесса Карин, она далеко от дворца. Что я смогу пообещать Ботари?»

— Мне жаль было узнать о вашем сыне, миледи.

— О моем мутанте, как сказал бы граф Петер.

Она наблюдала за его руками — они могли сказать больше, чем невозмутимо-непроницаемое лицо.

— О графе Петере... — начал Ботари и умолк, стиснув переплетенные пальцы. — Я хотел поговорить с адмиралом. Я не подумал, что могу поговорить с вами. Мне, наверное, следовало сразу явиться к вам.

— Э-э... Конечно, — промямлила Корделия, пытаясь сообразить, о чем идет речь. «Что еще?»

— Вчера в гимнастическом зале ко мне подошел один человек. Кто он, я не знаю; одет в гражданское. Он предложил мне Элен. Жизнь Элен в обмен на убийство графа Петера.

— Как соблазнительно! — выпалила Корделия. — И какие... э-э... гарантии он вам предложил?

— Вот и я об этом подумал, миледи. Меня казнят — и кому тогда будет дело до незаконнорожденной сироты? Я решил, что это просто очередная проверка. Я потом хотел найти его, все время его высматриваю, но больше не видел. — Он вздохнул. — Теперь мне кажется, что тот разговор был не наяву.

— Разве у вас бывают галлюцинации? — спросила Корделия.

— Нет, по-моему. Только ночные кошмары. Я стараюсь поменьше спать.

— У меня... тоже сложности, — сказала Корделия. — Как вы, наверное, поняли из моего разговора с графом.

— Да, миледи.

— Вы слышали о временно́м факторе?

— Временно́м факторе?

— Если репликатор не перезарядить, то через шесть дней он перестанет поддерживать жизнь Майлза. Эйрел считает, что Майлз в таком же положении, как и все прочие члены семей наших сторонников. Я с ним не согласна.

— Я слышал, что говорят у него за спиной.

— Да?

— Люди говорят, что это нечестно. Сын адмирала — нежизнеспособный мутант, а они рискуют нормальными детьми.

— Я не думаю, чтобы он знал... про такие разговоры.

— Кто же скажет ему об этом в лицо?

— Очень немногие. Возможно, даже Иллиан не решится. — «Хотя граф Петер, надо полагать, передаст ему эти слова, если их услышит». — Черт побери! Все готовы выбросить этот репликатор! — Она нахмурилась и заговорила снова. — Сержант. Кому вы по-настоящему преданы?

— Я присягал на верность графу Петеру, — отозвался Ботари. Теперь он тоже внимательно наблюдал за Корделией, странно улыбаясь одним уголком губ.

— Позвольте сформулировать вопрос иначе. Я знаю: самовольная отлучка — весьма серьезный проступок для графского телохранителя. Но если бы...

— Миледи, — Ботари поднял руку, заставив ее умолкнуть на полуслове. — Помните, там, в Форкосиган-Сюрло, когда мы клали тело Негри во флайер, милорд регент приказал мне повиноваться вашему голосу, как его собственному?

Брови Корделии поползли вверх.

— Да?..

— Он этого приказа не отменял.

— Сержант, — выдохнула она наконец. — Я никогда бы не поверила, что вы так искусны в казуистике.

— А отсюда следует, — Ботари по-прежнему улыбался, — что ваш голос — это голос самого императора.

— Вот как! — восторженно прошептала она, впиваясь ногтями в ладони.

Ботари подался вперед, руки его наконец перестали дрожать.

— Итак, миледи? О чем вы говорили?

Подземный гараж базы Тейнери представлял собой огромный гулкий зал, погруженный в полумрак. Темноту прорезали полосы света, проникавшие сквозь стеклянные стены комнаты персонала. Корделия с Дру, притаившись в темной арке лифтовой шахты, наблюдали, как Ботари ведет переговоры с дежурным офицером. Личный охранник генерала Форкосигана выписывал транспорт для своего господина. Пароли и удостоверение личности сержанта были в полном порядке. Дежурный вставил карточки Ботари в свой компьютер, получил отпечаток его ладони на сенсорной пластине и быстро сделал соответствующие распоряжения.

Сработает ли их простой план? Корделия ждала с замиранием сердца. А если нет — что можно предпринять? У нее в голове снова высветился намеченный маршрут: не на север, прямо к цели, а сначала на юг, машиной, до ближайшего района, сохранившего им верность. Там надо будет оставить легко узнаваемую правительственную машину и поехать по монорельсу на запад, а после — на северо-запад. Оттуда — прямо на восток, в нейтральную зону графа Форинниса, средоточие дипломатических усилий обеих сторон. У нее в памяти снова прозвучало замечание графа Петера: «Честное слово, Эйрел, если Форинниc не перестанет вилять, его надо будет вздернуть выше Фордариана, когда все закончится». Оттуда — в центральную провинцию и каким-то образом в блокированную столицу. Предстоит покрыть внушительное расстояние. Столько уйдет времени! Ее сердце стремилось к северу, как стрелка компаса.

Первый и последний этапы путешествия будут самыми опасными. Люди Форкосигана могут отнестись к их предприятию даже более враждебно, чем мятежни-

ки. От очевидной невыполнимости задачи у Корделии голова шла кругом.

Надо решать задачи последовательно, шаг за шагом, строго сказала себе она. Первая — выбраться с базы. Это они сделают. Надо поделить бесконечное будущее на пятиминутные кубики и брать их один за другим.

Ну вот, первые пять минут уже принесли успех — генеральский лимузин вывели из гаража. Малая победа в награду за малое терпение и решимость. А что принесут ей все терпение и вся решимость?

Ботари придирчиво осмотрел машину, словно сомневаясь, устроит ли она его господина. Офицер-транспортник встревоженно ждал и прямо-таки обмяк от облегчения, когда охранник великого генерала, проведя рукой по лобовому стеклу и поморщившись при виде почти неразличимого пятнышка, словно нехотя согласился взять машину. Ботари подвел машину к арке лифтовой шахты, развернув ее так, чтобы она загораживала садящихся в салон пассажиров.

Дру подхватила сумку с одеждой и оружием. Ботари установил поляризацию стекол на зеркальное затемнение и распахнул дверцы.

— Миледи! — откуда-то сзади послышался встревоженный голос. — Что вы делаете? — К ним, прихрамывая, торопливо шел Куделка.

Корделия с трудом удержалась, чтобы не заорать от ярости. Изобразив на лице удивленную улыбку, она повернулась к лейтенанту.

— Привет, Ку. Что случилось?

Он нахмурился, глядя на нее, на Друшикко, на сумку.

— Я первый спросил.

Лейтенант тяжело дышал — похоже, он гнался за ними уже несколько минут, от самых дверей ее комнаты. Вот уж некстати.

Корделия не переставала улыбаться, а воображение уже рисовало картину: из лифтовой шахты вываливается отряд охранников, и вот она уже сидит под домашним арестом.

— Мы... собрались в город.

Он скептически поджал губы:

— Да? А адмирал знает? И где тогда сопровождение из людей Иллиана?

— Уехали вперед, — невозмутимо солгала Корделия.

Голос ее звучал убедительно, и Куделка на секунду засомневался. Увы, только на секунду.

— Погодите-погодите, а...

— Лейтенант, — прервал его Ботари, — посмотрите-ка сюда! — И указал на заднее сиденье.

— Что такое? — нетерпеливо спросил лейтенант, заглядывая в салон.

Корделия поморщилась, когда Ботари ребром ладони ударил Куделку по шее. Трость-шпага покатилась по полу. Подхватив обмякшее тело, сержант быстро затолкал его внутрь.

Друшикко швырнула сумку в машину и нырнула вслед за Куделкой, досадливо отпихнув его длинные ноги. Корделия подобрала трость и уселась рядом с ней. Ботари отступил на шаг, отдал честь, захлопнул дверцу и сел на водительское место.

Машина плавно тронулась. Корделия с трудом справилась с охватившим ее ужасом, когда Ботари затормозил у первого поста. Она видела и слышала охранников так ясно, что трудно было поверить в свою собственную невидимость. Но все сошло гладко; имя генерала Петера повсюду служило пропуском. Хорошо быть генералом Петером! Хотя в эти трудные времена, наверное, даже прославленный генерал не смог бы въехать на базу Тейнери без того, чтобы всю машину не проверили сканерами. Команда на внешних воротах, занятая проверкой вереницы тяжелых грузовиков, жестом велела им проезжать. Пока все шло по плану.

Корделия и Друшикко кое-как усадили бесчувственного Куделку. К нему уже начало возвращаться сознание. Лейтенант моргнул и застонал.

— Что нам с ним делать? — тревожно спросила Друшикко.

— Выкинуть его на дороге нельзя: он побежит на базу и поднимет тревогу, — сказала Корделия. — Но если привязать его где-нибудь к дереву, то есть опасность, что его не найдут... Надо бы его связать, он приходит в себя.

— Я с ним справлюсь.

— Боюсь, с ним уже достаточно справлялись.

Друшикко скрутила руки лейтенанта шарфом. Умение вязать узлы входило в курс подготовки телохранителей.

— Он может оказаться нам полезен, — вслух размышляла Корделия.

— Он нас предаст. — Друшикко нахмурилась.

— Может, и нет. Во всяком случае, не на вражеской территории. А тогда останется только один путь — вперед.

Постепенно взгляд Куделки сделался осмысленным. Корделия с облегчением отметила, что его зрачки одинакового размера.

— Миледи... Корделия, — прохрипел он, силясь освободить руки от шелковых пут. — Это безумие. Вас схватят люди Фордариана. И тогда у него будет уже два рычага вместо одного. К тому же вам с Ботари известно, где император!

— Нам известно, где он был неделю назад, — поправила Корделия. — Я уверена, что с тех пор его куда-нибудь перевезли. И Эйрел продемонстрировал свою способность не уступать нажиму Фордариана. Не стоит его недооценивать.

— Сержант Ботари! — Куделка подался вперед, к интеркому.

— Да, лейтенант? — отозвался монотонный бас Ботари.

— Я приказываю вам повернуть назад.

Короткая пауза.

— Я больше не на императорской службе, сэр. Я в отставке.

— Но вы служите графу Петеру. А он не отдавал вам такого приказа!

Более долгая пауза. Более тихий ответ.

— Нет. Я пес леди Форкосиган.

— Ты перестал принимать таблетки!

Корделия не знала, как подобное могло передаться по интеркому, но почему-то явственно увидела звериную ухмылку.

— Ну пожалуйста, Ку, — стала уговаривать Корделия. — Поддержи меня. Поезжай с нами — на счастье. Рискни.

Друшикко наклонилась вперед и с недоброй улыбкой прошептала ему в другое ухо:

— Посмотри на это иначе, Ку: кто еще позволит тебе участвовать в боевых действиях?

Лейтенант быстро посмотрел направо и налево, на двух женщин, взявших его в плен. Мотор взвыл сильнее, и машина стремительно помчалась в сгущающиеся сумерки.

ГЛАВА 16

Контрабандные овощи. Корделия обалдело разглядывала мешки с цветной капустой и коробки с садовой блестяникой. Контрабандные овощи, доставляемые в Форбарр-Султан таким вот необычным способом — в старом фургончике на воздушной подушке. Стоит копнуть, и под этой кучей наверняка найдется несколько мешков кочанной капусты, с которой она путешествовала недели три тому назад, хотя и в противоположном направлении. Да, странные перемещения.

Провинции, контролируемые Фордарианом, были блокированы войсками лорда-регента. До голода было еще очень далеко, но цены на продовольствие в Форбарр-Султане подскочили до небес: жители делали запасы ввиду приближающейся зимы. Прибыль оправдывала риск. А те, кто занимается контрабандными перевозками, всегда не прочь прибавить к своему грузу несколько нелегальных пассажиров — за определенную плату.

Идея принадлежала Куделке: он перестал ворчать и поневоле присоединился к обсуждению маршрута. Имен-

но Куделка разыскал в столице провинции Форинниса оптовые склады и обошел их все в поисках независимых перевозчиков. Вопросы о размере вознаграждения решал Ботари (на взгляд Корделии, оно было до смешного мизерным, но этого требовала роль, которую они теперь играли: отчаявшихся сельских жителей).

— Мой отец был бакалейщиком, — важно объяснил Куделка, уговаривая их принять его план. — Я знаю, что делаю.

Корделия не сразу сообразила, почему он при этих словах бросил тревожный взгляд в сторону Друшикко, но потом вспомнила, что отец Дру был военным. Лейтенант и раньше рассказывал о своей сестре и о матери, но до этой минуты ни разу не поминал отца — видимо, стеснялся своего низкого происхождения.

Грузовик с мясом Куделка забраковал.

— Его мятежники обязательно остановят, — объяснил он. — Не упустят случая вытрясти из водителя побольше бифштексов.

Корделия не знала, на основании какого именно опыта он говорит — военного, торгового или того и другого. Но утешало уже то, что не придется путешествовать в компании тошнотворных мороженых туш.

Перед отъездом все переоделись. В ход пошло содержимое сумки и их собственная одежда. Ботари и Куделка должны были изображать только что уволенных в запас ветеранов, надеющихся немного подзаработать, а Корделия с Друшикко стали сельскими жительницами, присоединившимися к ним. Чтобы еще больше походить на нищих в одежде с чужого плеча, каждый нацепил вещи другого, не подходившие по размеру.

Корделия валилась с ног от усталости, но сон никак не шел. Невидимые часы у нее в мозгу продолжали отсчитывать секунды. Сюда они добирались два дня. Цель близка, но до успеха еще так далеко... Глаза вдруг непроизвольно распахнулись: их фургон резко сбросил скорость и тяжело опустился на землю.

— Выходим, — негромко объявил Ботари.

Они выбрались на пустынный тротуар. Стояла морозная предрассветная тьма, огней в городе было еще меньше, чем ожидала Корделия. Ботари махнул рукой, фургон снова взмыл в воздух и исчез за поворотом.

— Вот не думал, что мы доедем до самого Центрального рынка, — хрипло заметил сержант. — Шофер говорит, что в этот час тут вокруг полно полицейских — присматривают за разгрузкой.

— Они боятся голодных бунтов? — спросила Корделия.

— Несомненно. А еще им очень нравится выбирать продукты первыми, — ответил Куделка. — Фордариану скоро придется задействовать армию, иначе черный рынок перекачает всю еду из карточной системы.

В те минуты, когда Куделка забывал притворяться фором, он проявлял несомненное знание торгового дела. Интересно, каким образом бакалейщик смог дать сыну такое образование, которое позволило ему выдержать экзамены в Императорскую военную академию? Корделия незаметно улыбнулась и оглядела улицу. Они находились в старой части города, построенной еще до появления лифтовых шахт, так что дома здесь были не выше шести этажей. Обшарпанные, со следами позднейшей перестройки, когда к домам подводили все коммуникации.

Ботари решительно пошел вперед; он явно знал, куда направляется. Остальные в молчании следовали за ним. Улицы и переулки становились все уже, воздух — все зловоннее, а фонари попадались все реже.

Сержант остановился перед узкой, плохо освещенной дверью, на которой висело сделанное от руки объявление: «Номера».

— Это сойдет.

Древняя, без автоматики, подвешенная на петли дверь оказалась заперта. Ботари потряс ее, потом постучал. После долгого ожидания открылось небольшое окошечко и оттуда выглянули чьи-то подозрительные глаза.

— Чего надо?

— Комнату.

— В такое время? Черта с два.

Ботари вытолкнул вперед Друшикко, чтобы свет падал ей на лицо.

Невидимый собеседник фыркнул:

— Ах так... Ну ладно...

Звякнула цепочка, заскрежетал засов, и дверь открылась.

Они протиснулись в узкую прихожую. Хозяин стал еще неприветливее, услышав, что на четверых им нужна всего одна комната. Но удивления это у него не вызвало: измученный вид и бедная одежда гостей лучше всяких слов объясняли причины такой экономии.

Поворчав, он выделил им тесную комнатенку на самом последнем этаже.

Куделке и Друшикко выпало спать первыми. Когда в грязное окно заглянули первые лучи солнца, Корделия с сержантом спустились вниз поискать чего-нибудь съестного.

— Нам следовало сообразить, что в осажденный город надо взять еду, — пробормотала Корделия.

— Ничего, обойдемся — дела не настолько плохи, — ответил Ботари. — Э-э... вы лучше помалкивайте, миледи, — акцент.

— Правда. В таком случае постарайся завязать разговор вон с тем типом. Я хочу услышать, как местные жители отзываются о происходящем.

Они обнаружили хозяина гостиницы — или кто он там был — в полутемном помещении, служившем, судя по наличию стойки и пары обшарпанных столов со стульями, одновременно баром и столовой. Тот неохотно и втридорога продал им немного герметически запакованных продуктов и напитков в бутылках, не переставая при этом жаловаться на карточную систему и пытаясь выведать, кто они такие.

— Я уже давно собирался съездить в столицу, — сказал Ботари, облокачиваясь на стойку. — А эта чертова война все спутала.

Хозяин поощрительно хмыкнул.

— Да? И что у тебя за дело?

Ботари облизнул губы и глубокомысленно сощурился:

— Видел ту блондинку?

— Угу...

— Девственница.

— Не может быть. Лет-то ей немало.

— Ага, ага. Если ее приодеть, этакая штучка сойдет за знатную даму. Хотел продать ее какому-нибудь фору, а на вырученные деньги открыть свою лавку. Да все из города сбежали. Можно, конечно, подыскать богатого торговца, да только ей это не понравится. Я обещал ей настоящего лорда.

Корделия прикрыла рот рукой, стараясь не издать ни звука. Хорошо еще, что Дру тут нет и она не слышит, какую историю выдумал Ботари для их прикрытия. Боже правый! Неужели барраярцы действительно платят деньги за право совершить сексуальную пытку над неопытной женщиной?

Хозяин гостиницы покосился на Корделию.

— Смотри, если оставишь девчонку одну с твоим напарником и без дуэньи — в момент потеряешь то, что хочешь продать.

— Не, — сказал Ботари. — Уж он-то постарался бы, если б мог, но он когда-то получил удар нейробластером. Вроде как ниже пояса. Списан по здоровью.

— А ты?

— Уволен без претензий.

Корделия вспомнила, что эта формула означает: «Уходи или сядешь» — неизбежная судьба любого смутьяна.

— И ты ведешь дело с паралитиком? — Хозяин мотнул головой, указывая на верхний этаж.

— Он у нас самый умный.

— Не слишком умный, раз приехал сейчас сюда с таким делом.

— Ага. Кажется, мы за нее выручили бы больше, если бы прирезали и разделали.

— Вот это точно. — Хозяин мрачно хмыкнул, глядя на продукты, сложенные перед Корделией.

— Да жаль зазря добро переводить, — продолжал Ботари. — Надо просто выждать, пока эта заваруха не кончится. Как-нибудь перебьюсь. Может, кто в охранники возьмет...

Ботари умолк — уж не покидает ли его вдохновение? Хозяин посмотрел на него с интересом.

— Да ну? Есть тут одно дельце, для которого мне нужен... ну, напарник, что ли. Уже неделю дергаюсь, как бы меня кто не опередил. Ты, похоже, именно тот, кого я ищу.

— Что за дело?

Хозяин доверительно наклонился к самому уху сержанта.

— Ребята из контрразведки графа Фордариана платят хорошие деньги осведомителям. Вообще-то, конечно, я не стал бы с ними связываться, но времена нынче тяжелые. А здесь неподалеку снял комнату один странный тип. Из дому не выходит, кроме как за едой — покупает всегда больше, чем на одного... У него там кто-то прячется. И он уж точно не такой, как мы. Вот я и думаю: он наверняка стоит денег, а?

Ботари рассудительно наморщил лоб.

— Рискованно. Адмирал Форкосиган вернется в город — и уж будь уверен, осведомителям придется несладко. А у тебя ведь дом.

— Но у тебя-то его нет. Если ты меня прикроешь, тебе — десять процентов. Он крупная дичь, тот тип. И сразу видно, что всего боится.

Ботари покачал головой.

— Я был в провинции и приехал сюда... Вы что, сами не чуете? Поражение, приятель. Сдается мне, дела у графа Фордариана плохи. На твоем месте я бы десять раз подумал.

Хозяин с досадой поджал губы.

— Знаешь, такое на дороге не валяется.

Корделия притянула голову Ботари и прошептала:

— Подыгрывай. Узнай, кто это. Может, у нас будет союзник. — Мгновение подумав, она добавила: — Требуй пятьдесят процентов.

Выпрямляясь, Ботари кивнул.

— Пополам, — заявил он. — Ведь рисковать-то мне.

Хозяин уважительно поглядел на Корделию и нехотя проговорил:

— Пятьдесят процентов, конечно, лучше, чем ничего.

— Покажешь мне этого типа? — спросил Ботари.

— Не знаю. Подумаю.

— Ну-ка, женщина, — Ботари сунул Корделии все покупки, — ступай в комнату.

Корделия кашлянула и постаралась изобразить горский выговор:

— Смотри в оба. Горожанин тебя надует.

Ботари смерил хозяина зловещим взглядом:

— Не, он не будет обманывать старого солдата. Он ведь умный.

Тот затравленно улыбнулся в ответ.

Задремавшая Корделия вздрогнула и проснулась, заслышав шаги Ботари. Тщательно осмотрев коридор, он закрыл за собой дверь. Вид у него был мрачный.

— Ну, сержант? Что вы узнали?

А вдруг их товарищ по подполью — стратегически важная фигура вроде адмирала Канзиана? Такая мысль ее испугала. Как бы не пришлось ради общего дела пожертвовать спасением Майлза. Куделка — на матрасе на полу и Друшикко на другой кровати сели, стряхивая сон, и стали слушать.

— Это лорд Форпатрил. И леди Форпатрил с ним.

— Не может быть! — Корделия выпрямилась. — Вы уверены?

— О да.

Куделка ожесточенно почесал в затылке.

— Ты с ними виделся?

— Пока нет.

— Почему?

— Сейчас командует леди Форкосиган. Ей и решать — оставляем ли мы первоначальный план.

Подумать только, что когда-то она мечтала стать командиром!

— У них все в порядке?

— Живы, сидят тихо. Но... тот подонок внизу наверняка не первый, кто их заметил. Его-то я пока утихомирил, но другие...

— А ее ребенок? Где он?

Ботари покачал головой:

— Она еще не родила.

— Роды запаздывают! Она должна была родить больше двух недель назад. Какой кошмар! — Корделия помолчала. — Как вы думаете, все вместе мы сможем выбраться из города?

— Чем больше народа в группе, тем она заметнее, — медленно проговорил Ботари. — Я видел леди Форпатрил. Она привлекает к себе внимание.

— Не думаю, чтобы их положение улучшилось, если они присоединятся к нам. Они успешно прячутся уже несколько недель. Если операция во дворце удастся, попытаемся помочь им на обратном пути. А когда вернемся... если вернемся... доложим Иллиану, чтобы он заслал верных агентов. — Корделия еще некоторое время подумала. — Нет. Пока никаких контактов. Но надо что-то предпринять, чтобы умерить пыл нашего друга с первого этажа.

— Об этом я уже позаботился, — сказал Ботари. — Сказал ему, что знаю, где можно получить денег побольше, а риска никакого. Может, стоит подкупить его, чтобы нам помог.

— Вы думаете, ему можно доверять? — с сомнением спросила Друшикко.

Ботари поморщился.

— Ничуть. Я буду за ним присматривать, пока мы здесь. И еще. Есть новости: вчера вечером Фордариан провозгласил себя императором.

Лейтенант разразился проклятиями.

— Все-таки посмел, сукин сын!

— Но что это означает? — спросила Корделия. — Уверенность в победе или жест отчаяния?

— Последняя попытка привлечь на свою сторону силы космического базирования, — сказал Куделка.

— Разве такая явная узурпация привлечет их, а не оттолкнет?

Лейтенант покачал головой.

— Мы, барраярцы, очень боимся неразберихи. Мы такое уже испытали. Это очень тяжко. Императорская власть всегда считалась залогом порядка — с тех самых пор, как Дорка Форбарра сломил враждующих графов и объединил планету. Здесь за словом «император» стоит реальная сила.

— Только не для меня, — Корделия вздохнула. — Давайте отдохнем. Может быть, уже завтра все будет позади. — Обнадеживающая или удручающая мысль — смотря как толковать. Она в тысячный раз подсчитала, сколько времени у них осталось: один день на то, чтобы проникнуть во дворец, два — чтобы добраться до территорий Форкосигана... Никакого запаса, и маневрировать некогда.

Последняя возможность отказаться от этой рискованной затеи. Мелкий моросящий дождик принес в столицу ранние сумерки. Сквозь грязное стекло Корделия смотрела на скользкую улицу, где полосами протянулись отражения редких и тусклых уличных фонарей, окруженных янтарными ореолами. Редкие прохожие шли торопливо, опустив голову и не глядя по сторонам. Казалось, война и зима вобрали в себя последнее дыхание осени и выдохнули взамен мертвенное молчание. «Нервы разыгрались», — решительно сказала себе Корделия и повела свой маленький отряд вниз.

За конторкой никого не было. Корделия уже решила обойтись без оформления отбытия — в конце концов, они ведь заплатили вперед. Но тут дверь распахнулась и ввалился хозяин гостиницы, стряхивая с куртки холодные капли дождя. При виде Ботари он разразился проклятиями.

— Ты! Это все ты виноват, трусливый олух. Мы их упустили, черт возьми, упустили такой шанс! Теперь денеж-

ки заграбастает кто-то другой. А ведь они просто шли мне в руки...

Он замолчал только тогда, когда Ботари сгреб его за отвороты куртки и, оторвав от пола, прижал к стене. Злобно ощерившись, он встряхнул хозяина гостиницы.

— Что случилось?

— Отряд Фордариана взял того типа. — В голосе хозяина смешались возмущение и страх. — Взяли обоих, а я остался на бобах!

— Взяли? — с ужасом повторила Корделия.

— Ну, не взяли, так берут, будь оно все проклято!

Может, еще есть шанс спасти их, мелькнуло в голове у Корделии. Осознанное решение или тактическая необходимость — сейчас уже было не важно, что именно ею движет. Она выхватила из сумки парализатор. Ботари разжал руки, отступил на шаг, и она выстрелила. Сержант затолкал бесчувственное тело за конторку.

— Надо попробовать помочь им. Дру, доставай оружие. Сержант, ведите нас. Быстро!

Вот так и получилось, что Корделия бежала по улице, боясь пропустить событие, от которого любой нормальный барраярец бросился бы наутек: ночной арест, осуществляемый силами безопасности. Она жалела только, что туман недостаточно густой.

Форпатрилы нашли приют в трех кварталах от гостиницы в невзрачном доме, мало чем отличавшемся от остальных таких же. Ботари предостерегающе поднял руку. Они осторожно выглянули из-за угла — и сразу же отпрянули: две машины службы безопасности стояли перед гостиницей, загораживая вход. Вокруг не было ни души.

— Друшикко, — скомандовал Ботари, — обойди их, живо! Встань так, чтобы эти машины обстреливались с обеих сторон. Осторожнее — у черного хода наверняка кто-нибудь стоит.

Тактика уличных боев явно была призванием Ботари. Дру кивнула, проверила оружие и неторопливо, прогулочным шагом, направилась в обратную сторону. Свернув в переулок, она перешла на бесшумный бег.

— Надо занять позицию получше, — пробормотал сержант, еще раз выглянув за угол. — Ничего, к дьяволу, не видно.

— Мужчина и женщина идут по улице, — отчаянно придумывала Корделия. — Они останавливаются поговорить у дверей дома. С любопытством глазеют на военных... Сойдет?

— Ненадолго, — сказал Ботари. — Пока их сканеры не засекут наше оружие. Но мы продержимся дольше, чем продержались бы двое мужчин. А уж когда дело начнется, то пойдет быстро. Лейтенант, стойте здесь, прикрывайте нас. Держите наготове плазмотрон — ничем другим машину не остановить.

Он сунул нейробластер под куртку, Корделия заткнула свой парализатор за пояс юбки и легко взяла Ботари под руку. Они неспешно вышли из-за угла.

Поравнявшись с распахнутой дверью, Ботари замедлил шаги. В доме слышались голоса. Во влажном воздухе четко разносилось потрескивание комм-устройств.

Они подоспели как раз вовремя. Несмотря на поношенную одежду, Корделия без труда узнала капитана Форпатрила. Лицо его было обезображено кровоточащей ссадиной, распухшие губы растянулись в типичной суперпентоталовой улыбке. Улыбка то и дело сменялась выражением муки, смешки — стонами.

Солдаты, одетые в черное, выволакивали на улицу женщину. Все внимание было устремлено на нее. Корделия и Ботари тоже не могли оторвать от нее глаз.

На Элис Форпатрил были только ночная рубашка, халат и туфли на босу ногу. Распущенные темные волосы в беспорядке струились вокруг бледного лица. Сразу бросалась в глаза беременность: черный халат распахнулся на обтянутом белой рубашкой животе. Солдат завернул ей руки за спину, и Элис приходилось широко расставлять ноги, чтобы сохранить равновесие.

Полковник, командир отряда, проверил текст приказа в своем электронном блокноте.

— Ну, вот они оба. И лорд, и наследник. — Он посмотрел на живот Элис Форпатрил, потряс головой, словно желая прочистить мозги, и бросил в наручный комм: — Уходим, ребята, мы закончили.

— И что теперь с ними делать, полковник? — беспокойно спросил его младший офицер. Он подошел к леди Форпатрил и задрал на ней рубашку. Она сильно потолстела за эти два последних месяца: ее груди округлились, бедра стали грузными, живот набряк. Лейтенант с любопытством ткнул пальцем в мягкую белую плоть. Элис дрожала. Лицо ее горело гневом, глаза потемнели от страха и слез. — У нас приказ ликвидировать и наследника. А о ней ничего не сказано. Мы что, должны ждать? Может, прижать посильнее? Или взрезать? Или, — тут его голос зазвучал просительно, — может, просто отвезти в штаб?

Охранник, державший Элис, ухмыльнулся и прижался бедрами к ее заду, толкаясь в нее с недвусмысленным видом.

— Но нам ведь не обязательно везти ее туда сразу? Я хочу сказать — это же для форов. Какой случай!

Полковник с омерзением сплюнул.

— Вы извращенец, капрал.

Тут Корделия заметила внезапную перемену в состоянии Ботари. Он был сильно возбужден. Взгляд его остекленел, губы приоткрылись.

Полковник убрал комм и вытащил нейробластер.

— Нет. — Он покачал головой. — Мы сделаем все быстро и чисто. Отойдите в сторону, капрал...

«Странное бывает милосердие...»

Привычным движением капрал бросил Элис на колени и отступил назад. Падая, она вытянула руки, но не смогла уберечь живот от сильного удара о землю. Лорд Падма Форпатрил застонал в своем суперпентоталовом тумане. Полковник поднял нейробластер и на секунду замешкался, словно решая, куда лучше целиться — в голову или в грудь.

— Убей их, — прошипела Корделия на ухо Ботари, вырвала из-за пояса парализатор и выстрелила.

Ботари мгновенно очнулся, и разряд его нейробластера ударил в полковника одновременно с парализатором Корделии, хотя она первой вытащила оружие. Он тут же переменил позицию — черной тенью метнулся за машину, не переставая стрелять. Голубые молнии наэлектризовали воздух. Упали еще двое, остальные попрятались за машинами.

Элис Форпатрил, все еще лежа на тротуаре, свернулась в комок, пытаясь прикрыть живот. Падма Форпатрил из последних сил заковылял к ней, расставив руки. Лейтенант, перекатываясь по тротуару к укрытию, на мгновение остановился и вскинул свое оружие.

Секунда, потраченная на то, чтобы прицелиться, стала для него роковой: выстрелы Друшикко и Корделии поразили его в тот миг, когда он только начал нажимать на спусковой крючок. И все-таки они опоздали. Разряд нейробластера ударил Форпатрила в затылок. Запрыгали голубые искры, темные волосы сверкнули оранжевым пламенем, капитан дернулся в последней судороге и рухнул на тротуар. Элис закричала. Встав на четвереньки, она застыла, не понимая, куда ползти — к мертвому мужу или прочь от него.

Позиция Друшикко оказалась идеальной. Последний солдат был убит, когда пытался открыть дверцу бронированного автомобиля. Водитель второй машины решил не искушать судьбу и поскорее уехать. Но это ему не удалось — струя огня из плазмотрона Куделки накрыла автомобиль, когда он поворачивал за угол. Грохнул взрыв, машину занесло, и она врезалась в кирпичную стену.

«Вот так. А весь план был рассчитан на то, что мы останемся незамеченными», — ошеломленно подумала Корделия. Они с Друшикко подбежали к Элис Форпатрил одновременно и помогли дрожащей женщине подняться на ноги.

— Надо ее отсюда увести, — сказал Ботари, поднимаясь во весь рост и направляясь к ним.

— И поскорее, — согласился Куделка, оглядывая поле битвы. На улице было удивительно тихо. Ненадолго, решила Корделия.

— Сюда, — Ботари ткнул стволом бластера в темный переулок. — Бегом.

— А не лучше ли воспользоваться трофейным транспортом? — Корделия указала на увешанный трупами автомобиль.

— Нет. Проследят. И он не пройдет там, куда мы направляемся.

Корделия очень сомневалась в том, что Элис способна еще куда-то бежать, но заткнула парализатор за пояс и подхватила беременную под руку. Дру взяла ее с другой стороны, и они двинулись вслед за сержантом. Теперь уже не Куделка был среди них самым неповоротливым.

— Корделия! — выдохнула Эллис. Это было всего лишь свидетельством узнавания: на расспросы не было ни времени, ни дыхания.

Они одолели всего три квартала, когда сзади послышался вой сирен. Но сержанта это ничуть не обеспокоило — он не оглянулся и не ускорил шаги. Они миновали еще один узкий переулок и оказались в районе, где фонарей не было. Кругом царил непроглядный мрак, в котором лишь смутно угадывались очертания каких-то строений.

Элис вдруг остановилась и чуть ли не полминуты стояла, согнувшись и тяжело дыша.

Обняв ее, Корделия почувствовала, что живот Элис стал твердым, как камень, а рубашка сзади вся вымокла.

— У тебя схватки? — спросила она, сама не зная, зачем задает вопрос, ответ на который совершенно очевиден.

— Это длится... уже полтора дня, — выпалила Элис. Она никак не могла разогнуться. — Кажется, воды отошли, когда тот подонок швырнул меня на землю. Если только это не кровь... хотя, будь это кровь, я бы давно потеряла сознание... А сейчас так больно...

Дыхание у нее замедлилось, и она с трудом расправила плечи.

— Еще немного продержитесь? — встревоженно спросил Куделка.

— Откуда мне знать? Со мной еще такого не бывало. Знаю не больше тебя, — огрызнулась леди Форпатрил. За показным гневом скрывался ледяной ужас.

— Думаю, вот-вот начнется, — сказал откуда-то из темноты Ботари. — Надо бы найти укрытие. Пошли.

Бежать леди Форпатрил уже не могла, но ковыляла достаточно быстро, беспомощно останавливаясь каждые две минуты.

— До места не дойдем, — пробормотал Ботари. — Ждите здесь.

Он исчез во мраке. Или это переулок? Здесь все казалось переулками — холодными и вонючими, но зато слишком узкими для патрульных машин. В этом лабиринте им встретились всего двое прохожих, которые быстро и опасливо прошмыгнули мимо.

— А вы не можете как-то... ну... потерпеть? — спросил Куделка, видя, что леди Форпатрил снова согнулась пополам. — Надо попробовать... найти врача, что ли.

— Именно за ним этот дурак Падма и отправился, — выдавила Элис. — Умоляла я его не ходить... О Боже! — через мгновение добавила она на удивление спокойным тоном: — Как-нибудь, когда тебя затошнит, попробуйка закрыть рот и потерпеть. Может, у тебя и получится...

Она снова выпрямилась, дрожа всем телом.

— Ей нужен не врач, а ровное место, — сказал невидимый Ботари. — Сюда.

Он подвел их к какой-то деревянной двери, распахнул ее ударом ноги и, когда все вошли внутрь, плотно закрыл за собой. Друшикко наконец решилась вытащить из сумки карманный фонарик. Луч осветил маленькую, пустую и грязную, комнату. Ботари быстро осмотрелся. Из-за двух внутренних дверей, тоже давным-давно взломаных, не доносилось ни звука — помещение казалось брошенным.

— Придется обойтись этими хоромами, — сказал Ботари.

Корделия судорожно припоминала, что теперь надо делать. О пересадке плаценты и кесаревом сечении она

знала все, но о так называемых нормальных родах сведения ее были чисто теоретические. Элис Форпатрил, скорее всего, знает не больше, на Дру тоже надежды мало, а от Куделки вообще никакого толка.

— Никто из вас никогда при таком раньше не присутствовал?

— Я — нет, — пробормотала Элис. Женщины переглянулись, прекрасно поняв друг друга.

— Ты не одна, — решительно сказала Корделия. — Мы тебе поможем.

Ботари со странной неохотой в голосе проговорил:

— Моя мать была чем-то вроде повитухи. Иногда она брала меня с собой, и я ей помогал. Это не так уж трудно.

Брови Корделии неудержимо ползли вверх. Она впервые услышала, как Ботари говорит о своих родителях.

Сержант вздохнул, поняв по ее виду, что назначил главным акушером самого себя.

— Одолжи-ка мне куртку, Ку.

Куделка галантно скинул с себя требуемый предмет туалета и собрался было закутать им плечи трясущейся леди Форпатрил. Но, к его огорчению, Ботари набросил ей на плечи свою собственную куртку, а куртку лейтенанта подстелил под бедра. Сейчас Элис казалась не такой бледной, и можно было не бояться, что она вот-вот потеряет сознание. Но тут опять начались схватки, и она громко вскрикнула.

— Будьте рядом со мной, леди Форкосиган, — пробормотал Ботари.

Корделия поняла свою роль, когда Ботари опустился на колени и осторожно приподнял рубашку леди Форпатрил. «Я нужна ему как сдерживающий центр». Но недавнее сражение сбило ту ужасающую волну похоти, которая исказила лицо сержанта тогда, на улице. Сейчас его взгляд был просто сосредоточенным.

— Головки младенца пока не видно, — доложил он. — Но уже скоро. Думаю, вам лучше бы не кричать, леди Форпатрил. Нас ищут.

Та кивнула в знак того, что понимает, и отчаянно замахала рукой. Друшикко, догадавшись, скрутила жгутом какую-то тряпку и сунула в рот Элис.

Они молча наблюдали, как одна схватка сменялась другой. Элис измучилась вконец: она не успевала даже перевести дыхание и хоть немного прийти в себя. Наконец показалась темноволосая макушка и застыла без движения.

— Сколько это должно длиться? — спросил Куделка, тщась изобразить спокойствие.

— Похоже, ему там нравится, — сказал Ботари. — Не хочет вылезать на холод.

Шутка сержанта достигла сознания Элис: ее дыхание не изменилось, но в глазах промелькнула благодарность. Ботари присел на корточки, задумчиво нахмурился, отодвинулся чуть в сторону, положил свою лапищу ей на живот и стал ждать следующей схватки. А потом нажал.

Между окровавленными бедрами леди Форпатрил показалась головка младенца.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес сержант.

Корделия поймала головку обеими руками и, когда наступила следующая схватка, осторожно вытянула все тельце. Мальчик два раза кашлянул, чихнул, как котенок, вдохнул, порозовел и издал потрясающий вопль. От неожиданности Корделия чуть не уронила его.

Шум заставил Ботари чертыхнуться.

— Дай мне твою шпагу, Ку.

— Нет! — в ужасе вскрикнула леди Форпатрил. — Отдайте его мне, я сделаю так, чтобы он замолчал!

— Я вовсе не то имел в виду, — с видом оскорбленного достоинства отозвался Ботари. — Хотя мысль неплохая, — добавил он, когда вопли возобновились.

Взяв плазмотрон, он установил регулятор на самую малую мощность и быстро прокалил клинок.

При следующей схватке вышла плацента, плюхнувшись прямо на куртку Ку. Корделия не могла оторвать зачарованного взгляда от жизнеобеспечивающего органа, который стал причиной и ее собственной муки.

«Время. Спасение Элис отняло столько времени! Насколько теперь упали шансы Майлза?»

Не исключено, что за жизнь маленького Айвена она сейчас расплатилась жизнью собственного сына. Кстати, не такой уж он маленький, этот Айвен, если на то пошло. Неудивительно, что его матери пришлось так нелегко. Наверное, у Элис необычайно широкий таз, иначе она просто не выжила бы.

Пуповина побледнела, и Ботари перерезал ее стерилизованным клинком, а Корделия завязала узел. Она вытерла младенца, завернула его в чистую запасную рубаху и вложила в протянутые руки Элис.

Элис взглянула на ребенка и сдавленно всхлипнула.

— Падма говорил... что у меня будут лучшие врачи. Падма говорил... больно не будет. Падма говорил, что будет рядом. Будь ты проклят, Падма! — Она прижала к себе сына Падмы и вдруг уже совершенно другим тоном, тоном легкого удивления вымолвила: — Ох!

Ротик младенца нашел ее грудь — и, похоже, хватка у него оказалась акулья.

— Хорошие рефлексы, — заметил Ботари.

ГЛАВА 17

— Господи, Ботари, не поведем же мы ее туда! — прошипел Куделка.

Они стояли в переулке перед лабиринтом караван-сарая. Нетипичное для этих мест трехэтажное здание с толстыми облупившимися стенами тонуло в холодном мраке, и лишь в одном окне сквозь ставни просачивался желтоватый свет. Керосиновая лампа тускло горела над деревянной дверью.

— На улице ее оставить тоже нельзя. Ей нужно тепло, — ответил сержант. Он нес леди Форпатрил на руках. Она цеп-

лялась за него, бледная и дрожащая. — Сегодня ночь тихая. Поздно. Они уже закрываются.

— Что это за дом? — спросила Друшикко.

Куделка откашлялся.

— Караван-сарай. В Период Изоляции, здесь была резиденция какого-то лорда. Кажется, одного из младших принцев Форбарра. Вот почему оно построено как крепость. А сейчас здесь... своего рода постоялый двор.

«А, так вот он, ваш бордель!» Корделия с трудом удержалась, чтобы не выпалить это вслух. Вместо этого она спросила у Ботари:

— Тут безопасно? Или тоже полно доносчиков, как в той гостинице?

— Если на несколько часов — то безопасно, — решил Ботари. — А у нас и есть всего несколько часов.

Он поставил леди Форпатрил на ноги, поручив ее заботам Друшикко, вошел внутрь и о чем-то негромко заговорил с невидимым привратником. Корделия покрепче прижала к себе маленького Айвена, прикрывая его полой куртки, чтобы хоть как-то согреть. К счастью, малыш уснул и мирно посапывал. Через минуту на пороге показался Ботари и жестом пригласил их войти.

Сразу за дверью был небольшой коридор, в стенах которого зияли узкие прорези, а в потолке через каждые полметра — отверстия.

— Для обороны в прежние времена, — прошептал Куделка, и Друшикко кивнула. Однако сегодня на них не посыпались стрелы, не хлынуло кипящее масло. Мужчина — ростом не ниже Ботари, но гораздо массивнее — запер за ними дверь.

Коридор привел их в большую полутемную комнату, превращенную в подобие ресторанного зала. За столами сидели две унылые женщины в халатах. Одинокий пьянчуга храпел, уронив голову на руки. В громадном камине тлели угли.

Откуда-то явилась хозяйка — поджарая женщина неопределенного возраста. Она молча поманила их к лестнице. Пятнадцать или даже десять лет назад она еще

могла бы показаться привлекательной, теперь же былая стройность сменилась худобой, а лицо поблекло. Повинуясь ее знаку, Ботари опять подхватил леди Форпатрил и понес вверх по лестнице. Куделка тревожно огляделся и, казалось, немного ободрился, не обнаружив того, кого искал.

Женщина провела их на третий этаж, в большую, заставленную громоздкой мебелью комнату на третьем этаже.

— Перемени простыни, — пробормотал Ботари, и женщина, кивнув, исчезла. Через несколько минут она вернулась, стащила с кровати мятые простыни и заменила их свежими. Ботари положил леди Форпатрил на постель и попятился. Корделия пристроила рядом с нею спящего младенца, и Элис вымученно улыбнулась.

«Мадам», как мысленно называла ее Корделия, с интересом взглянула на младенца.

— Новорожденный. Крупный паренек, а? — В голосе послышалось что-то похожее на нежность.

— Ему две недели, — заявил Ботари тоном, не терпящим дальнейших расспросов.

Женщина фыркнула и уперла руки в бока.

— Я ведь и сама повитуха, Ботари. Ему от силы два часа.

В глазах сержанта появилось какое-то странное выражение, и «Мадам» поспешно вскинула руку, словно защищаясь от его взгляда:

— Ладно, ладно. Как скажешь.

— Пусть пока поспит, — сказал Ботари, — надо удостовериться, что у нее не будет кровотечения.

— Да, но не будем оставлять ее одну, — добавила Корделия. — Чтобы не испугалась, проснувшись в незнакомом месте.

Что и говорить, аристократке Элис эта конура покажется чудовищной.

— Я посижу с ней, — вызвалась Друшикко, с подозрением посматривая на «мадам». Корделия поняла, что ее телохранительница ничуть не обманута попыткой Куделки представить это заведение чем-то вроде музея. И

леди Форпатрил тоже не обманется, когда немного придет в себя.

Друшикко с брезгливой гримасой опустилась в засаленное кресло, а все остальные вышли из комнаты. Корделия поручила Куделке отыскать то, что в этой дыре именуется уборной, а также попытаться купить какой-нибудь еды. Витающие в воздухе ароматы неопровержимо доказывали, что караван-сарай не подключен к городской канализации. И центрального отопления здесь тоже не было. «Мадам», поймав еще один хмурый взгляд Ботари, незаметно исчезла.

В конце коридора, рядом с тускло горевшей лампой в красном абажуре, виднелся продавленный диван. Ботари и Корделия устало опустилась на него. Сейчас, когда напряжение спало, сержант казался совсем измученным. Впрочем, Корделия была уверена, что и сама она выглядит не лучше.

— А в Колонии Бета есть шлюхи? — вдруг спросил Ботари.

Корделия вздрогнула. Вопрос был задан самым обыденным, даже скучающим тоном — но нельзя забывать, что Ботари не из тех, кто ведет беседу ради самой беседы. Неужели последние события нарушили неустойчивое равновесие его психики?

— Ну... у нас существуют лицензии на ПСТ, — осторожно ответила она. — Надо полагать, их обладатели выполняют ту же социальную функцию.

— Пээстэ?

— Практическая сексуальная терапия. Чтобы получить лицензию, надо сдать государственные экзамены. При этом требуется по крайней мере диплом психотерапевта. Этой профессией у нас занимаются люди всех трех полов. Гермафродиты зарабатывают больше других — они пользуются особым успехом у туристов. Это не... не очень почетное занятие, но и отбросами общества их не считают. Собственно говоря, в Колонии Бета вообще нет отбросов общества: мы как-то останавливаемся на среднем классе.

Это все равно что... — она помолчала, подыскивая подходящий пример, — все равно что... ну, скажем, парикмахер здесь, на Барраяре. Мастер, который осуществляет личные услуги на профессиональном уровне.

Ей чуть ли не впервые удалось поразить Ботари. Он наморщил лоб.

— Только бетанцам могло прийти в голову требовать университетский диплом, чтобы... Их нанимают и женщины?

— Конечно. И пары. У нас больше ценится момент обучения.

Сержант покачал головой, потом искоса посмотрел на Корделию.

— Моя мать была шлюха.

Его тон был на удивление бесстрастным. Он замолчал, видимо, ожидая ее реакции.

— Я... почти догадалась.

— Не знаю, почему она не сделала аборт, когда забеременела. Может, подумала о старости. Она, бывало, продавала меня своим клиентам.

Корделия задохнулась.

— Ну... ну вот этого в Колонии Бета не допустили бы.

— Я мало что помню. В двенадцать лет, когда подрос и набрался достаточно сил, чтобы поколотить очередного клиента, я удрал из дома. До шестнадцати околачивался в шайках, потом накинул себе два года и записался на военную службу. Вот тогда-то я отсюда и выбрался.

Он щелкнул пальцами, демонстрируя, насколько быстрым и легким было его избавление.

— По сравнению с такой жизнью армия должна была показаться вам раем.

— Пока я не встретил Форратьера. — Ботари обвел коридор невидящим взглядом. — Да, в те времена здесь народу было побольше. Сейчас этот дом кажется вымершим. — Он говорил задумчиво. — Большую часть своей жизни я очень плохо помню. Словно я весь... в заплатах. Но есть вещи, которые я хотел бы забыть — и не могу.

Корделия не собиралась расспрашивать его, она только хмыкнула, давая понять, что слушает.

— Не знаю, кто был мой отец. А на Барраяре быть ублюдком почти так же плохо, как мутантом.

— У вас слово «ублюдок» используется как отрицательная характеристика личности, а на Бете это просто бессмысленное ругательство. Никому и в голову не придет назвать так нелицензированного ребенка.

«Почему он мне все это рассказывает? Что ему от меня нужно? Вначале он говорил как будто через силу — а теперь у него почти умиротворенный вид. Что именно из сказанного мною успокоило его?»

Корделия вздохнула. К ее глубокому облегчению, вернулся Куделка, неся настоящие бутерброды — хлеб с сыром — и пиво в бутылках. Корделия была рада пиву: она не решилась бы отведать здешней воды. С наслаждением сделав глоток, она сказала:

— Ку, нам придется изменить стратегию.

Лейтенант неловко уселся рядом.

— Да?

— Совершенно ясно, что мы не можем взять с собой леди Форпатрил и младенца. И оставлять ее здесь тоже нельзя. Охранка Фордариана получила от нас в подарок пять трупов и сожженную машину. Они все здесь обыщут. Но еще какое-то время они будут искать беременную женщину, а это дает нам небольшую передышку. Как бы то ни было, нам надо разделиться.

— Вы поедете с ней, миледи?

Она покачала головой.

— Я должна идти во дворец. Хотя бы потому, что только я могу сказать: «Задуманное неосуществимо, пора уходить». Мне не обойтись без Дру и Ботари. — «И, как ни странно, Ботари нужна я». — Значит, остаешься ты.

Он обиженно поджал губы:

— Что ж, по крайней мере не буду все время вас задерживать.

— Я выбираю тебя не как наименее нужного, — резко возразила она. — Благодаря твоей сообразительности мы

проникли в Форбарр-Султан. Я считаю, что из всех нас только ты сумеешь в одиночку вывезти отсюда леди Форпатрил. На тебя вся наша надежда.

— Но получается, что вы идете навстречу опасности, а я от нее бегу.

— Опасное заблуждение. Подумай сам. Если люди Фордариана снова поймают ее, пощады не будет ни ей, ни тебе, ни ребенку. Слово «безопасность» здесь неуместно. Есть только крайняя необходимость, логика и способность не терять голову.

Он вздохнул:

— Я попробую, миледи.

— «Пробовать» нельзя. Падма Форпатрил «попробовал». Изволь справиться, Ку.

Он медленно кивнул:

— Слушаюсь, миледи.

Ботари ушел разыскивать новый костюм для Куделки — бедняк, молодой муж и новоиспеченный отец.

— Клиенты всегда что-нибудь да оставляют, — заметил он.

Корделия гадала, во что Ботари нарядит леди Форпатрил. Ку понес еду Элис и Друшикко. Вернулся он ужасно подавленный и снова примостился рядом с Корделией.

Спустя некоторое время он сказал:

— Теперь-то я понимаю, почему Дру так тревожилась, не забеременела ли она.

— Понимаешь?

— После того как я увидел, через что прошла леди Форпатрил, собственные неприятности кажутся мне ужасно мелкими. Господи, ей ведь было так больно!

— Угу. Но боль длится всего один день. — Она потерла шрам на животе. — В крайнем случае несколько дней. Думаю, тревога Дру объяснялась совсем не боязнью боли.

— А чем же тогда?

— Это... вмешательство трансцендентного. Сотворение жизни. Я думала об этом, когда вынашивала Майлза. «Этим я приношу в мир смерть». Рождение и смерть, а между ними вся боль и свобода выбора. Я не понимала некото-

рых мистических символов Востока вроде Смерти-матери, Кали, пока до меня не дошло, что в них нет никакой мистики — в них только реальность. «Случайность» в сексе по-барраярски может запустить причинно-следственную цепочку, которая протянется до конца времен. Наши дети меняют нас... появляются они на свет или нет. Пусть даже на этот раз ребенок оказался воображаемым, Дру коснулась эта перемена. А тебя разве нет?

Он озадаченно покачал головой:

— Я об этом не думал. Я просто хотел быть нормальным. Как другие мужчины.

— По-моему, твои инстинкты сработали правильно. Но одних инстинктов недостаточно. Ты не мог бы ради разнообразия заставить свои инстинкты и разум работать вместе, а не порознь?

Он хмыкнул.

— Не знаю. Не знаю... как теперь с ней говорить. Я же извинился, сказал, что мне стыдно.

— У вас так и не наладились отношения, да?

Куделка горестно кивнул.

— А знаешь, что меня больше всего мучило, пока мы сюда ехали? — спросила Корделия.

— Нет...

— Я не смогла попрощаться с Эйрелом. Если... если со мной что-то случится — или, если на то пошло, с ним, — между нами останется что-то незавершенное, и это не дает мне покоя. И будет уже невозможно это исправить.

— М-м. — Куделка погрузился в размышления, как-то сразу сникнув.

Корделия задумалась.

— А не попробовать ли что-нибудь еще, кроме извинений? Ну, например, спросить: «Как ты себя чувствуешь? У тебя все в порядке? Тебе помочь? Я люблю тебя». Классические фразы. Знаешь, я только сейчас заметила, что все это в основном вопросы. Они показывают, что ты хочешь начать разговор, понимаешь?

Он печально улыбнулся:

— По-моему, она больше не хочет со мной говорить.

— А что, если... — Корделия откинула голову и невидяще уставилась в конец коридора, — если бы в ту ночь ничего не случилось, если бы ты не впал в панику... Если бы этот идиот Ивон Форхалас не прервал вас своим спектаклем... — «Ах, если б так и было! Слишком много боли они причиняют, все эти если». — Вернемся к самому началу: вот вы сидели, обнимались. — Эти слова напомнили ей об Эйреле, но о нем сейчас тоже было слишком больно думать. — Вы нежно расстались, наутро ты просыпаешься, мучась от неутоленной страсти... Что делают на Барраяре потом?

— Потом — сваха.

— Что?

— Ее родители или мои нанимают сваху. И она... ну... все улаживает.

— А что делаешь ты?

Он пожал плечами:

— Являюсь на свадьбу без опоздания и плачу по счетам, наверное. А чаще всего по счетам платят родители.

«Неудивительно, что он совершенно растерялся».

— Ты ведь хотел жениться? Не просто переспать с ней?

— Да! Но... миледи, я ведь даже в хорошие дни всего лишь полчеловека. Ее родные поднимут меня на смех, если увидят...

— Ты встречался с ее родными? Они тебя видели?

— Нет.

— Ку, ты сам-то понимаешь, что говоришь?

Он выглядел пристыженным.

— Ну...

— Сваха. О Господи!

Корделия встала.

— Куда вы?

— Сватать, — решительно сказала она. Подойдя к двери леди Форпатрил, она заглянула в комнату. Друшикко сидела, наблюдая за спящей; нетронутое пиво и бутерброды остались на прежнем месте.

Корделия проскользнула в комнату и осторожно закрыла за собой дверь.

— Знаешь, — тихо сказала она, — хорошие солдаты никогда не упустят случая поесть и поспать. Потому что никогда заранее не известно, сколько всего предстоит сделать, прежде чем представится следующая возможность.

— Я не голодна.

Вид у Друшикко был сумрачный и какой-то раздосадованный.

— Хочешь поговорить?

Та неуверенно пожала плечами и пересела на кушетку в дальнем углу комнаты. Корделия устроилась рядом.

— Сегодня, — начала Друшикко, — я впервые побывала в настоящем бою.

— И ты действовала превосходно. Ты...

— Нет, — Друшикко с досадой махнула рукой, — вовсе нет.

— Разве? А мне показалось, что все было как надо.

— Я пробежала позади дома, парализовала двух солдат, дежуривших у задней двери. Они меня даже не заметили. Потом заняла позицию на углу. Я видела, как эти люди мучили леди Форпатрил — оскорбляли ее, толкали, тискали... Я так разозлилась, что приготовила нейробластер. Хотела их убить. А потом началась стрельба. И... и я замешкалась. Из-за меня погиб лорд Форпатрил. Я виновата...

— Спокойнее, девочка! Тот солдат, что застрелил Падму Форпатрила, был не единственным, кто в него целился. Падма был настолько одурманен суперпентоталом, что даже не пытался найти укрытие. Наверное, в него всадили двойную дозу, чтобы он привел их к Элис. Человек в таком состоянии заведомо обречен, если он попадает в переделку.

— Сержант Ботари не колебался, — только и сказала Друшикко.

— Да, — согласилась Корделия.

— Сержант Ботари не тратит силы на то, чтобы... жалеть своих врагов.

— А тебе их жаль?

— Мне тошно.

— Ты убила двух совершенно незнакомых тебе людей и хочешь прекрасно себя чувствовать?

— Но Ботари-то чувствует себя прекрасно!

— Да. Ему это доставило удовольствие. Но Ботари даже по барраярским меркам нельзя считать нормальным. Ты хотела бы быть чудовищем?

— Вы его так называете?!

— О, он — мое чудовище. Мой верный пес. — Корделии всегда было трудно объяснять, что представляет собой Ботари — даже себе самой. Интересно, знает ли Друшикко, откуда пошло выражение «козел отпущения»? Жертвенное животное, которое каждый год отпускали в пустыню, чтобы оно унесло с собой грехи избранного народа... Ботари определенно был ее вьючным животным — Корделия хорошо понимала, сколько он для нее делал. А вот ее собственная роль в жизни сержанта была неясна; она чувствовала одно — роль эта чрезвычайно важна для него. — Я очень рада, что тебе тошно. Два патологических убийцы у меня на службе — это было бы чересчур. Цени свое отвращение, Дру.

Та покачала головой.

— Наверное, я занялась не своим делом.

— Может быть. А может быть, и нет. Подумай, какой чудовищной была бы армия, состоящая сплошь из таких, как Ботари. Любая силовая структура общества — армия, полиция, служба безопасности — нуждается в людях, которые способны творить необходимое зло, не озлобляясь при этом. Только необходимое, не более того. И еще они должны постоянно ставить под сомнение эту необходимость, чтобы не превратиться в зверей.

— Как тот полковник, который осадил своего капрала?

— Да. Или как тот лейтенант, который задал вопрос полковнику... Жаль, что мы не смогли его спасти. — Корделия вздохнула.

Дру хмуро уставилась на свои колени.

— Ку считает, что ты на него сердишься, — сказала Корделия.

— Ку? — рассеянно переспросила Друшикко. — Ах да, он недавно сюда заходил. Ему что-то было нужно?

Корделия улыбнулась.

— Как это характерно для Ку — вообразить, что ты несчастна из-за него. — Ее улыбка померкла. — Я собираюсь отправить его с леди Форпатрил, чтобы он вывез отсюда ее и младенца. Мы расстанемся, как только она сможет передвигаться.

Друшикко забеспокоилась.

— Ему грозит опасность. Люди Фордариана будут вне себя из-за того, что упустили леди Форпатрил вместе с наследником.

И вновь Корделия ужаснулась — неужели крошечный лорд Форпатрил по-прежнему мешает династическим планам графа Фордариана? Безумная система: из-за нее младенец может представлять смертельную угрозу для взрослого.

— Никто не может считать себя в безопасности, пока эта гадкая война не закончится. Скажи мне, ты по-прежнему любишь Ку? Я знаю, твоя первая идиллическая влюбленность миновала. Ты видишь его недостатки. Он эгоцентричен, он зациклен на своей инвалидности, его страшно беспокоят собственные мужские качества. Но он не глуп. У него есть будущее. Его ждет интересная жизнь на службе у регента. — «Если, конечно, все мы не погибнем в ближайшие двое суток». Корделия подумала, что сейчас с ее стороны было бы очень разумно внушить помощникам страстное желание выжить. — Он тебе нравится?

— Я... теперь связана с ним. Не знаю, как объяснить... Я подарила ему мою девственность. Кому еще я буду нужна? Мне было бы стыдно...

— Забудь об этом! Когда мы успешно завершим операцию, ты обретешь такую славу, что мужчины станут сражаться за право ухаживать за тобой. А в доме Эйрела ты встретишь самых лучших, самых смелых. Кого ты хочень? Генерала? Имперского министра? Красавчика-лорда? По-

сланника с другой планеты? Остается лишь сделать выбор. Барраярские законы разрешают тебе иметь только одного мужа, и уж, конечно, неуклюжий молодой лейтенант не имеет никаких шансов в сравнении с такими знаменитостями.

Друшикко недоверчиво улыбнулась.

— А кто сказал, что Ку со временем не станет генералом? — негромко спросила она, потом, вздохнув, наморщила лоб. — Да. Я по-прежнему его хочу. Только вот... боюсь, что он снова причинит мне боль.

Корделия задумалась над ее словами.

— Скорее всего, так оно и будет. Мы с Эйрелом постоянно причиняем друг другу боль.

— О, только не вы, миледи! Вы... вы так идеально друг другу подходите!

— А ты подумай, Дру. Представляешь, в каком состоянии сейчас Эйрел из-за того, что я сделала? Я-то это отлично представляю. И все время об этом думаю.

— О!

— Но боль кажется мне недостаточно веской причиной, чтобы отказаться от будущего. Умирая, ты навсегда освобождаешься от боли. Над болью мы не властны, как и над временем. Вопрос в том, сумеешь ли получить не только боль, но и немножко счастья?

— Я не уверена, что понимаю вас, миледи. Меня все преследует одна картина. Мы с Ку на берегу, совсем одни. Там так тепло. И он на меня смотрит, и видит меня, по-настоящему видит — и он меня любит...

Корделия поджала губы.

— Ага... Этого достаточно. Пошли со мной.

Девушка послушно встала. Корделия вывела ее в коридор, силком усадила Куделку на одном конце дивана, Друшикко — на другом, а сама села между ними.

— Дру, он хочет тебе кое-что сказать. Поскольку вы, похоже, говорите на разных языках, он попросил меня быть переводчицей.

Куделка смущенно покачал головой, глядя куда-то в сторону.

— Вот сейчас, например, он хочет сказать: «Я лучше буду несчастен до конца дней, чем покажусь смешным». Но ты на это не обращай внимания. Так, дайте сообразить. Кто начинает?

Последовало короткое молчание.

— Я говорила, что беру на себя роль ваших родителей? Для начала я стану матушкой Ку. «Ну что, сынок, неужели ты еще не встретил хорошей девушки? Тебе ведь уже почти двадцать шесть». Я видела ту запись, — сообщила она онемевшему Куделке своим обычным голосом. — По-моему, у меня получается, а? И форма, и содержание. А Ку отвечает: «Да, ма, есть у меня на примете чудесная девушка. Молодая, красивая, умная...» А матушка Ку говорит: «Ах!» — и нанимает меня, услужливую соседку-сваху. И я иду к твоему отцу, Дру, и говорю: «Есть тут один молодой человек. Лейтенант императорских войск, личный секретарь лорда-регента, герой войны, в курсе всех серьезных дел империи...» А он отвечает: «Этого больше чем достаточно. Мы его берем». Тогда...

— По-моему, он скажет еще кое-что! — прервал ее Куделка.

Корделия повернулась к Друшикко.

— Ку говорит, что, по его мнению, твоим родным он не понравится, потому что он — калека.

— Ну нет! — возмутилась Друшикко. — Это не так...

Корделия подняла руку, делая ей знак молчать.

— Как твоя сваха, вот что я тебе скажу, Ку. Когда единственная обожаемая дочка указывает пальчиком и решительно говорит: «Па, мне нужен вот этот», — благоразумный па отвечает: «Да, милочка». Признаю, что убедить трех братьев-здоровяков будет не так легко. Стоит ей только прибежать в родительский дом заплаканной — и тебя ждут большие неприятности в темном переулке. Из этого я заключаю, что пока ты им не жаловалась, Дру?

Та невольно хихикнула.

— Нет!

По лицу Куделки было видно, что эта новая мысль его озадачила.

— Видишь, — сказала Корделия, — ты еще можешь ускользнуть от возмездия — если поспешишь. — Она повернулась к Дру. — Я знаю, что он показал себя олухом, но ручаюсь тебе: он — обучаемый олух.

— Я же говорил, что мне стыдно, — обиженно вставил Куделка.

Друшикко резко выпрямилась.

— Да. Неоднократно, — холодно отозвалась она.

— И тут мы переходим к главному вопросу, — медленно и серьезно произнесла Корделия. — На самом деле, Дру, Ку хочет сказать, что ему ни капельки не стыдно. Те минуты были прекрасны, ты сама была еще прекраснее, и он хотел бы проделать это еще раз. И еще, и еще, и только с тобой, всегда с тобой, с благословения родных и без помех. Это так, Ку?

— Я... ну... да!

Друшикко моргнула:

— Но... ведь это я и хотела от тебя услышать!

— Правда?

«А система сватовства не лишена определенных достоинств», — решила Корделия.

Она встала с дивана и взглянула на хронометр. Веселость исчезла.

— У вас есть еще немного времени. И вы успеете сказать друг другу очень многое, если только придерживаться самых простых слов.

ГЛАВА 18

В предрассветные часы в переулках караван-сарая было не так беспросветно темно, как в горах. Подернутое дымкой небо отражало слабое зарево городских огней. Все лица казались сероватыми и нечеткими. Корделия усилием воли отогнала мысль: «Как лица мертвецов».

Леди Форпатрил, хотя и не слишком твердо держалась на ногах, но все-таки уже могла идти самостоятельно. «Ма-

дам» пожертвовала для нее кое-какую одежду, оказавшуюся на удивление приличной: серая юбка ниже колен и теплый свитер. Куделка сменил военную форму на широкие брюки, старые ботинки и куртку. Он нес маленького Айвена, надежно закутанного в самодельные пеленки. Словом, полная иллюзия бедной семьи, пытающейся до возобновления боев выбраться из города к родственникам в деревню. На пути в Форбарр-Султан Корделия видела сотни таких же беженцев.

Куделка критически осмотрел свой маленький отряд, потом задержал взгляд на трости. Полированное темное дерево, блестящий стальной наконечник и инкрустированный набалдашник — слишком роскошно для такой бедной семьи. Он вздохнул.

— Дру, ты не могла бы ее как-нибудь замаскировать? На таком фоне она сразу же бросается в глаза, к тому же мешает нести младенца.

Друшикко кивнула, опустилась на колени, и, завернув трость в рубашку, запихнула ее в свою сумку. Корделия, вспомнив, что случилось с Куделкой после его первого визита в караван-сарай, тревожно всматривалась в темноту.

— Я думаю, на нас никто не нападет в этот час? Вид у нас небогатый.

— Есть и такие, кто готов убить даже ради лохмотьев, — мрачно ответил Ботари, — зима на носу. Но сейчас здесь спокойнее, чем обычно. Отряды Фордариана прочесали весь квартал, собирая «добровольцев», чтобы рыть бомбоубежища в городских парках.

— Никогда не думала, что так обрадуюсь применению рабского труда, — заметила Корделия.

— Да чушь все это, — сказал Куделка, — только парки портят. Даже если убежища и успеют достроить, места там хватит лишь для немногих. Зато все это показывает заботу Фордариана о простом народе, которому грозит обстрелами и бомбардировками злое чудовище — лорд Форкосиган.

— На этот раз, — Ботари отвернул полу куртки, показав серебристый ствол нейробластера, — я оснащен как следует.

Ну, вот и все. Корделия обняла Элис Форпатрил, та в ответ сжала ее плечи и прошептала:

— Помоги тебе Бог, Корделия. И да гореть Фордариану в аду!

— Счастливого пути. Увидимся на базе Тейнери, договорились? — Корделия взглянула на Куделку. — Если сумеешь выжить — одним этим ты уже нанесешь поражение врагам.

— Мы по... мы так и сделаем, миледи, — сказал Куделка. Он отдал честь Друшикко, и в этом жесте не было ни капли иронии — разве что малая толика зависти. Девушка ответила медленным понимающим кивком. Оба решили не портить прощание лишними словами, но Друшикко все оглядывалась через плечо, пока Куделка и леди Форпатрил не скрылись из виду, а потом зашагала быстрее.

Они вышли из темных переулков на освещенные улицы. Здесь уже изредка попадались прохожие. Подгоняемые утренним холодом, люди спешили по своим делам, и казалось, что каждый, завидев встречного, спешит перейти на другую сторону улицы. Корделия приободрилась, почувствовав, что они не слишком заметны. Она внутренне сжалась, когда мимо медленно проехала патрульная машина, но та не остановилась.

Они немного постояли на тротуаре, пока не убедились, что нужное им здание уже открыто. Это был многоэтажный, безликий, наспех возведенный дом — одна из примет строительного бума, наступившего тридцать лет назад, когда Эзар Форбарра пришел к власти и дал Барраяру долгожданный мир. В здании находилось множество учреждений. Они миновали вестибюль, вошли в лифтовую шахту и, никем не замеченные, спустились в подвал.

Выйдя из шахты, Друшикко замедлила шаг и внимательно осмотрелась.

— Вот здесь мы выглядим очень неуместно.

Ботари стоял на страже, пока она отмычкой открывала дверь в служебный туннель. Некоторое время они шли прямо, потом дважды свернули на перекрестках. Видно было, что этим проходом часто пользуются: повсюду горел свет. Корделия настороженно прислушивалась, не раздадутся ли шаги.

Возле небольшого люка Друшикко остановилась и, присев на корточки, быстро и ловко открутила болты.

— Свешивайтесь на руках и прыгайте. Тут немногим больше двух метров. Скорее всего, внизу сыро.

Корделия соскользнула в темный круг и с хлюпаньем приземлилась. Она зажгла фонарик и обнаружила, что находится в синтебетонной трубе. Вода, гладкая, черная и блестящая, доходила до щиколоток. Обжигающе-холодная вода. Следом спрыгнул Ботари. Друшикко встала ему на плечи и осторожно поставила на место крышку люка.

— По этому водостоку надо пройти примерно полкилометра, — прошептала она. — Идемте скорее!

В такой близости от цели Корделию понукать не требовалось.

Пройдя полкилометра, они пролезли в темное отверстие, располагавшееся довольно высоко на изогнутой стене. Отсюда начинался гораздо более старый туннель меньшего диаметра, выложенный потемневшим от времени кирпичом. Скрючившись, на полусогнутых ногах, они с трудом продвигались вперед. Корделия подумала, что труднее всех приходится Ботари. Дру замедлила шаг и принялась выстукивать крышу туннеля стальным наконечником трости. Когда резкие звуки сменились глухими, она остановилась.

— Здесь. Осторожно!

Высвободив лезвие, она осторожно просунула его в щель между скользкими кирпичами. Щелчок, и панель из фальшивых кирпичей упала, чуть не ударив девушку по голове. Дру убрала клинок в ножны.

— Наверх! — И она подтянулась на руках.

Последовав за нею, они оказались в еще более узком и еще более древнем водостоке, круто уходившем вверх.

Пришлось ползти. Вскоре одежда пропиталась влагой. Внезапно Дру выпрямилась и, раскидав битые кирпичи, выбралась в темную залу с колоннами.

— Что это? — прошептала Корделия. — Слишком просторно для туннеля...

— Старые конюшни, — шепотом ответила Дру. — Мы уже под территорией дворца.

— Неужели никто не знает про этот ход? Он же наверняка нанесен на старые планы. Кто-то... Дворцовая охрана должна знать, что здесь можно пройти.

Корделия повела фонариком, вглядываясь в массивные квадратные колонны, поддерживающие сводчатый потолок.

— Это — подвалы самых старых конюшен. Их строили даже не при Дорке, а при его двоюродном дедушке. У него было более трехсот лошадей. Лет двести тому назад наверху был страшный пожар. Конюшню решили не восстанавливать, ее просто сровняли с землей, а новую построили с восточной стороны дворца. Во времена Дорки ее переделали под жилье для прислуги. Там-то и содержат почти всех заложников. — Дру уверенно пошла вперед. — Мы находимся к северу от главного дворцового здания, под садами, разбитыми по плану Эзара. Видимо, тогда он и обнаружил этот старый подвал, а тридцать лет назад велел капитану Негри расчистить подземный ход. Лазейка, о которой не знала даже их собственная служба безопасности. Сколько доверия, а?

— Спасибо тебе, Эзар, — с печальной иронией пробормотала Корделия.

— Вот когда мы отсюда выйдем... Тогда действительно будет опасно, — заметила девушка.

Именно так. Сейчас еще можно отступить, вернуться — и никто ничего не узнает. «Почему эти люди так беззаботно дали мне право рисковать их жизнями? Господи, как же я ненавижу командовать!» Что-то прошуршало в темноте, где-то закапала вода...

— Вот, — сказала Друшикко, высветив фонариком пирамиду ящиков. — Тайный склад Эзара — оружие, одеж-

да, деньги. В прошлом году, во время эскобарской войны, капитан Негри велел мне принести сюда одежду для женщины и мальчика. Он опасался мятежей, но сюда они не докатились.

В одном из ящиков нашлись два наряда, вполне подходящих для дворцовых горничных, и женщины быстро переоделись. Ботари достал из сумки черную полевую форму и надел ее, прикрепив офицерские нашивки. Издали его можно было принять за настоящего охранника, хотя вблизи стало бы заметно, что форма слишком помята. Как и обещала Дру, в герметичных упаковках нашлось всевозможное оружие — заряженное и в полной боевой готовности. Корделия и Друшикко взяли по новому парализатору. Их взгляды встретились.

— Теперь никаких колебаний, да? — прошептала Корделия.

Дру кивнула с мрачной решимостью. Ботари взял парализатор, нейробластер, плазмотрон. Корделия только надеялась, что при ходьбе его арсенал не будет греметь.

— Но в помещении нельзя стрелять из плазмотрона! — запротестовала Друшикко.

Сержант пожал плечами:

— Иногда приходится. Что можно знать заранее?

Минуту подумав, Корделия прихватила и трость-шпагу, заткнув за пояс платья. Шпагу, конечно, серьезным оружием не назовешь, но во время их вылазки она уже несколько раз оказывалась удивительно кстати. «На счастье». Наконец Корделия извлекла со дна сумки предмет, который втайне считала самым мощным оружием.

— Сандалия? — недоуменно спросила Друшикко.

— Сандалия Грегора. Это — на случай встречи с Карин. Я почти уверена, что вторая по-прежнему хранится у нее.

И она спрятала сандалию во внутренний карман болеро, накинутого поверх платья. Гербы дома Форбарра придавали завершенность образу старшей прислуги.

Когда все приготовления были закончены, Друшикко снова повела их по темному переходу, становившемуся все уже и уже.

— Теперь мы под самим дворцом, — прошептала она, сворачивая. — Надо подняться по вот этой лестнице между стен. Ее построили позже, так что места тут совсем мало.

Мало — не то слово! Корделия выдохнула и полезла следом за Друшикко, с трудом протискиваясь между стенами и стараясь по возможности не испачкать платье. Лестница, как водится, была деревянная. В голове у Корделии гудело от усталости и возбуждения. Она мысленно прикинула ширину прохода: да, нести репликатор будет страшно трудно. Она одернула себя, приказав думать только о хорошем, но потом решила, что это и есть хорошее.

«Зачем я это делаю? Я могла бы сейчас сидеть на базе Тейнери с Эйрелом, и пускай эти барраярцы хоть целыми днями друг друга убивают, раз им это так нравится...»

Лестница кончилась, и Друшикко шагнула в сторону на какой-то крошечный карниз — точнее, просто доску. Когда Корделия поравнялась с ней, та жестом велела ей остановиться и выключила свой фонарик. Потом прикоснулась к какому-то бесшумному замку, и перед ними сдвинулась стенная панель. Очевидно, до самой смерти Эзара все механизмы содержались в идеальном состоянии.

Они заглянули в спальню покойного императора, ожидая, что она окажется пустой. И тут лицо Друшикко исказилось отчаянием.

Огромная резная кровать Эзара (Господи, ведь на ней он и умер) была занята. Неяркий оранжевый свет ночника озарял двух спящих. Даже в таком непривычном ракурсе Корделия сразу же узнала плоское лицо и усики Вейдла Фордариана. Он вольготно раскинулся во сне, уронив тяжелую руку на грудь принцессы Карин. Ее темные волосы разметались по подушке. Она спала, свернувшись калачиком на краешке постели, чуть ли не падая на пол.

«Ну, вот мы и нашли Карин. К сожалению, не одну».

Корделию затрясло от желания пристрелить Фордариана во сне. Но от электрического разряда наверняка сработает сигнал тревоги. А пока в ее руках нет репликатора

с Майлзом, она не готова спасаться бегством. Знаком приказав Друшикко снова задвинуть панель, она шепотом скомандовала ожидавшему их Ботари:

— Вниз.

Так же бесшумно они спустились на четыре этажа. Снова оказавшись в туннеле, Корделия повернулась к девушке, которая беззвучно рыдала.

— Она продалась ему! — прошептала Друшикко. Голос ее дрожал от горя и отвращения.

— Интересно, какие у нее, по-твоему, были возможности для сопротивления? — язвительно спросила Корделия. — Чего бы ты от нее хотела: чтобы она выбросилась из окна, пожертвовав жизнью ради спасения чести? Она уже хлебнула горя с Зергом, и думаю, что у нее навсегда пропала охота к героическим жестам.

— Если бы мы только пришли раньше! Тогда я могла бы... мы могли бы ее спасти.

— И сейчас еще можем.

— Но она же по-настоящему продалась!

— Лгут ли люди во сне? — спросила Корделия. Заметив непонимающий взгляд Друшикко, она объяснила: — Принцесса не похожа на влюбленную. Она похожа на пленницу. Я пообещала, что мы попробуем ей помочь, — и мы попробуем. — «Время». — Но сначала — за Майлзом. Давай проверим второй выход.

— Нам придется пройти через охраняемые коридоры, — предостерегла Друшикко.

— Ничего не поделаешь. Если мы еще задержимся, дворец начнет просыпаться и нам встретится больше народа.

— А повара уже сейчас принялись за работу, — вздохнула Дру. — Как раз в это время, после ночных дежурств, я иногда заходила на кухню выпить кофе с пирожными.

Увы, диверсионная вылазка не предусматривает перерыва на завтрак. Итак, настал решающий момент. Идти или не идти? Что ею движет: мужество или глупость? Какое уж тут мужество — ее мутит от страха, и от того, что это чувство уже знакомо, ничуть не легче. «Если я не буду

действовать, мой ребенок умрет». Ну что ж, придется обойтись без отваги.

— Идем, — решила Корделия. — Лучшего шанса у нас не будет.

Опять вверх по узенькой лестнице. Вторая панель впустила их в личный кабинет покойного императора. К великому облегчению Корделии, здесь царили мрак и запустение; по-видимому, кабинетом не пользовались со дня смерти Эзара. Огромный комм-пульт был выключен, рассекречен, так же мертв, как и его хозяин. За окнами все еще было темно — зимой рассветает поздно.

Корделия прошла через комнату, и трость, выскользнув из-за пояса, больно ударила ее по ноге. В эту минуту ей попался на глаза большой старинный поднос с плоской керамической чашей. Корделия положила трость на поднос и с серьезным видом взяла его в руки, как прислуга, несущая любимую безделушку своему господину.

Друшикко одобрительно кивнула:

— Держите поднос ниже, между талией и грудью, — прошептала она. — А спину надо выпрямить — так нас учили.

Корделия кивнула. Они задвинули панель, привели себя в порядок и вышли в коридор второго этажа.

Две дворцовые горничные и охранник. На первый взгляд, они выглядели совершенно естественно — даже в эти неспокойные времена. Капрал службы безопасности, стоявший на посту у малой лестницы в конце коридора, вытянулся по стойке «смирно» при виде знаков различия на форме Ботари. Уловка сработала: две женщины не могут никому угрожать, их самих уже охраняют. А то, что кому-то угрожать мог их охранник, капралу еще не скоро придет в голову.

Наверху они свернули в коридор. Ну вот. За этой дверью, согласно сообщениям верных людей, Фордариан держит захваченный репликатор. Поближе к себе, как живой щит — любая бомба, сброшенная на дворец, убьет и крошечного Майлза. Если, конечно, барраярец способен считать ее ребенка живым существом.

У двери стоял еще один охранник. Он подозрительно посмотрел на незнакомые лица, и его рука потянулась к кобуре. Корделия и Друшикко прошли мимо, даже не обернувшись. Приветственный салют Ботари мгновенно перешел в удар, отбросивший охранника к стене. Упасть он не успел — Ботари подхватил его и втащил внутрь, потом, шагнув назад, занял освободившееся место. Друшикко бесшумно закрыла дверь.

Корделия дико озиралась, отыскивая автоматические мониторы. Судя по отсутствию окон, прежде здесь была караулка или, может быть, что-то вроде чулана. Но сейчас посреди комнаты стоял покрытый скатертью круглый стол, а на нем — переносной маточный репликатор. Его огоньки по-прежнему вспыхивали зеленым и желтым. Ни один по-звериному красный глазок еще не предупреждал о неполадках. У Корделии вырвался вздох, исполненный муки пополам с облегчением.

Друшикко недовольно оглядывала комнату.

— Что случилось, Дру? — прошептала Корделия.

— Слишком легко все прошло, — пробормотала та.

— Мы еще не закончили. Скажешь «легко» через час.

Она облизнула губы, ощутив, что подсознательно разделяет сомнения Друшикко. Ничего не поделаешь. Схватить и бежать. Сейчас вся надежда на скорость, а не на конспирацию.

Корделия поставила поднос на стол, потянулась к ручкам репликатора — и замерла. Что-то... что-то было не так. Она всмотрелась в показания приборов. Монитор кислородонасыщенности не работает... И хотя огонек горит зеленый, уровень питательной жидкости стоит на нулевой отметке.

Пустой.

Она подалась вперед, еще пристальнее вглядываясь в нелогичную кашу фальшивых показаний. Преследовавший ее кошмар вдруг стал ужасающе реальным: неужели они выплеснули его на пол, вылили в водосток, в канализацию?.. Умер ли ее сын быстро, или они предоставили крошечному младенцу, лишенному жизнеобеспечения,

биться в агонии у них на глазах? Может, даже и смотреть-то не стали...

«Номер аппарата! Проверь номер аппарата».

Безумная надежда — и все же... она заставила себя сосредоточиться, собрать бешено разбегающиеся мысли. Она вспомнила, как в задумчивости водила пальцем по номеру, стоя в лаборатории Ваагена и размышляя о далеком мире, где было создано это устройство. И номер был другим! Этот репликатор — один из оставшихся шестнадцати, и поставлен здесь в качестве приманки.

У нее оборвалось сердце. Сколько приготовлено таких ловушек? Она представила себе, как отчаянно мечется от репликатора к репликатору, словно ребенок в жестокой игре в «собачку», и ищет, ищет...

«Я сойду с ума».

Нет. Где бы ни находился репликатор, он наверняка недалеко от Фордариана, в этом-то можно не сомневаться. Опустившись на колени, Корделия приподняла скатерть. Вот он — датчик давления. Это идея самого Фордариана? Хитро, ничего не скажешь. Друшикко нагнулась, повинуясь ее жесту.

— Ловушка, — прошептала Корделия. — Если поднять репликатор, сработает сигнал тревоги.

— Если мы его обезвредим...

— Нет. Не трудись. Это — приманка. Не тот репликатор. Этот пустой, а лампочки мигают, чтобы он казался работающим.

Она попыталась заставить себя мыслить логически, преодолевая пульсирующую в висках боль.

— Нам придется идти обратно. Снова вниз — и вверх. Я не собиралась встречаться с Фордарианом, но уж ему-то точно известно, где Майлз. Небольшой допрос в добром старом стиле. Времени у нас в обрез. Если сработает сигнал тревоги...

В коридоре загромыхали шаги, послышались крики, прошипели выстрелы парализатора. Ботари спиной ввалился в дверь.

— Ну все, нас заметили, — констатировал он.

«...Все пропало...» — Сознание Корделии машинально закончило начатую фразу. Окна нет, дверь только одна, и они только что потеряли единственный путь к отступлению. Ловушка все-таки сработала.

«И да гореть Фордариану в аду!»

Друшикко сжала парализатор:

— Мы вас не сдадим, миледи. Будем сражаться до последнего.

— Глупости, — огрызнулась Корделия. — Наша смерть ничего не даст. Фордариан потеряет нескольких солдат, вот и все. Принимать сейчас бой просто бессмысленно.

— Вы хотите сказать, что надо сдаться?

— Слава самоубийц — утеха для дураков. Мы не сдаемся. Мы выжидаем, когда представится возможность победить. Но мы не сможем ею воспользоваться, если будем парализованы или поджарены нейробластером.

Конечно, если бы здесь стоял настоящий репликатор... «Я уже настолько обезумела, что могла бы пожертвовать жизнями этих людей ради своего сына, — с горечью подумала Корделия, — но все же не настолько, чтобы потратить их даром». Не настолько обарраярилась.

— Вы окажетесь у Фордариана в заложниках, — предостерег Ботари.

— Я и так у него в заложниках — с того дня, как он захватил Майлза, — горько ответила Корделия. — Это ничего не изменит.

Несколько минут переговоров, которые велись через дверь, — и им удалось сдаться живыми, несмотря на то, что охранники были взвинчены до предела. Корделия, Ботари и Дру бросили свое оружие в приоткрытую дверь. На всякий случай проверив незваных гостей сканерами, четверо охранников ворвались в комнату; другие, с бластерами на изготовку, остались в коридоре. Всех троих тщательно обыскали. Охранник, который обыскивал Корделию, озадаченно нахмурился, когда подозрительный бугор под ее болеро оказался все-навсего детской сандалией. Он положил ее на стол рядом с подносом.

Командир, в коричневом с золотом мундире, проговорил в наручный комм:

— Здесь все в порядке. Доложи милорду. Нет, он велел его разбудить. Хочешь потом объяснять ему, почему ты этого не сделал? Спасибо.

Все еще не пришедшего в себя часового, которого оглушил Ботари, унесли. Охранники велели Корделии, Дру и Ботари стоять лицом к стене и не шевелиться. Корделия не теряла надежды. Карин все же придет к ней, пусть даже к пленной — не может не прийти. А на разговор с принцессой ей потребуется не больше тридцати секунд.

«Стоит мне увидеть Карин — и ты мертвец, Фордариан. Ты можешь ходить, говорить, отдавать приказы и еще несколько недель не знать о своей гибели, но я решу твою судьбу так же бесповоротно, как ты решил судьбу моего сына».

Причина ожидания наконец прояснилась: в дверь протолкался сам Фордариан, голый по пояс, в зеленых парадных брюках и шлепанцах на босу ногу. За ним вошла принцесса Карин, зябко кутаясь в красный бархатный халат. У Корделии отчаянно забилось сердце. Сейчас?

— Так. Мышеловка сработала, — удовлетворенно начал Фордариан, но тут же изумленно хмыкнул, когда Корделия, оттолкнувшись от стены, повернулась к нему лицом. Властным движением руки он остановил охранника. Изумление на лице графа сменилось хищной ухмылкой. — Да еще как сработала! Просто великолепно!

Стоявшая позади него Карин в полном недоумении уставилась на Корделию.

«Это моя мышеловка сработала, — подумала Корделия. — И теперь берегись...»

— В том-то и дело, милорд, что не сработала, — скорбно доложил начальник охраны. — Мы не заметили эту группу на внешнем периметре дворца — они как с неба свалились, не потревожили ни одну контрольную систему. Так не бывает. Если бы я не пришел поговорить с Роджетом, мы могли бы и вовсе их не обнаружить.

Фордариан пожал плечами: он был слишком доволен результатом, чтобы гневаться на служебные упущения своих подчиненных.

— Допроси с суперпентоталом эту девчонку, — он указал на Друшикко, — и, надо полагать, узнаешь, как им это удалось. Она раньше состояла в дворцовой службе безопасности.

Друшикко возмущенно оглянулась на принцессу. Та невольно еще плотнее завернулась в халат и посмотрела на девушку с не менее обиженным видом.

— Выходит, — заговорил Фордариан, все еще улыбаясь Корделии, — у лорда Форкосигана совсем не осталось солдат, раз он посылает вместо них свою жену? Значит, победа нам обеспечена.

Он улыбнулся охранникам, и те радостно заулыбались в ответ.

«Дьявол, как жаль, что я не застрелила его спящим».

— Что ты сделал с моим сыном, Фордариан?

— Инопланетная баба никогда не подчинит себе Барраяр, обманом отдав империю мутанту, — процедил сквозь зубы Фордариан. Он уже не улыбался. — Это я гарантирую.

— Значит, такова новая официальная версия? Мне власть не нужна. Но я не позволю, чтобы мной управляли идиоты.

За спиной Фордариана Карин грустно скривила губы.

«Да слушай меня, Карин!»

— Где мой сын, Фордариан? — упрямо повторила Корделия.

— Он теперь — император Вейдл, — заметила Карин, переводя взгляд с Корделии на Фордариана. — Если, конечно, удержит титул.

— Удержу, — пообещал Фордариан, оборачиваясь к принцессе. — У Эйрела Форкосигана прав не больше, чем у меня. И я буду беречь то, что не сумели сберечь его сторонники. Я буду оберегать и защищать истинный Барраяр.

— Мы сумели, — прошептала Корделия, встретившись взглядом с Карин. «Сейчас». Она быстро взяла со

стола сандалию и протянула принцессе. Глаза Карин широко раскрылись. Бросившись вперед, она схватила сандалию. У Корделии свело руку; сейчас она чувствовала себя бегуном, который умирает, передав эстафету в каком-то жизненно важном забеге. В ее душе расцвела яростная уверенность.

«Вот ты и попался, Фордариан».

Внезапное движение насторожило охранников. Карин жадно рассматривала сандалию, поворачивая ее в руках. Фордариан озадаченно поднял брови, потом решил не обращать на Карин внимания и повернулся к начальнику охраны:

— Этих пленных, всех троих, оставишь во дворце. Я сам буду присутствовать на допросах.

Исступленная, безумная надежда на краткий миг исказила лицо Карин, но в следующую секунду она вновь овладела собой.

«Да, — подумала Корделия. — Тебя предали. Тебе лгали. Твой сын жив: теперь тебе снова надо двигаться, думать и чувствовать. Сбрось оцепенение. Я принесла тебе не дар. Я принесла тебе проклятие».

— Карин, — тихо спросила она, — где мой сын?

— Репликатор — на полке дубового гардероба в спальне покойного императора, — ровным голосом ответила принцесса, глядя Корделии прямо в глаза. — А где мой?

— Был жив и здоров, когда я в последний раз его видела. И будет жив и здоров, пока этот самозванец, — она кивком указала на Фордариана, — не узнает, как до него добраться. Грегор без вас скучает. Просил передать привет.

Карин вздрогнула, как от удара.

Фордариан наконец начал понимать, что происходит.

— Грегор на дне озера, погиб при аварии флайера вместе с предателем Негри, — резко бросил он. — Самая опасная ложь — это та, в которую хочешь поверить. Берегитесь, леди Карин. Я не смог спасти его, но я за него отомщу. Это я обещаю.

«О-о! Подожди, Карин. — Корделия закусила губу. — Не здесь. Слишком опасно. Подожди удобного случая. По крайней мере дождись, пока этот ублюдок уснет. Но если даже бетанка не решилась убить спящего врага, то насколько это труднее сделать фор-леди? А Карин — настоящая фор-леди».

Губы принцессы изогнулись в недоброй улыбке. Глаза ее горели.

— Этот сандалик не был в воде, — тихо проговорила она.

Корделия услышала в ее голосе зловещие нотки, но Фордариан, похоже, принял их за беспомощное женское горе. Он мельком взглянул на сандалик, так и не поняв, какую весть принес этот предмет, и встряхнул головой, словно освобождаясь от ненужных мыслей.

— Когда-нибудь ты родишь еще одного сына, — ласково пообещал он ей. — Нашего сына.

«Подожди, подожди, ну подожди же!» — мысленно молила Корделия.

— Никогда, — прошептала Карин. Шагнув к стоявшему в дверях охраннику, она выхватила у него из раскрытой кобуры нейробластер, направила его прямо на Фордариана и выстрелила.

Изумленный охранник ударил ее по руке, и разряд прошел мимо, с треском разнося потолок. Фордариан нырнул за стол — единственный предмет мебели в комнате — и перекатился. В ту же секунду его личный телохранитель автоматическим движением выхватил свой нейробластер и нажал на спуск. Лицо Карин исказилось смертельной мукой, голубой огонь охватил ее голову, рот открылся в последнем беззвучном крике.

«Подожди!» — мысленно простонала Корделия.

— Н-е-ет! — отчаянно заорал Фордариан. Вскочив, он вырвал нейробластер из рук другого охранника. Телохранитель, уже осознав чудовищность своей ошибки, отшвырнул оружие, словно желая отстраниться от содеянного. Фордариан пристрелил его на месте.

Все поплыло перед глазами у Корделии. Схватив трость Куделки, она отстрелила ножны прямо в лицо одному из

охранников и молниеносно всадила клинок в руку Фордариана. Тот закричал и выронил оружие. Друшикко уже завладела первым брошенным нейробластером. Ботари обезвредил стоявшего рядом с ним солдата одним смертельным ударом в горло. Корделия захлопнула дверь в коридор перед носом у оставшихся там охранников и кинулась вперед. Прожужжал разряд парализатора, потом один за другим три быстрых выстрела нейробластера: это Друшикко разделалась с последними из людей Фордариана.

— Хватай его! — прокричала Корделия сержанту. Трясущийся Фордариан, сжимавший окровавленную кисть правой руки, не мог толком сопротивляться, хотя лягался и кричал. Ботари моментально скрутил его и приставил к затылку нейробластер.

— Пошли отсюда, — скомандовала Корделия, ударом ноги распахивая дверь. — В спальню императора.

«К Майлзу».

Солдаты в коридоре вскинули оружие, но замерли в нерешительности при виде своего господина.

— Дорогу! — прорычал Ботари. Охранники расступились. Корделия схватила Друшикко за руку, и они перешагнули через тело принцессы, прекрасной даже в смерти. Держась так, чтобы Ботари и Фордариан оказались между ними и охранниками, женщины отступили по коридору.

— Достаньте у меня из кобуры плазмотрон и открывайте огонь, — жестко велел Корделии сержант. Ему удалось завладеть оружием только к концу потасовки — наверное, поэтому на его счету оказалось так мало убитых.

— Но мы подожжем дворец! — ужаснулась Друшикко.

Все бесценные антикварные изделия, все исторические реликвии находились в этом крыле. Это точно.

Корделия отчаянно ухмыльнулась, подняла плазмотрон и выстрелила в дальний конец коридора. Деревянная мебель, паркет и старинные драпировки с ревом вспыхнули при первом же прикосновении огненного луча.

«Горите! Горите за Карин. Путь это возжигание будет достойно ее отваги и муки, пусть пламя возносится выше и выше...»

Оказавшись перед дверью в спальню покойного императора, Корделия послала струю плазмы и в другой конец коридора.

«А это вам за то, что вы сделали со мной и моим мальчиком...»

Огонь на несколько минут задержит преследователей. Казалось, ее тело парило, сделавшись необыкновенно легким.

«Интересно, Ботари чувствует то же самое, когда убивает?»

Друшикко бросилась к панели потайной лестницы. Она действовала уверенно, словно руки и искаженное горем лицо принадлежали разным людям. Корделия кинула шпагу на кровать, метнулась к огромному резному гардеробу, стоявшему у ближней стены, и распахнула дверцы. В полутьме на центральной полке горели янтарные и зеленые огни.

«Господи, только бы не очередная пустышка...»

Она обхватила репликатор и вытащила его на свет. Судя по весу, он был полон жидкости. Правильные показания приборов, правильные цифры. Это он.

«Спасибо тебе, Карин. Я не хотела твоей гибели».

«Я сошла с ума». Она не испытывала ни горя, ни раскаяния, хотя сердце бешено колотилось и дыхание перехватило. Наверное, это и есть боевой адреналиновый шок, бросающий людей на амбразуры. Вот что, оказывается, так ценят войноголики.

Фордариан, ругаясь, пытался вырваться из железной хватки Ботари.

— Вам не убежать! — Перестав брыкаться, он попробовал заглянуть в глаза Корделии. — Подумайте, леди Форкосиган. У вас ничего не выйдет. Я вам нужен как заслон, но нести меня парализованного вы не сможете. А в сознании я буду все время сопротивляться. Там, снаружи, вас неминуемо схватят. — Голос его стал слащавым-слащавым. — Сдай-

тесь сейчас, и вы сохраните себе жизнь. И в придачу вот эту жизнь, которая так много для вас значит. — Он кивнул на репликатор в руках Корделии. Ее шаги теперь были тяжелее, чем у беременной Элис Форпатрил.

— Я не приказывал этому дураку Форхаласу убить наследника Форкосигана, — торопливо продолжал граф, пытаясь пробиться сквозь их молчание. По его пальцам струилась кровь. — Для Барраяра опасен только сам лорд с его безумными прогрессистскими идеями. Ваш сын вполне мог бы унаследовать графство после Петера. А старику не следовало нарушать верность своей партии. Это же просто преступление — то, к чему Эйрел вынудил своего отца!

«Так. Значит, это был ты. С самого начала».

От потери крови и шока он говорил сумбурно, обычно гладкие политические аргументы звучали пародией. Казалось, Фордариан надеялся отговориться от возмездия, стоит только подобрать нужные слова. Почему-то Корделия сомневалась, что у него это получится. Фордариан не был ни вызывающе аморален, как Форратьер, ни развращен, как Зерг, но зло все равно так и сочилось из него — не из-за его пороков, а из-за его добродетелей: убежденности в своих консервативных взглядах, страсти к Карин. У Корделии мерзко болела голова.

— Мы так и не смогли доказать, что вы стояли за Ивоном Форхаласом, — тихо сказала Корделия. — Спасибо за информацию.

Фордариан умолк и с тревогой посмотрел на дверь, за которой уже ревело пламя. Потом выпрямился и перевел взгляд на Корделию.

— Мертвый, я не гожусь в заложники...

— Вы мне вообще не нужны, император Вейдл, — откровенно ответила Корделия. — В этой войне погибло уже не меньше пяти тысяч человек. Теперь, когда погибла и Карин, долго ли еще вы собираетесь воевать?

— До конца, — он оскалился. — Я отомщу за нее, отомщу за всех...

«Неверный ответ», — подумала Корделия со странной грустью, от которой кружилась голова.

— Ботари! Возьмите эту шпагу. — Она поставила репликатор на пол и на мгновение положила руку поверх его пальцев, сжавших рукоять. — Ботари, я прошу вас казнить для меня этого человека.

Ей самой показалось, что ее голос прозвучал неестественно спокойно, словно она попросила передать ей масло за столом.

— Слушаюсь, миледи, — отозвался Ботари, поднимая клинок. Его глаза радостно сверкнули.

— Как?! — изумленно воскликнул Фордариан. — Вы же бетанка! Вы не можете...

Сверкающий удар оборвал его слова, его дыхание, его жизнь. Голова как будто сама собой отскочила от туловища, только из основания шеи ударила последняя волна крови. Вот кому следовало поручить исполнение приговора над Карлом Форхаласом, отрешенно подумала Корделия... А в следующую секунду Ботари глухо вскрикнул, выронил шпагу и упал на колени рядом с обезглавленным телом, сжимая руками виски. Можно было подумать, что из его горла вырвался предсмертный вопль Фордариана.

Корделия в страхе склонилась над ним. Впервые с той самой секунды, когда Карин схватила нейробластер и начался весь этот хаос, ее охватил ужас. Химическая блокада памяти прорвана, и сержант вспомнил ту картину, которую — под страхом невообразимых мук — ему было приказано забыть: свой бунт и перерезанное горло адмирала Форратьера. Она проклинала себя за то, что не предусмотрела этого. Неужели воспоминания его убьют?

— Дверь совсем раскалилась, — доложила со своей позиции бледная как полотно Друшикко. — Миледи, нам надо немедленно выбираться отсюда.

Ботари с хрипом хватал ртом воздух, все еще сжимая руками голову, но дыхание его начало понемногу выравниваться. Удостоверившись, что приступ проходит, Корделия оставила сержанта сидеть по полу и огляделась. Ей срочно нужно найти что-то — что-то не пропускающее влагу... Вот на полке гардероба валяется прочный пластиковый мешок, а в нем несколько пар туфель Карин —

видимо, он был принесен сюда кем-то из слуг, когда император Вейдл повелел вдовствующей принцессе перебраться в его спальню. Корделия вытряхнула туфли, подняла отрубленную голову и сунула ее в мешок. Ноша оказалась тяжелой, хотя и полегче, чем маточный репликатор. Она затянула завязки.

— Дру, ты держишься лучше всего. Понесешь репликатор. Спускайся. Только не урони его.

Если уронить Фордариана, хуже ему от этого уже не будет, решила Корделия.

Кивнув, Друшикко схватила репликатор и брошенную шпагу. Корделия не поняла, зачем ей понадобился клинок — из-за его исторической роли или потому, что он принадлежит лейтенанту Куделке. Она помогла Ботари подняться на ноги. Из открытой панели навстречу им рвался прохладный воздух: пожар за дверью создал тягу. Потайной ход будет действовать как поддувало, пока горящая стена не рухнет и не завалит его. Тем лучше — пускай мятежники роются в углях, гадая, куда исчезли убийцы их господина.

Спуск напоминал кошмарный сон: тесно, темно, где-то рядом во мраке скулит Ботари. Ей не удавалось держать мешок ни перед собой, ни позади, так что пришлось пристроить его на плечо и спускаться, ударяя свободной ладонью по перекладинам.

Оказавшись на ровной поверхности, она принялась подталкивать плачущего сержанта в спину, не давая ему остановиться, пока они не ступили на каменные плиты подвала.

— С ним все в порядке? — взволнованно спросила Друшикко, когда Ботари сел, уткнувшись головой в колени.

— У него сильная мигрень, — сказала Корделия. — Нужно время, чтобы она прошла.

Еще нерешительнее Друшикко спросила:

— А с вами, миледи?

Корделия ничего не могла с собой поделать: она расхохоталась. С трудом справившись с подступающей истерикой, она ответила окончательно перепуганной Дру:

— Нет. Но это неважно.

ГЛАВА 19

Среди запасов Эзара оказался и ящик с пачками банкнот — барраярские марки во всевозможных купюрах. Там же хранился богатый выбор удостоверений личности; все с фотографией Друшикко, но выписанные на разные имена. Велев девушке набить карманы деньгами и документами, Корделия отправила ее купить подержанный автомобиль, а сама осталась присматривать за Ботари.

Обратный путь из Форбарр-Султана был слабым местом плана Корделии — может быть потому, что она не очень-то верила, что до этого дойдет. Перемещения граждан были строго ограничены, поскольку Фордариан старался помешать населению столицы удариться в бегство. Чтобы сесть на поезд монорельсовой дороги, нужно было предъявить специальный пропуск. Лететь на флайере тоже нельзя — он будет слишком заманчивой мишенью и для врагов, и для друзей. Автомобиль обязательно подвергнется досмотру на нескольких заставах, а пешее передвижение им не по силам, да и заняло бы несколько дней. Хороших вариантов не существовало.

Прошла целая вечность, прежде чем вернулась бледная Друшикко и туннелями вывела их в какой-то малолюдный переулок. Город был присыпан грязным снежком, к серому зимнему небу поднимался столб дыма — по-видимому, пожар во дворце еще не удалось потушить. Интересно, уже пошел слух о смерти Фордариана?

Следуя полученной инструкции, Друшикко выбрала очень простую и незаметную старую машину, хотя имевшихся у нее денег хватило бы для покупки самого шикарного лимузина в столице. Но привлекать к себе внимание было не в их интересах; кроме того, следовало оставить резерв для подкупа патрульных.

Миновать заставы оказалось легче, чем опасалась Корделия. На первой вообще никого не было — возможно, всех солдат в срочном порядке перебросили на оцепление дворца. У второй скопилась длинная очередь. Водите-

ли нетерпеливо сигналили, а инспекторы, сбитые с толку противоречивыми слухами, нервничали и спешили. Толстая пачка денег, протянутая вместе с одним из удостоверений, перекочевала в карман охранника. Он знаком велел женщинам проезжать — везти домой своего «больного дядюшку». У Ботари был и впрямь больной вид: он скорчился под пледом, который заодно прикрывал репликатор. На последней заставе Друшикко сообщила инспектору столь убедительную версию слуха о смерти Фордариана, что тот, перепугавшись, сменил китель на гражданскую одежду и был таков.

Весь вечер они кружили по разбитым проселкам, добираясь до владений соблюдавшего нейтралитет графа Форинниса. Здесь старая машина окончательно встала. Они бросили ее и побрели к монорельсовой дороге. Корделия безжалостно подгоняла свой измученный отряд — часы в ее мозгу продолжали неумолимый отсчет времени. В полночь они явились на первый же военный объект у границы верного императору района — вещевой склад. Друшикко несколько минут пререкалась с дежурным офицером, прежде чем убедила его впустить их внутрь и разрешить воспользоваться линией коммсвязи. Услышав, что она вызывает базу Тейнери, офицер стал намного услужливей. Вскоре, как по волшебству, появился скоростной катер.

На рассвете, когда вдали уже показались огни космодрома, Корделию вдруг охватила паника — ведь все это уже было. Так похоже на ее возвращение после скитаний по горам — просто замкнутый круг. Может, она умерла и попала в ад, и ее присудили к вечной муке — непрестанному повторению событий последних трех недель? Снова, и снова, и снова. Она содрогнулась.

Друшикко озабоченно наблюдала за ней. Измученный Ботари дремал в пассажирском салоне. Двое людей Иллиана — точная копия убитых во дворце фордарианов-ских охранников — опасливо молчали. Корделия не спускала с колен репликатор, а пластиковый мешок лежал у нее в ногах. Почему-то она никак не могла рас-

статься ни с тем, ни с другим, хотя Друшикко явно предпочла бы, чтобы мешок летел в багажном отделении.

Катер аккуратно приземлился на посадочной площадке, двигатели взвыли в последний раз и замолкли.

— Мне нужен капитан Вааген, сию же минуту, — в пятый раз повторила Корделия, когда сотрудники службы безопасности привели их на контрольно-пропускной пункт.

— Да, миледи. Он уже идет, — заверил один из сопровождающих. Она ответила ему недоверчивым взглядом.

Охранники торопливо избавили их от уже ненужного арсенала. Корделия не обижалась: она тоже не позволила бы людям с такой внешностью держать при себе заряженное оружие. Благодаря запасам Эзара женщины оделись поприличнее, но одежды для Ботари не нашлось — сержант так и остался в своей забрызганной кровью и провонявшей гарью полевой форме. Но лица у всех троих по-прежнему были измученными и опустошенными. Корделия дрожала, у Ботари дергалось веко, Друшикко время от времени ни с того ни с сего принималась беззвучно плакать и так же внезапно переставала.

Наконец-то (Корделии пришлось напомнить себе, что прошло всего несколько минут) появился капитан Вааген в сопровождении техника. Его походка обрела уже прежнюю легкость, и о ранении напоминала только черная повязка на глазу. Впрочем, она была ему даже к лицу, делая его похожим на обаятельного пирата. Корделия понадеялась, что повязка — временная, часть лечения.

— Миледи! — Единственный глаз Ваагена сверкал торжеством. — Вы его вызволили!

— Надеюсь, капитан. — Она подняла репликатор, к которому ни разу не позволила прикоснуться людям Иллиана. — Надеюсь, мы не опоздали. Красных огоньков пока нет, но сигнал тревоги был. Я его отключила: он сводил меня с ума.

Вааген быстро осмотрел аппарат, проверяя основные показания.

— Хорошо. Хорошо! Содержание питательных веществ низкое, но они еще не израсходовались. Фильтры работа-

ют, уровень мочевины хотя и повышен но не превышает допустимого... Кажется, все в порядке, миледи. То есть — он жив. Но как этот перерыв отразился на моих процедурах, сказать сразу нельзя. Мы будем в лазарете. Я уже через пять минут начну его обслуживать.

— У вас есть все необходимое? Все средства?

Он сверкнул белоснежными зубами:

— Лорд Форкосиган велел мне готовить лабораторию на следующий день после вашего исчезновения. Он сказал — на всякий случай.

«Эйрел, я тебя люблю!»

— Спасибо. Идите, идите.

Она бережно передала репликатор Ваагену, и тот поспешно удалился.

Корделия шлепнулась на стул, словно марионетка, у которой разом обрезали все веревочки. Теперь можно позволить себе ощутить весь груз усталости. Но расслабляться пока нельзя — ей еще предстоит сделать очень важный доклад. Только не этим службистам Иллиана, которые зависли над ней и не отстают... Она закрыла глаза, демонстративно не замечая агентов и предоставив Друшикко отвечать на их идиотские вопросы.

Ее опять мучил страх, на этот раз — страх потерять Эйрела. Она самым откровенным образом оказала ему неповиновение. Выдержит ли его мужское самолюбие такой щелчок? Может, она теперь навсегда лишится его доверия? Нет, такое подозрение несправедливо. Но как быть с командирским достоинством и престижем лорда-регента? Не приведет ли все это к каким-нибудь непредвиденным политическим последствиям, которые обрушатся на их головы? И важно ли ей это? Да, печально решила она. Дьявольски трудно при такой усталости не испытывать равнодушия.

— Ку!

Восклицание Друшикко заставило Корделию быстро открыть глаза. В караульное помещение, прихрамывая, вошел Куделка. Боже правый, он снова в мундире, побрит и подтянут. Только темные круги под глазами напоминали о том, что случилось за эти дни.

Корделия с удовлетворением отметила, что встреча влюбленных происходит именно так, как положено. Высокая блондинка в перепачканном платье порывисто обняла молодого офицера, и они принялись обмениваться приглушенными неуставными приветствиями: «милый», «дорогая», «слава Богу», «целы», «родной»... Охранники смущенно отвернулись, а Корделия блаженствовала.

Все еще держась за руки, они отстранились, чтобы снова взглянуть друг другу в глаза.

— Вы выбрались! — рассмеялась Друшикко. — Когда... А леди Форпатрил?..

— Мы опередили вас всего часа на два, — ответил Куделка, с трудом переводя дыхание после героического поцелуя. — Леди Форпатрил и юный лорд в лазарете. Врач говорит, с ней ничего страшного — просто сильное переутомление. Она держалась великолепно. Была пара неприятных моментов, когда мы пробирались мимо застав Фордариана, но она ни разу не дрогнула. А вы... вам удалось! Я видел в коридоре Ваагена с репликатором. Вы спасли сына милорда!

Друшикко ссутулилась:

— Но потеряли принцессу Карин.

— О! — Он прикоснулся пальцем к ее губам. — Подожди, не рассказывай — лорд Форкосиган приказал привести вас всех к нему, как только вы вернетесь. Доложите прежде всего ему.

Он отмахнулся от охранников, как от мух. Корделии давно хотелось сделать то же самое.

Ботари пришлось помочь ей подняться. Она взяла желтый пластиковый мешок, лишь сейчас заметив, что на нем красуется название и фирменный знак одного из самых дорогих магазинов женской одежды. «Наконец-то ты во власти Карин, подонок», — с горькой иронией подумала она.

— А это что? — спросил Ку.

— Вот именно, лейтенант, — вмешался начальник караула. — Леди Форкосиган не позволяет нам хотя бы осмотреть эту сумку. А проносить на базу непроверенные предметы категорически запрещается.

Корделия распустила завязку мешка и поманила Куделку. Он заглянул внутрь.

— О дьявол!

Куделка отшатнулся, и охранники рванулись вперед. Но он махнул им рукой, приказывая не подходить.

— Я... понимаю. — Он сглотнул. — Да, адмирал Форкосиган определенно пожелает видеть это.

— Лейтенант, что мне записать в журнале? — жалобно спросил дежурный. — Я обязан регистрировать все, что вносится в помещение.

— Придумай что-нибудь, Ку, — вздохнула Корделия. — Пусть он заткнется.

Куделка снова заглянул в мешок и криво усмехнулся.

— Ничего особенного. Запишите это как подарок адмиралу Форкосигану к Зимнепраздднику от его жены.

— Вот, Ку! — Друшикко протянула ему шпагу. — Я ее сохранила. Только ножны мы потеряли. Извини.

Куделка взял шпагу, взглянул на мешок и, по-видимому, сообразил, что к чему.

— Это... это не страшно. Спасибо.

— Я закажу в «Синглинге» новые ножны, — пообещала Корделия.

Охранники расступились перед личным секретарем адмирала Форкосигана, и он повел Корделию, Ботари и Дру на базу. Оказавшись за дверью, Корделия туго затянула шнурок и повесила мешок себе на запястье.

— Адмирал сейчас внизу, на совещании. Вчера ночью тайно прибыли двое старших командующих Фордариана — ведут переговоры, чтобы его продать. Самый удачный план освобождения заложников рассчитан на их помощь.

— Они уже знали об этом? — Корделия встряхнула свою ношу.

— Не думаю, миледи. Вы смешали все карты.

Ухмылка его стала жестче, неровные шаги ускорились.

— Наверное, вылазка для освобождения заложников еще потребуется, — Корделия вздохнула. — Даже обезглавленная партия Фордариана остается опасной. Может, даже еще опаснее в своем отчаянии.

Она подумала о гостинице в Форбарр-Султане, где все еще держат маленькую Элен Ботари. Менее важные заложники... Сможет ли она убедить Эйрела выделить побольше сил на освобождение менее важных заложников? Увы, ей, видимо, не удалось лишить работы солдат.

«Я старалась. Видит Бог, я старалась».

Они спускались все ниже и ниже, к самому сердцу базы Тейнери, пока, наконец, не оказались перед конференц-залом. У входа нес охрану целый взвод, но Куделка беззаботно провел их мимо. Двери раздвинулись и снова закрылись за ними.

Перед Корделией предстала живая картина: все сидевшие вокруг полированного стола устремили на нее взгляды. Председательское место занимал адмирал Форкосиган; по обе стороны от него находились Иллиан и граф Петер. Здесь же присутствовали премьер-министр Фортела, Канзиан и еще несколько высших командующих — все в парадных зеленых мундирах. Напротив сидели двое предателей со своими адъютантами. Сонмы зрителей. Ей хотелось оказаться наедине с Эйрелом, избавиться от всей этой проклятой толпы.

«Скоро».

Эйрел в молчаливой муке посмотрел ей в глаза, и его губы раздвинулись в ироничной улыбке. Вот и все, но в ее душе вновь появилось тепло уверенности, надежды на него. Никакого холода. Все будет хорошо. Они снова идут в ногу — и поток слов и крепкие объятия не сказали бы большего. «Наши объятия впереди», — пообещали ей его серые глаза. Ее губы тоже улыбнулись, впервые за... сколько дней?

Граф Петер звучно хлопнул ладонью по столу.

— Господи, женщина, где ты была? — возмущенно воскликнул он.

Корделией вдруг овладело мрачное безумие. Она яростно оскалилась и приподняла мешок:

— Ездила за покупками.

На лице старика отразились противоречивые чувства — изумление, недоверие и, наконец, гнев, когда до него дошло, что над ним издеваются.

— Хотите посмотреть, что я купила? — продолжала Корделия. Она рывком раскрыла мешок и вытряхнула из него голову Фордариана. Прокатившись по столу, окровавленная голова с ухмылкой остановилась перед графом, устремив на него взгляд мертвых глаз.

Граф Петер разинул рот. Канзиан вскочил, другие офицеры разразились проклятиями, а один из фордарианов-ских предателей отпрянул так резко, что свалился со стула. Фортела поджал губы и приподнял брови. Куделка, гордый своей ключевой ролью в режиссуре этого исторического момента, положил на стол шпагу в качестве пояснения. Иллиан шумно выдохнул и торжествующе улыбнулся.

Эйрел отреагировал идеально. Он только на секунду чуть шире раскрыл глаза, а потом уперся подбородком в ладони и оглянулся на отца с выражением хладнокровного любопытства.

— Ну, конечно, — выдохнул он. — Супруга фора всегда ездит за покупками в столицу.

— Я слишком дорого за нее заплатила, — призналась Корделия.

— Это тоже в русле традиций. — Губы Эйрела изогнулись в насмешливой улыбке.

— Карин погибла. Застрелили в суматохе. Я не смогла ее спасти.

— Ясно.

Он снова заглянул ей в глаза, словно спрашивая: «С тобой все в порядке?» — и, видимо, прочитал отрицательный ответ.

— Господа, будьте любезны выйти на несколько минут. Я хочу остаться наедине с женой.

В шуме отодвигаемых стульев Корделия расслышала, как кто-то пробормотал:

— Ну и храбрец!

Она посмотрела на офицеров Фордариана, пятившихся от стола.

— Господа, я советую вам, когда совещание возобновится, сдаться без всяких условий на милость лорда Фор-

косигана. — «Возможно, у него она еще осталось. У меня — нет». — Мне надоела ваша глупая война. Заканчивайте ее.

Граф Петер, проходя мимо, опасливо покосился на свою невестку. Корделия с горечью улыбнулась ему.

— Похоже, я тебя недооценил, — пробормотал он.

— Больше никогда не пытайтесь мне мешать. И не приближайтесь к моему сыну.

Взгляд Эйрела остановил ярость, грозившую выплеснуться из чаши ее гнева.

Они с отцом обменялись осторожными кивками, словно дуэлянты — формальными поклонами.

— Ку, — сказал Форкосиган, поглядывая на отвратительный предмет у своего локтя, — распорядись, пожалуйста, чтобы эту штуку унесли в морг. В качестве настольного украшения она мне не нравится. Пускай полежит в морозильнике, пока не представится возможность захоронить ее вместе с остальным телом. Где бы оно ни было.

— Вы уверены, что не хотите оставить ее здесь, чтобы штабисты Фордариана были сговорчивей? — спросил Куделка.

— Уверен, — твердо ответил Форкосиган. — Она уже оказала достаточное воздействие.

Куделка взял у Корделии мешок и брезгливо поймал им голову Фордариана.

Эйрел еще раз осмотрел измученный отряд, отметив горе Друшикко, безостановочные судороги Ботари.

— Дру, сержант. Можете идти мыться и есть. Явитесь ко мне, когда закончатся переговоры.

Друшикко кивнула, сержант отдал честь, и оба вышли следом за Куделкой.

Когда они остались вдвоем, Корделия бросилась к мужу и упала к нему на колени как раз в тот миг, когда он начал вставать. Оба шлепнулись на стул, чуть не опрокинув его. Они обнялись так крепко, что им пришлось чуть разжать руки, чтобы поцеловаться.

— Больше никогда, — прохрипел Эйрел, — не выкидывай таких номеров.

— А ты не создавай такой необходимости.

— Договорились.

Он сжал голову жены ладонями, жадно пожирая ее взглядом.

— Я так боялся за тебя, что забыл бояться за твоих противников. Мне следовало бы помнить. Милый капитан!

— Одна я ничего бы не сделала. Дру была моими глазами, Ботари — правой рукой, а Куделка — нашими ногами. Ты должен простить ему эту самоволку. Мы его вроде как похитили.

— Я знаю.

— Он рассказал тебе о Падме?

— Да. — Эйрел горестно вздохнул, уходя мыслями в прошлое. — Мы с Падмой единственные выжили в тот день, когда Ури Безумный убивал потомков принца Ксава. Мне было одиннадцать, а Падме — год, совсем младенец... С тех пор я всегда считал его младенцем. Пытался за ним присматривать... А теперь я остался один. Работа Ури почти завершена.

— Элен Ботари. Ее надо выручить. Она в тысячу раз важнее, чем куча графов во дворце.

— Мы сейчас этим занимаемся, — уверил он ее. — Это самое важное — теперь, когда ты устранила императора Вейдла. — Он помолчал, медленно улыбнувшись. — Боюсь, ты шокировала моих барраярцев, милая.

— Почему? Они что, думали, жестокость — их монополия? Последние слова Фордариана тоже были об этом. «Вы же бетанка. Вы не можете».

— Чего не можешь?

— Наверное, он сказал бы: «Это сделать». Если бы успел.

— Хорошенький трофей ты везла по монорельсовой дороге. А если бы кто-нибудь попросил тебя открыть мешок?

— Открыла бы.

— С тобой... все в порядке, милая? — Несмотря на улыбку, его голос звучал серьезно.

— Ты хочешь спросить, не свихнулась ли я? Есть немного. Больше, чем немного. — У нее тряслись руки, и это продолжалось уже целые сутки. — Почему-то... я была

уверена, что мне надо забрать с собой эту голову. Не то чтобы я действительно собиралась прибить ее на стену резиденции Форкосиганов рядом с охотничьими трофеями твоего отца. Хотя это тоже неплохая мысль... Наверное, я не сознавала, почему так уцепилась за нее — пока не вошла в этот зал. Если бы я ворвалась сюда с пустыми руками, сказала всем этим людям, что убила Фордариана, и объявила об окончании войны, кто бы мне поверил? Разве что ты...

— Может быть, еще Иллиан. Он видел тебя в деле. Ну а другие... Да, пожалуй, ты права.

— А кроме того, мне вспомнились какие-то обрывки древней истории. Кажется, тогда было принято выставлять на всеобщее обозрение головы убитых правителей, чтобы не появилось самозванцев. А здесь у вас как раз похожий случай.

— Сопровождавшие тебя охранники сообщили, что ты вызволила репликатор. Он работал?

— Сейчас Вааген его проверяет. Майлз жив. Отрицательные последствия пока неизвестны. Да, вот еще что: оказывается, это Фордариан натравил на нас Ивона Форхаласа. Не напрямую, а через какого-то агента.

— Иллиан так и предполагал.

Эйрел крепче обнял жену.

— Насчет Ботари, — сказала она. — Он совсем плох. Сильное перенапряжение. Ему нужно настоящее лечение — медицинское, а не политическое. Эта блокировка памяти — просто спектакль ужасов.

— Она спасла ему жизнь. Это был наш компромисс с Эзаром. Тогда у меня не было власти. Сейчас — другое дело.

— Уж, пожалуйста. Он смотрит на меня, как пес на свою хозяйку — это его собственные слова. А я с ним так и обошлась. Я обязана ему... всем. Но я его боюсь. Почему он так зациклился на мне?

Форкосиган глубоко задумался.

— У Ботари... совсем не развито ощущение собственного «я». Нет надежного центра. Когда я впервые с ним столкнулся, он был совсем болен и его личность чуть не расще-

пилась на множество кусочков. Будь он получше образован и не так искалечен, он мог стать бы идеальным разведчиком, тайным агентом. Он — хамелеон. Зеркало. Он становится тем, чего от него ожидают. Думаю, это происходит бессознательно. Моему отцу нужен преданный слуга — и Ботари всерьез играет эту роль. Форратьеру нужно чудовище — и Ботари становится насильником и палачом. И жертвой. Мне требовался хороший солдат — и Ботари стал для меня таким. А ты... ты — единственный человек из всех, кого я знаю, кто видит в Ботари героя. Он цепляется за тебя, потому что ты создаешь из него гораздо более привлекательную личность, чем он мог бы надеяться.

— Эйрел, но это же безумие!

— Разве? — Он зарылся лицом в ее волосы. — Кстати, он — не единственный, на кого ты так странно действуешь, милый капитан.

— Боюсь, я не в лучшей форме, чем Ботари. Из-за моей неосторожности погибла Карин. Кто скажет об этом Грегору? Если бы не Майлз, я бы все бросила. И не подпускай ко мне твоего отца, а то в следующий раз я его в клочья разорву, честное слово.

Ее снова начало трясти.

— Ш-ш. — Он покачал Корделию на коленях, как ребенка. — Предоставь мне закончить уборку, ладно? Ты мне доверяешь? Мы постараемся извлечь пользу из этих жертв. Чтобы они не были напрасными.

— Я вся в грязи. Меня тошнит.

— Конечно. Так бывает с большинством нормальных людей, возвращающихся из боя. Очень знакомое состояние. — Он помолчал. — Но если бетанка могла вести себя по-барраярски, то, может быть, и барраярцы могут стать похожими на бетанцев? Перемены возможны.

— Перемены неизбежны, — заявила она. — Но ты не можешь идти к ним так, как шел Эзар. Время Эзара миновало. Тебе надо найти собственный путь. Переделай этот мир так, чтобы Майлз смог в нем выжить. И Элен. И Айвен. И Грегор.

— Слушаю и повинуюсь, миледи.

* * *

На третий день после гибели Фордариана столица сдалась войскам лорда-регента — хотя и не без единого выстрела, но все же без такого кровопролития, какого опасалась Корделия. С боем пришлось занимать только здание Главного штаба и императорский дворец. Гостиницу с заложниками гарнизон сдал в целости и сохранности после нескольких часов интенсивных тайных переговоров. Граф Петер предоставил Ботари однодневный отпуск «для устройства домашних дел», и сержант сам отвез в Форкосиган-Сюрло маленькую Элен и ее нянюшку. Впервые с момента возвращения Корделия спокойно проспала ночь.

Лорд Ивон Форхалас командовал наземными войсками в столице и руководил последней обороной центра космической связи в помещении Главного штаба. Он был пристрелен собственными подчиненными за отказ капитулировать в обмен на амнистию. В каком-то смысле, Корделия была даже рада, что он погиб. Аристократа, виновного в государственной измене, барраярский закон присуждал к публичному раздеванию и голодной смерти в клетке на городской площади. Такова была традиция, и покойный император Эзар неукоснительно ей следовал. Корделия только молила Бога, чтобы этот национальный обычай забылся за время правления Грегора.

Оставшись без вождя, мятежная коалиция сразу же распалась на партии и течения. Какой-то излишне самоуверенный фор в городе Федерстоке поднял знамя и провозгласил себя императором, наследником Фордариана. В этом качестве самозванец продержался меньше тридцати часов. Граф одной из прибрежных провинций, верный союзник Фордариана, покончил с собой, не дожидаясь ареста. Его смерть имела бурные последствия: некая антифоровская группа, воспользовавшись неразберихой, провозгласила независимую республику. Новый граф, пехотный полковник, принадлежавший к боковой ветви семейства и совершенно не ожидавший титула, был ис-

кренне возмущен таким безобразием и с солдатской прямотой принялся наводить порядок в своих владениях. Форкосиган предоставил действовать ему и его полиции, оставив имперским войскам лишь «задачи, не относящиеся к внутренним делам провинций».

— Нельзя останавливаться на полдороге, — мрачно бормотал граф Петер, негодуя по поводу такой деликатности.

— Шаг за шагом, — сурово ответил ему сын, — и я обойду вокруг света. Вот увидишь.

На пятый день в столицу доставили Грегора. Он долго и горько плакал, узнав о смерти матери. Когда мальчик немного успокоился, его вывезли к войскам — в специальной машине, защищенной колпаком силового поля. Официально эта поездка считалась инспекционной, но ее действительной целью было показать солдатам живого и невредимого императора и рассеять наконец слухи о его гибели. Корделия поехала с ним. Тихое горе мальчика надрывало ей сердце, но все же она была уверена, что правда лучше любых недомолвок. Если бы во время поездки ей пришлось выносить бесконечные вопросы Грегора о том, когда он увидит мать, она бы просто не выдержала.

Карин похоронили публично, хотя и гораздо менее пышно, чем при более спокойных обстоятельствах. Уже во второй раз за этот год Грегору пришлось подносить огонь к прощальному костру. Форкосиган попросил Корделию помочь мальчику держать факел (надо сказать, что ей самой эта честь представлялась совершенно излишней — после того, что она сделала с дворцом). Грегор крепко цеплялся за ее руку.

— А меня они тоже убьют? — шепотом спросил он. В вопросе звучал не страх, а только мрачное любопытство. Отец, дед, мать — этот ребенок потерял за один год всех. Неудивительно, что он чувствовал себя под угрозой, хоть и не слишком хорошо понимал, что такое смерть.

— Нет, — твердо ответила она, сжимая его плечико. — Я им не позволю.

Да простит ее Господь — это пустое уверение почему-то успокоило его.

«Я буду заботиться о твоем мальчике, Карин», — пообещала Корделия, когда пламя взметнулось вверх. Эта клятва была гораздо более ценной, чем любые прощальные дары, брошенные в костер, потому что неразрывно привязала ее к этой жестокой планете. Жар от огня почему-то немного умерил неотступную головную боль.

Душа Корделии походила на измученную улитку, спрятавшуюся в раковину оцепенения. Весь остаток церемонии она двигалась, как автомат, лишь изредка подмечая, насколько бессмысленно все происходящее. Барраярские форы кланялись ей в этот день особенно низко.

«Наверное, решили, что лучше не дразнить такую опасную психованную бабу...» Но тут до нее внезапно дошло, что эта преувеличенная любезность говорит об искреннем уважении!

От такого открытия Корделия рассвирепела. Вся отвага и выносливость Карин не принесли ей славы, кровавые роды леди Форпатрил были приняты как должное, но стоит только отрубить башку какому-то идиоту — и ты становишься знаменитостью! О Господи!

По возвращении домой Форкосигану пришлось чуть ли не целый час успокаивать ее — с Корделией случилась форменная истерика. Но он стойко выдержал все.

— Ты собираешься как-то этим воспользоваться? — спросила она, затихнув от усталости. — Этим моим... новым статусом?

— Я готов воспользоваться чем угодно, — негромко ответил он, — лишь бы это помогло мне через пятнадцать лет посадить Грегора на трон ответственным и компетентным правителем. Я буду пользоваться тобой, собой — всем, чем понадобится. Было бы невыносимо заплатить так дорого и потерпеть неудачу.

Корделия вздохнула и вложила пальцы в его руку.

— В случае катастрофы можешь пожертвовать и тем, что от меня осталось. Так принято на Бете. Копейка к копейке...

Эйрел беспомощно улыбнулся. Стоя лицом к лицу, они на секунду прижались лбами, словно поддерживая друг друга.

— ...проживет семейка.

Ее мысленная клятва на похоронах превратилась в реальность, когда они с Эйрелом, как супружеская пара, решением Совета графов были официально назначены опекунами Грегора. Почему-то опекунство было юридически отделено от регентства. Премьер-министр Фортела прочел Корделии длинную лекцию о том, что ее новая должность не дает ей никаких прав на вмешательство во внешнюю или внутреннюю политику. Ей поручалось управлять родовыми владениями графов Форбарра, не входившими в собственность империи, а также заведовать прислугой Грегора и его образованием.

— Но, Эйрел, — сказала пораженная Корделия, — Фортела специально подчеркнул, что у меня нет никакой политической власти.

— Фортела... не всеведущ. Давай просто скажем, что он подразумевал лишь формы власти, которые держатся на силе. Да и возможности твои не так уж широки: в возрасте двенадцати лет Грегор отправится в подготовительную школу при Академии.

— Но разве они не понимают?..

— Я понимаю. И ты. Этого достаточно.

ГЛАВА 20

Одним из первых своих распоряжений Корделия снова приставила Друшикко к Грегору, чтобы мальчик не терял эмоциональной связи с прошлым. Но и сама она вовсе не собиралась отказываться от общества девушки, к которой глубоко привязалась. К тому же, вняв наконец настойчивым уговорам Иллиана, Эйрел перебрался в императорский дворец, так что никаких препятствий для ежедневных встреч не было. И уж совсем хорошо стало у Корделии на душе, когда лейтенант Куделка и Друшикко объявили о своей предстоящей свадьбе, которую решено было сыграть через месяц после Зимнепраздника.

Корделия предложила себя в качестве свахи, но почему-то Ку и Дру в один голос поспешно отказались от ее услуг, хотя и горячо благодарили. Смирившись перед непостижимыми тонкостями барраярских обычаев, Корделия уступила эту роль опытной даме, которую наняли молодые люди.

Корделия часто виделась с Элис Форпатрил — теперь они навещали друг друга запросто, без церемоний. Маленький Айвен хоть и не мог пока стать поддержкой для матери, но занимал ее мысли, пока она медленно приходила в себя после перенесенных потрясений. Он быстро рос, хотя и был слишком капризен — Корделия быстро поняла, что это реакция на беспрестанное кудахтанье матери. Айвену не помешала бы пара-тройка братьев и сестер, решила Корделия, глядя, как Элис позволяет сыну карабкаться себе на плечо и прыгать оттуда. Прекрасная вдова уже сейчас предавалась мечтам, как юный лорд с блеском выдержит вступительные экзамены в Императорскую военную академию.

Но, увидев фотографию свадебного платья Друшикко, леди Форпатрил разом позабыла и о своем трауре, и о разработке мельчайших деталей грядущей карьеры Айвена.

— Нет, нет, ни в коем случае! — воскликнула она, в ужасе отшатываясь. — Столько кружев — ты будешь похожа на взлохмаченного белого медведя. Шелк, милочка, волны струящегося шелка — вот что тебе нужно.

С этой минуты Элис уже не могла остановиться. Не имевшая ни матери, ни сестер Друшикко не нашла бы себе более опытного консультанта для подготовки к свадьбе. Кончилось тем, что леди Форпатрил включила сделанное по ее эскизу платье в список своих свадебных подарков. Кроме него, там значился «скромный летний домик», оказавшийся на деле просторным коттеджем на западном побережье. Настанет лето — и мечта Дру исполнится: они с Куделкой окажутся вдвоем на берегу моря. Корделия усмехнулась и купила девушке ночную рубашку и пеньюар с таким количеством кружевных воланов,

что они удовлетворили бы и самую изголодавшуюся по кружевам душу.

Лорд-регент предоставил для свадьбы Пурпурный зал императорского дворца. Этим он убивал двух зайцев — порадовал молодых и избавил от лишних забот службу безопасности, поскольку лорд и леди Форкосиган должны были присутствовать на свадьбе в числе главных свидетелей. Корделия подумала, что, если ведомство Иллиана занимается подготовкой свадьбы — это добрый знак.

Просмотрев список гостей, Эйрел улыбнулся:

— Ты заметила, — сказал он Корделии, — что тут представлены все классы? Год назад такой прием был бы невозможен. Сын бакалейщика и дочь рядового. Они оплатили свой праздник кровью, но, может быть, в дальнейшем такого можно будет добиться и мирными успехами. Медицина, образование, техника, предпринимательство... Не устроить ли нам прием для библиотекарей?

— А эти ужасные ведьмы, жены приятелей твоего отца, не будут возмущаться из-за чрезмерного прогрессизма?

— Когда нас поддержит Элис Форпатрил? Не посмеют.

Приготовления покатились, как снежный ком. Еще за неделю до торжества Ку и Дру охватила паника, и они уже начали всерьез подумывать, не спастись ли им бегством от своих слишком рьяных помощников. Но это намерение осталось неосуществленным. Главная дворцовая экономка летала по залам и коридорам, радостно повторяя:

— Подумать только, а я-то боялась, что с переездом адмирала у нас тут будут обедать только эти зануды из Главного штаба!

Наконец наступил желанный день и час. В Пурпурном зале, на узорном паркете, выложили большой круг из крашеного зерна, а вокруг него — звезду с четырьмя лучами по числу родителей и главных свидетелей. По барраярскому обычаю, брак считается заключенным после того, как жених и невеста произнесут обеты, стоя посередине круга. Ни священника, ни судьи не требовалось, а на тот случай, если кто-нибудь из молодых забудет слова, была предусмотрена должность специального свадебного суф-

лера. А если переволновавшаяся пара забудет, куда следует ступать, на помощь должен был прийти приставленный к каждому друг, проводив своего подопечного на должное место. Такой свадебный обряд показался Корделии чрезвычайно практичным — и к тому же это великолепное торжество.

Улыбающийся Эйрел указал Корделии на отведенный ей луч звезды и занял свой. Леди Форпатрил настояла, чтобы Корделия сшила себе новое платье, расцветка и покрой которого как нельзя лучше гармонировали с красно-синим дворцовым мундиром Эйрела. Взволнованный и гордый отец невесты, тоже в красно-синем, занял еще один луч. Как ни странно, именно военные, которых Корделия всегда считала косными и сверх меры приверженными к иерархии, оказались во главе движения к равенству. Эйрел называл это подарком цетагандийцев — их вторжение способствовало продвижению по службе самых храбрых и талантливых, в какой бы семье они ни родились. Волны этих перемен до сих пор расходились кругами по всему барраярскому обществу.

Сержант Друшикко оказался совсем не таким высоким и плечистым, как ожидала Корделия. Благодаря то ли генам матери, то ли лучшей еде все дети сержанта были заметно выше отца. Три брата, в чинах от капитана до капрала, получили увольнения, чтобы присутствовать на свадьбе сестры, и теперь стояли в большом внешнем круге среди других свидетелей, рядом с взволнованной младшей сестрой Куделки. Матушка лейтенанта, улыбавшаяся сквозь слезы, стояла на четвертом луче звезды. На ней было синее платье очень красивого оттенка. Корделия даже заподозрила, что неугомонной Элис Форпатрил удалось каким-то образом добраться и до нее.

Куделка вошел первым, опираясь на свою трость в новых ножнах и на руку сержанта Ботари. Ботари нарядился в самый парадный вариант ливреи графа Петера и развлекал своего молодого друга, нашептывая ему на ухо всякие глупости вроде: «Если вас сильно затошнит, лейтенант, нагните голову пониже». От одной этой мысли

Ку позеленел, что совершенно не подходило к его красно-синему мундиру.

Все головы дружно повернулись ко входу.

«О Боже!»

Элис Форпатрил не ошиблась в выборе платья. Друшикко грациозно вплыла в зал, стройная и сияющая, как яхта под парусами: кремовый шелк, золотистые волосы, голубые глаза, белые, синие и красные цветы... Она встала рядом с Куделкой, и все увидели, как он высок и статен. Леди Форпатрил, проводив невесту до внутреннего круга, отпустила ее руку тем жестом, каким богиня-охотница выпускает белого сокола.

Молодые ухитрились произнести обеты, ни разу не заикнувшись и не потеряв сознания, и даже сумели скрыть смущение, произнося вслух свои нелюбимые имена: Клемент и Люймилла.

(«Мои братья звали меня «Люй», — призналась Друшикко Корделии накануне, — и рифмовали с «плюй». И с другими противными словами».

«Для меня ты всегда будешь Дру», — пообещал Куделка.)

Обряд завершился. Эйрел, на правах старшего свидетеля, разорвал круг одним движением ноги и вывел новобрачных. Теперь можно было переходить к музыке, танцам, еде и питью.

Стол ломился от яств, на хорах играли лучшие музыканты, а количество и разнообразие напитков было поистине барраярским. Бокалы наполнили лучшим вином из погребов графа Петера. После первого тоста Корделия подошла к Ку и сообщила ему на ухо кое-какие научно подтвержденные сведения относительно влияния этанола на половую функцию. Подумав, Ку перешел на минеральную воду.

— Ты жестокая женщина, — улыбнувшись, прошептал ей на ухо Эйрел.

— Просто я забочусь о Дру, — так же тихо отозвалась она.

Чему Корделия была очень рада, так это возможности перекинуться несколькими словами с Ботари. С тех пор

как Форкосиган-младший поселился отдельно от отца, она лишь изредка виделась с сержантом.

— Ну, как дела у Элен — теперь, после возвращения? А мистрис Хисопи — она уже пришла в себя?

— Обе здоровы, миледи. — Ботари кивнул и почти улыбнулся. — Я был у них пять дней тому назад, когда граф Петер ездил проведать своих лошадей. Элен... э-э... ползает. Стоит на минуту отвернуться, а она уже в другом конце комнаты. — Он нахмурился. — Надеюсь, Карла Хисопи будет внимательно смотреть за ней.

— Она благополучно провела Элен через Фордариано-ву войну, значит, с ползанием она справится не хуже. Отважная женщина. Ей следовало бы дать медаль.

Ботари наморщил лоб:

— Не думаю, чтобы это было для нее так уж важно.

— И я тоже не думаю. Надеюсь, она знает, что может обращаться ко мне, если ей что-то понадобится. В любое время.

— Да, миледи. Но пока у нас все в порядке. — В его словах прозвучало что-то вроде гордости. — Зимой в Форкосиган-Сюрло очень тихо. И чисто. Самое подходящее место для маленького ребенка.

Корделия почти услышала, как он мысленно добавил: «Не то что караван-сарай...»

— Я хочу, чтобы у нее было все как положено, — продолжал Ботари. — Даже отец.

— А вы как?

— Новое лекарство лучше прежних. И мне больше не кажется, что голова набита ватой. И ночами я сплю. А приносит ли оно еще какую-нибудь пользу — не знаю.

Корделия полагала, что польза есть — сержант выглядел уравновешенным и спокойным, он почти утратил свою угрожающую напряженность. И все равно именно Ботари первым из присутствующих посмотрел в сторону столов и спросил:

— Разве ему еще не пора спать?

Одетый в пижаму Грегор крался вдоль края стола, надеясь, прежде чем его заметят и выставят вон, набить

оба кармана разными лакомыми кусочками. Корделия добралась до императора первой, а уж за ней подоспели запыхавшаяся горничная и перепуганный охранник, которые в этот день заменяли Друшикко. За ними следом бежал бледный как полотно Саймон Иллиан. Когда над Грегором нависли пыхтящие взрослые, он спрятался за юбкой Корделии.

Друшикко, заметившая, как Иллиан дотронулся до своего наручного комма, побледнел и куда-то устремился, в силу привычки мгновенно очутилась рядом с ним.

— Что случилось?

— Как он улизнул? — зарычал Иллиан, наступая на горничную и охранника. Те залепетали что-то невнятное о том, что «мы думали, что он уснул» и «не сводили с него глаз».

— Он не улизнул, — ядовито вмешалась Корделия. — Это — его дом. Он должен иметь возможность свободно перемещаться по своему жилью — иначе зачем тогда держать на стенах такую кучу охранников?

— Друши, можно мне побыть на твоей свадьбе? — взмолился Грегор, отчаянно пытаясь отыскать авторитет посильнее Иллиана.

Друшикко посмотрела на своего начальника. Тот досадливо нахмурился. Не дав ему раскрыть рта, Корделия решила вопрос:

— Да, можно.

В итоге император потанцевал с новобрачной, съел три пирожных с кремом и, довольный, был унесен в постель. А вечер покатился дальше, набирая обороты веселья.

— Танцуете, миледи? — с надеждой спросил Эйрел у Корделии.

Решится ли она попробовать? Оркестр играл медленный танец отражений — надо полагать, она сумеет не сбиться. Корделия кивнула, и Эйрел, осушив бокал, вывел ее на вощеный паркет. Шаг, поворот, взмах руки... Сосредоточившись, она сделала неожиданное и очень интересное открытие: вести в этом танце мог любой из партнеров, и если оба были внимательны и быстро реагировали, то со сторо-

ны не замечалось никакой разницы. Она попробовала несколько собственных поворотов и приседаний — и Эйрел ловко ей подыграл. Они перекидывали инициативу, как теннисный мячик, и игра становилась все интереснее — пока не кончилась музыка и силы.

На улицах Форбарр-Султана уже таял последний снег, когда капитан Вааген позвонил Корделии из госпиталя.

— Пора, миледи. Я сделал все, что можно было сделать in vitro. Плаценте уже десять месяцев, и она явно стареет. И компенсировать это с помощью репликатора больше нельзя.

— Ну так когда?

— Хорошо бы завтра.

В ту ночь она почти не спала. На следующее утро вся семья отправилась в Императорский госпиталь: Эйрел, Корделия, граф Петер в сопровождении Ботари... Корделия была не в восторге от присутствия свекра, но ничем не выдала своих чувств, памятуя, что худой мир лучше доброй ссоры. Иного выхода просто не было — пока старик не соизволит помереть, ей от него не избавиться. Их вражда огорчает Эйрела — так пусть по крайней мере вина за это лежит на Петере, а не на ней.

«Делай, что хочешь, старик. Твое будущее могу тебе подарить только я. Мой сын поднесет факел к возжиганию в твою память».

А вот Ботари она очень обрадовалась.

Лаборатория Ваагена занимала целый этаж в новом здании исследовательского комплекса. Корделия переместила его из старой лаборатории, чтобы капитана не мучили воспоминания: в один из своих первых визитов после возвращения в Форбарр-Султан она нашла Ваагена чуть ли не в слезах. Работать он не мог, объявив, что каждый раз, как входит в это помещение, перед глазами у него встает картина ужасной смерти доктора Генри. Даже самые тихие звуки заставляли Ваагена вздрагивать.

— Я же разумный человек, — хрипло пожаловался он. — Не думал, что подвластен глупым суевериям.

И Корделия помогла ему принести возжигание покойному на лабораторной горелке, а переезд замаскировала под повышение.

Новая лаборатория была светлой, просторной, и ничьи духи тут не витали. Прибытия Форкосиганов ожидала целая толпа заинтересованных медиков — акушеры, гинекологи, хирурги, включая доктора Риттера, будущий лечащий врач Майлза и его же хирург-консультант. Смена караула. Родителям понадобилось чуть ли не применить силу, чтобы пробиться поближе.

Вааген суетился, счастливый и важный. Он все еще не снял черной повязки, прикрывающей глаз, но пообещал Корделии, что в ближайшее время соберется сделать последнюю операцию. Техник вкатил маточный репликатор, и Вааген замешкался, словно решая, как облечь должной торжественностью то, что, как знала Корделия, было самым простым делом. Решив ограничиться небольшой лекцией для коллег, он подробно описал им состав гормонов и питательных веществ, вводимых в соответствующие трубки, растолковал показания приборов, обрисовал происходящее внутри репликатора отделение плаценты и охарактеризовал различия между репликаторными и естественными родами. Впрочем, о некоторых отличиях Вааген умолчал.

«На это следовало бы посмотреть Элис», — подумала Корделия.

Заметив, что она наблюдает за ним, Вааген смущенно замолчал и улыбнулся.

— Леди Форкосиган, — он указал на крышку репликатора, — не хотите ли взять честь на себя?

Она протянула руку, помедлила и обернулась к мужу.

— Эйрел?

Он шагнул вперед.

— Ты уверена, что я смогу?

— Если ты в состоянии откупорить консервную банку, то и это тоже можешь.

Оба взялись за запоры и одновременно отодвинули их, подняв герметичную крышку. Доктор Риттер шагнул впе-

ред и точным движением виброскальпеля рассек толстый войлочный слой питающих капилляров. Он высвободил крошечное существо из последнего слоя биологической упаковки, очистил ему рот и нос от жидкости перед первым изумленным вдохом. Обхватившая плечи Корделии рука Эйрела сжалась так сильно, что ей стало больно. Он судорожно сглотнул и поморгал, чтобы вернуть обычную сдержанность своему лицу, сияющему торжеством и болью.

«С днем рождения, — подумала Корделия. — Что ж, цвет у него вполне нормальный».

К сожалению, больше похвалиться было нечем. Контраст с младенцем Айвеном был потрясающий. Несмотря на дополнительные недели вынашивания — десять месяцев против нормальных девяти, — Майлз едва достигал половины роста Айвена при рождении. Тельце ребенка было скрюченным и сморщенным, позвоночник заметно деформирован, а подтянутые к животу ножки не желали разгибаться. Пол был мужской — вот тут сомневаться не приходилось. Но первый крик Майлза был тоненьким и слабым, совершенно не похожим на гневный голодный вопль Айвена. Корделия услышала, как за ее спиной разочарованно фыркнул граф Петер.

— Он получал достаточно питания? — спросила она у Ваагена, с трудом удерживаясь, чтобы не повысить голос.

Вааген беспомощно пожал плечами:

— Столько, сколько мог усвоить.

Педиатр и хирург положили Майлза под согревающую лампу и начали осмотр. Корделия и Эйрел стояли по обе стороны от них.

— Этот изгиб распрямится сам собой, миледи, — указал педиатр, — но нижнюю часть позвоночника надо прооперировать как можно раньше. Вы были правы, Вааген — процедура для максимального развития черепа запаяла бедренные суставы. Вот почему ноги закрепились в таком положении, милорд. Операция освободит кости, но до этого он не сможет ни ползать, ни ходить. Я не рекомендую делать эту операцию в первый год жизни, пусть ребенок сначала окрепнет и наберет вес...

Хирург, проверявший ручки младенца, вдруг чертыхнулся и схватился за медсканер. Майлз тихо мяукнул. У Корделии оборвалось сердце.

— Дьявольщина! — сказал хирург. — У него сломано предплечье. Вы правы, Вааген, кости у ребенка ненормально хрупкие.

— По крайней мере, они у него есть, — вздохнул Вааген. — Был момент, когда мне казалось, что их не будет.

— Будьте осторожны, — сказал хирург, — особенно с головой и позвоночником. Если остальные кости такие же плохие, придется придумать какие-то средства...

Граф Петер повернулся и зашагал к двери. Эйрел стиснул зубы и, извинившись, последовал за отцом. Сердце Корделии разрывалось на части, но, убедившись, что на ручку уже наложили иммобилизатор и что теперь врачи будут поосторожнее, она оставила их и пошла за Эйрелом.

Разъяренный граф метался по коридору; сын стоял перед ним, напряженный и натянутый как струна. Сержант Ботари безмолвным свидетелем маячил на заднем плане.

Граф заметил ее.

— Ты! Ты меня водила за нос. И это ты называешь «прекрасным лечением»? Ха!

— Лечение и в самом деле было прекрасным. Майлз, несомненно, в гораздо лучшем состоянии, чем был. Никто не гарантировал нам безупречного ребенка.

— Ты лгала! И этот проклятый лекарь тоже лгал!

— Нет, — возразила Корделия. — Я пыталась вам точно рассказывать о ходе экспериментов Ваагена. Он достиг того, что обещал.

— Я знаю, чего ты добиваешься, — но это не пройдет! Я только что сказал ему, — он ткнул пальцем в сторону Эйрела, — что с меня довольно. Я больше не желаю видеть этого мутанта. Никогда. Пока он жив — если он будет жить, а он кажется мне довольно хилым, — не приводите его к моим дверям. Бог свидетель, я не позволю делать из меня дурака.

— Это совершенно излишне, — огрызнулась Корделия.

Граф ощетинился, но решил не ронять свое достоинство спором с безродной инопланетянкой и опять повернулся к сыну:

— А ты, ты — безвольная тряпка... Если бы твой старший брат был жив...

Он резко оборвал свою речь — но было уже поздно.

Лицо Форкосигана-младшего стало серым. Такое Корделия видела только дважды — и оба раза он был готов на убийство.

Заложив руки за спину, Эйрел с силой переплел пальцы. Корделия заметила, что они побелели и дрожат. Вскинув голову, он шепотом проговорил:

— Если бы мой брат был жив, он был бы безупречен. Вы так считали, я так считал, и император Ури тоже так считал. И вот вам пришлось довольствоваться объедками с кровавого пиршества, сыном, которого не заметили убийцы Ури Безумного. Мы — Форкосиганы, мы умеем обходиться малым. — Он заговорил еще тише. — Но мой первенец будет жить. Я не подведу его во второй раз. Второго шанса вы не получите, сэр.

Стиснутые за спиной руки разжались. Чуть заметным движением головы он как бы отмел и отца, и все те слова, которые тот мог бы сказать.

Вторично потерпев поражение и явно страдая из-за своей промашки, граф искал, на ком бы выместить все свое возмущение и обиду. Взгляд его упал на Ботари, невозмутимо наблюдавшего за происходящим.

— И ты здесь! Ты тут с самого начала замешан. Ты шпионил за мной в пользу моего сына? Кому принадлежит твоя верность? Ты подчиняешься мне или ему?

В глазах Ботари вспыхнул странный огонек. Он склонил голову в сторону Корделии:

— Ей.

Старик так изумился, что даже не сразу обрел дар речи.

— Прекрасно! — выдавил он наконец. — Пусть она тебя и получит. Чтоб я больше не видел твоей физиономии. В мой дом не возвращайся. Эстергази доставит тебе твои пожитки еще до темноты.

Граф резко повернулся и зашагал прочь. Но весь драматизм ухода был непоправимо нарушен тем, что он, не выдержав, оглянулся, прежде чем повернуть за угол.

Эйрел устало вздохнул.

— Ты считаешь, он на этот раз серьезно? — спросила Корделия. — Это его «никогда в жизни»?

— Государственные дела вынудят нас общаться, и он это знает. Пусть посидит дома и насладится тишиной. А там посмотрим. — Он невесело улыбнулся: — Пока мы живы, покинуть поле боя невозможно.

— Похоже, что так. — Она виновато посмотрела на Ботари. — Извините, сержант. Я и не знала, что граф может выгнать своего вассала, принесшего клятву верности.

— На самом деле не может, — объяснил Форкасиган. — Ботари просто перевели на службу другой ветви нашей семьи. К тебе.

«Именно то, о чем я всегда мечтала, — свое собственное чудовище. Только вот что с ним делать — держать в шкафу?» Корделия задумчиво потерла переносицу, потом посмотрела на свою руку. Руку, которая лежала на руке Ботари, сжимавшей рукоять шпаги. Так. И так.

— Лорду Майлзу понадобится телохранитель, правда?

Эйрел с интересом наклонил голову:

— Конечно, дорогая.

На лице Ботари вдруг отразилась такая напряженная надежда, что у Корделии перехватило дыхание.

— Телохранитель, — запинаясь, проговорил он, — и защитник. Никакие подонки не смогут его обидеть, если... вы разрешите мне помочь, миледи.

— Это будет... — «немыслимо, глупо, опасно, безответственно», — ... прекрасно, сержант.

Его лицо осветилось, словно вышло солнце.

— Мне можно приступить сейчас?

— Почему бы и нет?

— Тогда я буду дожидаться вас там. — Ботари кивнул в сторону лаборатории и проскользнул в дверь. Корделия зримо представила, как он стоит, прислонившись к стене, сама бдительность... Надо надеяться, что его злобная

физиономия не напугает врачей до такой степени, что они уронят своего хрупкого пациента.

Эйрел обнял жену.

— У вас, бетанцев, есть сказки о ведьмах, которые делают детям волшебные подарки?

Она приникла щекой к его мундиру.

— Не знаю, преподнес ли твой отец Ботари в качестве благословения или проклятия. Но зато я уверена, что сержант никому не позволит обидеть Майлза. Никому. Какие странные подарки получил наш цыпленок.

Они вернулись в лабораторию и внимательно выслушали окончание лекции о потребностях и неудачах Майлза, согласовали сроки первых процедур и потеплее закутали малыша, чтобы везти домой. Он был такой крошечный, такой невесомый, что Корделия испытала мгновенный приступ паники, впервые взяв сына на руки и баюкая этот хрупкий комочек.

«Верните его в репликатор еще лет на восемнадцать, мне такое не по силам...»

Дети могут и не быть благословением, но сотворить их, а потом подвести — это значит навлечь на себя проклятие. Даже Петер это понимает. Эйрел распахнул перед ними дверь.

«Добро пожаловать на Барраяр, сынок. Войди в этот странный мир — мир богатства и нищеты, взрывных перемен и незыблемых традиций. Родись — и еще раз родись. Получи имя (а «Майлз» означает «солдат»), но не позволяй ему стать твоим предопределением. Получи искалеченное тело — в обществе, где ненавидят мутации и презирают калек. Получи титул, богатство, власть — и всю ненависть, которая им сопутствует. Получи бесконечные операции и процедуры. Унаследуй целый сонм друзей и врагов, которых нажил не ты. Получи деда, выходца из преисподней. Терпи боль, найди радость, отыщи свой собственный смысл — потому что Вселенная его тебе не подарит. Будь движущейся мишенью — но живи. Живи. Живи».

ЭПИЛОГ

Форкосиган-Сюрло. Пять лет спустя

— Чертов Вааген, — бормотала на бегу Корделия. — Даже не предупредил, что этот сорванец будет таким подвижным.

Она промчалась по лестнице, пересекла кухню и выбежала на террасу. Быстро осмотрела лужайки, рощу, скользнула взглядом по длинному озеру, сверкавшему под летним солнцем. Нигде никого.

Из-за угла показался Эйрел в старых форменных брюках и линялой рубашке. Заметив Корделию, он недоуменно развел руками.

— Там его нет.

— В доме тоже. Как ты думаешь, куда он мог удрать — наверх или вниз? Где маленькая Элен? Держу пари, он там же, где она. Я запретила ему спускаться к озеру без взрослых, но уж не знаю...

— Вряд ли они на озере, — сказал Эйрел. — Они и так все утро плавали. Я специально засек время: за пятнадцать минут он пятнадцать раз умудрился взобраться на причал и спрыгнуть вниз. Помножь это на три часа.

— Значит, наверху, — решила Корделия, и они поплелись в гору по усыпанной гравием дорожке. — И подумать только, — задыхаясь пробормотала Корделия, — я молилась, чтобы он поскорее научился ходить!

— Ничего удивительного — пять лет его энергия была скована, а теперь вырвалась на свободу, — серьезно объяс-

нил Эйрел. — Хорошо, что она нашла выход, а не превратилась в отчаяние. Какое-то время я этого боялся.

— Да. Ты заметил, что после последней операции он стал меньше болтать? Сначала я обрадовалась... Но тебе не кажется, что он становится немым? Я даже не знала, что тот морозильный элемент можно разобрать. Немой инженер...

— Мне кажется... э-э... двигательные и речевые способности в конце концов уравновесятся. Если он останется жив.

— Нас, взрослых, так много, а он один. Казалось бы, мы должны за ним поспевать. Почему же у меня такое чувство, что на его стороне численное превосходство и мы окружены? — Они поднялись на вершину холма. Внизу, в ложбине, виднелся конный завод графа Петера — пять зданий, выкрашенных красным, огороженные загоны, пастбища, засеянные сочной травой, вывезенной со Старой Земли. Сержант Ботари опередил их — он уже выходил из одного здания, направляясь в другое. До них донесся его зычный крик, чуть приглушенный расстоянием:

— Лорд Майлз?!

— О Боже, только бы он не вспугнул лошадей, — сказала Корделия. — Надеюсь, на этот раз обойдется без скандала — хотя бы потому, что Майлз наконец ходит.

— Вчера за ужином он был предельно вежлив, — с надеждой заметил Эйрел.

— Вчера за ужином я вела себя вежливо, — пожала плечами Корделия. — А он чуть ли не обвинил меня в том, что я морю голодом твоего сына, и поэтому, мол, он так и останется карликом. Я что, виновата, что мальчишка предпочитает ковыряться в тарелке? А пичкать его гормоном роста я все-таки побаиваюсь. Вааген настолько туманно высказался относительно того, как это может повлиять на прочность костей...

Эйрел грустно улыбнулся.

— По-моему, диалог с горошинами, подбиравшимися к рогалику, чтобы взять его в осаду и заставить сдаться, был просто гениальным. Так и видишь их императорскими солдатиками в зеленых мундирах.

— Да, а от тебя вообще помощи никакой, сидел и смеялся, вместо того, чтобы заставить его есть, как положено отцу.

— Я не смеялся.

— У тебя глаза смеялись. И он это видел. Веревки из тебя вьет.

Около конюшен пахло лошадьми и, увы, неизбежными побочными продуктами. Ботари виновато взмахнул рукой.

— Я только что видел Элен. Велел ей слезть с сеновала. Она сказала, что лорда Майлза там нет, но он где-то поблизости. Извините, миледи: когда он сказал, что пойдет посмотреть на животных, я не понял, что он хочет сделать это немедленно. Уверен, я найду его через пару минут.

— Я надеялась, что его светлость сам поведет нас на экскурсию, — вздохнула Корделия.

— А мне казалось, ты не любишь лошадей, — заметил Эйрел.

— Терпеть не могу. Но я думала, это заставит старика говорить с Майлзом как с человеком, а не смотреть поверх него, словно это фикус в горшке. Майлз так перевозбужден из-за этих идиотских зверюг... Пойдем отсюда. Здесь все такое... петеровское.

«Архаичное, опасное, непредсказуемое».

Легок на помине, граф Петер тут же вышел из старинного каменного здания, где хранилась упряжь, сворачивая на ходу какую-то веревку.

— А, вот вы где, — бросил он без всякого выражения, но достаточно охотно присоединился к ним. — Не думаю, чтоб вам очень хотелось посмотреть на новую кобылку.

Голос графа звучал так ровно, что Корделия не могла определить, что он хочет услышать: «да» или «нет». Все же она решила не упускать возможность:

— Уверена, Майлз будет просто в восторге.

— М-м.

Она повернулась к Ботари:

— Почему бы вам...

Но Ботари в ужасе смотрел куда-то мимо нее. Она стремительно повернулась.

Один из самых крупных жеребцов Петера — настоящее чудовище, — без седла и без поводьев, выходил из сарая. К его холке, как репей, прилип крошечный темноволосый мальчуган. Он вцепился в гриву, и его заостренное личико сияло от смеси восторга и ужаса. Корделия чуть не упала в обморок.

— Мой привозной жеребец! — в ужасе возопил граф.

Чисто рефлекторно Ботари выхватил из кобуры парализатор — и замер, не зная, куда целиться. Если лошадь упадет и придавит маленького наездника...

— Смотрите, сержант! — раздался радостный голосок Майлза. — Я выше вас!

Ботари кинулся к нему. Лошадь испуганно всхрапнула и перешла на галоп.

— ...и бегаю быстрее! — донеслись до них слова, разбиваемые глухим стуком копыт. Лошадь скрылась за конюшней.

Четверо взрослых бросились следом. Криков больше не было слышно, но когда они вылетели из-за угла, Майлз лежал на земле. Лошадь стояла поодаль и равнодушно пощипывала траву. Заметив людей, она недружелюбно фыркнула, ударила копытом и вернулась к первоначальному занятию.

Корделия упала на колени рядом с сыном, но он уже сам садился, отмахиваясь от матери. Майлз побледнел от боли, но явно ни в чем не раскаивался.

— Видите, сержант? — пропыхтел он. — Я могу ездить верхом, могу!

Петер с интересом посмотрел на ребенка.

— Я не говорил, что вы не сумеете, — расстроенно сказал Ботари. — Я говорил, что вам нельзя.

— А-а...

— Сломали? — Ботари кивнул на руку.

— Угу, — вздохнул мальчик. На глазах у него выступили слезы, но он стиснул зубы, чтобы не дать голосу дрогнуть.

Ворча, сержант закатал ему рукав и пощупал предплечье. Майлз застонал.

— Ага. — Ботари что-то потянул, повернул, выровнял, извлек из кармана пластиковую манжету-фиксатор и надел на сломанную руку. — Ну вот, теперь подождем прихода доктора.

— А не лучше ли... э-э... привязать эту мерзкую лошадь? — спросила у графа Корделия.

— И вовсе она не мерзкая, — возразил Майлз, поднимаясь на ноги. — Она самая красивая.

— Вот как? — быстро спросил граф Петер. — А почему ты так думаешь? Тебе нравится все коричневое, да?

— Она скачет лучше других, — серьезно объяснил Майлз и подпрыгнул, пытаясь изобразить, как именно скачет лошадь.

Граф Петер смотрел на внука с возрастающим интересом.

— Так оно и есть, — озадаченно протянул он. — Он у нас фаворит. Тебе понравились лошади?

— Они великолепные! Чудесные! — Майлз сделал пируэт.

— А твоего отца я так и не смог заинтересовать ими. — Граф Петер с обидой посмотрел на Эйрела.

«Слава Богу», — подумала Корделия.

— Спорим, на лошади я мог бы ехать так же быстро, как все, — сказал Майлз.

— Сомневаюсь, — холодно ответил старик, — если судить по тому, что мы только что видели. Что делаешь — делай хорошо.

— Научите меня, — тут же попросил Майлз.

Брови графа взметнулись вверх. Он взглянул на Корделию и улыбнулся.

— Если мама разрешит.

Корделия вовремя прикусила язык, чтобы не сказать: «Только через мой труп». Она стремительно соображала. Эйрел выразительно посмотрел на нее. Вот только что он имеет в виду? Может, старый граф задумал очередное покушение на своего внука? Хочет, чтобы он разбился, чтобы его затоптали, сломали... изувечили?

Что выбрать — риск или безопасность? Уже несколько месяцев, с тех пор как Майлз наконец обрел способность нормально двигаться, ее мучили страхи. Она все время пыталась уберечь его от травм, а он словно задался целью принести себе максимальный вред. Еще немного, и кто-то из них сойдет с ума: или мать, или сын.

Ну что ж, если ей не удается удерживать его, тогда пусть учится преодолевать трудности. Ведь плавать он уже научился. В огромных серых глазах Майлза застыла мольба: «Разреши, разреши, разреши...» В этом отчаянном послании было столько энергии, что оно прожгло бы и броню.

«Я готова сражаться за тебя со всем миром, но будь я проклята, если знаю, как спасти тебя от самого себя. Вперед, малыш».

— Хорошо, — сказала она, — только пусть сержант за ним присматривает.

Ботари в ужасе уставился на нее. Эйрел потер подбородок — глаза его искрились. Граф Петер казался совершенно ошарашенным — такого он не ожидал.

— Ура! — завопил Майлз. — У меня будет собственная лошадь? Можно, моя будет вот эта?

— Еще чего! — возмутился граф. Потом нехотя добавил: — Может, пони.

— Лошадь! — отозвался Майлз, внимательно наблюдая за дедом.

Корделия сразу узнала Режим Молниеносного Натиска — насколько она могла судить, это была совершенно инстинктивная реакция, включавшаяся при малейшей, едва заметной уступке партнера. Малышу надо бы поручить переговоры с цетагандийцами. Интересно, сколько лошадей он в конце концов выторгует.

— Пони, — сказала она, приходя на помощь графу, который еще не догадывался, насколько сильно будет нуждаться в помощи. — Спокойный пони. Спокойный низенький пони.

Граф Петер поджал губы и с вызовом посмотрел на нее.

— Может быть, я и разрешу тебе сесть на лошадь, — сказал он Майлзу. — Только после того, как выучишься держаться в седле.

— А можно мне начать прямо сейчас?

— Сначала надо показать доктору твою руку, — решительно сказала Корделия.

— Но ведь не обязательно ждать, пока она заживет, а?

— Нет, обязательно! Будешь знать, как ломать что попало!

Граф смотрел на Корделию из-под полуопущенных век:

— Вообще-то, по правилам, обучение выездке начинается на корде. Руками пользоваться не разрешается, пока не научишься правильной посадке.

— Да ну? — Майлз жадно ловил каждое слово. — А что еще?..

Корделия ушла на поиски личного врача, который всегда сопровождал бродячий цирк, то есть, прошу прощения, семейство лорда-регента. Граф тем временем изловил своего жеребца и начал объяснять Майлзу, как обычную веревку превратить в поводья, с какой стороны подходить к лошади и как управлять ею. Малыш — едва по пояс старику — впитывал все как губка, его обращенное кверху личико выражало страстную сосредоточенность.

— Хочешь пари, кто у кого будет ходить на поводу через неделю? — прошептал ей на ухо Эйрел.

— Силы слишком неравные. Надо сказать, за те месяцы, что Майлз провел неподвижно в проклятом позвоночном корсете, он научился просто очаровывать окружающих. Самый эффективный способ добиваться своего. Я счастлива, что он предпочел именно это, а не нытье, например. Более властного чудовища я в жизни не встречала — но он ухитряется вести себя так, что этого даже не замечаешь.

— Думаю, у отца нет шансов на выигрыш, — согласился Эйрел.

Корделия улыбнулась представившейся ей картине, а потом посмотрела на мужа.

— Как-то раз, когда мой отец вернулся из очередной астроэкспедиции, мы вместе делали модели планеров. Чтобы они взлетали, необходимо выполнить два условия. Сначала разогнать их, а потом отпустить. — Она вздохнула. — Научиться вовремя отпускать было самым трудным.

Граф Петер, лошадь, Ботари и Майлз скрылись за сараем. Майлз выстреливал вопросами как из пулемета.

Когда они повернулись, чтобы подняться на холм, Эйрел сжал ее руку.

— Я думаю, этот планер будет парить очень высоко, мой милый капитан.

МАЙЛЗ ФОРКОСИГАН-НЕЙСМИТ И ЕГО ВСЕЛЕННАЯ

Краткая хронология

Время	События	Книга хроники
Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза	Методами генной инженерии созданы квадди — существа, приспособленные к жизни в условиях невесомости...	*«В свободном падении»*
Во время бетано-барраярской войны	Прямой и честный, контр-адмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил Корделию Нейсмит. Враги, они полюбили друг друга. Супруги, они прошли сквозь ад, чтобы спасти Барраярскую империю от надвигающегося кошмара гражданской войны...	*«Осколки чести»*

Попытка дворцового переворота Фордариана	Императорский дворец захвачен заговорщиками. Дворцовый переворот грозит ввергнуть в кровавый хаос всю Барраярскую империю. Казалось бы, предотвратить кошмар невозможно... Но совершить невозможное ценой нечеловеческого усилия удается Корделии, которая во что бы то ни стало должна спасти своего сына Майлза, жестоко пострадавшего от ядовитого газа...	*«Барраяр»*
Майлзу 17 лет	Майлз Форкосиган, не сумевший из-за последствий газового отравления поступить в Императорскую военную академию, создает среди бесчисленных опасностей боевой флот Дендарийских наемников. Отныне вся Галактика будет с восторгом повторять его новое имя — имя адмирала Нейсмита, величайшего из героев космоса...	*«Ученик воина»*
Майлзу 20 лет	Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями...	*«Горы скорби»* из книги *«Границы бесконечности»*
	Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу... Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил безопасности...	*«Игра форов»*

Майлзу 22 года	Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похороны Императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому...	*«Цетаганда»*
	Доктор Этан Эркхарт с отдаленной планеты Эйтос со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куин, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форкосигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб...	*«Этан с планеты Эйтос»*
Майлзу 23 года	Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Барраяр гениального специалиста по генной инженерии...	*«Лабиринт»* из книги *«Границы бесконечности»*
Майлзу 24 года	На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетагандийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных...	*«Границы бесконечности»* из книги *«Границы бесконечности»*

Майлзу 24 года	Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комаррцы пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяр в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести клона на императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов...	*«Братья по оружию»*
Майлзу 25 лет	После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке, Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота...	*«Границы бесконечности»*
Майлзу 28 лет	Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей Галактике...	*«Танец отражений»*

Майлзу 29 лет	Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и трагическому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю...	*«Память»*
Майлзу 30 лет	Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...	*«Комарра»*

Содержание

Осколки чести 5
Барраяр 275
Майлз Форкосиган-Нейсмит
и его Вселенная 632

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте". Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ КНИГИ
ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальные серии "Всемирная история в лицах" и "Военно-историческая библиотека".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, К.Коултер, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Откровение", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву", "Классика любовного романа".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, Л.Буджолд, С.Лукьяненко, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны, Р.Шекли, М.Дрюона.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте», а также посетив фирменные магазины в Москве: Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898. **Арбат, д.12. Тел. 291-6101.**
Татарская, д.14. Тел. 959-2095. **Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.**
Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. **Луганская, д.7. Тел. 322-2822**

Эти книги вы можете приобрести за рубежом, заказав бесплатный каталог по адресам:

в США – 58 AVE O BROOKLYN NY, 11204, USA, ph.: 718-2346998
в Германии – EXPRESS KURIER GmbH, ZUNFTSTRASSE 26, 77694 Kehl-Marlen, ph.: 0180/5236210, 07854/966411
в Израиле – 2, MENAHEM STREET, HAIFA, ISRAEL, 33505, ph.: 04-8664969, ADAR

Литературно-художественное издание

Буджолд Лоис Макмастер

Осколки чести
Барраяр

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. А. Кудрявцев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 14.05.99.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 33,60.
Тираж 7000 экз. Заказ 702.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а.
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Лоис Макмастер Буджолд принадлежит своеобразный рекор
она удостоена ТРЕХ "Хьюго" за РОМАНЫ – успех, уступающ
лишь достижению Роберта Хайнлайна. И еще рекорд – все э
романы относятся к одному и тому же циклу – самому, пож
луй, популярному циклу в истории научной фантастики – ци
лу о Майлзе Форкосигане, циклу, который переведен на деся
ки языков и покорил миллионы читателей.

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могуще
ственных супердержав и долгих, жестоких войн. Вселенна
тонкой политической игры и изощренных придворных интр
И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из сам
запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлз
Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, при
дворного и, наконец, просто ГЕРОЯ.

Что же принесло славу Майлзе Форкосигане такой огромный успех и обеспечило такую популярность
Острый сюжет? Захватывающие приключения? Блестящий замысел, блестяще воплощенный в жизнь
Неукротимый юмор?

Прочитайте – и узнайте сами!!!

ISBN 5-237-02746-6